

А.САХАРОВ Е.БОННЭР

ДНЕВНИКИ 1

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А.САХАРОВ Е.БОННЭР

ДНЕВНИКИ 1

роман-документ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АНДРЕЙ САХАРОВ

собрание сочинений

составитель
елена боннэр

А.САХАРОВ Е.БОННЭР

Дневники [1]

роман-документ

МОСКВА
2006

ББК 63.3(2)

С22

**Издательство выражает благодарность
Анатолию Борисовичу Чубайсу
за поддержку в издании собрания сочинений**

дизайн, оформление

Валерий Калныньш

Андрей Сахаров, Елена Боннэр

С22 Дневники. Роман-документ. Т. 1. — М.: Время, 2006. — 944 с.; илл. —
(Собрание сочинений)

В первое собрание сочинений академика Андрея Дмитриевича Сахарова (1921–1989) входят «Воспоминания» (в трех томах), сборник статей, писем, выступлений и интервью «Тревога и надежда» (в двух томах), а также впервые публикующийся роман-документ «Дневники» Андрея Сахарова и Елены Боннэр (в трех томах).

В настоящем томе публикуется начало романа-документа А. Сахарова и Е. Боннэр «Дневники» — своеобразного произведения, сложившегося из дневниковых записей Андрея Дмитриевича и Елены Георгиевны, писем, рисунков, а также обширных современных комментариев Е. Г. Боннэр, которая также рассказала предысторию этого совместного труда, так и названную «До дневников». Первый том охватывает период с 1977 по 1979 год.

ISBN 5-9691-0034-X (общий)
ISBN 5-9691-0143-5 (т.1)

© А. Д. Сахаров, Е. Г. Боннэр, 2006
© «Время», 2006

АНДРЕЙ САХАРОВ
ТРЕВОГА И НАДЕЖДА

(СТАТЬИ, ПИСЬМА, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ИНТЕРВЬЮ)

ТОМ 1

ТОМ 2

ВОСПОМИНАНИЯ

ТОМ 1

ТОМ 2

ТОМ 3

АНДРЕЙ САХАРОВ, ЕЛЕНА БОННЭР
ДНЕВНИКИ

(РОМАН-ДОКУМЕНТ)

ТОМ 1

ТОМ 2

ТОМ 3

[1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наверное, я должна была начать работу с Дневниками сразу после смерти Андрея, когда впервые прочла их не по кусочкам, как повседневное чтение, которое Андрей вменял мне в обязанность, а как единый неразрывный поток нашей жизни. Но это было так трудно, так больно и психологически, и физически, что у меня не хватило сил преодолеть эту боль. Преодоление ее растянулось на долгих 11 лет. И на все эти годы я как бы выбросила их из памяти. Только весной 2001 года я заставила себя вновь открыть эти тетради. Решила, что раз уж довелось дожить до нового тысячелетия, то я не могу позволить себе не сделать эту работу. И как угадала — тысячелетие началось именно в этом году, только в Истории оно помечено не январем, а сентябрем.

Все годы, когда я не касалась Дневников, я постоянно работала с тем, что у специалистов называется биографическим материалом. Часто ощущала себя в этой работе дилетантом, но она создавала иллюзию продолжения нашей совместной с Андреем жизни (понынешнему можно сказать — виртуальная близость) и сохраняла присущее мне изначально чувство радости бытия. Началась эта работа с летописи. Название мое, но оно лежало на поверхности. В истории русской литературы есть летописи жизни разных писа-

телей и поэтов, а две — Пушкина и Достоевского — знакомы многим. У нас слово Летопись появилось, когда Андрей прекратил сопротивляться моим настоятельным просьбам и начал писать «Воспоминания».

15 июля 1977 года Андрей записал в Дневнике: «Вчера Люся уговаривала меня писать исподволь автобиографические фрагменты. Но я пока не решился». И только 25 июня 1978 года после моего «истерического нажима» — так у Андрея в Дневнике — написал первые несколько страниц. Почему-то о своей тете. И остановился. Тогда я сказала, что, наверно, ему будет легче, если сначала он сделает краткий конспект — Летопись. Андрей сразу согласился и, кажется, в тот же день в отдельной тетрадке написал добрую ее половину, своей рукой озаглавив Летопись. Я тогда ее перепечатала и копию переслала ребятам в США. Позже в эту тетрадь он внес несколько дополнений. Последняя запись в ней сделана в ссылке в Горьком: «Люся — Письмо в защиту Сахарова, февраль 80».

От той школьной тетрадки в Летопись, которую я начала составлять после смерти Андрея, перешло не только название. Она стала основой многолетней работы Архива, продолжающейся и сегодня.

Особенно легко мне работалось над историей семьи Андрея. Я как будто все время переговаривалась с ним, рассказывала то, что мне удалось раскопать, чего он не знал, даже внутренне посмеивалась над его неосведомленностью. Была вольна в любом слове, и

единственно чем руководствовалась в изложении — это точным следованием всем разысканным документам. Поэтому и назвала эту работу «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова».

С Дневниками все складывается по-другому. Никакой легкости, радости от работы нет и в помине. Наверно, сказывается и мой возраст, и то, о чем Дневник рассказывает, и то, что Дневник этот не очень типичный. Он не совсем Андрея, а в какой-то мере наш общий. Андрей начал его вести через 6 лет нашей совместной жизни, и в нем много временных пробелов. Он не был педантичен в его заполнении. А часть Дневников была украдена КГБ. На характере Дневника сказалось и то, что вести его он начал в зрелые годы. А в самые дневниковые годы жизни — обычно это ранняя юность и молодость — у него не было желания или внутренней потребности завести дневник. Думаю, потому, что Андрей вообще был личность не рефлектирующая. А я, хоть и вела дневник девчонкой в девятом или десятом (теперь уж не помню) классе, тогда очень быстро к нему охладела.

Уговорить Андрея на дневник было сложно, и через три года нашей общей жизни я стала, к сожалению от случая к случаю, записывать какие-то рассказы Андрея о его прошлом. Я всегда давала их ему прочесть, и иногда он расписывался в конце записи. Мне не пришло бы это в голову, но, слушая передачи «Голоса Америки», я узнала, что так делал автор книги о Шостаковиче му-

зыковед Волков. Вроде как приватизировала чужой опыт, но больше все-таки эти подписи — была наша игра. Игр было много — мы оба оказались люди играющие. Большинство этих листков пропало, но первый и еще несколько сохранились. Вот один из них.

Сегодня приходил прощаться Хедрик Смит. Говорили о соглашении во Владивостоке. Он /Андрей — Е. Б./ очень расстроен, вначале думал, что это большой прогресс, сейчас пришел к выводу, что будет только гонка вооружений. Когда он /Смит/ ушел, Андрей сказал, что в 1954 году был спор, какие боеголовки делать, и он с Ш. (фамилию уже забыла¹) был за тяжелые, а Зельдович и Харитон — за малые. Победили первые и только потому, что Малышев (министр) не очень доверял своим евреям. Андрей говорит, что он тогда преследовал цель только экономии народных средств. Так вот! Про моего только и можно сказать — «...и был великий эконом...».

Я уже давно думаю о дневнике. Андрей почти ежедневно рассказывает какие-то очень важные вещи (это, по-моему, важные, важные для него, для того, чтобы самому разобраться в собственной эволюции, что ли). Когда прочла дневники Чуковской (Ахматовские)²,

¹ Возможно, К. И. Щелкин.

² Книги еще не было. Лидия Корнеевна давала нам читать рукопись. Прочли я и Таня, а прочел ли тогда Андрей — не помню.

поняла, что такой контроль памяти необходим, да и какая уж память.

Вчера снова Андрей мне говорил о банкете после испытаний 22(?) ноября 1954 г. Погибла девочка 2 лет, один солдат, и потолок в больничной палате провалился, покалечив шесть старых женщин. А вечером у маршала Неделина пили коньяк, радуясь успеху. Андрей (был прыток!) сказал первый тост: «За то, чтобы их “изделия” рвались только на полигоне». Маршал в ответ рассказал байку: «Молятся старик и старуха, старик говорит: «Господи, направь и укрепи», — а старуха ему на это: «Молись, старый, только об укреплении, а направить я и сама направлю». Андрей не ушел после байки, а, хоть и запомнил ее на всю жизнь, досидел до конца.

Девочка погибла в убежище, куда загнали всех, но взрослые вышли поглазеть, а она играла там в кубики, и ее задавило балкой. Дочь немки, матери-одинокки. Матери дали пенсию. Солдата засыпало в окопе. Про старух Андрей просил Бурназяна (нач. мед. службы).

Вот так! Господи, направь и укрепи.

29 ноября 1974 года. Буду ставить номера. № 1

Спротивление Андрея ведению Дневника мне удалось преодолеть только после нашей первой долгой, более четырех месяцев, разлуки в 1975 году. Весь 1976 год я упрекала его, что не все знаю об этих четырех

месяцах. И 1 января 1977 года была начата первая дневниковая тетрадь. Начала ее я. На титульном листе мною написано ТЕТРАДЬ № 1.

В 1990 году я написала эссе «Четыре даты» — историю написания Андреем «Воспоминаний». Писала по памяти и на эмоциях — года не прошло, как Андрей ушел из жизни. И я тогда написала, что, вернувшись из Норвегии в декабре «перед Новым, 1976 годом, читала толстую тетрадь в темно-синей обложке, которую Андрей исписал за четыре месяца». Это о первой тетради Дневника. Она действительно толстая и действительно темно-синяя, но читала я ее перед Новым, 1978 годом. Не в 1975 г., как мне подсказали ненадежные советчики — память и эмоции, а в 1977 году Андрей начал вести Дневник. Говорят: «Все врут воспоминания, надежен только документ». Это правда. Но все-таки это только ее часть. Потому что вне эмоций документ сух, как сообщение из пожелтевшей от времени газеты.

И первые записи в ней мои. Только 25 января появляется очень краткая запись Андрея. И с этого дня вначале очень скупо и нерегулярно, но постепенно становясь все более пространными, идут его записи. И при сопоставлении этой тетради с последующими видно, как постепенно дневник становится отражением не только внешних событий, не только быта, но и бытия.

Мне кажется важным отметить несколько моментов. Это отношение к Дневнику как к работе. Именно это слово — работа — Андрей начинает употреблять в тексте в последующие годы. Это представление о том, что Дневник будут читать другие (не только я), и даже прямые указания будущему читателю, например, о какой-либо книге «кто не читал — прочтите».

Это отраженная в Дневнике смелость и полнейшая честность с самим собой в попытке разобраться во внутрисемейных конфликтных ситуациях и идеологических или нравственных расхождениях с окружающими, особенно в диссидентском кругу. Реже с коллегами. Стремление разрешить эти коллизии, сохраняя взаимное уважение и приязнь. И уверенность, что разрешены они могут быть только при полной взаимной открытости. Чаще всего речь в этом плане в Дневниках идет о детях. И у меня был соблазн убрать эти места из Дневников, отложить до последующих изданий, то есть для будущих поколений. Однако тогда из Дневников исчезнет и то, чем эти записи продиктованы — прежде всего любовь к детям и забота о них.

Это стремление доказать (или показать?), что для него было неприемлемо отношение к нему как к вождю, пророку, символу, что прежде всего он человек, и этого человека он готов защищать с той же отвагой, как защищает других людей — защищать до последнего дыхания. Абсолютно точно выбранный жизненный принцип: «Если я не за себя, то кто я? Если я

только за себя, то зачем я?³». Может быть, это главное послание будущему читателю Дневников. Дневники Сахарова — документ мифоборческий, в котором он сам разрушает миф о себе.

Я сохранила все, написанное Сахаровым в Дневнике, и все свои записи в нем без единого сокращения и какой-либо редактур. И этот основной корпус книги отражает то время, когда Дневник создавался. Но примечания я начала писать спустя 12 лет после ухода Андрея из жизни. Это уже другое время, другие (мои!) оценки и они (я это сознаю) субъективны.

Я старалась меньше писать о том, что уже в какой-то мере было сказано Андреем в «Воспоминаниях», в книге «Горький, Москва, далее везде», в моих книгах «Постскриптум», «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова» и в эссе «Четыре даты». В примечаниях я хотела, насколько мне это представлялось возможным, отразить нашу личную, семейную жизнь, наше мироощущение внутри нее, хотя оторвать это от того, что принято называть общественно-политической деятельностью, почти невозможно. Все переплеталось, и результаты наших попыток разграничения были иллюзорны.

³ «Если я не за себя, то кто за меня? Если я только за себя, то кто я? И если не сейчас, то когда?» Рабби Гиллель, мудрец и праведник, живший в Израиле до начала новой эры; «Pirkei Avot» (Этика, или мудрость, Отцов), 40 г. до н. э.

При первоначальной моей попытке писать примечания и подписи к фотографиям в общепринятой безличной форме я поняла, что совершаю насилие над собой. Они сознательно написаны от первого лица. Я разрешила себе употребление местоимения «я» и Андрея называю Андрей, а не Сахаров.

В текст Дневника вставлены (с учетом хронологии) некоторые разговоры на записках, стихи, письма, телеграммы и другие записи, носящие дневниковый характер.

Дневники охватывают 1977—1989 годы, причем последние три отражены в них крайне фрагментарно. Но мне хотелось (и я полагаю, что имею на это право) отразить нашу жизнь от первой встречи и до конца в более личном плане, чем это сделал Андрей в своих «Воспоминаниях». Поэтому я решила предварить Дневники вводной (первой) главой, которая охватывает временной период от октября 1970 года и до первой тетради дневника 1977 года.

За пределами настоящей работы остались многие письма Андрея ко мне и мои к нему, черновики его писем из Горького к детям в Москву и более 100 писем к детям в США, к друзьям и коллегам, и свыше 400 наших (Андрея и моих) телеграмм друг другу.

Текст Дневников набран максимально приближенно к рукописи, в которой 1997 страниц. Сохранены рисунки и все авторские акценты — подчеркивания, поправки, зачеркивания. Это фактически копия рукопи-

си. Записи набраны различными шрифтами. Текст Андрея — крупным прямым шрифтом. Мой текст того же времени — крупным курсивом. Мои обширные примечания 2003, 2004 годов, вставленные в основной текст, тоже набраны курсивом, только более мелким, и отделены от основного текста вертикальными черточками.

И еще одно, как мне представляется, необходимое объяснение. В первой главе я пишу о многих людях, с которыми меня сводила жизнь до встречи с Андреем. Но это не моя биография. Поэтому я пишу только о тех, кто упоминается в его дневниковых записях. Среди них много имен людей разных поколений, в разные годы прошедших советскую репрессивную машину, и много литературных имен.

Первое можно объяснить одной фразой. Я из тех, кого в свое время Илья Эренбург назвал «странные сироты тридцать седьмого года». Второе — случай или, как любил говорить Андрей, «судьба». Истоки литературных знакомств, а зачастую и многолетних дружеских отношений, лежат в моем детстве и отрочестве. Я училась в одном классе с Всеволодом Багрицким, была своей девочкой в его семье. Близость с мамой Севы — Лидией Густавовной Багрицкой-Суок — распространилась и на ее сестер — Ольгу Густавовну Олешу-Суок и Серафиму Густавовну, мужем которой был Владимир Иванович Нарбут, погибший в 37 году, потом Николай Иванович Харджиев, потом Виктор Борисович Шкловский. С подросткового возраста я знала мно-

гих, кто бывал в их домах. И мои тесные отношения с тремя сестрами Суок продолжались до конца их жизни. Жил Сева в доме № 2 по проезду Художественного театра, где тогда жили почти все советские писатели, а их дети учились в нашей школе. Был еще двор, главный воспитатель детей тех лет, и место, где завязывались дружбы «на всю оставшуюся жизнь». А у Севы и у меня была и общая судьба подростков — сирот 37 года. Впрочем, это была судьба большинства ребят и Севиного, и моего дома. Потом пришла первая любовь, трагически оборванная войной.

В Ленинграде, куда после ареста родителей я приехала к бабушке, на той же Исаакиевской площади, где была моя школа, находился Дом Литературного Воспитания Школьников. Он был основан Самуилом Маршакom и располагался в здании ранее существовавшего Института Истории Искусств. Не помню, как я на него набрела. И до самой войны была тесно связана с коллективом юношей и девушек (среди них была и Наташа Мандельштам, но что она племянница Мандельштама, я узнала много позже), которым ДЛВШ стал вторым домом. Я была младшей. Они были десяти- и девятиклассники, я была в восьмом. И вначале чувствовала себя неуютно, но вскоре это прошло, кажется, после того, как ребята узнали, как я попала в Ленинград из Москвы. В ДЛВШ нам читали лекции всеерьез, и были творческие занятия, которые вел молодой поэт Павел Шубин. Потом наших воспитательниц и

преподавателей кого арестовали, кого разогнали. Маршак переехал в Москву. ДЛВШ перевели во Дворец пионеров, сделав обычным и скучным литкружком. И Шубин увел нас всех в секцию молодых поэтов ленинградского Дома писателей (и тех, кто писал уже вполне зрелые стихи, и таких, кто, как я, только слушал). Вторым местом, сохранявшим и даже укреплявшим наши отношения до войны и какое-то время после нее, был дом поэта Льва Друскина, одного из членов ДЛВШ, с детства прикованного к постели полиомиелитом.

Позже круг литературных связей еще расширился, когда я во второй половине 60-х годов стала работать внештатным консультантом в Литературной консультации Союза писателей СССР. Работа эта привлекала в двух планах — мне было интересно, и она (по моим понятиям) хорошо оплачивалась. Это был приличный приработок к моей зарплате врача.

* * *

Прошли два с половиной года интенсивной работы с Дневниками. Я жила в нервной ауре, исходящей от них, и одновременно ощущала, как постепенно, но отчетливо уменьшается моя работоспособность. Это не жалоба на возраст. Просто на смену склонности делать свое дело пришло желание осмыслить прожитое, взглянуть на него почти как со стороны. Это не хуже и не лучше прошлого способа жить. Это просто другой способ жить и радоваться жизни. В нем, как и во

всех предыдущих периодах жизни, есть своя прелесть, даже очарование. Но для меня это время мучительно осложнилось вопросом, на который я не могу найти ответа и теперь, когда работа с дневниками почти закончена: могу ли я, не откладывая до следующих поколений, опубликовать Дневники полностью без каких-либо сокращений или должна вводить цензуру на написанное Сахаровым? И не получится ли как с бессмертным стихотворением Лермонтова «На смерть поэта», полный текст которого увидел свет только через 100 лет — в 1937 году?⁴ Я публикую Дневники полностью, но у меня внутренне нет (и, наверно, не будет) однозначного ответа на этот вопрос.

* * *

Я благодарна моей дочери Татьяне, которой за время моей работы с Дневниками пришлось десятки раз

⁴ Редакторы указали мне, что в примечаниях к стихотворению «Смерть поэта» в четырехтомнике Лермонтова (М.—Л.: АН СССР, 1958) сказано, что первая публикация полного текста стихотворения «Смерть поэта» (именно так оно названо в этом четырехтомнике) в России была в 1860 г. (т. 1, стр. 675). Однако я не стала менять свой текст, потому что так запомнила с 1937 года. Тогда его учили все школьники. Тогда оно непрерывно читалось по радио. Тогда оно называлось «На смерть поэта». А в комментариях к нему говорилось, что оно впервые публикуется полностью. Если всей стране внушалась неправда, то это тоже примета времени.

(я не преувеличиваю — счет пошел на третий десяток) срочно отвезить меня в госпиталь и проводить рядом со мной бессонные ночи. Я благодарна докторам Адольфу Хаттеру, Игорю Паласиосу, другим врачам и медсестрам кардиологического отделения госпиталя Массачусетс Дженерал, вместе с которыми (и благодаря которым) Татьяне удавалось вновь возвращать меня к жизни, к рабочему столу и компьютеру.

Я благодарна также Татьяне за предоставление в мое распоряжение ее личной коллекции фотографий и помощь в их отборе. Большая часть публикуемых фотографий взята из ее семейных альбомов и моего личного архива. Я благодарна ее мужу Григорию Котлеру, проделавшему всю работу по переводу более 200 фотографий в электронную форму и создавшему программу, облегчившую мне их описание.

Я благодарна моему сыну Алексею за его неустанную в любое время суток помощь мне в постижении тонкостей работы с компьютером.

Я благодарна Эду Клайну за постоянную поддержку и благожелательные советы, которые получила от него в эти три года.

Я благодарна Галине Авербух, которая сделала непосильную для моих глаз работу — компьютерный набор Дневников — и была первым моим редактором. Без ее участия издания Дневников вообще бы не было. Я благодарна Виталию Романенко, который вместе с Галиной подготовил именно указатель к Дневникам

и был ее постоянным помощником в течение трех лет. Я благодарна Борису Болотовскому, выверившему всю научную часть Дневника и сделавшему ряд важных замечаний по его текстам.

Я благодарна главному редактору издательства «Время» Борису Пастернаку за его идею публикации Дневников в составе собрания произведений А. Д. Сахарова и редакторам Елене Холмогоровой и Юрию Шихановичу. Я благодарна экс-президенту Чехословакии и Чехии Вацлаву Гавелу за предисловие к собранию произведений А. Д. Сахарова и Аде Кольман за его перевод на русский язык. Я благодарна Ефрему Янкелевичу за вступительную статью к двум томам публицистики. Я благодарна сотрудникам Архива Сахарова в Москве Бэле Коваль и Екатерине Шиханович, помогавшим мне в формировании и выверке материалов этих двух томов.

Все перечисленные выше люди — мои близкие или друзья.

Но особо я благодарна президенту российского фонда «Династия» Дмитрию Зимину и бизнесмену из Германии Михаилу Бойко, с которыми я лично незнакома и чью поддержку в подготовке Дневников воспринимаю как проявление благодарной памяти об Андрее Дмитриевиче Сахарове.

В Дневниках использованы, в основном, фотографии из семейных альбомов моих и Татьяны Янкелевич, а также несколько фотографий из Архива Сахарова в Дэвис Центре Гарвардского Университета.

Это работы профессионалов и любителей. Некоторые фотографии сделаны мной и Андреем Дмитриевичем. А о многих фотографиях я не знаю, кто их сделал. Но всем я равно благодарна за их вклад в летопись жизни Андрея Дмитриевича и перечисляю тех, чьи имена мне известны. Это: Николас Беттел, Жан-Клод Буис, А. Бомза, В. Велентурин, Ганс Вермеулен, Владимир Синельников, Генри Гроссман, Ф. Гибсон, Гинц, Донской, И. Заремов, Виталий Засеев, А. Карачев, Эдвард Клайн, Лев Копелев, Леонид Лев-Ран, Марина Либерман, Жан Лиллебо, Руне Лислеруд, Энрике Марин, Ребекка Мэтлок, Екатерина Молодцова, Д. С. Переверзев, Флоренс Припстейн, Александр Разгон, Юрий Рост, Сеелиджер, Катерина Семенова, Ричард Собол, Юрий Тувин, С. Феофилактов, Марк Фиелд, Радий Цимеринов, Лев Шерстенников, Екатерина Шиханович, Александр Якир, Ефрем Янкелевич, Матвей Янкелевич, Татьяна Янкелевич. Кроме того, мной использованы имеющиеся в моих альбомах работы протокольных фотографов правительств Ватикана, Великобритании, Канады, Нидерландов, Норвегии, США, Франции и агентств Aftenposten, ANSA, AP wide world Photos, Foto Torrini, Reuters, Sigma, Stern.

*Елена Боннэр,
7 марта 2006 г.*

ДО ДНЕВНИКОВ

ГОД 1970

В мае 1970 года я привезла из Ленинграда письмо Револьта Пименова¹, адресованное Андрею Дмитриевичу Сахарову. Идти к академику мне почему-то не захотелось, хотя робостью перед кем бы то ни было никогда не страдала. В обеденный перерыв я встретила у метро «Динамо» с Юрой Шихановичем и попросила его передать письмо адресату. Он тоже не захотел к нему идти. Мы немного попрепирались, и он согласился положить письмо в почтовый ящик академика. Спустя год или два Сахаров, узнав, как письмо это к нему попало, сказал мне, что от судьбы нельзя отвертеться и что я просто украла у него (у нас) несколько месяцев знакомства. Очень любил он слово «судьба».

Шел октябрь 1970 года. В Калуге был назначен суд над Пименовым и Вайлем². У нас уже несколь-

¹ Револьт Иванович Пименов, ленинградский математик, бывший политзек, в это время вызывался на допросы в Ленинградское КГБ.

² В Калуге был назначен суд над Револьтом Пименовым и Борисом Вайлем. Это был типичный сам- и там-издатский процесс, в котором главным пунктом обвинения была книга Авторханова «Технология власти». Пименов и Вайль давали ее читать знакомым. Одна из читательниц сообщила об этом в органы.

ко дней жили Виля — жена Пименова — и Наташа Гессе, приехавшие из Ленинграда. Вечером 19-го Вайли, которые жили у Шихановичей, привезли к нам Диму, своего четырехлетнего сына. Он на время суда оставался под опекой моей мамы и моих ребят. А Вайли, Виля и Наташа уехали на суд в Калугу. Я же в этот вечер уезжала в Ленинград, чтобы сделать передачу Эдику Кузнецову³. Вернулась через день утром сразу на работу.

И вечером вместе с отцом Револьта Пименова поехала в Калугу на суд. Ночевала я в гостинице в номере Вайлей на диване, куда меня подселили после настойчивых просьб основных жильцов номера. В этой гостинице остановились еще несколько наших друзей. Но большинство, в том числе Виля и Наташа, а также Сахаров, жили в другой гостинице. Утром в коридоре суда нас было человек 25. Помню Шиха, Наталью, Айхенвальдов, Кристи, Ковалева, ленинградских математиков.

В середине дня Вава Айхенвальд, Кристи и я пошли в магазин и купили на всех молоко, кефир и какие-то булочки. Во время перерыва в заседании к нам спустились из зала суда Боря и Люся Вайли, Виля и Сахаров. Тогда я впервые его увидела и, как всем, предложила на выбор бутылку молока или кефира и хлеб. Он так панически от-

³ См. сноску 7.

казался, как будто я предложила ему мышьяк. Мне показались в этом отказе брезгливость и элемент пренебрежения. Это не понравилось, и знакомством (как пишет Сахаров) я это мимолетное столкновение не сочла.

Я, как и все мы, относилась заочно к Сахарову с неким, почти обязательным в нашей среде, пиететом. И не только читала его манифест⁴, но даже умудрилась в сентябре 1968 года привезти из Франции, где гостила у маминых сестер и братьев, пять экземпляров тоненькой этой брошюры. Умом я понимала ее важность и значение на фоне нашей глухой тишины и безгласности. Но эмоционально она показалась мне не очень интересной, была для меня излишне наукообразной и суховатой. А может, была просто не по зубам? Единственно, что тронуло и вызывало симпатию, это эпитафия⁵. Кажется, за ним стоит кто-то очень искренний. Как в дневнике Зои Космодемьянской. Позже, в жизни уже без Андрея, я даже огорчилась, когда увидела, что Андрей в ходе обсуждения практически уже законченной рукописи заменил (видимо, по чьему-то совету) эпитафия из Гёте на слова Шиллера (эк-

⁴ «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

⁵ «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Гёте.

земляр такой рукописи — машинопись с правкой Сахарова — передал в Архив Сахарова Рой Медведев). Но потом он вернулся к первоначальному варианту эпиграфа.

После оглашения приговора Пименову и Вайлю⁶ (обоим ссылка) на обратном пути в Москву в электричке мы с Сергеем Ковалевым забрали у Сахарова папку, которую ему сунула Виля, украв ее со стола судьи. Назавтра мне позвонила из Калуги Виля и сказала, что надо срочно вернуть эту злощастную папку, иначе ей не дадут свидания. Я ехать не могла, у меня в этот день были лекции. Вызвала нашего общего с Пименовыми друга Володю Козаровецкого, и тут выяснилось, что почему-то Сахаров отдал нам с Сергеем не все документы из папки, а только часть. Володя сказал, что в Калугу он поедет, а к Сахарову ехать боится. Я попросила Валерия Чалидзе взять у Сахарова оставшиеся бумаги. Он не мог, и я сказала, что пошлю за ними Таню. Валерий предупредил об этом Сахарова. Сахаров спросил, как он узнает, что это та девочка, которой надо отдать документы, а не подосланная КГБ, ведь все переговоры шли по телефону. На это Валерий ответил, что вы ее узнаете, она похо-

⁶ Пименов был арестован летом 1970 года. Вайль приехал на суд свободным. Его арестовали в зале суда сразу после оглашения приговора.

жа на свою маму. Так я узнала, что Сахаров видел меня у Валерия и спрашивал его обо мне. Но я такой встречи не запомнила. Так с этой папкой вышла история, попавшая в Историю. А у нас с Сахаровым появилось первое разногласие. Он утверждает, что встретился со мной задолго до суда над Пименовым и Вайлем, а я утверждаю, что увидела его впервые в Калуге.

25 ноября был день рождения Валерия. Но я с Сахаровым там не общалась. Там было форменное столпотворение, и стоял такой шум, что вообще ничье и ни с кем общение было невозможно.

С начала лета (точней, в июне) я оказалась вовлеченной в известный в истории еврейской эмиграции судебный процесс «ленинградских самолетчиков»⁷. Одним из арестованных по этому делу был Эдуард Кузнецов.

Эдуарда Кузнецова привел к нам в дом Феликс Красавин, сын подруги моей мамы, мой давний друг и в прошлом многолетний политический за-

⁷ В июне 1970 года на областном аэродроме в Ленинграде была арестована группа людей (в большинстве рижане), собиравшихся захватить самолет и перелететь на нем в Швецию. Так они надеялись осуществить свое стремление жить в Израиле. Сегодня (2004 год) все они, кроме одного, там и живут.

ключенный. Привел 2 октября 1968 года в день освобождения Кузнецова из Владимирской тюрьмы. Он отсидел 7 лет по ст. 70—72 (Антисоветская агитация и пропаганда, антисоветская организация). Кузнецов, не имевший права жить в Москве, прописался в городе Александрове и поступил на работу. Он не очень часто, но регулярно тайно приезжал в Москву и иногда ночевал у нас. Ночевать у своей матери боялся, так как имел основания считать, что ее брат, живущий в этой же квартире, сразу донесет в КГБ. Он хотел выехать из СССР, а единственной возможностью в те годы для таких, как он, был фиктивный брак — женитьба на еврейке. Кто-то из друзей (кажется, Юра Меклер — тоже бывший зек) нашел в Риге невесту. Я и все члены моей семьи, и друзья сообщали помогали Эдуарду готовиться к этому предприятию и даже собрали деньги на приличный костюм для свадьбы. Эдик женился, прописался в Риге, поступил на работу и, я полагаю, подал документы на эмиграцию.

Я видела Эдика 9 мая 1970 года в Ленинграде в доме Меклера, где он был вместе с друзьями и с женой. Тогда я с ней познакомилась. Но что-то в их поведении меня насторожило, и я, когда мы прощались, спросила у него, так как отношения всегда были доверительные: «Ты от меня что-то скрываешь?» И он странно ответил: «Мне очень

не хочется тебе врать, поэтому ничего не спрашивай у меня». И я подумала, что это старая романическая история (я знала о такой) или новая. В ночь с 14 на 15 июня меня разбудил телефонный звонок Эдика. Я решила, что у него что-то случилось. Сказал — нет, пока все в порядке, просто захотелось поговорить. Странное время и странный звонок. Утром мама, которую ночной звонок тоже разбудил, спросила, кто звонил. Я сказала, что Эдик и что он был какой-то странный. И мама на это ответила: «Все они странные, вчера Юра был странный, сегодня Эдик». Действительно, накануне у нас был Юра Федоров (тоже бывший зек, которого к нашему дому привадила Эдик) и предупредил, чтобы я почистила дом от всякого сам- и тамиздата. Написал на листке, что он точно знает, что завтра будут обыски. Обыска у нас не было, был нормальный выходной день, но позвонила Бэла Коваль и спросила, не слышала ли я чего-нибудь особенного по западному радио. Нет, не слышала. А в четыре часа пришли жена Федорова Наташа и Володя Тельников. Наташа сказала, что у нее был обыск в связи с тем, что группа людей, в том числе Федоров, намеревалась захватить самолет в Ленинграде на областном аэродроме. В первый момент это сообщение показалось бредом. Но, сопоставив его со звонком Бэлы, я поняла, что она что-то знает,

лучше ей не звонить, чтобы не наводить на след, и решила лететь в Ленинград. В 8 вечера я уже была в Ленинграде на улице Союза связи у Юры Меклера, застала там Боба Пустынцева (тоже бывший зек). Оба растерянные и не очень в форме. И я, взяв такси, поехала в областной аэропорт. В аэропорту было тихо и безлюдно, почти нет пассажиров, и не видно, чтобы кто-то наблюдал за входящими и выходящими. Я разговорилась с приемщиком багажа. От него я узнала, что утром на летном поле перед посадкой в самолет были арестованы 11 человек и что между двумя группами людей КГБ (позже выяснилось, что между сотрудниками ленинградского и центрального ГБ) была ссора, чуть не драка, в какие машины их грузить, и еще он сказал, что среди арестованных были три женщины. С этим я вернулась к Меклеру и застала его и Пустынцева уже совсем не в форме. Я страшно на них разозлилась. Поехала на аэродром в Пулково, первым самолетом вылетела в Москву и в 9 утра была на работе. Через день или два из Риги стало известно, что большинство арестованных рижане-евреи. Но есть трое русских — Кузнецов, Федоров, Мурженко. И родственникам надо ехать в Ленинград, чтобы сделать передачи и говорить со следователями. Мама Кузнецова ехать отказалась, ссылаясь на плохое здоровье. Тогда я с помощью знакомого

врача соорудила доверенность от нее, в которой указывалось, что я тетя ее сына. Тут я узнала, что отец Кузнецова был еврей (его фамилия Герзон) и что в 1953 году она после смерти мужа вернула себе девичью фамилию и одновременно поменяла сыну фамилию с отцовской на свою. Так я стала тетей Кузнецова, хотя это было несколько рискованно. И моя мама была крайне обеспокоена тем, что я ввязалась в эту историю. К Эдику она относилась с некоторой амбивалентностью — с одной стороны, бывший зек, и тут все ясно. А с другой — она называла его «помесь урки с философом»: урок она не терпела. И не раз говорила мне: «С той же легкостью, как он вовлек в эту авантюру рижских ребят и Юру, так бы мог вовлечь в нее и твоих детей».

Я моталась между Москвой и Ленинградом, дважды летала в Ригу, познакомилась с родственниками арестованных рижан. Делала передачи Кузнецову, встречалась со следователем. Нанимала адвокатов нескольким заключенным⁸. Я тогда говорила — нужны адвокаты в товарном количе-

⁸ Поиск адвокатов и необходимость получить квалифицированный совет привели меня к Софье Васильевне Каллистратовой и к Валерию Чалидзе. До этого я с ними знакома не была.

стве. И был такой разговор с одним из предполагаемых защитников. Я спросила: какова может быть такса за защиту? Деньги-то были общественные, собранные по трешкам и пятеркам. Он назвал мне примерную сумму, которую надо будет внести за каждого подзащитного в юридическую консультацию. И добавил: «А остальное, как подскажет ваша интуиция». На это я ответила, что у меня нет соответствующей интуиции, есть только врачебная. С адвокатурой я имею дело впервые, так что на «интуицию» не надейтесь — ее не будет. Кстати, потом я с этим адвокатом вполне сдружилась. И все адвокаты, участвовавшие в этом процессе, обошлись без «интуиции».

Суд над самолетчиками вначале был назначен на первую неделю декабря. И в эти дни мне еще надо было найти адвоката одному из них — Вульффу Залмансону. Его, как офицера, должна была судить отдельно от всех военная коллегия. Потом начало суда перенесли на середину декабря, чему я была несказанно рада.

Дома в это время было невпроворот дел помимо работы и повседневных забот. На 4 декабря была назначена свадьба моей дочери Тани и Ефрема Янкелевича. Мы шумно, отключившись от судебных дел, отпраздновали свадьбу ребят. Вначале хотели устраивать ее в каком-то кафе, но потом решили, что дома лучше. И не ошиблись.

Несмотря на невероятную тесноту, было как-то светло и радостно. В середине застолья скопом вышли на улицу и проводили Таню и Рему в подмосковный санаторий, где они провели свой медовый месяц, правда, укороченный до двух недель. Такие пересечения радости от события жизнеутверждающего — свадьбы — и тревоги в ожидании суда, в котором предполагались смертные приговоры, были постоянным фоном нашей жизни. Эти дни, может быть, один из самых ярких тому примеров.

Суд в Ленинграде начался 15 декабря. Возвращаясь с судебных заседаний (я уже числилась тетей Эдика, и меня допустили на суд по доверенности его матери), я каждый вечер подробно записывала содержание судебного следствия. И кто-то из друзей (чаще всех Бэла Коваль) ночью отвозил мои записи в Москву для передачи двум Володям — Буковскому и Тельникову, которые их передавали иностранным корреспондентам. Таким образом нам удалось привлечь внимание к процессу практически всей западной прессы.

В книге «Г. С. Подъяпольский. Золотому веку не бывать» (изд-во «Звенья», М., 2003) Владимир Буковский пишет: «Информационное обеспечение «самолетного процесса» держалось на трех людях: Люсе Боннэр, Володе Тельникове и мне. Люся, записавшись теткой Кузнецова, сидела в зале суда и

была единственным источником информации, но ГБ ее настолько плотно пасло, что ни передать кому-то эту информацию, ни даже позвонить в Москву она не могла. Эта задача целиком лежала на Тельникове и его питерских друзьях. Я же был последним звеном этой цепочки: мне нужно было не только передать все иностранным корреспондентам, но и «пристроить» информацию, т. е. фактически гарантировать ее публикацию на Западе. А это было совсем не просто — торжествовал «Детант», и западная пресса отнюдь не рвалась публиковать что-либо негативное об СССР».

На десятый день суда был вынесен приговор. На чтение его в зал, кроме специально подобранных людей, пустили и нескольких друзей, находившихся в коридоре здания суда. Прокуроров было два — какой-то незапомнившийся мужчина и женщина помладше меня по фамилии Катукова⁹. Приговор был оглашен председателем суда: две смертных казни — Кузнецову и Дымшицу — и большие сроки всем другим подсудимым, кроме одного.

⁹ Катукова выступала очень жестко. И хотя я относилась ко всей этой истории с захватом самолета скорее отрицательно, но любая ее реплика, исполненная ненависти к подсудимым, вызывала у меня внутреннее возмущение. И, наверно поэтому, я была поражена, когда мне сказали, что у этой женщины двое детей.

После зачитания его в зале, где, кроме родственников, было более 100 специально подобранных людей, раздались аплодисменты. Меня как выбросило в проход, и я закричала: «Только фашисты могут аплодировать смертным приговорам». Ко мне бросились милиционеры и стали тащить меня в сторону судейского стола, а сзади в меня вцепилась Бэлка, тащила от них и кричала: «Не дам, не дам». К нам бросились другие родственники осужденных, и милиционеры отступили. Но люди, выходящие из зала, шарахались от нас, как от чумных.

Так закончился суд. Это было 24 декабря в первый день Хануки. И родственники осужденных сразу после оглашения приговора поехали в синагогу. Я, в состоянии почти невменяемости от двух смертных приговоров, жестоких сроков другим и свалки, которую сама неосознанно устроила в зале суда, поехала вместе с ними. И единственный раз в жизни оказалась в синагоге. На следующий день мне дали свидание. Два часа. В кабинете начальника следственного изолятора. Он сидел за большим столом. Мы с Эдиком сбоку за маленьким, напротив друг друга. Помню, что был дневной свет. А в Ленинграде в декабре поздно светает и рано темнеет, видимо, было это между двенадцатью и двумя. Я достала из сумочки шоколадку и апельсин. Начальник сказал, что вообще-то это не полагается, но не запретил. Эдик грыз шоколад, на-

тужно шутил, вспоминал строчки Вийона¹⁰. Что говорила я в эти два часа, совершенно не помню, но про себя вспомнила одну его собственную реплику годовалой давности.

Однажды, когда Эдик еще не перебрался в Ригу, он ночевал у нас. Нормальная для Москвы картина. В одной комнате трое. Я на своей кушетке, Алешка на своей, Эдик на раскладушке. Каждый со своей книгой. Что читала я — не помню. Алеша читал Золя — «О смертной казни». Эдик — «Приглашение на казнь» Набокова. Он, приезжая, обычно не отрываясь, ночи напролет читал тамиздат. Алеша ежеминутно говорил: «Эдик, послушай», — и цитировал что-то из Золя. Эдик не выдержал и взмолился: «Да отстань ты. Меня не интересует проблема смертной казни». Это о том, что никто ничего наперед не знает. В 1937 мама говорила папе о своем арестованном друге, секретаре Иркутского обкома Степане Коршунове: «Он не может быть врагом, я знаю его с детства». А папа ей отвечал: «Нас же с тобой не арестовывают». Арестовали через три месяца. А интересовался ли кто-нибудь из российских олигархов десять лет назад (пишу в 2004 г.) возможностью и условиями предоставления политического убежища в США или Европе?

¹⁰ Франсуа Вийон «...и сколько весит этот зад, узнает скоро шея».

Когда вернулась к друзьям на Пушкинскую, где я жила все дни суда, позвонила Ирина Тарсанова — жена Дудина¹¹. Звонок был неожиданный, мы уже давно не виделись. Она сказала, что у Миши было желудочное кровотечение, что он в больнице и просит меня навестить его.

Впервые я встретилась с Дудиным в сороковом году в Ленинградском Доме Литераторов на секции молодых поэтов. Нас, ребят из Дома Литературного Воспитания Школьников, привел туда поэт Павел Шубин. На секции читали и разбирали стихи, отчаянно спорили. Участвовали в этом и мои соученики по ДЛВШ, и другие, казавшиеся взрослыми, люди. Мне нравились все стихи и все, кто их там читал. Я по сегодня помню Хаустова «А настоять рябиновой в графине для друзей. Рябиновой, рубиновой для суженой моей» и Юры Капралова «Наши встречи были названы кем-то свиданья, Но словами беде не помочь. Почему над Невой так легки и так призрачны зданья И особенно в белую ночь». И не помню чьи уже с присутствием войны «Когда навис над Римом дым Помпеи, Когда мортиры рушат Роттердам, Поэты содрогаются, Пигмеи пророчат вечность собственным трудам». И провидче-

¹¹ Дудин Михаил Александрович (1916—1993), поэт.

ские строки Бориса Смоленского «Вот придет война большая, заберемся мы в подвал. Тишину с душой мешая, ляжем на пол наповал». И что-то Левы Друскина. Нравилась и стихи Дудина, и он сам. В солдатской форме, коротко стриженный, высокий, худой, с голубыми глазами. Когда секция заканчивалась, выходили гурьбой, потом расходились. Однажды Дудин сказал: «А можно я провожу?». Шел снег, пушисто лежал на парапете. А на набережной Фонтанки решетки ограды, черные с белым снежным обрамлением, были какими-то нереальными. Миша сказал, что, проводив меня, пойдет на вокзал, а утром на поезде возвращается в свою часть. И я бездумно сказала: «Переночуй у нас». Он поспал несколько часов на маленькой кушетке. Ушел рано, очень тихо. Мне казалось, бабушка и не слышала. Но утром она мне жестким голосом тихо сказала: «Ты понимаешь, до чего дошла? Как деревенская девка, которая в город устроилась в няньки, солдат в дом водишь!» Я смертельно обиделась. За него. За себя. За всех солдат в мире. И ничего не могла ей объяснить. Ведь ничего не было. И быть не могло. Я почти каждый день влюблялась. На день. На два. На неделю. Вспомнить не могу все свои влюбленности. Но даже не целовалась. Я была как кораблик, у которого есть порт приписки. Свободно плавала. Но порт был один, пока его — Севку не убило

шальным осколком. Миша еще несколько раз провожал меня. До весны. И как-то всегда было снежно и бело. Ночевать его я больше не звала. А потом он перестал приезжать на секцию.

Потом война. В 42-м я дважды получила от него письма. Оказалось, он приходил к бабушке и даже принес ей несколько картофелин и узнал мой адрес. А потом пришел — и никого нет. Мой санпоезд вновь попал в Ленинград в начале 43-го. И я пошла в редакцию газеты «На страже Родины». И приходила каждый раз, когда приезжала в Ленинград. И опять он провожал. И были стихи, которые я уже не помню, а ведь не так давно помнила, читала Андрею.

В августе 45-го я демобилизовалась. И тут с ходу, с первого взгляда начался роман. Бурный, с сумасшедшинкой. В сентябре купались в ледяной Неве, и нас забрали в милицию. Вылезали на Исаакий на высоте основания купола на ничем не огражденную покатуую плоскость. Солнечные ванны над бездной! У меня через 60 лет схватывает сердце от одного воспоминания. Приходил с цветами — не с букетами, а купив их в товарном количестве у уличных торговков вместе с ведрами. Сразил меня своей красотой, когда я увидела его впервые не в форме, а в нестерпимо элегантном темном костюме. И все бы хорошо. Но Миша пил. Однажды пришел милиционер и сказал:

«Гражданин Дудин просил «забрать его из отделения и сохранить вместе с деньгами». Оказалось, получил гонорар за книжку «Переправа». Иногда он куда-то пропадал, и Сергей Орлов, главный друг тех лет, искал его по всему городу.

В феврале 1946 года из лагеря вернулась мама. С помощью Миши и еще кого-то ее устроили работать кастеляншей в пионерлагерь Союза писателей в Луге. Там уже работала (тоже с помощью литературных своих друзей) лагерная мама подружка Груня (Генриета Давыдовна Домбровская). До лета у них фактически работа была только во время зимних и весенних школьных каникул, и они подолгу жили в городе — Груня у своих, мама у меня. А мама пьяных на дух не переносила. Это было первоначальной причиной ее разрыва с моим отцом. В каждое появление пьяного Миши она замолкала, но это молчание было хуже любого крика.

А потом роман кончился так же внезапно, как начался. Конкретной причины вроде не было. Про себя я знаю, что я, как многие после войны (и почти все послелагерники), пережила период отношений, которые неизвестно почему начались и неизвестно отчего кончались. Вылечилась я от этой болезни с рождением Тани.

На всем протяжении этого романа я не знала, что Миша женат. Видимо, меня это просто не

интересовало, а его не беспокоило. Узнала спустя несколько месяцев, когда наши отношения перешли в другую сферу, стали очень дружескими, вроде как родственными.

Миша очень тепло относился к моим детям, и они, особенно Таня, платили ему тем же. Трещина в отношениях возникла вокруг Бродского. Потом была такая грустно-смешная, в чем-то типичная для нашей страны, история. Зимой или в начале весны 1966 года Миша пришел к нам на Чкалова. С бутылкой вина. Шел в эти дни то ли съезд, то ли какая-то конференция, и Миша сказал, что назавтра должен (видимо, так было по программе) выступать с осуждением Синявского и Даниэля. Мне показалось (а, может, хотелось, чтобы так было?), что ему это заранее неприятно, и потому он и пришел. Я оставила его со своим сыном Алешкой, который все уговаривал его: «Дядя Миша, попей молока, не пей вино» (мама была у себя в комнате, а Тани дома не было). И побежала за мост в магазин «Вино». Это близко, 10 минут туда и обратно. И выставила рядом с уже кончавшейся его бутылкой новую, еще две других предусмотрительно оставив в передней. Алешка вызвал меня в коридор и чуть не плача стал шептать: «Мама, что ты делаешь? Что ты делаешь? Ему же нельзя». А я шептала: «Ничего, он скоро уснет». И правда, скоро он

спал, скрючившись на узеньком кухонном диванчике. Потом снова пил. И снова спал. Утром позвонила из Ленинграда Ирина. «Где Миша?» — «Спит на кухне». — «Разбуди, я скажу, чтобы за ним пришла машина, ему надо выступать». — «Знаю, только он не в том качестве, так пусть лучше поспит, а “наверх” можно сказать, что заболел, им к такому не привыкать». Вечером его, помятого, с виноватой полуулыбкой, я проводила на «Стрелу». На его официальном статусе эта внезапная болезнь никак не сказалась.

И вот, с непрекращающейся внутренней дрожью после вчерашнего приговора и сегодняшнего тюремного свидания, иду в больницу. В Свердловку — больницу для ленинградского начальства, по словам Иры, чуть ли не к умирающему. Скандал разразился уже в коридоре прямо у дверей палаты. На меня налетела молодая докторша и стала кричать, что она была на суде, что я защищаю убийц, и меня надо судить вместе с ними. И все время повторяла: «Кто вас сюда пустил? Кто?» Я вроде спокойно ответила, что пришла к Михаилу Александровичу Дудину. Точно помню, что поименовала его полностью и вошла в палату. Она влетела за мной и еще сколько-то продолжала кричать. Не помню, как она ушла. Но тут то же самое начал говорить Миша, не дав мне сказать даже

каких-то положенных слов вроде «здравствуй» или что-нибудь про здоровье. И вдруг я сорвалась и тоже начала кричать, что ему, видимо, очень нравится смертная казнь. Что он, наверно, всегда был антисемитом (на самом деле нет, никогда даже оттенка не замечала). И он тоже начал кричать, что я что-то предала — то ли родину, то ли тех, кто погиб. А я внезапно разглядела, какой он бледный и худющий, а остановиться не могу. И я только сказала ни с того ни с сего «До свидания», и вышла. Какое-то мгновение постояла за дверью. Потом открыла ее и, не входя, сказала: «Минька, поправляйся». И пошла от двери, хотя вслед услышала «Лена», но не вернулась, побоялась, что снова буду кричать. Больше я с Дудиным не встречалась. Видела по ТВ (и Андрей всегда отмечал в Дневнике любое появление его — потому и пишу здесь подробно), в 1982-ом в Горьком читали с Андреем предисловие к книге «40 дней Мусадага», в 1988-м стихи о Карабахе, и каждый раз я упрекала себя за ту истерику в больнице.

На следующий день 26 декабря 1970 года я вернулась в Москву.

В этот же вечер Валерий попросил меня поехать к Сахарову и рассказать ему все о суде. Надо сказать, что до процесса Пименова и Вайля Сахаров о «самолетчиках», кажется, вообще ничего не знал. Валерий и я считали, что дело с попыткой захвата

самолета не совсем правозащитное. И «правозащитного академика» вовлекать в него не надо. Рассказала Сахарову об этом деле Наташа Гессе, ужившая вместе с ним в гостинице в Калуге во время суда над Пименовым и Вайлем. И у меня сложилось впечатление, что вначале (до приговора с двумя смертными казнями) Сахаров особого интереса к этому делу не проявлял.

Мне кажется, что дальше по дням у Сахарова в «Воспоминаниях» много напутано.

Я помню, как я читала ему последние слова заключенных — не по бумаге, а наизусть. И сама чуть не плакала, и Сахаров был потрясен. Особенно Сильвой Залмансон. Он сразу стал писать черновик телеграммы (кому — не помню). И мы решили сразу ее послать — не утром, а немедленно. И вместе поехали на центральный телеграф.

Когда проезжали мимо гостиницы «Центральная» (бывший «Люкс»)¹², меня потянуло на откровенность. Я показала наши окна, балкон и эркер мамы-папиной комнаты, и за 2—3 минуты езды, оставшейся до телеграфа, рассказала, кажет-

¹² Мое детство с 6 и до 14 лет прошло в этом доме, который в 20-е годы из гостиницы был превращен в жилой дом для сотрудников Коминтерна. А мой отец до ареста в мае 1937 года был членом Исполкома Коминтерна и заведующим отделом кадров.

ся, о всех главных этапах моей прошлой жизни. На телеграфе в абсолютно пустом и потому непривычно гулком и торжественном зале он и написал эту телеграмму, но я не помню, оставил ли копию. Когда он отдавал ее в окошко, я стояла рядом. И мы вышли из здания. На ступенях телеграфа произошел памятный для меня разговор. Сахаров спросил: «Люся, а сколько вам лет?» — «Сорок семь». — «А я думал меньше». — «А теперь будете думать, что больше?». Он не ответил. Вот в этот вечер, верней в ночь, мы и познакомились. Поймали такси. Сахаров довез меня до дома и поехал к себе.

И в эти дни было еще два памятных мне инцидента. Один типичный, из тех, когда антисемитизм проявляется неосознанно, и поэтому бывает смешно. Другой из разряда провидческих.

Когда Сахаров написал очередное обращение (может, письмо Брежневу?), я почему-то поехала печатать его к друзьям — Лиде и Игорю. Пока мы пили чай, пока обсуждали, что пишут о суде в ленинградских газетах, и пока я печатала, наступила глубокая ночь. Игорь стал вызывать мне такси. На вопрос о фамилии ответил — «Абрамович». Девушка на том конце провода решила, что это шутка из разряда еврейских анекдотов, и говорит: «Три часа ночи. Не дурите и давайте дружную фамилию». Игорь на это ей — «А фамилию

жены можно?». — «Давайте». — «Хорошо, пишите Финкельштейн». — «Тьфу, ну что за люди!». — сказала невидимая девица. От этого диалога, последовавшего сразу после разговора об антисемитской кампании в прессе по поводу ленинградского процесса, стало почти так же неуютно, как в дни приснопамятного дела «убийц в белых халатах». И (защитная реакция) мы стали в три голоса не удержимо смеяться.

На следующий день я опять была у Сахарова, как всегда вечером, где-то около 9 часов, а то и позже (днем я на работе, потом какие-то дела домашние). Сочинялась еще одна телеграмма о помиловании (кому, не помню), и пока сочинилась, опять уже ночь. Я сказала, что сама ее отправлю по пути домой. Дежурная телеграфистка отказалась принять телеграмму не за моей подписью и вызвала старшую по смене. Та подошла к окошку и поздоровалась со мной — это была та, что принимала прошлую телеграмму. Она сказала дежурной: «Примите, это его жена». Я промолчала.

А 30—31 декабря 1970 года на кассационном заседании Верховного суда РСФСР мы с Сахаровым были уже как бы подельники — такое было у обоих тождественное сопереживание и нервное напряжение в ожидании решения. Были мы там вчетвером — мама Юры Федорова, сестра Менделевича Ева, Сахаров и я. Кассация была назна-

чена столь поспешно (всего за шесть дней), что большинство родственников осужденных не успели приехать на нее. До начала заседания еще на улице Володя Тельников передал мне справку из ЗАГСа, что отец Эдика был еврей. Мы не догадались получить ее к суду в Ленинграде, тут она появилась в самый последний момент, и я в присутствии Сахарова передала ее секретарю суда.

Но и в Верховном суде (как после отказа от кефира и молока в Калуге) был один момент, когда я испытала если не антипатию к Сахарову, то некий намек на нее. В перерывах заседаний мы ходили в тамошний буфет. Там были сосиски, бутерброды и чай. И я платила за всех. Ну Ева Менделевич — понятно, она эти дни жила у меня и была моя гостья. Мама Юры Полина Степановна хотела заплатить, но я ей сказала что-то вроде «Далдно». Но Сахаров даже не встрепенулся. И я подумала: «Ну что за мужик такой странный».

Кассационный суд заменил Кузнецову и Дымшицу высшую меру на 15 лет заключения. В тот момент это показалось великим благом. На выходе из суда стояла взволнованно ожидающая решения толпа людей, и Сахаров стал рассказывать о том, что было в суде. Потом мы с Сахаровым и с Валерием Чалидзе, который тоже был среди ожидавших, пошли к метро. Я сказала, что пойду на телеграф и дам телеграмму Кузнецову. Валерий

заметил, что это бессмысленно. Пока приговор не придет в ленинградскую тюрьму, администрация заключенному ни писем, ни телеграмм не передаст. Но я все-таки пошла на Кировский почтамт и послала телеграмму. Валерий был прав — телеграмму не передали. Но я, послав ее, оказалась еще больше права. Начальник тюрьмы пришел в камеру к Кузнецову и пересказал мой текст. А написала я — «поздравляю Новым годом и жизнью». Было 31 декабря 1970 года.

Первые недели января я Сахарова не видела, но числа 12-го Шиханович принес билеты на фильм Тарковского «Андрей Рублев» и дал мне сколько-то продавать. Я не помню, кому из нас (ему или мне) пришла идея позвать на это не совсем законное мероприятие¹ Сахарова. В эти же дни Тельников принес пачку Хроник и сказал, что теперь решено их продавать (кажется, по рублю пятьдесят), чтобы окупить расходы на бумагу и машинисток. И я поехала с билетами и с Хроникой к Сахарову. Позже Чалидзе мне попенял, что я вовлекаю Сахарова в противозаконные акции.

Сахаров заинтересовался Хроникой и остался почти равнодушен к билетам. Но купил два. Я еще удивилась, что так мало. У меня вокруг друзья покупали щедрей, а некоторые ленинградцы специально приезжали на «Рублева». В зале я Сахарова не видела. Рядом с ним сидела моя мама. А мы все были где-то далеко от них.

¹ Не совсем законная демонстрация фильма А. Тарковского «Андрей Рублев» была 19 января. Фильм был запрещен к прокату. Против Шихановича и его напарницы, которые организовали показ, было возбуждено уголовное дело. Но, пока тянулось следствие, фильм был разрешен в прокат, и дело прекратили.

Потом я стала иногда бывать на заседаниях Комитета², думаю, что это произошло вскоре после дня рождения Валерия или уже в начале 1971 года. Заседания происходили раз в неделю, мне кажется (но не уверена), по вторникам (четвергам?). Я вскоре стала называть их ВЧК (Вольпин, чай, кекс). Сахарову мой ВЧК понравился. Вольпин рассуждал. Чай (превосходный!) готовил Валерий. Я приносила кекс или ватрушку (Никита Кривошеин называл мою ватрушку диссидентской). Из всех участников этого мероприятия Сахаров был самый мало говорящий и самый слушающий. Я не запомнила ни одного спора (а они были), в котором он участвовал.

Уходили часто втроем: Сахаров, Твердохлебов и я. На углу Арбата и Садового кольца у гастронома сажали академика в такси, а сами (нам обоим надо было на улицу Чкалова) садились в троллейбус. «Полночный троллейбус плывет по Москве, Москва как река затухает»³. А когда за поздним часом приходилось брать такси, считали, до какого места доехать по Садовому кольцу нам хватит денег. Однажды Андрей Твердохлебов спросил Са-

² Комитет прав человека был основан 4 ноября 1970 года. Члены-основатели Сахаров, Твердохлебов, Чалидзе. Идея создания такой ассоциации принадлежала Чалидзе.

³ Слова из песни Булата Окуджавы.

харова: «Андрей Дмитриевич, у вас когда получка?». — «Не знаю, мне на книжку переводят», — ответил Сахаров.

15 февраля мой день рождения, много людей. Впервые был Валерий Чалидзе с Верочкой, Андрей Твердохлебов. От Комитета не хватало только Сахарова. Я думала пригласить, но удержало опасение, что его присутствие как-то изменит непринужденность атмосферы. Однако когда я пришла к нему в начале марта, то по какой-то его фразе поняла, что это его огорчило.

Пришла я, получив из Ленинграда записку, что Витя Файнберг и Володя Борисов⁴, находящиеся в психбольнице, собираются объявить бессрочную голодовку в связи с признанием их неменяемыми и просят сообщить это Сахарову. До того как пойти к Сахарову с этим делом, я съездила в Ленинград и встретила с женой Борисова Джеммой Квачевской. Я знала ее давно, принимала участие в хлопотах по восстановлению ее в мединститут. Она

⁴ В. Файнберг — участник демонстрации на Красной площади против ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. В. Борисов был в эти дни в Москве и (кажется?) принимал участие в обсуждении этой акции. Оба находились на принудительном лечении в Ленинградской психиатрической больнице специального типа (СПБ) в Удельной, т. е. в психиатрической тюрьме.

была отчислена, потому что отказалась давать показания против своего брата Льва на прошедшем за несколько лет до этого суде. Я втянула в эти хлопоты Евгения Евтушенко, и он реально пытался тогда помочь.

Встретилась я впервые и с родителями Виктора Файнберга. После этой поездки пошла к Сахарову. И была у него несколько раз. Именно в эти мартовские дни мы вышли за рамки каких-то дел, и я почувствовала его личную мужскую заинтересованность. Встречи затягивались. Андрей Дмитриевич стал как-то непривычно разговорчив и все не по делу (пересказать невозможно) — о детстве, университете и даже об «объекте». Тогда я рассказала о том, какое трагически чарующее впечатление, протянувшееся на всю жизнь, произвел на меня роман Декстера Мастерса «Несчастный случай». И я сказала: «Я и красную юбку сшила, такую, как была у героини этого романа». А была я как раз в этой юбке. И Андрей Дмитриевич сказал, что ему нравится красная юбка.

И однажды он стал показывать альбом фотографий (не семейный — семейного у него никогда не видела), сделанный секретарем Курчатова. На одной из фотографий стоят Курчатова⁵ и Са-

⁵ Теперь широко опубликованная фотография.

харов. Он мне на ней не понравился, и я сказала, что-то не очень приятное, что на фотографии он какой-то первый ученик, самоуверенный или самовлюбленный и заносчивый. На эти слова он ответил с необычной для него горячностью (дословно!): «Люся, у меня эти валентности давно закрыты. И это очень серьезно!». Я спросила, чтобы как-то убрать эту серьезность: «Вы что, ко мне подлизываетесь?». Ответил: «Да».

Я ехала домой и думала, похоже, действительно все становится серьезно. А мне это надо? Я знавала уже, что легкого (тем паче проходного) романа тут не получится. И помнила, какая это тяжкая засасывающая трясина — выяснение отношений, когда отношения рушатся. У нас с Иваном⁶ не очень было и понятно, кто кого оставил. Он не прижился в Москве. Я не хотела возвращаться в Ленинград. Начали жить врозь, и оба стали не без греха, потом то он, то я писали слезно-рефлектирующие письма, но тех слов, что в них были, хватало едва на сутки. И вдруг (все всегда вдруг) — я стояла у окна и пол-Москвы передо мной. Помню все до оттенка весеннего предсуме-

⁶ Иван Васильевич Семенов, доцент кафедры судебной медицины 1-го Лен. Мед. Ин-та. Мой сокурсник, возлюбленный, муж, отец моих детей. Фактически мы разошлись в 1966 году после 17 лет счастливой семейной жизни.

речного неба. И воздух вдруг приобрел какой-то давний, много лет не улавливаемый аромат. А меня всю охватило и как понесло чувство свободы. Как в ранней юности — все в розовом луче заката. Неудержимо захотелось на весь мир кричать — свободна, свободна, свободна! И я себе сказала — никогда больше. Всегда буду сама по себе. И было это ни с чем и ни с кем не связано. Пришло и все. По странному совпадению — Пражской весной 68-го. Сахарова я еще не только не видела, но и не слышала о нем.

После разговора о валентностях я не видела Сахарова недели две. Я опять ездила в Ленинград, на этот раз с Алешей. На каникулы он остался у отца. А я вернулась, сделав передачу Эдику и еще раз повидав родителей Файнберга и Джемму. 29 марта я пришла с работы в восьмом часу. Прошла на кухню с двумя полными авоськами какой-то провизии. Мама сидела на своем обычном месте, грея спину у батареи. Но что-то было в ее лице, что я сразу спросила: «Что случилось?» — «Звонила Ира Кристи. У Чалидзе обыск». Я отобрала из двух авосек в одну хлеб, колбасу и еще что-то и поехала туда. На лестничной площадке стояли Сахаров, Ира Кристи, Ира Белгородская и Ефимов. Потом мимо нас несколько человек протаскивали мешки с бумагами, и мы вошли к Валерию.

Там был и Андрей Твердохлебов. Был долгий разговор об обыске и возможных последствиях. Вернулась домой в четвертом часу ночи, прокатившись на такси дважды через пол-Москвы. Вначале мы с Ирой Кристи отвезли академика на Щукинский, потом я завезла Иру где-то в том же конце города, но подальше, и потом тем же путем назад — домой за Курский. Кто знает город — представляет расстояния.

Мама сидела на том же месте с вязанием. Спросила: «Арестовали?». — «Нет». — «Значит, это впереди, а пока можно ложиться». Утром она сказала, что ночью ждала, что придут с обыском. А на мое возражение, что теперь ночью не ходят, сказала, что никто не знает, когда снова начнут ходить. Такой вот синдром матери и бабушки, отсидевшей свое и безумно боящейся за меня и еще больше за внуков. А утром стало известно, что арест в тот день все же был — арестовали Володю Буковского.

В начале апреля приехала Джемма. Жила у нас. Я позвонила Сахарову, спросила, когда можно ей приехать. Он сказал: «Люся, привезите ее». И я привезла, нарушив свой личный мораторий.

А с Джеммой была смешная, но одновременно очень серьезная история — только я не помню в этот приезд или в следующий. Борисова привезли на повторную экспертизу в Москву в институт Сербского. Джемме сказали, что голодовку он снял,

и она может сделать передачу. Она все купила и стала складывать в холодильник. Но я ей сказала, чтобы сделала один большой пакет и вложила туда записку, чтобы никто не трогал, а то придут ребята с занятий и могут схватить. Утром Джемма повезла передачу и вернулась измочаленная, как после допроса. Оказывается, когда при ней проверяли передачу, в пакете обнаружили записку, в которой было написано НЕ ЖРАТЬ. Джемму препроводили к главному врачу, который обвинил ее в том, что она провоцирует мужа на повторную голодовку, и ей пришлось доказывать, что эта записка предназначалась не Борису, и писать объяснение.

21 мая мы — Валерий Чалидзе с Верочкой, Андрей Твердохлебов и я — были приглашены на день рождения Сахарова. Вместе с веткой розового миндаля я подарила ему два самиздатских⁷ томика — Окуджаву и Мандельштама. Гостей было немного. Кроме детей именинника, были муж старшей его дочери Тани и ее свекровь, Турчины и два брата Медведевы. Я ощущала какую-

⁷ Самиздат — слово, родившееся в середине 50-х годов, а в 60-е оно прочно вошло в язык. Печатаешь на «Эрике» 4—5 копий, переплетаешь, и получается книга. У Галича в песне: «“Эрика” берет четыре копии, вот и все, но этого достаточно».

то общую скованность и, может, это было ошибочное впечатление, некую напряженность между дочерьми Сахарова Любой и Таней. Таню я тогда видела впервые. Не было ощущения праздника, и даже стол показался мне скудным. И меня ошарашила одна реплика Тани о том, что она хочет переменить фамилию маленькой Марины, которая тут же бегала, с отцовской на свою. Так и сказала — чтобы она была не Либерман, а Сахарова. И я видела, как изменилось лицо Сахарова при этих словах.

При следующей встрече Сахаров спросил, понравились ли мне братья Медведевы, и огорчился от моего ответа, что не очень. Но про себя подумала: «Хорошо, что больше ни о ком не спрашивает». Но он спросил, кто понравился. Ответила, что Марина, — у этой малышки тогда был удивительно обаятельный тембр голоса.

Лето добавило в наши отношения что-то неумовимо новое. Я уезжала в Киев. Он попросил позвонить. Я звонила. И даже дважды. Прислала две красивые открытки. Потом была маленькая книжная эпопея. Я читала в те дни только что вышедшую книгу Трумена Капоте и сказала про нее что-то восторженное. Он попросил почитать и заодно попросил дать Ахматову, сказав, что я уже несколько раз ее цитировала, и теперь ему надо самому прочесть. Я дала обе книги.

В это время он с детьми собирался ехать на Кавказ, и была проблема с собакой. Я тогда несколько удивилась, почему собаке нельзя побыть на его даче, где живет Таня с семьей и с няней, но промолчала. И в ответ на вопрос, не знаю ли я кого-либо, кому можно на две-три недели подкинуть собаку, предложила подкинуть ее на эти дни в Переделкино. Я снимала там дачу, где жили мама с Алешей и Ольга Густавовна Олеша. И на том же участке снимали дачу наши друзья Игнатий Игнатьевич Ивич с женой Анной Марковной и их внук. Я сказала что два мальчика — мой Алеша и Костя Богатырев (сын Константина Богатырева)⁸ вполне справятся с одной собакой. Сахаров и Люба привезли ее. И, пока они были у нас, на Сахарова посмотреть «случайно» зашли Пастернаки и еще кто-то.

Забирать собаку приехал Сахаров один. Вернул Ахматову, а про книгу Капоте смущенно сказал, что в доме не нашел (так и не нашлась по сей день). Опять были «случайные» смотрины, а он был неожиданно свободным и раскованно-веселым, каким в его доме я его не видела. Был как обычно — общий вечерний чай в саду и общий разговор, как всегда при Игнати и Игнатьевиче и трех

⁸ Константин Петрович Богатырев, поэт, переводчик Рильке, бывший политический заключенный.

дамах его поколения (Анне Марковне, Ольге Густавовне и моей маме), легкий и глубокий одновременно.

Когда провожала Сахарова к станции, он говорил, что наше общее с Ивичами садовое-самоварное чаепитие напомнило ему дачное время его детства. А потом с огорчением сказал, что давал Ахматову читать Любе, но ей она не понравилась. На это я ему заметила, что ей не Ахматова не понравилась, а я не нравлюсь. После моих слов разговор оборвался.

В августе мы с Юрой Шихановичем ездили навестить Вайлей в Уват⁹. Поездка была очень хорошей. Вайли прекрасные и душевно очень нам близкие люди, их Димка удивительно милый и чуткий мальчик. И потрясающей мощи и красоты река. А ездить с Юрой одно удовольствие, такой он внимательный и заботливый спутник. На обратном пути еще смогли посмотреть Тобольск, побродить по декабристским местам. Потом мы чуть не застряли в Тюмени — не было в обозримом будущем ни одного билета на самолет. И неожиданно в вестибюле местной гостиницы наткнулись на большую группу московских писателей (там была ка-

⁹ Большое село, районный центр на севере Тюменской области, расположенное на берегу Иртыша, где Борис Вайль после суда в Калуге отбывал ссылку.

кая-то неделя советской литературы). И среди них были Марк Соболев¹⁰ и еще кто-то из моих приятелей. И мы стали как бы частью этой делегации и улетели в Москву вместе с ними их рейсом.

Сахаров вернулся с Кавказа с флюсом. Когда я пришла, сразу похвастался, что только что получил от Бори Вайля подарок. Я попросила показать. Это оказалась фотография: Вайли и мы с Шихом в Увате. И я сказала, что раз у него есть моя фотография, то для симметрии и мне надо бы его. Он показал мне три (позже я узнала, что их сделал в 1970 году Юрий Рост). Я выбрала одну. В этот же вечер я ехала в Ленинград опять по какому-то психиатрическому делу. Помню, что советовалась с Юрием Лурьи, который защищал Кузнецова, об адвокате для кого-то, помещенного в психушку в Риге. И встречались мы с ним не в юридической консультации, а почему-то в сквере недалеко от площади Льва Толстого. Конспирация, что ли? Теперь уже и сама не знаю.

Утром я у Веры Гессе пила кофе и показала ей фотографию, полученную от Сахарова накануне, но не сказала, кто это. Она долго ее разглядывала, явно подозревая дела сердечные, а потом спросила: «Девка, а он случайно не алкаш?». Кажется,

¹⁰ Марк Соболев — поэт, член ССП, с которым я была знакома и дружна еще с довоенных лет.

есть такая наука — по лицу определяют суть человека (забыла, как называется).

После поездки к Вайлям и в Ленинград я и Алеша собрались на Кавказ как всегда дикарями. Сахаров очень хвалил то место на побережье, откуда он с детьми только что вернулся — небольшой поселок Арсаул недалеко от Сухуми. И мы решили ехать туда же. Улетели мы 12 августа. Следующей ночью было Великое противостояние Марса, и мы с Алешей (у него была подзорная труба под названием «Юный астроном») смотрели на эту планету. Была какая-то напряженно тревожная картина. Шумящее почти черное Черное море у наших ног, темное, тоже почти черное небо над головой и непривычно большая густо-оранжевая звезда на нем.

Перед отъездом Сахаров дал нам адрес хозяйки, у которой он жил с Любой и Димой. Это был первый дом, где мы смотрели комнату. Когда я стала объяснять этой женщине, кто дал нам ее адрес, она сказала: «Да помню. Тихий такой старичок». Комнату мы сняли в другом доме. Однажды были в гостях у Марка Перельмана, отдохнувшего там с женой и сыном. Но вообще мы почти не бывали на месте и облазили все вокруг. Ходили в горы и к каким-то горячим (действительно очень горячие!) источникам. Лазили на Иверскую. Прошли пешком все ущелье Бзыби с самого ее верхо-

вья с ночевками на Рице и у какого-то пасечника. Но эту фразу привезли в Москву. Потом она вошла в семейный лексикон, и ее все в нашем доме повторяли при каждом общесоюзном или общемировом шуме вокруг Сахарова. Как же: «Тихий такой старичок!».

На последнюю неделю каникул Алеша и Таня (и, кажется, Ефрем с ними) ехали к отцу в Ленинград. Я не помню, как получилось, что в Ленинград ехали и Люба с Димой навестить бабушку. Я уже знала из рассказов Сахарова, что у Клавдии Алексеевны последнее десятилетие жизни не было отношений с мамой и сестрой. И, кажется, это была первая поездка детей Андрея в Ленинград и, может быть, первая за много лет их встреча с бабушкой с материнской стороны.

Пока мы с Сахаровым шли от вагона, в котором уехали ребята, я думала, что поеду к нему. Но когда сели в такси, я сразу сказала водителю: «На улицу Чкалова за Курский». А выходя из машины, уже жалела, что не позвала его к себе. На следующий день я была у него вроде бы по делам, пришла поздно (у меня было самое загруженное время на работе, я кончала составление расписания на новый семестр), принесла какие-то бумаги от Валерия и вскоре собралась уходить. В дверях — он внутри, а я уже снаружи — он протянул руку, в ней была большая металлическая скрепка, я взя-

лась за нее. И как какой-то ток прошел между нами. Через скрепку. Руками мы не соприкасались. Он сказал: «Люся, останьтесь». Это были первые определенные слова, которые я от него услышала. Я отрицательно качнула головой и пошла вниз. С улицы посмотрела наверх. Он стоял на балконе. И я крикнула: «Я завтра приду». Никаких дел завтра у меня к нему не было.

Я пришла с работы около 9 часов. Принесла кофе (у него в доме кофе не держали), сыр и пачку печенья «Юбилейное». Спросила, можно ли сварить кофе, и мы прошли на кухню. Там были какая-то женщина и девочка лет восьми. Сахаров нас не познакомил. Я сварила кофе. Спросила у него и у нее, налить ли им. Она отказалась и вышла. Сахаров сказал, что это сестра Клавы, которая приехала впервые за много лет.

Я налила две чашки. Мы прошли в его комнату, которую за месяцы, что прошли с декабря, я уже знала до последнего гвоздя в стене. Пили кофе, грызли печенье и то, что он мне говорил в эти часы (он мне все еще — Андрей Дмитриевич, я ему — Люся — вы), было потом пересказано в грязно-отвратительной тональности в итальянской газетенке «Сетте Джорно» со ссылкой на меня, что я якобы это рассказывала про него своим подругам. Прослушивание в его квартире было налажено хорошо.

Из документа КГБ особой важности от 20 апреля 1970 г. в ЦК КПСС:

«В целях своевременного получения данных о намерениях Сахарова, выявления связей, провоцирующих его на враждебные действия, считали бы целесообразным квартиру Сахарова оборудовать техникой прослушивающего оборудования. Просим согласия.

Председатель КГБ Андропов».

И 27 апреля наложена резолюция:

«Согласиться. Л. Брежнев».

Неожиданно (на самом деле давно ожидаемо — пролог как-то несовременно затянулся и, наверно, длился бы и дальше, если б дети не уехали) он спросил, можно ли постелить постель. Я кивнула, спросила, можно ли позвонить. И сказала два слова: «Мама, я не приду». Он принес откуда-то запечатанный комплект постельного белья (тогда такие продавали, то ли индийские, то ли египетские) и стал его распечатывать. И я спросила: «Вы, нет, ты, когда его купил?» — «Вчера. Я хотел утром постелить, но боялся сглазить, думал — постелю, а ты вдруг не придешь».

За окном уже светало, когда я услышала, как бьется его сердце, и спросила: «Давно это у тебя?». Он спросил: «Что — это?». — «Ну, экстрасистолия». Оказалось, что он про нее не знал. И я провела полный медицинский анамнез. Он ответил на все мои вопросы, но сказал, что получается не брач-

ная ночь, а прием у врача. «Конечно, я же тебе еще вечером сказала, что замуж не собираюсь. Так что — ночь эта грешная». И это была единственная ночь, которую я провела в его доме. Но с той ночи рядом с моей установкой всегда быть самой по себе появилось некое расплывчатое сомнение: а не обречены ли мы быть вместе? И рядом другая (заслоняющая это сомнение) мысль, что экстра-систолия у него врожденная. И именно поэтому его в 41-м на первом же медосмотре отстранили от призыва в армию, не взяли в Академию, и он поехал с университетом в эвакуацию доучиваться, а потом на завод в Ульяновск. В общем, полное смещение ощущений счастливой любовницы и профессионала-врача.

Утром (на самом деле сильно после полудня) мы ушли из его дома. Пришли в мое училище, купив в гастрономе напротив булку и творожные сырки. Ему снова пришлось пить кофе — чая я у себя на работе не держала. И я наконец задала вопрос, который меня мучил с октября предыдущего года — почему он так резко отказался взять молоко или кефир, когда я ему предложила их в коридоре калужского суда? «Так они же холодные», — сказал Андрей.

Потом он несколько часов маялся на диване в моем кабинете и на лавочке на Яузском бульваре. И мы пришли к нам на Чкалова. Андрей — впервые. Он

пишет об этом и в «Воспоминаниях», и в тексте Дневника, и там же в стихотворении «Альбинони». Мама в этот день плохо себя чувствовала. Лежала у себя в комнате. Я провела Андрея к ней и ушла на кухню. Потом Андрей пришел ко мне и сказал, что у него странное ощущение, как будто он здесь уже был, ощущение дома, потому что у мамы над кроватью висит портрет Бетховена — такой же, как был в комнате его бабушки. А мама позвала меня, сказала: «Дай коробку с нитками и сними с него кофту, я ее заштопаю, пока вы обедаете».

Спустя несколько дней вернулись из Ленинграда дети. Таня приняла Андрея сразу не только без внутреннего сопротивления, но и как-то очень тепло. Алеша был первое время напряженный и непривычно сдержанный, я бы сказала, чрезмерно корректный и отстраненный. А у Андрея все складывалось очень тяжело. Я не принимала участия в его объяснениях с детьми. В один из вечеров Андрей позвонил и попросил, чтобы я приехала. Было долгое и как хождение по кругу объяснение с Любой. Содержания разговора изложить не могу (не могла и тогда), но утвердилась в мнении, что мне принимать участие в таких разговорах не надо. Как ни трудно ему, но это он должен решать сам. И все, происходившее в доме Андрея, тщательно отслеживалось КГБ и отражалось в соответствующих документах.

•2 октября 1971 г. Тов. Сулову от Пред. КГБ Андропова.
Направляется справка о поведении академика
Сахарова А. Д. В личной жизни Сахарова в последнее время
произошли изменения. Он вступил в интимную связь
с преподавательницей 2-го Медицинского училища
Боннэр Л.Г., 1922 года рождения, членом КПСС, родители
которой в прошлом были репрессированы, а впоследствии
реабилитированы. Боннэр поддерживает негативные
проявления и деятельность Сахарова в качестве
члена "Комитета", размножает изготовленные
его единомышленниками материалы. Намерение Сахарова
вступить в брак с Боннэр встретило резко отрицательное
отношение со стороны его дочерей, в результате чего в семье
возникла напряженная обстановка».

А у нас в первые недели сложился какой-то
странный уклад. Андрей приезжал на Чкалова
поздним вечером. Когда мы на кухне оставались
одни, сбивчиво, повторяясь, рассказывал о труд-
ных объяснениях с Таней и Любой. Был потрясен
вопросом Димы: «А чей теперь будет кошелек?» и
его репликой, что он по мне пройдет коготка-
ми. А потом оставался на ночь. Я расширила тах-
ту в кухне книгами. Сверху положила матрас. Это
было наше ложе. Андрей где-то неверно написал,
что на кухне спали Таня и Ефрем. Наш сосед ака-
демик Займовский, с семьей которого мы дружи-
ли в двух поколениях (я с ним и с его женой, моя

Таня с их дочерью — тоже Таней), поглядев на наше кухонное ложе, назвал Андрея «кухонный академик». Теперь в бывшей квартире Займовских расположен Архив Сахарова.

В 6 утра я в халате провожала Андрея. Над Яузой стоял легкий туман. Вдали в первых лучах солнца розовел Андроньевский монастырь. Прощались на мосту, где он обычно ловил такси, и (странно) эти ежедневные расставания на рассвете не создавали ощущения временности.

Но однажды он пришел и сказал, что утром не уйдет, что Люба его вроде как прогнала, сказала, что сама будет Диме мамой и папой. Я же считала, что Дима должен жить с нами и что, как только будет готова моя кооперативная квартира (она строилась уже два года, ее обещали к ноябрьским праздникам и уже прошла жеребьевка), Андрей должен на это решиться. Забегая вперед, скажу — не решился, боялся обидеть Любу.

А пока у меня возникла проблема создать быт, более устойчивый, чем кухонное ложе. Таня и Ефрем в ожидании моего кооператива переехали в Петрово-Дальнее к маме Ефрема, мы с Андреем в комнату, где раньше жили я с Алешей, Алеша к маме. Андрею перешел в наследство от Тани ее письменный стол. Понадобилась еще одна настольная лампа. И мы поехали делать первую в нашей совместной жизни покупку.

В магазине «Тысяча мелочей» были четыре типа ламп, разнящихся и по качеству, и по цене. Разброс был от 6 рублей до 22. Я хотела купить за 18. Андрей настаивал на шестирублевой. Я говорила, что она, во-первых, уродка, а во-вторых, неудобная. Андрей на это ответил, что зато дешевая. Я довольно сдержанно предложила выйти на улицу и там поговорить на тему о том, что я могу себе позволить купить на свои трудовые, и о том, что мне будет не по карману. Вышли. Там был тротуар и рядом вскопанный газон, огороженный на уровне колен тонкой проволокой. И я зло сказала, что если еще когда-нибудь он сунется с такими аргументами при любой покупке, то вот Бог и вот порог. А я сама себе хозяйка. И пусть с самого начала катится куда подальше, чем когда-нибудь потом выяснять отношения из-за подобных мелочей. Говорила с такой, мягко говоря, экспрессией, что он отшатнулся и, зацепив ногой за проволоку, упал. Это падение спасло нашу будущую семейную жизнь. Невозможно продолжать ссору, когда человек упал и сильно расшиб ногу. Больше настоящих семейных ссор у нас не было. А что мы до хрипоты спорили над каким-нибудь документом, или я на него ополчалась из-за излишней доверчивости и внешней врожденной мягкости, часто создававших у окружающих неверное впечатление о его

взглядах, так это ссорами мы оба не считали, да и по существу это не были ссоры.

Все эти события, внутренне очень насыщенные, произошли за какие-то полторы—две недели. В доме привыкли, что все надо греть, что он любит делать это сам. Танин первоначальный испуг, когда Андрей, подцепив вилкой кусок селедки опустил его погреть в стакан чая, и она в ужасе закричала: «Андрей Дмитриевич, что вы делаете?», вспоминался со смехом. Андрей привез со Щукинско-го чемодан, в котором была рукопись учебника, пара рубашек и несколько книг по физике. На этом его переезд завершился. За вечерним чаем в связи с таким событием Таня сказала: «Андрей Дмитриевич, теперь нам надо знать, кто ваши друзья». Ее поддержал Ефрем, добавив, что комитетчиков мы знаем, а кто другие? И Андрей замялся, а потом очень неуверенно сказал: Зельдович.

А я решила, что его пора уже представить моим ленинградским друзьям. В Ленинграде на Пушкинской улице жили одной семьей Наталья Викторовна Гессе, Зоя Моисеевна Задунайская и Регина Моисеевна Этингер. С Региной я была дружна с 8-го класса школы. С Натальей подружилась, когда в 1953—1954 годах работала по совместительству редактором в Ленинградском отделении «Медгиза». В том же Доме книги, где был «Медгиз», располагался «Сельхозгиз». Там работала Инка (Регина),

и я свела их с Наташей — получилось, на всю оставшуюся Инке жизнь. С Зоечкой «взрослое» знакомство возникло через Наташу в 59-м году, но я знала ее (и, соответственно, она меня), когда я занималась в Доме Литературного Воспитания Школьников, а Зоя Моисеевна была одной из «маршаковен», приглядывавших за нами.

И мы полетели в Ленинград. Обычно я туда моталась на поезде, используя свою 50% скидку инвалида войны (хотя моя скидка инвалида ВОВ на билет была и на самолет). Ночь в поезде казалась меньшей тратой времени, и билет был все же дешевле. При моих частых и всяких разъездах без этой скидки мои финансы, даже при довольно серьезном приработке в Литконсультации Союза писателей, не выдержали бы нагрузки.

Впервые летели вместе. И в самолете договорились, что никогда не будем летать или ездить по одиночке. И вообще будем жить по принципу — с любимыми не расставайтесь. Однако пошлая поговорка «Человек предполагает, а жизнь располагает» оказалась сильнее нас. Мы оба не могли тогда представить, сколько разлук нас ждет впереди — кратких и долгих, вынужденных и трагических.

Андрей, еще когда мы были на «вы», много и упорно говорил мне о своей неконтактности, и я опасалась, что у моих пушкинских друзей он поначалу может чувствовать себя скованным. На та-

кой случай я собиралась временно выселить одного из моих друзей Лесика Гальперина из его однокомнатной квартиры. Но все оказалось легко и просто. С Наташей Андрей уже был знаком по суду в Калуге, и ее внешнюю резкость сразу принял как высшее проявление дружбы. С Региной, о которой он знал, что моя дружба с ней началась 1 сентября 1937 года и никогда не прерывалась, сразу возникло полное взаимопонимание. А Зочку, от которой исходила доброта так же отчетливо, как тепло от солнца, полюбил, что называется, с первого взгляда. Да и как же могло быть иначе, если даже «Верховный судия» — Лидия Корнеевна — начинала светиться, когда говорила о ней. Правда, Андрей этого не знал, потому что еще не знал Лидии Корнеевны Чуковской.

Ленинград конца сентября всегда золотой и прозрачный. На самом деле еще неизвестно, что ему больше к лицу — белые ночи или ранняя осень. Я была поражена, когда узнала, что Андрей был в этом городе только один раз и только один день. И я показывала ему и рассказывала город до изнеможения. И если все долгие беседы нашего «пролога» был, в основном, его рассказ о себе (позже Андрей говорил, что он раскрыл мне все карты), то Ленинград стал наглядным пособием к моему рассказу обо мне. Потом я повезла его в Павловск.

Там, в больнице, построенной еще при Николае II, я проходила первую врачебную практику под руководством старого доктора, который в свое время был врачом по женским болезням у императорской семьи. И позже для приработка работала там на городской станции скорой помощи. Павловский парк я любила и знала «назубок». ¹¹ И в нем однажды потерялась полуторагодовалая моя Танька. Сама вышла со двора (я снимала комнату в доме напротив парка), перешла дорогу и исчезла. На розыск по просьбе главного врача больницы подымали воинскую часть. Но и поиск доченьки послужил заучиванию тропок и дорожек этого удивительного парка.

А после Павловского парка был Пушкин (Пушкин, Детское село, Царское село) — город, где, кроме всех великих, кто там жил, еще росли и мои дети во флигеле дачи Китаевой ¹² под опекой бабушки и дедушки с отцовской стороны. Но мы не пошли ни во дворец, ни в лицей. Мы пошли в Гостиный двор (не все знают, что в Пушкине, как и

¹¹ «В тот день всю тебя, от гребенок до ног, Как трагик в провинции драму Шекспирову, Носил я с собою и знал назубок, Шатался по городу и репетировал». Борис Пастернак. «Марбург».

¹² В даче Китаевой в первое лето после женитьбы жил Пушкин с юной своей женой Натальей Николаевной.

в Санкт-Петербурге, есть настоящий Гостиный двор) покупать все, начиная с исподнего, Андрею Дмитриевичу Сахарову. Потому что с момента, как он ушел из своего дома, он носил майки, трусы, носки и рубашки, которые не забрал Иван. Две из Ивановых рубашек (еще иракских)¹³ так любил, что доносил до полной ветхости.

В сентябре умер Хрущев. Я как-то не помню газетных сообщений о времени и месте похорон, но западные радиостанции сообщали об этом. И Андрей решил поехать на кладбище. Мне теперь кажется, что это был наш первый совместный выход на люди. У Новодевичьего стояла большая очередь, и, кажется, простых смертных внутрь не допускали. Но Андрей показал свое удостоверение (не помню, Героя или академика), и мы попали внутрь. Прошли к могиле.

Вокруг нее стояло человек сто. Моросил дождь. Из выступавших я запомнила только сына Хрущева Сергея и какую-то женщину поколения моей мамы. Она очень эмоционально говорила о том, какую большую благодарность к Никите Сергеевичу испытывают люди ее судьбы, прошедшие тюрьму и лагеря, те, кому он вернул свободу, че-

¹³ В начале 60-х я работала в Ираке и, соответственно, в доме у всех были заграничные шмотки.

ловеческое достоинство и саму жизнь. Там были слова «возродил из небытия».

А вечером того же дня (или накануне) в связи со смертью Хрущева у Алеши (тогда девятиклассника) был разговор с одним из школьных товарищей. Тот считал, что зря Хрущев «всех их освободил». И на недоуменное восклицание Алеши пояснил: «Они же там привыкли». Фраза эта тоже вошла в семейный обиход наряду с «тихим старичком», правда, несколько позже, когда по какому-то новому законодательству лагерные суды стали часто штамповать политзекам новые сроки за нарушение лагерной дисциплины и просто потому, что «они же там привыкли».

Еще на одних государственных похоронах мы были в Центральном Доме Литераторов, когда умер Твардовский¹⁴. На улице Герцена было очень много людей и очень много милиции. Я думала, что мы пройти не сможем. Но увидела, что милиция пропускает по членским билетам Союза Писателей. А у меня был пропуск в ЦДЛ (не членский билет, но все-таки «корочки») как члена семьи Багрицкого (которого, не сказано. Он до сих пор где-то лежит в бумагах). И нас пропустили внутрь. На панихиду мы опоздали, но видели гроб,

¹⁴ Декабрь 1971 года.

лица я не видела. Постояли внизу у выхода, когда гроб выносили. Прохода Александра Солженицына об руку с Марией Илларионовной¹⁵, запечатленного на широко известной фотографии, мы не видели. На кладбище не ездили. Помню разговор с Сашей Марьямовым¹⁶, которого я познакомила с Андреем, и, видимо, он сказал Марии Илларионовне, что Андрей был на панихиде. Через какое-то время она прислала ему две книги Твардовского с дарственными надписями.

В октябре (а, может, был конец сентября?) мы были у Райских на вечере Галича. С нами была Таня Сахарова. Мне кажется, что там Андрей познакомился с Галичем. Галич числился членом-корреспондентом Комитета по правам человека (выдумка Валерия), но это была какая-то заочная должность. Не помню, чтобы кто-либо из членков хоть раз был на заседании Комитета. К слову, по-моему, Солженицын невзлюбил Валерия (а заодно и Комитет), именно за то, что его провозгласили на весь мир членкором (кажется, но в этом я не уверена), не испросив согласия.

¹⁵ М. И. Твардовская, жена А. Т. Твардовского.

¹⁶ Александр Марьямов, писатель, критик, член(?) редколлегии журнала «Новый мир». Я была с ним знакома, потому что он часто бывал у В. Б. и С. Г. Шкловских, кажется, жил в том же доме.

В конце сентября или в начале октября Андрей решил, что наши отношения должны быть оформлены. А мне казалось, что это опасней для моих детей, чем внебрачная связь. И потом я знала (Андрей сказал мне это в первый наш вечер, перешедший в ночь), что Клава взяла с него слово никогда больше не жениться. И он это ей обещал. Мне было странно и ее желание, и обещание Андрея. Но у меня было какое-то внутреннее сопротивление тому, чтобы он нарушил свое слово. И возникли две или три недели некой рефлексии на эту тему. У Андрея главным доводом было — тебя арестуют, а меня не пустят к тебе на свидание. Появились и еще какие-то тоже житейские соображения (в нашей жизни предвидение ареста было вполне житейским).

В конце октября мы снова приехали в Ленинград, надо было оформить мой развод. Меня поразило, как спокойно Андрей воспринял знакомство с Иваном. Не было даже намека на ревность к моему прошлому. В этом он так разительно отличался от Ивана, которого моя мама называла псковским Отелло. Все хлопоты Иван взял на себя, мне не пришлось являться на суд, и вскоре он прислал мне свидетельство о разводе. Можно было идти в ЗАГС подавать заявление, но оказалось, что Андрей не может найти в квартире на Щукинском свидетельств о смерти Клавдии Алексеевны, а заодно и многих других своих бумаг част-

ного характера. Он обратился в ЗАГС и получил дубликат утраченного документа. А облигации, личные письма и какие-то наградные документы так и не нашлись.

Мы подали формальное заявление, и нам выдали приглашение на бракосочетание 7 января 1972 года и пропуска в магазин для новобрачных. В то время это было существенно. Год назад по пропуску Тани я купила там два мужских шотландских свитера — Ефрему в подарок на свадьбу и Алеше. Не помню, чтобы я покупала что-либо специально свадебное Тане. Платье перешло к ней мое, привезенное в 68 году из Франции, вместо белых туфель были босоножки, да еще она сама себе соорудила какую-то немислимую шляпку. И если говорить о приданом, то его ей прислали мои итальянские друзья Мария Олсуфьева¹⁷ и Нина Харкевич¹⁸ — несколько комплектов прелестного цветного постельного белья. У нас в стране такого еще не водилось. Но его довольно скоро Алеша и Ефрем, по-

¹⁷ Мария Васильевна Михаеллес, урожденная графиня Олсуфьева, известный переводчик русской литературы XX века, лауреат премии Таурмина. Подробнее о ней см. Год 1972.

¹⁸ Доктор Нина Адриановна Харкевич, известный врач и профессор анатомии Флорентийской Академии Художеств, художник и автор книги стихов. Подробнее о ней см. Год 1972.

лучив из прачечной, забыли в электричке. Мы же втроем — мама, ее сестра Раиса Лазаревна Бонер (у всех моих родных по воле советских паспортисток получились разные фамилии) и я, подарили им 1000 рублей, на которые был куплен подержанный «Запорожец». Он прожил несколько дольше, чем бельё. Рема бесконечно много совершенствовал на нем свой талант слесаря и механика, но иногда все же возил нас, а позже и Андрея.

В этом спецмагазине был куплен Андрею черный вполне приличный соц. демократического производства костюм, шотландский свитер (у парней были синие с белым, а ему я купила черный с белым), и он (свитер) фигурирует на многих фотографиях. Себе ничего не покупала и колец мы не заготовили. Так мы завершили подготовку к нашему официальному бракосочетанию. Но к нему готовились не только мы, но и в КГБ, и в связи с этим меня, можно сказать, повысили в категории¹⁹.

Через несколько дней мы поехали в Киев, где был назначен суд над поэтом Лупыносом. В гостинице нас отказались поселить в одном номере, хотя Андрей показал приглашение из ЗАГСа на 7 янва-

¹⁹ 16 декабря 1970 г. «дело оперативной проверки на Боннэр Елену Георгиевну» было передано из УКГБ по Москве и Московской области в 1 отдел 5 Управления КГБ СССР.

ря. Дежурная твердо стояла на страже нравственности граждан. За нас ходатайствовал мужчина (явный сотрудник КГБ, сопровождавший нас на аэродроме в Москве и в самолете), но и это не помогло. Ночевали мы в комнатах на разных этажах. Суд отложили на неопределенное время почти сразу после появления Сахарова в зале заседаний. Но мы познакомились в эту поездку с несколькими киевскими диссидентами. А потом, несмотря на серый с мокрым снегом день, когда неба как будто не существует, я таскала Андрея по городу, показывая ему все булгаковские места. В прошлом он один раз был в Киеве, но ничего этого не видел. И еще мы купили там обои для намечавшегося дома ремонта. В Москве в этот год обои были дефицитом.

29 декабря исключали из Союза писателей Галича. Пока на втором этаже бывшего особняка графа Олсуфьева, ныне Дома писателей, шло судоговорение, Сарра Бабеньшева²⁰ и я маялись в вестибюле. Мимо нас, старательно отводя глаза в сторону, шли в ресторан и из него всем известные и никому не известные члены Союза. И те, и другие наверняка были знакомы с Саррочкой, а кое-кто

²⁰ Бабеньшева Сарра, литератор, член Союза писателей, близкий друг Л. К. Чуковской, Л. З. Копелева и многих других писателей, широко известных русскоязычным читателям.

и со мной. И я безуспешно пыталась найти ответ на вопрос, откуда им известно, что мы ждем Сашу.

И еще вспоминала, как я месяца три назад привела в этот ресторан Андрея, и со всех столиков ресторана те же люди пялились на Андрея, но я соблюдала дистанцию. К нашему столу допустила только Дезика Самойлова и Марка Соболя²¹, сказав, что Андрей приглашает. Андрей промолчал, хотя поглядел на меня удивленно. Но, к сожалению, Дезик был уже сильно не в форме.

Когда Марк уходил, чтобы водрузить Дезика в такси, Андрей спросил меня, с чего это я решила, что он их приглашает. Я ответила, что это мои друзья, а ему давно надо расплатиться и за сосиски в Верховном суде, и за «судака для академика» в его Доме Ученых. Может, именно потому, что Дезик был «не в форме», и он, и Андрей считали что познакомились, когда мы с Андреем приехали к Самойловым в Опалиху.

Был насквозь мокрый серый день. Под мелким липким дождем мы дошли до дома Самойловых. А в доме пахло свежими поленьями, и было тепло не только от печки. Галя была приветлива и спокойна и все трое детишек здоровы, что бывало не так часто. А Дезик был чист как стеклышко, я бы сказала

²¹ Марк где-то в «Литературной газете» пишет об этом застолье.

благостен, много читал и своего, и других. По какой-то ассоциации со своей тогдашней работой читал Сологуба «Меня прельстила алость казнящего меча и томная усталость седого палача» (похоже, не наврала?) Потом читал Державина. И было застолье. Но Андрей водки не пил. И Дезик выпил, кажется, одну рюмку. Меня всегда тепло принимали в этом доме. Несколько раз я приезжала с Алешкой. И я радовалась, что и Андрею легко быть у них и общаться с Дезиком. А недавно я прочла неопубликованные дневники одного из школьных друзей Дезика, и мне показалась неправдой одна из записей в нем. Этот человек (высокопоставленный партийный чиновник) пишет:

«10 ноября 73 г. Последний праздничный день.

Был вчера у Дезьки (Давид Самойлов, поэт) в больнице...

Разговор не получился. Скакали с темы на тему.

Чувствовалось, что он где-то уже не доверяет мне до конца и не знает, как себя держать со мной. Назвал Сахарова единственной чистой и простодушной искренней фигурой во всем этом. Бросил вскользь, что не бывало еще в русских общественных движениях, чтобы тех, кто их предавал, считали, если не героями, то правыми и даже победителями. А к Якиру и Красину (которого, кстати, уже выпустили) сейчас «эти оппозиционеры» с почтением... «Вообще все это мерзостно — так называемое оппозиционное дзигение, не только по импотентности, но и по содержанию... Что Галич имеет общего с Сахаровым? Этот подонок, который обиделся на всех

за то, что кому-то наверху не пришлось его песенки... Вот и вся природа его оппозиции. А он вьется возле Сахарова, пачкает его, сочиняет ему политические тексты. Баба его (Боннэр) играет тоже гнусную роль, а сама дура дурой и пошлая».

Мне не верится, что Дезик мог так говорить о Галиче, да и обо мне. И я не помню, чтобы кто-то считал Красина и Якира «правыми» и «победителями», жалели их многие — да. Но за последнее десятилетие я прочла такую массу вранья, что не знаю, как смогла его переварить. Когда есть документы, то можно бы опровергать, только уж очень противно, и надо ли? А когда их нет — только разговоры? И кто мне поверит, тем паче, если почти везде, как в этом дневнике, я «дура дурой и пошлая»?

А история «судака, который только для академика», была еще в последние дни августа. Андрею надо было забрать в библиотеке Дома Ученых журналы, и заодно мы решили там поесть. Заказали судаков фри. Но нам принесли одну порцию судака, сказав, что судак только для академиков. А мне были предложены котлеты. Каждый съел свое. Но на улице я сказала, что, во-первых, я больше никогда не пойду обедать в ДУ (слово выдержала), а во-вторых, он должен был при официантке предложить судака мне, а я бы поделила судака и котлеты на двоих. И именно так мы будем делать во всю дальнейшую совместную жизнь, если она у нас окажется совместной.

Наконец наше с Саррой ожидание кончилось. Саша спустился с верхов, где обитают высшие члены их писательского союза, на грешную землю и, полуобняв нас за плечи, почти подтолкнул в сторону выхода. Потом, когда Галич так неожиданно и трагически ушел из жизни, я, вспоминая этот день, думала, что тогда был бы уместен монолог вроде Чацкого. Но монолога не было. Он сказал только: «Пошли, девочки» — и навсегда покинул этот Союз советских писателей.

Спустя какое-то время, когда кончили «капать» гонорары и Галич начал понемногу продавать свои раритеты — какие-то старинные статуэтки, фарфор, еще что-то, я написала письмо тогда совсем незнакомому Генриху Бёллю. Писала вроде как тайком от Андрея (почему-то стеснялась). Но написав, показала и даже хотела, чтобы Андрей вместе со мной подписал его. Но Андрей отказался. Сказал, что для него это чересчур эмоционально²².

Дорогой господин Бёль!

Мне очень трудно писать Вам. Единственно, что дает мне это право — любовь к Вашим книгам и бесконечная благодарность за Ваш труд. Так же, как Ваши книги, моему мужу и мне близка Ваша общественная позиция.

²² Нина Крейтнер нашла это письмо в архиве Генриха Бёлля.

Нам кажется, что Вы понимаете сложности и трудности нашей жизни глубже, чем многие на Западе. Ваши выступления в защиту Солженицына в ряду других событий имели большое значение в том, что Александр Исаевич может жить и работать.

Поэтому я пишу именно Вам и хочу рассказать о судьбе русского поэта Александра Галича. Возможно, Вы слышали о нем, и в моем письме для Вас будет мало нового. И все же!

Александру Аркадьевичу Галичу (Гинзбургу) 53 или 54 года. Его пьесы шли во многих театрах, по его сценариям снимали фильмы. Он имел успех, благополучие. И вдруг (на самом деле, конечно, не вдруг, а потому, что была и есть внутренняя честность) родились его песни, отражающие все, что было в стране и с народом. Не мальчиком, ищущим популярности, а где-то в возрасте сорока, когда обычно приходит желание устойчивости, он взял в руки гитару и запел.

Трудно объяснить, что такое песни-стихи Галича, но, если согласиться с определением Белинского, что «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни того времени, то песни Галича — энциклопедия нашего сегодня. Широта тематики их поразительна. Из них можно узнать больше, чем из многих толстых

и ученых томов. В них правда, боль, надежда и безнадежность наши. В них отражается сегодняшний характер общества и звучит язык представителей всех его слоев. Такой язык нельзя подслушать, для того, чтобы его услышать, нужен талант и общность судьбы.

Галич поет свои песни, тихо подыгрывая себе на гитаре, чуть задыхаясь, потому что у него большое сердце. А потом песни расходятся по всей стране. Их поют в пригородных поездах, они звучат на любой вечеринке, нет человека, у которого есть магнитофон и нет пленок Галича. Это магнитофонный «самиздат». За них — за эти песни — дают «срока». Они действительно народны!

29 декабря 1971 года секретариат Союза Писателей СССР исключил Галича из союза. Вскоре такое же решение принял Союз Кинематографистов. Это означало, что Галич не сможет заработать ни копейки. Так оно и случилось. Насколько мне известно, он лишен поддержки западных писателей и общественных деятелей, а создать изоляцию для кого угодно у нас очень просто. Сообщали какие-то западные радиостанции, что он дружен с Солженицыным, но это неправда — они не знакомы. Говорят, что он живет на средства Сахарова — тоже ложь, у Сахарова нет денег.

После исключения из Союза прошло более года. За это время Галич написал много новых стихов и песен. В них глубина второго дыхания. Они отмечены удивительной чистотой и цельностью и той пронзительной человечностью, которая отличает поэзию от подделки. Автор этих песен пока продает книги и все, чтобы жить. Но ведь вещей никогда не хватает надолго, а что будет потом?

Вспомните, кого у нас исключали из Союза Писателей — Зощенко, Ахматову, Пастернака, Солженицына — Александр Галич в их числе! В этом списке только двое живых. И память об ушедших жива только, когда помогают живым!

Простите, что этим письмом я прошу Вас о каком-то действии, но просят только у тех, кому доверяют. И может быть, Ваше слово, Ваша поддержка помогут жить Александру Галичу.

Мы с мужем желаем Вам здоровья, душевных сил и радости.

Москва 13 февраля 1973 года.

Елена Боннэр-Сахарова.

Я не делаю секрета из этого письма. Вы можете давать его читать друзьям, печатать — делать все, что покажется Вам целесообразным.

Москва Б-120. Улица Чкалова, дом 48-Б кв. 68

Накануне исключения Галича прилетела из Флоренции на пять дней Нина Харкевич. Вначале она собиралась прилететь на наше официальное бракосочетание. Но я ее уговорила этого не делать. Мне было неуютно оттого, что Андрей решил о нем не говорить своим детям, и поэтому я решила, что и с моей стороны никого, кроме обязательных свидетелей, не будет. И своим детям сказала, что они в ЗАГС идти не должны. И мы с Ниной 31-го полетели встречать Новый год в Ленинград на Пушкинскую. Знакомство с Ниной для Андрея оказалось значимым, не только потому, что он приобрел верного и деятельного друга. Нина стала первым доверенным лицом Андрея на Западе, а позже и главным распорядителем (вместе с Аннемарией Бёлль) основанного мной Фонда помощи детям политзаключенных.

ГОД 1972

Первого января мы вернулись в Москву. 2-го Нина улетела домой, а мы втроем (я и Алеша впер-вые) поехали на дачу Андрея в Жуковку.

Эта поездка оставила у меня тягостное впечатление. До этого Андрей долго уговаривал Алешу согласиться поехать с нами — он считал, что несколько дней общения мальчиков очень важны. Мы приехали 2 января Нового 1972 года. Все три спальни наверху были заняты. Мы спали в гостиной внизу, и целый день там находились все остальные. Когда я включила привезенный с собой свой маленький «Панасоник», чтобы послушать ВВС, мне сделали замечание, что я мешаю. Алешка часами бродил где-то один или с нами, а в доме сидел, уткнувшись в книгу. Я решила вытерпеть эти каникулы, хотя понимала, что никакого сближения не получится, когда Миша¹ ни на секунду не отпускает Диму от себя и не дает ему возможности пообщаться с отцом. И я была несказанно рада, когда вечером 4-го приехал Алеша Тумерман и сказал, что на завтра назначен суд над Буковским. И мы сразу уехали в город. В электричке Алешка сказал: «Отступили стройными рядами и не потеряв лица». Кажется, даже Андрей почувствовал облегчение после этой реплики.

¹ Михаил Либерман — муж Тани Сахаровой.

Но в эти дни в Жуковке мы познакомились с Монгайтами². Оказалось, что Монгайт был дружен с отцом Андрея Амальрика. И он многое рассказал нам о его семье, детстве и студенческих годах, так что сам Андрей Амальрик, с которым ни Андрей, ни я тогда знакомы не были, стал по-человечески ближе.

5 января был суд над Буковским. Для Андрея он ознаменовался тем, что его уравнили в правах со всеми нами. Его впервые не пустили в зал заседания, хотя он предпринял попытку добиться разрешения и объяснялся с каким-то то ли судебным, то ли милицейским начальством.

Седьмого января мы в положенное время явились в ЗАГС вместе со своими свидетелями — Наташей Гессе и Андреем Твердохлебовым. Туда, проигнорировав мою просьбу, прибежала с букетом цветов моя Таня, да еще вдоль стены стояли шесть здоровенных мужиков в одинаковых темных костюмах. Осталось непонятным, зачем их туда пригнали. Шампанского в ЗАГСе не было.

Во время бракосочетания на вопрос о кольцах дамы, которая проводила это мероприятие, я бодро ответила, что их нет. Но Андрей сказал, что есть, и достал из кармана коробочку, в которой оказа-

² Андрей в «Воспоминаниях» неверно указывает другое время знакомства с Монгайтами.

лось не кольцо, а тоненький золотой браслет. Это был первый его подарок мне. До этого ни разу ничего не было. А потом, как от того разговора на ступенях телеграфа в декабре 1970 года до декабря 1989-го пошло по восходящей духовно-душевное, а потом и физическое единение, так от этого браслетика пошла по нарастающей и конфеты, и цветы, и вазы, и духи, и украшения. Андрей быстро приобрел до того незнакомое ему чувство радости от дарения и стал делать подарки не только мне.

Третья неожиданность этого дня ждала нас дома. Это был роскошно накрытый стол. Оказалось, Циля³ и Маня⁴, сговорившись с мамой, все утро жарили и пекли у себя на улице Обуха разные вкусности. Циля и мама были дружны со времени Гражданской войны, когда они обе на Дальнем Востоке служили в санитарном отряде Федора Николаевича Петрова (см. Энциклопедию). А Маня была в конце 30-х — 40-е годы в одном с моей мамой карагандинском лагере жен изменников Родины. Это ей мама, стоя рядом на вечерней лагерной поверке и глядя на звездное небо, сказала: «Смотри, какая красота». А Маня

³ Цецилия Ефимовна Дмитриева, в течение ряда лет зав. редакцией журнала «Знамя».

⁴ Мария Ефимовна Разумовская, бывшая узница ГУ-ЛАГа (ЧСИР — член семьи изменника родины) в какие-то годы работала в том же журнале машинисткой.

на это маме ответила: «Ты что, сумасшедшая, какая тут может быть красота». Часто и потом Маня говорила маме: «Вот сумасшедшая, занимается детскими забавами». Это говорилось, когда мама целыми вечерами рисовала нам разные плакаты и шаржи и шила костюмы для наших домашних игр и спектаклей. А мама это очень любила.

И, пока мы отсутствовали, Алеша перекантовал к нам все, что настряпали Циля и Маня. Так что свадьба, несмотря на то, что Андрей оробел перед собственными детьми, получилась и даже с шампанским. Из гостей были только Циля, Маня и Наташа, да наша с мамой семья — Таня, Алеша и Ефрем, теперь включающая (уже официально) и Андрея. Не помню, был ли Андрей Твердохлебов. Вспоминали многолюдье свадьбы Тани и Ремы, когда в доме было более 50 человек и немимоверно большую, в четверть обеденного стола, коробку шоколада, которую тогда принес Булат.

А вечером мы с Андреем уехали в Киев и, хотя поездка была вызвана необходимостью встретиться с Виктором Некрасовым, она стала для нас вроде как свадебным путешествием. В гостинице Андрей предъявил той же самой дежурной наши паспорта со свежими, накануне поставленными штампами о браке. Она смущенно поздравила нас и пустила переночевать в одной комнате. В доме у Некрасова мы познакомились со Славой Глузманом.

Вечером он провожал нас на вокзал, вообще как-то сразу понравился, даже больше — сразу обоим пришелся по душе. Но мы тогда еще ничего не знали о его подвиге — заочной психиатрической экспертизе Петра Григорьевича Григоренко.

После 10 января разрешили въезжать в мой кооператив, и 14 января совершился переезд, хотя в доме не было газа и телефона. Грузчиков не нанимали, помогать в переезде пришли друзья. Еще не были пущены лифты, и «богатырь еврейского народа» Володя Гершович втащил на себе на 8-й этаж холодильник. И было очень весело работать. Андрею очень нравилось трудиться в этой компании. Потом поужинали, что-то выпили и, оставив Таню и Ефрема на новом месте, поехали всей компанией на электричке в город. Новогирево, где был мой кооператив, тогда воспринималось как пригород.

Я испытывала чувство радости оттого, что у ребят теперь есть свой дом. Это было так непохоже на начало моей взрослой жизни, на ее, как тогда казалось, вечный коммунальный быт. Вспоминала, как мы более двух лет назад собирали деньги на первый взнос в кооператив, потом ежемесячно отдавали друзьям долги. А Нинуха Шкловская⁵ рисовала мини-

⁵ Дочь скульптора Геннадия Шкловского, племянница астрофизика Иосифа Шкловского, сверстница и детская подружка Алеши.

атюры, которые мы как премии-расписки выдавали всем соучастникам этого мероприятия. Часть этих картинок размером в почтовую открытку хранится у меня до сих пор, а совсем взрослая Нина Шкловская живет и рисует где-то на юге Франции.

На вокзале нас встретил кто-то из друзей и сказал, что в Москве было несколько обысков. И опять этот всегдашний контрапункт нашего бытия — только что радость от новоселья и сразу столкновение с диссидентской повседневностью — если были обыски, значит, жди арестов. Январь стал месяцем арестов в Москве и на Украине.

После переезда ребят в доме стало несколько просторней, у каждого появилось постоянное место для сна и для работы. Однако людей, в течение дня проходящих через наш дом, становилось все больше и больше, и делом мы с Андреем фактически могли заниматься только ночью. И в маминой, и в моей жизни возникло еще одно осложнение. Со времени, как мама получила эту квартиру на ул. Чкалова, у нас все годы была приходящая домашняя работница Елена Ивановна — бывшая санитарка 20-й детской больницы⁶. Обычно

⁶ Теперь там работает известный всей России после трагедии «Норд-Оста» доктор Рошаль, а в те годы там заведовал хирургическим отделением дядя моей мамы доктор Григорий Михайлович Берлинский.

она приходила два раза в неделю, но если возникала необходимость, например, заболела мама, то и чаще. Я была избавлена от стирки, от уборки и закупки части продовольствия. Но вскоре после нашего с Андреем официального бракосочетания Елена Ивановна сказала маме, что больше не будет приходить, потому что ее вызывали в КГБ и предложили работать осведомителем, наблюдающим за нашим домом. Она отказалась, но продолжать у нас работать боится.

Почти одновременно начались осложнения у меня в училище. Директор, с которым у меня были прекрасные отношения, несколько смущенно спросил, не хочу ли я в связи с замужеством отказаться от должности заведующего практикой, на которой я фактически организовывала всю профессиональную подготовку учащихся. Я сказала, что не хочу, но если от него это требуют, то могу пойти лично ему навстречу, взяв большую педагогическую нагрузку, чтобы таким образом компенсировать потерю в зарплате. Но он сказал, что не сможет мне ее дать. Это было совсем странно. Мы всегда старались в предпенсионный период дать такую нагрузку преподавателям, чтобы у них получалась максимальная пенсия. Это было во всех учебных заведениях негласным этическим правилом. И тогда я сказала, что предпочитаю воспользоваться своим правом инвалида войны и уйти на пенсию, доведя

свой выпускной курс до госэкзаменов в мае. А стаж, и общего, и врачебного, и преподавательского, у меня было более чем достаточно. Своим решением я несказанно его обрадовала, и он так проникновенно меня благодарил, что я поняла, как нелегко ему достался этот разговор со мной.

Андрей был обрадован моим решением. Но мама, воспитанная в традициях семьи, где все женщины, начиная с поколения моей бабушки, были профессионалами и работали до преклонного возраста, была недовольна и считала, что лучше бы я продолжала работать.

Приближались школьные мартовские каникулы, и мы решили ехать в Среднюю Азию: во-первых, посмотреть, а во-вторых (и второе определяло и регион, и маршрут), познакомиться с семьей недавно осужденного молодого человека из Душанбе Анатолия Назарова. Осужден он был за то, что записав с радио «Размышления» Сахарова, послал по почте пленку своей подруге в другой город. Случай, доказывающий интерес к подобным радиопередачам не только в столичных городах, но и в провинции и подтверждающий широкую, почти тотальную перлюстрацию всех почтовых отправок. Лететь собирались вчетвером. Андрей опять надеялся, что у мальчиков сложатся отношения и само путешествие привлечет Диму. Но Дима ехать отказался, как считал Андрей, под влиянием сестер.

Путешествие было интересным, хотя Назарову наши контакты с его семьей, которая нам очень понравилась, и с адвокатом никак не помогли. После нашего визита Анатолия перевели в другой лагерь в соседней республике. А без малого через 30 лет в период становления Содружества Независимых Государств в Душанбе вспыхнули антирусские беспорядки. И был убит брат Анатолия, депутат городского совета (русский по отцу, таджик по матери).

Мы были и в Душанбе, и в какой-то очень красивой долине Киргизии. Были в Бухаре, Самарканде, в Ашхабаде и Мары (городе, где я родилась). Город этот, когда-то бывший столицей всего региона, поразил нас пылью, бедностью и обилием палестинцев во всех чайханах, столовых, кафе и в гостинице. Оказалось, что в нем и в его окрестностях расположено несколько лагерей подготовки палестинских боевиков. И мы, переночевав в гостинице, поехали в Фирюзу⁷, не зная, что это пограничная и, следовательно, запретная для вольных путешественников зона. Название я помнила с детства, когда от папы слышала, что эта долина — одно из самых красивых мест, которые ему довелось увидеть.

⁷ Высокогорная долина и одноименный населенный пункт.

Ночным автобусом на рассвете мы приехали в маленький, ничем не примечательный городок, окруженный горами. Делать и смотреть в нем было абсолютно нечего. И мы, купив хлеба, овощей и фруктов на крохотном базарчике и залив термос кипятком в какой-то еще не открывшейся столовой, решили спускаться вниз по долине, идя вдоль дороги. Пройдя несколько километров, проголодались, и нам после ночи в автобусе захотелось спать. Выбрали зеленый склон горы с пламенеющими островками алых тюльпанов. И очень уютно расположились в тени какого-то дерева. Красота была необычайная. Поели и задремали. Я вроде как слышала какой-то разговор Андрея и Алеши. Отдельные слова. Фирюза. Бирюза. Фирдоуси. Саади. Или мне это уже снилось? Проснулась от чужого голоса. Над нами стоял молодой офицер и требовал предъявить документы. А на дороге в десятке метров от наших ног стоял маленький грузовичок с несколькими солдатами. Нас застукал пограничный патруль. Но все окончилось на удивление мирно. Офицер знал имя Сахарова и никаких мер против нас не предпринял. Только отправил нас вниз на каком-то попутном транспорте.

Нас Средняя Азия захватила за живое. Особенно Бухара. Одних школьных каникул нам на нее не хватило. В марте 1973-го, когда Алешка был в 10-м классе, мы вновь полетели туда и прихватили еще и

Хиву. И Дима опять отказался ехать с нами. Во всех таких наших совсем не комфортных путешествиях меня поражал Андрей. Он как мальчишка радовался любому Алешкиному предложению еще куда-то поехать или еще что-то посмотреть. Его не смущала крайняя бедность и запущенность домов колхозника, в которых мы останавливались, отсутствие всех удобств и скудость еды. Единственным огорчением каждый раз был отказ Димы поехать с нами.

Вообще Андрей оказался человеком удивительно легким в семейной жизни. Он просто и радостно принял друзей всех трех поколений нашего дома — маминых, моих и друзей детей, как будто именно их ему в жизни и не хватало. Азартно принимал участие в наших играх, начиная с картин (мы придумали и одно время увлекались такой игрой — отгадывать, какую картину изображает ведущий) и кончая известной игрой вроде флирта под названием «Садовник» (Я садовником родился, не на шутку рассердился. Все цветы мне надоели, кроме сансапорели и т. д.). Несколько удивился, впервые со мной придя к нам в дом, что дверь не замкнута, а закрыта на газету (чтобы ветер ее не распахивал). И внимательно прочитал записку, засунутую за провод у звонка: «Не звонить — открыто». Заведено это было задолго до «явления Андрея» в нашей семье, чтобы не бегать открывать дверь, особенно когда Алешка был по-

младше, и все его приятели без конца шастали во двор и со двора. Позже «открытая дверь» пополнила копилку легенд об Андрее, хотя в квартире на Щукинском у Сахарова дверь всегда была закрытой. И «Не запирайте вашу дверь, Пусть будет дверь открыта»⁸ — это никак не относится к Андрею, а скорей — к моей маме.

Некоторые установки Андрея (слово неточное, но не нахожу другого) исчезли сами собой. Например, он сказал в первые дни, что не ест грибной суп. Ну, не ест, и не надо. Всегда можно сделать ему какой-нибудь другой. Но однажды я по ошибке налила ему грибной. И он сказал, какой сегодня вкусный суп. Я говорю, это же грибной, который ты не ешь. А он на это отвечает, что ошибался. То же самое произошло с бараниной (очень полюбил мое фирменное блюдо — плов).

Была у меня еще сугубо личная война с тремя атрибутами его туалета — с кальсонами, с галстучком, который на резинке, и с галошами. Кальсоны я не терпела с армейских времен. Наши раненные ходили в них как в верхней одежде не по своей вине, а потому что не было халатов. И навсегда запомнилась картинка: в сумерках стоит у вагонного окна с медсестрой молодой парень. Издали видно, что говорит он ей что-то нежное,

⁸ Булат Окуджава.

что-то о звездах и луне, может, даже стихи читает. И одной рукой ее обнимает, а другой кальсоны свои поддерживает, которые на причинном месте без пуговиц и держатся на завязке у пояса. Тут даже намек не остается от романтического отношения к мужчине — рыцарю, герою, заступнику. И я себе сказала, что в моей жизни никогда не будет мужика в кальсонах.

Поэтому, когда однажды осенью еще в 1971 году Андрей принес со Щукинского две пары кальсон голубовато-сиреневого цвета, я ему про них все разъяснила. Но он возразил, что без кальсон холодно. Правильно, холодно! Завтра пойдем и купим два шерстяных тренировочных костюма — будет тепло. Но они дорогие! Что, опять возвращаемся к настольной лампе? В общем, или я, или кальсоны? Эту битву я выиграла.

Галстучки (их было три) — два просто выбросила, а про оставшийся сказала, что сохраню как музейный экспонат (сохранила, и надо бы не забыть отдать в музей!), потому что настоящий мужик должен уметь красиво завязать галстук, а не цеплять вокруг шеи эту сиротскую резиночку. А галоши просто выбросила уже без всяких объяснений.

В эту же весну (или в конце зимы) было три выезда из Москвы и мои первые контакты с коллегами Андрея. В Звенигороде была какая-то физическая школа, и мы провели там два дня. Андрей

ходил только на одно из заседаний, остальные его, видимо, не интересовали, но мы много вдвоем гуляли по светлому заснеженному лесу. И вообще провели два дня и две ночи почти полностью изолированно от посторонних. Никаких контактов Андрея с коллегами я не запомнила. Но через много лет в чьих-то воспоминаниях прочла, что наш приезд вызвал большое любопытство у участников конференции, и на нас специально бегали смотреть.

Второй выезд был на конференцию в Дубну. Тут Андрей днем бывал занят. А я бродила по берегу реки. На другой ее стороне был белый простор до самого горизонта, то, что я маленькой девочкой называла «чисто поле». Потом шла в город. Там, как и в поле, еще лежал снег. Но глаза слепило повесенному яркое и уже греющее солнце, и из-под снега вытекали тоненькие хрустальные струйки. Такого города, чтобы каждый дом был в лесу (это были высокие стройные сосны, то, что строители и художники называют корабельный лес), я раньше никогда не видела. И казалось неправдоподобным, что в лесу, как декорации, вместо избышек на курьих ножках или, на худой конец, дачных домиков с мезонинами стоят многоэтажные современные дома и небольшие очень европейские коттеджи. В Дубне я познакомилась (впервые вошла в контакт) с коллегой Андрея по ФИАНу. Этим первым оказался Илья Ройзен. Но того, чем при-

мечателен этот город для физиков — Института, ускорителя и электростанции, я не видела.

В мае мы без всякого дела поехали в Калугу. Я решила, что на день рождения Андрея надо уехать. Праздновать без его детей было бы как-то неуютно, но и с ними тоже — очень уж острыми были тогда отношения. А Калугу придумал Андрей. Он очень трепетно относился к местам, где мы бывали вместе, к определенным датам. Всегда прозревал в них некую судьбоносность. И хотя утверждал, что впервые увидел меня у Валерия Чалидзе, местом встречи считал Калугу. Была очень весенняя весна. Мы с подачи Андрея посетили музей Циолковского. Андрей заинтересованно разглядывал там разные чертежи и модели. У меня же в памяти ничего не осталось. Бесцельно бродили по городу, который поразил меня обилием толстых, стоящих на широком фундаменте церквей (в большинстве не действующих). Даже те, которые были высокими, казались приземистыми из-за своей ширины. Нигде в России не видела так много таких некрасивых, без всякого полета, церквей. И мы пошли к реке. Вышли к набережной. Она высоко над водой! И противоположный берег! Он весь был, как Ах! — весь — бело-розовое облако, под которым едва намеченными видны темные стволы. А над ним нестерпимо голубое небо. Как будто все «Вишневые сады» и Чехова, и всего мира решили лично нам

показать себя в своей невыносимо прекрасной весенней силе. Ужинали в гостинице припасами, привезенными из Москвы. А по дороге к ней купили колоссальный букет сирени. В номере никаких ваз не было, и мы пристроили его в пластмассовую мусорную корзину. Запах стоял такой, будто спали в кустах сирени. Так и осталось в памяти от старинного города Калуги здание суда в 1970 году да цветущие калужские сады и аромат сирени в 1972-м.

Через пару дней я собралась в Ленинград на проводы Юры Меклера. Слава судьбе или, как говорят, слава Богу, на второй заход его не посадили, в Израиль выпустили. Андрей решил лететь со мной, сказал, что будет сидеть в гостинице и писать что-то научное. Вечером я пошла прощаться с Юрой, а заодно с улицей Союза связи, где он жил. На ней в доме № 2 когда-то жила моя подруга Регина. Это был первый дом, куда я пришла в 1937 году. Соседний угловой дом, парадной стороной выходящий на Исаакиевскую площадь, был тот, где был мой Дом Литературного Воспитания Школьников, мой ДЛВШ. Арка Главного почтамта летела над этой улицей, а в ее конце были еще императорских, декабристских времен казармы конногвардейского полка. И с Юриным отъездом все это уходило безвозвратно куда-то в прошлое. От проводов в памяти осталось только, что почему-то не хватило одного чемодана и Володя Грибов (тогда еще не акаде-

мик) гонялся домой и приволок свой чемодан. И еще какая-то всеобщая растерянность, припорошенная всеобщей же возбужденностью.

Когда я вернулась в гостиницу, меня в нее не пустили. Требовали доказательств, что я в ней прописана и что у меня там внутри муж. Никаких бумажек, подтверждающих и первое, и второе, у меня не было. И дверь захлопнули, сказав что-то вроде «Ходят тут всякие». Я посидела на каменной тумбе недалеко от детской больницы Раухфуса (когда-то я там работала) и вернулась к гостинице. После повторного разговора на сильно повышенных тонах швейцар позвал дежурную, и она согласилась позвонить Андрею в номер, сказав, что ответственность за это (за что, я не очень поняла) будет на мне. Андрей подтвердил, что я есть я и даже жена. Он был до смешного взволнован этим эпизодом, как будто я не в белой и теплой ночи провела на улице в любимом городе пару часов, а в лютый мороз и метель пропадала в глухом лесу.

Лето 1972 года было посвящено сбору подписей под Обращениями об амнистии и об отмене смертной казни. Для меня это были первые (и во многих случаях единственные) контакты с коллегами Андрея по Академии. Ездили на Николину гору к Петру Леонидовичу Капице. Возил нас туда Ефрем на машине своей мамы. Его в дом не позвали, видимо, приняли за водителя. Капица долго и увле-

ченно говорил о том, что главная проблема человечества — рост населения на планете, и потому надо думать не об отмене смертной казни, а об ограничении рождаемости. Андрей соглашался насчет рождаемости, но пытался безуспешно убедить Капицу, что важно и то, с чем мы пришли.

Я во все время визита молчала. Смотрела в окно на реку. На обратном пути в машине стала читать стихи Кайсына Кулиева, которые потом Андрей неоднократно цитировал: «Легко любить все человечество, соседа полюбить сумеи...». Имя Кулиева Андрей знал и стихи какие-то читал. Но я рассказала, как Кайсын, раненый офицер-десантник, вернулся с фронта в 43-м и поехал в ссылку к своему народу. Там умерли его дочери от первого брака. Там он женился на Махе (и это тоже был подвиг, потому что ее отец был царский офицер). Рассказала и о переписке с Пастернаком. Андрей ничего этого не знал, никогда с Кайсыном не встречался, но, мне кажется, заочно понял или, верней, почувствовал, какой он человек. А сам Кайсын после прихода Андрея в наш дом больше никогда в нем не появлялся, хотя периодически звонил (до нашей ссылки в Горький) и в конце любого разговора говорил: «Передай поклон своему мужу — великому человеку».

Сбором подписей Андрей занимался и в Баку во время Всесоюзной конференции, и мы специально ездили в Ленинград. Но и в сообществе фи-

зиков, и в «колыбели революции» среди тех, к кому мы обращались, больше было «отказантов» чем «подписантов».

Меня в какой-то мере настораживало сходство аргументов, на которых основывался отказ от подписи. Всегда это было как бы Дело, направленное на пользу общества. Я не случайно слово «Дело» написала с большой буквы — так это нам преподносилось.

Лихачев говорил, что он занят спасением Царскосельского и других ленинградских парков (Дело!). Евтушенко пришел к нам сам в поразившем Андрея каком-то розовом шелковом костюме. Я думала — раз сам пришел, значит, подпишет. Но, похоже, пришел просто отметить. Говорил, что если он подпишет обращения, то ему не дадут создать журнал современной поэзии и печатать стихи молодых (Дело!). Бруно Понтекорво говорил что-то о своей лаборатории (Дело!) и о двух семьях (итальянской, с которой приехал в СССР, и о новой семье с Радам — бывшей женой Михаила Светлова. Я знала ее в довоенные детские годы, так как они с Мишей тогда жили в писательском доме в проезде Художественного театра, том же, где Багрицкие и Олеси).

Будкер, к которому мы ездили в «Узкое» (единственный раз, когда я провела полтора часа в этом академическом санатории), ссылался на трудно-

сти, переживаемые Сибирским отделением Академии наук (Дело!), и тоже что-то о новой семье. Лиза Драбкина (и это меня огорчило, так как я сказала Андрею, что надо обратиться к ней, и была уверена, что она подпишет) — что для нее важно опубликовать повесть «Кастальский ключ», которая будет очень полезна современной молодежи (Дело!). Тогда же она подарила нам рукопись этой книги и фотографию, на которой она рядом с Лениным. И с гордостью рассказала Андрею, что это она прозвала меня «Всехняя Люся» за то, что я посылала посылки нескольким зечкам, при этом подписываясь их фамилиями (посылки передавались тогда заключенным, только если их посылали близкие родственники).

А один академик так откровенно объяснил причину отказа, что это нас даже развеселило. Он сказал, что не будет подписывать, потому что советская власть его тридцать шесть раз посылала за границу.

Булат подписал оба Обращения, а вечером того же дня позвонил Феликс Светов и попросил (сказал, что по просьбе Булата) снять его подпись. У меня тогда возникло чувство сожаления, что мы к Булату обратились — не надо бы! Но Феликс, Максимов, Владимов без колебаний подписывали. Владимов (как и Евтушенко), пришел к нам сам. И они с Андреем с ходу как влюбились друг в друга. У Ан-

дрия этому еще способствовало, что ему очень нравился роман Владимова «Три минуты молчания». Георгий Николаевич просидел у нас до рассвета. Наташа (его жена) даже звонила, волновалась, не загулял ли Георгий Николаевич. И я редко видела, чтобы Андрей был так контактен с человеком, которого видел впервые в жизни.

И к Булату мы обратились как бы по инерции, все его друзья подписывали. Мои отношения с ним после этого на много лет вперед сами собой сошли на нет (что-то вроде двусторонней виноватости), а с Андреем так и не успели сложиться или необъяснимо для меня не получились.

Познакомился Андрей с Булатом задолго до встречи со мной в Тбилиси в 1968 году. Но (что было, наверно, один или два раза в его жизни) Андрей был пьян. Его напоили Володя Чавчанидзе и Марк Перельман (физики). Вторичное знакомство состоялось осенью 1971 года. Я привезла Андрея к Булату в их квартиру за Речным вокзалом после телефонного звонка Булату. Он сказал: «Приезжайте». Оли, мне кажется, дома не было. А Булат был нездоров. Лежал в постели. Почему он не сказал об этом по телефону? Через десять лет, когда Андрей написал об этой встрече в «Воспоминаниях», он сильно ее «утеплил» и, на мой взгляд, никакого «душевного контакта» у них не возникло. Просто у Андрея сработал эффект рас-

стояния. Достаточно сравнить несколько строк в «Воспоминаниях» о Булате и те страницы, в которых Андрей пишет об Александре Галиче. А у меня в памяти отложились три эпизода (все из времени «до Андрея») контактности и легкости общения с Булатом «Будто бы весна свободно и раскованно»⁹. Один раз это было на обеде у нас дома по случаю приезда Маши Олсуфьевой и Нины Харкевич (год 1967?). Потом, когда Булат и Оля принимали их у себя весной 1969-го. Кажется, тогда Маша переводила (или уже перевела?) на итальянский роман Булата «Бедный Авросимов». И мой Алешка сцепился (никакого пнетета перед академиком у 13-летнего подростка не было) с академиком Арцимовичем¹⁰, сказавшим, что молчаливое, без силового сопротивления советской оккупации, поведение чехов и словаков в августе 1968 было проявлением трусости этого народа. Когда Арцимович ушел и Булат убирал посуду, а Алешка был у него на подхвате, Булат как-то очень проникновенно ему объяснял, почему с Арцимовичем и с «иже с ним» не стоит на подобные темы завязываться. А третий раз мы (я и Булат) сошлись у телевизора в проходном зале

⁹ Владимир Маяковский.

¹⁰ Арцимович Лев Андреевич, академик, дядя Ольги Окуджава.

ЦДЛ. Было время, когда «на Востоке у СССР был Даманский¹¹, а на Западе Недоманский¹²». Транслировали матч «СССР—Чехословакия» (я до такой степени не болельщик, что не помню, футбол или хоккей? Хоккей все-таки). И мы дружно и яростно «болели» за Чехословакию. Почему-то мне кажется, что в этот день или в какой-то близкий по времени у Булата был большой вечер в ЦДЛ (возможно, первый в этом месте?).

Запомнилось, как я однажды встретила у буфетной стойки в ЦДЛ вскоре после его полуотречения от западной публикации повести «Будь здоров, школяр». Поздоровались, хотя я даже от его взгляда ощутила холодность. Из вежливости спросила «Как живешь?». И с какой-то (может, мне показалось?) агрессивностью он ответил: «Хорошо живу, деньги есть, “Волгу” купил»

Не хочу (как-то не получается) прерывать рассказ о Булате. Когда в 1979 или 1978 году он позвал на свой вечер в клубе автозавода, было это неожиданно, как неожиданна была и новая для нас (в каком-то новом ключе) песня «Давайте говорить друг другу комплименты, ведь это все

¹¹ Остров на реке Уссури, из-за которого был пограничный спор с Китаем, и в то время шли бои.

¹² Недоманский, известный чехословацкий спортсмен (хоккеист).

любви прекрасные моменты». Мне (не Андрею!) она в тот момент не понравилась. Не полюбила ее и потом. В целом же вечер был фантастически хорош. А зал был так полон, что люди сидели на полу в проходах, на сцене и даже в кулисах.

Потом были у нас семь лет в Горьком, и Андрей отмечал то в дневнике, то в письмах к ребятам в США каждое появление Булата на ТВ или в Литгазете. А летом 1987 года, когда мы уже вновь обжились на своей улице Чкалова, когда вернулась из США мама и приехала Таня с детьми, Булат пел у нас на Чкалова. Был он ничуть не постаревшим, каким-то светящимся, даже радостным, хотя вообще-то это слово к нему не очень подходит. Но, кажется, мы все несколько фосфоресцировали в конце восьмидесятых от воздуха перестройки.

И последнее общение с Булатом было в апреле 1997 года. Судьба свела нас почти на три недели в кардиологическом отделении 23-й городской больницы, которая находится в двух кварталах от моего дома. Мы оба лежали в палатах-одиночках, он в 25-й, а я в 26-й. По вечерам (а это в больнице время самое тягостное) я заходила к нему. Булат стал какой-то маленький. Он и всегда был некрупного телосложения, но очень пропорциональный, отчего казался несколько выше ростом. А в это время весь как бы сжался — и ростом, и в ширину. Особенно уменьшилось все в лице, оста-

вались одни глаза. Его несколько раз в эти недели возили в другие больницы для каких-то специальных диагностических процедур. И после каждого нового этапа обследования он дотошно расспрашивал меня, что это может дать. Ему говорили, что у него аллергия. Я про себя не очень верила в это. Мне казалось, что он выглядит как человек, страдающий злокачественным онкологическим заболеванием. Однако спросить у нашего общего доктора, которую между собой и мы, и многие наши друзья (тоже ее пациенты) называли просто Леной¹³, не решалась. Был он формально приветлив. Обычно говорил в ответ на мой вопрос, можно ли к нему — «А, Лена, заходи». Но его отгороженность, которую я ощущала всегда (может, с другими было не так), стала еще более выраженной. Мне казалось, что его никто не посещает, сам ли он не хотел — не знаю. А об Оле сказал, что она простужена и поэтому не может к нему ходить. Я регулярно посылала к нему Галю Евтушенко с частью тех передач, которые она носила мне почти ежедневно, и несколько раз Юру Роста. Возвращались они огорченные его неконтактностью и явно плохим самочувствием.

¹³ Д-р мед. наук Васильева Елена Юрьевна, зав. отделением неотложной кардиологии московской городской больницы № 23.

Выписывалась из больницы я раньше него. Зашла проститься, и Булат впервые сказал, что в мае ему предстоит поездка с концертами (кажется, он сказал, что в Германию и Швецию), а ехать и не хочется, и нет сил. В этих словах не было жалобы, но чувствовалась обреченность. Больше я Булата не видела. По дороге домой (забирал меня на этот раз Юра Рост) я сказала, что никогда не встречала другого человека с таким именем. Вся страна зовет его просто Булат, и все знают о ком речь. Вот такая грустная история вспомнилась и, может, не к месту пришла в рассказе о сборе подписей под Обращениями об амнистии и отмене смертной казни.

И ведь я ни слова не сказала, чем были для моего поколения и поколения моих детей его песни. Мы дышали их грустно-жизнеутверждающим и всегда добрым воздухом, с ними обретали, казалось бы, не совпадающие чувства. В них чувство собственного достоинства и собственной индивидуальности сливалось с чувством сопричастности с другими и со всем миром. Получалось «наедине со всеми». Два поколения советских людей под голос и гитару Булата становились свободными людьми. Не знаю, будет ли он так же значим для поколения наших внуков? Правнуков? Но пока мальчики и девочки собираются на Арбате у памятника Окуджаве и поют «Ах Арбат, мой Ар-

бат, ты моя религия, никогда до конца не пройти тебя», можно в это верить.

И еще — из семейных захоронок (захоронки тут как закрома). В 60-е годы, когда Булат с магнитофонных пленок звучал у нас в доме почти ежедневно, у Ивана был постоянный упрек мне — «И вообще ты живешь не со мной, а с Окуджавой». Андрей перенял этот упрек. И, если я вцеплялась надолго в какую-то книгу или автора, или просто в строку из стихотворения, он повторял эту формулу. Так я жила то с Фолкнером, то с Василем Быковым, то с Яном Кроссом, то с Зингером, то с «Поющими в терновнике», то вовсе с Эмили Дикинсон, то с Эйдельманом. Последний как-то четко оформил приход Андрея на жизнь в наш дом — в первый же вечер я дала ему читать только что прочитанного мной «Лунина». И он же огранил почти архитектурно наше без месяца семилетнее горьковское «сидение». Когда мы летели туда, в моей сумке лежал трехтомник Пушкина (Малая серия) и «Пушкин и декабристы», а в день звонка Горбачева, которым он возвестил наше возвращение, мы по ТВ смотрели постановку по Эйдельману «Лунин».

Здесь не обошлось без анекдота. Кто-то из знакомых рассказал известному американскому корреспонденту, что в то время, когда Андрею в Горький позвонил Горбачев (декабрь 1986), возвестивший нам свободу, мы смотрели передачу о Лу-

нине. И тот поведал всему свету, что мы в момент звонка Генерального секретаря с волнением смотрели передачу о Ленине. Пришлось моему Алеше через ту же газету объяснять американцам, кто был Ленин, и кто был Лунин.

Мое личное впечатление от кампании сбора подписей расходилось с Андреевым. Я не считала ее успешной — пятьдесят подписей на трехсот-миллионную страну, из которых половина — люди, подавшие заявления на эмиграцию. Мне казалось, что это даже не капля, а одна молекула в море. И еще одно очень четкое ощущение. Обращение Андрея за подписью у многих (и даже у тех, кто подписывал) вызывало настороженность и часто плохо скрываемое раздражение. Он нарушал душевный покой этих людей, действовал на их внутренний мир как лакмусовая бумага, заставляя увидеть в самих себе то, чего они старались не замечать. Проявить явную неприязнь к Андрею они себе обычно не разрешали. И переносили ее на меня, тем более что я была свидетелем (пусть и молчаливым!) их морального поражения.

Так слагалась легенда (в основном, в научном сообществе) о том, что я толкаю Андрея на поступки, наносящие ущерб его положению в обществе и приносящие неприятности и осложнения тем, к кому Андрей обращается. Но реально ни одного имени людей из научных кругов, кроме Иосифа

Шкловского, я никогда Андрею не подсказывала, я их просто не знала. А из всех коллег Андрея, к которым мы тогда обращались, по-хорошему запомнился, принадлежащий к старшему поколению ученых академик-математик Владимир Иванович Смирнов. И не тем, что его дом был единственным, где нас накормили, и не долгой спокойной беседой, а тем, как по-доброму и с каким глубинным вниманием он смотрел на Андрея и слушал его. Не знаю, много ли общался с ним Андрей в прошлом, но мне показалось во время этой единственной с ним встречи, что он давно и хорошо знает Андрея и понимает внутреннюю мотивацию его поступков. И еще (кажется, астрофизический из ин-та Штернберга?) академик Петров. Ранее я как-то была с ним чуть-чуть знакома через Иосифа Шкловского.

Когда эпопея сбора подписей уже окончилась, и Обращения уже были отправлены в Верховный Совет, я спросила у Андрея, почему он не обратился к Зельдовичу, ведь только его он назвал в ответ на Танин вопрос о друзьях. И Андрей как-то смущенно сказал, что Зельдович нашел бы веские аргументы, чтобы не поставить свою подпись.

В это лето приезжали на неделю обе мои флорентийки — Маша Олсуфьева и Нина Харкевич. С Ниной Андрей уже был знаком. С Машей познакомился в эти дни. Дальше пойдет рассказ

о них, без которого трудно понять, почему, когда оперировать мои глаза в Москве оказалось невозможным, мы выбрали Италию. А точнее, за нас этот выбор сделала Нина. И две гражданки Италии — флорентийки по рождению — приложили много усилий для осуществления этого.

Мария Васильевна Михаеллес, урожденная графиня Олсуфьева, родилась во Флоренции в 1907 году (25 ноября), но раннее ее детство прошло в России. С революцией семья эмигрировала. Знание основных европейских языков (особенно великолепный ее русский язык) сделали ее профессиональной переводчицей. Была она невероятной труженицей: преподавала, переводила на конференциях и симпозиумах, перевела на итальянский многих русских писателей 20-х, 30-х и последующих годов (в том числе Бабеля, Солженицына, Пильняка, Булгакова, Окуджаву и других). В 1975 году за популяризацию современной русской литературы была удостоена премии Таурмина. В декабре 1965 года была в Москве у Виктора Шкловского — она тогда переводила его книгу о Марко Поло. Увидела там книгу «Всеволод Багрицкий. Дневники. Письма. Стихи». (Составители Л. Багрицкая, Е. Боннэр). Сказала, что уже видела ее у одной старой женщины в Париже (если меня не подводит память, у мамы Никиты Струве), которая сказала: «Эта маленькая красная книжечка по-

могла мне понять, чем отличаются русские мальчики сороковых годов от своих немецких сверстников». Виктор Борисович предложил познакомиться ее с одной из составителей этой книги. Так мы встретились в новогоднюю ночь и вместе с Виктором Борисовичем и Серафимой Густавовной встречали Новый 1966 год в Доме писателей. М. В. (далее будет Маша) новогоднему концерту предпочла экскурсию со мной в качестве гида по дому, который был когда-то домом ее семьи. Я показывала — библиотека, правление Московской организации, местком, партком. Она говорила — спальня родителей, спальня девочек, мамина гостиная, папин кабинет. А в дубовом зале ресторана, где был новогодний банкет, сказала, что здесь у каминна в каком-то, может, 13-м году детей представляли императрице Александре Федоровне. Первого января она пришла к нам на Чкалова. Считалось, на полчаса, максимум на час. Должна была идти в Большой театр. Через час театр был отменен. Маша чистила картошку на кухне, а я срочно пекла шарлотку (мою фирменную). Она почти мгновенно спелась с моей мамой по всем вопросам, включая мою страсть к брюкам, которую они обе не одобряли. Вошла в полный контакт с Таней и еще больше — с Алешей. С этого дня Маша бывала в Москве как минимум два раза в году, а у нас в доме не раз перебивали ее старшая сестра ху-

дожница Ася Бузири-Вичи (однажды она за час-полтора написала прелестный карандашный портрет Тани), их дети, племянники, племянница Елена Боргезе и многие их друзья. Летом 1968 года я впервые была во Франции в гостях у двоюродных сестер и братьев моей мамы. Маша почти сразу приехала в Париж, и мы провели вместе несколько дней. А в конце моего пребывания во Франции она на два дня приехала в Ванс ле Жолли, где я гостила у своего дяди. В течение многих лет Маша была бессменной церковной старостой православной общины Флоренции. Однажды она мне сказала, что в церкви Флоренции, основанной в самом начале XX века под опекой ее семьи, больше нет постоянного священника. Для службы и отправления треб раз в месяц приезжает батюшка из Ниццы. А квартира в боковом приделе церкви, предназначенная для священника, пустует. И в этом разговоре на нашей кухне родилась идея пускать туда на 2—3 дня российских эмигрантов, ожидающих в Риме визу в США, чтобы дать им возможность увидеть Флоренцию. Маша связалась с еврейской организацией Хиас в Риме, и в церкви появились первые гости. Вначале эти визиты были эпизодичны. Но в 1973 или 74 году американец Эд Филлипс, учитель, вышедший на пенсию и снимавший один из маленьких домиков в церковном саду, взял на себя труд регулировать поток эмиг-

рантов и в какой-то мере их опекать. До этого свое время во Флоренции, исключая ежегодную поездку в Калифорнию навестить семью сына, он делил между городом и церковным садом, а по вечерам его всегда можно было увидеть в баре американского ресторана на набережной Арно. А тут он стал как-то входить в российские (советские) дела и был всегда готов помочь людям, только-только ставшим на эмигрантский путь. Он был глубоко и как-то восторженно предан Маше, и это чувство приносил также и в свое отношение к российским гостям церкви. Его заботу, а также постоянное внимание к гостям Маши и Нины благодарно помнят многие десятки, а может, и сотни российских эмигрантов. Но несколько прихожан начали протестовать против допущения евреев так близко к алтарю. Они сочли, что Маша, разрешившая это «святотатство», не может быть церковной старостой. Возникло нечто вроде тяжбы, отдающей антисемитизмом. Но «Дело» было прекращено проповедью Архиепископа Иоанна Сан-Францисского, посетившего Флоренцию в сентябре 1975 года. Он сказал, что перед Богом нет ни элина, ни иудея, что все мы в мире странники, и поблагодарил Машу за то, что церковь, которую флорентийцы называют «Къеза русса», принимая гостей-эмигрантов, совершает богоугодное дело. Несколько позже, в том же 1975 году, после моего

знакомства с раввином флорентийской синагоги еврейская община также включилась в заботу об этих гостях русской церкви, присылая для них вино, фрукты и временами постельное белье и одежду.

По темпераменту Маша была легко загорающей, быстро и легко увлекающейся любым приглянувшимся ей делом и людьми. Иногда *post factum* бурно каялась. В конце войны она на несколько лет уехала в Лондон, а потом вернулась во Флоренцию. Мне был очень симпатичен муж Маши Марко и нравилось дело, которым он занимался. Он профессионально выращивал пшеницу, вывел какой-то особо урожайный и приспособленный к климатическим условиям Италии ее сорт, который носит его имя. И однажды из-за Марко была у меня краткая, но бурная стычка с Машей. Когда уже было ясно, что мне придется ехать в Осло на Нобелевскую церемонию, я пригласила Машу и Марко. Но Маша в его присутствии буркнула «нечего ему там делать». Марко, который вначале не смог скрыть обиды, однако на следующий день пытался убедить меня, что Маша сказала это в шутку, говорил, что он не может поехать с нами, потому что занят. И очень деликатно просил меня простить Маше ее якобы шутку. Но мы оба внутренне понимали, что все гораздо глубже, и оба без слов вступили в это соглашение.

Через несколько месяцев после нашего с Машей знакомства в начале лета 1966 года она приехала в Москву вместе со своей ближайшей подругой доктором Ниной Адриановной Харкевич. И с этого времени началась моя дружба с Ниной. Не такая, как с Машей, но тоже глубоко душевная и тоже навсегда. С Машей ярче, шире, с неуловимым оттенком светскости, свойственной всем Машиным контактам. С Ниной глубже, и очень пропитанная русской поэзией и редкой ее добротой. Дружба была разная, как и они были очень разные и внешне, и во всем, начиная с сословного происхождения. Маша была глубоко верующей. Нина была атеисткой, хотя с детства пела в церковном хоре и любила церковную службу. Для Нины больше нужны были стихи, музыка, живопись. Для Маши — больше проза и, кажется, равнодушие к музыке. Для Нины общение в тесном кругу. А лучше вдвоем, ну втроем. Маше — многолюдие, как рыбе вода. Нина к людям поодиночке приглядывается. Как вслушивается. Тонко ощущает внутреннее неблагополучие и умеет помочь. Маша загорается, бурно увлекается и бурно разочаровывается. Нина в привязанностях внешне более спокойна и постоянна. Маша тонкая, с узким породистым лицом, скорей несколько восточного типа, всегда элегантная и ревнивая. Нина невысокая, полная, с круглым простоватым лицом российской провинциалки, умны-

ми, добрыми, видящими все внутри тебя глазами. Маша вся вширь, а Нина вся — вглубь...

Нина родилась во Флоренции 20 ноября 1907 года (на пять дней раньше Маши), и те их дни рождения, которые были на моей памяти, они отмечали вместе. В детстве вместе играли. Учились в одном классе и сидели на одной парте. Графская семья Олсуфьевых была дружна с разночинной семьей Нины. Ее прадед с материнской стороны отец Осип Васильев надзирал за строительством русской церкви на рю Дарю в Париже и был первым ее священником. Дед — о. Владимир Левицкий по поручению семьи графов Олсуфьевых надзирал за строительством русской церкви во Флоренции и был первым в ней священником. Из рассказа Нины я знаю, что по окончании Петербургской Духовной Академии ему предложили пост во Флоренции. Он вначале сомневался — уж больно далеко, но соблазнил хороший оклад, из которого он мог помочь младшему брату получить образование. Знаю, что и ее отец готовился стать священником, но отказался от сана, считая себя «неуверенным в вере» и «из-за плохого характера». Был он музыкантом-хормейстером. После 1917 года семья разорилась, так как и дед, и отец Нины считали, что все сбережения надо держать в акциях «Российские железные дороги». Чтобы выжить, семья держала пансион, и перед второй войной — чай-

ную. А Нина днем училась, а вечерами работала в ней подавальщицей и уборщицей. Отец ее во вторую мировую войну собрал хор детей-сирот (дети жили в его семье), ездил с ними по стране с концертами и тем помог им выжить. Кроме Нины в семье было еще двое детей. Сестра в 1925 году уехала служить гувернанткой в Америку, там вышла замуж за армянина российского происхождения и полностью оторвалась от русских и итальянских корней. Брат совсем молодым человеком во время учебы в Германии заболел туберкулезом и там умер. Нина, закончившая в 1931 году Флорентийскую Академию Художеств, поехала в Германию и ухаживала за ним до последнего дня, после его смерти училась там же, а потом на медицинском факультете во Флоренции. Закончила его в 1940 году. На ее попечении остались родители, но своей семьи она не создала. И всю жизнь практиковала во Флоренции. Одновременно профессионально рисовала и много лет преподавала анатомию в Флорентийской Академии Художеств. Всю жизнь писала стихи. Опубликовала небольшую книжку стихов (три издания).

После первой поездки в Москву Маша и Нина прилетали в Москву не реже двух раз в год, обычно на встречу Нового года. Это были дешевые поездки на 5—6 дней, и мы умудрялись на 1—2 дня съездить в Ленинград. А летом они прилетали на боль-

ший срок. Мы вместе летали в Тбилиси и Ереван, в Киев, ездили в Новгород, Псков, в Кижи.

Всю эту предысторию моих отношений с Машей и Ниной Андрей знал задолго до личной встречи с ними.

Приезд в Москву Маши и Нины летом 1972 года оказался для них последним. Поэт и член Союза писателей Петр Вегин, с которым они познакомились в Италии незадолго до этой поездки (Маша сказала мне — он душа и прелесть), попросил их вывезти из СССР какую-то рукопись. Мне они об этом не сказали. Но я до сих пор не понимаю: как человек, знакомый с советскими реалиями, знавший, что все дни в Москве они общались с нами, мог обратиться к ним с такой просьбой? В Шереметьеве им устроили личный обыск. Рукопись нашли у Нины. И на этом кончились их ежегодные приезды в Москву. Им обоим перестали давать визы. А когда нас вернули из Горького и Россия открылась для многих, кто долгие годы был для нее персоной «нон грата», обе уже были больны, и хотя по разу выбрались в США к моим детям, но до России не добрались.

Весной этого года Ефрем закончил институт. Поступление в аспирантуру не состоялось. Как сказала одна из маминых подруг Маня — он теперь стал подсахаренный Янкелевич. И в Танин отпуск они уехали в Прибалтику. Жили дикарями на взмо-

рье. В Риге останавливались у родителей Сильвы Залмансон, в Вильнюсе — у Эйтана Финкельштейна. По возвращении Ефрем начал работать в патентном бюро. А Таня работала в «Кванте»¹⁴, и ей оставалось еще полгода учебы в университете и диплом. После того, как ее уволили из журнала (механизм этого увольнения так и остался неясным), а потом исключили из университета, стала работать в книжном магазине, помещавшемся на первом этаже нашего дома. И почти каждый день они бывали у нас.

А мы втроем (Андрей, мама и я) сделали попытку жить на даче. Было не очень уютно, потому что Таня (дочь Андрея) с Мариной и няней заняла весь верх, а Дима с Мишей поселились внизу на веранде.

Мама жила внизу в маленькой как вагонное купе комнатенке, которая, видимо, предназначалась для домработницы. Кроме нее на первом этаже была кухня и одна большая проходная комната с выходом на веранду. Жить в проходной было не больно уютно. Я разгребла многолетний завал ненужного барахла в сарае. Мы купили пружинный матрас, который водрузили на кирпичи, и это была наша опочивальня. Вообще-то нам было очень хорошо в сарае. Ник-

¹⁴ «Квант» — физико-математический журнал для старших школьников и студентов.

то не слышал и не видел нас по ночам кроме леса. И мы не слышали никого кроме соловьев. Но днем, особенно когда приезжали гости, Андрей чувствовал себя несколько бездомным в собственном доме.

Когда в августе вернулся Алеша (он со школой на полтора месяца ездил помогать колхозникам убирать урожай), он поставил себе в саду палатку. Четырехлетняя Марина, не понимая разницы между палаткой и собачьей будкой, спрашивала у Андрея, почему Алеша живет в конуре.

14 августа был день рождения Димы, и мы все собирались его отмечать. Но Дима, получив от отца деньги, куда-то смотался, чем очень его огорчил. А к нам приехал Коржавин и пришли Галичи. Они снимали дачу на нашей улице у вдовы академика Вольского. Алешка и Ефрем жгли костер, готовили шашлыки. Ночь была уже темная, августовская. Мы сидели почти в лесу — с шашлыком, с каким-то легким винцом. И Саша тогда впервые спел (кажется, не нам впервые, а вообще впервые, свежую, только что написанную?) песню. «Я не сыном был, а жильцом, угловым жильцом, что копит деньгу, расплатиться за хлеб и кров».

Потом к Алеше приехал Костя Богатырев (младший), и через пару дней они вдвоем ушли в поход по Московской области. В это время в Подмосковье начались обширные лесные пожары. Всю Москву и ближайшие пригороды заволочло дымом.

И мы, и семья Богатыревых-Ивичей страшно волновались из-за наших мальчишек. Но они вернулись живые и очень довольные собой.

Потом мы с Алешей вдвоем совершили байдарочный поход. Андрея не взяли. Формальной причиной Алеша как капитан объявил его неумение плавать. В утешение ему был обещан на последние дни августа пеший поход на Киржач после нашего возвращения. Андрей предложил Диме также пойти с нами. Но Дима опять отказался. А мы с Алешей были поражены, когда ночью в палатке, поставленной у этой очень живописной реки, при слабом мерцании догорающего костра Андрей сказал нам, что он впервые в жизни ночует в лесу в палатке.

Это были для нас с Андреем очень счастливые месяцы все большего и большего нашего сближения. Именно с этого лета во все последующие годы оно — это сближение, взаимопроникновение душевное и физическое неуклонно шло по нарастающей. И я научилась спать на левом боку. Андрей говорил, что когда мои коленки упираются в его живот, на него нисходит (он употреблял именно это архаичное слово) чувство покоя и полного благополучия и в себе, и в мире. И я вдруг осознала, что мой вынужденный очень ранний уход на пенсию стал благом для семейной жизни.

Несколькими месяцами раньше Андрей после очередной мелкой стычки с Таней (своей), пы-

тался ей что-то объяснить в наших (его со мной) отношениях и произнес слово «любовь». Таня на это сказала ему: «Какая такая любовь в пятьдесят лет! И, если тебе так надо было жениться, мог бы жениться на Серафиме Соломоновне»¹⁵. Слова эти больно задели Андрея глубинным непониманием его. И это непонимание, которое он ощущал во всех трех своих детях, переживал не только как личную обиду. Больше страдал за них, считая (оправданно или нет), что есть что-то, не дающее им постигнуть многое в области чувств не только в другом человеке (в данном случае в отце), но и в самих себе. Считал в какой-то мере виной своей и Клавы, что они что-то в детях упустили. Спустя несколько лет в Дневнике Андрей написал «мои злосчастные дети». В ответ на мой вопрос, почему он так пишет, напомнил мне тот давний разговор с Таней и добавил, что ему кажется, ничто в ней (в них) с возрастом не изменилось. Все то же непонимание. Но слово это сам понимал не как нечто несущее зло, а как боль за них, потому, что не ощущал в них способности быть счастливыми.

А вообще жизнь в доме складывалась очень гармонично. Таня и Ефрем и все их друзья не отдали-

¹⁵ Мать ее мужа Михаила Либермана, фамилии не знаю (но, может, такая же, как у сына?).

лись от дома. И меня очень радовала дружба Андрея и Алеши, возникшая осенью этого года, когда они остались вдвоем в доме. Мама в это время была на обследовании в своей больнице старых большевиков (была такая). Я уехала в Мордовию на свидание с Эдиком, а Андрей простудился и слег в постель. Ухаживал за ним и вел хозяйство три дня Алеша. А уже позже и в повседневной жизни, и во всех наших поездках, когда Алеша брал на себя основную тяжесть физической нагрузки, их отношения только укреплялись. Углублялись отношения Андрея с Ефремом, который (если можно так сказать) становился все более и более профессиональным диссидентом, иногда (или, скорей, часто) в принципиальном плане даже более последовательным, чем Андрей. А Таня добавляла в эти отношения Андрея с парнями легкость и обаяние хорошенькой, молоденькой и счастливой женщины.

Но с детьми Андрея у него все не ладилось. Таня (его) должна была въезжать в трехкомнатную квартиру, которую ей купил Андрей в новом академическом кооперативе. Что-то там у нее было с жеребьевкой не так, как ей хотелось. И она настойчиво просила Андрея поговорить с академиком Миллиончиковым. Андрей пытался ей доказать, что это поставит его в ложное положение (тем паче, что он вел с Миллиончиковым переговоры о включении себя в Пагуошскую советскую делегацию), но

в конце концов сдался и позвонил ему. И она просила отдать ей машину. Это был то ли ЗИМ, то ли ЗИЛ (я не больно их различала) какой-то специальной модификации, употребляемой для государственных наград. И я, наверно довольно резко, сказала Андрею: «Отдай ты ей машину, может, они с Мишей отстанут, все равно пользуется ею только он, хотя, на мой взгляд, ездить на такой машине начинающему научному работнику не очень прилично». За два года я не помнила, чтобы он хоть раз подвез Андрея. И если Андрею надо было куда-то ехать, а академическую машину вызвать было нельзя (в субботу и воскресенье, а также в нерабочее время их рядовым академикам не давали), а в такси почему-то было неудобно, то Андрея вез Рема на «Москвиче» своей мамы или на своем послесвадебном «Запорожце». Вскоре была оформлена дарственная Тане на этот ЗИЛ-ЗИМ. И почти сразу он был продан куда-то на Кавказ, там рыночная цена такой машины была чуть ли не на порядок выше рядовых «Москвичей» и «Жигулей». И примерно в это же время (или несколько позже?) Дима ушел от Любы, что всерьез огорчило Андрея, и стал жить в Таниной семье.

После истории с Еленой Ивановной какое-то время мы не ощущали никакого давления КГБ. Видимо, специалисты из этого ведомства присмат-

ривались и искали новые пути вторжения в нашу семью. И нашли. Мои бывшие студенты, выпускники 1968 года Женя Врубель и Тома, в отличие от многих, кто был дружен с нашим домом во время учебы, но со временем как-то отвыкали, стали почти членами нашей семьи. Женя после окончания училища отслужил в армии на Дальнем Востоке. Когда вернулся, они с Томой поженились. Оба работали, он фельдшером на «скорой помощи», Тома в 23-й больнице в одном из самых тяжелых — нервном — отделении. К этому времени у них была годовалая дочь Ася.

Однажды Женя пришел и сказал, что его во время дежурства с работы вызвали (как на вызов к больному) в гостиницу «Россия». Но в номере, откуда поступил вызов, его ожидал не больной, а два сотрудника КГБ. Ему было предложено наблюдать за нашим домом и докладывать им обо всем, что у нас происходит, а когда он отказался, хотели взять с него расписку о неразглашении этой беседы. Он отказался ее подписать, и они стали угрожать. Сказали, что у них есть достаточно материала на то, чтобы дать ему любую статью по его выбору, 190-ю или 70-ю или устроить небольшую драку и посадить за хулиганство. На это он им ответил, что прямо сейчас пойдет и подробно перескажет все содержание этой беседы Елене Георгиевне и Андрею Дмитриевичу.

Ну и пришел, и рассказал, причем достаточно громко, так что они (КГБ) все, наверно, хорошо записали. За этим вызовом последовали с некоторыми интервалами еще два, в которых угрозы нарастали и стали приобретать более конкретный характер. Касались они уже не только нашего дома, но и дома Игнатия Игнатьевича Ивича. Женя много бывал у них, помогал Анне Марковне в уходе за Игнатием Игнатьевичем, носил разные книги от нас к ним и от них к нам, и сам их читал. Все это приобретало очень серьезный характер.

Я стала бояться, что Женьку могут посадить, и совсем не потому, что он книжки читает и другим дает почитать, а потому, что он близок к нам. Я решила, что им надо уезжать, тем более что старшая сестра Жени Ирина, жена известного художника Гробмана, уже несколько лет жила с мужем в Израиле и туда же около года назад уехала его мама. Вначале Женя и особенно Тома не восприняли эту идею. И некоторые мои друзья спорили со мной, особенно Наташа Гессе. Отношение к эмиграции в широких интеллигентских кругах Москвы и Ленинграда (на кухнях) в конце 60-х — начале 70-х было скорей отрицательным, но к середине 70-х трансформировалось. Помню, как на Пушкинской довольно резко не одобряли решения эмигрировать Юры Меклера и близкого друга их дома Саши Гиттельсона. Но уже через 4—5 лет Наташа с той же

экспрессией требовала от меня срочно организовать вызов ее сыну Игорю Гессе.

Помню один ожесточенный спор на кухне на Пушкинской в Ленинграде, когда все говорили мне — что они там будут делать? И мой ответ: то же самое, что и здесь — помогать больным и страждущим, — воспринимали как насмешку. А я злилась, потому что уже давно поняла, что в нашей интеллигентской среде профессия медсестры или фельдшера воспринималась почти как отсутствие профессии, и пока не приспичит, пока сам или близкие не будут в них нуждаться, никем не уважаема. Сколько я копий на эту тему переломала и в газете «Медицинский работник» писала!

Женя и Тома не были в нашем кругу первыми, кто решил эмигрировать. Я знала некоторых подписавших письмо сорока¹⁶ и эмигрировавших еще в 69-м году. Знала многих осужденных по самолетному делу в Ленинграде в декабре 70-го и по околосоветному весной 71-го. Уже эмигриро-

¹⁶ Открытое письмо 40 евреев (автор математик Юлиус Телесин?) в 1969 году о том, что они готовы идти хоть пешком в Израиль с одним чемоданом. Было это в период, когда с эмигрировавших, что еще не стало массовым явлением, брали колоссальную плату за полученное в СССР высшее образование, резко ограничивали количество багажа и пр. Точно не помню, но письмо это эмоционально было как «Отпусти народ мой».

вали несколько моих близких друзей. Но месяцы, предшествующие отъезду Жени и Тома, пережились всеми в нашем доме по-другому — почти как внутрисемейное дело.

Я помню вечер, когда за несколько дней до отъезда они пришли, получив визы, и с билетами в кармане. У них были такие лица, как будто они уже отсутствуют, и только маленькая Аська была такой, как всегда, и, как всегда, крутилась возле Андрея. Меня поразило, что Андрей, который обычно не улавливал эмоционального состояния собеседников, после их ухода сказал, что они были как отрешенные. И смешная деталь — мы все были настолько не подготовлены к отъездам в практическом плане, что покупали Жене и Томе с собой твердокопченую колбасу и какое-то сухое печенье для Аськи. Но даже их отъезд не вызвал у меня предчувствия, что мне может в будущем предстоять разлука с детьми, которая тогда воспринималась как вечная.

В первых числах сентября прилетела из Парижа Таня Матон¹⁷. (Она приезжала в это время 2—

¹⁷ Очень дальняя родственница Ц. Е. Дмитриевой и М. Е. Разумовской и моя приятельница. Ее семья эмигрировала из России в Германию после революции, а позже бежала из Германии во Францию. Ее судьба — сложный клубок трагедий, только по счастливой случайности не закончившийся Освенцимом. Она участник французского Сопротивления. После войны получила французское гражданство.

3 раза в год.) Циля с Маней по этому поводу 5 сентября устроили грандиозный обед. Мы сидели в их просторной столовой — пять баб и один мужик — Андрей. Был приглашен еще Иосиф Шкловский. Но он, спросив у Циля, буду ли я одна или с Андреем, и услышав в ответ, что будем вдвоем, сказал, что он, к сожалению, занят. А Таня, между прочим, его родственница или свойственница больше, чем Цилина и Манина. Во время обеда смотрели открытие Олимпиады в Мюнхене и вживе увидели захват израильских спортсменов, напряженно вслушивались в слова и даже в дыхание репортеров, рассказывавших о происходящем на стадионе. Весь вечер и следующий день, не отрываясь, слушали радио. У меня почему-то разыгрался радикулит так, что я с трудом доходила до уборной.

Часов в пять с небольшим позвонил Алеша Турмерман и сказал, что люди собираются идти с протестом к посольству Ливана. Андрей сказал, что тоже пойдет. Я сказала Алеше, чтобы пошел с ним (он у нас был вроде телохранителя), но он ответил, что уже собрался и без моего распоряжения. И в это время пришли Таня и Рема и, конечно, сразу решили, что тоже пойдут. Я так несерьезно отнеслась к этому, что сказала им, чтобы на обратном пути они купили что-нибудь вкусенькое к чаю.

Вернулись они значительно позже, чем я предполагала. Оказалось, их, как и всех пришедших

несколько раньше, запихали в милицейскую машину и отвезли в вырезвитель. Людей, выходявших на демонстрации протеста, задерживали и допрашивали для выяснения личности не в милиции, а в вырезвители, хотя пьяных среди них никогда не было. Так как все демонстрации по составу людей были преимущественно еврейские — в основном, демонстрировали те, кто хотел эмигрировать, — то вырезвитель, куда отвозили демонстрантов, в народе называли еврейским.

Всех довольно быстро отпустили после стандартных вопросов о фамилии, месте работы и местожительстве. Но Алешу долго не отпускали, потому что он отказывался отвечать на любые вопросы. И Андрею пришлось идти и доказывать какому-то начальнику, что это его пасынок, который пришел вместе с ним. Поначалу их участие в этой демонстрации ни к каким последствиям не привело, да мы и не ожидали никаких последствий.

Во второй половине сентября был у нас на Чкалова вечер Галича. Саша был в хорошей форме и пел вдохновенно и безотказно. Людей было много, но слушали, буквально затаив дыхание. Когда расходились, уже в передней Юра Шиханович сказал мне: «Теперь еще устрой вечер Окуджавы, и можно садиться». Как в воду глядел. 28 сентября позвонила Аля. Трубку сняла мама. Аля только успела сказать: «К нам пришли», и теле-

фон отключился. Меня в этот день в Москве не было. Я накануне уехала в Потьму на свидание с Эдиком. Андрей и Таня сразу на такси поехали к ним. В квартиру их не пустили. Они стояли на лестнице. Но когда Юру вели мимо них к машине, Таня умудрилась прорваться к нему и поцеловать. Андрей потом с завистью говорил мне об этой ее мгновенной реакции и еще о том, как Джин, Юрина собака-дворняжка, где-то подобранная им, бежала долго за машиной, которая Юру увозила.

В середине октября мы летели на Кавказ — в Тбилиси, просто посмотреть, и в Армению в Цахкадзор на физическую школу. В Краснодаре самолет задержали на несколько часов из-за плохой погоды. В аэропорту мы встретили Сергея Орлова¹⁸, застрявшего там по той же причине. Сергей, как и Андрей, не был человеком легко контактным. Но если Андрей такой был от природы (говорят — такой от Бога), то Сережу таким сделала его военная судьба. Однако, эти несколько часов, проведенных вместе, оказались для Андрея больше чем шапочное знакомство. И когда Сергей стал читать свои новые стихи, я поняла, что и для него эта случайная аэродромная встреча не станет проходным эпизодом.

¹⁸ Орлов Сергей Сергеевич (1921—1977), поэт.

Андрей и до этой встречи знал, что познакомил меня с Сергеем Орловым сразу после моей демобилизации в августе 1945 Миша Дудин, знал, что я долгие годы была дружна с Сергеем и его семьей, но как-то вне подробностей. Но после нее я очень много рассказывала о нем Андрею. И в связи с ним — о себе. О времени сразу после войны. Такой дружбы, как с Сергеем, у меня ни с кем не было. Мы все были опаленные войной Но он был горевший в войну. В девятнадцать лет горел в танке. И на всю жизнь остался тем горящим мальчиком.

Осенью 45-го в Ленинградском доме учителя (бывший дворец князя Феликса Юсупова, в подвале которого был убит Распутин) был вечер танцев. Сергею нравилась девушка. (Звали ее Люда. Фамилию помню до сих пор, но называть не хочу.) И я буквально уговорила его пригласить ее на танец. И увидела, как вспыхнула его необожженная сторона лица, когда он отошел от нее и пошел к выходу из зала. Я подбежала и спросила: что ты ему сказала? Ничего особенного, он что думал, что я буду танцевать с таким уродом? Я размахнулась и ударила ее, а потом еще и еще. Меня буквально оттащили. И Миша Дудин (на танцы мы пришли втроем — он, Сергей и я), пока мы шли к выходу, все допытывался: за что ты ее? А я не могла повторить вслух ее слова и только сказала: она знает. А жизнь шла своим чередом.

Через пять лет пришел в неурочное время Сергей. На нем лица нет — то есть на той половине, которая негорелая. Говорит: пойдём погуляем. Я брюхатая, отечная, ходить тяжело. Сели в Исакиевском скверике. Он курит, молчит. Потом, не глядя на меня, говорит: «Мне тут сказали, что Велка не от меня беременна». Велка — Виолетта, его жена, в это время с таким же животом, как у меня, ходила. Я вся зашлась от злости. И почти кричу на него, что такое сказать только последний подлец может. И он сам подлецом станет, если в такое поверит. И он как очнулся от моего крика. Мы одновременно стали он отцом, а я матерью. Его Вовка и моя Танька вместе пошли в первый класс, сидели за одной партой. А Миша Дудин сочинял им частушки: «Помидоры, помидоры, помидоры-овощи. Таня едет на “Победе”, Вовка в “скорой помощи”». И как же невероятно младенцем, мальчиком-подростком Вова походил на Сергея, на его фотографии довоенные, необожженные. А я так и не знаю, знала ли Вела об этой истории. А потом, где-то в начале 60-х, Вела загорелась идеей, чтобы мы вместе покупали на Карельском перешейке какую-то заброшенную усадьбу, говорила, что это что-то вроде усадьбы Нискавуори. Был тогда такой, кажется, финский фильм. Но я к тому времени загорелась менять Ленинград на Москву, после того, как Алеша пе-

реболел тяжелейшим миокардитом. Считалось — надо менять климат. И усадебный быт не состоялся. И отношения вроде сошли на нет. Но бывая часто в Ленинграде, иногда заходила к ним и к Мише и Ирине Дудиным, обычно в один заход, благо жили они в одном доме на одной лестнице. А потом круто поссорилась и с Сергеем, и с Мишей из-за Бродского. Суда еще не было, но в Ленинградском отделении Союза писателей были какие-то обсуждения о том, что он не хочет служить в армии и придумал себе болезнь сердца. Может быть, я не точна, но так у меня отложилось в памяти. Их главный аргумент был внелитературный. Он был — вот мы все это прошли — имелась в виду война — и как ты можешь, сама это прошедшая, защищать его, когда он косит от армии. Разругались дико по дороге к ним посередине Кировского моста. Я повернулась и пошла назад к Марсову полю, а они на Петроградскую сторону. После ссоры встречалась с ними эпизодически, как-то случайно и поверхностно. А весной 71-го звонит Сергей. Голос какой-то тусклый, глухой. «Лена, я тут в гостинице. Забери меня отсюда». Привезла на Чкалова. Говорит, было плохо с сердцем. Потом отошло. День провалялся у меня в комнате. Вечером собиралась проводить его на поезд в Ленинград. Потом сказала маме, что поеду с ним. Она мне: «Ну что он как ребе-

нок?» А мне было тревожно и не из-за сердца даже, а вот выйдет где-нибудь в Бологом и потеряется. Такая чушь в голову лезла. В поезде Сергей не спал. В купе разговаривать неудобно, мешаешь попутчикам. И мы почти всю ночь стояли у вагонного окна в коридоре. Без конца оба курили. Теперь и я — после Ирака¹⁹ — стала курящая, а ведь всю войну и после столько лет выдержала. Сергей говорил, я слушала. Прошрое уже оценивал по-другому, в нашей старой ссоре не считал себя правым. И что меня поразило, в моей последней ссоре с Мишей, которая произошла в декабре 1970-го сразу после процесса самолетчиков, был на моей стороне.

И за всем этим стояла мысль, аналогичная той, что очень четко сформулировал вскоре Гинзбург при случайной встрече на улице с Андреем и мной. Виталий Лазаревич стал жаловаться на главлит, не пропускающий какие-то материалы в сборнике о И. Е. Тамме, и сказал нам с Андреем с оттенком зависти — «счастливые вы». И означали эти слова, что мы свободны быть собой и независимыми. А ему не хватает сил сделать какой-то шаг, чтобы стать свободным.

¹⁹ Я в 1959—60 году работала в Ираке по командировке Министерства здравоохранения по программе всемирной кампании по ликвидации оспы, проводимой ВОЗ.

И Сергей в эту ночь впервые мне показался взрослым, но от этого еще более ранимым, еще более одиноким.

Все это я и рассказала Андрею. И так же, как с Кайсыном, мои рассказы для Андрея были несравнимо значимей, чем официальные биографии. А когда Сергей умер (прочли в «Литературной газете»), показалась она такой несвоевременной, что вроде и необъяснимой. И спустя годы, сидя в Горьком, в той же ЛГ наткнулись на подборку его раньше не публиковавшихся стихотворений. Там был «Мой лейтенант» и еще одно — всего восемь строк: «Остается небольшая малость: Жизнь дожить без лишней суеты — Так, как в дни, когда она касалась Ежечасно бешеной черты И могла сгореть в одно мгновение, Может, тыщу раз на каждом дню... Не пугаться, не искать спасенья. Не питать надежду на броню». И почудилось, не умер, сгорел в том Т-34²⁰.

В Тбилиси у Андрея было много встреч — там была какая-то научная конференция. Запомнилась поездка с Ягломами и Юрой Тувиным по Грузии. Приходил Марк Перельман. Но особенно душевной была встреча с Мишей Левиным. Мы два вечера упоенно втроем бродили по городу. Сидели в каких-то подвальчиках. И Андрей как-то трогатель-

²⁰ Тип танка «Т-34».

но переживал причудливые пересечения в нашей прошлой жизни. То, что друг его студенческих лет оказался приятелем Севы Багрицкого и знал про меня, воспринимал как особый знак судьбы.

В своих Воспоминаниях об Андрее «Прогулки с Пушкиным» Миша писал: «Года за три до войны меня познакомили с Севой Багрицким, и возникла хрупкая, отрешенная от реальной жизни дружба. Мы шатались по московским переулкам, читали друг другу стихи... И я узнал про ленинградскую девочку Люсю, раз в месяц приезжавшую в Москву делать тюремные передачи. Севка пожаловался, что у него гибнет стихотворение: он придумал великолепную рифму *parole d'honneur* — Боннёр, но Люся наверняка не примет переноса ударения. Поэтам это разрешается, — утешил я. — В прошлом веке рифмовали Байрón. Одно дело — Байрон, другое — моя Люся! — ответил Севка».

У Андрея вообще была склонность какие-то прошлые, глубоко внутренние соприкосновения относить к категории судьбоносных. Знаком судьбы был портрет Бетховена, который он увидел над маминой постелью, впервые придя к нам в дом. Такой же висел в комнате его бабушки. А к моей маме перешел от моей бабушки. И то, что я впервые в жизни в 10 или 11 лет была на концерте в консерватории, когда играл Лев Оборин мазурки и полонезы Шопена, а его папа играл те же

мазурки и полонезы и очень ценил Оборина как пианиста. Или что из всех его «Размышлений» за-
пал мне в душу только эпиграф, как знак челове-
ка, в чем-то близкого. И каждый раз, когда всплы-
вало такое пересечение, он говорил, что это знак
судьбы. Это было для него как заклинание Мауг-
ли: «Мы одной крови — ты и я...».

Он наверно очень бы обрадовался, если б уз-
нал, что брат моей бабушки М. М. Рубинштейн
преподавал в том же Педагогическом институте,
где отец Андрея, был знаком с Дмитрием Ивано-
вичем, и они очень дружественно относились друг
к другу. Но это я узнала только через два года
после смерти Андрея от ученицы его отца Ната-
лии Ефимовны Парфентьевой.

После Тбилиси была физическая школа (поче-
му-то некоторые научные конференции называют
школами) в Цахкадзоре. Мне было интересней,
чем на конференции в Баку, потому что было много
неформального общения с коллегами Андрея, и уж
очень красивое, очень армянское было это место.
Первую половину дня я одна бродила по лесу на
склонах окружающих гор, плескалась в бассейне,
ходила в Цахкадзор. Спортивная база, где прохо-
дила школа, расположена в паре километров от
него. Перед ужином все ученые мужи разделялись
на группы. Нашу группу составляли Марков, Зель-
дович, Смородинский, мы с Андреем. Но в отно-

шениях между Зельдовичем и Смородинским ощущалась некоторая напряженность. И их взаимные подкальвания (особенно Зельдовича) не всегда были безобидны. Собственно, именно тогда я с этими коллегами Андрея и познакомилась. Чинно гуляли по дорожкам парка, и они продолжали дневные дискуссии. Речь шла, в основном, о космологии. Я ничего не понимала и запомнила только, что Марков придумал белые волосы (не знаю, отражено ли это в литературе), а Андрей считал его гипотезу ошибочной. Меня в этих прогулках обычно развлекал Смородинский разговорами о литературе и искусстве, и с ним было интересно.

После ужина допоздна сидели в погребке, декорированном под пещеру. Наши спутники попили винцо, иногда коньяк, я — кофе, Андрей — чай с конфетками. Шел общий легкий треп, анекдоты, какие-то загадки, сочинялись стишки — каждый по строчке. В последнем Андрей был самым успешным. Марков — скучным. Смородинский и Зельдович — оба остроумны. В погребке была музыка. Танцевали. Здесь Марков был на высоте — очень хорошо танцевал. Зельдович тоже хорошо танцевал и без конца меня приглашал, но мне с ним было неудобно, потому что он ростом ниже меня. И то, что он говорил танцуя, отличалось от застольных бесед махровой пошлостью, было на уровне гарнизонного офицерства.

Когда школа закончилась, мы с Андреем остались в Цахкадзоре еще на два дня. Днем бродили по окружающим горам, грешили ленью и любовью, а оба вечера полностью Андрей провел в научной беседе с Людвигом Фаддеевым. Кажется (хотя точно я не помню), они специально договорились задержаться. А я только успевала заваривать им чай и разламывать на дольки плитки шоколада. Уехали из Цахкадзора мы втроем на такси.

Никакого отстранения от Андрея его коллег ни в Баку (кроме просьбы подписать Обращения), ни в Грузии, ни в Армении я не замечала. Отношение было вполне доброжелательным (да и ко мне тоже) и изменилось только в 1973 году после письма 40 академиков.

Потом были несколько дней в Ереване и в поездках по Армении. Для Андрея впервые. Мы оба совершенно отрешились от московских дел и забот — арестов, правозащитных документов, сложностей, возникших к этому времени во взаимоотношениях с Чалидзе и Твердохлебовым. И я, как и в Ленинграде, без конца таскала его по городу. И по стране. И по людям — моим и папиным выжившим друзьям. Были в Эчмиадзине, Гарни и Гегарде, обедали в Ах-Тамаре на Севане. Ходили в Матенадаран, в Художественную галерею, в студии к художникам и скульпторам. Были и в Музее революции, где тогда был стенд, посвященный моему

папе Геворку Алиханову — не знаю, есть ли он теперь? Ездили в Бюраканскую обсерваторию. Эту поездку устраивал академик Алиханян, и, соответственно, принимали нас там по-академически. Были у моих друзей и у моего молочного брата Андрея Амадуни. Его впервые после 1937 года я встретила на конференции в Баку — просто узнала во взрослом мужике десятилетнего мальчика.

Повела я Андрея и к Сильве Капутикян, несмотря на наш многолетний спор, и, конечно же, после моих предшествующих рассказов он в нее влюбился. А наш с ней так ничем и не окончившийся спор был на острую в то время тему. Сильва много ездила по всему миру, призывая армян, разбросанных по разным странам, вернуться в Армению — на их историческую родину. Это она считала как бы долгом армян. Написала об этом книгу. Но аналогичного права евреев уехать в Израиль, то есть тоже вернуться на свою историческую родину, не признавала. Такая вот была у нее, как я это называла, теория относительности. И кричали мы друг на друга на эту тему чаще всего на нашей кухне — у обеих армянский характер, у Сильвы еще почище моего.

Кстати, об армянстве. Я Андрею говорила, что в Армении я перестаю ощущать себя еврейкой. Становлюсь армянкой и забываю, что однажды Паруйр Севак, большой армянский поэт и отец

сына Сильвы, назвал меня шуртаварцая — перевернутая, за то, что я не знаю армянского языка. Иду по улице, и вокруг все женщины похожи на меня. И их голоса мне напоминают мой собственный. И зовут меня все папины друзья и родственники Геворк-ахчик, хотя я уже давно не ахчик, и у моей ахчик есть своя ахчик²¹. Когда я привела Андрея к папиному другу Каро Казаряну, он, открыв дверь, закричал куда-то в глубь квартиры: «Геворк-ахчик пришла!». И ночью в гостинице Андрей сказал, что, только услышав этот возглас Каро, поверил моему рассказу об армянстве, а до этого думал, что это байка.

Эти дни в Ереване были удивительно светлы и радостны. Да и сам город был тогда как «праздник, который всегда с тобой»²². Это после землетрясения и в 90-е годы он станет темным, холодным и голодным. Мы решили продлить еще на неделю этот праздник и заняли у Сильвы деньги, так как абсолютно прожились с гостиницей, поездками и какими-то подарочками. Андрей где-то пишет, что считал нашу первую поездку в Среднюю Азию свадебным путешествием. По времени оно, может, и так. Но по состоянию души наш медовый месяц — это Армения. Телефонный звонок вечером

²¹ Ахчик по-армянски — девочка.

²² Название книги Эрнеста Хемингуэя о Париже.

16 октября разрушил эту идиллию. Таню исключили из университета. И мы вылетели в Москву.

В приказе об отчислении Тани было сказано: отчислить как не работающую. Она училась на вечернем отделении, а вечерникам полагалось работать. Все годы она работала, в последнее время младшим редактором в журнале «Квант», но не в штате, а замещая женщину, ушедшую в отпуск по беременности и уходу за ребенком.

Женщина эта еще не вернулась на работу, а Таню внезапно уволили (механизм этого увольнения так и остался неясным). В это время оказалась вакантна должность корректора в журнале «Успехи физических наук». Евгений Михайлович Лифшиц хотел ее взять. Но через день или два позвонил Андрею и открытым текстом сказал, что представители органов безопасности не рекомендуют ему это делать. Андрей был очень благодарен ему за этот звонок, потому что след КГБ стал явным. Через несколько дней Таня начала работать в книжном магазине, помещавшемся на первом этаже нашего дома. И подала заявление о восстановлении. Тогда формулировку приказа изменили. Написали — отчислить как не работающую по специальности. Мы все были удручены и понимали, что Таня выбрана как первая жертва.

Андрей в связи с этим был несколько раз у ректора университета Петровского. На одной из этих

встреч присутствовал декан факультета Ясен Засурский. И тут наконец всплыла истинная причина отчисления. Засурский сказал, что отчисления Тани требовали арабские студенты, которые на нее в обиду за участие в демонстрации у посольства Ливана. Это была ложь — на факультете не было студентов-арабов. Был один эфиоп, но он был в хороших отношениях с Таней, бывал у нас дома, так как, зная английский язык лучше чем многие ее однокурсники, она помогала ему в русском языке. Но истинную причину отчисления Засурский называл верно — участие в демонстрации.

В конце октября 1972 года в Ногинске проходил суд над Кронидом Любарским. Мы потратили много времени, пытаясь получить его научную характеристику у кого-нибудь из известных астрономов. В конце концов характеристику написал Иосиф Шкловский. Потом он считал, что из-за этого его несколько лет не выпускали за рубеж²³. Формально суд был открытым. Однако друзей Любарского, приехавших на суд, не только не пустили в зал заседаний, но несколько мужчин в штатской одежде очень грубо вытолкнули нас из здания суда на улицу. Во время этой стычки я удари-

²³ Я думаю, что это не так. Последний раз его выпустили за рубеж в 1969 году, а характеристику эту он написал в 1972.

ла по лицу одного из них. Потом они повесили на дверь городского суда большой амбарный замок. Я тогда очень жалела, что ни у кого из нас не было фотоаппарата.

Вернулись мы в Москву после приговора поздним вечером. Дома нас ждал Джей Аксельбанк — тогдашний корреспондент «Ньюсуик». И Андрей этой ночью дал первое в жизни интервью иностранному корреспонденту.

9 ноября меня вызвали на заседание комиссии горкома партии. Туда была приглашена также Людмила Власова — секретарь парторганизации медицинского училища, в котором я работала до выхода на пенсию. Я дома написала заявление, в котором просила исключить меня из рядов КПСС в связи с моими убеждениями, а также за неоднократные нарушения мною партийной дисциплины. В начале заседания я, как положено, передала председательствующему свой партбилет и это заявление. Он заявления как бы не заметил. И стал обвинять меня в агрессии против представителей органов правопорядка у здания суда в Ногинске. На это я сказала, что нас силой вытолкнули из здания люди в штатском. Потом он упрекнул меня в том, что я распространяю клевету, говоря, что мой отец расстрелян, а он умер в лагере, и мне была дана об этом справка. Я уточнила, что на мои запросы об отце я трижды получала ответы и в них

были указаны разные причины и разные даты смерти. И что давно ни для кого не секрет, что приговор 10 лет без права переписки означает расстрел. И не моя вина, что в КГБ такой эзопов язык. О том, что я давно не плачу членские взносы и не хожу на собрания (и то и другое — грубые нарушения партийной дисциплины), он не упоминал.

После долгих и каких-то абстрактных выступлений других участников заседания председательствующий сказал, что они передадут мое дело на бюро горкома. И протянул мне назад мой партбилет. Тут я сказала: «Оставьте его себе, я же написала, что прошу меня исключить». И в этот момент Люда Власова, сидевшая рядом со мной, закричала (не прошептала, как пишет Андрей, а закричала): «Лена, что ты делаешь, у тебя же дети!». И я ей в ответ тоже закричала: «При чем тут дети!». Воцарилось молчание. Потом председательствующий сказал: «Вас вызовут на горком. Можете быть свободны». И Люде: «Можете идти». И мы вместе вышли на улицу. Люда запричитала: «Что теперь будет, что будет?». Я ей на это довольно резко ответила: «Да ничего не будет». И действительно, ничего не было. На горком меня не вызывали.

А Люда вполне хороший человек. Преподавала в училище историю КПСС и научный атеизм, ведь в те годы не могло быть медсестры, фельдшера или акушерки без знания этих предметов. У нас

с ней были вполне добрые отношения. И возглас ее на этом заседании был вызван именно добрыми побуждениями. А вскоре после открытия Архива Сахарова туда приходил ее муж. Сама Люда не пришла, видимо, постеснялась.

Осенью Чалидзе принял приглашение приехать в США читать лекции. Андрей считал, что в этом есть элемент риска, так как его могут лишить гражданства. Но Валерий отрицал такую возможность. Андрей воспринимал это как его неискренность. Он был огорчен и даже в какой-то мере обижен, потому что, кроме деловых, полагал еще доверительные человеческие отношения с Валерием. В деловом плане, Андрей думал, что, приняв идею Чалидзе о Комитете, став вместе с ним и Твердохлебовым членами-основателями Комитета, они втроем ответственны за его будущее. И поэтому Валерий не должен рисковать. А то, что разрешение было дано на поездку с женой быстро и без затруднений, демонстрировало заинтересованность КГБ в отъезде Валерия. В связи с обсуждением этой темы осложнились отношения и с Чалидзе, и с Твердохлебовым, а заявление Сахарова и Шафаревича о поездке Чалидзе осложнило также отношения и с некоторыми другими диссидентами.

Я разделяла мнение Андрея об ответственности за судьбу Комитета. Но в целом считала (возможно, по своей женской сущности), что все значи-

тельно проще. Валерий опасался, что мысль о возможности лишения гражданства испугает его жену, а сам он, как я думаю, прекрасно осознавал, что может быть и такой исход, но считал возможным рискнуть. Я ощущала, что Вера боится этой поездки и, видимо, Валерию было достаточно трудно добиться ее согласия. Этим объясняется его неискренность с Андреем да и со всеми друзьями. И я до сих пор помню, как в канун их отъезда, когда мы прощались, Верочка отказалась пожать мне руку, потому что я сказала, что они не вернуться.

А КГБ был бесспорно заинтересован в отъезде Валерия. Тамошние аналитики прекрасно понимали, что Валерий является двигающим мотором Комитета (и организационным, и интеллектуальным — со своими юридическими тонкостями, которые Сахарову и, возможно, Шафаревичу были неинтересны), и без него Комитет зачахнет. Что, между прочим, и произошло. Его — Комитет — на какое-то время спасло вступление Гриши Подъяпольского. Но с отъездом Валерия Комитет был обречен. Вообще я думаю, что Андрею Сахарову по его внутренней сущности больше подходила бы Инициативная группа²⁴ как свободный авторский коллектив, а не схоластический в ка-

²⁴ Инициативная группа по защите прав человека в СССР была основана в 1969 году.

кой-то мере Комитет. Но когда Инициативная группа довольно спонтанно образовалась без согласования Якиром и Красиным с теми людьми, которых они объявили ее членами, никто не пришел к Сахарову с подобным предложением. И я не знаю, был ли он внутренне в то время готов принять такое предложение. А Чалидзе пришел со своей идеей на другом фоне. Весенняя 1970 года эпопея защиты Жореса Медведева, помещенного в психушку, и октябрьский суд над Вайлем и Пименовым значительно расширили круг диссидентских контактов Андрея, и идея создания Комитета была легко (на мой взгляд, даже несколько легкомысленно) воспринята Сахаровым.

В конце ноября проходило ежегодное общее собрание Академии. Вечером последнего дня для участников собрания был концерт Рихтера в концертном зале гостиницы «Россия». Это был единственный случай за 19 лет моей жизни с Андреем, когда я пошла на академическое мероприятие. Ни до этого, ни после я не ходила на академические приемы и банкеты.

В антракте ко мне подошел академик Будкер и пригласил в буфет поесть мороженого. Вел он себя как старый знакомый и близкий приятель, хотя до этого я встречалась с ним всего один раз, когда мы с Андреем собирали подписи под Обращениями об амнистии и отмене смертной казни.

Сидя за столиком, он начал разговор фразой: «Надо спасти Андрея». Описал, какой угрозе Андрей подвергается в Москве — кругом иностранные шпионы, и корреспонденты тоже шпионы, и Андрей может из-за контактов с ними погибнуть. После такой преамбулы он перешел к конкретным предложениям. Он предлагает Андрею должность (названия не помню) в Сибирском отделении Академии. Зарплату, которая показалась мне почти астрономической, хотя цифру тоже забыла. Прекрасные жилищные условия — отдельный коттедж в шесть комнат. И расписывал какие-то заманчивые картинки, из которых запомнила только, что каждый месяц в Академгородок приезжает какой-то магазин, где все вещи из «Березки», но покупать их можно за рубли.

Я ответила ему, что все это прельстительно, особенно «Березка». И если б меня приглашали на работу на таких условиях, то я бы отнеслась к этому серьезно. Но поскольку речь идет об Андрее, то ему все эти прелести и надо предлагать. После концерта я пересказала этот разговор Андрею. Оказалось, как я и ожидала, с ним Будкер не говорил. Но спустя несколько дней Андрей, придя с фиановского семинара, рассказал, что кто-то из его коллег слышал в академических кругах, что существует план перевести его каким-либо способом из Москвы в Новосибирск и что препода-

сится этот план именно той фразой, с которой Будкер начал разговор со мной — надо спасать Андрея. Андрей считал, что эта идея рождена в КГБ, и разговор Будкера со мной был неким зондажем. А концерт Рихтера был очень хорош.

В эту осень муж Тани Сахаровой устроил Диму, который ушел от Любы и стал жить у них, во 2-ю математическую школу. Андрей был несколько удивлен, что Диму, который никогда ни в каких отборочных олимпиадах не участвовал, туда приняли. Но через полгода Дима вернулся в обычную школу.

А я с сентября договорилась с преподавателем английского языка, который давал уроки Алеше, чтобы он занимался и с Димой. Предполагалось, что из школы Дима будет два раза в неделю приезжать к нам обедать, потом будет урок, и он после него едет домой. Евгений Александрович охотно согласился, так как два урока в одном доме его устраивали. Но через полтора месяца он отказался от уроков с Димой, считая их фикцией, так как Дима не всегда являлся и не выполнял домашних заданий. Так что эта моя попытка вместе с английским языком как-то приобщить Диму к дому провалилась, к большому огорчению Андрея.

В конце года во 2-й школе, где в это время учились и Дима, и Алеша, проходил так называемый Ленинский урок. Я вспомнила об этом не только

потому, что это был атрибут времени — нечто подобное клятве в любви к Большому брату по Орвеллу, но больше потому, что этот самый урок дал мне возможность уличить Андрея и в двоемыслии (чаще говорят — совковость), и в непоследовательности.

На этом уроке подростков механически принимают в комсомол без обычных собеседований и вопросов по уставу. Надо только подать заявление. Андрей уговаривал Алешу сделать этот шаг, чтобы не осложнять жизнь. Разговор происходил без меня, и я о нем не знала. Это была инициатива Андрея. Алеша ему на уговоры ответил одной фразой: «Андрей Дмитриевич, вы себе позволяете быть честным, так оставьте и другим это право». (Это было задолго до «Жить не по лжи»).

Андрей сказал мне, что Алеша дал ему урок нравственности, но он все-таки огорчен его антипрагматизмом. А я ему сказала, что это двоемыслие. В это же время Дима на Ленинском уроке вступил в комсомол, и Андрей был огорчен этим. А это была уже не менее явная непоследовательность. Одному подростку он советует делать то, что, если это делает другой, вызывает неодобрение. От моих слов Андрей вновь огорчился, но объяснить свое поведение не смог.

В конце декабря или в первые дни января, когда Андрей был дома один, пришла незнакомая ему женщина и передала для меня маленький сверток. Это была жена одного из заключенных лагеря особого режима в Сосновке, возвращавшаяся в Западную Украину после свидания с мужем. Там была записка мне от Эдика, в которой он вручал мне судьбу своей первой книги «Лагерный дневник».

Лагерные документы, которые обычно вывозят из зоны в самых интимных местах, пишут на узких полосках тонкой прозрачной провощенной бумаги. Пишутся они крайне мелким шрифтом от руки карандашом, и расшифровка их очень трудна. Рема в это время был чем-то занят. Мне, с моими глазами, такая работа была не под силу, и я имела неосторожность единственный раз доверить это одному из близких друзей Кузнецова — Вите Хаустову. А он передоверил это (не сказав мне) Гарику Суперфину. Когда расшифровка была сделана и ко мне вернулся и оригинал¹, и распечатка,

¹ После освобождения в 1974 году жены Кузнецова Сильвы Залмансон я переправила оригинал рукописи в Израиль для передачи ей (кажется, через Юру Меклера — теперь уже точно не помню).

я переправила распечатку Марии Олсуфьевой — ей, потому что она знала Эдика, встречалась с ним у меня и вместе с Ниной Харкевич принимала участие в его судьбе, присылала книги и какие-то вещи. Я совершенно твердо знала, что таков был бы и выбор Эдика.

В начале лета Маша смогла мне сообщить, что она получила этот материал, но его получил и Струве², поэтому возникли какие-то сложности с публикацией. Я ничего не могла понять. В это время приехала из Ленинграда Джемма Квачевская, жила, как всегда, у нас. Вечером пошла в гости к Якирам и, придя, сказала, что там вслух читают «Дневники» Кузнецова. Меня как обухом по голове стукнули. Уже полгода как арестован Витя Хаустов, уже арестован Суперфин. И кого еще потянут из-за того, что Витя отдал лагерную рукопись на сторону, а дальше пошло-поехало? Больше я никогда и никому ничего в руки не давала.

Во второй половине января Андрей вновь обратился к Петровскому по вопросу восстановления Тани. Петровский сказал, что решение зависит от общественных организаций, и пригласил на встречу с секретарями (кажется) парткомов университета и факультета журналистики. Встре-

² Главный редактор парижского русскоязычного издательства «Имка Пресс».

ча происходила в кабинете Петровского и в его присутствии. Вечером этого дня Петровский скорпостижно скончался. И тут же родилась инспирированная КГБ версия, что это случилось после разговора с Сахаровым, который якобы кричал на него и стучал кулаком по столу.

Через три недели Андрей получил потрясшее его письмо от академика П. С. Александрова. Это письмо привожу полностью. Привожу также стр. 1 и 3 ответа Андрея. Стр. 2 не сохранилась.

•29 января 1973 года. Академику А. Д. Сахарову

Андрей Дмитриевич! До последнего времени я, не разделяя, насколько я их себе представлял, Ваших убеждений, тем не менее относился к Вам с чувством уважения, продиктованным не только Вашими научными заслугами, но и мнением, что Вы являетесь человеком большой и широкой человеческой культуры. Ошибочность этого моего мнения стала для меня ясной, когда я узнал обстоятельства Вашей последней беседы с И. Г. Петровским. Проникнув в его кабинет (после того, как Вам было сообщено, что И. Г. занят спешным делом и поэтому в этот день никого не принимает), Вы вступили с ним в разговор, содержание которого я не предполагаю обсуждать, но самая форма которого была столь неприлична, что привлекла (и не могла не привлечь) внимание третьих лиц. Само изложение обстоятельств, вероятно, не вызвало бы еще этого моего письма к Вам: иногда приходится менять свое мнение о людях, и это обычно не является поводом

писать им, особенно не будучи с ними даже лично знакомым. К несчастью, в данном случае дело гораздо серьезнее. Вы знали, что Иван Георгиевич — тяжело больной человек, для которого всякое большое волнение могло иметь роковой исход. Сама форма Вашего разговора (даже оставляя в стороне его содержание) не могла не привести Вашего собеседника в состояние остро нарастающего волнения, в данном случае очевидно жизненно опасного. Вы были нравственно обязаны немедленно прекратить Ваш разговор. Вы этого не сделали — и произошло то, чего ни забыть, ни простить Вам нельзя.

П. Александров.»

Ответное письмо Андрея (черновик):
стр. 1.

«Уважаемый Павел Сергеевич! Несколько дней назад (13/2) я получил в ФИАНе Ваше письмо (принесенное секретарю отдела замом по режиму в распечатанном виде). К сожалению, я увидел из него, что Вы сочли возможным без проверки поверить неточным и тенденциозным слухам и (объективно) включились в травлю, которой вот уже много месяцев подвергаются члены моей семьи и я. Мой разговор с Сергеевым и, кажется, Протопоповым (который проходил в присутствии И. Г. Петровского) касался дочери моей жены Тани Семеновы. 16 октября она была отчислена по надуманному предлогу с последнего курса вечернего отделения факультета журналистики.

Отчислена как не работающая, но как раз Таня, в отличие от многих, работала по специальности и регулярно представляла об этом справки. Правда, она, как и многие, работала не по штатной должности. Штатная работа редактора редкая удача, и почти никто ее не имеет. Истинная цель отчисления — давление на меня. Против ее восстановления, по словам Ив. Георг., возражали общественные организации. Декан факультета добавил сюда мифических арабских студентов. (Фактически однажды Таня сопровождала меня к зданию Ливанского посольства, где я ожидал стычек спецдружинок с лицами, протестующими против убийств на Олимпиаде, и надеялся, что при мне будет меньше эксцессов со стороны властей).»

стр. 3:

«...с ними я разговаривал в довольно спокойных тонах, но без особой симпатии и взаимопонимания. Я вынужден был, в частности, заметить, что оставляю за собой право жаловаться в любые инстанции, а также информировать иностранную прессу о позорном для МГУ и его функционеров деле. Кончая разговор, я попрощался с Иваном Георгиевичем и выразил надежду, что меня известят о справедливом решении. В тот же день вечером, выходя из здания ЦК КПСС (по слухам, после трудной беседы с Елютиным и Трапезниковым), Иван Георгиевич умер. Вы, конечно, знаете эти подробности лучше меня, так же, как и то, что он недавно перенес грипп. Что касается меня,

то я никак не могу чувствовать какой-либо вины в случившемся несчастье. Наша жизнь — не гостиная, и не всегда можно обмениваться любезностями тем более в служебном кабинете. И главное — я не имею оснований предполагать, что мое дело (в котором Ив. Георг. принял участие, но оказался бессилён) являлось для него более травмирующим, чем та борьба, которую он вел (под угрозой отставки) с врагами Университета, часто с унижительными и на самом деле мучительными для него компромиссами. Фактически он уже давно стал слишком либералом.

С уважением

А. Сахаров.»

Мейман считал, что письмо Александрова вызвано тем, что, будучи человеком нетрадиционной сексуальной ориентации и опасаясь преследований, согласно существовавшим тогда в СССР законам, он этим письмом демонстрировал свою лояльность власти. Возможно, Мейман был прав, но это не смягчало то глубочайшее, почти шоковое переживание, которое это письмо доставило Андрею. Были еще какие-то письма, было выступление академика Понтрягина, в котором он призывал власти привлечь Андрея к уголовной ответственности, но их Андрей воспринял не так болезненно, как вышеприведенное письмо.

Таня была восстановлена в университете новым ректором Ремом Хохловым осенью 1974 года.

То, что она все это время работала в книжном магазине (т. е. не по специальности), видимо, уже не являлось препятствием. В 1975 году она отлично защитила диплом по Достоевскому.

Сейчас даже при наличии Летописи жизни и общественной деятельности Сахарова мне трудно установить последовательность внешних событий и наших внутрисемейных переживаний. И так как я пишу не об общественной деятельности Андрея, а о нашей с ним жизни, то излагать буду так, как она мне видится через 30 лет. Это не будет календарно точным, но, возможно, проявит на бумаге те причинно-следственные связи, которые я ощущала в событиях этого года и в последующие несколько лет, вплоть до выезда детей из страны осенью 1977 года.

После скоропостижной смерти Петровского и этой внутриакадемической, но не вышедшей на публику антисахаровской кампании Евгений Львович Фейнберг посоветовал сделать попытку получить для детей разрешение на поездку в США для завершения образования. Он даже брался сам связаться с Вики Вейскопфом, что и сделал. Андрей очень горячо воспринял эту идею. Он как-то наивно полагал, что его западные коллеги смогут добиться положительного решения. У меня возражений не было, но мне с самого начала казалось это нереальным. Настоящую оппозицию мы встретили в семье. Алеша сказал, что он внутрен-

не более готов к Мордовии, чем к загранице. А Ефрем, давно готовый к Мордовии, даже не стал ее с нами обсуждать. Он был абсолютно уверен, что из этого ничего не выйдет. Но посыпались вызовы им из США, и надо было что-то предпринимать. В этой связи интересен документ КГБ от 13 марта 1973 года, в котором говорится:

«В последнее время Боннэр навязывает мужу мысль о возможном применении репрессивных мер к ее родственникам и в связи с этим убеждает его выехать за границу».

Так КГБ представлял членам ЦК нашу попытку получить разрешение для детей выехать на учебу (но не в эмиграцию). И меня, якобы стимулирующую у Сахарова желание эмигрировать. Но мы никогда (и я вплоть до сегодняшнего дня — август 2004 года) не ставили своей целью эмиграцию, никогда этой проблемы не обсуждали. Но она, и именно в такой формулировке, позже стала широко обсуждаться вокруг нас. И в этом плане этот документ КГБ интересен как первоисточник того, что потом становится расхожим мнением. Отголоски этого предложенного КГБ взгляда появляются у Солженицына и у других пишущих диссидентов, в том числе тех, кто хорошо нас (меня) знал. Я всегда считала, что лучше эмигрировать, чем садиться, и всегда это советовала тем нашим друзьям, которым угрожал

арест. Но я никогда не мыслила этого для нас, не была столь наивной, чтобы полагать, что Сахарова в те годы могут выпустить из СССР. Ведь тогда распалась бы вся система отказов в выезде из-за секретности. Я и раньше считала, что многое, что считают (и у нас в стране, и на Западе) общественным мнением, формируется в КГБ. Документы КГБ, доступные теперь, подтверждают это. А формирование общественного мнения — работа этого органа ничуть не менее важная, чем его репрессивная деятельность.

И как раз в эти дни, а точнее 14 февраля, в «Литературной газете» появилась большая, на целую полосу, статья ее главного редактора А. Чаковского, осуждающая Сахарова. Вскоре (и я усматриваю в этом прямую связь со статьей, вызвавшей беспокойство среди американских физиков, а совсем не то, что мы предприняли попытку получить разрешение детям на поездку) пришло первое приглашение Сахарову в Принстон от Уилера, позже подтвержденное формальным приглашением от Президента Принстона с указанием, что Сахаров приглашается с женой, ее детьми и ее зятем, и им всем будут оплачены дорожные и прочие расходы. Американская Национальная Академия, также обеспокоенная статьей Чаковского, среагировала резкой телеграммой своего президента Филиппа Хандлера. Эти волны шли с Запада.

А дома были свои тревоги. На Алешу началось давление в школе. Его (чуть ли не единственного некомсомольца среди учащихся нескольких десятых классов) неоднократно вызывали к директору. С ним вели беседы о том, что он должен осудить Сахарова за его общественную позицию, и как-то неопределенно угрожали, причем это были не учителя или директор, а какие-то посторонние люди. И хотя Алеша в своих рассказах об этом был очень сдержан, мы понимали, что он нервничает, и ему стало в школе по меньшей мере неуютно.

И в это время произошла трагедия с сыном Саши Лавута. Мальчик погиб, и никто не знает, чем было вызвано это самоубийственное решение подростка и было ли там замешано КГБ. Почти в шоке от этой трагедии и на ее фоне мы решили избавить Алешу от лишнего нервного напряжения и перевели его на оставшиеся до получения аттестата два или три месяца в обычную школу, в которую десять лет назад он пришел в первый класс. Там о нем осталась хорошая память, и его взяли буквально в тот же день, как я пришла со своим заявлением.

Одним из главных общедиссидентских событий этого времени было следствие по делу Якира и Красина. Многих вызывали на допросы как свидетелей и при этом угрожали, что если будет продолжаться выходить информационный бюллетень

«Хроника текущих событий», то будут новые аресты среди сопричастного к ее выходу круга людей. Андрей (с моей подачи и каких-то поощрительных слов моей мамы, которая в далеком прошлом знала отца Петра Якира) решил, в надежде облегчить судьбу Якира, обратиться к министру среднего машиностроения Славскому. Работая с 1949 по 1968 год на секретном объекте, который находился в ведении этого министра, Андрей был с ним хорошо знаком и много общался. А Славский в годы Гражданской войны был дружен с отцом Петра Якира — командармом Ионой Якиром, расстрелянным в 1937 году.

Из встречи Андрея со Славским, как и следовало предполагать, ничего не вышло. Только я, ожидая Андрея в течение нескольких часов около министерства, изрядно поволновалась. Андрей долго ждал, пока Славский освободится, а мне уже представилось, что его задержали и увезли куда-нибудь на допрос. А 13 апреля к нам домой пришел молодой лейтенант ГБ и передал Андрею письмо от Петра Якира.

Это письмо публиковалось (А. Сахаров «Pro et contra» М.: ПИК, 1991), но кто будет теперь искать эту книгу, поэтому я его повторяю здесь.

«Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич! Узнав о Вашем выступлении в мою защиту и пользуясь представившейся возможностью, хочу изложить вам некоторые свои мысли,

касающиеся моей деятельности в прошлом, ее оценки и позиции в настоящее время. Вам известно мое отношение к Сталину и сталинизму, и оно остается неизменным. Однако, начав с противодействия казавшейся мне ресталинизации и протестов по частным вопросам нарушения законности, я постепенно встал на прямой путь антисоветизма. Это выражалось в том, что я был автором и соавтором ряда писем, в которых проводились неправомерные обобщения, являющиеся явной клеветой на наш общественный и государственный строй. Я хранил, размножал и распространял антисоветскую литературу и передавал на Запад различную информацию, которая была явно тенденциозна и зачастую носила клеветнический характер, а в ряде случаев прямо призывала к борьбе с существующим у нас строем. Все это совершенно объективно оценено мной и рассматривается как нарушение наших советских законов. Понимая это, я готов отвечать за свои действия и их последствия. Детализировать все конкретные факты совершенных мной правонарушений нет необходимости. В будущем, при встрече, я смогу Вам изложить их в личной беседе. Андрей Дмитриевич! Я обращаюсь к Вам, как к ученому, чье имя широко известно, и надеюсь на то, что Вы правильно поймете меня. До ареста я тоже выступал, как было принято говорить, в защиту осужденных знакомых и незнакомых лиц. Теперь, познакомившись со многими собранными следствием доказательствами по моему делу, я убедился, что зачастую ратовал за людей, совершивших тяжкие преступления, изображал их как жертвы мнимого

произвола и беззакония. Составлявшиеся мной и моим окружением письма и др. документы, попадая на Запад, немедленно подхватывались и использовались открытыми и скрытыми противниками в пропагандистских целях против нашей Родины — Советского Союза. Особенно упорствовали в этом такие рупоры антикоммунизма, как радиостанция “Свобода” и небезызвестная Вам организация НТС, считающая своей главной целью свержение советской власти в СССР. Не находя поддержки среди советских людей, идеологи НТСа использовали любые негативные проявления в нашей стране, чтобы опорочить советский строй. Примечательно в этом плане замечание одного из руководителей НТС о том, что в борьбе с советским государством им полезны все от сумасшедшего террориста “Ильина³ до Сахарова”. Совершая противозаконные поступки, я, к сожалению, давал пищу явным врагам, которые, как могли, чернили нашу страну, а меня поднимали на щит как “непреклонного борца за демократию”. Ваше имя с 1968 года также не сходит со страниц их пропагандистской печати. Они сразу же умудрились отпечатать брошюру “Ко всем людям доброй воли”, где Вашими “Размышлениями о мирном сосуществовании...” поместили свою программу с призывом к свержению существующего в СССР строя. Таким образом наши враги всячески использовали наши имена в своих целях и интересах. Андрей Дмитриевич, я всегда с большим уважением относился

³ В. Ильин 22 января 1969 г. покушался на жизнь Брежневца.

и отношусь к Вам, поэтому, излагая свою позицию в настоящее время и давая оценку прошлой деятельности, надеюсь на полное понимание с Вашей стороны. При этом буду бесконечно рад, если написанное даст Вам возможность избежать тех ошибок и заблуждений, которых, к сожалению, я избежать не смог и осознал слишком поздно. Очень хотелось бы услышать Ваши соображения по существу затронутых вопросов. Это письмо написано Вам лично. Сердечный привет и наилучшие пожелания Вам и Вашей супруге.

П. Якир.

3 апр. 1973 года».

Андрея удивила тональность письма, как будто оно писалось другу или хотя бы близкому знакомому, хотя в прошлом Андрей встречался с Якиром два или три раза в каких-то многолюдных собраниях, но они никогда между собой не общались. А содержание письма производило впечатление написанного под диктовку следователя. Оно демонстрировало победу КГБ над личностью Якира и одновременно содержало угрозу адресату (верней, адресатам — в КГБ понимали, что Андрей не будет держать это письмо в тайне).

Позже, уже после своего покаянного выступления по телевидению, Якир позвонил из Рязани, где был в ссылке, и в такой же необоснованно дружеской тональности просил Сахарова приехать к нему. Ни на письмо, ни на просьбу приехать Ан-

дрей Якиру не ответил. Не хотел создавать какие-либо отношения. Но это не было осуждением. Скорей, даже оставив Якира без ответа, внутренне Андрей относился к Якиру так же, как мама и я, следуя тому нравственному закону, который гласит: «Не судите, да не судимы будете». Мы много в эти месяцы говорили о страшной судьбе детей «врагов народа», подростками попавших в лагерь, как и Петр Якир. И среди детей маминых ближайших друзей были такие, да и я сама случайно избежала подобной участи⁴.

После интервью Джею Аксельбанку, которое было осенью 1972 года, у нас в доме стали бывать иностранные корреспонденты. С некоторыми из них возникли дружеские отношения и у нас с Андреем, и у Тани с Ремой. Это было естественно — и мы люди, и корреспонденты тоже. Они, помимо профессиональной своей работы, могли к кому-то испытывать и человеческие симпатии. В разные годы мы были семейно дружны с Альфредом Френдли, Хедриком Смитом, Тони Остином, Моми Мумендейлом, Кэвином Клоузом. Мы бывали у них в гостях, и они бывали у нас. Но несколькими из

⁴ Об отношении к делу Якира и Красина (и к диссидентству в целом) высокопоставленных партийных функционеров см. стр 84. (Год 1971.).

наших друзей-корреспондентов дружба с нашим домом обошлась дорого: их лишили аккредитации в Москве. Это были Франческо Маттиоли, Джулиан Нанди, Джордж Крымски и Улле Стенхольм.

Улле предложил Андрею сделать большое, так сказать, мировоззренческое интервью. Андрей согласился, и 2 июля интервью было записано на магнитофон. Мы предполагали, что одновременно с записью, которую делал Улле, работало и записывающее устройство в нашем доме. Но мы принципиально не были подпольщиками, и фактически почти все, что делалось в общественном плане, все то, что называется диссидентской деятельностью, делалось открыто. Через несколько дней Улле принес расшифровку записи. Андрей ее выправил. И в середине июля интервью было опубликовано в шведской газете, прозвучало по радио и вызвало широкий международный резонанс.

Фоном жизни были аресты, следствия и суды, чуть ли не ежедневные правозащитные документы Андрея, повторяющиеся приглашения в Принстон, вызовы детям и в связи с ними несколько обращений в ОБИР и в консульство США. Однако домашняя, семейная жизнь шла, как бы не пересекаясь с этими делами. В ней были другие тревоги и неожиданные для такого фона светлые события.

Алеша успешно окончил школу. Мы, вопреки разумности, полагали, что отличный аттестат и хо-

рошая общая подготовка откроют ему дорогу в университет. С Димой эти тревоги предстояли только через два года, так как он был отдан в школу на год позже, чем положено по возрасту. Ефрем уволился из своего патентного бюро и уехал на заработки в экспедицию на Северный Урал. Таня продолжала работать в книжном магазине и осенью ждала первого ребенка.

Мы как-то разобрались, кто где живет на даче, хотя ни мы с Андреем и Алешей (он готовился к экзаменам в университет), ни Таня с Ефремом там жить этим летом не собирались. Андрей отвел детям второй этаж. Там была ванная и три комнаты. В одной жила Таня с Мариной. Вторая была Димины. В третьей, которая считалась Любиной, жила няня Марины. Люба при мне, и насколько я знаю и без меня, никогда после смерти Клавдии Алексеевны на даче не жила.

К лету мы перегородили большую проходную комнату. Получилась сильно уменьшенная полутемная проходная и еще две — одна 9 кв. м. и одна размером в половину вагонного купе. И, расширив уборную на первом этаже, сделали там душ. Таким образом, на второй этаж мы не ходили даже в ванную.

И я предложила Андрею пригласить на лето на дачу наших пушкинских — Наталью, Зочку и Регину. Мне особенно хотелось этого для Регины. Наталья каждое лето ездила хоть на месяц куда-

нибудь в Прибалтику, Зюечка к своей сестре, а Регина уже несколько лет сидела безвыходно на шестом этаже их квартиры и каждое лето глядела в окно на каменный колодец двора. Андрей радостно согласился, и в июне Регина и Наташа приехали и провели (мама вместе с ними) лето в Жуковке. А мы часто приезжали, и общение было очень интенсивным.

Люба в начале лета вышла замуж, и ее муж был нам очень симпатичен. Перед свадьбой мы с Андреем нескончаемо ходили в ресторан гостиницы «Россия», где был заказан свадебный ужин, занимались разными покупками и приведением квартиры на Щукинском в предсвадебный порядок. В эти дни мне приоткрылось, что в отношениях с дочерьми Андрея получилось, что на меня в какой-то мере они (или, может быть, только Таня?) переносят ответственность за прошлые их семейные сложности. Томар (мать Ефрема), встретясь с Таней Сахаровой, поздравила ее с предстоящей свадьбой сестры. Таня очень раздраженно ответила, что ее поздравлять не с чем, что Любе что-то покупают и устраивают свадьбу (при этом как-то упоминалось мое имя), а когда она выходила замуж, ничего этого не делали, и даже родители ее не пришли на свадьбу. Томар очень растерялась и сказала только, что упрек в мой адрес ей кажется несправедливым.

Когда я с некоторым недоумением, как такое могло случиться, пересказала этот эпизод Андрею, он несколько смущенно подтвердил, что действительно он и Клавдия Алексеевна плохо отнеслись к этому событию в жизни старшей своей дочери и на ее свадьбу, хотя никаких определенных поводов для этого не было, не пошли.

Алешу на экзаменах в университет с циничной откровенностью провалили — поставили двойку за сочинение. Нам, после небольшого скандала на конфликтной комиссии, показали его работу. Там стояла четверка, которая была зачеркнута, и под ней стояла двойка. И хотя тенденциозность (а вернее, подделка) была наглядной, нашу апелляцию комиссия отклонила. Мы все, но особенно Алеша, были угнетены, но он все же отмотобилизовался и пошел снова сдавать экзамены в педагогический институт.

И в эти дни Андрею позвонил зам. Генерального прокурора СССР⁵ и попросил прийти на беседу. Она состоялась 16 августа. Как обычно, я во время этой беседы ждала Андрея на улице.

⁵ «15 августа мне позвонил зам. Генерального прокурора СССР и попросил прийти для беседы. О чем будет эта беседа, не сказал, только заметил, что это будет беседа порядочного человека с порядочным человеком». А. Сахаров. «Запись беседы с зам. ген. прокурора СССР М. П. Маляровым».

У меня было более чем достаточно времени, чтобы вспомнить все, что было связано с этим зданием и с этой улицей в моем детстве.

В здании, где находилась прокуратура, когда-то располагался Московский комитет партии, и там работала мама. Чуть дальше от центра на этой улице была моя школа. В доме наискосок от прокуратуры я бывала в гостях у одного моего школьного приятеля. А рядом был ломбард, куда я с бабушкой после ареста папы относила кучу каких-то вещей, которые потом никогда не были куплены. Какую же большую жизнь надо прожить, чтобы все эти улицы и дома стали частью биографии!

Вернувшись домой, Андрей по моему настоянию подробно записал содержание беседы. Я напечатала несколько закладок. Но излагать полностью содержание этой беседы здесь не буду, так как она неоднократно публиковалась, а если говорить о ней в двух словах, то это было предупреждение о том, что, если Сахаров не прекратит своей деятельности, то к нему будут применены другие меры. И 21 августа на большой пресс-конференции у нас дома мы раздали этот текст иностранным корреспондентам.

В тот же вечер втроем Андрей, Алеша и я вылетели в Ереван. Диму в этот раз с собой даже не пытались звать. В самолете Алешка вдруг сказал:

«А ведь сегодня 21 августа». Все годы с 1968-го мы как-то отмечали этот день, а тут забыли!

В Ереване в этот приезд мы ни с кем из друзей не общались. Днем ездили и ходили все по тем же туристским местам. Вечером, вернувшись в гостиницу и пообедав, мы с Андреем падали с ног от усталости, а Алеша еще находил в себе силы и в охотку шлялся по ночному городу. У всех троих наступило полное расслабление. Андрей полностью отключился от всех московских дел, встречи с Маляровым, пресс-конференции, решал с Алешей задачи из «Кванта», обсуждал проблемы космологии. А у Алеши исчезло с лица выражение напряженного ожидания чего-то трагического, появившееся в тот момент, когда он увидел двойку на своем сочинении, и не сходившее все это время.

Вечером 24-го он говорил по телефону со своей школьной подругой и будущей женой. Она спросила его, видели ли мы газету «Известия», а узнав, что не видели никаких газет, сказала, что надо посмотреть. Алеша обегал близлежащие ларьки, но газеты этой не нашел. Утром мы полетели в Батуми, и там на пляже я увидела, что какие-то рядом расположившиеся мужики читают газету, и при этом несколько раз прозвучала фамилия Сахарова. Я одолжила у них газету, и мы прочли заявление 40 академиков.

Самое большое впечатление оно произвело на меня. И не своим содержанием, а в связи с одним эпизодом, случившимся за два или три дня до нашего отлета из Москвы. Мы с Андреем получали (на самом деле — покупали, но так тогда говорилось) продуктовый заказ в столовой Академии. На выходе с нами столкнулся незнакомый мне человек. Он долго жал руку Андрею и с захлебом несколько раз повторял, как он лично (как все мы — кто мы?) уважает и ценит Андрея. И в заключение сказал очень громко, так что слышали окружающие: «Андрей Дмитриевич, вы наша совесть!». Когда он выпустил руку Андрея и мы оказались на улице, я спросила Андрея — кто это. Он ответил — академик Вул. И меня потрясло, что имя этого человека стояло одним из первых под этим заявлением. Я, конечно, понимаю, что подписи стояли по алфавиту, но уж очень свежо в памяти было воспоминание про «нашу совесть». Получалось — раз есть «наша», то свою совесть иметь не обязательно.

Утром мы, следуя своему плану, уехали в Кобулет, решив, если найдем жилье (гостиницы там не было), провести там оставшиеся дни. Нам повезло, видимо, в связи с окончанием сезона. «Дикари» уже разъехались. Мы нашли комнату в доме рядом с морем. Пляж был почти безлюдным и бесконечным и на север, и на юг. Вода в море тепло-

щая и хрустально чистая (в Батуми — сплошная нефть). Алешка без конца учил Андрея плавать, а я без конца цитировала: «И в тяжбе борющихся качеств Займет по первенству куплет За сверхъестественную зрячесть Огромный берег Кобулет. Обнявший, как поэт в работе, Что в жизни порознь видно двум, — Одним концом — ночное Потти, Другим — светающий Батум»⁶. Мне всегда (еще с детского чтения «Колхиды» Паустовского) хотелось побывать в Потти. Но и в этот раз не получилось. Поплавали, и надо было возвращаться в Москву.

Мы вернулись в самый разгар антисахаровской кампании в прессе. При нас она приобрела черты антисахаровско-антисолженицынской, и внезапно, как будто кто-то повернул выключатель, весь этот «гнев народа»⁷ прекратился. Теперь, когда появился доступ к документам КГБ и ЦК КПСС, известно, что выключатель действительно повернули⁸.

В ответ на газетную кампанию в СССР на Западе прошла волна выступлений общественных деятелей, политиков и ученых в защиту Сахарова

⁶ Борис Пастернак. «Волны».

⁷ Статья Лидии Чуковской «Гнев народа».

⁸ 5 сентября на заседании Секретариата ЦК КПСС принято решение опубликовать 7 сентября статью Замятина «Быть советским ученым — значит быть патриотом» и этим закончить газетную кампанию.

и Солженицына. Особенно важными Андрей считал выступления ученых и, в частности, телеграмму (на самом деле пространное письмо) президента Американской Национальной Академии Филлипа Хандлера президенту АН СССР М. В. Келдышу. Она была опубликована в газете «Нью-Йорк Таймс» 11 сентября.

Ответ на нее обсуждался на самом высоком уровне — на заседании Политбюро ЦК КПСС 17 сентября. На это заседание был приглашен М. В. Келдыш. Обсуждалась аналитическая записка КГБ СССР (также от 17 сентября), подписанная Ю. В. Андроповым:

«О недопустимости оставлять безнаказанными действия Сахарова и Солженицына. Предлагается возбудить против Солженицына уголовное дело, а с Сахаровым провести беседу на высоком уровне (угрожая лишением званий академика и Героя социалистического труда) и предложить работу в Новосибирске или другом режимном городе. Комиссии в составе Косыгина, Сулова, Шелепина, Келдыша, Кузнецова, Чебрикова и Руденко поручено подготовить и внести в ЦК КПСС предложения «по вопросу о Сахарове и Солженицыне».

Из протокола заседания:

«Брежнев: Может быть, подумать этой комиссии о том, как изолировать этого Сахарова. Может быть, сослать его в Сибирское отделение Академии наук СССР. Голоса: В Нарым его надо сослать, а в Сибири он будет опять мутить воду».

Что решают в Политбюро, мы не знали, но, что думают в лагерях, узнали из переданного нам в конце сентября письма политзаключенных пермского лагеря № 35.

«Мы приветствуем борьбу академика А. Д. Сахарова за гражданские права и свободы в СССР. Мы выражаем ему, мужественному и благородному человеку, свое глубокое уважение. Пусть знают все, кто подписал "протесты" против Сахарова, что с помощью их имен легче травить и давить нас. Мы пользуемся драгоценным случаем, чтобы опровергнуть перед всем миром ложь предателя П. Якира об отсутствии в СССР демократического движения. Сотни политзаключенных — живые участники этого движения — не изменили своих демократических убеждений. Мы верим, что дело демократизации советской системы, дело Сахарова, Солженицына, Буковского, Григоренко победит.

В. Платонов, востоковед (срок 7 лет),

В. Узлов, техник (срок 4 года),

В. Чесноков, бывший военнослужащий (срок 10 лет),

М. Садо, востоковед (срок 13 лет),

Н. Браун-младший, поэт (7+3 г. ссылки),

С. Мальчевский, рабочий (7 + 3 г.),

В. Федоров, бывший капитан милиции (6),

Д. Черноглаз, агроном (5),

С. Кудирка, бывший матрос-радист (10),

И.Шилинскас, рабочий (5),

В.Меликян, инженер-экономист (4),

Х. Василян, техник (7),

Л. Лукьяненко, юрист, бывший прокурор (15),
М. Макаренко, художник-реставратор, бывший директор
картинной галереи Сибирского отделения АН СССР (8),
Я. Сусленский, учитель (7),
С. Пономарев, учитель (5).

ст. Всесвятская Пермской области, сентябрь 1973 г.♦

В это время Андрей сделал несколько заявлений, которые не только привлекли в очередной раз внимание КГБ, но и с разной оценкой обсуждались в диссидентских кругах. В связи с Обращением к Конгрессу США в поддержку поправки Джексона возникла внешне (на мой взгляд) корректная, но внутренне напряженная и резкая полемика с А. И. Солженицыным. 16 сентября Александр Исачевич написал Андрею письмо, которое передала Наталья Дмитриевна. Об этом Андрей пишет в одной из горьковских тетрадей дневника (1981 год), и там же приведено полностью это письмо.

За письмо Президенту Принстонского Университета о согласии принять приглашение приехать в США в качестве визит-профессора, Солженицын (и не только он) также упрекал Андрея, считая, что это замаскированный ход к тому, чтобы эмигрировать. Возможно, такое восприятие у людей, лично с нами не связанных, возникло потому, что в тексте заявления Андрея, который прозвучал по голосам, был по непонятной причине опущен последний аб-

зац: «Со своей стороны я заявляю, что желаю сохранить советское гражданство и вернуться на родину. Я твердо выполняю вытекающие из советского гражданства обязательства, в том числе относящиеся к сохранению секретов оборонного значения, и считаю, что мое место — по причинам нравственным, общественным и личным на родине».

Но Александр Исаевич знал документ полностью. Поэтому его трактовка глубоко задела Андрея. Но и об этом Андрей пишет в Дневнике.

18 сентября Галич и Максимов написали Обращение к новой чилийской администрации в защиту Пабло Неруды, которое подписал и Андрей. Неруда тогда (по сообщениям радио) был взят под домашний арест, и о дальнейшей его судьбе не поступало никаких известий. В письме, в частности, была такая фраза: «Насильственная смерть этого великого человека омрачит на долгие времена объявленную вами эпоху возрождения и консолидации Чили».

А 25 сентября в «Правде» появилась статья «Недостойная позиция». В ней все три автора Обращения, но в первую очередь Андрей, обвинялись в поддержке Пиночета. Мы «Правду» не выписывали, но утром нам кто-то из друзей сообщил об этой статье. Отнеслись мы к этому сообщению более чем равнодушно.

Накануне, 24-го, у Тани родился сын, и мы были переполнены радости, но и некоторой тревогой, потому что младенец, по словам врача, был пока не очень активен. А днем, видимо только-только раскрыв «Правду», позвонил Зельдович. Трубку сняла я и сразу радостно сообщила — Яков Борисович, у нас мальчик родился. А он мне в ответ резко сказал: «Вы бы лучше, чем радоваться, за другим своим мальчиком, вашим любимым Андреем, следили». Как холодной водой облил. Я ему тут же выпалила, что другой мальчик давно совершеннолетний, так что в няне не нуждается. И передала трубку Андрею.

Андрей пишет, что Зельдович в своих упреках за это письмо был резок и неискренен. И телефонным разговором (зная, что телефон прослушивается) демонстрировал свою лояльность власти. Точно так Андрей оценил и звонок Зельдовича в октябре 1975 года. Тогда Зельдович советовал Андрею отказаться от Нобелевской премии, а когда Андрей с ним не согласился, то сказал, что он напишет ему об этом. И написал, но это письмо у нас, к сожалению, не сохранилось. Кажется, оно было среди тех документов, которые пропали при первой краже КГБ еще до Горького.

А я, разозленная тоном разговора Зельдовича со мной, высказала Андрею все, что я думаю о его друге. О пошлых заигрываниях со мной в Цахкад-

зоре, о телефонных звонках в Москве, когда он говорил — вы мне снились, или вы мне постоянно снится. И что его визит после Цахкадзора был, чтобы опять не по телефону сказать что-либо в этом роде, а совсем не для научной беседы с Андреем. И (это главное) дело не в том, что я, может, и нравлюсь Зельдовичу (в этом я как раз сомневаюсь), а что Зельдович по натуре не просто бабник, а пакостник. Ему надо в этом плане что-то себе доказать, и он готов поэтому отбивать любую бабу у любого мужика, будь то друг, сват или брат. И ни любовь, ни влюбленность или мимолетное увлечение тут ни при чем, а просто пакостничество, которое я что в мужиках, что в бабах не терплю.

И я нисколько не жалею, что дважды в прошлом мимоходом Зельдовича обидела. Зря Андрей был тогда огорчен. Однажды, когда Зельдовичу как Герою Соц. Труда поставили положенный бюст, я сказала, что теперь ему нужен бюстгальтер, благо, похоже, уже есть, что туда складывать. А второй случай был связан с Женей Левичем. Он, кажется, работал у Зельдовича. И когда решил подавать заявление на выезд в Израиль, то ему понадобилась характеристика для ОВИРа. Давать ее не хотели. И Зельдович стал нам доказывать, что Женя предатель, что из-за него пострадает весь отдел и прочее, что говорят в таких случаях. А я без дурных намерений спросила, а что бы он де-

лал, если бы его Боря захотел уехать? И он ответил: «Мой Боря — русский», — на что я ответила: «А я не знала, что Варя вашего Борю не от вас родила». Зельдович вспыхнул, но смолчал. Оба эти разговора происходили при Варе, и я не заметила у нее неодобрения. Мне показалось, даже наоборот. Кажется, 25 сентября 1973 года я с Зельдовичем говорила в последний раз. В горьковские годы я два или три раза встретила с ним в президиуме Академии, где каждую осень проходила подписка на газеты и журналы. В первую встречу я позвала его приезжать в Горький. В последующие он со мной не здоровался⁹.

Несколько после этих дней мы получили почти подряд три письма из Лондона от Жореса Медведева, которого в августе лишили советского гражданства. Первое из них было без даты и, собственно, не совсем письмо. Отпечатанный на машинке текст с названием СПРАВКА¹⁰, над кото-

⁹ Вообще-то я тогда очень резко восприняла слова Зельдовича. Думаю, если б теперь (возраст, что ли), моя реакция была бы мягче.

¹⁰ Смешно, но точно так КГБ называло свои документы, в которых давало для ЦК КПСС развернутые, всегда тенденциозные, а часто и лживые характеристики разных диссидентов.

рым от руки написано — ДЛЯ ДРУЗЕЙ. До нас этот текст прочли несколько людей, близких Медведевым, и от них он пришел к нам (подлинник хранится у меня). Привожу его с некоторыми незначительными сокращениями.

«В издательстве “Посев” делами Сахарова А. Д. ведает Поремский. Он написал ряд обзоров по “Меморандуму”, также включил эти обзоры в посевовское издание “Рассуждений” Сахарова... Кто такой Поремский? Это Председатель Совета НТС примерно с 1949 по 1971 г. Был одним из организаторов НТС с 1939 года. Во время войны был главным идеологом у Власова. Легенда о том, что он был в немецком лагере, неверна... В конце войны приехал от Власова для связи в Англию, чтобы договориться о переходе Власова на сторону англо-американских войск. В Англии Поремского арестовали, и он несколько лет провел в британской тюрьме как военный преступник. Делами А. И. Солженицына в “Посеве” ведает некто “Рутыч”... Это псевдоним Николая Рутченко (тоже вымышленная фамилия), который был до 1941 г. следователем НКВД в Риге, а с 1942 г. следователем Гестапо в Берлине. В США Есенин-Вольпин всю работу ведет через К. В. Болдырева. Болдырев — это председатель Северо-Американского отдела НТС. Явный провокатор...

Когда эту «справку» нам передал наш знакомый, бывший в дружбе с Роем Медведевым, я спросила его, зачем нам этот донос. Это, скорей, справка для КГБ, причем написанная так, что она мо-

жет быть не только источником сведений о членах НТС, но и обвинением Сахарову, Солженицыну, Алику Вольпину. И этим вопросом заслужила пожизненную нелюбовь этого человека.

Следующее письмо от 26 августа было уже лично Андрею. В первой его части Ж. Медведев, начав с упреков советским властям, которые лишили его гражданства, рассказывает о своих успехах, о своих публикациях, предложениях работы в двух университетах и прочем. А потом пишет:

«Внимательно слежу за Вашими делами. Отсюда они кажутся голосом «вопящего в пустыне», что почти так и есть... Предчувствую, что они теперь после Якировского дела займутся в первую очередь Сахаровым и Солженицыным. Рой будет пока помилован, так как, если бы и его задели — это выглядело бы как кровная месть, сначала одного брата, потом другого. А им очень хочется, чтобы на них смотрели как на действующих в рамках закона. У меня такое впечатление, что Солженицыну грозит высылка из СССР (что-нибудь для этого предусмотрят в новом законе о гражданстве), а Вам ссылка в пределах СССР, без предварительного ареста».

Интересно, что это написано в самом начале газетной кампании и до опубликования на Западе солженицынского «Архипелага». Жорес дает удивительно точный прогноз на будущее, прямо как будто ему продиктовали его с Лубянки. Во второй части письма Медведев пишет:

«Очень был огорчен узнать, что Ваш сын не смог поступить в университет¹¹, и что судьба Вашего пасынка тоже оказалась не лучше. Вопросом о судьбе Вашей книги я детально не занимался, так как перспективы возможного приезда Ваших сыновей в США делали это неактуальным, они смогли бы поручить это адвокату, да и стипендия была им обеспечена. Сейчас же в новых условиях и в связи с темными перспективами я бы не советовал пренебрегать и этим фондом. Если Вы решите поручить это дело адвокату, то я постараюсь рекомендовать Вам кого-нибудь, чью деятельность можно было бы контролировать...
Ваша книга, кроме США (где было коммерческое издание по договору с Солсбери), вышла в Голландии, в Англии, во Франции, в ФРГ, Швейцарии, Италии, Дании, Швеции, Норвегии, Бельгии. На русском языке издана «Посевом», с которым, конечно, иметь дело нельзя по многим причинам. Учреждение это аморальное и с очень темным прошлым».

Это письмо вызвало у Андрея недоумение.

Третье письмо, которое дошло до нас еще через 2—3 дня, датировано 12 окт. 1973 г.

«Дорогой Андрей Дмитриевич! Мне передали вашу просьбу по вопросу об образовании детей (МИТ и т. д.), а также о необходимости разъяснения различий между А. Д.

¹¹ Дима в 1973 году только перешел в 9 класс. А в 1975 году он, к большому удивлению отца, поступил в университет без каких-либо осложнений, несмотря на средний школьный балл «три».

и А. И. и рядом других. Я все это сделаю, но через некоторое время... Из Москвы на всех языках передавалась критика Сахарова в связи с его заявлением о Чили... В отношении сенатора Мондале и др., я думаю, что я разъясню различие позиции между разными диссидентами в прессе в достаточно ясной форме».

Каждая фраза этого письма (я процитировала едва десятую его часть) вызвала уже не только недоумение, но и нечастое для Андрея раздражение. Он не понимал, с чего это Медведев так интересуется его делами. Он никогда ни с какими просьбами к Ж. Медведеву не обращался. Никаких поручений не давал. Не просил приглашений (через него). Не просил кому бы то ни было разъяснить свою позицию. Не спрашивал о гонорах, об изданиях своих книг и прочем, не просил об адвокате.

Недавно (пишу в августе 2004 г.) братья Медведевы выпустили очередную книгу «Солженицын и Сахаров. Два пророка» (М.: Время, 2004). В ней много старья и еще больше лжи. На мой взгляд, обсуждать ее скучно. Два пророка растираются в порошок, и пророками оказываются сами братья Медведевы. Но Жорес Медведев еще и сам себя опровергает. Он пишет (стр. 376), что «примерно за неделю до намеченного на 11 января 1973 года отъезда в Лондон ... пришел попрощаться с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и его женой Еленой

Боннэр». (Это действительно было — приходил. — Е. Б.) «Когда я оделся, Боннэр и Сахаров тоже стали одеваться. Я понял, что они хотят проводить меня, чтобы поговорить о чем-то конфиденциальном... Говорила в основном Боннэр. Сахаров лишь кивал головой... у них была ко мне одна, но очень важная просьба. Они просили узнать, какие суммы гонораров у них имеются за границей...»

12 октября 1973 года (см. письмо) он пишет: «МНЕ (Ж. Медведеву) ПЕРЕДАЛИ ВАШУ (Сахарова) ПРОСЬБУ». «Передали» — форма сильно безличная. А в 2004 году возникает другой вариант, уже вполне утвердительный, что в январе 1973 года «ОНИ (Боннэр и Сахаров) ПРОСИЛИ». Но и первый, и второй варианты — ложь. Не провожали. И ни лично, ни через кого бы то ни было не просили ни о чем и никогда. Но «мели Емеля — твоя неделя» — благо Сахаров ушел из жизни почти 15 лет назад.

А вскоре, в том же 1973 году, Жорес и Рой слаженно выступили в прессе и по «Голосу Америки» (возможно, и по другим радиостанциям) с развернутой критикой взглядов Сахарова. Последовало открытое письмо В. Максимова «Кто вы такие, братья Медведевы?». А вслед за ним по Москве стала ходить рукопись анонимного (большого — 8 страниц) письма Жоресу Медведеву. На нем дата 17 ноября, и написано оно, судя по тону и характе-

ру, кем-то из близких друзей этих братьев. Приведу лишь первый его абзац (машинописная копия этого письма хранится у меня. — Е. Б., но автора я не знаю):

«Жорес Александрович! Не могу Вам передать, как я огорчился, услышав о Вашем выступлении против Сахарова. Уже критика Сахарова Роем была, с моей точки зрения, ошибкой, но ее я еще как-то могу понять, Рой все-таки политик, политика — его узкая специализация, кроме того, он марксист и считал необходимым отмежеваться от некоторых высказываний Сахарова; наконец, он пишет изнутри, из “большого лагеря”. Но Ваше общественное лицо — по преимуществу научное и писательское. Вы живете за границей, и отмежевываться Вам решительно незачем. Самое же главное, что вы выступаете вторым — и из чистой солидарности с братом, причем не из солидарности в защите, а из солидарности в нападении. Зачем это?»

Вот и я думала тогда: зачем это? Но при этом полагала, что Жорес, ни на одно письмо которого Андрей не ответил, больше не возникнет в нашей жизни, Ан, нет! Жорес Медведев вновь возник в 1975 году со своими выступлениями в Норвегии и письмами вокруг Нобелевской премии и в связи с моей поездкой в Италию.

6 октября началась война Судного дня — на Израиль напали Египет и Сирия. В первые же дни войны Андрей сделал несколько заявлений. В кни-

ге «Воспоминания» он говорит об этих выступлениях и о своей позиции, которая, если не вдаваться в частности, осталась неизменной во все последующие годы его жизни. Он напоминает об убийстве израильских спортсменов на Мюнхенской Олимпиаде и пишет: «Эта акция, проведенная палестинскими террористами в нарушение мирного статуса международных олимпиад, по утверждению ее организаторов, должна была привлечь внимание к трагическому положению палестинского народа и покарать сионистов, виновных в этой трагедии. В значительной степени, однако, она, по-видимому, явилась частью и началом террористической кампании, осуществляемой секретными службами некоторых государств по заранее согласованному плану с целью деструкции мирового капиталистического порядка (у меня нет прямых доказательств этого утверждения, это предположение, истинность или ложность которого покажет будущее)... Несомненно, каждый народ имеет право на свою территорию — это относится и к палестинцам, и к израильтянам, и, скажем, к народу крымских татар. После трагедии, разыгравшейся в 40-х годах, палестинцы стали объектом манипулирования, политической игры и спекуляции, оказались в руках у внешних и чуждых им сил. Давно можно было расселить беженцев по богатейшим арабским странам, дать им в руки тех-

нику и земли, деньги и образование, а не подставлять их под бомбы в ответ на бессмысленные террористические акты...Только безоговорочное признание Израиля, отказ от терроризма, создание независимости от внешних влияний могут стать подлинной основой решения судьбы палестинцев».

11 октября к нам домой пришел человек, представившийся корреспондентом беirutской газеты. Дверь открыл Андрей. Я была на кухне. Когда я вошла в комнату, Андрей записывал вопросы, которые он ему диктовал. Через несколько минут он ушел. Но мне что-то в нем не понравилось, и я спросила Андрея, уверен ли он, что это действительно журналист. Андрей сказал, что не уверен, но уже договорился с ним, что он зайдет позже, и Андрей ответит на его вопросы. «Отменять поздно», — сказал он.

Интервью было кратким. Привожу ответы Сахарова на первый и последний вопросы этого интервью.

«Как вы оцениваете события на Ближнем Востоке?»

Эта война, которая началась с одновременных крупномасштабных военных операций Египта и Сирии, — большая трагедия для обоих народов: арабов и евреев. Но для Израиля в этой войне, как и в войнах 1949, 1956 и 1967 годов, на карту поставлено само право существования государства, само

право на жизнь. Я полагаю, что для арабов эта война, по существу, результат игры внутренних и внешних политических сил, соображений престижа и националистических предрассудков. Я полагаю, что эта разница существует и ее необходимо принимать во внимание, оценивая эти события.

Осуждаете ли вы сегодняшнюю политику Израиля?

Нет. Это страна, которая реализует право еврейского народа на государственность, борется в наши дни за свое существование, окруженная врагами, во много раз превосходящими ее по численности и материальным ресурсам. Эта враждебность сильно раздута опрометчивой политикой других государств. На совести всего человечества гибель евреев от нацистского геноцида во время Второй мировой войны. Мы не можем позволить повторения этой трагедии сегодня»¹².

Спустя несколько дней в воскресенье в первой половине дня Андрей открыл дверь двум неизвестным. Сам по себе факт прихода к нам незнакомых людей был для нас обычным. Ежедневно приходили люди со своими проблемами и жалобами на преследования. Но эти вели себя с первого момента угрожающе. Говорил только один из них, крупный мужчина несколько рыхлого телосложения. Второй — невысокого роста, очень подвижный,

¹² Андрей Сахаров «Pro et contra». М.: ПИК, 1991.

во все время пребывания в нашей квартире не проронил ни единого слова, был явно подчиненным. Первый заявил, что они представляют «Черный сентябрь»¹³, и потребовал, чтобы Андрей письменно дезавуировал все заявления и интервью, которые он сделал в связи с войной на Ближнем Востоке. Андрей отказался, и тогда он стал как-то угрожать. На это я сказала, что нас и без них многие грозят убить. На мои слова он ответил, что они могут сделать хуже, ведь у нас есть дети и внуки (внуку еще не было месяца). И что второго предупреждения нам не будет.

Я все время рукой придерживала Алешу, который сидел рядом со мной. И по тому, как он был напряжен, чувствовала, что он готов к драке. В это время в дверь позвонили. Тогда они молча показали нам, чтобы мы перешли в другую комнату. И через несколько минут бесшумно исчезли из квартиры, перерезав перед этим телефонные провода.

Как они узнали, что звонившие в дверь люди ушли (это были Подъяпольские и Таня Ходорович), не знаю. Эти 35—40 минут были в высшей степени неприятны, но я испытывала не страх, а скорее конкретное беспокойство, что Алешка сорвется в драку. Может, это как раз и защищало от страха. Не знаю. Страшно стало *post factum*.

¹³ Организация, которой руководил Ясир Арафат.

И post factum же пришло понимание, что если б от КГБ было распоряжение не просто нас поугагать, но сделать что-то серьезное, то они бы и сделали.

А Андрей внешне был абсолютно спокоен. Он сделал открытое заявление об этом посещении и сообщил о нем в нашу районную милицию. Вскоре нас туда вызвали и предъявили около полусотни фотографий для опознания. Мы оба (я уж точно) тупо на них смотрели и пришли к выводу, что опознать невозможно. Вроде есть похожие, но пересиливает сомнение — а вдруг назовешь человека, который ни при чем. Я даже подумала, что все подобные опознания весьма сомнительны.

А еще через несколько дней по почте пришла прелестная открытка из Бейрута (города, где был штаб «Черного сентября») с очень красивыми марками (как будто знали мою страсть к маркам) с лаконичным текстом на английском языке: «Спасибо, что не забываете дела арабов. Мы, палестинцы, тоже не забываем своих ДРУЗЕЙ». Последнее слово было написано более жирно и подчеркнуто. Личный привет будущему 1975 года нобелевскому лауреату Сахарову от будущего 1995 года нобелевского лауреата Арафата. Такой вот кульбит в общественном сознании и в подстраивающемся к нему Нобелевском комитете Норвежского Стортинга.

В связи с этим посещением «Хроника текущих событий» № 30 сообщила:

«17 октября Сахаров дал интервью ливанскому корреспонденту, 22 октября¹⁴ двое, назвавшиеся представителями пресловутого “Черного Сентября”, посетили Сахарова и угрожали ему расправой.

По поводу посещения Сахарова арабскими террористами стали известны письмо Солженицына, обращение А. Галича, Ф. Светова, В. Максимова. В письме С. Ковалева, Т. Великановой, П. Литвинова, Т. Ходорович по этому поводу говорится: ...Кого бы ни представляли посетители А. Д. Сахарова, расправа, которой они угрожали, возможна только в случае попустительства или, по меньшей мере, небрежности соответствующих государственных учреждений”».

В начале ноября меня вызвали на допрос в Лефортово по делу Хаустова и Суперфина. Это было дело, связанное с передачей из лагеря мне рукописи Эдуарда Кузнецова «Лагерный дневник», и о том, как этот дневник попал на Запад. До допроса со мной беседовал какой-то большой начальник о том, что я плохо влияю на мужа и это может привести к тяжелым последствиям, как для нас с Андреем, так и для моих детей. Я, так же как на комиссии горкома партии, сказала, что

¹⁴ Ошибка. Визит этот был 21 октября.

дети тут ни при чем, и добавила, что ведь еще Сталин сказал, что сын за отца не отвечает. Я никак не предполагала тогда, что судьба снова сведет меня с этим человеком через несколько лет уже в Горьком¹⁵.

Потом были допросы — сколько, уже не помню. Фамилия следователя была Сыщиков, именно он вел все допросы, а в повестках писалось, что меня вызывает следователь Губинский.

И я однажды спросила своего следователя, почему он меня допрашивает, если в повестках написано, что я должна явиться к следователю Губинскому. На это он сказал: «Губинский — тот молодой человек, который сопровождает вас в туалет». Тогда я спросила: «А Сыщиков это у вас псевдоним?». На этот вопрос он отреагировал очень бурно и отсадил меня от своего стола на другой стул подальше и перестал повторять, что если я ему доверюсь, то он проведет меня через следствие как родной отец.

Губинский в 1980 году был следователем у Тани Осиповой и лишил ее необходимого ей лечения за отказ сотрудничать со следствием. А в 1990-м

¹⁵ Этот человек приезжал в Горький в июне 1985 года и вызывал меня на беседу в тамошнее КГБ. Он же тогда беседовал с Андреем в больнице во время его последней голодовки.

он привез мне домой материалы, забранные на официальных обысках. Божился (это буквально), что никогда никаких краж наших бумаг КГБ не совершал (документы о кражах, совершенных КГБ были переданы мне в 1996 году). Был до приторности любезен, явно хотел задержаться и быть у меня как бы гостем. Тогда я вспомнила, как он сопровождал меня в лефортовскую уборную, и предложила отдать ему долг и проводить в мою уборную. После этого он сразу попрощался и ушел. Больше я с ним не встречалась.

Формально я допрашивалась как свидетель, но следователь без конца утверждал, что у него достаточно материалов, чтобы в любой момент сделать меня из свидетеля обвиняемой.

Я держалась самой простой для меня тактики — не отвечать ни на какие вопросы. Кто-то из друзей считал, что на безобидные вопросы я должна отвечать, тогда станет ясно, что они от меня хотят, кроме показаний по дневнику Эдика на Хаустова и Суперфина. Я отвечала, что он (они все в КГБ) профессионал и меня перехитрит, если я начну говорить. Молчать мне проще. Андрей ходил со мной и терпеливо высиживал по несколько часов в маленьком вестибюле около бюро пропусков, долгие часы ожидая меня. На допросе 27 ноября я сказала следователю, что считаю мое

общение с ним бессмысленным и, если он хочет предъявить мне обвинение, то пусть это и делает, а я больше на допрос как свидетель не приду, и отказалась взять повестку на следующий допрос, в которой указывалось, что я вызываюсь как свидетель.

После этого повестки стали приносить на дом. Брать их я отказывалась. Но однажды посыльный (в ранге старшего лейтенанта) поймал на лестнице Андрея и всучил ему повестку. Он же у нас вежливый — Андрюшенька. Я очень сердилась за это на него. И он, хотя я возражала, написал в КГБ заявление, что берет на себя ответственность за мою неявку. Делать это, на мой взгляд, было не надо. Повестки еще несколько раз клали в почтовый ящик. Последняя была 4 декабря.

Я на них никак не реагировала, потому что по закону повестку надо вручать под расписку.

Еще в конце лета у меня начались какие-то неполадки с сердцебиением — появилась аритмия и участился пульс, стал около 90, а временами до 120. Терапевт определил тиреотоксикоз, и мне предложили лечь в больницу на обследование. А Андрею уже давно и неоднократно предлагалось лечь на обследование, которое по их академическим правилам проводят академиком каждые два года, а он был в больнице последний раз летом

1970 года. И 14 декабря мы оба легли в больницу. У нас была отдельная палата «Люкс», как там положено академикам, и были идеальные условия для работы. Посетители появлялись только после 5 часов, а днем и вечером мы были от них свободны. Андрей писал автобиографию, я правила и печатала, а в свободное от врачей и работы время мы подолгу гуляли в больничном саду и за его пределами.

В это время на другом этаже лежал с инфарктом Иосиф Шкловский и почти каждый вечер мы навещали его — он пишет об этом в одном из своих рассказов. И я хочу на примере этих и других воспоминаний Шкловского показать, как при самой высокой оценке любых воспоминаний надо помнить, что часто чем выше литературные качества написанного, тем дальше они от факта.

Шкловский пишет, что мы укрылись от допросов в больницу, а к нему ходили слушать зарубежное радио, так как у него был радиоприемник, а у нас нет. Но скрываться нам было уже незачем. Последний допрос был более двух недель назад. И, хорошо зная Сахарова (да и меня тоже), не мог он всерьез так думать. А мне не хочется думать, что это писалось, чтобы как-то снизить его собственное понимание, что действия Сахарова всегда базируются не на житейском прагматизме,

а на каких-то более высоких принципах. А приемник у меня был свой, маленький «Панасоник», подаренный в 1968 году моим французским дядей. И он всегда был при мне.

У Шкловского есть прелестный рассказ «Париж стоит обеда». В нем говорится о том, как он остался в Париже после конференции ЮНЕСКО на десять дней, которые ему были разрешены визой. Был совсем без денег и голодал, наслаждаясь этим городом. Я была в то время в Париже. Жила на рю Буало в квартире моей тети, которая (как почти все парижане после 18 августа) уехала на вакации в свой домик около Ниццы. У меня, как и у Иосифа, денег было — кот наплакал. Но был запас российских консервов (шпроты, лосось, крабы) и твердокопченой колбасы. Когда мой дядя с женой были в Москве в 1961 году, им очень понравились шпроты, и я привезла их полный чемодан. Кроме того, на полках в милой кухне моей тети были кофе, чай, разные специи и всякая другая бакалея, и на стойке в углу красовались пара дюжин бутылок вина. А рядом с домом была овощная лавка, где овощи стоили копейки.

Все десять дней, о которых Иосиф пишет как о голодных, он каждый вечер получал вполне полноценный и, смею вас заверить, вкусный ужин, который запивал прекрасным французским вином. Тетя, бывший финансовый директор Лувра и ка-

валер ордена Почетного легиона¹⁶, плохого вина не держала. Это еще не все. Приехавший во Францию чуть позже Иосифа его младший брат — скульптор Геннадий Шкловский — был мною пристроен к моему другому дяде в Ванс ле Жолли (городок около Ниццы) на полный двухнедельный пансион. Да еще этот мой дядя (Гена ему понравился) повозил его по всему югу Франции. Ни о чем этом в рассказе Иосифа нет ни слова. Но конечно «Париж стоит обеда».

Третий эпизод напрямую относится к Андрею и отражает стремление многих авторов воспоминаний мифологизировать личность Сахарова, чего он сам не терпел. В рассказе «Эшелон» Шкловский пишет, что во время пути университетского эшелона в эвакуацию в Ашхабад (октябрь — ноябрь 1941) Сахаров попросил у него книгу Гайтлера «Квантовая теория излучения». И преодолел ее, хотя сам Шкловский (тогда аспирант) не мог преодолеть даже первого параграфа. Андрей утверждал (и написал об этом), что это выдумка Шкловского, и книгу Гайтлера он впервые получил из рук И. Е. Тамма в 1945 году, и она потре-

¹⁶ Она была в группе сотрудников Лувра, спасавших во Вторую мировую войну сокровища Лувра в подzemелье одного из замков на Луаре.

бовала от него больших усилий. Но, конечно, для литературы этот эпизод так, как он изложен Шкловским, выглядит красиво. И абсолютно пригоден для мифа. А я, хотя сознаю, что пишу очень субъективно, все-таки не отношусь к категории жен-мифоносиц (по аналогии с женами-мироносицами), скорей я — мифоразрушительница.

В больнице у нас бывало много посетителей. Приходили обе Тани — и Андрияшина, и моя, Алеша и Ефрем (не помню, приходили ли Люба и Дима). Однажды пришли Копелев и Некрасов, и Лева заставил нас фотографироваться. Почти ежедневно забегал Володя Максимов. Он к этому времени уже решил эмигрировать и часто повторял: «Эту землю надо уносить на подошвах башмаков». Приходил тоже с проблемой отъезда (я устраивала ему вызов) Виктор Балашов. Однажды пришли Костя Богатырев и Саша Межиров, и Андрей читал им какую-то полунаучную лекцию.

Были Фейнберг и Гинзбург. Они пришли с огорчившим и долго переживаемым Андреем известием о том, что в ФИАНе проходит сокращение штатов, и они приняли решение уволить Юру Гольфанда как малопродуктивного и бесперспективного сотрудника. Андрей пытался им возражать, но оказалось, что уже поздно.

Через пару дней пришел расстроенный и растерянный от предстоящей безработности Юра. В долгой беседе он и Андрей обсуждали явно безнадежные варианты трудоустройства. И Юра спросил: «Что же мне теперь афиши клеить или идти в дворники?». А я ему ответила на явно риторический вопрос: «Они увольняют, а вы уезжайте». Так я неожиданно для него (он потом говорил об этом) заронила в нем мысль об эмиграции, которой до этого у него не было. И он уехал, но до этого прошел вместе с женой Наташей и двумя маленькими дочерьми весь тяжелый путь многолетнего (более десятка лет) отказника по секретности. А его «бесперспективность» обернулась предложенной им с соавтором идеей суперсимметрии (физики поймут).

Мы вернулись из больницы 31 декабря с короткой, но емкой автобиографией Андрея «Сахаров о себе» и с полной неопределенностью в отношении моей щитовидной железы. Какой-то консультант, которому меня показали, говорил, что надо оперироваться, а академический эндокринолог сомневался в необходимости операции. В первые дни Нового года я позвонила в Ленинград другу моей юности известному ленинградскому эндокринологу Александру Раскину¹, и он сказал, что в академической больнице хорошо кормят и плохо обследуют, а у него в отделении — наоборот. И закончил наш разговор советом — «Приезжай ко мне». Вскоре я легла на обследование в эндокринологическое отделение ленинградской больницы им. Мечникова. Раскин нашел, что операция необходима и чем скорей, тем лучше. Он же рекомендовал хирурга. Хирург назначил какие-то лекарства как предоперационную подготовку и просил получить от Министерства здравоохранения направление на госпитализацию в Ленинграде.

¹ Профессор Александр Раскин был со школьных лет ближайшим другом одного из моих приятелей по ДЛВШ Алика Гольдберга и почти членом нашей ДЛВШ-компании.

Первые недели этого года в Москве были очень напряженными. В начале января исключили из Союза писателей Лидию Чуковскую, а в конце этого же месяца Владимира Войновича. В Киеве прошел почти двухсуточный обыск у Некрасова и был арестован его архив. В городе Камешково был арестован Виктор Некипелов, в Архангельске — Сергей Пирогов. Это все были близкие нам люди, и каждое такое событие тяжело переживалось всей семьей. И на каждое Андрей реагировал открытыми письмами или заявлениями. В прессе, после опубликования на Западе книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», началась жесткая анти-солженицынская кампания. А я, между больницами, обследованиями и лекарствами, почти ежедневно до 2—3 часов ночи сидела за машинкой.

Вечером 12 февраля нам позвонил кто-то из друзей и сказал, что в квартиру Солженицына ворвались 8 человек, предъявили постановление о приходе в прокуратуру и увели его. В своих «Воспоминаниях» Андрей пишет:

«Мы с Люсей выскочили на улицу, схватили какую-то машину (“левака”) и через 15 минут уже входили в квартиру Солженицыных в Козицком переулке. Квартира полна людей <...>. Скоро становится ясно, что Солженицына нет в прокуратуре, куда его вызвали, — он арестован. Время от вре-

мени звонит телефон, некоторые звонки из-за границы. Я отвечаю на один-два таких звонка; кажется, нервное потрясение и сознание значительности, трагичности происходящего нарушили мою обычную сухую косноязычность, и я говорю простыми и сильными словами».

Около 10 часов вечера Андрей и еще кто-то ходили к Прокуратуре (это очень близко), но там было все спокойно. И, по отсутствию дополнительной охраны и переодетых в штатское сотрудников КГБ, стало ясно, что Солженицына там нет. Значит, он арестован.

В первом часу ночи мы вернулись домой. С нами приехали Павел Литвинов, Борис Шрагин, отец Сергей Желудков и еще кто-то. Мама с момента телефонного звонка о том, что Солженицына увели из дома, начала судорожно что-то вязать. А когда мы приехали, стала всех кормить и поить чаем. Все были возбуждены, все считали, что надо что-то делать, но вначале было неясно что. И тут кто-то сказал — писать воззвание. Воззвание? О чем? К чему звать? Наконец в шуме и крике появились трезвые мысли, и стало вырисовываться содержание будущего «Московского Обращения» — требовать освобождения Солженицына и создания Международного трибунала для расследования фактов, разоблачению которых посвящена его книга «Архипелаг ГУЛАГ».

Я села за машинку. Диктовали мне Шрагин и Литвинов. Они поминутно бегали на кухню согласовывать с остальными отдельные фразы и даже слова. Под утро текст был готов. Его подписали все, кто был в это время у нас дома. Кто-то стал звонить по телефону друзьям, чтобы собрать еще подписи. Дата Обращения 13 февраля и подписи под ним: А. Сахаров, Е. Боннэр, В. Максимов, М. Агурский, Б. Шрагин, П. Литвинов, Ю. Орлов, о. С. Желудков, А. Марченко, Л. Богораз (Архив Сахарова в Москве: Арх. С. Ф. 1. Оп. 3. № 23. Л. 13).

К утру все разошлись. Мама легла. Андрей дремал на кухонном диванчике. А я в течение двух часов звонила в иностранные агентства и домой иностранным корреспондентам и диктовала им по телефону текст обращения. Почти сразу после этого (кажется, в 11 или 12 часов утра) радиостанция «Немецкая волна» сообщила, что самолет с Солженицыным приземлился на аэродроме во Франкфурте. Андрей позвонил Наташе Солженицыной, но она уже знала об этом.

«Московское Обращение» как бы повисло в воздухе — Солженицын свободен, все рады, объяснить миру антизаконность происшедшего с ним невозможно, хотя Обращение в первые часы и дни было широко опубликовано на Западе. Но проблема Трибунала в радиокомментариях обсужда-

лась очень мало и вскоре совсем заглохла. Вновь она всплыла в начале 90-х, когда создавался «Мемориал», и несколько позже в виде так называемого суда над КПСС, который ничего не осудил.

А у нас в доме появилась еще одна кофта — черная с белой отделкой, связанная мамой в ночь с 12 на 13 февраля 1974 года и получившая название «солженицынская».

И снова мне приходится писать о том, как опасно доверять памяти и как важны оказываются сохранившиеся документы. В ноябре 2005 года я получила письмо от Наташи Горбаневской, в котором она, в частности, пишет:

«...серьезная поправка-возражение. В вечер после ареста Солженицына я сидела в их квартире на телефоне <...> Телефон звонил не переставая, и когда позвонило какое-то, мне помнится, канадское радио или ТВ, А. Д. продиктовал им — явно импровизированный — текст того, что потом получило название “Московского обращения”, и все, кто там был, к нему присоединились. Потом, м. б., этот текст уточнялся, и собирались дополнительные подписи? М. б., что-то я помню не идеально точно, но А. Д. у телефона, диктующего текст (произносящего речь), и нас, больше двух десятков людей, стоящих вокруг, а затем устно “подписывающих”, помню точно. Это не могло быть на следующий день, т. е. после высылки. Попробуйте поговорить с “подписантами”: кто что вспомнит — м. б., получится общая верная картина».

Так у Наташи Горбаневской в памяти соединилось 2 события — устное заявление Сахарова по телефону канадцам (в Архиве есть машинопись с его текстом, оно коротенькое, касается только ареста Солженицына и больше ничего (именно к нему устно присоединились все присутствующие), и «Московское обращение», составленное и подписанное в ночь с 12 на 13 февраля и касающееся более широкого круга вопросов.

15 февраля прямо с моего дня рождения мы выехали в Ленинград. Провожали нас Володя и Таня Максимовы, которые уже складывали чемоданы, готовясь к отъезду из СССР. Было тревожно как-то более остро, чем всегда, от последних московских событий и грустно от предстоящей разлуки. Я по дороге на вокзал потеряла перчатки, и Таня отдала мне свои.

16-го я была у хирурга. У меня брали кровь и делали еще какие-то анализы. Андрей показал направление из министерства, но оказалось, что надо еще получить для госпитализации какое-то подтверждение из Городского отдела здравоохранения. Андрей получил его на следующий день. Меня назначили на госпитализацию на 26 февраля, и мы вернулись в Москву.

Вновь мы прилетели в Ленинград утром 25-го, и Наташа (Гессе) нас огорошила сообщением, что

хирург просил мне передать, что он не сможет меня оперировать, так как тогда ему не утвердят докторскую диссертацию. Не знаю, было ли здесь вмешательство КГБ или только личный гипертрофированный страх этого доктора. В растерянности я позвонила Саше Раскину. И буквально через час он перезвонил и сказал, что я должна позвонить нашему старому профессору Стучинскому, который готов меня оперировать. Стучинский в тот же день осмотрел меня, глянул на результаты анализов, взял у Андрея направление и сказал, что завтра я должна лечь в районную больницу у Нарвских ворот (не помню ее номера).

27 февраля он меня оперировал. У меня в биографии (не в биографии — в жизни) было много всяких хирургических вторжений. В 11 лет перитонит — тогда в эру до антибиотиков, диагноз почти безнадежный², операции после ранения, глазные операции и еще несколько, когда удаляли «лишние детали» (термин мой). Но эта операция была, пожалуй, самая тяжелая (потом будет еще тяжелей — на открытом сердце). Андрей был неотступно все дни с раннего утра и до позднего

² Тогда все говорили: «Чудо, что она выжила, это благодаря молодому доктору Жорову (будущий ведущий советский анестезиолог) и тому, что Руфь (мама) была неотступно рядом с ней».

вечера около меня до 4 марта, когда улетел в Москву на Общее собрание Академии.

В ночь с 7 на 8 марта (или с 6 на 7 — точно не помню), лежа в темной больничной палате, я слушала через наушник по своему «Панасонику» «Голос Америки». Читали «Письмо вождям Советского Союза» Александра Солженицына. С каждой новой фразой, произносимой диктором, во мне крепло ощущение необходимости Андрею ответить на это письмо. Но я опасалась, вдруг он скажет, что не хочет вступать в дискуссию с Солженицыным. Ведь он только-только выслан из страны. И семья еще здесь. И не ослабевшее восхищение Андрея мужеством и талантом Солженицына, несмотря на явную обиду, вызванную его непониманием мотивов многих действий и выступлений Андрея и нашей семейной ситуации. Да и мало ли что еще.

Утром 8-го Андрей, войдя в палату, вынул из одного кармана два еще теплых яйца, видимо, только что сваренных Зочкой на Пушкинской. Из другого — отпечатанный на машинке текст письма Солженицына, а из третьего — несколько листков со своими тезисами ответа на это письмо. И все мои за ночь обдуманые аргументы в пользу того, что на это письмо надо отвечать, отпали. Через два дня меня выписали из больницы. Печатать первый вариант письма я на-

чала еще в Ленинграде. В середине марта мы вернулись в Москву и сразу попали на проводы Павла и Майи Литвиновых.

Потом пошла обычная московская текучка с почти ежедневными выступлениями Андрея в связи с обысками, арестами, положением политзаключенных в лагерях и ссылке. Наиболее важными Андрей считал обращение к президенту Индонезии Сухарто с призывом к политической амнистии, обращение к Верховному Совету СССР о свободе выбора страны проживания и выборе места проживания внутри страны и (главное!) статью «О письме Александра Солженицына вождем Советского Союза».

Эта работа не утратила своего значения и в новом тысячелетии, особенно в свете дискуссий о новом капитальном труде Александра Солженицына «Двести лет вместе» и в связи с лавинообразно возрождающимся великорусским национализмом и антисемитизмом. Тогда, 30 лет назад Сахаров писал: «Могут сказать, что национализм Солженицына не агрессивен, что он носит мягкий оборонительный характер и преследует цели спасения и восстановления одной из наиболее многострадальных наций. Из истории, однако, известно, что «идеологи» всегда были мягче идущих за ними практических политиков. В значительной

части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попав на подобную благодатную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными».

В конце апреля или начале мая журнал «Саттердей ревью» обратился к Андрею с просьбой написать для их юбилейного номера футурологическую статью (даже назначил гонорар в 500 долларов — впервые). Андрей загорелся этой идеей, говорил — хочу дать себе волю. Дома «воли» не было, верней, не было времени для «воли». И обоим очень хотелось отдохнуть от многолюдия, побыть вдвоем.

И мы уехали в Сухуми, бродили и ездили по окрестностям, ели где придется и что придется, а по вечерам ходили в кино (тоже на что придется) и писали «Мир через полвека». Собственно, писал Андрей, а я была техническим исполнителем. Идея этой статьи была не моей. И ни одной моей мысли в ней не было, кроме двух фраз в том месте, где автор пишет о ВИС (Всемирной информационной системе). Я, когда Андрей мне диктовал этот отрывок, возмущалась, потому что жить без музеев и не нуждаясь в книгах, только сведениями от этой ВИС, по-моему, про-

сто стало бы скучно. В результате появился абзац о произведениях искусства и о книге: «Также сохранит свое значение книга, личная библиотека — именно потому, что они несут в себе результат личного индивидуального выбора, и в силу их красоты и традиционности в хорошем смысле этого слова».

Вскоре мы сбежали из Сухуми в Сочи. Наше инкогнито было там как-то раскрыто, и начались бесчисленные визиты к Андрею до этого неизвестных друзей и почитателей. В Сочи к нам прилетела Таня с сыном Матвеем (Мотей). Ей удалось купить курсовку в Мацесту для лечения мучившего ее с детства нейродермита. Мы жили вместе две недели, потом Андрей уехал в Москву на Общее собрание Академии (он их никогда не пропускал) и на какую-то научную конференцию. Хотя на юге мы все чувствовали себя хорошо, и жилось нам всем, включая начавшего ползать Мотю, легко и весело, мои глаза стали вести себя плохо. И по возвращении в Москву этот вопрос стал главным в семейном кругу, хотя и не заслонял того, что принято называть делами общественными.

Консультант в Академии считал, что необходима срочная операция, так как идет быстрое сужение поля зрения. Я сунулась к Краснову, который

оперировал меня в 1965 году. Он почему-то от меня отказался. Потом была у Федорова и Кацнельсона³ — они тоже вначале говорили, что нужна операция, а при следующих посещениях находили какие-то противопоказания. Я пошла к моей институтской сокурснице Зое Разживиной в глазную больницу. Посмотрев меня, она сказала, что надо срочно оперировать. Она заведовала отделением опухолей глаз и глазницы, но сама договорилась с зав. другим отделением, и меня через несколько дней госпитализировали.

Это время было трудным для нас во многих отношениях. Сергей Ковалев, Татьяна Великанова и Татьяна Ходорович сделали заявление о том, что они берут на себя ответственность за продолжение издания «Хроники текущих событий», выход которой был прекращен после раскаяния Якира и Красина и в связи с угрозами КГБ за каждый новый номер журнала арестовывать кого-либо из сопричастных к ней людей. И мы очень волновались за судьбу двух Тань и Сергея.

Появились сообщения, что во Владимирской тюрьме тяжело болен Владимир Буковский. Там же объявил голодовку Валентин Мороз. Предстояли прощания с многолетним отказником немцем

³ Краснов, Федоров, Кацнельсон — известные московские окулисты.

Фридрихом Руппелем, судьбой которого Андрей занимался еще с 1969 года, и с Александром Галичем, который получил разрешение на эмиграцию. Его отъезд еще долго будет ощущаться как брешь в самом близком круге друзей. Выходим из концертного зала Чайковского. Напротив троллейбусная остановка — 10 минут езды до дома Саши. Андрей как бы про себя тихо говорит — а к Саше не поехать! Выбросили (советское слово времен продовольственного дефицита) эдамский сыр. Стоим в очереди, и Андрей вскользь замечает — а Саша любил эдамский сыр!

В конце июня в Москву с государственным визитом должен был прилететь Ричард Никсон. В связи с его приездом Андрей решил объявить голодовку с требованиями смягчения режима в лагерях, освобождения из Владимирской тюрьмы Буковского и Мороза и освобождения всех больных и женщин — политзаключенных. Это была его первая голодовка. Мы были неопытны во всем — и в медицинских аспектах подготовки к голодовке и выхода из нее, и в том, как следует сформулировать требования. Я позже поняла, что в этой голодовке была важная тактическая ошибка — нельзя предъявлять широкие неконкретные требования. Если хочешь добиться реального результата, то требования должны быть очень конкретны, максимально сужены. Но,

соглашаясь со мной в этом, Андрей, в конечном счете, не считал эту голодовку ошибкой — она была важна как привлечение общественного внимания к проблеме и в этом смысле имела большое значение.

Голодовка началась 28 июня и продолжалась 6 дней. Я в это время была в глазной больнице. И Маша Подъяпольская для наблюдения за Андреем привела к нам в дом врача Веру Федоровну Ливчак, с которой мы все потом очень сблизились. В эти же дни тяжело заболела и умерла любимая тетя Андрея Евгения Александровна Олигер. Андрей в состоянии голодовки ездил на ее похороны. А я каждый день в халате убегала из больницы и ехала домой, чтобы своими глазами увидеть, в каком он состоянии.

До голодовки Андрей каждый день навещал меня. И мы часами сидели в больничном садике, в который выходило окно нашей палаты. Обсуждали: голодать — не голодать, обсуждали варианты письма, которое Андрей писал Брежневу и Никсону с призывом способствовать смягчению режима в лагерях и прекращению преследований за убеждения. Обсуждали и вновь обострившиеся отношения Андрея с его детьми.

Почти каждый день приходила моя Таня. Она с коляской, в которой сидел маленький Мотя,

шла пешком по Бульварному кольцу через пол-Москвы и уверяла, что ему очень нравятся такие долгие прогулки. Приходили друзья. И почти каждый день забегал Саша Галич, и мы с ним сидели на той же лавочке, что с Андреем, и при встрече и прощании целовались. В канун его отъезда 24 июня я пришла в палату с заплаканными глазами. Прощались, как тогда казалось, навсегда.

Это послужило толчком к смешному разговору с моими соседками — нас было четверо в палате. Больничная ситуация (знаю, потому что много лежала в больницах — всегда в общих палатах) располагает к откровениям. Женщины (не знаю, как мужчины) говорят о болезнях, о семье — мужьях, детях, любовниках, редко о книгах, почти никогда о политике. И вот, когда перестал появляться в больничном садике Саша, а спустя два дня и Андрей (началась голодовка), мои соседки завели со мной разговор о том, что я, как они говорили, допрыгалась. И усатый оставил. Усатым они называли Галича. И длинный (так они называли Андрея) не появляется — видать, прознал про мои шашни. Они сочли Галича моим любовником. Говорили сочувственно, но и с упреком, что вот уже бабушка, а все кручу. Я пыталась оправдаться. Говорила, что усатый просто друг и теперь уехал (куда не говорила). В ответ услыша-

ла — из-за друзей не плачут. Говорила, что муж заболел, но понимала, что мне не верят.

Другие разговоры были на черной лестнице, где собирались курильщики и был своего рода клуб. Оказалось, что почти в каждой палате у кого-нибудь есть радиоприемник, и все слушают «вражеские голоса» — западные радиостанции. Там широко обсуждалась голодовка Андрея, и шел спор, действительно ли он голодает или все-таки что-то ест. К моим утверждениям, что, конечно, полностью голодает (что речь идет о моем муже, они не знали), относились с сомнением. Но при этом Сахарова не осуждали.

Приблизительно в те же дни, когда Андрей объявил о голодовке, в больнице беспричинно ввели карантин, но, дав рубль дежурной санитарке, я по-прежнему ездила на такси домой. Потом мне сменили лечащего врача. Им стал зам. главного врача больницы, и он мне сказал, что я назначена на операцию на ближайший вторник. Было это в четверг или в пятницу. В конце того же дня Зоя вызвала меня во двор и сказала, что я должна под любым предлогом уйти из больницы. Ее точные слова: «Мы не знаем, кто и что с тобой будет делать». А потом попросила меня больше с ней не общаться, говорила что-то о сыне, который должен поступать в вуз, и о муже — военном. Я видела, что ей говорить это страшно трудно, и успокоила ее словами,

что все понимаю, из больницы уйду и с ней встречаться не буду. И больше я ее не видела. На следующий день я ушла из больницы таким же путем, как убегала домой все эти недели.

Если до разговора с Зоей мы не были полностью уверены, что все неурядицы с врачами связаны с КГБ, то теперь сомнений не было. И мы были в растерянности, что же теперь делать? Мама было заикнулась, что она позвонит Микояну. В 1965 году, когда понадобилась моя первая глазная операция, она ему звонила. Тогда меня сразу положили в Кремлевку, и оперировал Краснов. Но Андрей на это сказал — тогда Люся была чуть ли не племянницей Микояна, а теперь она моя жена — большая разница.

А. И. Микоян был с ранней юности близким другом моего отчима Г. С. Алиханова. В годы обучения в Тбилисской духовной семинарии они снимали одну комнату. Потом вместе ушли в армию Андроника, воевавшую против турок, вместе ушли из дашнаков в большевики. Эта дружба была прервана только арестом Алиханова в 1937 году и его гибелью.

Я не помню, у кого и как возникла мысль о загранице. Теперь, через 30 лет, мне кажется, что мы не сами набрали на эту идею, но кто ее предложил, совершенно не помню.

Андрей пишет: «В августе 1974 года мы решили, что ей необходимо добиваться разрешения на поездку за рубеж для лечения и операции... Это решение не было проявлением недоверия к советским врачам... Но в нашем исключительном положении (как это проявилось в глазной больнице, до нее — в Ленинграде и после в Москве) лечение за рубежом было единственно возможным. Принимая это решение, мы понимали его ответственность. Отступить, отменить его мы уже не могли».

В сентябре моя подруга Нина Харкевич прислала вызов. Вызовы прислали и Юра Меклер из Израиля, и Таня Матон из Франции. Мы выбрали Италию, потому что Нина врач и знала многих офтальмологов, и не в последнюю очередь потому, что быть несколько месяцев вдалеке от дома с Ниной и Машей мне будет душевно легче, чем с кем-либо еще. Кроме своего личного вызова, Нина хотела получить еще вызов от окулиста. Она обратилась к знакомому ей председателю союза окулистов Италии (официальное название этой организации какое-то другое). При первом разговоре он любезно обещал это сделать. Но через несколько дней сказал, что может это сделать, если на это даст согласие (или обратится к ним — точно не помню) московский профессор М. М. Краснов. Нина была возмущена, но нам об этом сказала уже после всех хлопот. А в дополнение к свое-

му вызову прислала приглашение от своего офтальмолога профессора Ренато Фреззотти. Он и стал моим лечащим врачом.

Так началась долгая и упорная борьба за мою поездку — почти год, в который я неуклонно и безвозвратно теряла зрение. Но жизнь состояла не только из этой борьбы. Июль и август мы жили на даче. Кто-то привез нам из Тюменской области, где жили в ссылке Боря и Люся Вайли, их сынишку. Диме уже было 6 лет. Забота о нем лежала на Тане, а он в свою очередь очень трогательно и заботливо относился к маленькому Моте и очень подружился с Андреем. Спустя полтора года Дима отважно выступил в его защиту. Учительница в школе объясняла маленьким второклассникам, какой злой старик и поджигатель войны Сахаров (по всей стране шли собрания, на которых осуждался Сахаров в связи с присуждением ему Нобелевской премии Мира). Дима встал перед всем классом и сказал: «Сахаров не старик, и он добрый». И на возражения учительницы ответил: «Я его знаю. Он мой друг». Это выступление Димы стоило его ссыльному отцу воспитательной беседы в местном КГБ.

Летом произошло знаменательное событие. Из лагеря была досрочно освобождена, отсидев четыре года вместо положенных по приговору десяти,

жена Кузнецова Сильва Залмансон. Она со своим отцом приехала к нам в Жуковку перед тем, как идти в ОВИР за визой. Думаю, этот визит был по его инициативе. Я с ним много общалась с первых дней ареста трех его детей, и у меня сложились очень доверительные отношения и с ним, и с его женой. По его доверенности нанимала им адвокатов и общалась с ними, да и просто по-человечески общалась и в Ленинграде, и в Риге, и у себя дома в Москве и с ним, и с его женой, и с единственным не попавшим в самолетную историю сыном. И тут выяснилось, что С. Залмансон дала согласие на отъезд, не потребовав предварительно свидания с мужем. Нам пришлось уговаривать ее отказаться от этого, не бояться, что из-за поддержки с отъездом ее виза будет отменена. И мы тут же написали от ее имени заявление в КГБ о том, что она не выедет из СССР, пока ей не будет предоставлено личное свидание с мужем. Я сразу же по телефону передала этот текст нескольким иностранным корреспондентам. Мы также настаивали на том, чтобы она добивалась разрешения на свидание с братьями, но уговорить не смогли. Личное свидание С. Залмансон с мужем (первое свидание с момента ареста в июне 1970 года) состоялось в Лефортовской тюрьме — Кузнецова на него привезли в Москву из лагеря особого режима в Мордовии.

Незадолго до этого у Андрея был тяжелый разговор со своей Таней. Он сказал, что если она и Миша будут устраивать нам невыносимую жизнь на даче, он продаст ее, как уже говорил раньше. Я уже не помню, то ли Таня и Люба уже подали заявление в суд о разделе дачи, то ли только собирались это сделать. И мы жили это лето, как бы разделившись. Таня с Мариной и ее няней и Дима жили наверху, мы внизу, но Дима питался с нами. И внешне все было как будто тихо. Но во время посещения Сильвы и Иосифа Давидовича разыгралась ужасная сцена. Таня приняла Залмансонов за потенциальных покупателей. Вбежав на террасу, где мы с ними разговаривали, она стала кричать на Андрея, что не даст продавать дачу, что дача ему не принадлежит и что у нее уже готовы (или уже поданы) документы для суда. Андрей с трудом почти силой вывел ее в прихожую. А когда вернулся к нам (я сидела как ошпаренная, да и наши гости были в растерянности), был бледен, и у него тряслись руки. Потом он сказал мне, что с трудом удержался, чтобы не ударить Таню, и признался, что в прошлом два или три раза ударял Клаву, когда у нее бывали беспричинные приступы ревности. И девочки это видели.

В мае Андрею в Париже была присуждена премия Чино дель Дюка (Prix Mondial Cino del Duca

150 000 франков или порядка 25 000 долларов). Узнали мы об этом гораздо позже, видимо, в июле. Пришел Лева Копелев и сказал об этом. Несколько позже через кого-то были переданы формальные бумаги. И Андрей часть денег отдал мне (письмом в Фонд) для создания Фонда помощи детям политзаключенных.

Я решила обратиться к жене П. Л. Капицы, чтобы она возглавила Фонд, и в начале сентября мы с Андреем были у них в их городском доме. Это была моя вторая (первая была на их даче, когда мы собирали подписи под Обращениями об амнистии и отмене смертной казни) и последняя встреча с ними. Анна Алексеевна категорически отказалась. Тогда я предложила как бы компромиссный вариант, чтобы Фонд возглавила одна из ее невесток, но и это предложение не было принято. Но мы довольно долго были у них. Нас пригласили к ужину.

Петр Леонидович с удовольствием показывал картины и рассказывал какие-то байки о разных ученых, из которых я знала только одно имя — М. А. Леонтовича. Конечно, я была в какой-то мере ошарашена домом-дворцом, начиная с парадной лестницы дворцового типа и кончая картинами. Я подобных домов в частном владении никогда не видела.

Больше никаких шагов к тому, чтобы Фонд возглавила какая-нибудь женщина из советской эли-

ты я не предпринимала. Я как-то сразу поняла, что из этого ничего не выйдет.

Я предложила Нине Харкевич и Аннемарии Бёлль стать вместе со мной сопредседателями Фонда. Они сразу согласились. Нина договорилась с банком Ротшильда, куда были положены деньги, и банк выделил одного из своих сотрудников месье Гаре ведать деньгами Фонда.

Нина в Италии, Аннемария в Германии, Таня Матон во Франции и я дома через корреспондентов сделали заявление о Фонде, и он начал функционировать и благополучно выжил и работал до конца горбачевской эры и времени бархатных революций.

В «Воспоминаниях» Сахаров пишет: «По договоренности с банком деньги переводились по переданному туда списку непосредственно женам политзаключенных, имевших детей. К началу 1976 года такие переводы стали невозможными... но и Фонд был в значительной степени исчерпан».

Это ошибка памяти Сахарова⁴. С 1976 года Внешторгбанк не запретил такие переводы, но рез-

⁴ Подобных неточностей в «Воспоминаниях» Андрея много, и в какой-то мере я чувствую себя ответственной за них. Но в условиях горьковской ссылки, когда не было возможности что-то проверить, и нервного напряжения в связи со сложностью сохранения и переправки рукописей на Запад, избежать таких ошибок было почти невозможно.

ко повысил налог с получателей переводов. Несмотря на это Фонд продолжал функционировать на прежней основе, хотя меня несколько раз сотрудники других фондов упрекали, что собираемый с наших получательниц налог подпитывает советскую власть.

Осенью Андрей получил письмо от Натальи Дмитриевны Солженицыной (на письме дата 20.8.74, но дошло оно до нас значительно позже), предостерегающее в связи со сложностями отчетности благотворительных Фондов. Но у нас никаких сложностей не было. Всю документацию вел и делал отчеты Банк Ротшильда. И во время трех моих поездок на Запад в него вновь после моих выступлений стали поступать пожертвования. А в 1975 году я сама из Нобелевской премии сделала туда значительный вклад. Наталья Дмитриевна писала, что к ней обратилась незнакомая женщина с просьбой, показавшейся сомнительной. Она просила Солженицыных подтвердить идентичность подписи Андрея на документе, которым он передавал деньги для основания Фонда помощи детям политзаключенных. И говорила, что Андрей просил ее найти нам адвоката для целей Фонда. Но в реальности никаких подобных просьб Андрей никому не передавал. Видимо, на самой ранней стадии КГБ заинтересовалось Фондом, но так как все дела

были переданы банку, то для него поля действий не образовалось.

Никакого давления КГБ на Фонд не было, возможно, и потому что никто из нас напрямую к деньгам не прикасался. Я пересылала адреса Нине или Аннемарии, они пересылали их месье Гаре. И Банк делал этим женщинам переводы. Аля Шиханович, Люба Мурженко и другие мамы показывали мне извещения из Внешторгбанка, на которых было написано — отправитель Елена Боннэр. В какие-то года переводы делались и детям в Чехословакии и в Польше. В Горьком мы получали благодарственные открытки из Варшавы и Праги. А через несколько лет, когда была в Париже на пути из США в Москву, я посетила банк, познакомилась с месье Гаре и удостоилась ланча с одним из Ротшильдов.

Рема все свободное от работы время проводил в каких-то самиздатских делах, размножал фотоспособом «Архипелаг ГУЛАГ», «Прощай, Каталония», еще что-то, часто общался с Сергеем Ковалевым и Таней Великановой. Позже мы узнали (не помню от кого и не знаю никаких подробностей), что на его имя сняли квартиру, где делали «Хронику». Андрей был этим огорчен. Он считал, что нашу семью не следует связывать ни с чем, что делается тайно.

Алеша почти все лето отсутствовал, был в студенческом отряде где-то на Северном Кавказе, по-

том в байдарочном походе. И, вернувшись, объявил, что женится. Мы — мама, я и Андрей были в шоке. Только-только летом ему исполнилось 18 лет. Но с таким решением нельзя бороться. Его надо принимать. В ноябре он и Оля Левшина поженились.

А Андрей в сентябре попал в больницу. Когда мы пришли с вечерней прогулки, он пожаловался на боли в животе. Я посмотрела его и говорю: «У тебя аппендицит, такой явный, прямо, что называется, студенческий. И надо вызвать «скорую» и в больницу». А он стал меня убеждать, что это у него хроническая дизентерия. Когда и кто ему внушил про хроническую дизентерию, не знаю. За три года, что он жил в нашем доме, никаких ее признаков не было. От «скорой» Андрей категорически отказался, и мы на такси поехали в академическую больницу. В приемном покое его поддержали часа три. В чем-то сомневались, кому-то звонили. Кого-то вызывали. Наконец взяли в операционную. Я курила на лестничной площадке, когда из операционного блока вышла женщина (потом я узнала, что это была зав. хирургическим отделением) и стала мне говорить: «Какая вы умница. Ведь у него уже флегмонозный аппендицит, еще немного и было бы поздно». Оперировали Андрея в ночь с 13 на 14-е. Не надо думать, что у меня такая острая память. Просто на второй день

прибежала с вытаращенными глазами моя Таня и рассказала, что была в Беляеве на выставке, которая вошла в историю изобразительного искусства под названием «Бульдозерной». И еще в каком-то разговоре с еще не встававшим с постели Андреем я вдруг выяснила, что он не читал «По ком звонит колокол». Теперь как-то смешно об этом вспоминать, но тогда это меня потрясло. И в тот же день Володя Тольц (мне кажется, тоже потрясенный «Как? Не читал? Не может быть!») принес книгу Андрею.

За лето и осень было опубликовано большое число небольших документов Андрея в защиту отдельных людей — в это время было много арестов среди немцев, и ходатайств о прописке в Крыму лиц крымско-татарской национальности (термин не мой, а официальный). Такие мелкие документы обычно писала я, а Андрей только подписывал. Из своих документов этого времени он считал важным письмо Курту Вальдхайму о положении иракских курдов. Ответа из ООН не было, но нам передали благодарственную телеграмму Мустафы Барзани⁵.

⁵ Мустафа Барзани, лидер иракских курдов. Я с ним много общалась, когда работала в Сулеймании (Иракский Курдистан) во время проводившейся там ВОЗ всемирной кампании по борьбе с черной оспой.

30 октября по предложению политзаключенных нескольких лагерей прошел первый день политзаключенных. Идея была высказана Кронидом Любарским и кем-то из «самолетчиков» (не помню, Мурженко или Федоровым). Проводили его у нас дома. Для этого пришлось маму переселить на кухню, а из ее комнаты всю мебель мужики (Рема и Алеша) вытащили на лестницу. И мы немного беспокоились, как бы ее там не растащили. Пришло очень много корреспондентов и много наших — жен и друзей заключенных. С этого года отмечать этот день стало традицией, и, кроме одного (или двух?) раза, это всегда проходило у нас в доме. Последний в доперестроечную эру день политзаключенного я проводила одна 30 октября 1982 года, специально в этот день приехав из Горького. Во всей Москве не нашлось тогда никого, кто бы был моим подельником в этом предприятии. Корреспондентов ко мне в квартиру не допустили (у дверей квартиры стояли три милиционера), я «принимала» их на улице и передала им несколько документов. Какие — не помню, но, наверно, где-то они имеются (не только в КГБ).

В ноябре у нас был и провел несколько часов в беседе с Андреем американский сенатор Джеймс Бакли. В конце их беседы я спросила у нашего гостя, куда он летит из Москвы, потому что до этого он упомянул, что его поездка была не толь-

ко в СССР (но я забыла, из какой страны он прилетел). Он сказал, что теперь прямо в Вашингтон. На это я сказала, что жаль, так как у нас есть список более 6000 немцев, желающих эмигрировать. И Андрей пояснил, какая это большая проблема, и привел несколько примеров немецких семей, которые борются за право эмигрировать на протяжении двух, а то и трех поколений. И сказал, что было бы очень важно довести список, имеющийся у нас, до МИД ФРГ. И меня поразило, что Бакли тут же буквально на ходу сказал, что он изменит свой маршрут и заедет в Бонн, чтобы передать этот список в правительство ФРГ. Мы были потрясены таким решением (я во всяком случае, но мне показалось, что и Андрей) и обрадованы, потому что почти не сталкивались в прошлом с подобным мгновенным согласием на действие. К этому надо еще добавить, что кто-то из наших друзей-корреспондентов не очень хорошо отзывался о Бакли (что-то о том, что он крайне правый, ястреб и прочее). Поэтому у нас была в начале его визита некая настороженность.

Но сразу после его ухода Андрей стал сожалеть, что какие-то значимые вещи не сказал, что-то важное выразил неточно. И я предложила ему написать Бакли открытое письмо, не торопясь, обстоятельно закрепить все на бумаге. Андрей почти сразу согласился, но считал, что открытое письмо не-

удобно писать без согласия адресата. На следующий день он написал Бакли короткое письмо.

«Дорогой мистер Бакли! Наша встреча 10 ноября явилась для меня большим событием... Но короткая беседа недостаточна для более глубокого обсуждения... Один из обсуждавшихся вопросов — о свободе передвижения изложен в моем открытом письме Джексону, Киссинджеру и депутатам Конгресса; я хотел бы, чтобы Вы отдали этому письму приоритет перед моими устными ответами.

Но не менее важны другие затронутые вопросы — о проблеме разоружения, о свободе информации, об амнистии политзаключенным, а также о роли СССР в мировом продовольственном кризисе. Мне кажется необходимым в ближайшее время изложить свое мнение по этим и другим примыкающим проблемам с большей степенью ясности и детальности. Так как эта мысль возникла после беседы с Вами, я хотел бы, если у Вас нет возражений, избрать форму открытого письма к Вам. Таким образом я надеюсь продолжить нашу беседу.

С глубоким уважением,

искренне Ваш Андрей Сахаров.

11 ноября 1974 г.»

Вскоре в Москву прибыла делегация американских ученых, периодически обсуждавших проблемы разоружения с такой же комиссией советских (предполагается — независимых!) ученых. Не-

сколько человек из этой комиссии вечером пришли к нам. Это были молодые и, как мне показалось, веселые люди. Мы ужинали в тесноте на нашей кухне, они (думаю, вполне искренне) хвалили мою стряпню и вели серьезный разговор с Андреем, в котором я не все понимала. Когда мы провожали их по набережной к гостинице «Россия», кто-то из них стал петь, и нас вполне могли принять за подгулявшую компанию.

На обратном пути Андрей очень сожалел, что вместе с этими гостями не пришел руководитель делегации нобелевский лауреат Вольфганг Пановский. Нам сказали, что он не очень хорошо себя в этот вечер чувствовал. Так получилось, что я познакомилась с Пановским раньше Андрея, когда первый раз была в Стенфорде в 1986 году, а Андрей встретился с ним впервые осенью 1987 года в Вильнюсе. И встреча с этой делегацией, а главное отсутствие Пановского, который высказывал близкие Андрею мысли по проблеме разоружения, в какой-то мере стимулировали работу над Открытым письмом к Бакли, которое постепенно переросло в книгу «О стране и мире».

Писать ее Андрей начал через пару недель, но отвлекаясь на многие повседневные правозащитные и семейные заботы.

И еще в это время мы несколько раз ездили в студию к Борису Биргеру, и он писал наш двой-

ной портрет. Это было какое-то отвлечение, выход не просто в другой дом, но в другой мир. Андрею нравилось, что будет портрет, нравились разговоры с Борей, в которых было некое пересечение с его прошлым. В студенческие годы Андрей знал сестру Бориса. Нравились наши чаепития с моей ватрушкой после сеанса позирования.

И картины на стенах студии говорили о вечном — как в музее. Недаром в «Воспоминаниях» появилась запись о портрете, сделанная в горьковской ссылке: «Глядя на портрет, теперь — на репродукцию, я испытываю странное волнующее чувство уже ушедшего в прошлое физического, материального бытия того конкретного времени, которое будет уходить все дальше и дальше и после нашей смерти, и одновременно чего-то вечного, остановившегося во времени, внутреннего».

Ноябрь и декабрь были очень тревожны из-за усилившегося внимания КГБ к Сергею Ковалеву. Примерно 25 декабря мы вынули из почтового ящика письмо, в котором была вырезка из газеты «Известия», сообщающая об обсуждении в Конгрессе США поправки Джексона, и короткий текст, напечатанный на машинке. В нем было сказано: «Если вы не прекратите своей деятельности, мы примем свои меры. Начнем мы с небезызвестных Вам Янкелевичей — старшего и младшего». Это

говорилось о Ефреме и о полуторагодовалом Мотиньке. Получать подобные письма более чем просто неприятно, и мы не могли отнестись к нему несерьезно.

Вечером 27-го пришел Сергей Ковалев. Днем он был на допросе и должен был наутро снова идти на допрос. Пришел голодный. Я спросила, хочет ли он горячего супчика. Сказал: «Дай напоследок щец похлебать». Мы все понимали, что он может с допроса и не вернуться. Он очень хотел написать ответ на это письмо с угрозами. Начал мне диктовать, но ничего не получалось, время шло, и он решил ехать домой. Сказал — надо же и дома побывать. Прощались в передней, и все понимали, что не на день или два — надолго.

Было в конце этого года еще одно дело, свершив которое мы были очень горды, что сумели с ним справиться. Однажды пришел Володя Войнович и написал, что он на три дня у какой-то близкой автору женщины (имя не назвал) достал рукопись конфискованной книги Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». И надо за этот срок в полной тайне сделать копию с рукописи и переслать ее на Запад. Я вначале растерялась, но, подумав, сказала, что мы это сделаем. Ефрем в это время еще не лишился работы — уезжал рано утром. Возвращался почти ночью, так как рабо-

тал на рыбозаводной станции далеко за городом. Он в такой срок сделать этого не мог. Поэтому я позвала Андрея Твердохлебова. Он взял у своего отчима Б. Г. Закса хороший фотоаппарат и закупил химикалии и пленки. Мы объявили всем, что уезжаем, и на три дня закрылись в доме. Завесили маминым пледом окошко между ванной и уборной. За этот плед, испорченный гвоздями, она меня потом слегка упрекнула. Я приспособила лампу-рефлектор к спинке стула, и мы почти без сна с перерывом только на обед и ужин занялись фотографированием. Мой Андрей снимал, я подкладывала страницы. Мама следила за тем, чтобы не пропустить ни одного листа, и еще успевала кое-что читать, а Андрей Твердохлебов проявлял и сушил пленки в ванной комнате. Получилось около 40 пленок, которые я через свою связную — француженку — переслала Володе Максиму. Мы получили подтверждение — в № 5 «Континента» были опубликованы отрывки из романа, но нас (особенно Андрея) огорчило, что Максимов изменил его название. И Андрей в какой-то записке упрекнул Володю за это. Через некоторое время по радио «Свобода» сказали, что пришедшие на Запад пленки не очень профессиональны, есть страницы с обрезанным краем, и приходилось восстанавливать текст, да много и других неполадок, однако несмотря на них, ра-

диостанция начинает регулярное чтение романа. И мы сочли, что вернули жизнь этой великой книге. Но Володя Войнович, судя по его письму, не согласен со мной, и в его рассказе все выглядит несколько по-другому.

Полный текст е-мэйл 17 апреля 2004 мне от В. Войновича:

«Дорогая Люся! Вот тебе вкратце полная история того, как рукопись попала ко мне и что было дальше. По-моему, это было в конце 74-го года, но дату можно проверить по другому событию, а именно по времени выхода в свет солженицынского сборника «Из-под глыб» (ниже понятно будет почему). Как-то в нашем дворе (Черняховского, 4) ко мне подошел Семен Израилевич Липкин и начал издаലെка: «Нет ли у вас возможности передать на Запад одну рукопись, это рукопись не моя, но очень интересная... Я перебил: «Гроссман?» Он сказал: «Да». Я знал, что Липкин дружил с Гроссманом и по каким-то признакам догадывался, что он мог быть хранителем «Жизни и судьбы». Я рукопись взял, но что делать дальше? Надо было быстро и качественно перефотографировать, но кто мог бы это сделать? Я позвал к себе Игоря Хохлушкина, надеясь, что он человек надежный. Очень ошибся. Хохлушкин пришел, сделал несколько кадров и убежал, сказав, что у него пресс-конференция по поводу «Глыб», коих он был одним из участников. На другой день опять сделал несколько кадров и сказал, что срочно едет за город, вернется на следующей неделе и тогда... Я был в некотором ужасе.

Я понимал, что если ГБ пронюхает про рукопись, они тут же за ней придут. Я Хохлушкину не мог не сказать, что за рукопись, а теперь боялся, что он проболтается, тем более что к роману он отнесся с явным пренебрежением. Я решил переснять текст сам своим “Зенитом” и сделал это, понимая, что хорошего качества тут не будет. После этого стал думать, кто и где мог бы сделать дубль. Кто — я так и не придумал, а где — я решил, что из диссидентских домов надежнее вашего нет. Взял в поводьери Корнилова и пришел к вам. После этого на Запад попали две пленки: одна моя, другая ваша. Я стал ждать результата. В 5-м номере “Континента” появились отдельные, плохо выбранные, отрывки. И все. Я не понимал, в чем дело. Потом до меня дошло, что обе пленки попали к Максиму, причем Горбаневская утверждала, что на пленках разные тексты и плохо читаются. Но, как я потом понял, никто их прочесть особо и не старался. Максиму роман не понравился. Горбаневской — тоже. Максимов послал роман с кислой припиской Профферу, но тот тоже интереса не проявил. Я ничего этого не знал и четыре года ждал появления романа, но не дождался. Тогда, в 1979 году, я попросил Липкина дать мне рукопись снова, нашел ленинградского самиздатчика Владимира Сандлера (он сейчас живет в Нью-Йорке), и тот на замечательной самодельной аппаратуре и наилучшим образом переснял текст. После этого я позвал к себе свою знакомую, австрийскую славистку Розмари Циглер, в ее надежности у меня сомнений не было. Я объяснил ей, в чем дело,

сказал, что это выдающийся роман, который надо не только передать на Запад, но и найти издателя. В этот раз рукопись перевез на Запад австрийский атташе по культуре Йохан Марте. Он передал ее Эткинду и Симе Маркишу, а те расшифровали пленку и напечатали книгу в издательстве “Ляш Дом”. Вот и все.

Засим, дорогая Люсенька, желаю тебе всяких благ и возможности на вопросы о здоровье и делах, хотя бы отвечать, что не плохо. Привет Танечке. Володя».

Я же думаю, что мы оба правы — и он спасал роман Гроссмана, и мы. Тот вариант, который впервые прозвучал по радио «Свобода», был определенно наш, уж очень непрофессионально он был сделан, со многими огрехами. И отрывок из романа, опубликованный в «Континенте», был явно из нашего фотоварианта. Андрей тогда был огорчен, что Максимов изменил название (см. «Континент» № 5) и в одном из писем к нему упрекнул за это. А окончательный — книжный вариант, видимо, был Владимира Войновича.

Добавление 2005 года. Из письма Наташи Горбаневской мне от 23 ноября:

«О романе Гроссмана. Пленки были действительно не очень хорошие, но Володя [Максимов] отдал их целиком перепечатать — это уже было позже, при мне, т. к. отрывки из романа появились еще до моей эмиграции. Я даже помню, кому именно (желая дать несчастному, а впоследствии

сошедшему с ума человеку заработать) он давал роман на перепечатку, но это деталь. Его усилия рекомендовать роман для издания действительно не дали результата, а потом ему стало известно, что роман уже печатается по тексту, полученному от Эткинда (т. е. подтверждается, что были два разных источника). Неправильно называет Войнович издательство: оно называется "Л'аж д'омм" (примерно "Мужской возраст", т. е. возраст зрелости)».

Арест Сергея не был неожиданным, но очень тревожным сигналом для большого круга людей, не только тех, чьи имена были известны как диссидентские и в СССР, и за рубежом благодаря западному радио. У нас в семье для всех это был еще и личный удар. Особенно трудно переживал этот арест Ефрем. Он относился к Сергею и как к старшему товарищу, и, в какой-то мере, хотя по натуре он человек сдержанный, как к кумиру. К Андрею при глубоком уважении и просто привязанности Ефрем относился спокойней, наверно, под влиянием повседневного общения и домашней среды. Я помню маленький эпизод, происшедший позже, когда Вайли были в Москве проездом, возвращаясь из ссылки. Диме очень понравилась машинка, которую Сергей подарил Моте, когда ему исполнился год. Мотя с ней не играл, был еще маленький, и я отдала ее Диме. И Рема так укоризненно посмотрел на меня, как будто я совершила святотатство.

После Нового года Ефрем взял отпуск и с Мотей уехал к своей маме в подмосковный поселок Петрово-Дальнее. Мы боялись за Таню, которая с маленьким ребенком остается одна в Новогирееве. Ефрем с утра уезжал на работу и возвращался поздно, он работал далеко за городом на науч-

ной станции какого-то рыбозаводного хозяйства. В Петрово-Дальнем, когда он вечером выносил мусор, к нему подошли три мужика и сказали: если Сахаров не прекратит своей деятельности, будешь валяться на этой помойке — и ты, и твой сын.

В один из визитов к нам Шафаревича (Комитет уже незаметно прекратил свою деятельность, и такие визиты стали редкими) Андрей рассказал ему об этой угрозе. И Шафаревич ответил фразой, которую мы все запомнили на всю жизнь: «Андрей Дмитриевич, ну что вы так волнуетесь, ведь это не ваши дети».

В конце предыдущего года Таня вновь подала заявление о восстановлении в университет и неожиданно для всех нас была восстановлена. Приблизительно в это же время Алеша подал заявление в университет о переводе его из педагогического института с досдачей каких-то предметов. Через несколько дней Андрею позвонил новый ректор университета Рем Хохлов и сказал, что он вынужден (он подчеркнул это слово) отказать Семёнову, так как он находится под влиянием Сахарова и, хотя его академические успехи отличные, но он не комсомолец. И каким-то начальством, стоящим над ректором университета, это воспринимается как отрицательное влияние Сахарова. Андрей поблагодарил Хохлова за звонок и сказал, что предпочитает откровенность неопределенности.

В феврале в Москву приехали Генрих и Анна-мария Бёлли. Они навестили нас в Жуковке вместе с Костей Богатыревым и Борисом Биргером. Общались в основном через Костю, но иногда Андрей пытался говорить по-немецки и сокрушался, что непростительно забыл язык. А Борис несколько раз пытался подправить Костин перевод. Это при том, что Костя знал язык как родной, а Боря на порядок хуже. И я боялась, что Костя (с него станется) в конце концов сорвется и стукнет Бориса. Провели они у нас почти целый день.

Между обедом и чаем Андрей и Генрих беседовали, сидя рядом на диване. Я накрывала на стол и смотрела на них, и в какой-то момент меня пронзила мысль, что они типологически и внешне, и манерой держаться, и говорить очень похожи. И даже позы у них похожие, оба сидят закинув ногу на ногу и локтем опираясь о колено. И при всех последующих наших встречах это впечатление только усиливалось.

Разговор шел о немецкой эмиграции, о том, как жестоко преследуют в СССР немцев, желающих эмигрировать: в последние годы появилось много немцев — узников совести. Генрих в начале разговора считал, что немцы зря стремятся в Германию. Ему столь многое не нравилось в своей стране, что он, казалось, готов был считать, что в СССР лучше. Может, это сказывались какие-то давние социали-

стические иллюзии. Но под влиянием фактов и примеров разных судеб, о которых говорил Андрей, сделал вывод: «У нас жить трудно, у вас — невозможно». А потом уже за чаем рассказал, что весной 1945, сняв военную форму, из всех оставшихся сил бежал на Запад, чтобы уйти от надвигающейся советской армии, боялся остаться в советской зоне. И с тех пор всегда держит свой автомобиль полностью заправленным бензином, чтобы в случае чего продолжать двигаться на Запад. А потом сам заметил, что этот рассказ противоречит его взгляду на эмиграцию советских немцев. Рассказывал, что Аннемария после войны зарабатывала им на жизнь вязанием и он, чтобы помочь ей, научился вязать перчатки.

Все время начиная с сентября или октября 1974 года, когда я подала документы на поездку в Италию, Андрей регулярно звонил в ОВИР и вел переговоры с начальством разных уровней. И ему постоянно говорили, что ответ будет позже. В конце марта меня вызвали в ОВИР и дали официальный отказ. Я не помню, сразу или через какое-то время мы решили объявить трехдневную голодовку в дни, когда отмечалось 30-летие Победы.

7 мая мы сделали заявление об этом, а 8-го утром (был первый день голодовки) к нам домой явился специальный курьер и вручил Андрею письмо из Министерства здравоохранения СССР. В письме гово-

рилось, что мне могут предоставить помощь в любом лечебном учреждении страны. Могут по моему желанию пригласить специалиста из-за рубежа за счет министерства. Также было сказано, что они ждут ответа с этим курьером. Отвечать Андрей отказался, и мы отголодали три дня. И снова Андрей регулярно звонил в ОВИР, и ему говорили, чтобы позвонил вновь через несколько дней. Это уже стало немного рутинным занятием, а я регулярно ездила в поликлинику, и мне то ставили пиявки (наружная сторона лба и сбоку от глаза — очень неприятно), то назначали какие-то инъекции, но глазное давление не снижалось, а неуклонно шло вверх.

Мы переехали на дачу, и Андрей по совету кого-то из друзей (кажется, Юры Тувина?) решил начать бегать трусцой. Именно тогда увлечение бегом дошло до нашей страны. Вначале у него все шло хорошо, и он, видимо, резко увеличил нагрузку. Произошел сердечный приступ, и его уложили в постель с неопределенным диагнозом — микроинфаркт или нелокальное нарушение коронарного кровообращения. Лежал он на веранде и в полулежачем состоянии кончал писать «О стране и мире».

Рукопись эта была многострадальная. Андрей так много ее правил и столько раз вносил дополнения, что ее приходилось перепечатывать бесконечное число раз. Печатала вначале я, но из-за глаз мне стало это трудно. Тогда меня сменил Ефрем.

А один из вариантов печатал Валя Турчин. Он несколько недель жил у нас в Жуковке, решив таким образом уйти с глаз КГБ.

И однажды вечером, когда Валя уехал, и мы считали, что книга готова, Ефрем, вычитывая рукопись, задал Андрею вопрос. Звучал он приблизительно так: «А не пора ли вам, Андрей Дмитриевич, решить для себя окончательно: можно ли у нас построить социализм или нет? А то вы тут опять что-то пишете про социализм с человеческим лицом». И снова началась переделка рукописи. Я называла этот процесс «Ликвидировать социализм как класс» (по аналогии с лозунгом ликвидации кулачества в конце 20-х годов).

Все это делалось при постельном режиме Андрея. Советская медицина (в частности, кардиология) тогда была чрезмерно увлечена пользой постельного режима. Маленький Мотя огорчился, что диде Аде (так он называл Андрея) нельзя гулять, часто подбегал к нему, клал головку на его ноги и сочувственно говорил: «Ну нисиво¹, дидя Адя, нисиво». Мы с Андреем это «нисиво» потом говорили друг другу в самые трудные наши дни.

Таня в это время писала диплом и готовилась одновременно к государственным экзаменам и

¹ «Нисиво» в его детском произношении означало успокоительное «ничего».

к рождению второго ребенка. Андрей вызвался ей помогать в самом трудном для нее предмете — философии (марксистско-ленинской). Главной установкой в его преподавании было: «Забудь все, что я когда-либо говорил и что ты у меня читала».

Книга «О стране и мире» (или брошюра — ее объем 65 страниц), родившаяся из открытого письма сенатору Бакли, в июне была закончена, и мне (с помощью и по протекции Андрея Амальрика) удалось ее быстро переправить Валерию Чалидзе. Но беспокойство вокруг нее на этом не кончилось. И Валерий, и другие наши западные (и российские) друзья просили убрать из нее абзац о «несчастном Гессе» и изменить ту часть рукописи, где Андрей пишет о войне во Вьетнаме, потому что его мысли о ней значительно отличались от взглядов леволиберальной интеллигенции Запада. Говорить по телефону в эти дни с заграницей из дому не получалось. И я по многу часов несколько дней торчала на переговорных пунктах то на Арбате, то на улице Горького. Потом ехала в Жуковку, чтобы сказать Андрею, что от него хотят. Возвращалась в Москву, чтобы передать в Нью-Йорк, что Андрей отказывается что-либо менять. Если для меня это была добавочная и большая физическая нагрузка (жара в эти дни стояла невыносимая), то для Андрея — еще большая нервная

и нравственная. Он очень волновался из-за этих дебатов, и у меня несколько раз возникала мысль перестать ездить на переговоры. Я-то ведь знала, что никакое самое широкое и самое дружеское давление не заставит Андрея изменить текст в угоду господствующему тогда общественному мнению.

А вообще эта история с Вьетнамом и с «несчастливым Гессом» со временем стала для нас как лакмусовая бумажка на выявление того, где начинается внутреннее этическое расхождение с теми, кого в повседневности воспринимаешь как друзей и единомышленников. В связи с Гессом я вспоминала, как меня выгоняли в армии на санпоезде из комсомола за то, что я передала кусок своей пайки черного хлеба голодному пленному немцу. И я на собрании во время обсуждения этого моего проступка думала о нашем замполите — «сам ты фашист», да так и осталась до сих пор при этом мнении.

Помню жестокие споры об американцах во Вьетнаме с Таней Матон и с Вики Вейскопфом. От него же мы слышали фразу о том, что он понимает нашу оппозицию советскому режиму, «но Китай-то должен вам нравиться?». И мы с Андреем уже не спорили, а просто молчали.

В конце июля на дачу позвонила дама из ОБИ-Ра. К телефону попросила меня, хотя обычно все переговоры с этим учреждением вел Андрей. Она

сказала, что в визе мне отказано. Я очень грубо ей отвечала и даже употребила слова, которые теперь характеризуют как ненормативную лексику. Мама слышала этот разговор и была мной возмущена. Андрей, тоже слышавший, воспринял мой стиль общения с ОВИРОм спокойней. Вечером мы обсуждали, что теперь делать и, ничего не придумав, легли спать соответственно поговорке «утро вечера мудренее». В середине следующего дня позвонила та же дама и сладким голосом просила меня срочно приехать в ОВИР для получения разрешения на поездку. На мое возражение, что я не успею до конца рабочего дня, она сказала, что это не имеет значения. Меня будут ждать.

И действительно ждали. У входа меня встретила та же дама и под ручку (я все время пыталась отстраниться) провела на второй этаж, где мне все с той же преувеличенной любезностью сообщили, что, заплатив пошлину, я могу уже на следующий день получить паспорт. При этом какой-то присутствующий в кабинете человек явно кагэбэшного вида сказал, что я должна помнить, что моего мужа ко мне не выпустят никогда. На что я резко ответила, что я и без него это знаю, а быть невозвращенкой не собираюсь. Через четверть часа (от ОВИРа до нашего дома две трамвайные остановки) я позвонила на дачу. Оказалось, им уже звонят корреспонденты, кто-то (КГБ) сообщил в одно из

западных агентств, что я получила разрешение. Мы купили билет на 6 августа на поезд Москва — Париж и Париж — Флоренция, так как глазное давление было за 60 и врач считала, что при таком давлении лететь самолетом нельзя — перепад атмосферного давления при подъеме и посадке самолета может создать новые глазные осложнения.

А 6-го тяжело заболел Мотя. Утром Мотя играл один на крыльце, пока мы все завтракали, и вдруг со страшным криком вбежал к нам. Он показывал на ротик, но объяснить ничего не умел. А спустя несколько часов начались эти судороги. А днем внезапно резко и критически высоко поднялась температура. Он жаловался на боль в голове, потом начались судороги конечностей. Алешке удалось поймать большую машину, из тех, что возят высокое начальство (в народе их называют членовозами), и уже в городе судороги у Моти перешли в тяжелый общий судорожный статус. Врачу «скорой помощи» не удалось их снять. И Мотю в бессознательном состоянии под вой сирены увезли в больницу. Мой билет кто-то сдал. А мы пережили страшную (в моей жизни, может быть, самую страшную) ночь. А что пережили Ефрем и Таня, которая была на 9-м месяце беременности, даже сказать трудно. Они эту ночь провели у Веры Федоровны, которая жила вблизи больницы, а мы были втроем дома. Маме я дала большую дозу сно-

творного, и она уснула. Я, не раздеваясь, лежала около телефона на кухонном топчанчике. А Андрей всю ночь как маятник молча ходил взад-вперед по коридору.

Утром мы все были в больнице. К нам в приемный покой спустился врач из реанимации и сказал, что ребенок Янкелевич в сознании, и они надеются, что он будет жить, но они не знают, что это было — возможно, отравление неизвестным им токсином. А мы как не знали тогда, так и не знаем до сих пор. Но Андрей твердо считал, что Мотю отравили, и, как во многих других случаях, подтверждения этой его убежденности или возможности ее опровергнуть у нас нет. И тогда же в приемном покое Андрей сказал мне: «Они должны уехать». Я вначале его не поняла, и он очень жестко добавил: «Эмигрировать». Так это слово прозвучало впервые.

Все разговоры (а позже и хлопоты) об окончании образования ребят за границей к этому времени были нами забыты. И были они о поездке, и, соответственно, о возвращении, а не об эмиграции. Таня окончила университет, получила «корочки» — некий обязательный минимум для будущего. Ефрем работал. Алеша хоть и не в университете, но учился и находил возможность подзарабатывать — давал уроки десятиклассникам и мыл по вечерам троллейбусы. И они с Олей ждали первого ребенка.

Еще до болезни Моти я договорилась со своей подругой — заведующей родильным отделением Люсей Меднис, что Таня будет рожать под ее присмотром, и я сказала Андрею, что договорюсь также и о Любе, которой надо было рожать несколько позже Тани (для Оли в другом роддоме со знакомым акушером договорились ее родители). Это было уже время, когда советская родовспомогательная служба стала, по сравнению с шестидесятыми годами, резко ухудшаться. До моего отъезда Андрей с Любой не переговорил, и я договорилась впрок. В середине сентября он ей сказал об этом. Но она отказалась. Позже, когда Люба в родах потеряла первого ребенка (а я и по-человечески, и профессионально знаю, какая это тяжкая травма — уйти из роддома без младенца), я думала, может, этого не случилось бы, будь Люба под личным присмотром хорошего акушера. Но, с другой стороны, если б ребенок и в этом случае погиб, наверно, в сознании Любы виноватой была бы я.

Мотя был еще в больнице, когда я (кажется, 16 августа) уехала из Москвы. В Париже на перроне Лионского вокзала меня с букетом коралловых роз встретил Саша Галич, и я рассказала ему историю о том, как мои соседки по палате в глазной больнице упрекали меня в грешной связи с ним и спорили, кто «интересней» — усатый или длинный. И еще в Париже у Тани Матон ждала меня

книжная бандероль от Валерия Чалидзе — сигнальные экземпляры книги «О стране и мире».

А провожал меня из Парижа во Флоренцию Тоша Jakobсон. Это была моя последняя встреча с ним. Был он в очень плохой форме. Неухоженный. Даже неопрятный. В каких-то шлепанцах на босу ногу. Весь какой-то дергающийся. Со сбивчивой, торопливой речью. До этой встречи я никогда не думала, что он болен, а тут это выплыло с неопровержимой определенностью и сразу пришедшим страхом за него. Потом мы еще получали какие-то открытки от него из Израиля. Но мне кажется, что я уже тогда на парижском вокзале почувствовала, предчувствовала его трагический конец². Может, надо было сказать об этом кому-то из друзей. Но кому? И что это могло изменить?

Почти сразу по приезде во Флоренцию я поехала в Сиену к своему будущему врачу профессору Ренато Фреззотти, и через несколько дней он и его ассистент доктор Рафаэлло Бонанни оперировали меня в клинике «Salus». После больницы я неделю провела у Иры и Моми Строщи,

² Анатолий Jakobсон — литератор и преподаватель русского языка и литературы, один из первых редакторов «Хроники текущих событий». Для меня еще и Алешин учитель, обучивший его русской грамоте. В 1978 г. Анатолий Jakobсон покончил жизнь самоубийством в эмиграции в Израиле.

имение которых «Cusona» находится недалеко от Сиены. Ира ежедневно не только возила меня на осмотр к Фреззотти, но и устроила роскошный прием для моих врачей и друзей.

Я расплатилась с клиникой. Счет оказался меньше, чем я предполагала, потому что оба моих врача и анестезиолог отказались от своих гонораров. Вообще-то в Италии я могла лечиться бесплатно согласно какому-то соглашению между СССР и Италией. Но мы с Андреем еще в Москве решили, что я буду за все платить, чтобы никакая коммунистическая пресса не могла сказать, что я лечусь на деньги итальянских налогоплательщиков. И я вернулась во Флоренцию.

Флоренция, Сиена и Рим стали городами, обогатившими меня не только голубым взглядом на мир (после операции весь белый свет приобрел пронзительно чистый голубоватый цвет), но и своими всему миру известными художественными и архитектурными памятниками.

Я, кроме Маши Олсуфьевой и Нины Харкевич, приобрела в этих городах новых и неизменных, несмотря на все последующие жизненные коллизии, друзей — детей Маши, Иру и Джироламо (Моми) Строцци, семью Галины Доценко, старшую сестру Маши Асю Бузири-Вичи, Лию Вайнштейн, Ирину Альберти (Иловайскую), архиепископа Иоанна Сан-Францисского и его сестру Зи-

наиду Шаховскую, Люсю Торн и Эда Филлипса (это был американец, живущий во двореке русской церкви и так сблизившийся со всей русскоязычной общиной Флоренции, что я называла его третья душа русской церкви — первой была Маша Олсуфьева, второй — Нина Харкевич).

В Сиену приезжал Володя Максимов. Это от его имени Андрею позвонил какой-то подонок и сказал, что я умерла (знала и учитывала КГБшная свора всех, кто меня навещал в больнице). И был там один эпизод, который для россиян прошел бы незамеченным, но поразил итальянцев. Приехали меня навестить Володя и Надя Лумельские, ждавшие в Риме визы в США. Я хотела, чтобы они переночевали в гостинице, но оказалось, что в городе праздник — День Святой Екатерины (покровительницы этого города?). По моей просьбе Ира Строцци обзвонила все гостиницы и даже монастыри. Мест не было. И тогда я попросила сестру Беатриче (монашку), которая была ко мне приставлена, постелить им у меня в палате на диване. До этого на нем ночевали то Нина, то Маша. Но тут был такой переполох — мужчина в комнате сеньоры! — что потом об этой ночевке говорил не один день весь персонал клиники «Salus». В клинике я получила телеграмму, что Таня родила Анечку. Теперь таинство того, кто родится, пропало, и ультразвуковое обследование уже в первой половине бере-

менности говорит, кого ждать. А тогда вопрос «кто будет?» оставался без ответа до первого крика новорожденного. Это было очень радостно, потому что ее папа и мама, и все мы хотели девочку и, в отличие от Моти, у которого целый месяц после рождения не было имени, тут мы знали — она Анна.

Все это время, хоть иногда и с перебоями, была телефонная связь с Москвой. И в эти дни я наконец получила первые письма от Андрея.

«7 сентября (точней 8-го, 2 часа ночи). Милая моя Люсинька! Получили от тебя две весточки с дороги, потом из Парижа от Пай³, и сегодня из Флоренции с «Давидом» на площади Синьории, а также пришли твои телеграммы Тане и нам. Вчера говорил с Машей и надеюсь в среду позвонить прямо тебе. Итак, Таня родила, у тебя прошла операция, и вроде — хорошо. Наконец, могу начать писать тебе — до сих пор удерживало какое-то суеверное чувство. Кроме сегодняшнего дня, по утрам гуляю с Мотей в сквере напротив. Он улыбочив и в то же время соблюдает достоинство, солидность. Стал хорошо играть в футбол. Дома крутит приемник, много играет и рисует сам. Сегодня нарисовал «маму» и «Ану» — нечто вроде ворот и закорючку. Пришел из больницы со зверским аппетитом (Руфь Григорьевна вспоминает Алешу после

³ Домашнее имя жены Альфреда Френдли.

Морозовской⁴). Но этот аппетит, видимо, его подвел — вчера он переел винограда, сегодня весь день болел животик, и поднялась температурка до 37,2—37,3. Врач⁵, посланная Машей⁶ и одобренная Верой Федоровной, сделала ему клизму. Но и вообще он еще не вполне здоров, по вечерам 37,1—37,2 каждый вечер. Надеюсь, что это «просто так» и пройдет само. Таня на какое-то время задерживается в роддоме, так как у нее инфильтрат от инъекций фолликулина. Конечно, все это неприятно. (Завтра после трех дней отпуска на работу выходит Люся Меднис⁷ и обещает принять энергичные меры).

Рема дважды видел девочку — Таня на первом этаже и показывала в окно. Рема застенчиво улыбается и говорит — очень смешная, нос, как у Таньки, глаза голубые, подбородок, как у него. Девушка закричала сразу при рождении, сосет хорошо — 6 раз в день. Я все эти дни под впечатлением твоей операции (как и Руфь

⁴ У Алеши в детстве был тяжелый ревмокардит, и он неоднократно лежал в больнице и месяцами находился в детских кардиологических санаториях.

⁵ Лена, жена Марка Дейча.

⁶ М. Г. Подъяпольская.

⁷ Людмила Меднис, врач, жена моего школьного друга Шуры Медниса, под присмотром которой Таня рожала, и по моей договоренности должна была, как я предполагала, рожать Люба. Трехдневный отпуск у нее был в связи со свадьбой дочери.

Григорьевна). Но отличие ситуации от ленинградской полтора года назад настраивает меня на более спокойный лад, которого не смогло даже нарушить известное тебе от Володи и Маши ложное подлое сообщение (я сразу догадался, кто автор). Я все время воображаю, как ты лежишь (до вчерашнего дня с повязкой) и думаешь, думаешь. Скучаю, конечно, как и ты, — ужасно. Известие от Маши, что следующая операция возможна не раньше, чем через 6 месяцев, ставит в тупик. Но пока, я думаю, не надо даже в уме предрешать способ действий, уже через месяц тебе будет многое видней. Квартирные дела висят в воздухе. Правда, приехавший на днях Михаил Александрович⁸ обещает свою поддержку, и я надеюсь... (я — оптимист). Сегодня были Алеша и Оля, оба худые. Алеша 9-го кончает свою работу, от картошки его со скрипом, к счастью, освободили. Он говорит, что, если я буду учиться водить машину, чтобы имел в виду и его. 9-го впервые в этом году иду на семинар. Руфь Григорьевна на ногах, хлопчет возле Моти, ночью встает несколько раз, пуще всего боится, как бы не забрала Томар⁹. (Та все время об этом говорит со всеми последствиями.) Пришло приглашение (мне и тебе) на юбилей АН в конверте с золотой каемочкой. Между прочим, в Ленинград я не поеду, хватит с меня и московских

⁸ Академик М. А. Леонтович.

⁹ Томар Самойловна Фейгин, мать Ефрема.

церемоний — увы, без тебя. Мои медицинские дела вроде улучшаются. Профессор Сыркин снял все лекарства, кроме сустава 2+2, и разрешил большую активность, болей нет. Марина поступила в английскую школу, у Любы миозит, Юра в очень возбужденном состоянии — вот, кажется, и все новости. Завтра вместе с этим письмом посылаю пятую бандероль с «Беломором» — эти визиты на почту создают иллюзию какого-то участия в твоих делах. Очень хорошо, что вокруг тебя много друзей. Между прочим, Маша сказала, что Юра [Меклер] читает тебе Лермонтова. Я очень рад. Когда ты приедешь, надо как-то ухитриться разбавить «безумную» жизнь обыкновенной, человеческой, мы имеем на это право. Мотя и Аня (если ребята не передумают с именем) помогут нам в этом. Я так мечтаю об этом всем, о наших с тобой поездках, о выходах в концерт, кино, ЦДЛ и т. п. Кончая письмо, волнуясь. Целую тебя. Твой Андрей.

P.S. от 8 сент. Сегодня были с Руфь Григорьевной у Тани. Завтра ее выписывают, инфильтрат рассасывается. Она худая, оживленная, была очень рада. Показала в окно Аню (это имя окончательное). Мы с Руфь Григорьевной независимо решили, что девочка — боннэровская по общему типу лица, хотя есть черты от папы (цвет глаз, подбородок) и нос, как у мамы (это еще не совсем ясно). Девочка хмурилась и щурилась на свет, вела себя очень мило. Волосики совсем темные. Только что звонил

Боря Биргер, передает поздравления от себя и Наташи. У Моти днем 37,2, живот еще не совсем в порядке, но он ходит по дому, вытянул чемоданчик с фотографиями и с восторгом их перебирал. Конечно, всех узнает, а себя как-то называет — передать затрудняюсь. Маша сказала звонить тебе не раньше среды, но сегодня позвонила Нина и сказала, ты уже ждешь. Заказал на сегодня. Целую тебя. И чтоб все было хорошо!

P.S.2 Завтра вторая примерка костюмов и пальто¹⁰ — на той неделе еще не были готовы. Доверенность твоя еще мне не понадобилась — странно. Приветы тебе передают Райские, Евгений Львович и еще очень многие».

«Милая моя Люсенька!... Не хотелось писать о сегодняшнем, тем более что письма идут долго и есть более быстрая связь. Я, было, весь задрожал, когда позвонил какой-то подонок “от Володи”... но через минуту понял, чьих рук дело. А вскоре через Альфреда¹¹ поступило подтверждение моей догадки. Какая все же подлость.

¹⁰ За несколько дней до отъезда в Италию я после небольшого семейного скандала добилась согласия Андрея заказать в ателье Академии наук два костюма и пальто. Стоило это несколько дороже, чем в ателье для обычных граждан, но считалось, что там лучше шьют. Однако на поверку оказалось — хуже.

Итак, Таня родила дочку, Матюша дома, у тебя прошла операция. Роды Любы и Оли все же еще не скоро, надеюсь, письмо дойдет раньше. Девочка закричала сразу же при рождении, она не переносная, глазки голубые. Таня говорит, что она не такая красивая, как Мотинька».

«Милая моя! Посылаю проекты “Выступления” и к “Читателям”¹² и копии посланных Валерию двух писем (одно для него, другое для Грина¹³). Прилагаю также список замеченных мною (при беглом просмотре) опечаток в напечатанном русском тексте Хроника-Пресс¹⁴. Ты, конечно, можешь исправлять проекты, это у тебя всегда прекрасно получается. У нас сегодня, 16 сент., все в порядке. Р. Г. опять приступила к хозяйству после 2 дней болезни, конечно, она еще не вполне вернулась в свою «норму». До Саши Верного не мог дозвониться,

¹¹ Альфред Френдли, американский журналист.

¹² Эту записку привез корреспондент Паоло Гаримберти вместе с проектами выступления на 1-м Сахаровском чтении и Обращения к читателям книги «О стране и мире» для предстоящей ее презентации, которую я проводила во Флоренции.

¹³ Письма о копирайт (см. ниже комментарии к письмам Жореса Медведева).

¹⁴ Речь о книге «О стране и мире», экземпляры которой я переслала с одним из корреспондентов.

так что о Любе ничего не знаю нового и поговорить о возможной помощи¹⁵ не мог. Целую тебя. Твой Андрей».

Пять недель после операции я жила внутренне очень спокойно. Операция прошла хорошо. Из Москвы шли письма — тоже спокойные, пронизанные радостью появления у Тани в семье второго младенца. Писал мне в основном Андрей, и письма по почте приходили нормально — через 5—6 дней. А иногда Андрей посылал их с оказией, и тогда я получала их на второй-третий день. А еще Андрей регулярно посылал мне «Беломор» (я тогда не курила сигарет) и наш советский краснодарский чай. Он очень полубился всем моим итальянским друзьям. Иногда мне удавалось прозвониться в Москву. А иногда и Андрей дозванивался до меня. Я со своим почти полным незнанием итальянского языка смогла (не без помощи Нины) подружиться со старшим оператором смены на международной телефонной службе Италии. Это был молодой коммунист синьор Кальвани. И при его содействии, хоть и нерегулярно, но осуществлялась телефонная связь. Когда перед моим от-

¹⁵ Я в телефонном разговоре напомнила ему, что он должен договориться с Любой, чтобы она рожала под присмотром рекомендованного мной врача Л. Меднис.

летом из Италии в Норвегию начались сложности с советским посольством и связь перестали давать, он в знак протеста, что не дают разговаривать мужу с женой, вышел из компартии.

После 20 сентября мои доктора отпустили меня на вольную жизнь. А в октябре, когда в глазу все заживет, мне предстояло обучение пользованием линзами (так и не научилась) и подбор очков. Из Израиля, еще когда я лежала в клинике, прилетел Юра Меклер, и мне невероятно повезло, что он (а не какие-нибудь профессиональные гиды) показывал мне Италию. Наверное, наш маршрут был не самым оптимальным. Но успели мы очень много. На севере итальянского сапожка была Венеция. В центре — Равенна, Пиза и Лукка. На юге — Неаполь и Помпеи. Когда мы с Юрой вернулись из Помпеи, смотрительница в гостинице, глядя на мои ноги, до колен покрытые серой пылью, сказала: «Повдер Антика» (античная пыль). И в последний день нашего путешествия мы были в Ассизи. Попали мы туда в престольный праздник. Ни в одной гостинице не было мест, и нас пустили ночевать в монастырь святой Клары — духовной подруги Франциска Ассизского и покровительницы зрения. А вечером 1 октября мы, с ног до головы осыпанные уже не античной, а просто дорожной пылью (путешествовали мы по самому низкому тарифу), вернулись во Флоренцию к Нине.

Второго октября я провела в доме Маши Олсуфьевой и ее мужа Марко Михаеллеса большую пресс-конференцию, посвященную выходу в свет в Италии и в США (в других странах несколько позже) книги Сахарова «О стране и мире». Она была столь интернациональна, что потребовались три переводчика. Маша переводила на итальянский язык, Нина на немецкий, а Куки (дочь Маши) на английский.

Эта пресс-конференция привлекла большое внимание. Наши норвежские друзья (в частности, Виктор Спарре, который был на ней и потом рассказал о ней председателю Нобелевского комитета Норвежского Стортинга Аасе Лионас) говорили, что она имела значение для решения Комитета о премии 1975 года. Оно было не единогласным. Но я не знала тогда, как не знаю и теперь, как персонально голосовали члены Комитета. Но знала, что против кандидатуры Сахарова два года активно работало посольство СССР в Норвегии, наверно, было и еще какое-то давление на очень высоком уровне.

Я также знала, что осенью 1974 года в Осло в Нобелевском институте выступал Жорес Медведев и выражал сомнения в правомерности присуждения премии Мира Андрею Сахарову — в Москве в самиздате ходили материалы об ответе Солженицына на это выступление Медведева. И в 1975 году, как и в 1974-м, я не думала, что кандидатура Сахарова рассматривается серьезно. Знала толь-

ко, что в третий или четвертый раз он внесен в список кандидатов, которых, кажется, в этот год было несколько десятков. Но не в первый раз думала про Медведева, ну что это он так суетится?

Сообщение из Осло о присуждении 9 октября Нобелевской премии Мира за 1975 год Андрею Сахарову и телеграмма в Москву Андрею за подписью Аасе Лионас и Тима Грече были отправлены в 16.58. По радио и на ТВ это сообщение прозвучало вскоре после 5 часов вечера. К оптику, у которого я сидела и примеривала линзы, позвонила Нина и сообщила мне об этом. Она сказала, что у подъезда дома толпа корреспондентов, и они требуют немедленной пресс-конференции. Мы решили, что она пошлет их в русскую церковь, туда же приедут она и Маша, и там во дворе мы проведем встречу с прессой. Я сразу пошла на телеграф и дала телеграмму в Москву: *«Милый поздравляю тебя всех друзей целую твоя Люся»*. На телеграмме время отправки — 18.00). Потом, взяв такси, поехала в церковь. Пресс-конференция началась в 18.15.

Андрея это известие застало у Юры Тувина. Они с мамой поехали к нему на яблочный пирог. Туда Копелев, Войнович и приятель Войновича привезли корреспондентов. Так получилось, что наши пресс-конференции совпали и по времени (учиты-

вая 2 часа разницы между Москвой и Флоренцией), и по содержанию. Лев Копелев записал, что говорил Андрей и поставил время 8 часов 15 минут.

«Я надеюсь, что это будет хорошо для политзаключенных в нашей стране. Надеюсь, что это поддержит ту борьбу за права человека, в которой я принимаю участие. Я считаю присуждение премии не столько признанием моих заслуг, сколько заслуг всех тех, кто борется за права человека, за гласность, за свободу убеждений, и в особенности тех, кто заплатил за это такой дорогой ценой, как лишение свободы. Я надеюсь, что сейчас — в период разрядки, присуждение этой премии человеку, который не полностью разделяет официальную точку зрения, не будет рассматриваться как вызов этой официальной позиции, а будет воспринят как проявление духа терпимости и широты, того духа, который должен составлять неперемennую часть процесса разрядки. В последние месяцы, исходя именно из этой точки зрения, я неоднократно призывал к амнистии политзаключенных, и сейчас, узнав о присуждении мне Нобелевской премии Мира, я хочу еще раз повторить этот призыв. И разумеется, я испытываю чувство большой благодарности к норвежскому парламенту».

Телеграмма из Москвы 10 октября (черновик)
«Nobel committee Oslo Norway

Благодарю за присуждение мне Нобелевской премии Мира Надеюсь что это поможет отстаивать права человека в нашей стране Андрей Сахаров».

Так началась наша «нобелевская страда» — у Андрея в Москве, у меня в Италии. Поздравления, на которые нельзя не отвечать, телефонные и личные интервью, пресс-конференции, заявления, на порядок увеличившееся число посещений знакомых и незнакомых людей.

Письмо без даты, но, видимо, 12 или 13 октября: «Милая Люсенка! Посылаю тебе эту записочку через двух очень хороших американок¹⁶, они много нам помогают и хотели бы тебя увидеть. Я сегодня получил от тебя письмо очень хорошее, написанное вскоре после выезда из больницы (на мерседесе), мне стало так тепло на душе, когда я читал его. И стыдно, что я за два месяца из-за неорганизованности, и из-за того, что телефон всегда оказывается гораздо быстрее, написал только одно — в начале сентября. Сейчас у меня, как и тебя, форменное столпотворение, не наделать бы глупостей (мне). Ты у меня умница. Тебя мы все с удовольствием слушали, твое интервью. Все сказали, что оно очень хорошее. Скоро наш пятилетний юбилей, 20 октября¹⁷. Пять лет настоящей жизни. Я очень тебя люблю, очень тебе благодарен.

¹⁶ Сельма Лайт и Регина Бублил (Вальдман) — Калифорнийская еврейская организация.

¹⁷ Встреча в 1970 году в Калуге на суде Пименова и Вайля.

У нас все хорошо в семье. Аня умная девочка. Мотя вообще-то избаловался немного, но к Ане относится с гордостью, всем ее показывает и волнуется, когда она плачет, часто сам сует ей бутылочку. Оля еще в больнице, в среду должна выйти с дочкой¹⁸. Плохо с Лидой Финкельштейн, у нее почти наверное самое худшее, гинекологическая онкология, ее переводят из 67 больницы в Институт Герцена. Целую тебя. Очень скучаю. Твой Андрей.

P.S. Мы с Алешей учимся водить машину».

Я упорно настаивала на том, что Андрей должен получить водительские права. Когда Андрей получил в подарок от государства ЗИМ, у него появилась такая мысль. Но толпа доброжелателей уговорила его, что он к этому не способен, ему будет трудно, и это ему не нужно, так как всегда есть (и будет) казенный водитель. Меня такой подход возмущал. Но действительно, когда начались занятия с инструктором, Андрей проявил не очень большие способности. Ему пришлось взять вместо обязательных 24 часов вождения 86. (На подго-

¹⁸ Телеграмма о рождении Кати пришла 6-го вечером. Мы были всей компанией в ресторане около почты, и с почты нам принесли ее прямо туда, а сотрудники ресторана передали нам вместе с тортом, который у итальянцев называется «Дольче ля Нонна» — сладкое для бабушки.

товку, соответственно, ушло больше времени и денег — и все.) Но водил он после этого до конца жизни без серьезных происшествий. Однажды инструктор в отсутствие Андрея спросил у моей мамы: «Это ваш сын?» — «Нет — зять». — «Ну тогда скажу. Очень тупой человек, вот мальчик ничего, способный, а зять ваш — тупой». Мы потом долго смеялись над этой оценкой Андрея.

Когда чуть схлынуло напряжение первых дней, в которые интервью и пресс-конференции следовали одна за другой, и я с трудом выкраивала время для продолжения своих оптических упражнений, Маша передала мне два письма. Одно было от Николаса Бетелла. Он присутствовал на пресс-конференции 2 октября и опубликовал о ней большую статью в Лондоне. В это письмо была вложена копия письма к нему от Жореса Медведева — его реакция на статью Бетелла, — и Николас просил Машу ознакомить меня с ним. Адресатом второго письма, которое было также от Жореса, была сама Маша. Оно было написано значительно раньше, и она получила его еще до моего приезда в Италию.

В письме Бетеллу Жорес сомневался в правдивости того, что я говорила на пресс-конференции. Утверждал, что я все преувеличиваю — и тяжесть положения заключенных в лагерях, и усиление преследований по политическим мотивам, и продол-

жающиеся психиатрические репрессии, и особенно сложности нашей жизни. Он писал:

«Телефонная часть также преувеличена. Во всяком случае, Чалидзе часто и свободно говорит с ним — Сахаровым из США и получает заявления по телефону. Я также говорил с ним менее чем год назад. Думаю, и сейчас соединят. Можете попробовать (лучше вечером или в субботу). Я звонил ему как раз в период его голодовки, и не было помех. Сам Сахаров прикреплен к кремлевской клинике и больнице, и в периоды нездоровья ему не имеют права отказать ни в этой больнице, ни в академической. К этим же больницам прикреплена и Сахарова. Я не думаю, что ее отказались бы лечить в этих клиниках. Она в основном говорит о своих попытках «частного» лечения, т. к. не доверяет официальному. Ее внук, насколько мне известно, был болен ангиной — и я вряд ли поверил бы в то, что его кто-то хотел отравить. Случаев подобного рода не было ни с кем».

Второе письмо Маша передала мне с некоторым смущением. Мне показалось, что ей неприятна дружеская тональность письма, которую, как она сказала, она ничем не заслужила. Один раз ее пригласили переводить какое-то выступление Жореса, что она профессионально и сделала. А не показывала она мне это письмо раньше, потому что ей не хотелось меня огорчать. Собственно, письмо небольшое — около страницы, там что-то о статье в «Unita», о гонораре Дудинцева и о легком отдыхе супругов Медведевых.

Но в нем есть пространный постскриптум, ради которого, видимо, оно и было написано:

«Повидимому, (так в письме — Е. Б.) жена Сахарова должна скоро приехать в Италию. Если она захочет мне позвонить (в чем я сомневаюсь), то мой домашний телефон Лондон 9597968. Она уже два раза покупала билет и должна была лететь, но откладывала из-за болезни внука и дочери. Возможно, она вообще боится этой поездки и операции. У нее, кроме всего прочего, гипертиреоз и потому сильная возбудимость и некоторая истеричность. Если она будет жить у вас, то вам будет не очень легко. У них есть довольно большая сумма в США — порядка 40 тысяч долларов — гонорары за прежние издания и за книгу “Sakharov speaks”, а с авансом за новую книгу, очевидно, эта сумма еще возросла. Поэтому она сможет все расходы оплачивать из собственных средств. Это я сообщаю Вам просто для того, чтобы Вы по русской “доброте не относились к ней как к бедному диссиденту” (я так и не поняла, почему эти слова взяты в кавычки! — Е. Б.) и были готовы к разным капризам и т. п. при ее весьма тяжелом характере. Сообщения о том, что она почти ослепла, сильно преувеличены — во всяком случае в театры она ходит и красоту Флоренции сможет оценить вполне. С приветом. Ваш Жорес. 15 августа 1975».

Прочитав эти письма, я сгоряча хотела на них ответить, но скоро остыла, поняв, что это бессмысленно. Что писать? Ну были мы один раз за последние полгода в театре. Кажется, Володя Войнович

принес билеты от Радзинского с приглашением прийти на премьеру его пьесы «Сократ». Так какое Жоресу до этого дело? И до моего характера, видел меня дважды в жизни и ни разу со мной не говорил? Зачем он изучает мою историю болезни? Щитовидка полтора года как удалена и у меня скорей гипотиреоз, чем гипер. Послать ему копию официальной справки из больницы, в которой сказано, что у Моти был судорожный статус неясной этиологии? Или копию письма в издательство Кнопф, в котором Андрей писал, что он передает им право публикации без всяких условий? Это письмо я сама переправила в США вместе с рукописью. Или послать копию чека на 5000 долларов, который мне привез в Италию Боб Бернштейн — это были тогда все гонорары?

Я должна была уезжать в Италию 6 августа (не уехала из-за болезни Моти). Накануне мы делали какие-то покупки в магазине подарков на Кутузовском проспекте. На улице встретили Альфреда Френдли. И Андрей сказал ему, что рукопись книги «О стране и мире» уже в США, и он надеется на скорую публикацию. Альфред спросил, был ли заключен договор. И Андрей сказал, что нет. На это Альфред сказал, что это большая глупость и что он советует написать другое письмо. Это другое письмо Андрей написал в тот же день, и оно датировано 5 августа. В нем Андрей просил считать предыдущее письмо ошибкой и выплатить ему гонорар «в соот-

ветствии с обычными в их финансовой практике нормами». Но когда Медведев делал свои (свои или КГБ?) расчеты, оно еще не достигло издательства.

Как бы ни относиться к выступлениям Жореса Медведева осенью 1974 года в Норвегии (или в Швеции?) о правомерности присуждения премии Мира Андрею Сахарову, но это все-таки была дискуссия общественного характера. А эти письма демонстрировали осведомленность в наших частных семейных (в том числе и финансовых) делах, которая обычно свойственна сыскным органам — неважно, что сведения преподносились нарочито ложные. Все это на другой день мне стало уже неинтересно. Интересно было бы узнать, откуда Жорес брал эти свои, так сказать, сведения, но возможностей для этого у меня не было.

Когда, вернувшись в Москву, я показала эти письма Андрею, он сказал, что упоминание о том, что у Моти была ангина, только подтверждает его уверенность, что ребенка пытались отравить. И Жорес говорит неправду, что он звонил Андрею во время летней голодовки 1974 года. А потом еще добавил, что Жорес прекрасно знал, что Андрея отлучили от кремлевской медицины после того, как он вступился в 1970 году за него — Жореса Медведева, помещенного тогда в психиатрическую больницу. И еще показал мне открытку от Жореса, отправленную из Лондона после письма Маше

в августе и Николасу в октябре, но уже после присуждения премии Мира.

«Дорогой Андрей Дмитриевич! Сердечно поздравляю с присуждением премии. Желаю здоровья и бодрости и всего лучшего. Привет всем друзьям. Ваш Жорес Медведев».

Вот такой круговорот даже не знаю чего — этической глухоты? Какой-то глубокой корково-подкорковой патологии? Или верности службе (добровольному прислуживанию?) в органах?

Я так подробно описала эту эпистолярную историю потому, что она стала началом многолетней желто-оранжевой клеветы обо мне в советской и постсоветской прессе. В данном случае Жорес Медведев оказался действительно основоположником.

В той же книге братьев Медведевых «Два пророка» (о Солженицыне и Сахарове), на которую я ссылалась в связи с письмами Жореса Медведева 1973 года, Рой Медведев пишет:

«О жизни А. Д. Сахарова в квартире на улице Чкалова есть много воспоминаний людей, которые бывали здесь гораздо чаще, чем я. Мне приходилось позднее читать восторженные отзывы по поводу скромности и неприязнательности Сахарова, которого телефонные звонки будили подчас в шесть часов утра, который подогревал огурцы и помидоры на крышке чайника. После ухода гостей Сахаров сам мыл или, верней, перемывал всю посуду. Я тоже видел все это. Но у меня подобные картины

вызывали лишь сожаление. Просто Сахарову был нужен нормальный горячий ужин, а есть из грязных тарелок он не мог. Елена Георгиевна Боннэр обладала многими достоинствами как подруга и соратник Сахарова, но ее трудно было назвать спокойной и мягкой женщиной, внимательной женой и хорошей хозяйкой. Даже ее дочь Татьяна иногда при гостях разговаривала с академиком с раздражением, а то и грубо. Елена Георгиевна принимала живое участие во всех моих разговорах с Сахаровым, причем была обычно более активна, чем он сам, не останавливаясь и перед весьма резкими выражениями. В этих случаях Сахаров лишь нежно уговаривал свою жену "Успокойся, успокойся". Елена Георгиевна крайне неприязненно говорила о Валерии Чалидзе, и в этом проглядывала явная ревность. Комитет прав человека еще работал, а Сахаров был просто очень привязан к Валерию, который в новый дом академика на улице Чкалова не приезжал. Это привело вскоре к публичному конфликту, о котором Сахаров позднее очень сожалел. В конце 1972 года Андрей Дмитриевич дважды вместе с женой приезжал ко мне домой, чтобы познакомить меня с тем или иным документом, в частности с обращением к Верховному Совету СССР об отмене смертной казни*.

Не вижу, чем это (несмотря на реверансы про подругу и соратницу) отличается от писаний Н. Н. Яковлева, получившего за свой труд пощечину лично от Андрея Дмитриевича Сахарова. Я видела Р. Медведева три раза в жизни (не считая ТВ).

Первый раз на дне рождения Андрея Дмитриевича в 1971 году (см. выше). Второй раз, придя с работы, застала у себя дома на кухне разговаривающим с Андреем. Я в разговоре участия не принимала, кажется, сразу ушла в комнаты. В третий раз у него дома летом 1972 года, когда мы собирали подписи. Ни о Чалидзе, ни о ком другом с ним ни разу не говорила. А какая я жена и хозяйка, и чистые ли у меня чашки и кастрюли, хорошая ли я кухарка, судить только мужу (или тем, «которые бывали здесь гораздо чаще»). И при чем в этом тексте моя дочь, которая вообще никогда с ним не встречалась?

Когда мне недавно сказали, что есть идея поставить в Москве памятник советской интеллигенции, потом несколько изменили идею на памятник советским диссидентам (потом опять вернулись к интеллигенции), я подумала, что это значит и братьям Медведевым? (И другим иже с ними?) Нет! Как не может быть коллективной ответственности, так не должно быть коллективного памятника. Лучше не надо памятников вообще.

* * *

20 октября Андрей подал документы в ОВИР для поездки в Осло. Он был почти уверен, что не получит разрешения, но считал этот шаг необходимым проявлением уважения к решению Нобе-

левского комитета. В начале ноября по итальянскому ТВ прошло сообщение со ссылкой на Виктора Луи, что Сахаров получит разрешение на поездку. Я, кажется, впервые в жизни поверила — наверно, очень хотелось. Была я в тот день в Риме и с помощью Лии Вайнштейн пошла заказывать Андрею смокинг. Многие берут напрокат, но мне хотелось, чтобы у него был свой. А 14 ноября его вызвали в ОБИР и сообщили об отказе. И мы с Лией снова пошли к мастеру просить, если нельзя отменить заказ, то вместо смокинга сшить мне костюм. Так возник костюм, в котором я потом представляла Андрея на Нобелевской церемонии. Потом я отдала его Тане, когда она в 1977 году покидала Россию. И советские таможенники залили вещи в ее чемодане, в том числе и этот костюм, несмываемой красной, имитирующей кровь краской. Вот такая была побочная маленькая эпопея.

Андрей считал, что Нобелевская церемония, несмотря на то, что ему не дали визы, все равно должна состояться и что представлять на ней его буду я. Я была с ним согласна. Он сообщил о своем решении в Нобелевский комитет, и комитет в своем пресс-релизе объявил о нем. После этого сообщения российские газеты, в которых шла оголтелая антисахаровская кампания, переключились на меня. В газете «Труд» появился фельетон «Хроника великосветской жизни».

Советское посольство в Италии тоже зашевелилось. Пока я была в Риме, к Нине домой неожиданно пришел некто Пахомов¹⁹ и попросил у нее мой паспорт. На что он рассчитывал? На то, что Нина, итальянка по рождению, не ориентирована в том, что происходит в СССР? Рассчитывал на испуг, не учитывая, что Нина хоть и человек русский, но не советский? Нина попросила его оставить ее дом, так как она его не приглашала, но как бы вскользь заметила, что сеньора Боннэр очень заботливо относится к своему паспорту и держит его в банке. А после его ухода поехала в банк Стенхойзлина (ее банк в течение всех послевоенных лет) и действительно оставила там на хранение мой паспорт. Только, защитив так паспорт, она позвонила мне — я жила в Риме у сестры Маши Аси Бузири-Вичи.

Через день или два тот же Пахомов позвонил к Нине и попросил к телефону меня. Нина сказала, что меня нет во Флоренции. Он сказал, что должен со мной переговорить, и спросил мой телефон. Нина ответила, что давать мой телефон она не уполномочена, но, если он скажет, куда ему позвонить, она мне передаст его телефон. Я позвонила, но не в тот же день, а на следующий. Он попросил меня немедленно прийти в консульство. Я сказала, что

¹⁹ Консул консульского отдела посольства СССР в Италии.

могу прийти не раньше чем завтра, сегодня я занята. Я считала (и продолжаю считать), что, если есть возможность, КГБ надо дать немного остыть.

К этому дню в газетах уже появилось сообщение о его бесцеремонном визите к Нине. Я пришла с одним корреспондентом и с одним из своих друзей. На проходной у меня попросили паспорт. Я сказала, что его у меня нет. Дежурный позвонил куда-то и передал мне трубку. На проводе опять был Пахомов. Он попытался меня стращать итальянской полицией, сказал что сообщит, что я путешествую по стране без документов. Я сказала — нет, с документом. У меня есть соджорно²⁰ и, если он хочет меня видеть, то пусть сочтет этот документ достаточным для нашего свидания. Так я оказалась на территории посольства и в его кабинете.

Разговор наш был малосодержательным. Он показал на стопу советских газет, лежащих на его столе. Спросил, знаю ли я, что обо мне пишут. Я ответила, что меня не интересует, что пишут ваши газеты. Он ухватился за слово ВАШИ и сказал, что я, значит, уже не чувствую себя советским человеком. Я ответила, что советским человеком я давным-давно себя не чувствую, но это не значит,

²⁰ Соджорно — документ с фотографией предъявителя, выдаваемый итальянской квестурой (МВД) на право временного проживания в Италии.

что я думаю жить в какой-нибудь другой стране. Потом он спросил, собираюсь ли я в Норвегию. Я ответила — конечно. Больше из разговора я ничего не помню. Но у меня сложилось впечатление, что вся эта история с паспортом была попыткой испугать меня и тем самым изменить решение Андрея. Утром о моем визите в консульство сообщили все итальянские газеты. Больше в этот приезд в Италию Пахомов в контакт со мной не входил.

А я в этот же вечер рассказала всю эту историю Андрею. Я не знала, что дома в связи с решением Андрея поручить мне участие в Нобелевской церемонии шли жестокие споры. И не представляла, что мой рассказ еще более их обострит. Через день я вернулась во Флоренцию. Неожиданно поздним вечером Андрей позвонил мне и каким-то тусклым голосом сказал, что он передумал и не хочет, чтобы я ехала в Норвегию. Я поняла, что дома что-то произошло, и единственно что сказала: «По-моему, ты не прав. Но решать тебе, и я не хочу тебя уговаривать». Нина из своей комнаты слышала наш разговор и по тому, что он был необычно коротким, и по моему голосу поняла, что произошло что-то серьезное. Я пересказала ей разговор, и мы еще долго, прежде чем уснуть, гадали, что же там случилось? В пятом часу утра меня разбудил телефонный звонок. И Андрей, явно волнуясь, стал говорить: «Люсенька, прости меня, я был не прав и чуть не совер-

шил непростительную ошибку. Ты должна ехать, и завтра я тебе все напишу».

Через день корреспондентка одной из итальянских газет привезла мне письма от Андрея и от мамы. Эти два письма настолько разительно отличались, что, если б не было последнего ночного разговора с Андреем, я не знала бы вообще, что я должна делать. Первым я прочла письмо мамы:

«19 ноября.

Люся! «Ленты, кружева, ботинки, что угодно для души» — твои подарки прелестны и могли бы порадовать всех твоих чад, если бы не души, полные тревог и боли из-за перевернутых жизней твоих детей и нежелания учитывать их подлинные интересы. Подумай, что ты им готовишь в будущем и весьма близком. Мы живем плохо. Помимо созданных вами обоими тревог, я и Таня с детьми безвыездно на даче вдвоем. У Тани катастрофическое состояние рук (правая рука с повязками на трех пальцах), доктор звонит и настаивает на лечении, грозит «ужасными последствиями». Выезд даже на амбулаторное лечение труден, даже невозможен. Мне не управиться весь день с детьми. Обе квартиры в том же разобранном состоянии, как были при тебе, верней, еще хуже. Когда это терпелось ради твоего лечения, можно было перетерпеть, но во имя чего ты решаешься обрекать своих детей и внуков на длительные горести дальше? Что это — тщеславие, близорукость, жертвенность? На какую победу кого и чего вы рассчитываете и добиваетесь? Что, кроме зловредного бума и шума, и кому это даст? Основная победа

будет испорчена всем этим будущим потоком клеветы и гадостей. Прошу тебя, я и твои дети также, брось всю эту возню и приезжай домой. От меня уже почти ничего не осталось. Я буквально на последнем издыхании, да и А. Д. сильно сдал — живет в городе совершенно беспризорным. У Алеши в семье в связи с вами тоже много недоумения и недовольств. Подумай, подумай. Мы всех, всех и тебя целуем.

Мама»

И письмо Андрея:

«Милая Люсинька! Только что сказал Руфь Григорьевне, что я поручил тебе получение премии. Она сказала, что я поступил подло, что я тешу свое самолюбие и гублю тебя и детей, на которых все обрушится, и что тебя теперь не пустят. Таня и Алеша тоже считают, что этого не следовало делать из соображений скромности и приличия и отчасти — безопасности с твоим возвращением. Но я и сейчас не раскаиваюсь, хотя решение было для меня трудным. В СССР такое решение даст возможность усилить клевету. Но на Западе оно по своему резонансу самое сильное, совершенно естественно (а обратное было бы странным). Кроме того (самое главное), это единственно возможное для меня. Нет человека, который был бы моим вторым я, кроме тебя. Рема на моей стороне²¹. Об опасности, что тебя не пустят после Осло, я не думаю. Я чувствую, какой груз ты на себе несешь все эти недели. И тебе теперь придется еще нести его, и мы еще будем вдали друг от друга. Но такие вещи бывают раз в жизни. И это много

больше, чем самолюбие, все что происходит — какой-то символ. На самом деле, я очень горжусь тобой, я чувствую, что ты очень личность, и по-моему, это чувствуют многие. Но самое главное — все это необходимо не для нас, для всех. Люсинька, милая, очень тебя люблю. Сейчас на даче Анна-Мария, вчера во вторник она привезла кучу вещей²². Глобус, который привез Леви²³, будет украшать дом и еще перейдет к прапра-правнукам как неперемнная часть души дома. И у нас должен быть дом, мы — ты это заслужили. Будет ли покой — другой вопрос, вероятно, нет. Мотя, Аня очень меня радуют. Мотя очень хороший человек, крайне доброжелательный к людям, очень любит меня, по-моему, даже как-то не по-детски. И он умный, тонкий (хотя и безумно упрямый). Он обожает сестру, совсем не ревнует, прижимает ее ножки страстно к щекам

²¹ Ефрем не только пассивно был на стороне Андрея, но фактически со своей железной логикой сумел переубедить. Думаю, без его вмешательства Андрей не принял бы этого решения. А в отношении Тани и Алеши мама несколько преувеличила.

²² Анна-Мария (фамилии не помню), корреспондент одного из итальянских агентств. Почти с каждым знакомым, едущим из Италии в Москву, я посылала какие-нибудь подарки, в основном детские вещи и своим внукам, и окружающим детям.

²³ Леви — корреспондент канадской газеты, который брал у меня интервью во Флоренции. Глобус (модель Коперника) я послала с ним в подарок Андрею.

и целует, говоря с придыханием Анна, Анна!
Стал говорить «Да» на все вопросы и «Ай» (вместо нет).
Надо кончать, Анна-Мария спешит. Целую, целую тебя.
Очень скучаю, все время думаю.

Твой Андрей».

Только получив эти письма, я поняла, как трудно живется без меня моей семье. И как сложно развиваются отношения между моими близкими после присуждения премии. А я об этом как-то не думала прошедшие два месяца. Таня с двумя младенцами на руках — одному два года, и он только что после тяжелой болезни. Другой меньше 2 месяцев. Мама с ее болезнью и почти без сил тоже на Тане. И послеродовое обострение нейродермита, мучившего ее с раннего детства. Рема, разрывающийся между работой, помощью Тане и работой на Андрея — он всегда этим был загружен, но в эти месяцы в этом в какой-то мере подменял и меня. Алеша, у которого учеба, уроки для заработка и жена с новорожденной Катенькой (она родилась 6 октября).

И Андрей с его почти абсолютной уверенностью, что болезнь Моти не была случайностью, с волнениями от угроз Ефрему и терзаниями в связи со странной гибелью Брунова.

Незнакомый человек, дважды приходивший к Андрею и утверждавший, что его преследует КГБ. В день второго визита вечером он погиб под колесами при-

городного поезда. Все попытки Андрея выяснить через следствие, была ли это случайность, ничем не окончились. Но так как подобные случайности (или нет?) были вокруг нас неоднократно, мы не без оснований сомневались в их случайности.

И никакой помощи. Только, когда Андрей и Ефрем в городе, Маня или Циля приносили им какую-нибудь еду — две немолодые больные женщины, совсем не диссиденты. И конечно, для всей семьи неимоверная психологическая нагрузка — газетная кампания, перешедшая с Сахарова на меня, и история с охотой Пахомова за моим паспортом. Безусловно, все это представлялось им реальной угрозой.

А кроме того, я думаю, что Андрей и в силу своих характеристических особенностей, и по каким-то другим обстоятельствам не сумел многого объяснить маме, над которой довлел совсем другой, чем у него, жизненный опыт. Таня и Алеша и в силу воспитания, и жизненной установки противостоять бабушке не могли. А окружающие (в том числе и диссидентское сообщество) пугали рассуждениями, что меня не пустят назад в страну.

Все это я поняла позже, а тогда письмо мамы вызвало у меня раздражение и даже злость, так что мне какое-то время было трудно ей писать и разговаривать с ней по телефону. Мы-то (я и Андрей и, видимо, Ефрем) понимали, что власти не пойдут на создание разделенной семьи Сахарова, но и никог-

да не выпустят Сахарова из страны. Значит, я, находясь на Западе, абсолютно свободна. Но то, что эта свобода на родине обернется потоком клеветы на меня и грязи (тут мама была совершенно права), я понимала всегда, а тогда училась с этим жить.

А вообще вранья вокруг поручения мне представлять Андрея на Нобелевской церемонии было много уже тогда (пущено КГБ или разными Медведевыми и иже с ними). Некоторые байки живы по сей пору. В своей программе «Страсти по Нобелю» Евгений Киселев добавил к ним еще одну, что Сахаров хотел поручить это Александру Галичу, но я вроде как помешала. Однако у Андрея, кроме меня, никого и в мыслях не было, а Галича именно я пригласила быть моим гостем на церемонии в Осло.

Но уже тогда я понимала, что наш случай не аналогичен солженицынскому.

А именно его приводили как пример те люди в диссидентских и околодиссидентских кругах, кто считал неправильным решение Андрея мне представлять его на Нобелевской церемонии. Думаю, Солженицына власти отпустили бы на церемонию и, возможно, потом лишили бы гражданства, но семью к нему выпустили бы. Но, если он не хотел покидать Россию, то его решение не ехать на Нобелевскую церемонию было абсолютно правильным.

Все это было умом понятно и мне, и Андрею. Но это не значит, что сердцем каждый из нас не

ощущал тревоги. Мне кажется, она ощущается и в письме Андрея, которое я привела выше, и в том, как он отменил свое решение, а позже, после очень значимого разговора с Ефремом, вернулся к нему. А ведь всего этого могло не быть, если б наши власти отпустили меня на лечение на полгода раньше. Вот такая судьбоносная ошибка властей (опять так любимое Андреем слово «судьба») привела к тому, что радость от праздника Нобелевской церемонии вместе с нами и нашими близкими ощутили многие тысячи (или миллионы?) людей во всем мире.

У меня сохранился черновик письма Андрея в Нобелевский комитет — без даты и подписи, но с правкой рукой Андрея.

«Нобелевскому Комитету Норвежского парламента
Открытое письмо

Я глубоко благодарен Нобелевскому Комитету за присуждение мне премии Мира 1975 года.

Я считаю своим почетным долгом прибыть в Осло на Нобелевскую церемонию и принять в ней участие. К сожалению, власти моей страны отказали мне в этой поездке, используя в качестве предлога мою осведомленность в военно-государственных секретах. Я продолжаю считать, что положительное решение о поездке весьма важно для подкрепления разрядки, а возможные опасения властей могут быть легко устранены. Но учитывая сложившуюся ситуацию,

я считаю необходимым обратиться к Нобелевскому Комитету со следующим заявлением.

Я поручаю моей жене, Боннэр Елене Георгиевне, представлять меня на церемонии вручения Нобелевской премии Мира 1975 года и прошу Нобелевский Комитет рассматривать ее в качестве моего доверенного лица. На протяжении всех последних лет в значительной мере именно ее самоотверженная поддержка и помощь, зачастую ее инициатива, наше взаимопонимание сделали возможной мою общественную деятельность, ныне удостоенную столь высокой награды.

Я поручаю моей жене разослать приглашения гостям Нобелевской церемонии, проживающим за границей. Со своей стороны я приглашаю принять участие в церемонии глубоко уважаемых мною Валентина Турчина (Москва), Юрия Орлова (Москва), Андрея Твердохлебова (арестован 18 апреля 1975 года, Лефортовский следственный изолятор, Москва), Сергея Ковалева (арестован 27 декабря 1974 года, следственный изолятор, г. Вильнюс).

С глубокой благодарностью и уважением.
Андрей Сахаров».

Через несколько дней я получила письмо от Тима Грeve²⁴. Он писал, что он хотел бы приехать во Флоренцию, чтобы лично познакомиться со мной и рассказать, как проходит Нобелевская церемо-

ния (помимо официального письма, которое я к тому времени уже получила). Наша двухдневная встреча была очень теплой, и быстро отношения стали и доверительными, и дружескими. И такими оставались до ухода Тима из жизни. Перед отъездом Тим признался Нине (мне постеснялся), а она мне со смехом рассказала, что приехал он больше всего потому, что в Осло среди политиков и в журналистских кругах появились всякие неприятные слухи обо мне. Что я истерична, непредсказуема и могу испортить своим поведением регламентированную и довольно строгую Нобелевскую церемонию. Кто был их источником, мне неизвестно.

Андрей послал приглашения всем, кого назвал в своем письме Нобелевскому комитету. А я пригласила Сашу Галича, Володю Максимова, Вику Некрасова, Франтишека Яноуха и Валерия Чалидзе. И по подсказке Валерия пригласила Боба и Эллен Бернстайнов и Джилл и Эда Клайнов. За эту подсказку я благодарна Валерию на всю оставшуюся жизнь. Джилл и Эд с первой встречи в Осло (и по сей день) стали моими и всей моей семьи самыми близкими друзьями. Также моими гостями в Осло были Нина и Маша, мой доктор Ренато Фреззотти и его жена Анджела. К сожалению, Валерий на це-

²⁴ Тим Гreve — секретарь Нобелевского комитета и директор Нобелевского института в Осло.

ремонию в Осло не приехал, но в 1977 году приезжал в Италию, чтобы повидаться. Кроме множества проблем, которые он обсуждал тогда, в основном, с Ефремом, мне запомнилась наша прогулка на понто Веккио и как он был поражен при покупке подарка сестре в Москву тем, что ему как моему другу была сделана во Флоренции основательная скидка.

Накануне вылета в Норвегию итальянский корреспондент, прилетевший из Москвы, передал мне Андрушин текст выступления на Нобелевской церемонии и короткую записку от Андрея, в которой он писал, что текст лекции я получу ТАМ. И записка, и текст были без его подписи, видимо, он опасался, что советская таможня может их отобрать. Текст выступления показался мне вялым и тусклым. Я пошла к Ирине Алексеевне Альберти (ни у кого из моих римских знакомых, кроме нее, не было русской пишущей машинки). Там я писала новый текст и одновременно пыталась дозвониться в Москву, чтобы согласовать его с Андреем, но все мои попытки оказались на этот раз безрезультатными. Это был единственный случай, когда я сама, не получив на то «добро» от Андрея, писала за него. До этого (и потом) я много раз вмешивалась в его тексты, и мы до хрипоты и головной боли спорили, а иногда я писала за него, но всегда согласовывала с ним. А чтобы вот так — самой — это был первый и последний раз в нашей жизни.

В документах Архива Президента СССР (копии — в Архиве Сахарова в Москве) говорится, что этот текст, как и текст Нобелевской лекции, Андрей диктовал мне по телефону и что эти тексты распространялись в самиздате еще до церемонии. Это полная неправда. Вообще, сверяя документы Президентского архива и документы КГБ с теми документами, которые имеются в моем личном архиве, и со своей памятью, я регулярно нахожу неточности и прямую ложь. Когда это проявляется в прессе, то хотя бы есть разумное основание — они обманывают население. Но, если в их собственных, не предназначенных для публикации документах ложь, значит, они обманывают сами себя.

Вечером накануне отлета в Норвегию я пригласила своих итальянских друзей на прощальный ужин в маленький ресторан на одной из самых обаятельных улиц Рима — на виа Джулиа, рядом с домом Аси Бузири-Вичи, у которой я обычно останавливалась. Кроме отлетающих вместе со мной Фреззотти, Маши и Нины, на этом ужине моим гостями были Ася, Ира Альберти, Лия Вайнштейн, Николас Бетелл, Юра Тувин, Элла и Саша Горловы и еще два итальянских друга. Во многом с их помощью я преодолела все пороги и штормы, подстерегавшие меня в эти месяцы, вначале как пациента глазной клиники, а потом — хочу-не хочу (простите высокопарность) на поприще общественного деятеля.

Утром 9 декабря мы вылетели в Осло. На пересадке в Копенгагене я купила Андрею часы, которые он носил много лет, и безумно дорогую булавку для галстука от Картье, которую он почти не носил — стеснялся, хотя неоднократно до этого говорил, что мечтает о булавке. Он называл ее как в старину на немецкий манер «кровать-галстух». И в Горьком на его 60-летие я купила ему другую — попроще. И в Копенгагене к нашей компании присоединился Мэлиб (Мелик) Агурский, летевший на церемонию от одной из израильских газет. Странное его имя — отражение времени рождения (20-е годы) — означает Маркс, Энгельс, Либкнехт. Почему в нем не оказалось Ленина — не знаю.

Прилетели мы в 4 часа дня. Встречали нас — меня — Аасе Лионас, Тим Греве и толпа корреспондентов. В аэропорту была первая пресс-конференция. Потом отель. По традиции лауреат (а в данном случае я) и его гости живут в Гранд-отеле. Лауреат всегда в одном и том же трехкомнатном номере. Все расходы по пребыванию лауреата оплачивает Нобелевский комитет, но дорогу в Осло лауреат должен оплатить сам. Прилет и пребывание гостей в Гранд-отеле оплачивает лауреат или они сами. Но это я знала еще во Флоренции из официального письма комитета, в котором все это очень скрупулезно описано.

В моем случае за себя платили Клайны и Бернстайны и, кажется, Яноух.

Я очень волновалась, что у меня на руках нет лекции. Тим сказал, что я получу ее вечером после обеда, который дает для меня (без моих гостей) Нобелевский комитет.

Обед был в 7 часов вечера. Что ела, не помню. Ужасно смуцало и вызывало напряжение, что переводчик сидел не за столом, а сзади меня. Это было в моей жизни впервые. Казалось — он голоден. Потом попривыкла к тому, что на таких обедах всегда так. Разглядывала почти до неприличия членов комитета, стараясь угадать, кто из них голосовал за Андрея, а кто против. Разгадать не могла. Все были приветливы, улыбки, весело говорили о предстоящей церемонии. И хотя Аасе и Тим говорили о том же, но от них двоих я ощущала идущее ко мне тепло, казалось, они понимают, что мне пока что не очень уютно, и внутренне я не с ними и не здесь.

А я думала — сижу в этом зале, уже по-новому украшенном и с елкой. Жую что-то вроде бы очень вкусное (оказалось, оленина). А Андрей с Ремкой трясутся в поезде по дороге в Вильнюс на суд Сережи Ковалева. И Андрей, как всегда в поезде, не спит, мается, думает и про меня (это радостно), и про Сергея (это больше чем грустно,

это на краю отчаяния), которому светит по максимуму, значит, 7 лет несвободы. Это ж только наша советская власть могла удумать назначить суд на день Нобелевской церемонии. Назло лауреату и всем нам? Или назло самой себе?

После обеда Тим проводил меня до моего номера и передал мне Нобелевскую речь Андрея, с которой он уже сделал копию для переводчика. Оказывается, она только в этот день пришла в Осло с дипломатической почтой. Вечером я прочла ее. Увидела, что печатал ее Ефрем. Речь мне понравилась, но я боялась сбиться на произношении и в ударениях на фамилиях заключенных, которых Андрей перечисляет. А потом до 3 часов ночи учила наизусть нобелевское выступление. Я не хотела читать его по бумаге.

На следующий день в 12 часов меня повезли на церемонию. До ее начала меня представили королю Олафу, принцу Харалду и Принцессе Соне.

В 13 часов 15 минут началась сама церемония. Но до этого произошла маленькая заминка. Мне сказали, что на кресло лауреата (оно традиционно определенное) они поставят портрет Андрея и положат цветы, а я буду сидеть рядом. Ну нет, это будет похоже на похороны. Я сяду на это место, а портрет и цветы они могут поставить на подиум рядом с кафедрой. Позже Аасе говорила, что сказала я это так, что она поняла: спорить со мной нет

смысла. И меня провели к креслу лауреата. Кто-то из вездесущих репортеров слышал этот разговор, и он уже вечером фигурировал в газетах и радионОВОСТЯХ. А я во время минутного пререкания поняла, что не всему в регламенте надо подчиняться, главное быть самой собой. И когда, после того как Аасе прочла решение комитета, я поднялась на подиум и сказала первые слова: «Ваше Величество, Ваши Высочества, Ваши превосходительства, дамы и господа!» (главное было не сбиться и не перепутать очередность Величеств, Высочеств и превосходительств и кто из них в единственном, а кто во множественном числе), — я уже знала, что с Нобелевской церемонией я справлюсь.

Вечером — в 19.30 был обед, который давал Нобелевский комитет. Приветственную речь произнес председатель Стортинга Норвегии Бернт Ингвалдсен. Это была подробная характеристика личности и общественной деятельности Сахарова, точная, но не сухая, а эмоциональная. А еще он говорил о Великом терроре в Советском Союзе и прочел несколько строк из «Реквиема» Ахматовой. Потом была моя очередь. О том, что мне придется говорить на обеде, Тим сказал мне за несколько минут до входа в обеденный зал. Видимо, у них там было обсуждение, заменяю ли я лауреата и в обеденном зале или только в зале церемонии. Ведь здесь уже речь должна быть не лауреата, а моя соб-

ственная. И я внутренне не была готова к этому выступлению. Но речь Ингвальдсена и несколько знакомых ахматовских строк, прочитанных им, были для меня, как дружеская рука.

Первой своей фразой я поставила в тупик Машу, которая меня переводила. Я начала словами: «В моей стране входит в традицию: когда мужики не справляются или почему-то не могут сами сделать свое дело, то на помощь они кличут своих баб. На бабах воевали, на бабах пахали, теперь бабу мужик послал премию получать». И остановилась, чтобы Маша перевела. А она на меня уставилась и говорит: «Я не знаю, как перевести слово БАБЫ, каким словом заменить твоих БАБ?»

И у нас возникла маленькая перебранка, потому что я отвергла и ее женщин, и ее дам. И зал, в котором было несколько человек, знающих русский, включился в этот спор, началась как бы игра. Это как-то сразу сняло официозность. И мне уже дальше было легко говорить. И весь обед, и кофе, который подавали не за столом, а в трех уютных гостиных, до конца шел в атмосфере непринужденности и всеобщей игры.

По окончании обеда около 10 часов вечера в городе было факельное шествие. Оно было выражением одобрения народом Норвегии решения Нобелевского комитета. Молодые говорили, что это второй раз в истории — первое факельное ше-

ствии было в 1964 году в честь Мартина Лютера Кинга. А пожилые люди утверждали, что первое было в 1935 году в честь Карла фон Осецкого, находившегося в то время в немецком концлагере, но оно было совсем немногочисленным.

Я стояла на балконе одна. Смотрела на поток людей внизу, на трепещущее от ветра пламя факелов, на портреты Андрея и плакаты «Сахаров — хороший человек», а иногда лаконичней «Андрей — хороший человек» и плакала от обиды, что он этого не видит.

А ночью был телефонный разговор с Москвой. У меня в номере были два норвежских корреспондента, Саша Галич, внук Нансена, Маша и Тим. Тим вообще оставлял меня только ночью, был и постоянным советчиком, и моим боди-гард, позже я узнала, что норвежцы всерьез опасались каких-либо провокаций и даже покушений, но не хотели это афишировать.

Дома у телефона была Таня. Ее первые слова были: «Мама, пиши!». И она стала диктовать мне то, что ей передал Ефрем из Вильнюса о ходе суда над Ковалевым. Разговор несколько раз прерывался детским плачем. Я спросила, что там у нее. И она сказала, бабушка лежит, ей не очень хорошо, Мотя капризничает и не спит, а Аню я сейчас кормлю и ей не нравится, что я отвлекаюсь на разговор, но ничего, ты только не волнуйся — это она меня успокаивала.

Маша слушала разговор по второму аппарату и сразу переводила его другим. Они были поражены, что для Тани в разговоре главным было успеть сообщить о Вильнюсе и что она даже не спросила о церемонии. Я их успокоила, что церемонию она, наверно, между стиркой пеленок и кормлениями маленькой слышала по радио. А суд, хоть и с противоположным знаком для нас, действительно, не менее важен, чем нобелевские торжества. Наутро весь этот разговор был в норвежских газетах.

Следующий день был еще более напряженным. В том же зале, где была Нобелевская церемония, в 11 утра началась пресс-конференция. Она была рассчитана на два часа, но продлилась почти три. Более полутысячи человек, ушлых и профессиональных, буквально рвали меня на части. Да еще с трех сторон слепили софиты телевизионщиков, так что только спина была от них защищена. Спрашивали обо всем — совсем как в песне «а из зала мне кричат — давай подробности».

Эта пресс-конференция была целиком опубликована во многих европейских и американских газетах, и через много лет часть эпизодов из нее вошла в обвинительное заключение, а потом и в приговор, когда меня судили в Горьком в августе 1984 года. Оказалось, правда о нарушении прав человека в СССР не имеет срока давности. Интересно, что при этом ни в обвинении, ни в хо-

де суда не упоминалось, что в Осло я представляла Андрея, произносила его вступительное слово (они ж не знали, что его писала я), читала его Нобелевскую лекцию. Получалось, если не знать предысторию, что я ни с того ни с сего приехала в Норвегию «клеветать» на советскую власть. «*Mea culpa*»²⁵ и все тут.

После пресс-конференции Тим Грeve повез меня и Нину в банк, где я передала чек, врученный мне на Нобелевской церемонии, — 630 000 норвежских крон (несколько больше 100 000 долларов). Теперь Нобелевская премия значительно перевалила за миллион долларов (в 2003 году \$1 300 000), так что с финансовой стороны можно пожалеть, что Андрей получил премию слишком рано. И в банке я оставила доверенность на Нину — она в течение нескольких последующих лет была нашим кассиром. Потом, уже по возвращении в гостиницу, Нина оформляла груды счетов за авиабилеты мне и моим гостям, за их пребывание в Гранд-отеле, еще за что-то. А покончив с этой работой, ужаснулась и сказала, что мы — я — уже потрясли чуть не четверть премии и что Андрей ей как нашему бухгалтеру оторвет за это голову. Я ее успокоила, что не оторвет, ведь мы все на него работаем, а за работу, как известно, надо платить.

²⁵ «Моя вина».

В 7 вечера в актовом зале университета я читала Нобелевскую лекцию. Думала, это просто — читать написанный текст, к тому же уже знакомый до последней запятой. Но оказалось, что напряжение и в этом случае было не меньшим, чем утром во время пресс-конференции. Когда я читала имена наших политзаключенных, и почти за каждым именем виделся знакомый мне человек, а если не он, то его мать, жена, дети, я почувствовала, что мне трудно сдерживать слезы. Наверно, это ощутил и зал. Тишина в зале стояла такая совершенная, как будто кто-то незримый объявил минуту молчания. И нарушал ее только мой собственный голос.

После лекции был обед в каком-то элитном клубе. Там были все мои гости и человек 15—20 норвежцев — общественных деятелей, политиков и журналистов, близких Нобелевскому комитету. Хозяйкой была Аасе Лионас. Она же маленькой речью открыла этот обед и выразила надежду, что со временем ей удастся встретиться с Андреем, а пока она вместе со всеми друзьями рада, что произошло ее знакомство с его лучшей половиной — со мной²⁶. А Виктор Спарре рассказывал, как он обедал в Москве на нашей кухне и хвалил мои ку-

²⁶ Они познакомились в 1988 году, когда А. Лионас специально для встречи с Андреем прилетела в Москву после нашего возвращения из Горького.

линарные изыски. Потом откуда-то появилась гитара, и Саша Галич стал петь. И, несмотря на клубный антураж, дорогую посуду и официантов в белых перчатках, все стало похоже на Москву.

В этот вечер дозвониться в Москву не удалось.

Утром следующего дня завтракали вместе Галич, Максимов, Некрасов и я. Потом они улетали в Париж. Внезапно Саша снял часы и сказал — это маме, потом снял галстук — это Реме, запонки — Алешке, потом снял с себя вязаную кофту — Андрею. И много лет Андрей носил эту кофту, называл галичевской, а я ее штопала, и за штопкой всегда неотвратно на память приходил этот наш прощальный завтрак.

Почти сразу вслед за парижанами улетали домой мои итальянцы, и, надо сказать, я в момент прощания если не испугалась, то несколько растерялась от мысли, что теперь мне придется обходиться без постоянной помощи и просто ежедневного, ежечасного общения с Ниной и Машей. Ведь прошедшие четыре месяца были такие напряженные и сложные, что их с полным основанием можно считать как время на фронте — один день за три.

А у меня начался день, который я позже в рассказе Андрею назвала разгрузочным — ничего, ну совершенно ничего официального. Мы с Тимом гуляли по центральному району Осло, я делала какие-то покупки-подарки — купила первый в на-

шей семье кассетный магнитофон. После моей пудовой «Кометы» он казался легким как перышко. Купила приемник «Грундиг», который пережил за прошедшие годы с нами, а потом со мной одной все потери и разочарования. Он и по сей день стоит на моей кухне, как символ того, что вещи переживают людей.

Потом мы вместе с внуком Нансена съездили в парк, где стоит памятник героям норвежского Сопротивления. А оттуда поехали в гости к вдове сына Нансена. И я дышала морозным воздухом фьорда, видела легендарный «Фрам», о котором читала подростком, и несколько раз в большой темной гостиной провела ладонью по деревянной стене, которая, казалось, излучала тепло. Могла ли я девчонкой представить себе, что буду гостьей в доме того самого — настоящего Нансена! А на обратном пути в город Тим завез меня в дом женщины, которая ходит в его семью как приходящая домработница. Он решил показать мне, как живут в Норвегии ее рядовые граждане. Живут хорошо. А до такого небольшого, но милого, уютного дома я так никогда и не дожила (пишу в 2004 году, мне 81 год).

Когда мы вернулись в наш Гранд-отель, Тим уговорил меня дать внепрограммное интервью, ответить на один вопрос одного радиокорреспондента и, как он сказал, хорошего человека. Мы разговаривали в холле гостиницы. Вопрос действительно был

один, но он оказался самым объемным из всех пресс-конференций и интервью, которые я преодолела, — что я знала о Норвегии до этих дней и что знаю теперь? Первое, что я вспомнила, была детская книжка о девочке 8—9 лет (мне тогда было столько же), живущей в маленькой деревне на севере страны — о ее приключениях в лесу, о том, как она ухаживает за младшим братом, участвует в домашних делах и как она помогала маме готовиться к новогодним праздникам, верней — к Рождеству. Девочку звали Гой Дальбак и так называлась книжка. Автора я не помнила, но помнила, как я играла в Гой Дальбак и требовала от домашних, чтобы они называли меня ее именем. В 11—13 лет я захлеб читала о капитане Скотте, Амундсене и Нансене и школьное сочинение на тему «Мой любимый герой» писала о Фри-тьофе Нансене (Позже на эту же тему, когда арестовали папу и маму, писала о Тиле Уленшпигеле. «Пепел Клааса стучал в мое сердце»). У бабушки было собрание сочинений Ибсена, дореволюционное издание (приложение к какому-то журналу). В 14 лет я прочла его от корки до корки. Гедду Габлер, Нору, Пер Гюнт знала почти наизусть. Потом (кажется, это было зимой 1937-38 года) я впервые в Ленинградской филармонии слушала Пер Гюнт Грига. И после войны там же еще не один раз.

Только в 50-е годы я узнала, что Нансен организовал в годы гражданской войны помощь голо-

дающей России и, наверно, тогда же узнала о нансеновском паспорте для российских эмигрантов. Я знала, что норвежские командос уничтожили запас тяжелой воды, чтобы затормозить немецкие работы по атомному оружию, и что Норвегия и Швеция в начале века (года не помнила) разделились на два государства мирным путем, без кровопролитной войны, обычно сопровождающей такие процессы. Знала, что при разделе на два государства Норвежскому Стортингу выпала честь присуждать премию Мира, а остальные премии присуждает Шведская Академия.

А когда в СССР издали роман Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса», то «Кристин» стала моей любимой книгой на всю жизнь. Я везде живу с ней, и каждый раз, когда попадаю в больницу (а это было много раз), беру ее с собой, и могу перечитывать бесчисленное число раз. Конечно, это мало, сказала я, заканчивая свой ответ.

Но мой интервьюер сказал, что он всем иностранцам задает этот вопрос. Обычно знают гораздо меньше, но (для него и для Тима это оказалось чуть ли не главным) все знают Ибсена и Грига, однако я первая, читавшая Унсет.

13 декабря я вместе с Клайнами и Бернстайнами улетала в Париж. Там наши пути расходились — им лететь через Атлантический океан, мне в Моск-

ву. Как в одной довоенной еще песне. «На запад поедет один из нас, на Дальний Восток другой». Недавно, когда в доме Эда Клайна отмечалось мое 80-летие, Боб Бернстайн (когда-то рыжий, а теперь совсем седой) вспомнил наш последний вечер. Я разгулялась, стряхнув с себя напряжение нобелевских дней, и обратилась ко всей компании с призывом: «Даешь ночной Париж!» Эд Клайн с опаской поглядел на меня, однако все согласились. И мы поехали в Лидо, где шло что-то невыносимо помпезное с водопадом и живыми слонами на сцене, потом на Монмартр и еще куда-то, так что, прилетев в Москву, я по праву могла сказать — Париж я видела.

Пока шел таможенный досмотр, Мотя из-за загородки все время кричал восторженно: «Баба Леля, баба Леля!», а у меня с таможенниками шел скандал из-за книг, которые я везла. Но я все же с трудом отвоевала Андрюшину книгу «О стране и мире» на итальянском языке. Наконец я, распаренная и злая, оказалась в зале и, как пишут в плохих романах, упала в объятия Андрея. Потом пошла по рукам — обнималась с детьми, друзьями, корреспондентами. Мы все оказались в кольце одинаково плотных мужиков в одинаковых пальто. И так толпой двинулись к выходу. В дверях нас остановил какой-то возглас. Толя Гладилин стоял в центре опустевшего зала и кричал: «Чья сумка? Чья сумка?» Сумка была моя. Как она оказалась

на полу, я не знаю. Но в ней, кроме паспорта, были 10 000 долларов, которые я только что продекларировала на таможне. Бог с ними, с долларами. Там была нобелевская медаль — 600 грамм золота с портретом Нобеля и выгравированным по ободу именем Андрея. Это за ней я моталась в Осло и чуть не оставила на полу аэропорта Шереметьево.

На улице нас ожидал последний сюрприз нобелевского марафона. У всех машин — нашей, кого-то из друзей, корреспондентских — оказались проколоты шины.

На следующий день я получила от Лидии Корнеевны Чуковской комплимент, которым очень горжусь. Она сказала: «Люся, слушая вас в эти дни, я поняла, чем МЫ отличаемся от НИХ — русским языком».

А от Андрея получила подарок — машинопись Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека». На первой странице с левой стороны лиловыми чернилами сделана надпись: «Дни, когда мы были далеко друг от друга и близко, когда мы гордились друг другом и оба трудились. С любовью Андрей. Осло, Вильнюс, декабрь 1975».

После моего возвращения в Москву мы два или три месяца жили как бы на два дома. Вся хозяйственная и так называемая общественная жизнь за отдельными исключениями шла на улице Чкалова, а ночевать мы ездили в мою квартиру в Новогиреево. Нашу комнату на Чкалова заняли Таня с Ремой и двумя маленькими. Сделано это было не только из-за боязни повторяющихся угроз детям. После четырехмесячной разлуки очень уж хотелось хоть часть суток быть вдвоем. Уезжали мы обычно туда вечером, иногда не раньше полуночи. Завтракали там вдвоем. Вообще — утро вдвоем у нас все годы было самым любимым временем. Потом Андрей 2—3 часа работал: что-то по физике и писал автобиографию для Нобелевского сборника. Потом ехали на Чкалова, и там шла наша обычная жизнь с регулярными вторниками и гостями, людьми и бумагами. И вечером опять в Новогиреево. Андрей говорил: «Поехали к себе». И в этом было не только указание на место пребывания, но другое, какое-то внутреннее «к себе». Однажды ночью вышли из дома позже, чем обычно, потому что был старый Новый год. У подъезда на Чкалова нас поджидали три мужика. Один из них сорвал с головы Андрея шапку, и они побежали от нас, что-то крича. По выкрикам стало понятно, что это не слу-

чайные грабители, а все те же наши друзья из КГБ. Шапку ондатровую я буквально накануне купила в «Березке». Ее было жалко, но страшно не было. Видимо, мы уже привыкали к подобным «шуткам». И эта кража как-то очень вещественно подтвердила, что я вернулась домой.

Однажды в эти дни кто-то из корреспондентов задал мне вопрос: изменилась ли наша жизнь после того, как Андрей стал лауреатом Нобелевской премии Мира? Тогда я ответила — нет. Теперь, спустя более четверти века, я не могу сказать столь определенно. Думаю, что произошли два изменения. Все, что говорил и писал Андрей, стало более слышно, получало больший отзыв в западных масса-медиа и вызывало больший интерес. И неважно, какой знак — положительный или отрицательный — был у этого интереса.

И анализируя, а если проще, то вспоминая последние события, я вижу, как стало нарастать давление на нашу семью.

После суда над Ковалевым Ефрема уволили с работы, хотя на суд он ездил в свои законные по советским нормам выходные дни. Для этого он сдавал кровь и получал полагающиеся за это отгулы. После увольнения Ефрем устроиться на работу в СССР больше уже никогда не смог. По специальности не брали, а в чернорабочего тоже не годился — был больно образован. В 1977 году это

обернулось попыткой властей преследовать его за «тунеядство». Мы далеко не сразу поняли, что власти своим давлением стремятся вынудить Ефрема и Таню с детьми на эмиграцию. Надежда на получение квартиры от Академии (Андрей в это верил) не оправдалась. Объединить путем обмена мою и мамину квартиры, без того, чтобы Андрею что-то дала Академия, нам не разрешили. Когда я нашла обмен, комиссия райисполкома его запретила. Мы подали заявление в суд, но, как сказала судья открытым текстом одной из участниц обмена, «советский суд не защищает права людей, у него другие задачи».

И последним шагом органов безопасности в давлении на нас было возбуждение уголовного дела против мамы Ефрема и Тани. Тут власти проявили абсолютную психологическую чуткость. Вряд ли Ефрем согласился на эмиграцию, если б дело было возбуждено против него. И они пытались до этого сфабриковать дело о не имевшем места наезде на несуществующего пострадавшего. Но это не привело к желаемому ими результату. А вот уголовное дело против матери и жены сработало.

В общественном плане активность Андрея не снижалась, но появились вокруг упорные разговоры, что он вроде как отошел от общественной жизни. Получил премию и успокоился. Большинство подобных слухов родится в кабинетах 5-го

управления КГБ и с удивительной легкостью подхватывается на московских кухнях, для очень большого числа людей в стране становясь как бы неопровержимым фактом.

Именно это стало для Ефрема Янкелевича одним из побудительных (хотя и не главным) мотивов для работы над книгой «Тревога и надежда» с подзаголовком «Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова». Оказалось, что выступлений в защиту отдельных людей, по общим правозащитным проблемам, по вопросам разоружения и отдельных статей в 1976 году было не меньше, чем в предыдущие годы.

Из личных событий — они же и общественные. Мы дважды летали в Омск на суд Мустафы Джемилева. Навестили в ссылке Андрея Твердохлебова. Летели до города Мирного. Там провели сутки, потому что вдруг отменили полеты маленьких самолетов (не из-за погоды, из-за нас), а только по воздуху можно было добраться до якутского города-поселка Нюрба. Почти целый день бродили вокруг колоссальных гор породы, в которых рылись местные бомжи, видели знаменитый алмазный карьер. А в Нюрбе с нами повторилась в современном варианте история жен-декабристок, которых по пути к мужьям задерживали все губернаторы и полицейские чины. Мы дошли до окраины поселка, надеясь попасть на автобус или поймать попутку.

Но там нас задержал милицейский патруль и доставил в местный отдел КГБ. Начальник признался, что он отменил рейсовый автобус, и сказал, что никакая попутка нас не возьмет. Я сказала ему на это: «Ну отвезите нас туда на мотоцикле с коляской. К вам же нас так доставили». На это ответил с издевкой: «Что вы, Елена Георгиевна, Андрей Дмитриевич может простудиться». — «Ну, мы пойдем пешком». — «Что вы, это ж Якутия, в лесу бандиты». Почему весь этот разговор вела я — не помню. Но вообще, у Андрея была такая манера. Если я ввязывалась в словесную перебранку, он обычно молчал и улыбался, глядя на меня. Похоже, получал удовольствие. И мы прошли ночью пешком по тайге более 20 километров до дальней якутской деревни Нюрбачан. Эта ночь запомнилась не одиночеством в глухом лесу, а гармоничным ощущением нашей близости и уверенности, что мы поступаем так, как надо. Я не умею рассказать, как хорошо нам было вдвоем звездной ночью в якутской тайге где-то около Полярного круга.

Но это был год трагических потерь в близком, самом близком нашем кругу. В марте безвременно ушел из жизни Гриша Подъяпольский. Это был человек чистый и, как немногие, соответствовавший идеальным понятиям «диссидент» и «правозащитник». Ведь в любом сообществе близость к идеалу встречается редко.

В мае какие-то не найденные по сей день следствием (искали ли их?) бандиты раскроили череп Косте Богатыреву, и спустя месяц он умер в больнице, не приходя в сознание. Хоронили его в Переделкине 20 июня.

А на следующий день мы узнали, что 19 июня в Бомбее скоростижно скончался мой брат Игорь Алиханов во время плавания на своем корабле «Ленинский Комсомол», где он служил старшим помощником капитана (из-за беспартийности он не мог стать капитаном, хотя давно наплавал положенное число миль, имел высшее мореходное образование и соответствующую выслугу лет). Хоронили мы его в Москве 26 июня на Востряковском кладбище. В эти дни меня как наваждение преследовала одна мысль: «И у мамы сына больше не будет никогда. И брата у меня больше не будет никогда». Не оставляет она меня и теперь.

Есть в русских летописях рассказ об Авдотье-рязаночке. Татары увели у нее в полон малого сына, юного брата и статного мужа. Продала она свои драгоценности и пошла к хану. Сказала, возьми деньги, отдай мужиков. Хан сказал, за трех это мало, выбирай одного. Давай брата, сказала рязаночка. Хан удивился. А она сказала — мужа еще я, может, найду, сына еще, может, рожу, а брата у меня не будет больше никогда. Может, неточно изложила я эту историю, но так отложи-

лась она в памяти в то далекое довоенное время, когда я читала русские летописи.

В июле мы были в Тбилиси, где проходила Рочестерская конференция по физике высоких энергий. За эту неделю как-то окрепли, перешли в личную дружбу отношения с Вики Вейскопфом и Сиднеем Дрелом. Вики, в отличие от Сиднея и Андрея, манкировал заседаниями, и мы с ним много времени провели, знакомясь с городом и посещая студии разных грузинских художников. Гидом нашим был Звиад Гамсахурдиа — красивый, обаятельный, явно, но не раздражающе любующийся сам собой. Все, что проявилось в нем позже, тогда не было видно, или я была недостаточно наблюдательна. Последующие события конца 80-х, его антиабхазский марш, апрельские события в Тбилиси, резкое (даже грубое) открытое письмо Андрею, изгнание из Грузии и последний приют у Джохара Дудаева (единственного, кто повел себя по-человечески по отношению к экс-президенту Грузии) на многое заставили смотреть по-другому. Но это не смягчает ощущения трагичности всей жизни и судьбы Звиада — сына знаменитого писателя Константина Гамсахурдиа, любимца Сталина. Для Грузии Звиад был — почти королевич, диссидент, первый президент Грузии, потом изгнанник, беглец. И наконец — самоубийство.

С Вики и Сиднеем связан и другой эпизод. Они принесли нам конверты с деньгами, которые они получили от организаторов конференции. Оба были очень смущены и расценивали это как некий вид подкупа. Получили ли подобные конверты другие западные участники конференции, они не знали. Но их принимали по рангу, явно более высокому, чем других — поселили не в гостинице, где жили все остальные, а в каком-то правительственном доме приемов, хотя это было им неудобно, так как затрудняло неформальное внеучастное общение, к которому они оба стремились. Деньги эти мы передали их безработным в то время коллегам — Турчину и Орлову. А я с этими конвертами получила доказательство тому, что всегда подозревала — западных ученых напрямую прикупают.

Еще на этой конференции я впервые заметила, что наши советские ученые стали вне научных заседаний сторониться Андрея (российские — не грузинские или из других республик).

И на этой конференции произошел инцидент, выведший Андрея из обычной мягкой и уравновешенной манеры поведения. В последний день правительство Грузии давало обед для участников конференции. В середине обеда Андрей заметил, что в зале нет двух молодых физиков-израильтян. Он с ними до этого много общался, и пару вечеров они приходили к нам в номер на чай и продолжа-

ли вести с Андреем свой научный разговор, начатый на одном из заседаний. Андрей спросил у Окуня¹: где ребята? (Имен их я, к сожалению, не помню.) Окунь сказал, что их не пригласили. Как? Всех пригласили, а их нет? И, получив от Окуня утвердительный ответ, Андрей вскочил с места и пошел объясняться с кем-то за начальственным столом (хоть убей, не могу вспомнить, кто из правительства Грузии дирижировал этим обедом). Потом вернулся ко мне и громко сказал: «Вставай, пошли отсюда». В зале в эту минуту воцарилась тишина, и все следили, как мы вышли из зала. В гостинице мы спросили, в каком номере живут эти парни, так как еще по дороге решили, что мы должны перед ними извиниться за наше советское «научное сообщество». Но администратор сказал, что они перед обедом выехали из гостиницы. «Ах, как стыдно, как стыдно», — сказал Андрей. И он был сердит на Окуня, что тот знал, а ему до обеда не сказал.

Кончался год, и я думала о своих личных свершениях. В конце 1974 года я посоветовала Андрею написать обстоятельное открытое письмо сенатору Д. Бакли, в котором он мог бы обсудить

¹ Лев Окунь, физик, член-корреспондент Академии наук СССР.

основные проблемы современности. Из письма родилась книга «О стране и мире». Летом 1975-го с семейным скандалом я уговорила Андрея заказать в академическом пошивочном ателье два костюма и пальто. И с угрозой развода заставила начать заниматься вождением автомобиля, потому что какой же это мужик, если боится сесть за руль. Потом мы пережили шок от болезни Моти, прошла моя глазная операция, родились две внучки. И на мою долю выпало представлять Андрея на Нобелевской церемонии — все и ответственное, и радостное, и трудное, что связано с ней. Досталось это мне только потому, что КГБ (формально — ОВИР) ровно год не давал мне визу. А одним из главных достижений 1976 года стало согласие Андрея, после моих долгих и нудных уговоров и упорного его сопротивления, начать вести дневник.

16 ноября 2004 года

ДНЕВНИКИ

ГОД 1977

[Тетрадь № 1

Ежедневник: записи 3 января — 15 декабря.
Школьная тетрадка: записи 15—31 декабря.]

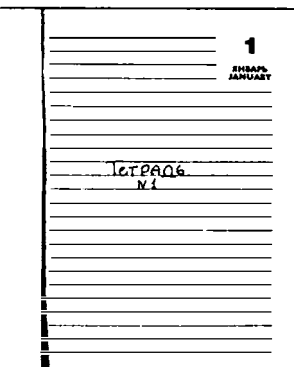
3 января. Пресс-конф. у [Юрия] Орлова¹. Телеграмма Картеру о Рубане.

■ Петр Рубан, бывший заключенный лагеря особого режима, после освобождения работал в столярной мастерской, изготовил из обрезков дерева бювар, изображающий статую Свободы, в подарок американскому народу к 200-летию США. За это был обвинен по статье «хищение социалистического имущества». Сахаров телеграммой обратился к президенту Картеру с призывом защитить Рубана. Ответа на этот призыв не получил. ■

5 января. Обыски. Гинзбург, Орлов, Алексеева [Людмила], Воронина.

¹ Пресс-конференции доперестроечных времен проводились на квартирах диссидентов. Хельсинкская Группа проводила свои конференции в квартире Орлова или Алика и Арины Гинзбург. Евреи — у Слепака и у других отказников. Конференция, посвященная делам Фонда Солженицына, один или два раза была у Тани Ходорович. Но чаще всего они проходили у нас, несмотря на нашу тесноту.

6 января. Пресс-конференция у Гинзбурга. «Обращение к Главам государств»².

8 января. Взрыв в метро.

■ Днем 8 января 1977 г. в вагоне московского метро на линии, идущей от «Щелковской», произошел взрыв. Официального сообщения в советской прессе о взрыве в этот день не было. Мы услышали о нем из краткого сообщения по западному радио (и от западных корреспондентов), в котором говорилось, что есть многочисленные жертвы, в т.ч. дети. ■

10 января. Звонок в 16-00. Патрик Джорж или Рен о взрыве.

На пл. Маяковского вспоминали Галича.

■ От пл. Маяковского троллейбус и метро идут к ст. «Аэропорт», где жил до эмиграции А. Галич. И всегда, когда мы оказывались там, как навяжение возникала мысль о нем. В этот вечер Андрей сказал: «Раньше можно было поехать к Саше», а я добавила мандельштамовское «Да, видно, нельзя никак!». ■

Вечером сообщение по радио о статье В. Луи в лондонской «Ивнинг Ньюс».

² Это короткое Обращение — призыв защитить Хельсинкские группы и их членов в связи с прошедшими обысками в Москве, а на Украине и в Литве — и арестами.

■ В этот день появилось заявление ТАСС о взрыве. В нем говорилось, что он небольшой силы, но имеются пострадавшие, которым оказана медицинская помощь. О погибших не говорилось. А в вечерней передаче ВВС сообщалось о статье Виктора Луи, в которой высказано предположение, что за взрыв в метро ответственны диссиденты. ■

11 января. Звонила С. В. [Каллистратова]. Разговор про метро.

Андрей писал о взрыве и заявлении В. Луи. С. В. и я относимся к заявлению Андрея настороженно, но уговорить не смогли³.

12 января. Заявление о метро передали Крымскому [Дж. Крымски] поздно вечером.

■ Обращение к мировой общественности, в котором Андрей высказывает предположение, что взрыв в метро — провокация КГБ для оправдания усиливающегося давления на диссидентов. В Обращении он упоминает несколько случаев нераскрытых убийств лиц, близких к диссидентским кругам. ■

13 января. Был в посольстве США у Белоусовича (консул). (Заявление и др. дела).

18 января. Пресс-конф. о Рубцове. Ходил с Рубцовым в Прокуратуру. Допроса не было.

³ Уговаривали не писать заявление, которое можно истолковать как обвинение КГБ.

■ Владимир Рубцов (друг Ефрема Янкелевича) несколько раз вызывался на допрос в Прокуратуру в связи с взрывом в метро. Дело возбуждено не было. Владимир Альбрехт также вызывался на допрос в связи с взрывом в метро, и дело также не было возбуждено. Вызовы эти, ничем не оправданные, явно были акцией устрашения, адресованной всему диссидентскому сообществу. ■

19 января. Альбрехт звонил без конца по поводу своего допроса о взрыве. Передали коррам.

20 января. Письмо Картеру о 16 з/к. *Самбусо* [ошибка, правильно *Гарбуз*] — адвокат, которому передали письмо

■ Американский адвокат Мартин Гарбуз вывез из СССР письмо Сахарова Картеру о 16 политзаключенных с призывом содействовать их освобождению, а также освобождению политзаключенных — женщин и больных. Письмо было опубликовано в «Нью-Йорк Таймс», хотя Сахаров этого не предполагал, письмо (фактически краткая записка) было написано второпях, от руки, так как г-н Гарбуз приехал к нам без предупреждения и спешил на самолет. В интервью «Ньюсуик» 2 февраля на вопрос об этом письме Андрей сказал: «Это не было обращение, которое я собирался предавать гласности. Я не знаю соображений, по которым оно было напечатано в NYT, но, если эта публикация поможет хотя

бы одному из перечисленных в письме 16 человек, я буду глубоко удовлетворен». |

25 января. Вызов к Гусеву⁴.

Пресс-конференция, на которой огласил свою запись [беседы с Гусевым].

26 января. Интервью для «Курьера Делла Серра» (Хартия-77)⁵, Вост. Европа и вопрос о возм[ожной] роли коммунистов в защите прав человека.

27 января. *Заявление Гос. Департамента* о Сахарове⁶.

28 января. *Интервью*.

29 января. *Картер отвечает на вопрос, стоя около вертолета — смысл: мы будем защищать права ч-ка, но мы не будем заниматься личностями. Вот такие «права ч-ка».*

⁴ Это первая в жизни Андрея дневниковая запись.

⁵ О создании в Чехословакии общественной правозащитной организации «Хартия-77» мы услышали по радиоголосам. В последующую передачу мне удалось сделать магнитофонную запись и с нее напечатать принципы Хартии. В интервью Андрей опирался на радиосообщения.

⁶ Заявление Госдепартамента в защиту Сахарова и других диссидентов было реакцией на вызов к Гусеву и на официальное предупреждение.

КЛЕВЕТНИК

ПРЕДУПРЕЖДЕН

25 января в прокуратуру СССР был вызван А. Д. Сахаров. Заместитель генерального прокурора СССР осударственный советник юстиции 1-го класса С. И. Гусев предупредил его о том, что сделанные им провокационные заявления содержат заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Сахарову объявлено о недопустимости такого рода клеветнической деятельности впредь. В случае игнорирования им данного предупреждения он будет привлечен к ответственности в соответствии с действующим в стране законодательством.

(ТАСС).

Верный Москва 26 января 77г

■ Этими, сказанными на ходу, словами Картер как бы дезавуировал (во всяком случае значительно смягчил) достаточно твердое и важное заявление Госдепартамента. На следующий день в одной из американских газет появилась статья, критикующая слова Картера, под названием «Картер накормил Сахарова земляными орешками». Орешки — намек на ферму Картера, где выращивались орехи. ■

2 февраля. Интервью с «Ньюс Вик». Статья в Лит. газете о Гинзбурге Петрова-Агатова.

■ А. Петров-Агатов, бывший заключенный, написал явно инспирированную «разоблачительную» статью об Алике Гинзбурге. Позже от сокамерников Петрова-Агатова стало известно, что в лагере он начал сотрудничать с органами и что он будто бы был автором слов популярной в войну и в послевоенные годы песни «Темная ночь»⁷. Впервые она прозвучала в фильме о блокаде и обороне Ленинграда «Два бойца», где исполнял ее один из самых известных (знаковых) тогда актеров Марк Бернес. ■

Статья о Дж. Крымски — В. Викторов.

■ Джордж Крымски, корреспондент «Ассошиэйтед Пресс», был дружен с нами, особенно с Ефремом и Таней. Видимо, это вызывало особое внимание к не-

⁷ Это — распространявшаяся им самим легенда. Автором слов этой песни является В. Агатов.

му органов, следящих за иностранными корреспондентами. Прошедшим летом он с женой и новорожденной девочкой приехал в гости к Тане и Ефрему на дачу Андрея в Жуковку. Вскоре после его приезда на дачу явилась милиция, и гостей просили уехать, ссылаясь на то, что Жуковка — якобы запретная зона. У нас бывали многие иностранцы, и никогда подобного не было. Мы думали, что вторжение милиции оказалось возможным, потому что Андрея в это время на даче не было. В декабре прошедшего года Андрей дал Джорджу пространное интервью, в котором затронул широкий фронт правозащитных проблем, взаимосвязи защиты прав человека и разрядки. Он говорил об истории правозащитного движения, высоко оценивал значение «Хроники текущих событий» и деятельность «Инициативной группы» как первой правозащитной ассоциации, а также Хельсинкских групп. В этом интервью, в отличие от других своих выступлений, он говорил и о том, чего обычно избегал как очень личного. Как трудно для него психологически все, что входит в понятие «Общественная деятельность», и то, что его, помимо его воли и желания, многие воспринимают как центральную фигуру в советском диссидентстве. «Для меня психологически очень трудно нести бремя международной известности, встреч; многие из этих встреч бывают совершенно бесполез-

ными для меня, но очень утомительными, люди меня утомляют... Я пишу медленно и мучительно — я совершенно не журналист по своему складу. И каждый документ мне очень дорого обходится — иногда это несколько дней, а иногда и несколько недель работы».

Это интервью вызвало (не личной своей, а общей частью) раздражение советских властей, что отражено в статье Викторова. И руководство «Ассош. Пресс» решило отозвать Джорджа из Москвы. Мы часто сталкивались с тем, что руководства западных газет и агентств чутко реагировали на недовольство советской стороны их корреспондентами и вместо того, чтобы защищать, отзывали своих сотрудников. Причем (это с большим огорчением отмечал Андрей) такое решение западных работодателей обычно касалось тех журналистов, для которых их профессиональный заработок был единственным источником существования, но не касалось более материально обеспеченных их коллег. Общий вывод (слова Андрея): «Акулы капитализма легко накалывают бедных, но щадят богатых». ▮

Пресс-конф. Пятидесятники⁸.

⁸ Большая группа пятидесятников с Дальнего Востока (город-порт Находка) добивалась разрешения на эмиграцию в связи с религиозными преследованиями.

Иванов из Тарусы — мор[альный] облик П.-Агатова.

Статья в «Ленинском Знамени» — Моск[овская] обл. газета — «Лаборантка-призрак» — о Тани и Томае, якобы Таня числилась на работе, получала деньги и справки для МГУ, а на самом деле не работала.

3 февраля. Четв. Красногорск. Допрос Тани.

■ Против Т. Семеновой (моей Тани) и матери ее мужа Ефрема Янкелевича — Томае Фе́йгин было возбуждено уголовное дело по статье — хищение государственного имущества. Таня была в отпуске по уходу за ребенком. Томае просила ее оформиться лаборанткой к ней в лабораторию, чтобы ее зарплату делить между работающими двумя лаборантками как компенсацию за то, что на них ложится обязанность мыть лабораторной посуды. Практика такая в советских учреждениях была широко распространена. И Таня, и Ефрем не понимали, что это противозаконно. А мы с Андреем вообще не знали об этом. Помимо того, что мы были огорошены и серьезно обеспокоены этой историей, Андрей был крайне огорчен тем, что ни ребята, ни Томае не понимали, что нашей семье ни в чем нельзя допустить нарушения закона. А тут было, хоть и обычное, но явно противозаконное действие. Но мы тогда все не понимали, что уголовное дело возбуждено, чтобы вынудить детей (в первую очередь, Ефрема) к эмиграции. Дело было прекращено сразу после по-

дачи ими документов на выезд. Подробней см. книгу: А. Сахаров «Тревога и надежда», составитель Е. Янкелевич. Дело было возбуждено в Красногорске, так как поселок Петрово-Дальнее, где располагался институт, в котором работала Томаф, относился к этому району. ■

Арест А. Гинзбурга.

Это после того, как он жил у нас, и я его госпитализировала с «пневмонией». Арестовали при первом выходе на улицу (кажется, к тел.-автомату) сразу после выписки из б-цы.

■ Алик, который после статьи Петрова-Агатова в Литгазете ожидал ареста, приехал ко мне 7 или 8 января. Я уложила его в постель и вызвала нашего участкового врача. Так как Алик был немного простужен, мне удалось уговорить ее, что у него пневмония. Вообще-то она мне много лет доверяла как врачу, пользуя мою маму и одну нашу соседку, всегда консультировалась со мной, так что это было нетрудно. И она написала направление на госпитализацию. Я вызвала Мальву Ланда, и она сопровождала Алика в больницу на сантранспорте, присланном нашей поликлиникой. Алик провел в больнице чуть больше трех недель и был арестован сразу после выхода из больницы. ■

4 февраля. Пятн. Пресс-конф. на Юго-Западе. У [Людмилы] Алексеевой. Потом пишу о Гинзбурге.

Были у Шафаревича — писали. Но толком до конца письмо о Гинзбурге не сделали. Дома переделали все письмо заново и ночью печатали. Я очень разозлилась на Шафаревичев дом. Кормлю всех приходящих с утра до ночи (и его тоже), а мы первый (и посл[едний]?) раз пришли, работали почти 6 часов, он уходил на кухню (обедать?), а нам даже чаю не предложили. До этого мы однажды были у него на его дне рождения (на сл[едующий] день), кроме нас, гостей не было. Я купила ему прекрасный подстакан[ник]. Теперь у него новая квар[тира]. Большая, на Ленинском, сразу за Универс[итетским] проспектом⁹.

5 февраля. Суб. Был Шафаревич. Письмо совместно с И.Р. Шафаревичем о Гинзбурге. Был Валя [Турчин] (см. 6 февраля).

6 февраля, воскр. Письмо об Алике [Гинзбурге] отдано Вале [Турчину]. Прошло плохо. Надо всегда все самим делать!¹⁰

⁹ Выйдя от Шафаревича, мы рядом с его домом увидели булочную. И, как голодные шакалы, набросились на кофе с булочками.

¹⁰ Мало и неточно звучало по радио (речь идет о западных радиостанциях). Когда сообщения иностранным корреспондентам поступали от Андрея или даже от меня, то им уделялось больше внимания. Видимо, имела значение аура имени Андрея.

7 февраля, понед. Письмо о взятии Алика Гинз[бурга] и Руденко на поруки (визит П. Г[ригоренко], Люся подписала). Вечером узнали подробности свидания Люси [Бойцовой] и Вани [Ковалева] с Сережей [Ковалевым] (прервали свидание, Сережа объявил голодовку, у него — опухоль). 8 февраля, *вторник*. Люсей составлен проект страницы¹¹. Я написал для нее проект обращ. к гражданам США и Президенту. Туда же включено письмо Люси К[овалевой-Бойцовой].

Личное письмо Президента [Картера] от 6 янв. [описка — правильно: от 6 февраля].

■ *Заявление Госдепа в защиту Сахарова (см. 27 января). 29-го Картер в устном выступлении фактически дезавуировал это заявление. Но 6 февраля (после того, как в газетах появились статьи, осуждающие его слова, что отдельных людей они защищать не будут), Картер направил Сахарову личное письмо с выражением поддержки его общественной деятельности.* ■

Визит в посольство США. Беседа с Комсом¹². Сфотографирован при выходе.

■ *При посещениях посольств нас всегда фотографировали, не стесняясь дипломатов и случайных*

¹¹ Платная (рекламная!) страница в NYT в защиту Сергея Ковалева.

¹² Здесь и далее правильно — Комбс — сотрудник посольства США.

прохожих, стоящие поблизости сотрудники КГБ (в штатском). Такой у них был способ документирования. ■

Получил перевод письма Картера¹³.

Макет страницы в НТ [«Нью-Йорк Таймс»] в защиту Ковалева, ушло полдня.

9 февраля. Интервью для «Тайм». Люсина беседа с Реном.

10 февраля, четверг. *Провожали Джорджа [Крымски]*¹⁴ *в Шереметьево.*

Сопровождал Томар на допросе в Красногорске.

В «Domenico del Corregio» (700 тыс. экз.) опубликовано интервью от 26 янв.

11 февраля. Писал телеинтервью.

12 февраля. Телеинтервью (14 мин.) (говорят, демонстрировалось в США и Европе 4 дня).

¹³ Андрей был очень удивлен тем, что ему не отдали письмо Картера (даже копию не дали), а только дали сделанный от руки (и никем не подписанный) перевод письма. Андрей, придя домой, (ездил без меня) сказал: «Какая-то Филькина грамота». Он считал, что это, как и многие другие мелкие эпизоды, выражение боязни американских дипломатов хоть чем-то не угодить советским властям, опасное явление во взаимоотношениях с СССР.

¹⁴ Джордж Крымски решением руководства «Ассошиэйтед-Пресс» отозван из Москвы и вместе с семьей вылетел в США.

Статья в «Правде» — редакционная «Что скрывается за шумихой о “правах человека”».

14 февраля. Поездка к Софье Василь. [Каллистратовой] (кв[артирные] дела и дела Тани).

Вечером визит 2-х иностранцев из Эмнести¹⁵, Саши [Лавуга] и Тани [Великановой].

Поездка к Турчину. Пожелали счастливого пути Л. Алексеевой и К. Вильямсу¹⁶.

Приехала Наташа [Гессе] (прямо на дачу).

15 февраля. После большого перерыва был в ФИАНе.

Был день рождения Люси (на даче).

Приехали Боря и Люся Вайли: ссылка их кончилась, поедут в деревню на родину Люси [Вайль]. Они вернули нам 1400 [руб.], которые мы давали им на покупку дома. Это первый возврат денег — даже как-то странно.

■ Боря Вайль подарил стихи: «Ты помнишь спор
Про якорь и про парус? Мол, с давних пор Два
типа жен живут: Одни мужчинам — Мирный
якорь, Другие парусом И — в путь. Теперь мы
видим (без сомненья!) Кем сразу стала Мужу ты.
О добрый гений! В день рожденья Тебе стихи,
тебе цветы». ■

¹⁵ Эмнести Интернейшнл — международная организация, защищающая узников совести, выступающая против смертной казни и пыток.

¹⁶ Людмила Алексеева с семьей эмигрировала в США.

16 февраля. Утром — визит Рубцова.

Сопровождал Рему в Мос. гор. прокуратуру (с 15 до 17 часов)¹⁷.

Составлял ответное письмо Президенту [Картеру].
Утром был John A. Morris с женой — журнал Quest 77. Журнал красивенький, с горными видами.

17 февраля. Ответное письмо Президенту.

15.30 Визит в посольство США. Письмо Д. Картеру.
Сфотографирован при выходе.

19 час. Пресс-конференция (17 корров. У нас дома).
В посольстве — Комс — 1 секретарь [посольства США].

18 февраля. 1. Телеинтервью немецкому телевидению.

2. Интервью «Чикаго трибюн».

3. Интервью («Франс Суар»?) и Радио France.

19 февраля. Писал «Путь жизни и гибели»¹⁸.

20 февраля, воскр. Писал «Путь».

Наталья [Гессе] уехала. Должна была быть Джулия Холмс (Комс), передала через Валю Т[урчина] записку с вопросами [к интервью].

21 февраля, понед. Визит чудного парня Дугласа Гарриета из Аляски (от mr+ms Brand) тракторист — 7000

¹⁷ Пытались возбудить дело против Ремы по никогда не имевшему место наезду на несуществующего пострадавшего. Своеобразный метод запугивания.

¹⁸ Первоначальное название статьи «Тревога и надежда».

Little manager — 3500

*56 раб. дней, 1 неделя отпуска
работа по 12 час¹⁹.*

■ *Этот текст, написанный мной, обведен Андреем.* ■

Sach. Hear — London май 77²⁰?

У меня была жена Романюка²¹.

Мих. Михайлов²² по радио:

1. «Таймс» говорит, что если СССР в ответ на письмо Картера сорвет СОЛТ, то это будет неправомерное действие.

2. «Файненшел Таймс» говорит, что Картер защищ[ает] лично Сахарова, но что делать менее известн[ым] (им будет теперь хуже).

¹⁹ Это из рассказа Дугласа об условиях работы вахтенным методом на нефтяных промыслах, где он после колледжа работал простым рабочим.

²⁰ Пришло какое-то сообщение о том, что в мае в Лондоне намечено провести очередные Сахаровские Слушания по правам человека.

²¹ Романюк — священник с Западной Украины, в это время находился в заключении. Я познакомилась с его женой и сыном-подростком в одной из поездок на свидание в лагерь к Эдику. У нее в том же лагере сидел муж. С тех пор она передавала мне некоторые сведения о заключенных, а ее мальчик был одним из подопечных Фонда помощи детям политзаключенных.

²² Михайло Михайлов, югославский диссидент, эмигрант, работал на радио «Свобода». И здесь, и во всех других упоминаниях о радиопередачах, речь идет о западных радиостанциях.

3. «Йоркшир» говорит, что диссиденты теперь могут начать действовать, как в Венгрии, и Запад не сможет им помочь.

Был Турчин (подписали обр[ащение] об Орлове и к гражданам стран-участниц Хельсинки).

Были Люба Мурженко и Бэла [Коваль], рассказали о драке Мороза и Караванского²³.

Были Феликс [Светов] и Зоя [Крахмальникова], записка от жены Р[оманюка], [разговор со Световым] о Мем[орандуме] №3 Т[урчина], на который якобы наложил «вето» П. Г. [Григоренко].

22 февраля.

Утро: 1. «Ньюс Вик.». Склока²⁴.

2. Фурман Володя и Лина [?] прощались.

3. Мейман — письмо о Хартии²⁵.

Вечером: Маша [Подъяпольская], Вера Федоровна, Саша Лавут, Лидия Корнеевна, Копелевы (письмо об Орлове).

²³ В Мордовском лагере особого режима сложились напряженные, доходящие до крайних форм отношения между двумя группами заключенных.

²⁴ Слово «склока» относится к тому, что известия о ссорах между пзк в лагере особого режима, хотя и без подробностей, дошли до иностранных корреспондентов. Не очень понятно откуда — мы никому не говорили. Видимо, рассказал кто-то из родственников заключенных.

²⁵ Проект письма в поддержку основанной в январе 1977 года в ЧССР организации «Хартия-77».

▮ Каждый вторник у нас был «вечер открытых дверей». Назначив один день в неделю для друзей и всех, кто хотел встретиться с Андреем, я надеялась разгрузить от посещений, часто утомительных и отрывающих от действительно необходимых дел. В общем, попытка как-то упорядочить нашу жизнь. Из этого ничего не вышло — люди шли в дом и в этот (законный) день, и во все остальные дни недели. ▮

ФИАН — семинар об ударных волнах при столкновении тяжелых ядер.

23 февраля. Днем Юлка, потом Володя Куртель с Иосифовыми делами — прогнали²⁶.

Турчин, Ира Орлова (3,5+5)²⁷, Щафанский, Саша Лавут. Письма об Орлове в Ин. Планка и Немецк. Об-во исслед²⁸.

Привел Тимачев парня из Прибалт.

Андрей — «Путь».

Алеша, Оля [Левшина].

²⁶ Куртель, знакомый Иосифа Мороза — внука Сталина, просил поддержать просьбу Мороза о разрешении ему поездки за границу для свидания с матерью С. И. Аллилуевой. Андрей отказался выступать по этому поводу.

²⁷ Предполагаемый приговор Юрию Орлову (3,5 года лагеря и 5 ссылки).

²⁸ По этому письму-рекомендации Ю. Орлова избрали в Институт Планка и Немецкое Общество исследователей.

Кор. Фр. Радио — Интервью Гусева в «Н-Таймс»²⁹. Звонил Звиад [Гамсахурдиа] — провоцируют уголов. дело.

24 февраля. Утром звонил корру Фр. Радио о неб[ольшом] изменении.

Ездил с Таней, Мотей, Вер. Федоровной по Мотиным кожн[ым] делам.

До позднего вечера писал 11 ответов «Ньюс-Вик» (первые 4 — Люся).

Юла [Закс] была.

Была вечером Таня Великанова.

Радио «Голос Америки» — Гусев и Валерий [Чалидзе]³⁰.

25 февраля. Передал ответы «Ньюс Вик» Фреду Коллману с женой.

На даче — звонок якобы иностранца: «Господин Сахаров?». Затем мат и угрозы. «Ты скоро за все расплатишься».

Обыск в Тарусе у Гинзбурга (Сообщил «Рейтер», «Асш. Пресс»).

Пожар в «России».

26 февраля, суббота. Писал. Опубликовано интервью в «Франс Суар».

²⁹ Интервью прокурора Гусева, в котором осуждается позиция и общественная деятельность Сахарова.

³⁰ В передаче «Голоса Америки» Валерий Чалидзе аргументированно оппонировал Гусеву в связи с его интервью.

27 февраля, воскресенье. Писал и первый раз обсуждал.
28 февраля. Был у Райских (с 17 до 20). Вечером — Толя Щаранский. Ждали Арину [Гинзбург] — она не пришла. Приехали с дачи.

³¹Игорь Евг. [Тамм] уже перед смертью сказал на замечание Соломона Менделевича [Райского] — «Вы счастливый человек, потому что у Вас хорошие ученики»: «Да, у меня хорошие ученики — Женя, Витя.*, а самый близкий человек — Андрей**».

* Фейнберг Е. Л., Гинзбург В. Л.

** И. Е. называл Сахарова Андрей, а не А. Д.

■ Андрей рассказал, что Игорь Евгеньевич подписал обращение 1969 года (о Гинзбурге, Галанскове и Лашковой), но Е. Л. Фейнберг уговорил его снять подпись. И. Е. снял, но Андрею кажется, что он до самой смерти мучился этим. ■

Гр[игорий] Самуил[ович] Ландсберг: «Все годы из загр. поездок привозили книги и лабор. оборуд[ование]». Гр. Сам. привез из Германии кварцевую трубку оптическую, на кот. возлагал огромные надежды. На краю стола лежала трубка. Вошел И. Е., возб[ужденно] рассказывая что-то, взял трубку и

³¹ Здесь и далее заметки о прошлом Андрея — это записи его рассказов. Хотя дневник был его, но в какой-то мере и общим. Так как он всегда читал все, что писала я, то все мои записи следует считать авторизованными им.

стал ею помахивать. Гр. Сам. перекосясь, но, как к реб[енку], который вылез на подоконник, надо ласково подкрасаться. И это он сделал, схватил трубку, разжал руку И. Е., положил трубку в сейф и тогда сказал в адрес И. Е. все, что он о нем думал в связи с этой трубкой.

Когда И. Е. получил Гос. премию, он сказал, что ему стыдно иметь такие деньги и Нат[алия] Алекс[андровна] [Райская] нашла какую-то бедную девушку, которой И. Е. помогал, когда она училась, но он не знал этой девушки, и она не знала, что деньги от него.

1 марта. Вечером. Были: Ира О[рлова] забрала черновики и док[ументы] об Орлове.

Маша [Подъяпольская], Вера Федоровна.

Т. Ходорович — письмо от Плюща; вопросы об испанск[их] комм[унистах].

М. Ланда — обсуждение вопр. о компенсации по пожару³².

Днем. Общее собрание Отделения АН. Разговор с Будкером (о письме Иры [Орловой]), с Окунем и Грибовым³³.

³² В комнате Мальвы (она жила в коммунальной квартире) был пожар, который начался в ее отсутствие, но ее обвинили в поджоге.

³³ Попытка Андрея привлечь к защите Юрия Орлова его коллег-физиков.

У мамы полип в ухе — убрали, надо показать через 10 дней.

Люсе сказали [по телефону]: мат, расправимся,

Меня облял мужик по тел.

Пресс-конф. на Диком Западе³⁴.

Долгий разговор с Ариной — без смысла. Я предложила Людм. Ильиничну³⁵.

См. 6 марта.

Вечером сообщение, что Солж. нашел Алику [Гинзбургу] адвоката³⁶.

2 марта. Академия (Ду³⁷). Кембель (?) — нейрохирург с Волок. шоссе.

Разговор с Левичем³⁸. О намер[ениях] Крайского³⁹?

³⁴ Так я называла (и это название прижилось у нас в доме) Юго-Западный район Москвы, где жили многие диссиденты, в т.ч. Орлов, Гинзбург, Турчин, Алексеева и др.

³⁵ Обсуждался проект коллективного письма жен и матерей в защиту их близких.

³⁶ Кроме московского адвоката Резниковой Елены Анисимовны, у Алика был американский адвокат, которого на процесс не допустили.

³⁷ Дом Ученых, где обычно проходили общие собрания АН СССР.

³⁸ Член-корр. АН, еврейский активист, многолетний отказник.

³⁹ Андрей собирался обратиться к Крайскому с просьбой о защите арестованных членов Хельсинкских групп.

15.30 Суд: Мосгорсуд об обмене (о подсудности). Дело неподсудно районн. суду, т. к. Кошкина [участник обменной цепи] не член кооператива (на самом деле ЖСК принял ее в члены, а райисполком незаконно отменил это решение ЖСК). *На суде были Вера Фед., Дуса и беленькая журналистка из Скандинавии.*

Сообщение ТАСС: Очередной фарс Сахарова. Имел 3 квартиры, 30 м²/чел., и дачу, пытался незаконно увеличить свою площадь еще больше, но райисполком и районный суд отвергли претензии сутяжника.

ТАСС. 2 марта 5.31

НОВЫЙ ФАРС ГОСПОДИНА САХАРОВА

перевод с английского⁴⁰

Корреспондент ТАСС Александр Исаев пишет:

Московский городской суд будет слушать сегодня дело, возбужденное господином Сахаровым. Суть его в том, что несколько месяцев назад Андрей Сахаров пытался осуществить в противоречии с советскими законами и постановлениями сложный обмен трех, принадлежащих ему и членам его семьи квартир в Москве. Исполнительный Комитет Черемушкинского района, перед которым был поставлен этот вопрос, отклонил требование Сахарова о существенном увеличении его площади, которая была достаточно велика без этого. Аналогичное решение также

⁴⁰ Заявление было только для Запада.

последовало от Народного суда Черемушкинского района, к которому Сахаров обратился с жалобой против решения Исполнительного Комитета. Каковы были основания решений, принятых Народным судом и Исполнительным Комитетом?

Как известно, жилые дома в Сов. Союзе принадлежат государству, и квартиры в них предоставляются

населению за очень низкую плату, которая не превосходит 3—5% семейного бюджета. Крупное жилищное строительство осуществ. в Москве и других советских городах, но жилищная проблема все еще не полностью решена. Поэтому в Москве существует жилищная норма, составляющая 10 кв. м площади на человека. Что касается Сахарова, его семья уже имеет 30 кв. м

площади на члена семьи. Сахаров имеет также двухэтажную кирпичную виллу под Москвой в 30 минутах езды от центра — кроме трех квартир в Москве. Принимая во внимание все эти обстоятельства, так же, как советские законы и Постановления, Народный суд отклонил сахаровское требование об увеличении его жилой площади.

Кажется, все было ясно, но Сахаров показал себя неустанным сутяжником, возбудил жалобу против решения Народного суда Черемушкинского района в Московском

АКАДЕМИЯ НАУК
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

117941 П.П. Мухомов, М-71, Ленинский просп., 15

МА. 221 98-7

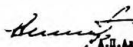
26 04 1976 г. № 10155

Академику А.Д.САХАРОВУ

В связи с Вашей прошлой просьбой, что Академия наук СССР в настоящее время не имеет возможности предоставить Вам жилую площадь.

О просьбе Вашей на жалобу площадь Вашей жены-Софьи И.Г. Академия наук СССР возмущенно ходатайство перед Мосгорисполкомом.

Президент
Академии наук СССР
Владимир

В.П.Александров

горсуде, не забыв пригласить при этом на слушание группу иностранных корреспондентов. Возникает вопрос: почему Сахаров нуждался в этом новом фарсе? Мы не думаем, что он действовал так потому, что задыхался от тесноты в своих трех квартирах и загородной вилле. Несомненно, причины этого фарса должны быть иными — по чьей-то подсказке Сахаров был вынужден вновь привлечь скандальное внимание к своей персоне части иностранной прессы и в то же время возвести клевету на советские законы.

■ Мы пытались обменять наши две двухкомнатные квартиры (мамину на ул. Чкалова и мою кооперативную в Новогирееве) на одну четырехкомнатную, но власти под абсолютно надуманными предложениями нам это запрещали. Формально Андрей к этому отношения не имел. Он был прописан на Щукинской, где жили Люба с семьей и Дима. Мой кооператив (собрание членов кооператива) отказывался принять его в члены кооператива как недостойного члена общества. А без решения кооператива милиция его не прописывала. ■

Телеграмма Сергею [Ковалеву]. Вечером сообщение, что его переводят в Ленинград.

Благодарность в «Н-Й Таймс»⁴¹.

⁴¹ см. 8 февраля.

*Рен*⁴² — рассказ о суде. Судья сказала — на вопрос, должен ли суд защищать граждан и закон — у нас не американский суд, у нас другие задачи. Звонила Рая [Хейфец] — Хейфец в Саранске не исправился, давно нет писем⁴³.

3 марта. ДУ. Выбор директоров. Говорил с Харитоновом, Гапоновым-Греховым, Мигдалом о Р[еме]⁴⁴ — отказ.

Был Ф. Коллман с фотографом для «Ньюс Вик». Слух о швейцарской визе для Орлова.

Был Остеллини с переводчицей, дал 15 вопросов для своей буд[ущей] книги, просил к 15/III.

Очень тихий день, но вечером — Копелев: взрывы — маньяк; в крематории венки от сотрудников гост[иницы] «Россия»⁴⁵.

Игорь Евг. говорил, что Харитон — очень хороший человек!

⁴² Рен Кристофер, американский журналист.

⁴³ Заключенных мордовских лагерей за нарушение лагерного режима часто переводили в тюрьму «на исправление».

⁴⁴ Поиск работы для Ефрема, которого после суда над Сергеем Ковалевым (декабрь 1975 г.) уволили с работы и нигде в других местах не принимали, а это грозило судом по статье за тунеядство.

⁴⁵ См. 25 февраля. При пожаре было много жертв, но власти это скрывали. Венки являлись косвенным доказательством гибели людей.

Говорила с Ленинградом — Наташа [Гессе]. Жаклин Онасис; малороссы, великороссы, белорусы — и всякая другая клюква. [По радио была передача о ее книге].

Починили краны в кухне и в ванной, слесарь очень ругал Софью Вас. (не Каллистратову)⁴⁶.

Амальрик в интервью сказал, что Сах[аров] письмом о метро, возможно, предотв[ратил] волну репрессий⁴⁷.

Разговор с Люсей Бойцовой — о телегр[амме] нач[альнику] лагеря.

Разговор с Еленой Анисимовной [Резниковой — адвокат] о ее беседе с Петровым[-Агатовым].

2/III — день рождения Сергея [Ковалева] — были Таня и Рема.

4 марта. Ругались. Вернее — ругалась я. Взорвалась после звонка какой-то женщины об убийствах. Был Collman — изменения в интервью «News Week».

Андрей пишет ответ Гусеву [на его интервью].

Был сокамерник Дворянского⁴⁸.

⁴⁶ Софья Васильевна — Советская Власть (народное название).

⁴⁷ Слышали по Би-Би-Си.

⁴⁸ Дворянский, заключенный того же лагеря, где отбыл наказание М. Джемилев. На суде отказался давать показания против Мустафы.

Был Виктор Бо.

Статья в «Известиях» — Лернер, Щаранский, Азбель [Марк] — здесь и уехавшие: Азбель [Давид], В. Рубин, Луниц⁴⁹.

Какие-то новости у Томаф.

Землетрясение в Бухаресте — 7 б[аллов]. В Москве качался пол и качались люстры.

Сергей [Ковалев] уже в Лен[инградской] больнице.

Ошибка (на самом деле только 9-го).

4 марта 1977

Мир давно сошел с ума,
И напрасно черный ус
На экране синема
Крутит капитан Дрейфус.
Над Москвой гремит салют,
Вьются флаги на ветру,
Сети черные плетут
Нам агенты ЦРУ.
Повторяется не фарс,
А история сама.
В дымном небе — рыжий Марс,
Мир опять сошел с ума.

⁴⁹ Абсолютно погромная статья, в которой фигурируют многие отказники, разоблачающая «сионистский заговор» (см. отзыв 5 марта).

5 марта. Была женщина, у которой в милиции убили мужа — Волина, а его фамилия Захаров (Влад. Конст.). Направили к Чайковской⁵⁰.

Был Валя Турчин. Вчера был обыск у Лернера. В Одессе 4 обыска и арест.

О статье Гусева — написали для NYT.

Вечером был Рен. Вчера опубликована его статья об обмене ж.п. [жилплощади]⁵¹.

Дали отзыв в «Associated Press» о вчерашней статье: «4 марта, накануне 24-летней годовщины смерти Иосифа Сталина, инициатора дела «врачей-убийц», ставшего последним преступлением в его длительной уголовно-государственной деятельности, в газете «Известия» вновь появилась отвратительная провокационная статья, в которой желающие эмигрировать евреи обвиняются в шпионаже. Это современный вариант дела Дрейфуса».

⁵⁰ Ольга Чайковская, журналист «Литературной газеты», писала статьи о судах и заключенных, по тем временам очень смелые.

⁵¹ Комиссия райисполкома по надуманному предлогу отказала нам в разрешении на обмен двух двухкомнатных квартир на одну четырехкомнатную. В обмене участвовали семь человек (Р. Боннэр, Е. Боннэр и А. Сахаров и семья Янкевичей-Семеновых с двумя детьми). Суд подтвердил это решение.

Разговор с Вале́й [Турчиным] — всегда есть немало полуправды — у них!

Таня была у Слепаков, там Толя Щаранский, все очень подавлены.

Утром была Тома́р — допрашивают лаборанток. 6 марта. Был Лева [Копелев]. Утром звонил из Белоруссии Петров — рабочий, бухенвальдский узник. Просит послать Декларацию и пакты⁵².

[Черновик письма]

Президенту США

Дж. Картеру

Федеральному Канцлеру

Бруно Крайскому

Глубокоуважаемый господин Президент!

(господин Канцлер)

Крайне обеспокоенный судьбой членов московской группы Содействия Хельсинки я строго доверительно обращаюсь к Вам.

Я прошу Вас использовать личные контакты и дипломатические каналы, чтобы спасти их от жестокой расправы.

Мать Александра Гинзбурга, жена Миколы Руденко, жена Юрия Орлова и мать Алексея Тихого просят, если нельзя освободить арестованных, то, чтобы им вместе с семьями позволили выехать в одну из стран Запада.

⁵² «Декларация прав человека» и пакты о правах.

При этом чрезвычайно важно, чтобы одновременно решалась судьба всех четверых членов Группы Хельсинки, ибо освобождение только одного неизбежно привело бы к еще более суровой расправе с оставшимися.

Я убежден, что Ваше авторитетное содействие может благоприятным образом повлиять на всех, от кого зависит судьба этих, и не только этих, узников совести.

С глубоким уважением

Андрей Сахаров

6 марта 1977

Немецкая волна

1) Крайский: *«Письмо Картера Сахарову — мило и сентиментально.»*

«Ди цайт» — Европа не поддержит Картера⁵³.

Таня была у адвоката. Следствие идет, а будет ли суд, видимо, скажет КГБ.

7 марта. Бор. Герм[анович Закс], Сафа Юльевна [Твердохлебова], Маша [Подъяпольская], Людм. Ильинична [Гинзбург]. Письмо жен и матерей еще не сделано.

⁵³ Письмо Крайскому мы печатали утром, а вечером слушали по радиостанции «Немецкая волна» интервью Б. Крайского. После его иронично-скептического замечания о Картере и возможной позиции Европы (Европейский антиамериканизм не сегодня родился — пишу в 2004 году), Андрей сильно засомневался в этом письме. И, если мне не изменяет память, оно не было отправлено.

Вечером начали печатать «Тревогу и надежду» — 3 стр.

Звонил Валя [Турчин]. На дик. Западе еще ничего не сделали.

Андрей говорит, что «Тревога» — главная работа года.

8 марта. Женский день.

Печатаем «Тревогу».

Ответ Валерия [Чалидзе] в NYT — на Гусева — хороший.

От аляскинского парня — резина, сигареты и выпивка⁵⁴.

9 марта. «Тревога» кончена. Приехали с дачи.

Вечером был Валя [Турчин] с Ириной [Орловой] и Ариной [Гинзбург] — все обсуждают!

Завтра продукты⁵⁵.

Мама в гостях у Алешки.

Звонил Прудников — нач. курса, удивлялся, почему Дима [Сахаров] не появляется на факультете. Был Юра [Сахаров], получил деньги.

⁵⁴ Жевательную резинку посылали в посылках и бандеролях заключенным, т.к. она являлась (наряду с иностранными сигаретами и голографическими открытками) внутрилагерной валютой.

⁵⁵ Раз в неделю Андрей имел право покупать продуктовый набор (довольно хороший по тем временам, но не дешевый) в столовой Академии наук.

■ Брат Андрея почти никогда не работал, жил до смерти их отца Д. И. Сахарова на его иждивении, а после его смерти — на иждивении Андрея. В 1972 году, когда статус Андрея уже из положительно-го перешел в резко отрицательный, мы стали опасаться, что отсутствие у Юры социального статуса может в какой-то момент стать для него опасным. Я посоветовала Андрею оформить Юре инвалидность. Вначале Юра резко и бурно возражал, но перспектива получать пенсию смягчила его реакцию. Но за этот совет на меня очень обиделась тетя Андрея — Т. И. Якушкина. Однако меня поддержали другая тетя — Е. А. Сахарова и двоюродная сестра Катя, которые понимали опасность ситуации. Пенсия (по инвалидности) была очень маленькая, и фактически Юра продолжал быть на иждивении Андрея. Деньги ему приходилось давать небольшими порциями, потому что он часто их терял, и мы сами оплачивали его квартиру и коммунальные расходы, так как он забывал это делать. ■

Вечером Ремке повестка в ящике.

■ После того как провокация с «наездом на несуществующего пострадавшего» сорвалась, Ефрема стали вызывать в отделение милиции и собирались открыть против него «дело о тунеядстве». Но его вызывали на допросы и по поводу того, что он что-то дал читать уже не помню кому, и

в связи со взрывом в метро, и по другим поводам.

Какой был повод в этот раз, не помню. |

10 марта, четверг. Сдавать, сдавать «Тревогу».

Продукты.

Андрей был в Норв. консульстве. На выходе две черн. «Волги» и два фотографа, но, кажется, они приехали чуть поздно и не успели толком сфотогр.

Вечером Вера Фед., Лара [Богораз] (вторник!)

| Как я уже писала, вторник у нас был узаконенный приемный день.

Приходили, не договариваясь, в гости и по делу.

Иногда на кухне собиралось более 10 человек. Те, у кого было дело к Андрею, уходили поговорить с ним в нашу комнату. И часто Андрей звал меня на эти разговоры. Я всегда готовила ужин. Обычно это были бутерброды с сыром и колбасой, пирожки с мясом и капустой. Иногда добавляла салат-оливье и яблочный пирог (когда на это было время). Чай с вареньем. Спиртного не было никогда, кроме дней рождения. Отмечались дни рождения всех членов семьи — и присутствующих, и отсутствующих. |

Вера Фед. гов., что у Лернеров настро. похоронное.

Звонил Николас [Бетелл] — ходят слухи, что Штерн освобожден.

Ремке повестка в милицию на сегодня на 10 утра — сейчас 11.30 вечера.

Л[ернер] задавал вопрос, надо ли подавать в сов. суд на клевету. Я не советую, также не советую объяснять, почему он не довер. сов. суду. Толя [Щаранский] передал свед[ения], что в Амстердаме назн. на 28/III суд по делу Штерна⁵⁶, и ему сов. власти предлагают писать помилов., а пока держат в карцере.

В. Ф. говорила, что С. В. [Каллистратова] против письма жен и матерей сов. властям.

[Письма Тиму Грeve и Валерию Чалидзе.]

Дорогой Тим Грeve!

Я, к сожалению, получил только второе Ваше письмо с предложением принять участие в сборнике. Это было 24 января. Поэтому я несколько задержал свою работу. Но сейчас она готова, и сегодня я надеюсь послать ее Вам. Я надеюсь, что она подойдет для сборника по содержанию и объему. Если это не противоречит вашим установкам, я хотел бы, чтобы эта работа была независимо опубликована по-русски, потому что я думаю, что именно сейчас она имеет значение для наших дел.

В случае вашего согласия, я прошу Вас, поскольку у меня очень плохо с почтовой связью с заграницей,

⁵⁶ Врач Штерн (Украина) был осужден якобы за взятки. После суда над ним в одной из местных газет появилась статья откровенно антисемитского содержания вроде памятного из 1953 года фельетона «Пиня из Жмеринки». Здесь речь идет о заочном суде как форме международной защиты.

переслать русский текст Валерию Чалидзе вместе с моей запиской по поводу русской публикации.

Наша жизнь трудная и почти невыносимая. Мы сами удивляемся, что еще можем в ней что-либо делать.

Елена и я шлем приветы госпоже Лионас и другим членам Нобелевского комитета, Вашей жене, Виктору Спарре и его жене и всем друзьям.

С уважением

10 марта 1977 года

P.S. Адрес Чалидзе

Дорогой Валерий.

Статья «Т. и Н.»⁵⁷ написана по просьбе Нобел. к-та в Норв. Я просил у Тима Г. разрешения на независимую во времени русскую публикацию. Мне бы хотелось, чтобы Вы сделали из нее брошюру (как уже делали раньше с нек. моими статьями) и одновременно дали бы частично или целиком опубл. Ш-ой⁵⁸ в «Р. М.». Мне думается, что «Т и Н» нужна именно сейчас. У нас все здесь очень трудно, почти невыносимо. По радио слушали все в защиту Алика, потом Вашу статью в «В. П.»⁵⁹ и по поводу Гусева.

⁵⁷ Статья «Тревога и надежда».

⁵⁸ Зинаида Шаховская тогда была редактором парижской газеты «Русская мысль».

⁵⁹ Газета «Вашингтон Пост».

Показалось все уместным и нужным. Вы — молодец (для меня — больше всего в том, что в Ваших публ. выск. я ощущаю ноты более близкие мне, чем выск. многих др. наших, ставших жителями своб. мира.) Здесь просоч. как. свед. о якобы идуш. кулуар. перегов., чтобы Орлова высл. на Запад. Если это так, и Вам что-либо известно, то важно предпр. попытку, чтобы такова была судьба и Г., Р. и Т.⁶⁰ Высылка только одного неминуемо утяжелит судьбу др. — Г. и Т.⁶¹ повторники, уже это одно страшно, а Украина никогда не сулит ничего хорошего. Сейчас так много другого и более худшего⁶², что проблему «Р. г.»⁶³ я снимаю. У нас все очень плохо, а как еще будет! Это все Люся печатает, а я из себя слова не могу выдавить, но по моему все понятно и без слов. А.

Я тоже очень скоро не смогу. Привет К-нам и Б-нам⁶⁴, и всем нашим. Л.

10/III -77

⁶⁰ Гинзбурга, Руденко и Тихого.

⁶¹ Гинзбург и Тихий — «повторники»: они в прошлом уже были осуждены. А повторный срок в лагерях психологически очень страшен.

⁶² Это была и у нас, и вокруг в диссидентской среде ошеломленность от тона и содержания статьи в «Известиях» (см. 5 марта).

⁶³ Это «г» я не понимаю, по рукописи проверила — там «г».

⁶⁴ Клайны и Бернстайны.

11 марта. Писал и печатали Заявл. Промыслову⁶⁵ и письмо Александрову А. П., печатали копию [заявления] ТАСС. Решения Черемушк[инского] Райисполкома.

12 марта. Утром — звонок человека, который и ранее звонил и излагал предположения, что взрыв в метро — дело рук грузин. Теперь у него гипотеза — треугольник КНР, США, СССР: КНР хочет поспорить на диссидентах США и СССР. Через час он же звонил о том, что за крупные хищения — теперь «химия»⁶⁶. Первый разговор был прерван.

Днем не делал НИЧЕГО. *Нет. Ходили в магазин и аптеку.*

Обменяли Хулигана
На Луиса Корвалана
Где б найти такую бл-дь
Чтоб на Бр-ва сменять

↑

народное

Встает Вова⁶⁷
Утром рано
Вспоминает
Корвалана

↑

Андрей

⁶⁵ Промыслов, председатель Моссовета. Мы писали заявление в Моссовет о том, что нам запрещен вполне законный обмен (см. прим. к 5 марта). К заявлению сделали подборку документов из советской прессы о нашем обмене жилплощади.

⁶⁶ Работа на предприятиях химической промышленности, но вне места прежнего проживания (своеобразный вид ссылки).

⁶⁷ Обе частушки — реакция на обмен Володи Буковского на секретаря Чилийской компартии Луиса Корвалана.

13 марта. Написал Верхоляку Д. К. [?], но не послал.

По радио (Фр. радио) — инт[ервью] Медведева [Роя] — если перейти пределы, то выст[упления] по проблеме прав человека приносят вред борьбе за эти права и разрядке в целом. Картер перешел этот предел, хотя он и не сомн. в его искренности.

Инт[ервью] Арбатова в «Ньюс Ворлд Репорт». В Хельс. согл[ашениях] нельзя пренебрегать ничем (это не меню). Соблюд. принципа невмешательства во вн[утренние] дела — необходимо. Нас особенно волнует организованный характер т. н. борьбы за права человека, и не американцам об этом говорить — мы кое-что знаем о правах черных и т. п. Америка — это не только ее президент, в искренности президента он не сомневается.

Передавалось краткое изложение инт[ервью] Сах[арова] «Ньюс Вик».

Умер Ян Паточка⁶⁸. После 10-часового допроса у него был серд. приступ.

14 марта. Солнцева [участник обменной цепи] сообщила, что она отказывается от участия в обмене [запугали?].

Утром звонил тот же некто: «У меня вопрос — почему Дуб[чек] Вам не помогает? Ведь он тоже пострадал от репрессий. У меня есть новые данные, подтвержд. участие Пекина».

⁶⁸ Чешский диссидент, один из активных деятелей Пражской весны.

Послали телеграмму соболезнования по поводу смерти Яна Паточки.

Текст телеграммы:

вместе со всеми друзьями глубоко скорбим трагической смерти Яна передайте наши соболезнования семье зпт близким зпт друзьям

Елена Андрей

обр. адрес, Семенова⁶⁹

Вышел из печати номер «Ньюс Вик». Там фото встречи Стула с Паточкой, но нет сообщ. о смерти. Рядом — сильно сокр[ащенный] текст моего интервью. Но очень кстати...

15 марта. Освобожден Штерн!

Арестован Толя Щаранский. Утром он по телефону говорил с П. [?] [Из квартиры Слепаков]. В 12 час. телефон у Слепаков выключили. В 18 час. пришли корры с известием об освобождении Штерна. Толя пошел позвонить [из автомата на улице]. Ему заломили руки и увезли.

■ После статьи в «Известиях» от 4 марта появились очень серьезные опасения, что Толя (в статье он фигурировал) может быть арестован. И у нас была надежда (очень слабая), что если он какое-то время будет у нас на даче, где арест маловероятен, то КГБ «остынет». Иногда (крайне

⁶⁹ Мы сочли, что без фамилии Сахарова телеграмма верней дойдет, поэтому в обратном адресе (нашем) фамилию указали моей Тани.

редко) так бывало. Толя согласился и договорился с Таней, которая его ждала у Слепаков, ехать туда вместе с ней сразу после пресс-конференции о Штерне. ■

Вечером были — Вера Фед., Маша [Подъяпольская], Эйтан [Финкельштейн], Шура [Финкельштейн]; Юра [Сахаров] (получил деньги).

16 марта. Обыск у И. Орловой для изъятия ценностей (радиоприемник, фотоаппарат, сертификаты, мохер).

Пресс-конференция о Щаранском на квартире Слепаков:

Мое заявление, потом много вопросов, пытался сказать, что сейчас возникла крит[ическая] ситуация, решается вопрос о том, будет ли признана защита прав человека составной частью процесса разрядки, или Запад поддается советскому шантажу. Сказал, что не позиция Картера создала критическую ситуацию, ее создал весь ход историч. процесса последних лет, но Картер от имени амер. народа высказался за защиту прав человека во всем мире и принял на себя большую историч. ответственность — я уверен, что он будет с честью ее нести. Любое проявление слабости, колебаний имело бы трагич. последствия.

2) Заявл. группы Хельсинки,

3) пятидесятников,

4) еврейского движения.

На пресс-конф. обругал Роя [Медведева].

17 марта. Напечатали письмо к Алекс[андрову] (вновь). Отвез в Президиум АН, вместе с решением Чер[емуш-

кинского] рай[суда], [заявлением] ТАСС, заявление[м] Промыслову.

Вечером были Таня Х[одорович] и М. Ланда.

Звонила утром Евд. Алексеевна [Верная — свекровь Любы Сахаровой] о том, что Дима не бывает в МГУ.

18 марта. Была Таня [Сахарова], ей запломбировали зубы.

Сдал 5 штук в химчистку.

Люся разбирает бумаги и «люто меня ненавидит».

В течение дня некто пробивался и пытался рассказать про Сережу [Ковалева].

Вечером. Звонил Саша [Лавут] и рассказал, что в письме Сережа сообщает о прибытии в Лен[инград], о снятии голодовки с 11/III и, что все хорошо.

Заболела Катя [дочь Алеши Семенова] — 37,7.

Какая-то статья в Комсомолке⁷⁰.

Утром была мама Толи Щаранского с женой его брата.

Были Таня Х[одорович] и Мальва [Ланда]. На Юго-Западе новостей нет. Валя [Турчин] в депрессии, но Таня сказала «не в большей, чем у всех». Уже второй раз слышу от Тани [Ходорович], что надо уезжать. Когда так говорят, то со временем и уезжают.

19 марта. Была Таня В[еликанова]. Показала материалы про то, что на каком-то инструк. совещ. (в АПН) некто

⁷⁰ Газета «Комсомольская правда».

обещал проводить тверд[ую] политику. Посадить 50 дис-с[иденто]в и сделать худо остальным. Мы не будем обра-щать вним[ание] на вопли Запада! В АПН ? бригада гото-вит книгу «К высылке акад. Сахарова».

Люся разобрала 1 комнату.

Я сдал обувь в ремонт и брюки в чистку.

В своей задаче нашел группу $(T_0T_1)(T_1T_2)=(T_0T_2)$.

Была Эда [Тушинска]⁷¹, попросили через Анджея [Мандаляна]⁷² передать привет [зачеркнуто — Збигне-ву Ромашевскому].

Звонил Любе. Она сказала, что сомневается в Дим-кином намерении сегодня сдавать черчение.

Статья в Комсомолке снова и очень грубая в ад-рес США.

В Л-де суд: Волкову — 8 лет, Рыбакову — 6 лет. Это художники и лозунги⁷³.

⁷¹ Польская коммунистка, друг нашей семьи (Г. С. Али-ханова и Р. Г. Боннэр). С начала 30-х годов жила в СССР. В 37 г. была арестована. После освобождения уехала в Польшу.

⁷² Анджей Мандалян — польский литератор и перевод-чик (в частности, переводил Б. Окуджаву), сын погибшего в 37-м близкого друга моего папы Г. С. Алиханова. Его мать — польская коммунистка — тогда же была арестована, а после освобождения вернулась в Польшу вместе с сыном.

⁷³ Эти молодые ребята писали на стене Петропавлов-ской крепости призывы и лозунги, которые власти считали антисоветскими. Один из них был будущий депутат Госу-дарственной думы Юлий Рыбаков.

Пытался прозвониться Париж. Какая-то женщина (не успела сказать, газету или журнал) хотела взять интервью у меня.

20 марта. Андрей вымыл стены в кухне на 5+. Все убрали. Вечером Алешка вымыл полы. Дом прямо как на Пасху при Батане [моя бабушка]. Не убрана только ванная.

Прозвонился пафень из Л-да. Видимо, у них старые сведения. Сказал, что Сергей [Ковалев] объявил голодовку.

Письмо из Черемушк[инского] райисп[олкома] и от Раисы Львовны Берг⁷⁴.

Андрей кашляет меньше.

Не были на даче с 9 марта.

Сегодня какая-то гадость в «Неделе».

Арбатов намотал статью (тема детант и диссиденты) в Амер. научн. журнале физиков.

Вику [Алиханову] взяли на работу.

21 марта. Речь Л. И. Брежнева на съезде ВЦСПС XVI:

У разрядки есть враги, которые не имеют опоры в нашем обществе, где нет классовой и национальной розни. Но заруб[ежные] враги разрядки искусств. раздули вопрос о так назыв. инакомыслящих — о горстке отщепенцев, слу-

⁷⁴ Берг Раиса Львовна, д-р, генетик. Работала в Сибирском отделении АН СССР. Была уволена по идеологическим мотивам и эмигрировала в США. Автор книги «Суховей», М., 2003, «Памятники исторической мысли».

жащих интересам сил реакции, врагов разрядки, разведыв. служб Запада. Мы не потерпим вмешательства в свои внутр. дела. Не только наше право, но и долг — ради интересов и прав нашего 260 млн. народа — поступить с этими отщепенцами по всей строгости закона. Посмотрим, с чем к нам едет Вэнс. Мы за разоружение, но для успехов переговоров о разоруж. необх. хотя бы миним. уважения, невмешательства во внутр. дела друг друга, мин. корректности. И, если возникнет задержка, не мы в этом виноваты.

Мы на даче.

Приехал Игорь Гессе.

Разговор с Мариной [внучкой] о Сереже [Ковалеве] (почему он [был] такой грустный? где он сейчас?).

22 марта. Поезд 23, ваг. 3, 20 ч. 34 мин. Рая [Бонер — моя тетя (Е. Б.) из Ленинграда].

С Мейманом вечером говорил о Р[еме]. (обещал поговорить с Мишей Л[евиним]⁷⁵).

Вечером были двое из милиции (Золотухин и еще один), требовали явки Ремы. Звонил парень Андрей, сидел по уг[оловной] статье в 15 лаг. п[ункте] Морд[овии].

⁷⁵ Вновь разговор о работе для Ефрема Янкелевича. К этому времени он уже имел от милиции предупреждение о привлечении к уголовной ответственности. На работу по специальности (он окончил ин-т связи) его нигде не брали, а на неквалифицированную работу не брали людей с высшим образованием.

Гов[орит], надо обращение к Белграду о пол[оже-
нии] в лагерях.

Коллман принес «Ньюс Вик».

«Асс. пресс» звонил. Я сказал, что в выст[уплении] Брежнева содержались гораздо более определенные и жесткие выск[азывания] о пробл[еме] прав человека и инакомысл[ии], о сов.-амер. отнош[ениях], чем в каких-либо других офиц. выск[азываниях] в последние годы. Что меня огорчило многое в этом выступлении, но, что я по-прежнему считаю, что имеется реальная возможность плодотворного обсуждения важнейших вопросов, от которых зависит будущее человечества — таких, как разрядка и права человека. История дипломатии свидетельствует, что в тех случаях, когда накапливаются и переплетаются сложные вопросы, их следует попытаться рассматривать независимо. Я считаю разумной и плодотворной позицию презид. Картера о независим[ом] рассм[отрениии] проблемы разоружения и прав человека. («Если Запад будет придерживаться последоват[ельной] и принц[ипиальной] политики в отнош[ениях] с СССР, время работает на мир» — этих слов я не сказал.)

Мейман рассказал, как Т[урчин] послал его со статьей о важн[ости] эмигр[ации] к Рою [Медведеву], и как тот политиканствовал. Т. привел Роя на проводы Алексеевой. У Меймана речь шла о том, что даже в царской России и в гитл[еровской] Германии до 37 г. не ограничивалась эмиграция. Рой сказал, что он не может публиковать защиту гитл. Германии, не отрицая правильность тезиса по существу.

У Алексеевой Турчин не решился подписать письмо в защиту Хартии-77 в присутствии Роя, а потом подписал. Алферов, Сах. и Ю. Б. Х[аритон].

А[лферов] говорит: «Мы не всегда доверяем Ю. Б.».

Сах.: «Ю. Б., может, нам уйти?». Ю. Б.: «Не надо придавать этому принц. значение».

Главная идея Ю. Б.: «Кто же (если не он?) будет делать дело — страна погибнет».

Ванников и Курчатова наз[ывали] Ю. Б. — Хаймович. «Что скажет Хаймович?» И Ю. Б. делал вид, что это милая шутка.

Странная статья в «Неделе»⁷⁶.

23 марта. Сегодня утром: был Леви⁷⁷.

Отзывы прессы, реакция Картера на речь Брежнева на мой взгляд спокойная, твердая, достойная — в духе разделения проблем. Считают обнадеживающей позицию Брежнева по проблеме Ближнего Востока, отчасти и о разоружении. И игнорируют резкости. Форд однако сказал, что огромный рост советских вооружений ставит под удар переговоры о разоружении. Бжезинский (?) считает, что вредно заключать такие соглаш[ения], которые нельзя проконтролировать (напр. о Круиз⁷⁸). Бжезинский сказал,

⁷⁶ В. Апарин, К. Брянцев. «Под фальшивой личиной «Борцов за права человека», «Неделя» № 10, 1977, с. 16, рубрика «За кулисами диверсий».

⁷⁷ Канадский корреспондент.

⁷⁸ Круиз — вид баллистических ракет большого радиуса действия, несущих ядерный заряд.

что Картер тщательно обсуждает с Советом Безопасности все свои высказывания и взвешивает возможную реакцию. Пресса одобряет откровенный, открытый стиль Картера. По словам Картера, некот. люди приходят в волнение *каждый раз*, когда Брежнев чихнет.

Мотя, Таня, Инна [Каганова], Маша [Литинская] были на «Зол[отом] ключике».

В Лит. газете на 9 стр. и Обращение. [?]

20-го — письмо от Р. Л. Берг.

Призыв Картера о доп. ассигнованиях на «Голос Америки», «Своб. Европа», «Свобода» (3—5 лет).

24 марта. День рожд. Тани Семеновы (27 л.). Много гостей и угощения — все отлично.

Юра Ших[анович] сообщил со ссылкой на псих[иатрические] круги, что принято решение принудительно госпитализировать Юру Сахарова.

Пресс-конф. Картера. Разр[ядка]. Он считает речь Брежнева в высшей степени конструктивной. Брежнев строго выделил вопрос о диссидентах и правах человека, и тут Картер с ним не согласен. Но ему совершенно ясна заинтересованность Брежнева в разоружении и [зачеркнуто].

Заболели Марина [внучка Сахарова] и мама.

Звонил Звиад [Гамсахурдиа]: об Орлове — 220 физиков⁷⁹; о нем самом — гадости в Тбилисской газете.

⁷⁹ Выступление западных физиков в защиту Ю. Орлова.

25 марта. С утра поехали с Мотей к кожнику.

Писали телеинтервью. Вечером оно состоялось — «ABC News».

Был Яковлев (безр[аботный] шофер из Новосибирска), потом его плачущая мама сказала, что он пропал.

Был П. Г. [Григоренко] и Подрабинек с проектом письма о Войханской⁸⁰ с рекомендацией для Гонолулу⁸¹. Я отказался.

Был Юра Сах[аров] — бесполезный разговор.

Дети (Мотя — 37,5 и Аня — 38,3) заболели.

П. Г. рассказал о семье баптиста из Горького.

Яковлев Александр Федорович, 1947 г. р., урож. Куйбышева.

Бюро несч. случаев 224-95-51

26 марта. В 11 были: 1) Юхансон — Норв[ежское] радио, 2) подруга Дисы, 3) Швед. Спросили о названии и содержании статьи для Нобел[евского] сборника. Далее вопросы обычные: 1) о дисс[идентях], 2) о наст. моменте, 3) не ухудш[ила] ли позиция Картера полож[ение] диссид[ентов]. Я попросил передать стилист[ические] изменения.

⁸⁰ Психиатр Марина Войханская эмигрировала в Англию. В СССР остался ее малолетний сын с ее матерью, так как его отец не дал разрешение на эмиграцию ребенка. Через два года разрешение было получено, и мальчик вместе с бабушкой выехал из СССР.

⁸¹ Конгресс психиатров проходил в Гонолулу.

Был Эмиль [Шинберг]. Снова через психиатр. круги — о решении госпитализировать Юру[Сахарова].

Поехали на дачу 15.10.

У Эмиля около м-ца назад были и смотрели ист[орию] б[олез]ни Тани⁸².

На даче — Томар. У нее ответ на ее жалобу в областн. прокуратуру. Вроде бы дело прекращено, но затребовано вновь из области для рассмотрения законности прекращения.

27 марта. Говорил с Люсей Б[ойцовой] по телефону. 25-го у Сережи [Ковалева] была операция (намечалась пласт. операция ушивания узлов). Проктолог из Сестрорецка не предполаг[ает] рака. 24-го было свидание с Люсей. Вес — 58 кг. Снял голодовку только 11-го, когда началось обследование (вес — 53 кг). 1-го выехал из Купчино, сказали ему, что «в направлении Ленинграда». Нашу телеграмму с просьбой прекр. голодовки получил, но игнорировал.

Люся присоед. к просьбе Группы⁸³ о помиловании Жвания — осуждая насильственные методы, мы также принц[ипиально] против смертной казни.

28 марта. Приехали с дачи.

⁸² Таня Семенова-Янкелевич в начале 1977 года лежала в кожном отделении больницы, где Эмиль Шинберг был заместителем гл. врача.

⁸³ Московская Хельсинкская группа.

Звонила мама Яковлева⁸⁴. Она все еще не нашла его.

Звонил Тимачев. Завтра, 29-го, будет в 13.30 — 15 звонить Лондон.

Была жена Чуйко Богдана Мих. (1919 г. р.). После 15 лет заключ. (72-75 гг. в 36 лаг.), ему, инв. II гр., назначили ссылку в Бакчар Томской обл.

Были Люба с Сашей [муж Любы], дали им 140 р. для Димы.

Была Юла.

Купили светильники 3х2,50 и электромясорубку.

Брежнев на встрече с Вэнсом сказал о несовместимости вмешательств во внутр. дела с нормальным развитием советско-американских отношений.

Вэнс предлагает уменьшить число носителей много меньше 2400.

Опубликован в «НУТ» ответ Гусеву и, кажется, прошло телеинтервью.

29 марта. В 11 был Котик Максим Иович (1901 г. р.), его сын Виталий (1957 г. р.) убит младшим сыном. Сам Котик много сидел и много повидал. Архитектор, немного изобретатель, немного фантазер.

Был Якас Станислав Станиславович — подельник В. Севрука — [он] в США без работы, якобы жертва преследований.

Был кандидат в члены парламента L [Люксембурга] от консервативной партии.

⁸⁴ см. 25 марта.

Написал письмо о В. Ф.

■ Врач Вера Федоровна Ливчак добивалась разрешения на поездку в Израиль или в любую европейскую страну для встречи с дочерью, которая эмигрировала в Израиль в 1971 году. На ее неоднократные заявления отвечали отказом и предлагали эмигрировать, чего она не хотела. Ссылалась на «родные могилы» и тяжело больную старшую сестру, которую не может оставить. Эта тяжба длилась пять лет и в конце 79 года Вера Федоровна согласилась на эмиграцию. В прошлом ее муж (родной брат известного московского кардиолога Долгопоска) был репрессирован и отбывал наказание в одном из северных лагерей. Тогда В. Ф. оставила работу в Москве и поехала с маленькой дочкой туда, где находился ее муж. Там поступила на работу лагерным врачом, чем, возможно, спасла жизнь не только своему мужу, но и многим другим заключенным. Это своеобразная повесть о «женах-декабристках» советского периода. В период ее хлопот о разрешении на поездку для встречи с дочерью я написала письмо королеве Великобритании и получила вежливый ответ из ее Секретариата. В нем мне объясняли, что по статусу королева не имеет права вмешиваться в политику. А поднятый мной вопрос не гуманитарный, но политический. Андрей неоднократно писал о деле В. Ф. Ливчак и в ОВИР, и Зам. мин. МВД Шуми-

лину. В «Воспоминаниях» он ошибочно приписал себе также письмо королеве. ■

В ФИАНе конец докл. Кадышевского.

Прозвонился Буковский. После 1 слова телефон выключен на 2—3 часа.

Тел. Котика 333-36-37

Вечером был В. Корнилов. Привез подарок от Л. К. — «Записки об ААА⁸⁵». Рассказал, как его выгоняли (Грибачев⁸⁶ не знал, что такое сионизм, кричал, что Володя продался за миллионы и теперь будет нищим. Прилежаева интересовалась, живы ли его родители, есть ли дети — на предмет устранения от вредного влияния, на что живет)⁸⁷.

Л. Копелев написал письмо. Сегодня его выгоняют⁸⁸.

Марк Поповский выходит сам — написал отказ от членства.

Звонила Ира [Строцци] — родила Наташу, Нина [Харкевич] в порядке.

Евг. Льв. [Фейнберг] слышал передачу [неразборчиво]. Спрос[ить] когда.

⁸⁵ Ахматова Анна Андреевна.

⁸⁶ Грибачев и Прилежаева — писатели и члены какого-то писательского «руководящего» органа.

⁸⁷ Выгоняли Владимира Корнилова из Союза Писателей СССР.

⁸⁸ Копелева исключили из Союза Сов. Писателей, Поповский вышел сам.

30 марта. Яковлева опять звонила. Я звонил в КГБ, деж[урному] по городу, [в] 70 отд. — Галицкому, дежурному Ждановского р[айонного] Упр[авления], бюро несч[астных] случаев. [Наводил] справку о задержании.

Швед принес вопросы [для интервью].

Были у тети Тани. Была Маша [Сахарова] с детьми и Виталий [Рекубратский].

Советск. правит[ельство] отклонило предлож. Вэнса. (Альтернатива — либо сократить число носителей <<2400 и снять Круиз, либо Владивосток+Круиз.)

Дети Аня и Мотя — болеют, хотя темп. 37,2, 37,1, но насморк и очень плохое самочувствие, ночью у Ани понос и рвота.

Передача «Голоса Америки». Вчера опубл. мой ответ Гусеву. Хорошее изложение. А у «Би-би-си» то же самое по-идиотски — призыв к рук[оводителям] глав государств, ни слова о Гусеве.

Стало известно, что Сов. правит[ельство] отвергло оба предложения Вэнса о контроле над страт[егическим] воор[ужением] — прогр. максимум и альтерн. прогр. мин[имум].

31 марта. Звонила и была Яковлева. Дали ей 80 р., она совсем без денег.

Звонила мама Толи Щаранского: была в Лефортове, рук. следств. группы Володин Виктор Иванович. Сказал, что вам все равно, какая у него статья — 70-ая или 64-ая. Сказал, что о защитнике думать рано, что следствие продлится долго.

Вечером слушали нудную — на 1,5 часа одно заявление — пресс-конференцию Андр. Громыко. Не лицо, а маска, к тому же фиглярствующая. Много демагогии. Отвергли «пакет» (программу пак), т. к. кому-то не нравятся наши ракеты 17, 18, 19 (очевидно, 36-ая или ее варианты), а нам они необходимы. Мы не можем пойти на неравноправную акцию (но умолчал, что Кисс[инджер] во Владивостоке согласился на число ракет без учета их различной грузоподности). А мп отвергнут, т. к. он не затрагивает Круиз!

1 апреля. Надачу позвонила Яковлева. Она в морге в Балашихе нашла тело сына. Изуродованное, без документов. Сказали, что сбит в районе Садового кольца, час и точное место она не спросила. Ей выдали тело в цинковом гробу, и она выехала для похорон в Харьков. 30-го, после того, как я позвонил в упр[авление] МВД Ждановского района, дежурный обещал мне позвонить своему подчин. Когда я через полчаса позвонил, там ничего не знали, никто не звонил. Документы у Яковлева определено были.

Таня и Рема уехали в город.

2 апреля. Писал для 4/4⁸⁹.

3 апреля. Писали для 4/4.

Передавали интервью Зивса для Би-Би-Си — очень циничное. (Самуэль Зивс. В 1970 г. перед выборами в АН Зельдович Я. Б. сосватал мне визит «оказавшего

⁸⁹ Для предстоящего 4 апреля телевизионного интервью.

ему большие услуги, хорошего человека и Вашего (т. е. моего) поклонника», зам. Чихвадзе⁹⁰ — Самуила Зивса. Он рассказал о демократических начинаниях Института Госуд[арства] и Права. (Запомнил проблему отмены смертной казни.) Но главная цель визита была агитация за Чихвадзе⁹¹ (как потом, через 2 года, эту миссию взял на себя Швейский⁹²). В 1974 эта проблема уже не стояла⁹³.

Были на последней части 4-х серийной кинокартины «Жизнь и смерть Фердинанда Люса»

4 апреля. Пресс-конференция для Шведского и Норвежского радио и телевидения.

3 вопр., мною добавленных — о переговорах Вэнса.

5 вопр. — о правах человека.

От П. Г. [Григоренко] и З. М. [Григоренко] узнал об аресте на 15 суток Саши Подрабинека. Он был у баптистов, чтобы собрать подписи в защиту посаженного в психушку в приемной Верх. Совета баптиста (21 марта) — З/IV. Ворвалась «милиция», скрутила ему руки и без пальто увела.

⁹⁰ Здесь и далее правильно Чхиквадзе.

⁹¹ Уговаривал голосовать за Чхиквадзе на выборах в Академию.

⁹² Швейский — известный адвокат, защищал А. Амальрика и др.

⁹³ Против Чхиквадзе было возбуждено уголовное дело в связи с финансовыми нарушениями в руководимом им институте.

На перекрестке у «Людмилы» [магазин] (сапожник, газетчик, мороженщица и кассиры) несч. слу-
чаев не было. Золотухин (70 отд. мил.) сказал то
же самое⁹⁴.

SVERiges RADIO

CZÖRAN SKÅNSBERG

Норвегия TV Egil Johan Ree (Юханес) 4330425

Принесли повестку для Ремы к Тиханову (70 о/м),
пойду я.

Была Фаня⁹⁵ [Реньш] — у нее крупный скандальный
разговор с Таней Кушн[аревой]: мы из-за тебя на
крючке — (мы — это Таня и Марта); Марта ниче-
го не говорит. Это за то, что [Фаня] бывает у нас.
5 апреля. Был Бронников из Томска, бывший узник Ар-
сенальной и др. псих. больниц, знающий Викт. Файнбер-
га. Писатель в стиле новаторства 20-х годов. На всякий
случай подвезли его до метро.

Допрос М. Ланда и В. Турчина.

Вечером были — Рая и Леня Щаранские, Эйтан, Вера
Федор., Маша [Подъяпольская], Сара Юльевна, Бор. Гер-
манович.

⁹⁴ Выясняли про Яковлева, см. 25, 28, 30, 31 марта, 1 ап-
реля.

⁹⁵ Фаня Голомбик (урожденная Реньш) с юности одна
из ближайших подруг моей мамы. Бывшая пзк. Подробней
о ней см. мою книгу «Дочки-матери».

Из ФИАНа доехал на такси за 2 р. 16 коп. — повышение цен!

Мальве сказали, что она обвиняется в умышленном поджоге собств. комнаты. Соседка кричала ей — ты еврейка, они все поджигатели и т. п.

6 апреля. Утром были Юра Ших[анович] и В. Турчин. Валя рассказал о своем допросе, целиком посв. делу Руденко⁹⁶. Ему были предъявлены простр[анные] показания Руденко, в которых тот показывает, кому он передал свои научные и публицистические материалы, а также рассказывает, как Валя сфотокопировал для него по его просьбе «Инерцию страха»⁹⁷. Валя отказался отвечать по эпизодам после того, как дал общую положит. характеристику Руденко.

В 16-00 был в 70 о/мил. по повестке. Золотухин провел меня в кабинет Галицкого, беседовали вчетвером (Галицкий, Тиханов, Золотухин, я). Я сказал, что трудоустройство Ремы не должно их беспокоить. т. к. он работает у меня — секретарем и на дому и отдал им копию трудового соглашения от 4/III-77 г⁹⁸. Они (особенно Тиханов) оспаривали юридическую достаточность этого соглашения. Галицкий сказал, что я буду извещен через

⁹⁶ Член Хельсинкской группы украинский писатель Микола Руденко был арестован в 1977 году.

⁹⁷ «Инерция страха» — книга Валентина Турчина.

⁹⁸ Раньше по такому же соглашению у нас был оформлен Алик Гинзбург.

пару дней, достаточен ли этот документ. Через час звонил Золотухин.

7 апреля. Была Вера Федоровна и Вика [Алиханова].

Золотухин не дозвонился — тел. не работал.

Я разговаривал с Нат. Леонидовной⁹⁹. А. П. [Александров], по ее словам, сам занимается моим делом¹⁰⁰, я должен позвонить в среду.

Я получил Люсины анкеты (для ОВИРа в Перовское упр. МВД — Перовская ул. д. 55/56).

Вечером был Юра [Сахаров], получил деньги.

8 апреля. По радио передали об аресте вчера Звиада Г[амсахурдиа], Мераба Коставы и Рхиладзе.

У Т. Ходорович — обыск.

Я завез Люсю на собрание Группы, а сам поехал на дачу, по дороге заехал в бюро переводов. Вечером вместе с Мотей встретили Люсю.

9 апреля. 10-го Томар получила вызов на выезд с родителями, Борей [Янкелевичем], Наташей [Янкелевич (жена Бори)]¹⁰¹.

⁹⁹ Секретарь А. П. Александрова.

¹⁰⁰ Андрей продолжал добиваться разрешения на обмен двух наших квартир — квартиры моей мамы на улице Чкалова и моей кооперативной квартиры в Новогирееве на ул. Кетчерской, приобретенной мной еще до знакомства с Сахаровым. Обычно такой обмен (две двухкомнатные в обмен на одну четырехкомнатную) не вызывал никаких затруднений.

¹⁰¹ Мать, бабушка, дедушка и брат Ефрема Янкелевича.

П. Г. звонил Манане [Гамсахурдиа (жене Звиада)], узнал подробности ареста и обыска у них и [у] Мераба. Звиад 7-го утром пошел на работу, а вскоре к ней пришли 16 чел. с его ключами и устроили обыск и складывание документов и вещей без описи. 9-го вновь обыск.

10 апреля. Сегодня — 1-ый день Пасхи. Звонил Виталий [Рекубратский], поздравил. Потомя звонил тете Тане.

Ходили (Люся, Мотя, я) на японский мультфильм по сказке Андерсена «Русалочка».

11 апреля. Были у П. Г. [Григоренко]. Затем у Ивичей.

Пришло письмо от жены Наричи о тяжелой участи Петра.

12 апреля. В ФИАНе — доклад Гинзбурга о сверхпроводимости и Киржница о связи теории сверхпр[оводимости] с теорией элемент. частиц.

Вместе с Люсей ходили к Таммам на годовщину смерти И. Е. [Тамма]. Несколько не к месту сказал об антипатии Шф. [Шафаревича] к евреям. Разговоры все грустные. Саня и Леня¹⁰² рассказали Люсе о Диминых художествах. *Шафаревич по поводу волнений Андрея с ребятами (Таня, Рема, Алешка, непонятная болезнь Моти) сказал: «Андр. Дм., ну что Вы так беспокоитесь, ведь это не Ваши дети». Он же по поводу какого-то математика, уволенного из Стекловки¹⁰³ и нашедшего работу в Калининне: «Ну, евреи всегда устроятся».*

¹⁰² Внуки И. Е. Тамма.

¹⁰³ Математический институт им.Стеклова.

13 апреля. Silberger — психиатр из Парижа с переводчицей. Знаком с Тони¹⁰⁴. Совсем вечером 22—24 часа.

На имя Тани — повестка в качестве свидетеля в Красногорск на 15/IV.

Зоря рассказывала о пресс-конф. В. Луи, повторившего в АПН версию статьи «Лаборантка-призрак» (30 марта)[было по Зап. радио].

Пресс-конф. у Т. Х[одорович]. Много сообщ. Я в руки коррам передал свое обращение в защиту Звиада [Гамсахурдиа] и Мераба [Коставы].

Вечером — американка из парижского пресс-центра «Нью-Йорк Таймс», Шиплер¹⁰⁵ в качестве переводчика.

Рой в интервью сказал, что я окружен экстремистами и потому потерял былое влияние.

14 апреля. Владяну — хочет уехать с семьей (5 детей) в Канаду к дяде жены, отказались от гражданства, выгнали с работы. Сказал, что ничем не могу помочь.

Юра Гольфанд пришел уговаривать написать предисловие к работам Юры [Орлова] о волн[овой] логике¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Тони Лайне — известный французский психиатр, мой родственник (двоюродный брат моей мамы), родившийся во Франции, коммунист, член ЦК ФКП.

¹⁰⁵ Дэвид Шиплер, американский журналист.

¹⁰⁶ Речь шла о работах Ю. Ф. Орлова по теме, которой он занимался до ареста, в лагере и ссылке, и после освобождения продолжает заниматься уже в США в Корнуэльском университете. Сахаров предисловия не писал.

15 апреля. Таня на допросе у следов[ателя] Романовой 13 ч. — 18 ч. 40 мин. Писала сама свои ответы. Вопросы касались ее заявления. Особенно интересовало — почему она получала 20 р/м. Откуда цифра 180. Кому нужны переводы, кому она их отдавала (Таня, к сожалению, не сказала, что — Томар). Роман[ова] показала, что Таня распис[алась] за 167 р. (часть декретного и очер. отпуск вместе, а Таня думала, что за 67 р. Важный вопрос, кто ей сказал, что инициатором была Аксенова (Таня, к сожалению, сказала, что не помнит, не желая называть Томар). Были также вопросы о пособии на детей, почему она считала себя вправе их получать, и о характеристике и справках для МГУ. Таня не помнила, кто ей их дал.

Томар, Рема и я ждали Таню на улице. Видели Мальву, которая сегодня подписывает 201 статью¹⁰⁷. В ее обвин. закл[ючении] — фантастика, что у нее была масса горючей киноплёнки. Общая сумма ущерба оценена 2500, где 600 — соседу.

16 апреля. Был Абрамов — мальчик, 29 лет, философ по образованию, исключен в день защиты диплома. Два раза сидел по 15 суток. Сейчас уезжает по вызову в Израиль, хочет из Вены попасть в США. У него философский труд. Делать ничего, по его словам, не умеет. Отец, боясь крупной посадки, отпускает его.

Вечером поехали в Новогиреево.

¹⁰⁷ 201 статья — предъявление обвинения после окончания следствия при передаче дела в суд.

■ В Новогирееве была моя кооперативная квартира, в которой отказались прописать Сахарова. До угроз Ефрему Янкелевичу и его сыну там жили Татьяна, Ефрем, маленький Матвей и новорожденная Анна. Именно эта 2-комнатная квартира вместе с 2-комнатной квартирой моей мамы (в которой жили все семеро) была выставлена на обмен для получения 4-комнатной квартиры — обмен, в праве на который отказали. Мы с Андреем иногда туда уезжали, чтобы спокойно поработать, и иногда оставались ночевать. А одно время ездили ночевать регулярно. ■

Посетил Марка [Азбеля]. Утром Марк встретил КГБ[шн]ика, когда М[арк] пошел к синагоге. КГБ-ик потребовал не ходить, это условие того, что семинар¹⁰⁸ состоится. Марк повернул обратно.

17 апреля. Семинар у Азбеля Марка. [Я] рассказал его 5-летнюю историю. Из иностранцев — историки. Доклад Альбера о разрешимых системах (метод LA-пары:

$\left\{ \frac{\partial L}{\partial t} + [LA] \right\} \Psi = 0, L\Psi = 0$). И доклад Цинобера об отриц.

турб. вязкости в двумерной гидродинамике.

Вечером были у Л. К. [Чуковской]. Показала трагическую фотогорафию Солж[еницына] — сразу на Западе.

¹⁰⁸ Еврей-отказники у себя на квартирах периодически проводили научные семинары, на которые обычно приезжали зарубежные ученые.

Люся ходила за хлебом и в гастр[оном] и подвернула ногу.

18 апреля. *Были на даче. Приезжал Алешка. Допросы гостей свадьбы Володи Рубцова — о Ремке и Таньке — свадьба была два года назад.*

19 апреля. ФИАН — доклад Полякова об экстантонах [надо инстантонах]. По рассказу Б. А[льтшулера]: клиентов Аксельбанка¹⁰⁹ в юр. конс[ультации] забрали, одного из них продержали 3 дня и два раза ударили в Лефортово.

Был странный посетитель (Привин?) — имеет секретность 2 степени и невесту в Израиле. Утверждал [зачеркнуто], что все «они» (евреи — отъезжанты) не друзья, а агенты КГБ.

Был Юра [Сахаров], дали ему 40 р., [он] получил приглашение в психдиспансер.

Был отец Глеб [Якунин], беспокоится об арестованных Звиаде и Мерабе.

Вечером позвонила Наташа [Гессе] из Л-да.

К слову, Рой в какой-то компании хвастался осведомленностью (по своему обыкновению), говорил, что Алик [Гинзбург] действительно торговал сертификатами, за это его и посадили.

¹⁰⁹ Способ давления на адвокатов, соглашающихся вести защиту на процессах диссидентов. Аксельбанк взял на себя защиту еврейского активиста В. Польского, совершившего неумышленный наезд безотягчающих обстоятельств.

20 апреля. Пришли по почте вызовы Реме, Тане, внукам от Иосифа Янкелевича от 11/III.

Из прокуратуры позвонили, чтобы Таня не приезжала, т. к. следователь вызван по другому делу.

Я был у тети Тани в Матвеевской¹¹⁰. Со вчерашнего дня она в полусонном сост[оянии]. Она понимает обращенные к ней слова, но почти не отвечает. Очень исхудала, щеки ввалились. Дома была Маша [Сахарова] с детьми и женщина, которая ей помогает.

В домоупр[авлении] ЖСК Новогиреево сделали бум[ажные] дела для ОВИР.

Читал письмо от Э. [Кузнецова] с их невыносимыми проблемами. К[араванский] — сумасшедший? М[ороз] — подлец, демагог? Г[ель] — глупый, запутавшийся человек. Пишет, что правда необходима.

■ Эдик писал мне о трудной атмосфере в лагере и сложившихся в среде заключенных двух враждующих группах. Он хотел, чтобы я предала это гласности. Я же, как и Андрей (и другие наши друзья), считала это ненужным, могущим ухудшить отношение к ним тех людей на Западе, которые стремились облегчить их судьбу. ■

¹¹⁰ В Матвеевской жили родственники Андрея — тетя Таня (Татьяна Ивановна Якушкина), тетя Женя (Евгения Александровна Сахарова, она умерла летом 1974) и двоюродные сестры — Катя (Екатерина Ивановна Сахарова) и Маша (Мария Ивановна Сахарова) с семьей.

Был А. Фельдман (привела Ида Н[удель]). 3½ года в украинском уголовном лагере строгого режима, с его жестким и мрачным бытом. 80% молодежь — изнасилование, вооруж. грабежи и т. п. Сам А. Ф. производит очень хорошее впечатление.

Была Мальва Л[анда] с письмом поддержки 100-дневной голод[овки] в защиту статуса [политзаключенных].

Юра С[ахаров] сказал, что пойдет в д[испансер] в пятницу.

21 апреля. У Люси — сужение поля зрения в глазу, оперированном Красновым (почти такое же, как в пострадавшем после операции щитовидки в 74—75 гг.).

Боря [Янкелевич] уволился.

Юра [Сахаров] передал, что тетя Таня никого не узнает.

Была Маша [Подъяпольская], взяла для Людмилы Ильин. [Гинзбург] справку о работе у меня секретарем Алика и об его зарплате (120 р.: дек. 75 — 3 февр. 77 г.).

Алик Гинзбург работал как секретарь у Андрея. Но фактически никакой секретарской работой не занимался. На его обязанности лежала покупка некоторых продуктов (овощей, картошки, молока по дороге к нам) и прогулки с Мотей и Аней обычно вместе с Таней. После болезни Моти и угроз мы боялись отпускать с детьми Таню одну. В основном же Алик был занят делами Фонда Солженицына. Это добавляло нам визиты незнакомых людей и телефонные звонки его подопечных — иногда по ночам. █

Была Вера Федор., Таня Великанова, Игорь Хохлушкин. Хорошее письмо о Рое написал Мейман!

▮ Рой Медведев написал открытое письмо, фактически обвиняющее Алика Гинзбурга в несправильном распределении и даже присвоении средств Фонда Солженицына, а Мейман тоже открытый резкий ответ на него. Оба документа ходили в самиздате и читались по зарубежному радио. ▮

Дозвонился до Юхансона, интервью прошло в Норвегии 14 апреля, несколькими днями позже — в Швеции.

В столовой [АН] видели с Люсей Иосифа Шкл[овского] и Стеллу В[олькенштейн]. Как наш мир бесконечно удался от их мира. У Вольк[енштейна] — инфаркт.

22 апреля. Сегодня сдали в Перовский ОВИР Люсины документы¹¹¹. Тип, сидевший там, заставил скататься на Чкалова, чтобы на машинке (обязательно!) допечатать в анкете: 1) Данные о Ване [Семенове — первом муже], 2) когда вышла из рядов КПСС, 3) расшифровка слов МГПИ — (всех этих требований нет в анкете).

Был Алеша, его вызывают в комитет комсомола, есть установка проработать всех некомсомольцев, чтобы они вошли в ряды. На факультете только Алеша не комсомолец. Что-то будет.

Тете Тане, по словам Маши [Сахаровой], сегодня не хуже, чем вчера.

¹¹¹ Для поездки в Италию на повторную операцию глаза.

Анекдот. Старушка пришла к Брежн[еву] на прием, но позабыла зачем. «Может, у Вас пенсия мала?» «Да нет, миленький, получаю 15 р. (!?). Приду в магазин, там ничего нет, ну и положу деньги на сберкн.» «А как с квартирой?» «12 метров на пятерых — хватает, хватает: зять из вытрезвителя не выходит, дочь дома не ночует, дети в интернате.» Уходя, вспомнила, зачем пришла. «Миленький, этот самый комм[унизм] ученые или коммун[исты] придумали?» «Конечно, коммунисты!» «Ну, тогда я все понимаю. Ученые, они ведь сначала все на собаках попробовали бы».

23 апреля. 9 ч. 30 мин. — тетя Таня умерла.

24 апреля. Похороны тети Тани.

Очень грустные. Была Люба, очень плакала. Я (конечно, это чувство недоброе) вспомнила, как она не ответила на письмо тети Тани, но ей ничего не сказала. Сказала Андрею, что и на его похоронах будет плакать, а до этого все будет демонстрировать непростительное. Андрей расстроился от моих слов.

■ *В 1972 году тетя Таня написала Любе пространное письмо, в котором уговаривала ее отнестись с пониманием к тому, что отец вступил во второй брак. Ни Андрей, ни я письма не видели. О его содержании и о том, что Люба на него не ответила, чем глубоко обидела тетю Таню, мы узнали от Кати — двоюродной сестры Андрея.* **■**

25 апреля. Разговор с Томар и Борей [Янкелевичами], безуспешная попытка уговорить Борю (и Томар) взять справку на прежнем месте работы.

Вечером пришел скульптор — медальер, принес две медали с моим изобр. и одну — с Пушкиным. С ним — Елена Всеволодовна [Ветроградская].

Зин. Мих. [Григоренко] сообщила об аресте в Киеве Николая Матусевича и Мирослава Мариновича (23 апр.)

Телеграмма от Стуса о крайне критическом положении Черновола с просьбой помочь, чем можем.

26 апреля. Купил билеты [в Сочи] на 0.40 29-го.

В ФИАНе доклад Ройзена о топологическом разложении факт[ически] по степеням $\frac{1}{N}$ (число «сортов» кварков).

Заявление ТАСС о Щаранском. «В Англии много своих проблем, но сион[исты] устраивают демонстрации. Суд должен разобраться в обвин., опубл. в сов. прессе».

У нас были: Таня Х[одорович], Мальва Л[анда], Маша [Подъяпольская], Вера Федоровна.

27 апреля. Утром Анна Ваал и новый франц. журналист. Разговор о разоружении, о наших личных делах, о том, что могут делать люди за рубежом. Об антиамериканизме европейцев, его психологических, политических и экономических корнях (американцы закрывают заводы, принадлеж. им в Европе, и многие другие жалобы. Европейцы хотят сами решать свою судьбу в «военном, экономич. и других отношениях»).

Сказали о Люсиной подаче документов. Потом еще раз об этом звонили француз и Крис[тофер Рен].

Томар была на допросе. 3 вопроса: кто давал Тане переводы, кто ее принимал на работу, третий вопр. Рема забыл.

28 апреля. Днем — переезд детей и Руфь Григ. с дачи.

Вечером были Томар — она привезла Мотю, бывшего день у нее, и Вера Федоровна. Томар показала запись допроса и переданный ею документ для прокурора. Из вопросов следователя видно (новое подтверждение!), что главная цель следствия — Таня.

Звонил по тел. Диме и Тане Сах[аровой].

Звонил корам («Асс. пресс») об аресте Балиса Г[аяускаса], о предупреждении в КГБ Эйтану [Финкельштейну], о телеграмме из Мордовии, косвенно подтверждающей болезнь Шумука, о телеграмме Стуса из магаданской ссылки, о бедственном положении Черновола.

29 апреля. Ехали весь день¹¹², смотрели в окошко, особенно Матюша. Сосед по купе — инженер, разработчик радиоаппаратуры из Таганрога. Мягкий, стеснительный, потрепанная одежда. Закусывал ливерной колбасой и фрукт. водой. С собой везет 2 кг колбасы, купленной в очереди в Москве — бережет для семьи. В Таганроге масло изредка, с очередями («как у вас колбаса»), мяса, колбасы не бывает совсем. Овощи есть.

30 апреля. Первый день в Сочи. Поместились в таком же номере (полулюкс, 3-й эт., с видом на море), что в 1974 г. Спустились к морю, Мотя бросал камушки. Обедали в дет[ском] кафе. Вечером в кино втроем смотрели «Великолепный».

1 мая. С утра Люся и Мотя пошли к морю.

¹¹² Втроем поехали на отдых в Сочи.

Я два часа смотрел Боголюбова и Ширкова¹¹³, вздыхал над своими пробелами (что такое R-операция, как выводятся и решаются уравнения Ли ренорм. группы и т. п.). Повторил теорему Нетер и т. п.

В ресторане Мотя ничего не ел, устроил скандал, требуя премию¹¹⁴.

Вечером смотрели телевизор, гуляли.

2 мая. Погода приличная. Люся и Мотя спускались к морю. Мотя кидал камушки. Люся обтирала его соленой водой. Обедали в рест. «Приморский», Мотя вел себя и обедал хорошо. Вечером гуляли по пляжу и по порту, где стоит «Победа», домой доехали на автобусе. Днем я спал, а Люся говорила с Москвой.

3 мая. Ходили к «павлинам» (т. е. в Дендрариум). Погода довольно холодная и дождливая. Сфотографировались втроем на цветную пленку. Аквариум не работает. Обедали в «Магнолии» — Мотя ел хорошо. Вечером гуляли втроем. Катер подвез до Сочи, потом были в кино на открытом воздухе: студия Довженко — «Чертова дюжина» — с кандалами, бандурами, чубами, пиратским замком и т. п.

А дома еще смотрели I серию «Освобождения».

4 мая. Погода довольно холодная и пасмурная, но Люся с Мотей ходили к морю. Вечером Люся говорила с Моск-

¹¹³ Н. Боголюбов, Д. Ширков. «Введение в теорию квантованных полей».

¹¹⁴ Премией называлось мороженое и только что появившаяся в продаже в СССР пепси-кола.

вой. Майя А[ксенова]¹¹⁵. была на допросе, но не хочет ничего говорить, якобы Томар «ее подвела». Рему вызывали в 70-ое отд. милиции, Галицкий утверждает, что подписанный мною с Ремой договор не подходит, предлагают взять направление в райисполком. Рема отказался, написал обоснованный отказ.

Утром Мотя вскочил в 6 утра, зато днем спал до 6.30 часов. Вечером мы с ним были на аттракционах — 2 р[аза] электромобили и 2 р. «Малыш». Обедали в «Магнолии» — Мотя ел хорошо.

5 мая. Утром — чудесная погода. Я сидел, занимался, а Люся с Мотей ходили к морю. Мотя загорал и обтирался соленой водой, а также бросал камушки.

Вечером были все вместе в кино напротив «Магнолии» — «олевелый», страшный японский мультфильм «Корабль-призрак». Смотрели в номере «Год 44-ый».

По «Голосу» слушали интервью с бывшим американским представителем по вопр. разоружения (продолжение 7 мая). Хороший технический анализ. Но переоценивают роль точности попадания ракет, которая менее существенна при «безжалостной» к своему народу стратегической доктрине. Переоценивают экономическую заинтересованн. в разоружении советского налогоплательщика (сам этот термин представляет собой незакономерный перенос на советскую действ[ительность] понятий за-

¹¹⁵ Сотрудница лаборатории, которой заведовала Томар Фейгин.

рубежной жизни). Но очень важны соображения, почему СССР не готов к качественному разоружению (не готов к контролю на местах, не уверен в своей технике). Психологическая оценка СССР верна, но чуть-чуть наивна.

6 мая. Сегодня дождь и холод (12°C). Утром смотрели телевизор, ходили с Мотей стричься, потом Люся говорила с Ремой и Таней (Таня из Ленинграда сообщила о своих переговорах с Ваней).

■ *Таня ездила к отцу Семенову Ивану Васильевичу за требуемым в ОВИРе согласием родителей на эмиграцию. Иван был вначале резко против решения ребят эмигрировать, и у него был резкий разговор с Таней, почти ссора. Но он согласился дать справку о том, что материальных претензий к дочери не имеет. Таня и Ефрем приняли решение эмигрировать под нашим (особенно Андрея) давлением. Впервые Андрей сказал им об этом летом 1975 года, когда двухлетний Мотя был на грани гибели в тяжелых клонических судорогах невыясненного происхождения. Андрей не мог отвергнуть предположение о том, что ребенок был отравлен (См. об этом «Воспоминания»). Далее, невозможность Ефрему найти работу. И наконец, возбуждение уголовного дела против Тани и матери Ефрема. Решение об эмиграции было трудным и для нас, и для детей, особенно для Ефрема, который не мыслил себя вне московских диссидентских дел и забот. И тут КГБ про-*

явило прозорливость, перенеся центр тяжести давления на его мать и жену. Думаю, если б суд и лагерь грозили лично ему, а не им, он не согласился бы на эмиграцию. |

Гуляли к кольцу «Человек и дельфин». В ресторане «Магнолия» обедали. Мотя вышел первым и взобрался по внешней лестнице на третий этаж, но не знал, как спуститься. Пришлось мне его выручать. Вечером Люся поставила мне горчичники.

В Москве — премьер Эфиопии (принимается по 1 разряду). В Эфиопии расстрелы студентов (убито 500 чел.). Во время посещения эфиопскими студентами эфиопского посольства наготове стояли 100 кгб-[шник]ов в пуленепроницаемых жилетах и маш[ины] скорой помощи.

В Камбодже за 2 года от казней и голода погибло 1,5—2 млн. человек.

Бежавший из Вьетнама член Нар. собрания сообщает о казнях и других наруш. прав человека во Вьетнаме.

Новые казни в Уганде (30 человек).

7 мая. Сегодня сильный прибой и дождь. Люся сшила Моте плащ из полиэт. пленки.

На пляже Мотя и Люся позн[акомились] с физкультур. врачом Вениамином Ароновичем [Якобашвили] из Краснодар. С потрясением расск. о поездке в Монреаль на Олимпиаду. Сказал, что на Олимпиаду из-за рубежа будет допущено только 300 тыс. чел. в 3 приема.

В магазине, куда я ходил, рабочий спросил 1,5 кг мяса. Продавщица сказала, что его нет. Тогда он говорит — ну

тогда дайте рыбы. Продавщица стала кричать: «Вы что издеваетесь надо мной, ведь мы не виноваты, что нет мяса». Рабочий засмеялся, сказал, что он просто пошутил, что он знает, что она не виновата, а то бы мы, рабочие, весь магазин разнесли. Дальше разговор стал спокойным, и продавщица заметила — без мяса жить можно, главное, чтобы войны не было.

Вечером я с Вен. Ар. смотрели фильм «Аты-баты шли солдаты» (Мотю не пустили, и Люся осталась с ним).

8 мая. Утром смотрели телефильм. Погода была холодная, стояли лужи после ночного дождя. 2 часа Мотя с Люсей гуляли. Вечером (с 8 ч.) — цирк (Люся, Мотя, я, В. А.).

Люся говорила с Москвой. 16-го — суд над Мальвой Ланда. Это первый процесс над членами группы Хельсинки. Нет уверенности, что это обычный случай неосторожности — слишком много странностей сопровождало это дело. В отличие от предыдущих процессов в деле Ланда, Щаранского и др. прояв. новая тактика КГБ — исп. фальшивые уголовные обвинения, клевету, дезинформацию.

Цирк — все же неплохо: блеск, сила, ловкость. Юрий Куклачев — прекрасный, мягкий, добрый и очень смешной клоун. В цирк пошли евреи (гимнасты Франки и др., в том числе профессор мексиканского общества магии Авверино).

9 мая. Солнечная теплая погода. Люся, Мотя, Вен. Ар. — на море, загорают и обтираются. Днем я и В. А. смотре-

ли «Обыкновенный фашизм». Текст читает Мих. Ромм, читает превосходно со страстью, болью, горечью, сарказмом. Все это я знал. И все же потрясает до глубины души. Во время сеанса, когда показывали Освенцим, фотографии погибших, другие сцены — я плачу. Не меньшее впечатление — народный характер фашизма, восприимчивость народа к этой лжи, позерству, демагогии (а ведь у нас все гораздо менее примитивно, смешано с правдой. Недаром мы втираем очки всему миру уже 60 лет). Плачущие от умиления женщины, восторженные глаза идущих на смерть юнцов из гитлер-югенд. В. А. говорит — все это повторится еще в худшем варианте. Некоторые в зале смеются над тем, что не смешно.

Вечером гуляли все вместе, катались на катере. В. А. рассказывал о двух арестах (по 190¹?) у них в Краснодаре, о том, какая там вообще обстановка.

10 мая. День хуже предыдущего. Люся, Мотя, В. А. — на море. Я переписываю обращение о Мальве. Днем Люся смотрела «Обыкновенный фашизм» (во второй раз, первый — в 1965). Тоже поплакала там. Говорит, что Освенцим, вообще еврейская тема, сильно сокращены. Нет даже той фотографии, которую узнала женщина во время демонстрации в ЦДЛ, закричала. Нет Киева — «Бабьего Яра» (некоторые сочувствуют евреям, некоторые смеются). Так же, как я, обратила внимание на патологический смех в зале, напр., когда показывают рисунки детей. Зал не полон. Люся говорит, и я с ней согласен, что этот фильм должны видеть наши дети, вообще все.

Вечером гуляем с В. А., открыли «инкогнито»¹¹⁶.

По телевизору смотрели «ЗЗ» [фильм Данелия], смешная кинокомедия, Мордюкова в эпизодической роли, как всегда — блеск.

11 мая. Погода прекрасная. Я опять переписываю Обращение¹¹⁷ пока Люся, Мотя, В. А. гуляют. Обедали в ресторане «Приморская». Получили открытку из Сухуми от Копелевых. На др. день я звонил им, но они уехали в Москву — у Левы что-то с глазом. Вечером смотрели неплохой фильм по телевизору — «Три тополя на Плющихе» с Дорониной и Ефремовым.

12 мая. Люся, Мотя, В. А. — на море, хотя погода хуже вчерашнего. Все дни — температура воды 12°C. Люся по телефону продиктовала Обращение, ее облаяли из очереди¹¹⁸. Днем она с В. А. была в кино «Бриз» на французском фильме «Жить, чтобы жить». Вечером — я. Это семейно-любовно-псих. драма, с лево-прогрессивным фоном. Я пришел в 11 ч. (сеанс был продленный, показывали мультфильм «Я подарю тебе звезду»). Люся волновалась.

Вечером проводили В. А. — у него приезжают родители жениха дочери. Он принес нам уйму цветов — роз, говорил разные слова.

¹¹⁶ До этого Вениамин Аронович не знал фамилии Андрея.

¹¹⁷ О деле М. Ланда, см. 8, 10 мая.

¹¹⁸ Говорила с переговорного пункта.

Люся по телевизору смотрела передачу из Останкино — вечер Дудина.

13 мая. Погода теплая, солнечная — 1-ый день!

Я отправил телеграмму с «Обращением» по адресу Садово-Самотечная 12/24 кв. 25, «Рейтер», Эвансу, Рену.

Гуляли, загорали у моря все вместе.

16.20 — по телевизору читает стихи Межиров.

Вечером смотрели с Мотей под открытым воздухом «Прощай, полицейский», перед этим фильмом был мультфильм «Кот, который гуляет сам по себе» (в переводе Чуковского — кошка, и это лучше).

Пришла открытка от Софьи Васильевны Каллистратовой, она отдыхала в Гаграх, очень трогательная.

Мотя, желая подольститься после какого-то инцидента, говорит невинным голосом: «Баба Леля, ты очень красивая» и добавляет «Это я говорю, как кошка говорила хозяйке».

14 мая. Погода опять пасмурная и холодная. Люся с Мотей пускают вертолет, а я заполняю дневник за 9—14. Днем с Люсей смотрели «Точка, точка, запятая». Вечером были в кино — док. фильм «Есть такая страна Колумбия» — производит впечатление. Могучая, дикая, прекрасная природа и сверхсовременная техника, явно высокий уровень жизни.

Вечером говорили из номера с Москвой по телефону. 15 мая. Погода улучшилась, особенно к вечеру. Днем Люся загорала на балконе. Утром ходили в дендрарий, смотрели (и кормили) лебедей, уток. Мотя был очень счастлив. Вече-

ром пускали вертолет, я запустил его на дерево, какой-то мальчик сбил его мячом. Обедал и ужинал Мотя отлично.

Бразинскасов высылают из США (обмен) в Венесуэлу или Гватемалу, т. к. «они совершили серьезное преступление»¹¹⁹.

16 мая. С утра чудесная погода. Люся и Мотя на море.

Вечером: по телевизору «Вечно живые».

Звонили из номера. У Ланды — допрос свидетелей.

Купил билеты на 23 [мая] вечер, на самолет 19.14.

Ездили на Ахун, чудный вид на горы и море с башни.

17 мая. Суд М. Ланды отложен до 24[-го] по ее просьбе, она ищет адвоката.

Утром Люся с Мотей на море. Люся купалась в 1-ый раз. Темп. воды 16°C, волн. 2 б[алла].

Вечером смотрели в стереокино «Парад аттракционов». Очень здорово, особенно погружение в царство рыб, да и все остальное. В летнем кинотеатре «Смена» [смотрели] «День дельфина».

Утром был в зубной поликли. Звонили в Москву.

18 мая. Утром с Мотей вдвоем ходили на «Рикки-Тики-Тави». Потом (после двух аттракционов — «Сатурн» и «Ма-

¹¹⁹ Бразинскасы (отец и сын-подросток) летом 1970 года угнали самолет из Батуми в Турцию. При захвате в перестрелке от пули охранника погибла бортпроводница Курченко. В Турции они были осуждены и провели в заключении определенный судом срок, после освобождения вылетели в США.

лыш») ходили на рынок, обедали дома. Люся купалась (17,2°С тем. воды), я загорал на балконе. Вечером — в летнем кинотеатре очень смешная кинокомедия с участием Де-Фюнеса «Ресторан г-на Септима».

Сообщение, что Иди Амин за 1-ые 2 года уничтожил 80—90 тыс. человек, ужасные пытки, принуд[ительное] людоедство.

19 мая. Утром я в поликлинике, Люся и Мотя на море. Солнечный день. Т-ра воды 16°, Люся купалась.

С 15 до 18 — морская прогулка на «России» (бывшая яхта Гитлера), кажется, 170 или 180 м длиной, 15000 л. с. дизель-электрической установки. Скорость 16 узлов. Мотя спал в салоне, когда я его разбудил, покапризничал.

Вечером смотрели в Летнем кинотеатре болгарский детектив «Подсадная утка», а по телевизору — «Влюбленные».

Утром звонила Таня. Из ОВИРа звонили, что вызов Нины [Харкевич из Италии] не заверен, просили найти конверт.

20 мая. Прекрасная погода. Люся много плавала. Гуляли у моря, смотрели в ном[ере] телевизор.

21 мая. Мой день рожд. Много телеграмм.

Утром были в Дендрарии. Потом обедали в рест[оране] на мор. вокзале, чокнулись пепси. Мотя ел хорошо. Вид на море. Легли отдохнуть.

Позвонили В. Ф. [Ливчак] и С. Ю. [Твердохлебова], что Таня была на допросе в пятн. и получила постановление на опись имущества. Разговор об автомашине. В постановлении написано, что Таня и Томар обвиняются по

ст. 92, ч. II¹²⁰ — об этом узнали в Москве. Сумма «хищения» — 804 р. 49 к.

Вылетели в Москву по билетам на 23-е.

Для описи приходили и к Томар, но она не пустила.

22 мая. Днем гулял с Аней в скверике.

Вечером ездил к Д. И. Каминской. Рекомендовала двух адвокатов Ш[вейского] и Ария.

23 мая. Томар забрала Мотю погостить. К ней пришли описывать автомашину (вторично). В пост[ановлении] на опись имущества нет суммы, но зато целых 3 статьи: 92, ч. II, должностное преступление, подделка документов. Созвонился с Ария о встрече на четверг.

24 мая. К 9 часам поехал в Красногорск на суд Мальвы, она пришла с адвокатом Поповым, но суд отложили.

В парке ждал автомашины до 13 ч., разговаривал с пятидесятниками и баптистами, пятид[есятники] послали письмо в Верх. Совет с желанием эмигрировать — всего 1700 подписей. Они рассказали, как одного пятидесятника ослепили на один глаз при операции глаукомы.

В ФИАНе — 50-летний юбилей В. Ритуса. Обзорный научный доклад Никишова. Всякий треп (Болотовский, Е. Л. [Фейнберг], и др.).

25 мая. Пришло письмо от Игрунова, он обвиняет москвичей (и лично меня) в недост. внимания к бедам провинции, конкретно деле Б-у [Барладяну], просит написать его жене. Б-у с марта держит голодовку.

¹²⁰ Ст. 92, ч. II — хищение гос. имущества.

Вместе с Люсей были в поликлинике — она померила гл[азное] давл[ение] и запл[омбировала] 2 зуба, я запломб. зуб. (Ошибка — это в понед. 23-го). Назначен на УВЧ.

26 мая. Ездили вместе с Таней в юр. консультацию на Баррикадной, д. 8 (сзади метро) для разговора с Ария. Семен Львович Ария очень серьезно смотрит на дело. Главная защита — двое детей. В принципе согласен взять Танину защиту, позвонить перед закрытием дела (но в июле он отдыхает).

27 мая. Был на суде над М. Ланда, вечером ездил в поликлинику.

Обвинение искажает: заявл. Ланда (она говорит, что могла неосторожно обращаться с огнем, но не помнит этого), сроки тушения пожара и приезда пожарных, наличие помех от таинственн[ого] человека, от электропроводки, выдумки о кинолентах и др.

28 мая. Вечером были с Люсей на кинофильме в «России». Упадок кино, гов[орит] Л[юся] — слабое подобие «Фа[нфана] Тюльп[ана]», но Кл[аудиа] К[ард]инале — красивая женщина и с темперам[ентом].

29 мая. Воскресенье. День без событий. Вечером дети (6 чел.) на том же кино, что мы накануне.

30 мая. Таня, Рема, я поехали в Красногорск по повестке, оттуда (мы на одной машине, следовательно на другой) — в Жуковку для описи машины. Рема выскочил из машины и открыл гараж (у него были ключи), следовательно тут же уехала за понятами, через час они приехали,

вошли в гараж и описали машину. Я только часть времени присутствовал при описи — отсутствовал главным образом, когда шли дискуссии о номере мотора (сидел на лавочке). При подписании документа я присутствовал, но не вмешивался в разговор.

Я, конечно, допустил большую ошибку, что не сам впустил следователя в гараж, потребовав у него документ (постановление об описи). Досадно, что после этого моя отчасти вынужденная пассивность была обидной для Тани и Люси.

В Красногорске продолжается суд над М. Ланда.

Люся сдала конверт от письма Нины [Харкевич] в ОВИР.

*) Пишу через неделю, я все это время очень переживаю свою оплошность, ее психологические аспекты. 31 мая. В Красногорске суд над Мальвой Ланда. Ее последнее слово с выражением сожаления, что не сможет продолжать деят. по помощи политзаключенным, с краткой характеристикой пристрастности суда и следствия. Приговор — повторение обвинит. заключения — 2 г. ссылки (прокурор накануне просил 2 г. поселения).

Была В. Ф. Ее по-прежнему терзают¹²¹, но, кажется, после 1 января она готова уехать (она так сказала).

1 июня. На квартире Григоренко пресс-конференция Хельс. группы. Валя Т[урчин] зачитал документ, обращенный к Белгр. конференции, призывающий зап. страны

¹²¹ В. Ф. Ливчак, которой не дают разрешение на поездку. (См. комментарий о В. Ф. 29 марта).

занять недвусмысленную позицию осуждения нар[уше-
ния] прав человека в СССР, потребовать освоб[ождения]
арестованных деят. Хельс. группы в качестве предв[а-
рительного] условия.

П. Г. написал документ о Новочеркасск[их] событи-
ях¹²², я его подписал, хотя мне он кажется не вполне удач-
ным. Но, как и он, я считаю важным напомнить об этой
крупнейшей трагедии 60-х годов. Люсину подпись П. Г.
включил по недоразумению — она махнула рукой в мою
сторону, дескать, если я подписал, это мое дело, а он по-
нял, как согласие.

На пресс-конф. рассказано: о провокациях КГБ в Эс-
тонии (Эрику [?] обещали 500, потом 200 тыс. рублей за
создание ложной группы диссид[ентов]), об угрозах и
посулах Эйтану, о визите «агента ЦРУ» (на самом деле —
КГБ) к Манане [Гамсахурдиа].

Составили обращение к Политбюро и Верховному
Совету СССР об амнистии в связи с принятием новой
Конституции. 55 подписей (на другой день я звонил Л. К.,
в Ленинград, В. Ф. и другим).

Письмо Шумука о Морозе в Канаду родственникам¹²³,
по-видимому, попало куда не надо и опубликовано в «Ве-

¹²² Расстрел демонстрации новочеркасских рабочих, протестовавших против повышения цен на продукты питания 2 июня 1962 года.

¹²³ О жестоких ссорах между з/к в лагере особого ре-
жима в Мордовии (поселок Сосновка).

стях с Украины» (аналог «Г[олос] Р[оссии]») ¹²⁴, вызывая осуждение не Мороза, а самого Шумука.

2 июня. У Тани суд в районном суде, ее иск нотариусу — отказано со ссылкой на инструкции. Иск о пересылке запроса отцу по вопросу о наличии у него материальных претензий (для ОВИРа).

Передал текст Открытого обращения об амнистии «ДПА» ¹²⁵ (2 экз.) и «Асс. Пресс» (4 экз.). С мальчиком из «Асс. пресс» было интервью (он записал на магн. ленту). 3 июня. Люся ездила на Востр[яковское] кладбище, выбрала памятник черного гранита для Игоря [Алиханова], на этом же памятнике, на кв. колонке внизу слева будет написано: Геворк Алиханов (и даты).

В связи с установкой памятника я должна рассказать о том, что я и члены моей семьи дважды нарушали закон. Следствие по делу Томаф и Тани основывалось не на вымышленном, а реальном нарушении закона. Но реального хищения не было. И, видимо, обвинение Томаф должно было быть предъявлено по статье «нарушение должностных полномочий». Таня же все равно получала бы пособие на детей, и справка для Университета ей не была нужна, т. к. она была в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 2 лет, а Ане, когда было начато следствие, был один год и 4 месяца. За все время, пока

¹²⁴ Эмигрантская газета просоветского направления.

¹²⁵ Дойче Пресс Агентство.

она числилась в штате, зарплату получали лаборантки, а Таня за свои переводы научных статей для сотрудников лаборатории получила 67 рублей. Но закон есть закон, и его нарушение имело место. И, наверно, в другом случае, для других людей дело обошлось бы служебным наказанием. Но в случае нашей семьи кара могла быть сколь угодно жесткой. Следствием этой истории была не только эмиграция Тани, Ефрема, маленьких Моти и Ани и Томаф. Вскоре после отъезда Томаф закрылась лаборатория, которой она руководила. А это было единственное место в СССР, где производился стафилококковый гамма-глобулин, спасавший жизнь многим людям. Второе преступление совершила я одна и по собственной воле. Когда умер мой брат, я со справками и просьбами из Министерства Морского Флота обегала все московские инстанции, потом вместе с Андреем ходила в управление московскими кладбищами. Ничего не помогло. Место можно было получить на кладбище далеко за городом или крематорий. А мама сказала «крематорий я не вынесу». И я, не сказав Андрею, пошла к директору кладбища с конвертом, в котором лежало 3000 руб. И он сказал: «Пойдемте, найдем вам хорошее место». К нему же я пошла, когда пришло время ставить памятник. Опять с конвертом. Но он его не взял, сказал, что прежнего довольно. И повел меня к заведующему гранитной мастерской. Ему и по-

шел второй конверт. Так, совершив преступление по статье о взяточничестве, я добыла место, где теперь покоятся и Игорь, и мама, и Андрей. Других нарушений закона я не делала. А за эту взятку меня не ругал даже Андрей. ■

Послал по почте тексты обращений заказными с зак. уведомлением в 2 адреса.

Послал лекарства Р[аисе] Л[азаревне].

На другой день послал эти же тексты гл. редакторам «Правды» и «Известий» с просьбой опубликовать.

4 июня. Опубликован проект Конституции СССР. Повторяет Конст[итуцию] 36 года, но: 1) Ст. 6-ая отмечает роль КПСС, как направл[яющей] и руковод[ящей] силы. 2) Оговорено, что права гарантированы, лишь когда они не противоречат интересам общ[ества] и государства. 3) Подчеркнуто, что долж[ностные] лица обязаны соблюдать законы. 4) Цель сов[етского] государства — построение коммун[истического] общества.

Конституция отражает реальную структуру нашего государства, как бюрократического, госкапиталистического государства с партийно-госуд. монополией во всех обл[астях] жизни.

Утром непрошенный явился развязный, подонистого вида бывший спорт. обозрев[атель] ТАСС Альберт К. [?]. Обещает статью — зачем Москве Олимпиада [нам совсем ненужную].

Вечером — баптист Б. [?] Дело об эмиграции его семьи и семьи Волошина [?].

5 июня. Сегодня был у П. Г. (Григоренко) — обсуждал по его просьбе проект письма [в] Политбюро об обсуждении Конституции.

Был у С. В. — отдал ей письма и подписал старое¹²⁶. Алла — невеста Бегуна¹²⁷ — очень неумно обидела Резникову. У С. В. контакт с Зотовым (художник-самоучка из Куйбышева, который хочет переправить 100 (!) картин). Художники говорят, что в некоторых из его картин что-то есть (но не во всех).

Пришло письмо от Огурцова¹²⁸ (текст от марта, конв[ерт] от апреля).

По восст[анию] на Балтике — 1 расстр[ел], 1 приг[овор] 15 лет.

■ *Восстание моряков на одном из кораблей Балтийского флота под руководством лейтенанта Саблина. К сожалению, мы узнали об этом деле из передачи по BBC или ГА, когда прошел суд и приговор был приведен в исполнение. Позже к нам пришли родители Саблина. Я не удержалась и*

¹²⁶ Софья Васильевна Каллистратова регулярно готовила проекты ответов Андрея на многочисленные письма к нему обычно с просьбами помочь в получении жилья, пенсии, пересмотре обвинительных приговоров.

¹²⁷ Бегун в это время уже был арестован, Резникова должна была его защищать.

¹²⁸ Игорь Огурцов — многолетний пзк, дело ВСХСОН (Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа).

упрекнула их, что они должны были прийти к нам до суда. Конечно, это было жестоко. Потом мучилась своей несдержанностью. Но мне тогда казалось, что гласность и в этом деле, возможно, могла бы помочь избежать смертной казни. |

Вечером — амер. юрист Липсон передал, что Клайн¹²⁹ пока не имеет ни «Т и Н»¹³⁰, ни разрешения Грeve¹³¹. Сказал, что Валерий [Чалидзе] имеет большой авторитет в узких кругах, что работа ему заменяет личную жизнь. Липсон многое понимает в нашей жизни. Сказал, что Картер учится на ходу и будет, вероятно, скоро проводить жесткую политику в отн[ошении] разоружения и разрядки. Что политика подд[ержки] прав человека очень популярна и теперь общественность не даст от нее отойти.

6 июня. Лена К[опелева] принесла бутылочки¹³² и письмо А. Ам[альрика], к которому приложена записка от Т. М[атон]. А[мальрик] осуждает Роя, как плохого аналитика, кот. пишет, что в историческом плане положение диссид[ентов] улучшается, и не нужны действия в их за-

¹²⁹ Клайн был финансовым хозяином издательства «Хроника-Пресс». И вообще этого издательства не было бы, если бы не Эд Клайн, а Чалидзе был главным редактором.

¹³⁰ Статья «Тревога и надежда» писалась для сборника, издававшегося Нобелевским институтом в Осло, которому принадлежал копирайт на нее.

¹³¹ Тим Грeve — директор Нобелевского института в Осло.

¹³² Бутылочки-соски для младших — Ани и Кати.

щиту на всех уровнях. А. оправдывается в своей демонстрации и обвиняет Максимова за несправедливую критику, искажение статей А. и т. п.

Вечером один ездил в Матвеевскую (Люся очень замучена дневными хлопотами с [квартирным] обменом). Были: Вас[илий] Ром [анович], его друг, Леля, Виталий [Рекубратский], Маша [Сахарова], Юра [Сахаров], Коля Форм[озов]. Хорошие разговоры. Вася очень осуждает Роя «за раскол», за его выступления] против меня и Солж[еницына].

7 июня. Семинар в ФИАНе — после перерыва. Е. Л. [Фейнберг] сказал, что я могу взять ненужный гилоритмал¹³³. Б. А[льтшулер] рассказал об эксперименте образования в 4-х районах страны ТОЗов (Тов[ариществ] Обр[аботки] Земли без опеки райкомов и жестких ограничений хоз[яйственной], орг[анизационной] и кадровой деят[ельности]). В неск. раз больше выход продукции и доходы крестьян. Председатели — евреи, свободно выбраны.

8 июня. Были: Лева [Копелев], Мейман, Валя Турчин.

Говорил о письме Меймана о Рое¹³⁴. Валя отказался присоединиться (Роя так не осилишь, он в «экологиче-

¹³³ По просьбе Евгения Львовича Фейнберга я привезла из Италии гилоритмал (сердечное лекарство) для кого-то из его близких, но тот почти не успел им воспользоваться, т.к. вскоре умер.

¹³⁴ см. 21 апреля.

ской нише»). Лева, П. Г. согласились присоединиться (по телефону).

9 июня. Томар была на очной ставке (Аксенова и нач. отд. кадров). Романова спросила у нее, есть ли адвокат и что в понед. или вторник она сможет читать дело. (Блеф?). Томар сказала, что не готова.

Реме — повестка на понедельник с техпаспортом и трудовой книжкой в Красногорск.

■ Помимо давления на Ефрема в связи с тем, что он не имел работы, власти пытались реанимировать дело о транспортном происшествии, которого не было, как я уже об этом писала. Вызывали вновь на допросы с техпаспортом и проводили осмотр машины его матери, на которой он ездил по ее доверенности. После подачи заявления на эмиграцию все эти способы давления на него, так же, как уголовное дело против его матери и жены, которое, в отличие от дел о тунеядстве и транспортном происшествии, было реально возбуждено, были немедленно прекращены. ■

Я звонил Семену Львовичу Ария и договорился о встрече 11.30 15 июня (Барр., д. 8).

10 июня. Дети и Р. Г. уехали на дачу. Были (вечером) с Люсей в кино «Мое последнее танго». Сентиментальная чушь в стиле трофейных фильмов, но голос...

Разговаривал днем с нач. 70 отд. милиции Галицким. Тот сказал: «Я говорил с вашими товарищами из

юр. отдела АН, вам необходимо оформить Янкелевича через Президиум [АН]. Я обещал решить вопрос в течение двух недель, потом я должен известить его, а Рема — зайти.

11 июня. Утром Фред Коллман с женой и его (противный) шеф — зам. главн. редактора Ньюс Вик. Вопросы обычные (не вредит ли политика Картера в защите прав человека положению диссид[ентов] и переговорам о разоружении; почему советское правит[ельство] так боится дисс[иденто]в, когда их так мало). Отвечал: «Мы ценим принц. позицию К[артера] и ждем ее развития. Полож[ение] дисс. — это их забота и их судьба, которая всегда тяжела. Из двух главных межд. обязат[ельств] Картера (защищать права человека и обеспечить разоружение) — первое больше лежит лично на Картере (и на США), в случае второго общая межд. ситуация приводит (независимо от действия К[артера]) к необходимости идти к разоружению через вооружение. Дисс[иденты] сильны — как качественное явление, как прорыв в скованном монолите, их число не так существенно для этой кач[ественной] роли». Говорили (я и Люся) о неправильности сводить защиту прав человека к общим пробл[емам], а не к защите конкр[етных] людей. Я упомянул членов Хельс. группы, особенно грузин, Рубана. Люся цитировала Достоевского и К. Кулиева (Слеза ребенка и «легко любить все человечество — соседа полюбить сумеи»).

Вечером — Н. Я. [?]. Просьба о поддержке газеты от Макс[имова], о выборе списка из 13 человек от Ком. Сах. Чтений [Слушаний]. Все это я не могу.

12 июня, воскр. Только во вт[орой] половине дня поехали с Люсей на дачу. Гуляли с детьми. 10-го на лестнице нашел разорванный конверт с письмом от кр[ымских] татар. Письмо ругательное: такие «деятели», как Григоренко, Габай, Сейтмуратова, Джемилев злоупотребляют доверием народа, играют на руку буржуазным реакционерам и тем самым мешают нашему возвр[ращению] на родину. Вы к ним примкнули. 11-го — аналогичное письмо, доставленное обычным способом.

13 июня, понед. Допрос Ремы в Красногорске. Почему он не работал? Скопировала Романова тр[удовую] книжку и техпаспорт «Жигулей». На 1 вопр. Рема ответил — в силу особенн[остей] нашей кадр[овой] политики. К Тане относились два вопр. — что он знал об обст[оятельствах] ее поступления на работу в отделение и что он знает об условиях получения пособия на детей.

После Красногорска Таня и Рема поехали прощаться с Мнюхами.

14 июня, вторн. В 8.40 был в Шереметьево, прощался с Мнюхами. У них на таможне отобрали все наши семейные фото, в том числе отдельно сфотографированного Мотю — «младшего Янкелевича».

В юр. отделе (АН) Петренко сказал мне, что по Уставу АН Президиум не имеет отношения к оформл. на работу

моего секретаря, и мне следует оформлять Рему через Группком Профсоюза.

В ДУ заплатил 120 р. за журналы¹³⁵.

В ФИАН — доклад Аст. Антоныча [Комара] о 3-мюонных событиях и новых лептонах и Линде А. Д. о «закалке» состояний с нарушенной (или, наоборот, ненарушенной) симметрией. Рассматривается «действие» четырехмерного сферически-симметричного объекта в 4-хмерн. евклидовом пространстве.

В 18.00 пресс-конф. (ул. Мира, д. 68, кв. 156). Таня Х[одорович] прекрасно рассказала о диких издевательствах над Огородниковым. Далее выст[упали]: рабочий (шофер?) из Ленинграда (отсидел, очень хорошее впечатление) и его доноситель — делал покаянное заявление. Заявление Поповского. Заявление Ф. Сереброва. Заявление адвентиста. Последним было мое выступление (неудачное). Неск. слов о сегодняшнем инциденте с фото Моти, о Тане, затем о Брунове и Яковлеве.

Пришла бандероль от Капицы [его книга].
15 июня. В 10 часов на Баррикадной. Но суд над М. Ланда отложен до 29-го.

¹³⁵ Академики имели право через библиотеку Дома ученых (ДУ) выписывать иностранные научные журналы, оплачивая их не валютой, а рублями, но сумма ограничивалась, кажется, 120 рублями в год. Сахаров постоянно выписывал два журнала — «Phys.Lett.» и «Phys.Rev.».

Втроем в юр. консулт. Ария звонит в прокуратуру. Кондрашкин (по-видимому, он) не дал телефона Романовой, интересуется], когда Ария идет в отпуск и его домашн. телефоном. Дело — 1 том, срок следствия до 6 июля. Оформили Ария на этап слуш[ания] дела. Томар не допрашивали. Ей и Тане отменили вызов на завтра по причине отсутствия Романовой.

В 14 часов пресс-конференция (Профсоюзная 102, корп. 7, кв. 1).

Рассказ о Гаяускасе (арестован на допросе по делу Гинзб[урга], ранее отсидел 25 лет, человек очень хороший).

Рассказ Меймана о Григории Чудновском (решил 10 пробл[ему] Гильберта, семинар в Кембридже по его работам и т. п., парализован, живет на швейц. лекарстве). Его и его семью не отпускают якобы из-за секр[етности].

Выступала Л. Богораз (о десяти обысках, посл[едний] 20 мая).

Выступала Хайло (1 сын в лагере на 8 лет, отобраны еще двое детей).

Зявл[ение] Меймана (прис[оединились] Григоренки и Ходорович) о Медведеве.

16 июня. На даче все семеро¹³⁶.

15-го Сет Майден сказал, что мое интервью (вместе с другими матер.) широко прошло.

¹³⁶ А. Д., Е. Г., Р. Г., Таня, Рема, Мотя, Аня.

Анекдот. Арм[янское] радио: нас спрашивают, есть ли в Сов. Союзе диссиденты. Отвечаем: нет, диссид. в СССР нет. Есть досиденты, сиденты, отсиденты.

P.S. Вчера, когда мы приехали, Томар, не встречаясь с нами, ушла через заднее крыльцо — она обиделась на Люсины слова в защиту Ремы.

17 июня. Утром на даче Рема и Леня [Литинский] срубили дуб, затем Р. Г. и мы двое поехали в Москву. Мы — к Григоренко. Деляра [Джемилева] рассказала об их бедах. Я обещал написать Щелокову. П. Г. показал свой и Соф. Вас. наброски о проекте Конст[итуции]. Три главных недостатка он находит в проекте:

- Рекламный характер. Права человека не защищены от государства

- Не Конституция, а прогр[амма] партии

- Власть не народа, а парт[ийно]-бюр[ократической] верхушки.

Допол[нительные]:

- Право верующих на проп[аганду] их взглядов отрицается, и их обязуют строить атеист. общество

- В 6-й статье провозгл[ашена] рук. роль КПСС

- Цель госуд. — постр. комм[унизма]

- Не учтены полож[ения] пактов о правах, ратиф[ицированные] СССР, в частн[ости], право на свободный выбор страны прожив[ания] и места прожив[ания] в пред[е]лах страны, право на свободу информации (ст. 13 и 19 Всеобщей Декларации [прав человека]).

18 июня. Написал наброски письма Капице [благодарность]¹³⁷ и письма Щелокову [о крымских татарах].

Начал писать наброски о проекте Конституции¹³⁸.

Утром был Павлов из Майкопа с товарищем, врачом-стоматологом. Павлов горит жаждой деятельности, он не глуп и не сумасшедший, лично симпатичен, но как все это мне поперек души.

Люся сказала, что, если бы я был «вождем», то она и одного дня со мной не жила.

Из расск. Павлова. Нач. милиции приезжает на мясокомбинат на Жигулях, и ему в багажник кладут полтуши. А рабочие все идут пешечком через проходную и у каждого оттопырен живот.

Вечером был Костя [моряк, друг Игоря Алиханова].

19 июня. Утром был Шибанов с «ученицей» (он с бородой 62—63 лет, ей лет 50, очень хорошее лицо). Шибанов слышит ежедневно голос Бога, беседует с ним запросто и исполняет его указания. Планы его, конечно, смертельно губительны для него. Отсидел по полит. статьям: 49—56 гг. (был осужден на 25 лет), 58—62 гг. и

¹³⁷ П. Л. Капица прислал Андрею свою книгу.

¹³⁸ Писал для себя заметки о недавно опубликованном проекте новой Конституции СССР, как когда-то во время обыска у Чалидзе обсуждал с Ефимовым возможности (и необходимость) изменения Конституции СССР. Вообще же чтение Конституций различных государств Андрей любил, книги по конституционному устройству покупал, хотя они редко издавались.

69—77 гг. Руфь Григорьевна, Люся, я ездили в Востряково¹³⁹. Люся дала мне рассаду (7 кустиков), я посадил их у Клавы. Все собрались у могилы Игоря, потом поехали к Вере. Сегодня ровно 1 год.

Вечером у нас М. Азбель, ему дали разрешение.

20 июня. П. Г. предлагает обратиться по вопр. амнистии к вновь избранному председ. Президиума Верх. Совета СССР. Мне не нравится.

21 июня. Взял отпуск с 1 июля по 31 авг.

Сегодня — посл. в этом году семинар ФИАН. Линде не очень убед[ительно] говорил по поводу своих вычисл[ений] вероятности перестройки Вакуума. Воронов — о концепции внешнего поля ($\Delta L = j_e A$ или $A j_e$). Каллош — о равенстве 0 поляр. вакуума вне массовой оболочки в однопетл. приближении с внутр. гравит. линией.

Был у Е. Л. [Фейнберга], разговоры о том, что было (Сталин, Гитлер, Гулаг, Война и т. п.), и что будет.

Карр. 30 гг. [?] Kohlhosen — капустные штаны.

Немцы знали больше других на Западе и в обст. бесперспективности выбрали не наш путь.

Вечером: В. Ф., Кира Леонидовна¹⁴⁰, Леша и Оля.

По почте пришла вырезка из Италии. На электро-коп. машине в одном выпуске 4 просоветские статьи (об Амальрике, Плюще и др.). Нам прислана одна из них — «Скан-

¹³⁹ Востряковское кладбище.

¹⁴⁰ Лечащий врач Р. Г. Боннэр.

дал в семействе Сахарова». Эти диссиденты пользуются всеми благами сов. власти (120 р. пенсия, загородн[ая] вилла, 850 р. зарплата — в 5 раз б[ольше] средн[ей], Таня лежит в лучшей больнице)¹⁴¹ и клеветуют на сов. власть, и, более того, жульничают.

22 июня. Пресс-конф. у Т. С. Х[одорович] — очень расплывчатая. Попыталась как-то описать полож[ение] фонда¹⁴² и призвать Картера помочь.

Выступали: Мальва — о Гинзбурге, адвентист — об Орлове, жена Лисового — о нем, Стусе, Пронюке (у Пронюка ТБЦ),

Г. Салова — о Крониде [Любарском].

Получил книги.

23 июня. Люся целый день работает в саду.

Ездил за Мотей с Ремой и Аней, потом с Люсей на базар. Карт[офель] — 1 р. 20 к. кг и все остальное в том же роде.

24 июня. Написал проект письма Александрову о секретаре¹⁴³.

С вечера поехали в Москву.

¹⁴¹ Очередная мелкая ложь. Таня в начале года лежала в обычной городской больнице.

¹⁴² Фонд помощи политзаключенным, основанный Солженицыным.

¹⁴³ Дать разрешение на оформление Ефрема Янкевича секретарем. См. 14 июня.

Была дочь И. Шкловского с книгой опровергателя Эйнштейна — Маринова из Болгарии. Изобрел «велосипед». Якобы получил эффект 1-го порядка (!). Книга осталась у нее, у меня есть где-то другой экз.

25 июня. Ходили за билетами на «Таганку». Элла Петр. [Левина]¹⁴⁴ нас вычеркнула. Администратор, которому Люся открыла мое инкогнито, связал нас с Юр. Петр. [Любимовым]. В результате — 4 билета на «М. и М.»¹⁴⁵ и 4 — на завтра.

«Мастер и Маргарита» — блестящая режиссерская работа, очень напряженно, с интересом смотрится, и, конечно,

но, многое запоминается — в основном как театральное зрелище, но хорошо поданы булгаковские разговоры: с Воландом на скамейке, Пилата с Иешуа и Левием Матвием и др. Запоминается грусть в глазах Воланда, безумие И. Бездомного, полет и дьяволиада, бал у сатаны, Коро-

вьев; Маргарита и Мастер не очень яркие, запоминаются меньше. Вообще же — интересно. Спектакль очень «религиозный» — и не только потому, что на заднем плане —

¹⁴⁴ Элла Петровна Левина, зав. лит. частью театра на Таганке.

¹⁴⁵ Спектакль «Мастер и Маргарита».

крест. Но таков же и «Перекресток», где староста дает Рыбаку библию — «мне отмщение и Аз воздам».

26 июня. Мы с Люсей и Левшиными на премьере Таганки — «Перекресток» по В. Быкову. Очень «быковский» по проблематике спектакль — монтаж из двух новелл: «Круглянский мост», где командир маленького отряда подрывников ведет себя «по-сталински» и получает автоматную очередь от молодого парня, бывшего зека (который очень хорошо играет) и «Сотников» — тема предательства вечного человека из народа, прекрасно играет Смирнов.

Вечером мы в гостях на Клязьме у Алеши, Оли и Кати. Во вторник утром Алеша уезжает на свой военный сбор.

Получили письмо из Швеции — обещают вонзить нож в спину¹⁴⁶.

27 июня. Сегодня Таня и Рема сдали документы в Ждановский ОВИР.

Ире Орловой сказали на допросе, что у Юры [Орлова] ст. 190¹.

Вечером мы на проводах у Питера Осноса. Там же был Валя Т[урчин] с Таней, 3-ий секр. пос. Англии с женой и новый корр. «Ваш. пост». Говорили о текущих делах, о Картере и значении его политики. Люся и я говорили, что очень важно не поддаваться выгодной сов. властям концепции, что репрессии, трудности в переговорах о разоружении и т. п. — все это из-за «демагогии» Картера. Го-

¹⁴⁶ Один из частых видов нашей корреспонденции — письма с угрозами.

ворили о сочет. тайной и явной дипломатии (теория Турчина — $\max(xy)$ при заданном $x+y$)¹⁴⁷. Валя преувеличенно говорил о роли Хельс. группы и Орлова.

В машине Валя очень взволнованно говорил о пагубности концепции «симметрии» (что и у них, и у нас есть свои + и -, и, что это два варианта жизни человечества, решения проблем), а на самом деле у нас — тупик, раковая опухоль, угрожающая всему человечеству.

Завтра, 28-го — суд над Руденко и Тихим в каком-то городишке Донецке.

28 июня. Получил продукты, поехали с Люсей на дачу. На рынке фантастические цены (7 р. кг помидор, 20 к. три морковки — хвостики).

Вечером редактировал запись интервью Крымскому [Дж. Крымски] от 6-XII-76.

Разговаривал с дачи с Ария, он обещал найти адвоката, если чтение дела будет иметь место во время его отпуска (с 10—15 июля). Ария дом. 283-89-71, служ. 254-67-00.

29 июня. Суд по делу Мальвы утвердил приговор. На суде была В. Ф., потом приехала к нам на дачу. На дачу приехал также на «Жигулях» дядя Веня из Сочи¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Они, как многие завзятые технари, пытались перевести на математический язык то, что непереводаемо. Вообще-то это тип «светского» разговора людей, которые «на ты с математикой». Андрей любил такой околонаучный «треп».

¹⁴⁸ см. Вениамин Аронович Якобашвили — 7—12 мая.

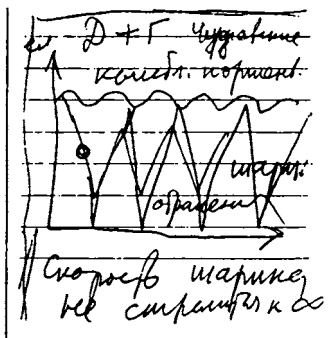
Потом были у Григоренко на пресс-конференции. Темы: Суд на Украине над Руд[енко] и Тихим. Письмо о проекте Конституции¹⁴⁹. Выступление Гелия Снегирева (производит впечатление эпатажной подготовки отъезда).

Вечером были у Чудновских на квартире у Жени Г[абовича].

Сильнейшее впечатление оставляет личность и талант Гриши Ч[удновского]. Ему 25, с 6 лет болен миопатией. Брат носителя, пишет с ним статьи. Общение с великим человеком волнует до глубины души. Обсуждали втроем (Гриша [Чудновский], Давид Ч[удновский], я) тему незргодической (оказавшейся незргодической) модели Ферми. Гриша занимался 10 и 16 пробл[емами]

Гильберта, первую из них решил! А теперь — интегрируемые мат. системами типа уравнения КдФ, связью континуальных нелинейных эволюционных задач и пробл. многих тел (полюсное приближ.), выводом ур-ия Ландау для плазмы и мн. другое. Если бы он мог зажечь Алешку!

30 июня. Сегодня вечером ездили к Л. К. [Чуковской]. В Переделкине очень хорошо. Позиция Л. К. по вопросу о выездах и т. п. несколько изменилась.

¹⁴⁹ П. Г. писал свои замечания к проекту Конституции и обсуждал их с друзьями. Опубликовал или нет — не знаю, но никаких общих писем о новой Конституции, насколько я помню, не было.

▮ *Прежде Л. К. считала отъезды предательством русской культуры и была одной из самых страстных их противников. Но таких людей было много. Почему-то позже все забыли об этих спорах и даже ссорах.* ▮

Л. К. горячо защищает Орлова как лидера и жертву несправедливости. Наша с Люсей позиция более сдержанная. Мы чувствуем определенные неточности в поведении Юры, а главное — по-человечески больше беспокоимся, более точное слово — мучаемся ужасными перспективами для украинцев, грузин, Алика [Гинзбурга], Щаранского.

▮ *Мне кажется, Андрей это путано (а тут важна точность), на мой взгляд, неправильно написал. Я очень боялась, что активное выделение лидера утяжелит судьбу других, а неточностей в поведении Юрия Орлова я не помню. Но больше всего эта запись вызвана Андреевым раздражением на Ирину — жену Орлова, которую Л. К. и ее (Л. К.) окружение просто боготворили. И потом мы (особенно Андрей) надеялись, что приговор Орлову будет относительно мягким. Действовала уверенность Андрея, что защита западных ученых поможет. Здесь мы сильно ошиблись.* ▮

1 июля. Сегодня страшный приговор по делу Руденко и Тихого. (7+5 и 10+5!). Что-то надо делать, делать сильное и нетривиальное. Но что?

Сегодня, наконец, дозвонился [в ОВИР] до новой дамы, занимающейся итал. поездкой Люси. Сказала, что решение будет через несколько дней. Звонить только ей.

Сегодня узнали, что Володя Тольц с товарищем¹⁵⁰ 2 дня назад сбиты машиной. Володя 2 дня был без сознания. Он в реанимационной. Перелом таза, руки, возможно, ушиб легких. Ужасно.

2 июля. На даче — гуляем с ребятишками.

Уехали — Андрей, я не ездила — вместе с Таней и Ремой на проводы Марка Азбеля.

Привез:

Привет от детской писат[ельницы] из Ленинграда*

Соображения о конституции Ронкина. Передал П. Г.

(Приезжали Б. Вайль и М. Молоствов.)

Обсуждалась тема отъезда. Молоствов рассказал, как его и жену любят дети, как со слезами их провожали после конфликта с директором¹⁵¹, а также — о посещении его гебистом.

* *Кто? Н. Долинина, А. Любарская? Дуся [Славина] — но она не писат-ца.*

3 июля. То же самое.

¹⁵⁰ Сбит был только В. Тольц.

¹⁵¹ Михаил Молоствов и его жена работали учителями в деревенской школе и были уволены после конфликта с директором (подробней см. книгу воспоминаний М. Молостова «Прямые, которые не пересекаются»).

4 и юля. Утром собирал с детьми чернику с Совмина¹⁵². Жаль, что не было аппарата сфотографировать их в зарослях высоких черничных кустов — прелесть была удивит[ельная].

Боре с Наташей [Янкелевичам, брату Ефрема и его жене] в ОВИРе дали разрешение — очень быстро.

Всех нас напугала история задержания Вали Т[урчина]. Мы с Мальвой были у Тани [Ходорович], в 10 часов он вернулся с допроса из Калуги по делу Алика [Гинзбурга]. (Привод!) Валя отказался отвечать. У Алика 70, ч. II¹⁵³.

Мальве в МВД сообщили, что она должна выехать в ссылку в Вершино-Шахтинский (за Читой), взяли гебисты с нее 70 р. за билет.

У Григоренко Люся и я подписали Хельсинкский документ¹⁵⁴ о Руденко и Тихом (водянистый несколько).

Вечером (0.30 мин — до 1.00) разговор с Юрой [Сахаровым].

5 июля. Звонок от Раисы Лазаревны [Бонер]. Валя [*Рогачевская Валентина Васильевна — старшая сестра Ивана Семенова*] велела строгим тоном Ване [*Семенову (отец Тани Янкелевич)*] дать Тане

¹⁵² Закрытая территория, где расположены несколько десятков дач Совета Министров, примыкающая к открытому поселку Жуковка АН СССР, в частности, к даче Сахарова.

¹⁵³ Антисоветская агитация и пропаганда.

¹⁵⁴ Все заявления Московской Хельсинкской группы имели в названии слово «Документ» и порядковый номер.

телеграмму, которую Таня просила (об отсутствии материальных претензий¹⁵⁵).

Письмо от Эдика К[узнецова]. У них очень плохо. М[ороз] вносит склоку и нервозность. К[узнецов] обвиняет нас (Люсю, меня) в недоверии к мнению Ш[умука], Р[оманюка] и других. Но что мы можем сделать, ведь М[ороз] — национальный герой. И каков будет результат? Единственное, что мы можем — это знакомить в личном порядке наших друзей с мнением КШР [Кузнецов, Шумук, Романюк]. Но отношение даже таких все знающих, как Мальва и Таня Х[одорович] — скептическое¹⁵⁶.

Письмо от Бочковой [?]. С большими завихрениями. Вечером был Юра. Получил [деньги] на полмесяца.

Брежнев отказался от встречи с Карт[ером]: пока нет, что подписывать (видимо, типа СОЛТ). Знай наших. (В смысле, что они предст[авляют] государство особого — т. е. крайне опасного типа.) Но мир начинает это понимать! 6 июля. Сегодня были с Люсей у Тани Х[одорович] — проводы Мальвы¹⁵⁷. Сегодня вечером поезд на Читу.

Был слух, что Алешу отправляют на целину, но оказалось — ложный.

¹⁵⁵ см. 6 мая, 2 июня.

¹⁵⁶ Эдик очень на меня сердился за то, что я не предаю гласности войну между политзеками в их лагере.

¹⁵⁷ Ланда Мальва Ноевна получила по приговору о пожаре ссылку, но ехать ей разрешили самостоятельно, а не по этапу.

Акад[емический] водитель удачно остановил машину перед выскочившим на дорогу мальчиком лет пяти.

Были у нас Люба с Сашей [мужем]. Дали им деньги на Диму. Люба очень раздраженно говорит о Диме.

В Ленинграде политинформатор — из коллегии МИДа — на вопрос, вышлют ли Сахарова, ответил: «Нет. У нас есть договор о нераспространении ядерного оружия, и мы не будем его нарушать. А выслать из СССР Сахарова как раз и будет таким нарушением».

7 июля. Сегодня — есть разрешение на обмен. Я ездил, сделал переводы денег¹⁵⁸.

Был корр. ASANI SHIBON T. AOKI из Лондона, интервью на плохой смеси немецкого и англ. Тема — наше личное положение. Влияние политики Картера на полож. диссидентов. Я говорил, что наше семейное положение — трудное. Говорил, что политика К[артера] в обл. прав чел. имеет очень важное и положит. принц. значение, о важности защиты конкр. людей (права на убежд[ения], своб[оды] религии, свободы наций, права на эмиграцию), об ответственности Европы и Японии (пример — попр[авка] Джексона).

По радио — сообщ. ТАСС об аресте орг[анами] КГБ террориста, из «низменных побуж.» взорвавшего бомбу в такси около гост[иницы] «Советская» месяц тому назад.

Томар рассказала, что 20 июня Боря и Наташа [Янкевичи] подали док[ументы], 1 июля пришел КГБист и

¹⁵⁸ Я нашла новый вариант обмена. Кто жил в СССР, знает, как это трудно. Но его позже тоже запретили.

принес открытку из ОВИРа, а 4 июля Боря и Наташа получили разрешение¹⁵⁹.

Были с Люсей у Володи Т[ольца] в больнице. Ему нужен адвокат.

■ *Наезд совершила женщина — представитель немецкой фирмы, поставляющей различное техническое оборудование для Министерства Внутренних Дел СССР (говорили, что подслушивающую аппаратуру). Ехала она, как позже выяснилось, с приема по случаю заключения торговой сделки между ее фирмой и МВД. На первом этапе адвокат был нужен для выяснения через инюрколлегию юридической возможности получения компенсации с иностранного гражданина или иностранной фирмы за нанесение тяжкого увечья.* ■

8 июля. Вчера Люся с нашего телефона говорила с сотрудницей обменного бюро. Та сказала ей, что есть разрешение, что нужно внести деньги в Перовском районе и приехать всем взрослым членам обменивающихся семей за ордерами. До этого Люся вела все переговоры с тел. автомата, ее разговор с нашего телефона, по-видимому, был ошибкой. ГБ вмешалось. Сегодня мы все

¹⁵⁹ Обычно процедура получения разрешения на выезд занимала значительное время — месяцы и годы! Но от Ефрема так хотели избавиться, что все его родственники шли по «зеленой линии».

семеро на «Универсале»¹⁶⁰ приехали в обм[енное] бюро. Девушка заявила — вы зря приехали, вам отказ. Она показала нам документ, по ее словам — проект (?) решения райисполкома с визами членов жил. комиссии. Отказать, т. к. частичный обмен не предусмотрен законом (!?). Ни слова, что у нас родственный обмен. Люся положила в сумочку все дело. Далее события развивались с большим шумом. Люся заявила вызванным раб[отникам] милиции и КГБ-истам, что отдаст документ только при наличии постановления прокурора на личный обыск. Такого не последовало, но они составили акт.

9 июля. Приезжал сын Юры Орл[ова] — Дима [Орлов], принес проект Вали [Турчина] — письма об Орлове на конфер. в Протвино (ускорители). Я дополнил о 8 других членах группы, информацию и последнюю фразу: «Мы считали бы также очень важным ваше внимание к судьбе ост[альных] репрессированных членов Группы». Юра Гольф[анд], Шафаревич и, по-видимому, Мейман и Валя согласились с этими добавлениями. Дима [Орлов] мне понравился. Он вегетарианец, похож на Юру за искл. колера.

Люся ездила в лагерь¹⁶¹ к Алеше. Он опять единственный не комсомолец среди множества студентов из разных вузов. Командир их взвода вроде парень ничего, но, конечно, Алеше и всем достается нелегко.

¹⁶⁰ Тип легковой машины, большое такси.

¹⁶¹ Летний военный лагерь, где проходят обязательную военную подготовку все студенты мужского пола.

Разговаривал с Алешей Сем[еновым] — внуком Ю. Б. [Харитона]. Мария Николаевна [жена Ю. Б. Харитона] умерла не от инфаркта, как сообщили родственникам, когда их вызвали к больной. У нее резко возросло содержание сахара в крови, а ее еще кололи глюкозой. У Ю. Б. очень сложные отношения с Негиным и, само собой, с Романовым. Он может опереться лишь на Кормера и Сашу Павловского. Представляю его ситуацию. 10 июля. Дозвонился до Елены Анисимовны [Резниковой], она дала юрид. консультацию о родственном обмене.

Дозвонился до Ария, он позвонит Тане сам. Боря [Кулаев] пойдет к нему завтра по делу Володи [Тольца]. Володе стало хуже, температура 38°, боли в животе.

Была Вера Федоровна, привезла гамак. Рема его повесил, а мы с Люсей оборвали своей суммарной тяжестью.

11 июля. Вечером поездом поехали в Москву.

Юра Г[ольфанд] принес письмо о Юре О[рлове], но я не могу ехать в Серпухов без конкретной «зацепки»¹⁶².

Были Сара Юльевна и Бор. Германович. Принесли записку от Юдовича [адвокат].

У Володи [Тольца] температура 40,3°, сильные боли. Боря [Кулаев] договорился с [адвокатом] Ария¹⁶³.

12 июля. Я дозвонился до райисполкома и узнал, что 6-го председательствовал Никулин Конст. Иванович,

¹⁶² на конференцию в Протвино.

¹⁶³ Адвокат для В. Тольца (см. коммент. к 7 июля).

зам. предисполкома. Люся написала письмо от имени Р. Г. Я поехал в райисполком. Хотел пройти к Никулину, но, пока ждал, снизу пришла нач. приемной, и без скандала пройти стало невозможно, она взяла у меня пакет (жаль, что раньше не прорвался).

В ФИАНе видел Д. Чернавского, получил от него телефон его знакомого, но не дозвонился (тел. 481-86-08).

Ария сообщил на время своего отпуска: Карповский Марк Ильич 283-88-33 дом.

Рема целый день был с Борей [Янкелевичем] на таможне, сдавали на склад при таможне вещи.

У Володи [Тольца] температура спала, якобы это была реакция на глюкозу.

13 июля. Картер на пресс-конф. заявил, что острая реакция сов[етского] правительства объясняется «их идеологическими потребностями». Призывает ассигновать деньги на разработку нейтронной бомбы, но еще не принято решения, будет ли она принята на вооружение.

Финское правительство выдало СССР двух молодых людей — угонщиков самолета ТУ-134. Они часть заложников отпустили, а остальные сами ушли, когда угонщики заснули.

По радио (Голос [Америки], [Немецкая] волна) передали письмо Андропову Иосифа Терели, в котором он рассказывает потряс. историю своей жизни и об ужасах Сычевки¹⁶⁴, где за 12 лет погибло от расстрелов, пыток

¹⁶⁴ Сычевка — специальная психиатрическая больница.

и побоев 475 чел. Его рассказы подтверждаются тем, что мы знали о Сычевке раньше.

По радио передали наше обращение к конференции по ускорителям, акцент на Юру [Орлова] в передаче был усилен.

Люся ездила в Новогиреево.

14 июля. Был утром М. Поповский. Сообщил, что Болонкин сильно утрирует ситуацию с его книгой (это учебник, плановая работа, сдан в РИСО МВТУ). Иск на 1 млн. — беспочвенен. Говорили о том, довольны ли мы позицией ин-корров в Москве. Мы с Люсей вспомнили хороших (лучших) корров вблизи нас и их судьбу (Улле [Стенхольма], Джорджа [Крымски], Франческо [Маттиоли (?)], [Джулиана] Нанди, Марка Брейна), по ним, как по пролетариям — самый сильный удар КГБ, (Роджера Реддингтона, Аксельбанка, [Хедрика] Смита, Кайзера, Френдли, Осноса и др.); говорили о «руке Москвы» и глупости на радио, о нечеткости позиции диссидентов и хаосе их пресс-конференций. Еще М. Поп[овский] рассказал о защите (докторской) Ротштейна (?) в МГУ на мехмате, провалена — 5:7 из антисемитских и полит. соображений.

Был Володя Сл[епак], взял колбасу для Толи Щ[аранского]¹⁶⁵ и сказал, что Зосимов уже в 37 лагере, ему дали то ли 12, то ли 15 лет. Мы счастливы, что не «вышку».

¹⁶⁵ Мы обычно в столовой АН покупали твердокопченую колбасу для посылок заключенным, а когда и в Академии не было, покупали в «Березке».

Я звонил в приемную райисполкома, сказала нач. пр[иемной] Галина Вас., что К[онст.] И[ванович] Н[икулин] передал наши документы в обм[енное] бюро для вним. рассмотрения, и решение по ним будет на ближ. жил. комиссии.

Люся с Толей [Левшиным] ездили к Алеше.

У Петрова из Солигорска умер отец. В профкоме от-казали ему в ссуде. Он взял у нас тел. фр[анцузского] посольства и «Фр. пресс». Рассч[итывает] на 20 000 франков как ветеран Сопротивл[ения] и узник Бухенв[альда]. [Мы] послали ему 150 руб.

15 июля. Сегодня мы все на даче. Совмин забил калитку¹⁶⁶.

По радио передают дело эмигранта, двойного агента (верней, агента ЦРУ, создающ. видимость работы на сов[етскую] разведку). Похищен в Вене.

Вчера Люся уговаривала меня писать исподволь автобиографические фрагменты. Но я пока не решился.

Левич не подписал мой вар[иант] письма об Орлове, где были Алик [Гинзбург] и др. Левич на своей пресс-конф. (по случаю научной конф. в его честь) заявил, что он не диссидент. В США еврейские орг. сомневаются, можно ли защищать Толю [Щаранского], т. к. он диссидент.

¹⁶⁶ Калитка между дачей Сахарова и территорией Совмина. Проход через нее значительно сокращал путь к ж.д. станции. Забивание калитки — регулярно повторявшаяся мелкая гадость со стороны КГБ.

Вечером звонила Эмма [Ботвинник]¹⁶⁷. Ей нужен юрид. совет, т. к. Ария уехал, следствие закрывается и след[ователь] покрывает виновников. Связали ее с Резниковой. Володе [Тольцу] опять хуже. Кость сдвинулась в таз. Т-ра 38,3. Слабость.

16 июля. Утром на даче были Томар и Суля [двоюродная сестра Томар].

Люся и Таня ездили к Алеше. Но он сам приехал к нам на дачу, а затем к Оле, договорившись с помкомвзвода. Черный, худой, с блеском в глазах — Аня очень напугалась.

Был с 15-минутным визитом Юра Сах[аров] — с не привычки Инна [Каганова] испуг[алась].

К расск. Поповского. Он передал в Ymka Press¹⁶⁸ (к Струве) книгу о Луке (Бруно-Ясенецком) [описка — надо Войно-Ясенецком]. Струве потребовал исключить 15 страниц недостаточно почтительных к великому русскому народу. П[оповский] отказался.

Другая история со Струве. Г. С. [Гарик Суперфин] тайком [от Люси] переслал рукопись Э. К[узнецова] Струве. Тот вообще не стал печатать книгу еврея, а потом не давал долго печатать Маше [Олсуфьевой], [которой переслала Люся].

¹⁶⁷ Эмма Ботвинник вела все юридические дела В. Тольца, пока он находился в больнице.

¹⁶⁸ Русскоязычное издательство в Париже, директором которого был Струве.

17 и юля. Воскресенье. В 17 часов приехала Томар, чтобы поехать всем вместе на «Жигулях» на прощальный ужин. Но переключение скоростей (муфта?) оказалось выведенным из строя. Поехали на автобусе. Боря, Наташа, уже отрешенные, уже мыслью «там». Глубокое уважение вызывает во мне дед Шмул в это нелегкое для него и всех время.

Дед Ефрема — реальный сионист с полувековым стажем. Он был членом ЦК сионистской организации «Бнай-Цион», в конце 20-х годов был арестован. Когда освободился, организация уже была полностью уничтожена. Он — единственный из семьи, кто всегда хотел уехать в Израиль. ▮

18 и юля. Вечером с Люсей и Ремой поехали на поезде в Москву. Таня, Мотя и Аня нас провожали. В последний момент Аня очень заволновалась, как бы не остаться одной: «Возьмите Анечку». Рема показал мне свои последние фотографии — на одной из них я с Анечкой — она очень симпатичная. Очень удачны фото с Инной [Кагановой] и Светой [?], и др.

В Москве к нам приехали Галя Салова и Эмма [Ботвинник]. Галя привезла письмо от Кронида. Кронид пишет, что для окончательного решения об отъезде (не от чего-нибудь, а для чего-нибудь??!) ему необходимо встретиться со мной и Люсей. Все это печально, перекладывание груза ответственности, вообще не солидно, также, как гипертрофированная реакция на возмутительные сами по себе действия милиции.

Эмма очень грустные вещи рассказывала о Володе [Тольце], как медицинские, так и юридические. Рука у него срослась неправильно, т. к. в момент госпитализации в отделении не было гипса. Отделение отказалось от немецкой кровати. Володе врачи прочат инвалидность — нога, чашечка будут плохими. Володя еще не способен, по словам Эммы, сильно интересоваться чем-либо вне больницы.

19 июля. За 10 минут до прихода автомашины явился некто Петров из Псковской области — психич. больной человек, по моему мнению. Он хочет жениться, подыскал девчонку, но для этого ему надо подлечиться. Он философ (?).

Мы оформили нотариальные доверенности (2 — я и 2 — Люся).

Передачи о Китае. Реабилитация Дэн Сяо Пина. Повидимому, Хуа Го Фэн или новое руководство в целом постепенно отходят от чудовищных экспериментов Мао. Не будет поголовной отправки школьников в деревню. Вводятся приемные экзамены в вузах. Статьи в газетах о необходимости науки, технического прогресса. Бежавший на Тайвань летчик рассказывает об ужасах голода в Китае — дети отнимают корм у свиней, родители продают детей за продкарточки.

20 июля. Сегодня улетели Боря и Наташа [Янкелевичи] — ровно через месяц после подачи документов. Боря позвонил из Вены. Они в одной комнате с Элькиндом. Это тот еврей, который 3 года ждал разрешения и перед са-

мым отъездом потерял дочь, попавшую под машину (перебегала шоссе). У Бори долго ковырялись в приемнике. 21 июля. Была утром Вера Федоровна, она пришла предупредить, что некто добивается встречи со мной. Был у нее опять предст. КГБ, сказал ей, чтобы больше туда не писала, что они ничего не решают.

Вечером у нас был в гостях Дима. Хотя он меня всегда огорчает своей внутренней чуждостью, позерством и неинтеллигентностью, все же хорошо, что он пришел. Был также Юра [Сахаров], получил свои 60 [рублей]¹⁶⁹.

Были с Люсей в сберкассе по делам легализации. 22 июля. Сегодня у нас были Алла и Леня Розенштейны. Они за 47 дней получили разрешение на выезд. Сын (Додик) уже в Штатах, учится и работает, у него все отлично. Оживлены, веселы. Много советов, что брать, что не брать. Не брать мебель, там ее охотно дарят слегка подержанную. А брать белье, эмалир. кастрюли.

Был Левич с женой. Рассказывал о допросе. В кор[идоре] он встр[етил] А. Щ[аранского] (наверно, подстроенная встреча). Его спрашивали о роли Т[оли] в подписании док. в защиту Саланского, о том, что говорил Толя во время встречи с сенаторами, о списке отказников по секретности и т. п. Левич оставил заявление, в котором

¹⁶⁹ Юре давали деньги два раза в месяц, и он их часто терял. На Диму вновь стали давать Любе, так как он, после недолгого житья в семье Тани, опять стал жить на Щукинском.

подчеркнул свою полную убежденность в беспочвенности обвинений (а ин-радио — «Голос [Америки]» — неточно сказало, что он «сомневается в виновности Щаранского», так же, как оно неточно цитировало слова Левича о том, что он глубоко уважает диссидентов, но не принадлежит к ним).

Была какая-то узбечка, желавшая побеседовать.

Дозвонился Золотухину в ОВИР. Сказал, что мы очень озабочены недопустимой задержкой с Люсиной поездкой, что через 10 дней будет шум, как в 75-ом [году]. Золотухин подтвердил, что действ. тогда был большой шум. Он сказал, что решение будет через несколько дней, и что город[ской] ОВИР учтет мои слова.

В Перовском обменбюро Волк[ова] сказала, что ответ будет через месяц. Я также звонил в приемную райисполкома.

Поехали на дачу, получили книги.

23 июля. Сегодня от Т. Великановой узнали о вчерашнем нападении на папу и маму Чудновских. У Малки сотрясение мозга и вывих руки, у отца тоже тяжелое состояние. Милиция прибыла только через 3,5 часа. Нападение произошло через несколько дней после запроса Лорана Шварца о судьбе Чудновских Жискару Д'Эстену, который якобы ответил уклончиво. Я написал "Обращение", Люся продиктовала его Сету Майдену, и я дозвонился в «Рейтер» и «Франс Пресс» с просьбой поинтересоваться. Конечно, лучше бы было передать им это обращение. На радио обращение не попало.

Были с Люсей в кино — монтаж по Чехову младшего Михалкова, но все же интересно смотреть на хорошую игру актеров.

У Крониды был допрос о Шмелеве — его соседу по Владимиру¹⁷⁰, которого он никогда не видел, но перестукивался. Неизвестно, в чем дело и где Шмелев.

У Нины Антоновны [Строкатой] опять записано нарушение режима, после того, как милиционер сам ее задержал.

24 июля. Событий нет.

Дозвонился в ВВС — просил связаться с Сетом [Майденом].

Читал о Ломоносове Лебедева.

Вечером была Эмма Б[отвинник] с рассказом о Володе [Тольце].

Галя [Салова] вновь просит приехать к Крониду, говорит: «Тогда ему будет легче на душе». Я на другой день сказал М. Поп[овскому], что, вероятно, единств. реальный шаг — выход Кр[онида] из Фонда¹⁷¹.

25 июля. Днем Люся и я собирали малину, и Люся варила варенье.

Вечером в Москве у нас были в гостях:

1) Борис Германович и Сара Юльевна. Якобы дело Андрея [Твердохлебова] затребовано прокуратурой (это

¹⁷⁰ Владимирская тюрьма.

¹⁷¹ Кронид Любарский был одним из распорядителей Фонда Солженицына.

выяснилось при попытке получить документы одного человека, который в свое время отказался свид[етельствовать] против Андр.)

2) Галя [Салова]. Принесла бумаги Кронида. Дело Шмелева — явная провокация. Есть опасение у нас, что Галя с Кронидом опоздали¹⁷². Хорошо бы ошибиться.

3) Елена Всеволодовна Ветроградская¹⁷³ (тел. 276-17-33. 2-я Дубровская д. 8. кв. 37а).

4) Марк [скульптор] (принес гору своих барельефов). Они принесли бумаги одной женщины-архитектора с гигантскими проектами и «борьбой». Боюсь, что все это на грани болезни и, во всяком случае, что я могу сделать.

Звонил Давид Ч[удновский]. Был им звонок из США от проф. Берса, который видел в газетах мое обращение. 26 июля. Утром шел разговор с женщиной из Гомеля — сын у нее в Израиле, хотела переслать ему через Голл. пос[ольство] какие-то документы о злоупотребл. — я отговаривал.

Вечером у нас были В. Ф. — рассказала о неприятностях у Э. Ф[инкельштейна] — и Марк Поповский, который тоже получил тревожные сигналы о Крониде (см. пред. число).

27 июля. День рождения Алеши. Люся ездила к нему в Нарофоминск. Рассказ о политбеседе — что такое пло-

¹⁷² Андрей имел в виду — опоздали подать документы на выезд, и Кронида могут повторно арестовать.

¹⁷³ Не знаю, кто это.

хой солдат и что такое хороший. Плохой — все у него не так, все задает вопросы, попал на Голанские высоты — бежит в Тель-Авив златы зубы вставлять. Хороший — все у него на месте, может и выпить, и с девочкой в рест[оран] сходить, но головы не теряет. По тревоге мгновенно вскочит — куда стрелять, в кого стрелять, и никаких лишних вопросов, танк идет, на гусеницу кишки намотаны, а он стреляет и никаких вопросов.

Рема вечером ездил в город. У Алеши наряд за то, что он проспал поверку, и упоминалось, что он якобы имел самоволку, видимо, был звонок из Москвы.

28 и юл я. Сегодня звонок из ОВИРа, подошла Люся, спросили Рему и Таню, она сказала, что передаст. Их просят сегодня же позвонить, уже послали повестку. Мы имели 2—3 часа волнения, думали, что разрешение. Но когда мы все обдумали, и Рема позвонил, оказалось — это уточнение анкет.

Сегодня день рожд. Любы. Позвонил ей. Она с Сашей едут в Отепя.

29 и юл я. Вчерашнее было мелким жульничеством (фокусом). Сегодня Реме в ОВИРе сказали, что на них есть разрешение, срок визы — 20 дней. Рема, как было вчера договорено, сказал, что они могут поехать только после возвращения из Италии Люси. Но я (и Люся) думаем, что на самом деле такое условие является слишком ультимативным (опасным для них), ждем до понедельника. Вероятно, надо разделить проблемы детей и Люси, не связывать их.

Рема внутренне настроен на прежнюю линию, как он об этом сказал Тане В[еликановой], добавив, что это не от него одного зависит. За день он еще больше осунулся. Мы с Люсей и Р. Гр. непрерывно думаем, как сложится их жизнь там. Реме 27 лет, причем с момента оконч. вуза он фактически не работал по специальности, он по убеждению, характеру и обстоятельствам ориентирован на обществ. деят[ельность] — очень мало или совсем нет равных ему в этом. Проблемы языка. Ужас (обоюдный) разлуки. Как тут не задуматься.

30 июля. Суббота. Мы все в шоке после вчерашнего известия.

Была вечером Л. К. Говорила о важности сохранения языка, но ее цитата из Салтыкова — что, якобы, русские дворяне не двуязычные, а, наоборот, ни на одном живом языке не говорят, кажется мне неудачной. Но вообще проблема сохранения языка, конечно, для Моти и Ани существует.

Вечером мы с Люсей, Таней и Ремой были у Литинских в связи с их скорым отъездом¹⁷⁴.

31 июля. Сегодня на даче были последовательно:

1. Виталий Рекубратский с письмом Строкатой — передали его для собрания во вторник.

2. Вера Федоровна.

¹⁷⁴ Отъезд из Жуковки, где Литинские жили на даче Харитона.

3. Мейман и Давид Ч[удновский]. С ними писали обращение к Предварительному сов[ещанию] в Белграде.

4. Шиханович с Алей.

У Меймана дочь в США, Колорадо, с мужем-гляциологом, на высоте 3000 м. Мейман живет один, где жена, не знаю, может, умерла¹⁷⁵.

С Мейманом и Ших[ановичем] говорили о Я. Б. Зельдовиче: а) о его моральном уровне; б) о его книге «Мат[ематика] для начинающих». По второму вопросу мнения разделились.

Мейман рассказал о Виноградове И. М. Из семьи священника, ненавидит евреев, как предполагаемых им виновников преступлений перед церковью в 20-х годах. В конце войны директором Мат[ематического] инст[итута] был Соболев, на 1/8 еврей, теперь он это скрывает, но человек неплохой. Ученик и друг Соболева Бермант из подлого расчета, что предательство друга выше всего ценится, начал кампанию против Соболева, и директором МИАН стал Виноградов и немедленно уволил Берманта с позором. Многие поступки Александрова П. С. и Колмогорова объясн. тем, что они — гомосексуалисты и всегда дрожат. А вообще П. С. [Александров] лучше мно-

¹⁷⁵ Тогда нас удивило, что мы так близко знакомы и вдруг узнаём, что у него есть дочь. Через некоторое время мы снова удивились, застав у него девочку 8—9 лет. Оказалось — внучка. И в Москве у него то ли сын, то ли еще одна дочь. А мы полагали, что он совсем одинок.

гих более молодых математиков. Его письмо мне — какой-то очень хитрый ход с дальним прицелом, П. С. ни минуты не думает, что я убил [И. Г.] Петровского¹⁷⁶.

1 августа. Ездил с Самуилом Борис., Розой Моисеевной и Томар в фотографию, отвез их обратно и потом заехал за Люсей в Жуковку.

Вечером были В. Ф. и Бэла [Коваль].

Был также Громов из Тбилиси (по тел. он для маскировки сказал, что от рабочих Запорожья). Он написал очень умное письмо — ответ Аппелю [?]. Сказал ему (и Люся подтвердила), что такое письмо не будет напечатано на Западе и не пойдет в Самиздате. Гр[омов] очень огорчился.

Читали с Люсей эконо. статью Федосеева, много интересного.

2 августа. Сегодня утром позвонил Алеша из Клязьмы и сообщил о болезни Кати (вчера вечером темп. 38—38,5). Мы с Люсей поехали. Утром у Кати 38,5. У Алеши отгул. Люся осталась там, а я поехал на пресс-конф. на пр. Мира. Тема № 1 — Чудновские. Выст[упали] Давид [Чудновский] (по-англ.), Мейман и я. Тема 2. О Крониде и Нине Стр[окатой]. Таня [Ходорович] ее растянула. Сет [Майден] вышел проинт[ервьюировать] меня о нейтр[онной] бомбе. Я отказался.

¹⁷⁶ Это письмо с очень резкими обвинениями Андрея приведено мной в вводной главе и хранится в моем архиве.

Я звонил в 15 ч. Золотухину, тот сначала сказал, что не знает дела Е. Боннэр, затем сказал, что ответ будет через 2 недели, затем (когда я напомнил наш разговор 11 дней назад о гласности) назвал срок 4 дня и окончательно — вторник. Через 15—20 мин. после разговора сам позвонил вновь и официальным тоном сказал, что он детальней ознакомился с возможностями и, что я (он поправился — тов. Боннэр) должна зайти в пятницу в 10—11 часов к тов. Зотову, 2 эт.

3 августа. Люся поехала в Новогиреево, а я — на Клязьму, было очень тяжело ехать из-за жары. У Кати уже была весь день норм. температура. Я привез Оле и Фане¹⁷⁷ сумку с продуктами.

Люся узнала, как оформить возвр. денег.

■ Деньги (пай) за мою кооперативную квартиру. В связи с разрешением на обмен были переведены деньги (остаток пая). После отъезда Тани и Ефрема с детьми мы решили, если не получим разрешение на обмен двух квартир на одну большую, вернуть кооперативную квартиру — кооперативу, тем паче — Андрея там не прописывали. Официальная причина отказа в прописке — собрание пайщиков отказалось принять его в члены кооператива как недостойного человека. ■

Из-за страшной духоты спали с Люсей на кухне на полу.

¹⁷⁷ Фаня Голомбик была няней у Кати — дочка Алеши и Оли.

Я ездил в магазин «Березка» на Сир[еневый] бульвар, но ничего там не купил.

4 августа. Сегодня обзвонил корров — пригласил их на завтра 10.30 в Колпачный¹⁷⁸: АНСА, Рейтер, ВВС, АР, Николаус.

Обсуждали с Люсей возможные варианты мотивации отказа: 1) нельзя ее послать одновременно с детьми; 2) она делала антисоветские заявления во время своего пребывания за границей; 3) советская медицина может справиться с ее глазами. Ответ на первый пункт: Я не собираюсь оставаться за рубежом, уже 4 раза ездила. Выезд детей, в котором мы заинтересованы, — независимое дело. Ответ на второй пункт: У нас с вами разные предст. о том, что такое хор[ошо] и, что такое плохо. Но одно ясно. Обст[ановка] в 1975 г была исключительная. Мой муж не был допущен на Нобел. церемонию, и я выст. от его имени. Ясно, что в этом году Ноб. церемонии не будет. Я надеюсь вернуться за 2 месяца — мин. срок с точки зрения медицины. Ответ на третий вопрос: Я никогда не говорила, что сов[етская] медицина плохая. Но наше положение исключит[ельное]. В 1975 г. проф. Фрезотти¹⁷⁹ сделал мне операцию и принял меня в качестве своей пациентки. Моя поездка к нему для повторной операции — не только совершенно ест[ественная] вещь, но и единств[енно] возможное дело с точки зрения взаимоотношений врача и пациента.

¹⁷⁸ В Колпачном пер. находится ОВИР.

¹⁷⁹ Здесь и далее правильно Фрезотти.

Я звонил в обм. бюро. Мне сказали, что ответ от имени райисполкома мне будет выслан в положенный по закону срок.

Мы с Люсей вечером ездили в ГУМ.

5 августа. Мы собрались в ОВИР, но утром в 9.00 позвонил Зотов и сказал, что его вызывает руководство, и он просит меня и Люсю зайти в среду, 10 часов.

6 августа. Мы на даче. Таня и Рема вчера поехали в Москву для разборки [вещей].

Были С[ара] Ю[льевна] и Б[орис] Г[ерманович]. Тревога с телегр[аммой] Андрея [Твердохлебова], в которой он просил приехать «мальчиков», оказалась ложной. Утром пришло письмо — он просто беспокоился о трудност. поездки к нему. С. Ю. решила ехать сама с Женей [дочь А. Твердохлебова]. Отлично (идея Люси).

Были тетя Роня [Пападичева Эльвира Борисовна] с Маней [Разумовская Мария Ефимовна].

Дети — на высоте.

Проводив гостей, зашли вчетвером на Совмин. качели.

7 августа. Сегодня были В. Ф. и Томар.

Днем я занимался Е.Т.П. [Единая теория поля]

Во втор[ой] пол. дня плохо чувств. себя, спал на гамаке. Р. Г. весь день плохо чувств. себя, утром сердце, день в постели, много спала (вчера тоже).

8 августа. Дачная жизнь продолжается.

Подрезали малину.

Совсем немного занимался.

Дети с восторгом принимают участие (больше мешают) в сельхоз. работах. Как мы будем потом вспоминать эти часы. Оба очень деловиты.

Темп. 23—24°, одеты «легкомысленно». Все в порядке.

Вечером уехал один — без Люси — на Чкалова, чтобы встретиться с Леночкой (завтра суд над Марком).

■ *Марк Дейч, журналист, внучатый племянник Льва Дейча, члена группы «Освобождение труда». О жизненных пересечениях. Зимой 1942 г. наш сан. поезд стоял под заправкой углем и водой где-то на перегоне Вологда—Пермь. Мимо шли эшелоны теплушек, вывозящих из блокады тысячи ленинградцев. Проходя через грязный вокзал к военному коменданту, чтобы подписать какие-то бумаги, я наткнулась на глаза — голодные и как будто спрашивающие. Я не разобрала, старая ли это женщина или девочка, но что-то меня заставило спросить, что она здесь делает. И буквально через минуту знала, что она отстала от своего эшелона, что там у нее никого нет, что ждет, пока ее подсадят в любой другой эшелон, и ей все равно, куда он пойдет. И что она студентка последнего курса Университета и зовут ее Ася, а фамилия Дейч. Я машинально, как на уроке обществоведения, перечислила — Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч. Она сказала — да, я его племянница. И я повела ее к нам на поезд и уговорила начальника зачислить ее вольнонаемной санитаркой. Главным*

моим аргументом было — она же племянница «Освобождения труда». Начальник сказал, ладно — без денежного содержания, но на полное пищевое довольствие. И еще сказал, чтобы больше я такое не вытворяла, потому что Ася уже была третьей. До нее была десятиклассница из Новоград-Волыньска Броня Пруман, чудом избежавшая гетто и расстрела. Уцелела из большой семьи только она — была со школой на рытье окопов — и двухлетний самый младший брат, которого спрятала и растила бездетная соседка. Что он жив и Броня его разыскала, я узнала после войны из ее письма. И была киевская сирота, назначенная к такой же участи, Аня Леверттовская. Я обещала, но еще дважды нарушала обещание. А с Марком Дейчем, который оказался племянником Аси, меня через много лет свела уже диссидентская эра. ■

Когда уходил, Анечка устроила ревку.

На Чкалова к Тане и Реме пришли Гольфанды и Люся Ковалева, принесла письмо от Сережи, очень грустное и раздумчивое, со здоровьем плохо, еще не знает, действительно ли ему помогла операция. Очень просит сказать правду о нем Варе (8 лет), но Люся [Ковалева], к сожалению, не может на это решиться или не умеет¹⁸⁰.

¹⁸⁰ Мы не раз сталкивались с тем, что мама не решалась сказать дочери или сыну об аресте отца, боялась, что для маленького человека это будет непереносимая травма.

Была также Юлка, она поедет с Женей¹⁸¹ к Андрею [Твердохлебову].

9 августа. Автомат говорит 258, набирайте 412-30-36¹⁸².

С утра — Таня поехала за подушками, купленными Эйтаном в Вильнюсе.

Я и Рема были на суде Марка Дейча (муж Лены — детск. врача). После визита к нам за Марком и Леной стали очень следить. Вскоре Марку предложили сотрудничество с органами. Он отказался. 18 мая Марка арестовали на площади Пушкина якобы за попытку продать 1000 марок ФРГ. Дело шито белыми нитками, тот человек, которому он якобы хотел продать, исчез, на суде выступали подстав. свидетели. Приговор — 3 года «химии».

У нас вечером в гостях Лариса Богораз, у нее много к нам вопросов и одно не ее предлож. о дискуссии — может понравиться П. Г. [Григоренко].

Были также Борис Германович и Сара Юльевна.

Нине Антоновне [Строкатой] надзор продлен — сообщение Гали [Саловой].

10 августа. Сегодня день большого события — Люсе дано разрешение.

Утром приехала Наташа [Гессе из Ленинграда].

¹⁸¹ Юлка (Юлия Закс) — сестра А. Твердохлебова, Женя — его дочь.

¹⁸² Видимо, попытка куда-то прозвониться по автоматической связи.

В 9.40 поехали в ОВИР. Ровно в 10 прошли в холл (ОВИР не работал согласно объявлению). В кабинете Золотухина нас принял Зотов. Усевшись с благодушным видом за стол, он спросил: какие у вас вопросы? Я сказал, что нас интересует решение по вопросу о поездке Люси для лечения в Италию. «Дано разрешение». Зотов также по собственной инициативе вспомнил про Ефрема: «Почему он не приходит за визой?» Дата выписки Люсиного заграничного паспорта 2/VIII, решение, наверно, было принято много раньше. Непонятно, почему они сообщили его только сегодня. Заплатили за паспорт 271 р.

Во второй половине дня ездили с Верой [Алихановой] на кладбище, потом вдвоем в «Березку» (магн[итофон], сервизы, часы, вазочка).

Вечером у нас Твердохлебовы, приехала Р. Г.

Звонил из Майкопа Павлов. У него был многочасовой допрос, требовали, чтобы он сказал, что не давал Орлову и Турчину санкции на публикацию его первого дела. Павлов считает, что завтра его могут не отпустить с допроса (у него повестка).

«Голос» сообщил о Люсином разрешении и добавил, что А. Сах. отказано по соображениям секретности¹⁸³.

¹⁸³ Андрей не подавал заявления на поездку, соответственно не мог получить отказ. Но это пример очень часто встречавшейся в те годы журналистской небрежности или недостаточной профессиональности. А для миллионов радиослушателей такая неточная информация ничем не может быть скорректирована.

11 августа. Пока я ходил в химчистку, позвонила Таня. Новая следовательница просила Томар придти для беседы завтра в пять. Были напряженные обсуждения ситуации, как по телефону, так и за столом на веранде. Очевидно, налицо реакция ГБ на затягивание отъезда Тани и Ремы. После некоторых колебаний Рема отказался от своего намерения взять визу только после отъезда мамы.

Томар решила завтра позвонить следовательнице, что она не сможет придти.

По дороге на дачу купил на завтра билет [в Ленинград] для Наташи.

Подарил часы Диме со стихотворной надписью, а также, по совету Люси, 30 р. на праздник, с советом воздержаться от главных трат на вино¹⁸⁴.

Диме 14 авг-77 г.

Тебе часы
не для красы,
А чтобы знал минутам счет
в соответствии с системой НОТ.
Ведь из минут — и час, и год,
а энтропия все растет.

12 августа. К Томар пришли 2 письма от Бори — там все хорошо. Боре сделаны предл[ожения] о работе.

Люся, Р. Г., Таня, Наташа [Гессе] уехали на акад. машине в Москву, чтобы завтра Таня могла сходить к нотариусу, а также для разборки вещей, покупки ковров и т. п.

¹⁸⁴ Дима Сахаров родился 14 августа 1957 года.

Приехала Томар, т. ч. нас — 3 взрослых и дети на даче. Томар звонил из военкомата (якобы?) одноклассник Бори и Ремы, справлялся о Боре, а затем сказал: «Боря не сдал военного билета. Это очень серьезно. Заинтересовалось Мин. иностранных дел. Его могут вернуть»¹⁸⁵. Также Томар звонила новая следовательница, интересовалась, где Таня.

В Киеве задержали для обыска Наума Натановича [Меймана], когда он (в сопр. Давида [Чудновского]) уезжал от Чудновских. Гриша [Чудновский] сам позвонил Люсе. Я с ее слов позвонил Кр[истоферу Рену] (А. Р.) [Associated Press].

Сегодня 24-летний юбилей испытания 1953 г. Прошла вечность¹⁸⁶.

Читал Моте сказку о Белом Дрозде, он очень хорошо слушал. Гулял с Аней.

13 августа. Сегодня — целый день с детьми.

Дайте мне скорей борзую,
Я борзую нарисую.

По радио «DW» [«Deutsche Welle» — «Немецкая волна»] — о вост. политике Картера в связи с его речью в Чарлстоне. «Stern», «Die Zeit» в ред. статьях пишут, что Картер своей политикой, которая вызывает большое беспокойство не только в Европе (Жискар Д'Эстен, Шмидт), но и в самих США, сделал почти неизбежным

¹⁸⁵ Тоже образец мелкой гадости, исходящей от КГБ.

¹⁸⁶ В 1953 г. было первое испытание водородной бомбы.

возрождение холодной войны. Цель политики Картера — внутренняя моральная консолидация в США, при этом он слишком резко ее проводит. Политика К[артера] привела к удару по диссидентам, поставила под угрозу разрядку, особенно переговоры о страт. вооружении, привела к трудностям с эмиграцией немцев. Но своей примирительной речью в Чарлстоне Картер совершает маневр, который дает русским возм. сохранить лицо и разрядку.

Сегодня на квартире Томар (она сама находилась у нас, дома были старики) телефон был отключен на неск. часов.

Рема заявил, что он поедет только одновременно с мамой. Томар поддержала меня, что это слишком опасно. Рема упрекнул нас, что мы слишком легко, без борьбы становимся на позицию ОВИР¹⁸⁷.

14 августа. Продолжались обсуждения с Ремой.

На даче в гостях были Слепаки Володя и Маша, Вера Федоровна, Мейман, Арина [Гинзбург]. Прощались (Слепаки и Арина, уезжающие в Коктебель и еще куда-то) с ребятами, желали им счастья. Слепак расск. об изменениях положения в Израиле (вновь есть иностр. инвестиции, забастовки только после согласования причин в тройке — предст[авители] профсоюза, предпр[иятия], правительства — нет дотаций кибуцам). Бегин 3 года провел на Колыме, захвачен в Прибалтике.

¹⁸⁷ Как показало дальнейшее, Ефрем был прав.

Мейман расск. о мафии Боголюбов — Тавхелидзе, хотя он очень высокого мнения о Н. Н. [Боголюбове] как ученом. Впрочем, теорема об «острие клина» есть у Бернштейна.

Р. Г. второй день болеет (серд. слабость).

У Димы день рождения, я его поздравил по телефону. У него в гостях Марк [врач-психиатр]. Я рад, что не поехал.

15 августа. Ходил на Подкоп[аевский (ГАИ)]. Зам. нач. сказал мне, что разрешения на сдачу экз. без автошколы — на просп. Мира д. 15.

Вечером ездил на дачу беседовать с Ремой, он опасается ехать раньше Томар. Уговаривал завтра обяз. взять визы.

Гулял с Аней в лесу. Была очень разговорчива. Нашла волчью ягоду. «Малинка это называется». Все время задает вопросы: «Что такое? Как называется?»

Провожали Рема, Аня, Мотя.

С крыльца украден велосипед (Алешин).

Мурарка сообщил со слов Грече, что выпуск сборника¹⁸⁸ задерживается до февраля-марта (один лауреат — не я — задерживает все дело). До этого Ч[алидзе] может быть послано только краткое изложение. Я сказал, что это (изложение) не интересно и не обязательно.

¹⁸⁸ Сборник статей нобелевских лауреатов, для которого Андрей писал статью «Тревога и надежда».

16 августа. Сегодня с утра Рема, Томар и я собрались (к 10 ч.) в ОВИРе. Подождали внизу. Я не хотел входить, но Зотов, спустившийся вниз вместе с Кармышиной, пригласил в кабинет всех троих. Томар изложила свое желание, чтобы Рема ее отправил. Зотов сказал, что она может начинать собираться. Рема назвал дату 5/VIII [описка — 5/IX], до которой он просит продлить визы, спросив предв. маму, уложится ли она в этот срок. В тот же день он заплатил пошлину 2x760 и получил продленные до 5/IX визы.

Вечером у нас в гостях зам. мэра Флоренции Доменико Кольци. (Красивый очень, у него жена и 2-ое детей в Ленинграде, социалист.) Люся, хотя и с напряжением, прекрасно переводила с итал. В ноябре или октябре намечается конференция диссидентов, созываемая Флорентийским муниципалит., все партии проголосовали «за». Я написал список [для] приглашений из Сов. Союза (4+13), должен написать обращение.

Вечером был Юра, дали ему 50 р.

17 августа. Рема звонил по вопр. амер. виз Комсу, тот говорил с консулом, но пока дело на месте¹⁸⁹.

Утром был Н. Н. Мейман. Просил написать FAS¹⁹⁰ о том, что секретность его и Юры Гольфанда — чистая

¹⁸⁹ Андрей хотел, чтобы дети летели прямо в Штаты, избежав обычной 3-4-месячной «пересадки» в Италии.

¹⁹⁰ Федерация американских ученых — Federation of American Scientists.

фикция. Оба, находясь в Москве, проводили очень условные, идеализированные расчеты, не дающие никакого представления о харак. и конструкциях. К тому же это было очень давно — более 20 лет тому назад. Капица сказал англичанину, что не знает Меймана.

С Люсей ездили за покупками.

Таня обегала 5 учреждений, занимаясь легализацией документов, и за 1 день покончила с этим делом. У нее был очень тяжелый разговор с отцом (проездом в Москве, в гост. «Россия»), который обрушился с упреками в адрес Тани и Люси.

Вечером была Рая Руденко. 1 сент. касс[ационный] суд по делу Руденко и Тихого. Она через Смирнова (как члена МАЮД¹⁹¹) послала письмо амер. адвокату Кларку.

Была также Люба Мурженко.

Новый тел. Шихановича 212-30-36.

18 августа. День рождения Р. Г. На даче собралось 14 взрослых, 2 детей (нас 7, 2 Ших[ановичей], Вера [Алиханова] и Вика, Циля [Дмитриева] и Маня [Разумовская], Фаня [Реньш], В. Ф., Дима). Все было хорошо. Самовар стоял под большим абажуром на веранде, хорошее угощение, вино.

Дима под секр. сказал мне, что Люба, по-вид., беременна.

¹⁹¹ Международная ассоциация юристов демократов (просоветская?).

Были в поликлинике. У Люси давл. в одном глазу 30 (под нагр.), 28 (без нагр.). Поле зрения без изменения за посл. месяцы. В опер. в 75 г. — норма. Можно спокойно ждать Фрезотти.

Звонил Деревцов из Краснодара — бывш. переводчик, пострадал в 73 г. за письмо в мою защиту. Передал повесть в амер. посольство.

С Ремой разговаривала женщина, якобы насильно высланная бельгийцами из Бельгии, т. к. она не хотела терять сов. гражданство. 10 лет была за рубежом с сов. паспортом. Замужем за латиноамериканцем, фактически разошлась. Просит помочь выехать из СССР. Неск. подозрит. история.

Не успели обсудить, надо ли предприн. мне шаги с консульством.

19 августа. Звонил амер. консулу по тел. 252-00-11. Встреча с ним (я, Таня, Рема) в 12 ч. ... оказалась бесполезной¹⁹². На все замеч. и вопросы отвечал незнанием.

Таня и Рема посетили таможеню. Прием багажа назначен на 30/VIII и для них и для Томар.

Люся в Москве. Памятник [Игорю и Геворку Алихановым] установили.

Анины словечки: «Мамажите» (положите). «Не могу, как» (не знаю, как). «Отойди свою ручку» (Отодвинь). «Не могу. Иду, иду. Пока». «Это что такое?» — сегодня играла этим вопросом.

¹⁹² Прямую визу в США ребятам не дали.

20 августа. Таня и Люся целый день в Москве, делают покупки, разборки и другие инт. дела.

Был посетитель с инт. предложением [?]

21 августа. Мотино стихотворение (песня, как он говорит):

Не оставлю злomu зверю
Не оставлю злomu зверю
Не оставлю никого.
Дорогого дидю Адю
Я в берлоге злого зверя
Не оставлю никогда.

К нам приезжала Людмила Ильинична [Гинзбург] — с письмом не знаю от кого.

I вариант.

*В берлоге злого зверя
Не оставлю любимого дидю Адю
Никого не оставлю в этой берлоге
Не оставлю никого
Никого не дам в обиду
Никого не дам в обиду.*

22 августа. Вечером известие — арестован Феликс Серебров. Обвинение — использование заведомо неправильных документов. Ф. С. в 47 за «колоски» был осужден к расстрелу, заменен на 10 лет, освоб. в 1954. В трудовой книжке отдел кадров опустил запись об аресте и осуждении.

Сообщение Давида [Чудновского] из Киева. В 19.30 ему позвонили из ОВИРа и сказали, что в четверг они могут по-

лучить визы. Вскоре позвонил мальчик из Вены и сообщил, что секретариат Крайского (ранее выступившего в защиту Чудновских) извещен о решении отпустить Чудновских.

Юла и Женя выехали 20-го [к Твердохлебову в ссылку]. 23 августа. Целый день на машине.

Таня приехала с дачи в Новодев. монастырь, с частичн. успехом оценивала антиквариат. Потом пошла на кладбище, милиционер ее не пустил.

▮ Около Новодевичьего монастыря была контора по оценке вывозимых вещей. Танин антиквариат состоял из двух маленьких картинок, серебряного ожерелья, которое ей подарила мама Ефрема, и кофейного сервиза, который я купила на рынке в Багдаде за 2 динара. Пропустили только ожерелье, взяв за него 60 рублей. Потом она пошла на кладбище, куда ходила всю сознательную жизнь на могилу к Севе Багрицкому, а потом и к его маме Лидии Густавовне Багрицкой-Суок. Но в середине 70-х годов на Новодевичьем кладбище ввели пропускную систему. Ее не пустили, и тут она заплакала. В этот момент приехали мы, и с Андреем нас пустили. А визы от итальянцев были нужны, чтобы не сидеть в Вене в ожидании их. Итальянцы оказались несравнимо меньшими бюрократами, чем американцы, и визы дали сразу. ▮

Она плакала у администратора. Тут подъехали мы. Нам были нужны визы. В итал. пос[ольство] нас сперва не пустила милиция, но после моего звонка в конс. отдел

мы прошли и получили визу Люсе и транз. визы для ребят. В Al Italia забронировали место на 5/IX. На Фрунзенской в кассе Аэрофлота сказали, что Таня и Рема могут получить билет лишь до Вены. Поехали в ОВИР, проникли к Зотову. Тот сказал, что Томар может придти в четверг, и что он тогда же сможет сообщить о билетах.

Таня была на оценке 2 карт[инок], для одной требуется согл. автора, другая якобы 1907 г. и поэтому не может быть пропущена.

Вечером был бывш. бульдозерист Иванов Ник. Павл. из пос. Рудный, Соколово-Сурбайский горнооб. комбинат. 24 августа. Зотов сообщил, что билеты могут быть проданы только на самолет Аэрофлота 4 сент¹⁹³.

Люся в нот. конторе написала доверенность Арию А. Мизякину [на машину].

В 12 пресс-конф. у П. Г. Г. Дело Сереброва, заявление Оксаны Яковл. Мешко об Александре Сергеенко, ее сыне (забол. крови, необходим перевод в Ленинградскую больницу). Я сказал неск. слов.

Позвонил Рема и сообщил об аресте Антанаса Терляцкиса¹⁹⁴ и Виктораса Пяткуса.

¹⁹³ По негласному, но неукоснительно действующему распоряжению авиабилеты всем эмигрирующим из СССР продавались только на самолеты Аэрофлота, и для этой категории пассажиров существовало только два варианта маршрутов — или билет до Израиля, или до Вены.

¹⁹⁴ Здесь и далее правильно Терляцкас.

Отвез Люсю на кладбище и поездом поехал на дачу. 25 августа. С дачи на перекладных (поезда отменены). ОВИР — билеты.

В 3 ч. встретились с Томар у ОВИРа. Она получила визу. Зотов сказал, что, если Янкелевичи не уедут 5-го, они будут иметь большие неприятности.

Из аэрокассы пришлось опять связать нач. смены с Зотовым. Он, видимо, предлагал настаивать на поездке в сам[олете] Аэрофлота, но у нач. смены уже не было законных аргументов. Купили билеты на 5 утром — Томар с С[амуилом] Б[орисовичем] и Р[озой] М[оисеевной] на Вену и Тане, Реме, Люсе на тот же день на 17.25 на Al Italia. Нач-ца смены — странное порождение сов. действительности — в меру деловита, хамовата, иногда доброжелат. Узнав, кто я, не скрывала своего удивления и даже пиетета. Кассир (кстати, выдававшая билет Люсе на Багдад¹⁹⁵) дала понять, что, если бы была амер. виза, мы могли бы получить прямой билет и маршрут. Сволочь консул¹⁹⁶!

¹⁹⁵ В 1959 г. я ездила на год в командировку от Министерства Здравоохранения СССР в Ирак на кампанию оспопрививания, проводимую Всемирной Организацией Здравоохранения.

¹⁹⁶ Консул, конечно, не ангел, но я больше грешу на Госдепартамент, который в любом случае, связанном с Сахаровым, оглядывался на МИД СССР. Я знаю довольно много людей, менее одиозных, чем Андрей, которые получали прямую визу в США.

26 августа. Пр-конф. у П. Г.

После чтения Fausta поехал на пресс-конф. у П. Г. Тема — переработанное письмо П. Г. о последних репрессиях — обращ. к главам государств в Белграде. Люся согласилась подписать — ей было неудобно отказаться, П. Г. звонил ей по телефону. Я произнес небольшую речь. 1 тезис: освоб[ождение] 12 уч[астников] Хельс. групп — неprem[енное] условие переговоров по Хельс. соглаш.; 2 тезис: не забывать о других группах диссид[ентов] — в частности группы ХТС¹⁹⁷. Якунин передал документ о финанс. положении церкви.

Утром перевел деньги Манане [Гамсахурдиа], просил часть (2/5) передать маме Мераба [Коставы].

27 августа. Руфь Григ. — из Москвы, Люся с дачи с Ари-ем ездили на кладбище.

! 27 августа на кладбище установлен памятник умершему в 1976 году моему брату, штурману дальнего плавания Игорю Алиханову. На стеле высечены два имени — Игоря и нашего отца Геворка Алиханова, арестованного в мае 1937 года и расстрелянного в феврале 1938 года. Позже на этом же участке кладбища была похоронена наша мама Руфь Григорьевна Боннэр. На стеле памятника ей также высечены два имени — ее и ее матери, нашей бабушки Татьяны Матвеевны Боннэр, погибшей в блокадном Ленинграде. В декабре 1989

¹⁹⁷ Хроника текущих событий.

года там же похоронен согласно его воле (см. дневник за 1986 год) Андрей Дмитриевич Сахаров. | С Аней и Мотей ходил на «качели-карусели» (в Совмине).

Рема с Таней уехали в Ленинград. Рема передал мне рукопись «Год общ. деят. А. Д. Сахарова». Серьезная работа¹⁹⁸.

28 августа. Антанас [Терляцкис] освобожден. За Эйтаном ходят по пятам.

Люся ездила в Москву покупать билет Фане¹⁹⁹.

Много провел времени с детьми.

29 августа. Дети в лесу — очень важное переживание. С детьми ходил к оврагу. Обрато шли под дождем. Мотя хотел идти мимо Я. Б. [Зельдовича], там много машин и немного дольше, я отказался, Мотя поскандалил, что слегка испортило впечатление, впрочем, Мотя скоро успокоился.

30 августа. День сдачи вещей на таможеню. Масса волнений. Вещи Томар не все вошли. На другой день довели остаток.

31 и 2 ходил с детьми в Совмин на «качели-карусели». Мотя прекрасно и очень сильно раскачивается. Аня смело сама влезает на качели и спускается с них, пови-

¹⁹⁸ Будущая книга «Тревога и надежда». Ефрем вчерне подготовил ее еще в Москве, но доводил до того вида, в котором она была опубликована, во время пребывания в Италии.

¹⁹⁹ Фаня едет в Симферополь к сестре.

сая на руках и скользя ими по прутьям. Гибкая, смелая девочка. Очень ласковая, женственная, с непередаваемыми детскими интонациями голоса — решительными, самоутверждающими и одновременно открытыми, добрыми, ласковыми. Аня очень привязана ко мне, в последние дни еще больше. Часто требует — на ручки, и это не каприз, а желание как-то быть ближе, в большей безопасности. Часто утыкает лицо в брюки, когда боится новых людей или чего-нибудь еще. Также в последние дни очень привязалась к В. Ф.

31 августа. Начали проходить таможен. досмотр. Не пройдет грош. японский сервиз. Рема, Таня весь день на таможне.

Эйтан в Москве. Он с попутной машиной вчера выехал из Вильнюса, таким образом избежал вокзала и аэровокзала, блокированных ГБ. Вечером он у нас. Эйтан рассказывал о Викторе Пяткусе (демократ, широкий человек, с широкими взглядами, но под влиянием психологического нажима как Венцлова, так и кое-кого рядом — нервничает, допускает ложные, компрометирующие Хельсинкскую Группу и правозащ. движение шаги. Сидел 14 лет «за поэзию». На обыске нашли националистическую программу нац. комитета Литвы, Эстонии, Латвии).

Антанас Терляцкис, по Эйтану, с национ. душком, и его прошлые судимости чем-то сомнительны. Многие, в том числе Борис Германович, Люся К[овалева], Таня В[еликанова], не согласны с этой оценкой.

1 сентября. Продолжение таможенного досмотра. Поехала Таня, как более толковая, хотя и не запис. главой семьи.

День проводов и Анин день рожд.

Утром мы (я, Мотя, Аня) принесли с дачи А. Сем. [с дачи Харитона] ведро яблок. Было почти 70 человек, но так как часть народу находилась во дворе, то особого столпотворения не было. Жгли костер. В числе других были С. В., Е.А. [Резникова]. [Они] обещали трудности с соединением с Р. Г. на Чкалова²⁰⁰.

День проводов прошел достойно.

Огорчил Дима. Выпил, пошловато и шумно рассказывал что-то. Попросил у меня денег. Я дал 10 р.

2 сентября. Переезд в Москву — потребовал очень много физических сил, особ. от Люси и Р. Г.

Моте читал былины о Добрыне Никит. Понимает очень много. Вообще Мотя последние дни очень задумчив, ласков, но иногда «взрывается» — если не понимают или не учитывают чего-либо существенного для него, в особенности в играх с его фантазией.

Рема все время разрывается между разными делами — своим и Тани отъездом, делами Томар, делами

²⁰⁰ Мы окончательно решили, если не разрешат и после отъезда детей обменять две двухкомнатные квартиры на одну большую, сдать назад кооперативу мою кооперативную квартиру (ЖСК) и прописаться мне и Андрею в квартиру мамы (Р. Г. Боннэр).

«спасения России», как говорит Люся. Смотреть на него страшно.

3 сентября. Ездили в зоопарк в составе: Мотя, Аня, Маша Литинская, Вера Федор., Инна [Каганова], я. Мотя и Маша — трогательная пара, ходили под руку, рассуждали между собой, что они обязательно будут встречаться, будут посылать друг другу вызовы (по крайней мере через 3 года), а через 7 лет — будут вместе.

Дома — сборы.

Все последнее время я исполняю функции при детях, в то время, как Люся и Таня занимаются сборами, документами и т. п.

Приехал Игорь [Гессе]. Он очень помог, занимался кухней и другими хоз. делами, в частн., починил унитаз. 4 сентября. В доме — столпотворение сборов.

Мы с детьми у Веры Федоровны. Сначала в Сокольниках, где Мотя потерялся (минут 5), потом дома у В. Ф. Дети и я поспали.

Томар в аэропорту с 9 утра. Ребята с шести дня. В два ночи Таня устроила скандал²⁰¹, написала заявление. В 4 они были дома после досмотра.

Эта практика изоляции на таможне эмигрантов на последние сутки перед отъездом — возмутительная выдумка.

²⁰¹ Устроила скандал таможенникам, которые умышленно затягивали прием багажа. Это было обычной практикой по отношению к выезжавшим из СССР евреям.

Во вторую половину дня я ходил на ул. Кирова, был в нот. конторе (доверенн. Тане и Люсе).

5 сентября. Сегодня Таня, Рема, Мотя, Аня и Люся улетели самолетом Аль-Италия в Рим. «Каравелла» с зеленой полосой оторвалась в 17 ч. 30 мин.

Утром Рема провожал (на самолет 10.40) Томар, Самуила Борисовича, Розу Моисеевну.

В 14.30 мы 7-еро выехали в Шереметьево на трех машинах (такси, универсал из АН, Эмиль [Шинберг]). С нами выехали Раиса Лазаревна, В. Ф., Борис Германович, мама П. Литвинова, Алеша, Оля.

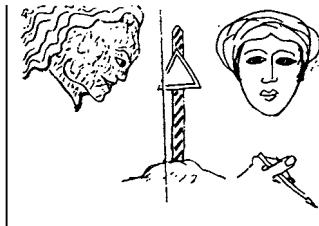
Таня, Рема были в состоянии глубочайшего внутреннего потрясения. Таня плакала. Я также плакал. На аэродроме было очень много провожающих из наших. Люся отвела меня для прощания на улицу. Дети не плакали, но были растеряны. Беда — у Ани понос. Я очень жалею,

что утром давал ей сырое пастеризованное молоко, но, конечно, не это главная причина. Аэрофлот не дает справок прилета ин[остранных] самол[етов].

В доме начался ремонт — грязь страшная.

Вечером у нас были В. Ф., Р[аиса] Л[азаревна], Алеша, Оля (ушли и вернулись вторично).

6 сентября. Herman-Josef Sülz, Hohensolleinstr. 8, 53, Bonn. Он и она — журн. из ФРГ. Пришли очень голодные, сделали себе яичницу, я угостил их чаем. Были с 10 до 11.30 вечера.

Звонил Копелев, просил зарезервировать вечер 9-го.

Телегр. от Мальвы (позв. С[ара] Ю[льевна]). Вызывают к ближайшим родственникам в Читу²⁰². Отвечать не буду.

Весь день волнуемся, ничего не знаем о наших. В 10 вечера прозвонилась Томар. Я кричал ей что-то, слышал ее слова: «Я так и думала» и гудки. Очевидно, ее слова относились к тому, что не дали связи. Героич. попытку прозв[ониться] с Кутузовского предпринимает В. Ф.

Утром отправил 2 бандероли с Беломором²⁰³ (от себя и от имени Р. Г.)

Был в ФИАНе, семинар 13-го, но я хорошо поговорил с Шабатом и Борей [Вороновым] (о калибр. полях).

Купил мыла.

Р[аиса] Л[азаревна] замучила Р. Г., ее удалось обманом (якобы, мы уезжаем) переманить к сестре (или брату).

Прошел звонок от Люси. Доехали хорошо. Вчера у Ани стул, сегодня практически здорова. Аня и Мотя у Аси²⁰⁴ на даче, находят общий язык (детский) с ее внуками. Люся, Таня и Рема весь день бегали по Хиасс²⁰⁵. делам.

²⁰² Такие вызовы на переговорный пункт от незнакомых людей приходили довольно часто.

²⁰³ Я тогда курила папиросы «Беломор».

²⁰⁴ Ася Бузири-Вичи — известный итальянский художник, старшая сестра Марии Васильевны Олсуфьевой. Ее портреты женщин и детей были очень популярны, и одно время она регулярно ездила в Иран по приглашению последнего шаха, где писала портреты его детей. В 1969 году она сделала карандашный портрет моей Тани.

Завтра во второй пол. посмотрят Рим и поедут во Флоренцию. Фрезотти еще не вернулся из отпуска. Рема отошел после кофе в Милане.

Звонил об этом В. Ф., Ших[ановичам], С[аре] Ю[льевне]), Инке [Регине Этингер] в Ленинград.

Не спросил: 1) Как встретили? 2) Кто в Риме? 3) Как здоровье Нины? (это замечания Р. Г.)

7 сентября. Вчера забыл сметану²⁰⁶. Ездил в ДУ, сберкассу, стол заказов, за сметаной в молочную. До 3 часов разбирал бумаги, кое-что писал для письма Конгрессу²⁰⁷. К 18-и ездил в Новогиреево к Татьяне Леонидовне [бухгалтер ЖСК], она все перевела, но в сберкассе еще денег нет. Дома была Оля, потом пришел Алеша, он неск. часов ходил один по городу, он очень подавлен отъездом Тани, Ремы, детей. Первый вопрос Алеши к Р. Г. — когда ты поедешь?

Р. Г. очень волнуется, что делать с Р[аисой] Л[азаревной].

8 сентября. Сара Юль[евна] сказала, что Мальву дважды вызывали в Чите на допрос, она отказалась отвечать и подпис. протокол, но ей все же задали несколько вопросов — 10 страниц, неизвестно, все ли об Орлове. Следователь местный, по поручению Конькова из Москвы.

²⁰⁵ Хиас — еврейская организация, адаптирующая эмигрантов из России в период их пребывания в Италии, иногда растягивавшийся на 6 и более месяцев.

²⁰⁶ Купил в столе заказов Академии и забыл на прилавке.

²⁰⁷ Конгресс Американских профсоюзов АФТ—КПП.

Был на почте — послал поздр. телеграмму Тане Турчиной (у нее день рождения, я приглашен, но не пойду), перевод Мальве, папиросы + чай — Люсе.

Зоря привезла Р[аису] Л[азаревну], но, к счастью, у нее билет на субботу.

У меня радикулит, Р. Г. налепила мне пластырь.

Был Юра, дал ему 60 р. Звонил Любе, она упрекает меня, что я дал Диме 10 р., что он приходит домой в 12, боится, что пропускает лекции.

Был сын Бируте²⁰⁸. Говорил о Гаяускасе (что о нем мало говорят), об Антанасе [Терляцкисе] со знаком (-). О деле Пяткуса. Об отъезде мамы.

9 сентября. Утром и днем был в ФИАНе, занимался и разговаривал.

Вечером был у Копелевых. Оказывается, встреча с редакторами. Был Ашпель Грин, приветы мне и от меня, напоминал об авто-био. Была Нэнси из Эмнести, записала с моих слов много всякого, привезла сигнальный номер «Фен[омен] науки» для Вали Т[урчина]. Я с Аш. Гр[ином] передал письмо для Люси, доверенности, письмо п/з, рецепт для Жени [Райской]. (К сож. в письме п/з нет фамилии Кипрену). И письмо, очень убедит. о Юре [Гольфанде] и Науме Нат. [Меймане].

10 сентября. Арий [Мизякин] отвез Р[аису] Л[азаревну] (Р. Г. провожала) на вокзал.

²⁰⁸ Литовка (фамилии не помню), связанная с изданием Хроники Литовской католической церкви.

Эту фотографию прислал Андрею Борис Вайль. Слева направо: Боря Вайль, Люся Вайль, я с Димой на руках, Юрий Шиханович. Село Уват Тюменской обл. Август 1971 года

Глядя на эту фотографию, Вера Гессе спросила меня: «Девка, а он случайно не алкаш?»

На этой фотографии А. Д. мне не понравился – показался самоуверенным, даже самовлюбленным. (Игорь Васильевич Курчатов и Андрей во дворе Института Атомной энергии, 1957)

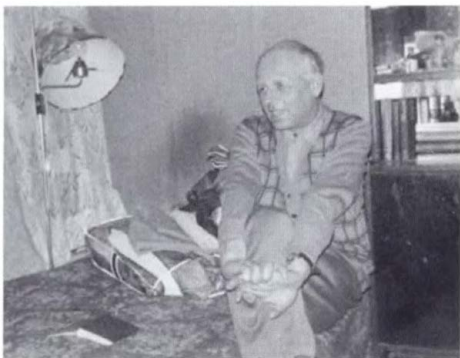
Свадьба Тани и Ефрема. Первый ряд справа: я, Томар Фейгин, Алеша, мама. В центре Ефрем и Таня. Слева Зоря и Тамара Врубель. Москва. 4 декабря 1970 года

Суд над «самолетчиками» был назначен на первые числа декабря. Я боялась, что он совпадет со свадьбой Тани. Но потом его перенесли на середину месяца. Эдуард Кузнецов во время первого заключения. (Надпись на обороте: 1965, 11 зона. Тане, Реме, Алеше. Э.Кузнецов)

Живем на кухне

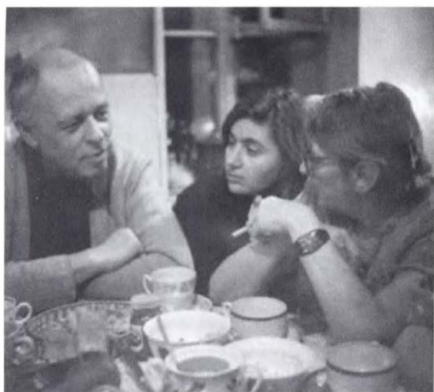
В январе 1972 года Татьяна и Ефрем въехали в мой горвоенкоматовский кооператив в Новогирееве, а мы из кухни переехали в комнату, купили себе большую тахту и книжный шкаф с секретером. Андрей упорно приспособливал тахту под свои бумаги, а я на него ворчала

Мы впервые вместе в Ленинграде. Сентябрь 1971

Хозяйки квартиры на Пушкинской улице за несколько лет до того, как я привела к ним в дом Андрея. Слева направо: Регина Этингер (Инка), Наталья Гессе, Зоя Моисеевна Задунайская

Кухня на Пушкинской улице. С Галиной Авербух и Натальей Гессе. Ленинград. Сентябрь 1972

Таня – продавец в книжном магазине «Новелла».
Конец 1972 года

Встречаем 1973 год. Лумельские и мы

Во время интервью Улле
Стенхольму. 2 июля 1973

Показываем корреспонденту фотографии заключенных,
в частности Ю. Шихановича с собачкой.
Первая половина августа 1973 года

Ефрем и Андрей забирают из роддома Таню с новорожденным Матвеем. Конец сентября 1973 года

Фотографии для виз на несостоявшуюся поездку в США для завершения образования. Жизни Матвея к этому времени уже угрожали посетившие нас 18 октября 1973 года террористы из «Черного сентября»

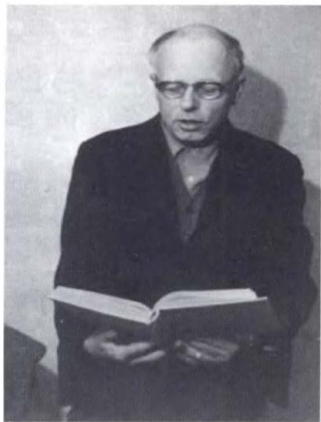

На кухне. Лидия Корнеевна Чуковская, мама, Андрей, Радик Цимеринов

На кухне. Две мамы (моя и мама Юрия Тувина — Сарра Тувин)

Андрей в кофте, связанной Саррой Тувин. Такая же и у Лидии Корнеевны. И они в них смотрелись, как близнецы

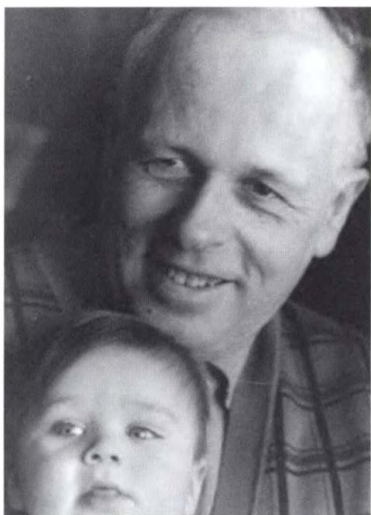
Человек читающий. Андрей никогда не читал лежа. Как научили папа с мамой в детстве, так всю жизнь этому и следовал. Очень послушный мальчик был

Научный семинар евреев-отказников

Борис Биргер закончил
наш двойной портрет.
Декабрь 1974

Андрей с Матвеем

Я с Матвеем

Белорусский вокзал. Меня провожают в Италию.
Слева направо: Таня Турчина, мама, я, Лев Копелев, Андрей.
16 августа 1975

К письму Жореса Медведева, предупреждающему Марию Васильевну Олсуфьеву (далее везде — Маша) и Нину Адриановну Харкевич (далее везде — Нина) о том, что у жены Сахарова тяжелый характер. Но мой характер они узнали задолго до моего знакомства с Сахаровым. Слева направо: Нина, я, Маша и ее племянница Елена Боргезе. Ленинград. Конец лета 1969 г. Мы едем в Кизи

С Робертом и Хелен Бернстайнами и Юрием Меклером. Лукка. Конец сентября 1975 года

Готовимся в саду дома Маши к самой важной в моей жизни пресс-конференции. Утро 2 сентября 1975 года

Пресс-конференция в доме Маши. Флоренция, Виа Бенедетто Кастелли, 17. Маша читает записанное мной по телефону «Обращение» Андрея к читателям книги «О стране и мире»

Отвечаю на вопросы. А вопросы разные. Иногда смешные

Иногда провокационные. Юра Шлиппе (на «Свободе» он — Мельников) даже ринулся на помощь

После пресс-конференции остались только свои и разбрелись по саду и дому. 1. Зинаида Шаховская и Марко Михаеллес (муж Маши);
2. Лия Вайнштейн и Густав Герлинг; 3. Слева направо: Юрий Шлиппе, Юрий Меклер, Владимир Максимов.

2

3

Делаю покупки. Пресс-конференция прошла. Операция позади. Мне осталось 2–3 недели на подбор стекол. И домой!

В саду русской церкви. Слева направо: Маша, Эд Филлипс,
я, Нина. Флоренция. 7(8?) октября 1975

Вечером 9 октября 1975 года Андрей и мама были в гостях у Тувина. Неожиданно приехали Копелев, Войнович, Константиновский с известием о присуждении Андрею Нобелевской премии Мира. Копелев записывает первые слова Андрея. Рядом Константиновский

Андрей и мама несколько ошарашенные

За Копелевым и Войновичем появились корреспонденты; одним из первых — Джулиан Нанди (стоит справа). Первое интервью

И первая рюмка

Слева Диса Хостад. На заднем плане справа Тувин и рядом в кресле мама

После присуждения Андрею Нобелевской премии Мира моя спокойная жизнь в Италии кончилась. Посыпались телеграммы и письма, на них надо было отвечать, цветы, за них надо было благодарить. И бесчисленные интервью и пресс-конференции. На одной из них переводит Маша. Флоренция. Конец октября 1975 года

Андрей с Матвеем и Анечкой, которая родилась 1 сентября. А 6 октября родилась дочь у Алеши. Итальянская корреспондентка привезла мне эту фотографию. Жуковка. Конец октября 1975 года

Пресс-конференция в редакции газеты «Иль темпо». Рядом со мной Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти (далее везде — Ира). На заднем плане — друзья, которых я пригласила на эту пресс-конференцию (справа налево) Юрий Тувин, Лия Вайнштейн, Александр Горлов. Рим. Начало ноября 1975 года

Ира переводила меня в редакции «Иль Темпо». И, как и Маша, еще на многих встречах в Италии и в других странах. А когда Андрей стал выездным, Ира переводила и его

У этого знаменитого портного я заказала Андрею фрак. А когда стало ясно, что в Осло Андрея не пускают, изменила заказ на костюм себе. Рим. Ноябрь 1975

Я. В пальто Нины. До 9 октября было тепло. А потом не было времени купить

Идем к Маше на ее и Нины общий день рождения. Пальто уже вернулось к Нине, я купила куртку. И по ее и Машиному настоянию шубу — считалось, что специально для Осло. Флоренция 25 ноября 1975

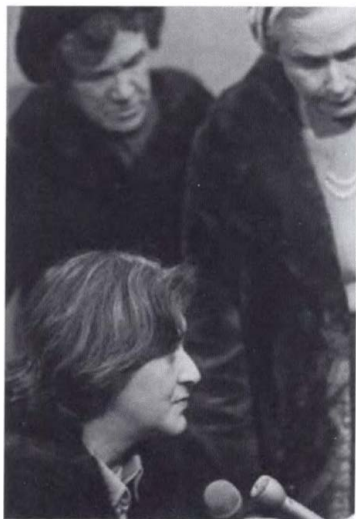
Собрала друзей на
прощальный ужин
в маленьком ресторане
на виа Джулия — самой
обаятельной улице Рима.
Рядом со мной Саша
и Элла Горловы. Рим.
Вечер 8 декабря 1975
года

Там же. Николас
Бетелл, Маша, Ася
Бузири-Вичи
(ур. Олсуфьева —
старшая сестра
Маши). А Лия
Вайнштейн
в объектив не
попала — обидно!

Думаю! Хочу
переделать
Нобелевскую речь
Андрея. Она мне не
нравится. Но
допустимо ли без его
согласия? А с
Москвой не
соединяют — глухо.
Рим. Утро 8 декабря
1975 года

Пресс-конференция. Рядом
со мной стоит Аасе Лионас.
Переводит на английский
Маша. Осло. Аэродром.
9 декабря 1975

10 декабря 1975

У здания суда. Судья Сергей Ковалев. Вильнюс

Перед церемонией вручения Нобелевской премии Мира.
С королем Норвегии. Осло

Я говорю Аасе, что цветы с кресла лауреата надо убрать — похоже на похороны. После официальной части я сама сяду на это место

Я и Аасе рассматриваем врученные мне диплом и медаль. На втором плане — Тим Гриве

Выступление на церемонии

С балкона гостиницы
«Гранд-отель» смотрю
факельное шествие.
Его участники
скандируют:
«Сахаров — хороший
человек!». Осло. Ночь
с 10 на 11 декабря
1975 года

В доме Нансенов. С внуком Фритъофа Нансена.
Осло. 12 декабря 1975

Дома на кухне. Начался 1976 год хорошо, но обернулся годом утрат

Похороны скончавшегося после непродолжительной болезни Григория Подъяпольского. Москва. Март 1976

В мае непойманные бандиты
напали на Константина
Богатырева. В июне он
умер, не приходя в сознание

Мой брат Игорь Алиханов,
старший помощник капитана
корабля «Советский комсомол»,
находясь в рейсе, скорпостижно
скончался в Бомбее 19 июня
1976 года

Мама болеет. Рядом ее подруги, справа Цецилия Ефимовна (Циля) Дмитриева, слева Мария Ефимовна (Маня) Разумовская, как и мама — бывшая узница АЛЖИРа (Акмолинского лагеря жен изменников родине). Жуковка. 1977

Андрей и Вера Федоровна Ливчак с Аней и Мотей. Жуковка. Конец августа 1977 года

Слева направо: Александр Разгон, Ефрем, Владимир Рубцов. Жуковка. Начало лета 1977 года

Справа налево: Маша Слепак, Наум Натанович Мейман, Володя Слепак, Андрей, Арина Гинзбург, Таня с Аней, Вера Федоровна с Мотей. Жуковка. Август 1977 года

Слева направо: Ефрем, внизу Мотя, Наталья Гессе, Андрей, мама, я с Аней. Жуковка. Конец августа 1977 года

Таня и я с детьми. Первые дни в Италии в доме Аси Бузири-Вичи. Фреджене. 6 или 7 сентября 1977 года

Около маленького
ресторанчика «У Цезаре».
Справа налево: Эд Филлипс,
Нина, Таня, я, Юра Шлиппе.
Впереди Аня и Мотя.
Флоренция. Октябрь 1977
года

Нина, Галя Доценко и я в
саду русской церкви перед
моим возвращением в
Москву. Флоренция. Вторая
половина ноября 1977 года

70-летие Софьи Васильевны Каллистратовой. Второй слева Андрей.
В проеме двери стоит Виталий Рекубратский. Это последний день его жизни. Москва. 19 сентября 1977 года

Какое-то собрание у нас дома. Фото сверху вниз:
1. Слева направо: Слава Бахмин, за Славой чуть видна Таня Осипова, рядом Леонард Терновский, остальных не помню

2. Слева направо: Мальва Ланда, Леонард, Слава.
3. Мы с Андреем. Москва. Август (?) 1979

У здания суда в Люблине. Судья Юрия Орлова. Володя Слепак поздравляет Андрея с рождением внука. Накануне, 16 мая, Люба родила мальчика. Москва.17 мая 1978

Болеет. Накануне мы узнали об обмене Кузнецова, Мороза, Винса, Дымшица и Гинзбурга. 30 апреля 1979

Справа налево: Рая Орлова, Андрей, Яков Аронович
Якобашвили, я. Сухуми. Сентябрь 1979

Кухня в Ньютоне как филиал штаба подготовки Третьих Сахаровских слушаний, которые проходили в Вашингтоне в последние дни сентября 1979 года. На фото слева Ефрем Янкелевич. Справа — Люся Торн и Марио Корти.

Ездил с Арием на дачу, измеряли стекла.

Звонил адв[окату] Ария домой, поблагодарил его за участие в деле Тани.

Вечером был у С. В. — куча писем.

Люся не пришла к Нине [Харкевич] в назначенный час, а с домиком²⁰⁹ не соединили (тел. 42148). Разговаривал с Ниной, 12 Люся едет в Сиену.

11 сентября. Я с утра зан. книжкой «Калибр. поля».

Алеша с Олей приехали из Таллина. Довольны. Были у нас. Пришли также Турчины (Валя и Таня). Разр[ешения] еще нет.

С 8 был у Л. К. [Чуковской] по ее приглашению. Передала мне книгу — «Против смертной казни» (под ред. Гернета М. Н., Гольдовского О. Б., Сахарова И.Н., изд. 2-е доп., Москва, 1907). Статьи Соловьева, Розанова, Волжского, Хирьянова, Боборыкина, Н. Баженова (псих[ология] казнимых), В. Владимирова, М. Гернета, Давыдов, Л. Толстой и др., письма, речи, стат[истические] данные. Л. К. также передала записку, подтв[ерждающую], что труп Я[ковлева] был в морге²¹⁰.

Вечером по моему утр. заказу говорил с Люсей. Она завтра едет в Сиену. Таня, Рема и дети, видимо, на 10 дней съездят к морю, тем более что Танина кожа этого требует. Мотя с интересом смотрел на Флоренцию во время поездки на машине. Он иногда «звонит» по «тел.»

²⁰⁹ Домиком Андрей называл квартиру при церкви, где в это время жили Таня и Ефрем с детьми.

²¹⁰ См. 1 апреля.

диде Аде и бабе Руфе: «Когда вы приедете?». Аня, видя лестницу, говорит «хочу к Дидеаде».

Потом звонил Регине [Этингер] и В. Ф.

12 сентября. Отправил очередную пару посылок Sigarette 8 + Tee 4²¹¹, прошел домой пешком.

Занимался калибр. полями.

Наводил порядок в бумагах, мылся, наводил порядок и чистоту на кухне.

Р. Г. уехала с Викой на день рождения Веры. Без нее звонили т[етя] Роня и Виталий [Рекубратский], передавали ей привет. В метро Р. Г. упала, ушиблась.

Неск. часов читал книгу «Против см. казни».

Был Ших., [помощь? — неразборчиво] для Б. В[айля].

Взял у Пайпера²¹² текст письма п/з, т. к. не хотел, чтобы его сравн. небольшая газета (Балтимор Сан) перешла дорогу другим. Вечером позвонила Р. Г., она ложится спать у Толи с Людой [Левшиных].

Приходил шведск. издатель Anders Ferm (Tidens Forlag) с переводчиком Stafan Skott. Изд. — друг и бывший зам. Пальме. Принес письма от Франтишека [Яноуха] 1) о Биенале²¹³ — просит до 10 ноября текст выступления о цен-

²¹¹ Чай Краснодарский высш. сорт очень нравился нашим итальянским друзьям.

²¹² Иностр. корреспондент (имя забыла).

²¹³ Каждые два года в Венеции проходил фестиваль искусств и общественные встречи, в том числе представителей международных правозащитных организаций.

зуре и т. п. — не моя спец. 2) о яд. энергии. Теперь это тоже не моя спец., но тема важная.

13 сентября. Первый семинар в ФИАНе. Доклад об открытии двух сверхтяжелых частиц

$\gamma \rightarrow \mu_+ + \mu_-$, аналог Ψ и Ψ' с массой 9,4—10 Гэв. (пятый и шестой кварк?)

Мейман рассказывал о недопустимых выходках Снегирева (дал Пете Винсу запечатанный конверт черт знает с чем).

Звонила некая Иванова, говорила, что у нее есть информация, как я понял, о деле Яковлева.

Р. Г. была у Кати, т. к. Фаня в бегах.

Вера Федоровна приехала, когда нас не было. В глазке был свет. Она подождала у Инги [Бройдо, живет ниже этажом] $\frac{1}{2}$ часа, поднялась — в глазке света не было, и нас не было тоже²¹⁴.

Вечером не дали связи с Ниной [Харкевич], ждал до 2 часов ночи и не мог дозвониться в справочную.

14 сентября. Утром занимался.

Отправил очередные посылки. Потом ездил с Арием вставлять стекла, Арий вставил в комнатке, а я — на лестнице (и поездил на машине. Пока еще не восстановил своих навыков).

(Опять не дали связи с Ниной (поменять записи от 13 и 14 числа местами))

²¹⁴ Видимо, был очередной негласный обыск.

Из моего письма от 14 сентября.

«Родненькие! Я со вчерашнего вечера в госпитале. Фреззотти хоть и обещает торопиться и говорит, что все понимает, но пока обсасывает меня всякими обследованиями, как леденец. А перечить ему нельзя — он тут Бог. У ребят все хорошо. Уж не знаю, как объяснить, но Рема спокоен и, кажется, если не привык, то заинтересован новым миром. Много работает над книгой, которая скоро выйdet. Эд пытается с ним говорить, и что-то у них получается. Танька говорит с каждым часом лучше и вообще на удивление спокойна и как-то очень европеиста. Завтра они приедут ко мне вместе с мужем Леночки [Марио Корти]... Меня Флоренция и Сиена встретили как старую знакомую. Опять на улице говорят «Buona Sera» и дарят цветы. Габуджани [мэр Флоренции, коммунист] был мил донельзя, что отфазила даже «Unita». Здесь уже Таня Матон, Юрка [Меклер] приедет в конце месяца, а через неделю на 2—3 дня приедет Саша [Галич]».

Звонила какая-то женщина, боюсь, что ненормальная, говорила, что писала письмо в мою защиту, уволена с завода радиодеталей в Воронеже, где работала 12 лет инженером.

Пришла Фаня, были острые разговоры с Р. Г., почему она 2 дня в Москве и даже не позвонила. Фаня в субботу (17) выйдет к Кате.

15 сентября. Звонил Марк (Димин психиатр). Говорил, что Дима выпивает, единственный (почти) был нетрезвый на собств. дне рождения, пропускает занятия. Говорит, что я должен заниматься с Димой по физике и что я вместе с ним, Марком, должен встретиться с Димой и как-то на него повлиять. Я сказал, что от такой встречи Дима только замкнется и никакой пользы не будет, а что быть Диме репетитором я не могу — толку от этого тоже будет мало.

Были с Алешей у Чудновских (а Р. Г. сидела с Катей). Чудновские уезжают 18-го в Вену, еще не решили, куда дальше. Им не разрешили отпр. вещи медл. скоростью, а в багаж разрешили только по 20 кг. В голл. посольстве разрешили взять только 1/10 часть рукописей Гриши.

Гриша [Чудновский] много и хорошо говорил с Алешей о математике, исписал неск. страниц, факт. дал Алеше неск. тем для работы.

16 сентября. Поехал с Р. Г. в «Березку», где она купила туфли, завез фрукты на Вернадск.²¹⁵, потом поехал в ФИАН.

Был в библиотеке, потом на семинаре — доклад Альберта Соломоновича Шварца, использовавший метод

²¹⁵ На просп. Вернадского жили Алеша, Оля и маленькая Катя.

собств. времени для построения теории экстантонов [надо инстантонов], топологических инвариантов и т. п.

Домой приходил Веня [В. А. Якобашвили] с цветами.

Потом я был у С. В., очень много ужасных писем, по которым ничего нельзя сделать.

Сегодня и 17-го утром связи с Италией не дали. (Сегодня — испорчена линия, 17-го — у Нины [Харкевич] и Маши [Олсуфьевой] не отвечает телефон).

Вечером были Т. В[еликанова] и В. Ф. Т. В. рассказала о преследованиях баптистов и пятидесятников, которые приняли, в частн., форму диких погромов со зверским избиением, в одном только месте 150 чел., с травмами и т. п. Будет пресс-конф. Рассказала технику [как власти проводят погромы в молельных домах].

17 сентября. Сегодня мы с Р. Г. переехали на дачу. Арий привез нас на рынок, потом в Новогиреево и затем прямо на дачу.

Один человек (Судец?), возможно, больной, привез свои труды.

18 сентября. Воскресенье.

Печатал одним пальцем о С.К. [смертной казни]. Читал «Триумф. арку».

■ Мама сохраняла старые журналы (Нов. мир, Иностран. Лит. и др.), в которых было что-то стоящее, и оказывалось, что Андрей многое, что читали все вокруг давным-давно, прозевал. Так было и с «Триумфальной аркой» Ремарка, которая была опубликована в конце 50-х. ■

Вечером приехала Фаня. Оказывается, она накануне не нашла калитку и уехала обратно.

На даче Алеша и Оля.

Вера Федоровна три дня (17, 18, 19) проводит на почтамте. 19 ей сказали, что телефон Нины на работе (внезапно?) сломался²¹⁶.

19 сентября. Утром занимался. Писал статью об ядерной энергетике.

После обеда поехал в Москву и потом к Софье Вас. У нее 70-летие. Много наших. Петя Старчик не очень хорошо пел хорошие стихи (Бернса, Солодовникова). Был Виталий [Рекубратский] с Шайтаном [собака], почти не пил (водки не было).

Дома был Игорь [Гессе], прозвонилась Нина и сказала, что завтра у Люси операция. Нина удивлялась, почему мы не звоним.

Я не знал об этом разговоре (когда я пришел, Игорь уже спал) и до 2-х часов разговаривал с телефонистками. Так же, как и на след. утро, пока не нашел записки Игоря.

Я ушел от С. В. раньше Виталия. Виталий провожал Люсю Бойцову (она же сказала ему о 70-летию С. В., и Вит. приехал из Красновидова). Он проводил ее до метро, внезапно покинул, сказав: «Ну, я пошел в Краснови-

²¹⁶ Считалось, что с почтамта легче получить разговор с заграницей, чем с домашнего телефона, и нет риска, что ваш телефон выключат.

дово». Люся думала, что он ее проводит до дома. Шайтан сидел в рюкзаке.

20 сентября. Сегодня — операция у Люси. Утром 7.45 меня разбудил некто Тараканов, говорит об убийствах в МИФИ.

Отправил Сигареты +Чай.

В ФИАНе — семинар. Андрей [Линде] о супергравит.

Вечером звонок Нины [Харкевич]. Дома была В. Ф. Операция была подобным наркозом. Крови не было (т. е. сосуды не были затронуты). Проснувшись после наркоза, Люся была спокойна, Фрезотти ее хвалил за хорошее поведение. Она сказала: «Всех целую». Дети у моря (взял адрес). Аппетит у малышей хороший. Я не сказал Нине о гибели Виталия.

За полчаса до звонка Нины позвонила Катя [Сахарова]. Сказала, что умер Виталий, но не сказала, как. Позднее С[ара] Ю[льевна] рассказала, со слов Тани Великановой, что это вроде — самоубийство, по крайней мере такова версия следствия.

Вечером пришел Юра Сахаров.

21 сентября. Утром был Юра Гастев. Он просил, чтобы я встретился с Владимовым.

Поехал в Матвеевскую. Катя [Сахарова] рассказала, что в 9 утра позвонили из милиции. Подошла Маша [Сахарова, жена Виталия Рекубратского]. Катя поехала по месту происшествия, на квартиру (коммунальную), где живет некая женщина — Таня Медведева с 12-летней дочерью. У Медведевой находилась ее подруга, Наташа

Жуковская, мать одного из 6 сыновей Виталия. Катя знает Наташу (так же, как и большинство наших — Таня Ходорович, Таня Великанова и др.). Наташа рассказала ей, что Виталий с часа до 3 часов утра разговаривал с Таней М. на лестнице (Таня же сказала, что по телефону), уговаривая пустить его в дом. Она отказалась. Весной Маша видела Виталия с Таней и поняла, что у них серьезные отношения. В 7 утра сосед по дому обнаружил тело Виталия, позвонил в квартиру. Танины соседи выскочили, увидели тело, позвали Таню, но она отказалась. Вызвали милицию, возможно, только милиция сняла тело, по-видимому, Виталий висел на поводке Шайтана. Где был Шайтан в это время, неизвестно. Потом Катя взяла его на квартире. Рюкзак Виталия пропал бесследно. По утверждению патологоанатома смерть наступила в 5 часов. В справке для загса — «механическая асфиксия». Катя много рассказала о Виталии. Он очень много пил последний год, находился в сост. глубокой тоски и несколько раз говорил, что повесится. Он очень резко говорил и думал о советской жизни и мучился своим, как он думал, ложным положением на стыке диссидентов и обывателей. Неудовлетв. он был и своей работой. В возрасте 23 лет, когда намечался развод с его первой женой, Виталий сделал попытку самоубийства, его спасли. Виталий почти не давал Маше денег (все шло на алименты и вино) и очень мучился этим. В понедельник он позвонил одной из своих знакомых, явной цели звонка она не поняла, но в конце он сказал загадочные

слова: «Теперь мне осталось сделать только шесть звонков». Вскоре после этого разговора позвонила Люся [Бойцова] и пригласила его к Софье Васильевне.

Вечером звонила Нина и сказала, что у Люси сняли повязку с левого глаза и разрешили поехать сидя.

Я поехал в гараж, заказал на завтра автобусы.

Потом в ФИАН и к Тане Великановой на пресс-конференцию. Сравнительно динамичная — о пятидесятниках и религ. преследованиях вообще. Отдал некот. док. Кро- нид сообщил о сост[авленном] списке 270—290? п/з. Надо заиметь. Таня [Великанова] сообщила о выходе очер. ном[ера] Хр[оники].

22 сентября. Похороны Виталия. До этого заехал на телеграф на Кирова и послал поздр. телеграмму Мотиньке²¹⁷ от имени всех.

Суд. мед. морг на ул. Россолимо 12. Кремация была в 15 часов без речей. Виталий очень красивый. На похоронах очень много людей. Была и В. Ф. Мне ужасно жалко Машу, она такая хорошая, такая добрая, все понимающая и все прощающая, так любила Виталия и так ей будет трудно и одиноко. Жалко всех его сыновей. Близнецы были на похоронах²¹⁸, очень хорошие мальчики, мне их тоже очень жалко, и самого Виталия тоже. Горько подумать, что таблетки²¹⁹, б. м., могли бы его спасти.

²¹⁷ Матвей родился 24 сентября 1973 года.

²¹⁸ Сыновья Виталия Рекубратского от первого брака.

²¹⁹ Речь, видимо, о психотропных медикаментах.

Привез обратно нас Арий. Были поминки, все честь честью. Очень хорошо говорили о Виталии, о его отзывчивости, умелости, деловитости и обязательности. В числе других — Юра Гастев и Нина Михайловна (не очень знаю, кто это), цитировала Петровых²²⁰. Арий принес диапозитив, который Виталий просил показать на его поминках. Но его забрал один из мальчиков, а мы потом, когда стемнело, забыли. Говорили и за политику. Обрато приехал в первом часу, Саша Лавут провожал до дома. Говорил о Вознесенском.

23 сентября. Сегодня отправил еще одну маленькую телеграмму со словами «Крепко целую», которые забыл переписать с черновика накануне. В ФИАНе был на докладе (очень серьезном) одного из двух близнецов-теоретиков²²¹.

Вечером был на Чкалова. Заходили двое молодых людей из Новосибирска, с вопросами и сомнениями о жизни. Он — студент вечернего строит. института, подсчитал, что 8% молодежи настроено оппозиционно. Она — препод. физкультуры.

Приходил Боев (?), забрал посылку.

Позвонила Таня В[еликанова], сообщила об аресте (и обыске) у Снегирева.

²²⁰ Петровых Мария, поэт. Ей посвящено одно из прекрасных стихотворений Осипа Мандельштама «Мастерица виноватых взоров».

²²¹ Братья Ягломы.

24 сентября. Сегодня — день рожд. Моти. Мы на даче. Вчера, когда я приехал, Р. Г. очень жаловалась на Фаню, и как ей трудно с ней на даче.

Алеша и Оля уехали очень рано, как всегда. На даче Люда и Толя [Левшины].

Я весь день стучу одним пальцем. Позвонила Юлка, ей звонила Р. Руденко. Подтверждение о Снегиреве. Ей самой дали 30 мин. свидания с мужем, разрешили передать бандаж и пару белья, больше ничего. Сыну Тихого свидания не разрешили, он слишком дальний родственник. Кассация была 15-го, чистая формальность, прокурор назвал Тихого закоренелым преступником.

У Кати конъюнктивит (не очень сильно выраженный). 25 сентября. Сегодня приехали Вайли. Р. Г. озабочена их экипировкой. [Они получили разрешение на эмиграцию].

▮ Вызов для них я организовала еще в 1975 году через посла Израиля в Италии, с которым познакомилась в Риме в доме Лиш Вайнштейн. Был смешной разговор. Консул спросил, евреи ли они. Я ответила, что не знаю. И он долго удивлялся, как это можно не знать национальность своих друзей. ▮

На даче Толя и Люда. Люда нашла 2 (двух) тараканов и считает, что это причина Катиного конъюнктивита. Уехала, почти не попрощавшись с Р. Г.

В гостях Вера [Алиханова] с Валею [сестрой], ее дочкой и Викой, а также с двумя собачками.

Корры спрашивают, правда ли, что меня высылают (сообщ. из немецких источников).

26 сентября. Сегодня Катя с Олей и Фаней уехали в Москву. Вечером они пойдут к главному. Я отвез их на академической машине. Потом на Чкалова вымыл пол в кор., кухне, ванной, уборной, подметел в комнатах, вытер пыль с полок. За это время Р. Г. на даче тоже устроила гранд-уборку.

Вечером у нас В. Ф., потом пришел Ших. с Борей Вайлем.

Привез все существенное с дачи. Вечером был звонок от нашей Тани, разъединили после 2 слов «Бабонька, это ты?». Она потом сумела позвонить Алеше, сказала, что у Люси что-то вроде кровоизлияния и Фрезотти велел ей лежать.

В ФИАНе — дов. заумный доклад Фимы [Фрадкина]. Боря [Альтшулер] передал стихи его жены Ларисы Миллер.

Вечером у нас Л. К. Отдал ей на неделю «О смертной казни».

Нина [Харкевич] не прозвонилась. Звонила Таня Матон²²². Говорит, что Люся очень нетерпел[ива], хочет обратно. Ребята скучают, но сдержанны. Малыши очень хороши!

27 сентября. Утром Кр[истофер] Рен и его наследник по «Нью-Йорк Таймсу» — Уитни (приехал из Японии). Отдал 2 экз. «Обращения к парламентам». Обещают опубликовать в день Белграда²²³.

²²² Т. Матон приезжала повидаться из Парижа во Флоренцию и Сиену, где я находилась в госпитале.

²²³ День открытия Белградской конференции.

Потом был корр. радио «Прага» (провокация?). 3 вопроса. 1. О роли интеллектуалов в мире. 2. Есть ли специфика в этой роли в зависимости от строя. 3. О нейтр[онной] бомбе. На 2-й вопрос я ответил, отдав должное Хартии[-77] и памяти Паточки. На 3-й не хотел отвечать, но потом сказал: «Мой ответ будет неполным — я не хочу приближ. к грани секретности. Оружие гуманным не бывает. Я считаю, что вопрос о нейтр. бомбе должен рассм[атриваться] более спокойно, без пропаг. нажима и неточностей, в контексте комплекса проблем разоружения, стратегии равновесия в мире и в частности в Европе, политической конфронтации. Проблема запрещения нейтр. бомбы это часть, и не самая главная, более общ[ей] и очень сложн. проб. яд[ерного] оружия вообще. 28 сентября. С 7 часов проснулся, ждал слесарей. Сегодня не пришли.

9-й день Виталия, я не знал.

Печатал новые экз. «Обращения» (так же, как 29-го сент.).

Алеша рассказал, что у Люси все гораздо серьезней, чем он сказал Р. Г., а она — мне.

Из моего письма от 22 сент.

«Родной мой! Дорогие милые все! Кончается третий день, если считать день операции. Пишу почти вслепую... На этот раз мне как-то здорово досталось. Наркоз был общий. Длилась операция полтора часа... у меня какое-то тупое ощущение, что не все гладко. Наверно это оттого, что после

тех двух глазных операций было сразу легко и не больно. А здесь были сильные боли и в первый, и во второй день, и только сегодня терпимо... Что уж так сложно получилось у меня в этот раз, я не очень понимаю. Знаю только, что в глаз ввели воздух для создания давления, чтобы не было кровотечения, и пока я этот воздух вижу сама, как черный полупрозрачный пузырь, закрывающий почти все поле зрения. Но он (обещают) всосется и будет все нормально. Все первые сутки была Маша [М. В. Олсуфьева], и я в полунаркозе слышала ее слова, а итальянские не понимала... К первому приезжает Юра [Меклер], в субботу приедет Регина [Бублил], в воскресенье Зинаида [Шаховская] и Ира [Шлиппе] — жена другого Юры... Сегодня Нина рассказала про разговор с тобой... говорит, у вас все хорошо... А Мари-Люче [дочь профессора Фреззотти — школьница] бывает по два раза на дню, благо она здешняя, сиенская. Так что визитеров у меня хватает. В Италии и вправду инфляция... приблизительно 1 к 3 по сравнению с 1975 г. Но итальянцы все такие же».

Вечером у нас были 1) Кронид [Любарский] и Галя [Салова]; 2) Юра [Сахаров] и Владимов; 3) Николаус. Все сидели на кухне, потом имел с Кронидом доверительную беседу. Отдал Николаусу 3 экз. [Обращения], расск. об инциденте] с корр. «Радио Праги».

Позвонила Люся (из комнаты сестры). Оба очень волновались. У Люси ее родной голос. Люся расск. о том, что, когда сняли повязку с правого глаза, увидела сплошной темножелтый фон. Ощущ. шока. Сейчас немного просветляется. Но очень все это тревожно. Люся напомнила о Биенале и слушании²²⁴. В субботу ее отпустят к Нине. Фрезотти говорит, что, если бы не геополитика, он оперировал бы после 6 мес. наблюдения. И еще он приговаривает нечто по-итальянски.

29 сентября. Сегодня работают слесаря. Я купил «Краснодарск. высший сорт». Послал 16 пачек папир. и 8 пачек чая (итого 96 пачек пап. и 36 чая уже послано). Помыл пол, перед этим вынес 3 таза железок и камней.

Поехал к Кате [Сахаровой] (у нее день рожд.) Посидели, грустно. Маша работает над какой-то рукописью, у нее были 2 сослуживицы. Катя провожала, говорили о Виталии. Предлагал им ден. помощь систем[атически], пока сказали — не надо.

Вечером из ящика, оказавшегося плотно, хорошо запертым на замок, получил письма а) для Р. Г., в том числе от Нелли Мнюх; б) от Кестутиса; в) два письма от Люси (оба до операции, от 13 и 15 сент. Первое очень бодрое (№ 1), второе не очень). Просит прислать Вибратор²²⁵

²²⁴ О Biennale см. примеч. к 12 сентября. В ноябре в Риме должны были начаться очередные Sakharov Hearing (слушания) по правам человека.

²²⁵ Прибор для массажа спины.

и «два куска материи». На машине с шоф. Джанни она будет регулярно ездить к Фрезотти. Она, возможно, будет вынуждена продлить свое пребывание в Италии. 30 сентября. Сегодня отдал в посольства «Обращение»: 10 — пос. США (Комс), 11.30 — пос. ФРГ, 12.30 — пос. Нидерландов, 17.30 — пос. Великобритании.

В промежутке — семинар в ФИАНе.

Поехал к Любе, отдал ей 200 р. + 80. Она рассказала о своих проблемах. Дома Саша и Дима (имел с ним назид. разговор), потом пришли Маша Ф[ранк]-К[аменецкая] и Наташа Зысина.

Поехал к С[аре] Ю[льевне], там уже была с 7 часов Р. Г. Арина рассказала о беде с Сережей [Шибяевым] (это мальчик из Калуги, который живет у них, еще при Алике [Гинзбурге] это началось. У него мать алкоголичка, очень беспр. детство, в общежитии техникума ему плохо. Сейчас за Сережу взялись — допросы, угрозы и т. д. Мать заставили подписать заявл., на осн. которого Сережу насильно переводят в Калугу).

Подписал (переделав) коллект. телегр. Веникову ²²⁶ о свидании Н. Строкатой.

Дом: Майден С. — интервью.

Сегодня Алеше вновь поставили двойку за «войну» [военное дело], на этот раз ему одному. Он очень расстроен.

²²⁶ Начальник (или заместитель начальника?) лагеря, где отбывал наказание ее муж Караванский.

1 октября. Сегодня собирались ехать на дачу с Арием (т. к. Р. Г. оставила там сумки — зря, оберегая меня от тяжестей). Арий приехал и сказал, что в замки залита эпоксидная смола, когда же мы спустились вниз, то также оказался пробит радиатор. Вечером я сходил в 70 о/м, ГАИ и написал заявление.

Приезжал 1) Слепак с амер. юристами. Разговоры о Щаранском, я говорил, что надо и о других бесп., говорил о сов. правосудии вообще; 2) Копелев и Рая [Орлова]; 3) Гольцов — сидел (якобы) в Сербском²²⁷ вместе с Гамсахурдиа; 4) Л. К., она привезла обратно «О см. казни», сказала, что сильн. впечатление; 5) Литинские.

2 октября. Печатал Обращ.

Писал и печатал проект письма для Биенале.

Вечером был на проводах Вайлей. Очень они растерянные. Но все же этот шаг необходим.

Днем приходил Алеша с Олей и Катей. Оля после получения А. двойки, вроде, склоняется к отъезду.

3 октября. Сегодня приехала Наташа [Гессе].

Сегодня был в 4-х посольствах (Италия, Австрия, Франция, Норвегия). Очень теплые отношения, серьезн. разговор, спрашивают о Люсе. Но не берут п[исьма].

Вечером был звонок от Тани, но прервали сразу. А Люся прозвонилась к В. Ф. Фрезотти говорит, что кровоизлияние небольшое и рассосется. (Хорошо бы). Ребята не получили документов и не очень торопятся. Люся

²²⁷ Институт судебной психиатрии им. Сербского.

знает про Виталия, думала, что это не самоуб., но В. Ф. ее разубедила. Вопрос о Тольце.

▮ Решался вопрос, судиться ли с фрау Леман или договариваться с ней и ее фирмой о компенсации без суда. Из моего письма от 6 октября: «Все, что вы говорили про Тольца, было не очень толково, но Юра [Шлиппе]²²⁸ пока здесь [в Германии] будет что-то делать, хотя мы все не знаем, что толком надо и что будет толково». ▮

4 октября. Заплатил 103 р. за II кв. дачи, отдал список обл[игаций] в сберкассе.

Сегодня отправил очередную посылку (папиросы + чай), купил виброприбор (2 экз.).

Семинар в ФИАНе (новое в реш. у-ия Шредингера. Прозрачное тело. Новые спектр. методы — теор. возмущ. с сумм. по Паде и по Борелли — ряд сходится в каких-то шир. условиях, выполняющихся для у-ия Шредингера (докл. Андрея [Линде]) и о гравитации и суперграв. — доклад Фрадкина).

Дома Наташа [Гессе] накормила рыбой. Купил стекло. Пришла В. Ф., затем Турчины. Виза до 15 окт. И сказали, что, если на 2 дня просрочите, визу продлевать не будем. По выходе из ОВИР Валю потащили на допрос. Вопросы о Гинзбурге. Один [из] них — кто инициатор устроить Гинзб.

²²⁸ Сотрудник радио «Свобода», с которым я познакомилась в Италии (и подружилась). В эфире выступал как Юрий Мельников.

секретарем к Сахарову. В[аля]: «Что за идиотский вопрос?» — «Почему же идиотский? Есть мнение, что инициатором был Солженицын, желавший расширить зону влияния.»

Были в доме также Саша Лавут с Айшет [Сейтмуратовой]. В марте ей отказ на выезд, говорят, будете работать на «Свободе», если вас отпустить. Новые бесчинства в Крыму.

Меймана, Слепака и других держат под домашним арестом. Я дал согласие подписать меня под протестом. 5 октября. Сегодня месяц отъезда детей и поездки Люси.

Целый день готовил для Римского трибунала²²⁹. Вечером отдал вместе с письмом Люсе и другими материалами для передачи одной старой даме, у которой есть поручение от Бублил²³⁰. Днем приходила Белла [Коваль], но не успела принести до вечера.

Слушал «Голос Америки». Сокращенный и искаженный обратный перевод из «НТ»²³¹. То, что я просил Шиплера исправить, не исправлено (потом оказалось, что текстом занимался Уитни). Опустили про Ковалева и всех ост. (кроме Орл[ова], Гинзб[урга], Щаранского). Про Хельс. Группу сказали — «особенно скандальным является факт» (у меня после испр. — «чрезвычайно тревожным»). Получается, что я обращ. к Картеру с просьбой сделать защиту прав мор[альной] основой. И потом — передана

²²⁹ Сахаровские слушания в Риме.

²³⁰ Регина Бублил (в замужестве Вальдман) — активистка еврейской организации в Калифорнии.

²³¹ «Нью-Йорк Таймс».

тут же дурацкая статья Соловьева и Клепиковой²³², что я — Дон Кихот и генерал без армии.

6 октября. Сегодня Р. Г., Наташа [Гессе] и я ездили на дачу за вещами. Отпустили машину и спокойно собрались, погуляли с Наташей до оврага, поговорили о всех вещах. Она очень озабочена нервным состоянием Р. Г., которая всех ругает (меня, Люсю и Фаню больше всего).

Вечером все было спокойно. До 2 ч. ночи читал «Верного Руслана» [Владимова].

Такой хор. писатель и такое мельтешенье в вопросах. [восстановлено] *Личных?*

7 октября. Поехали с Наташей и Р. Г. по «Березкам». Р. Г. купила себе шубу.

В ФИАН — докл. Рубина о том, что можно наблюдать магн. момент электрона по его отклонению — опыт Шт. - Герлаха — если много ларм. витков.

Разговаривал с Уитни, тот читал свой перевод обращения для Нью-Т[аймс] — соотв. моему, еще не исправленному тексту. Говорил, что важно писать об этом обращении (а не о том, что я выгляжу усталым от борьбы).

Вечером пришла В. Ф.

Позвонил Эйтан. Он целый день был на допросе — основные вопросы о Викторе Пяткусе — ст. 68/1 Лит[вы] (70 ч. I), вопросы о Хельс. док. и неск. вопр. об Орлове. Передал «Асс. пресс».

²³² См. 27 окт.

Наташа ушла. Была В. Ф. Звонил Мейман.

Был Юра, получил 60 р., очень долго сидел.

8 октября. Люся звонила Вере Фед. (нам и Алеше не дозвонилась). У нее кровоизлияние в переднюю камеру постепенно рассасывается. Видит 6 строчек. Фрезотти доволен и обещает повезти в ресторан, если так пойдет дело. Вероятно, она вернется к нам в конце ноября. Фрезотти написал письмо о необходимости продлить срок пребыв., и Нина повезет в консульство. Ребята поедут в консульство на след. неделе, об этом успела сказать Алеше Таня в 1 час ночи.

Днем и ночью занимался статьей об энергетике²³³ (так же, как след. дни и некот. предыдущие).

В 5 часов с Алешей на такси Р. Г., Наташа [Гессе] и я поехали на день рождения Кати «для старших»²³⁴. Было 6 сортов салатов. Все было хорошо. Оля, по-видимому, окончательно решила, что уезжать надо.

Писали диктант [хорошая игра]. У меня 8 ошибок — больше, чем у всех.

9 октября. Ходил утром в магазин, разговаривали на кухне, потом работал.

Вечером поехал к Вале и Тане Турчиным. У них полным ходом идет работа — завтра, т. е. 10/X — сдача вещей на таможду (для медл. скор.). Помогает много молодежи, среди них — Андрей и Алик Климовы, сыно-

²³³ Статья «Ядерная энергетика и свобода Запада».

²³⁴ Катя Семенова родилась 6 октября 1975 года.

Беспокойство с задержанием Подрабинека (с 17 до 24 часов). Звонил коррам.

Премия мира присуждена Эмнисти. Я очень рад и сказал об этом во многие агентства.

Звонил таинств. тип. Его вновь обещали держать в курсе следствия о Богатыреве²³⁸. Говорил, что Соловьев похож на Виктора Луи²³⁹.

Звонила женщина из Пятигорска.

Была Сара Юльевна, говорила о своей миссии по делу Сережи (из Тарусы).

Проводил Наташу [Гессе].

11 октября. Утром и после ФИАНа печатал «Ядерн. энергетику». Был в ФИАНе.

Вечером — проводы Любарского. Грустно, очень много народу. Галя [Салова] плачет. Сидел с Соф. Василь. Кто-то дал текст статьи в «Геральд Трибюн» — те же глупости, что и по «Голосу [Америки]». Расстроился, до 2-х ночи писал набросок письма гл. редактору. До дома меня в 12 провожал Саша-дворник [Гудков].

12 октября. Утром печатал Я[дерную] Э[нергетику]²⁴⁰ и письмо ред. N. Times.

²³⁸ К. Богатырев был ранен в голову неизвестными и скончался в июне 1976 г.

²³⁹ В. Луи (у москвичей было принято его фамилию произносить с «й» на конце) был московским корреспондентом одной из лондонских газет и считался в нашем кругу сотрудником КГБ.

²⁴⁰ Статья «Ядерная энергетика и свобода Запада».

Вечером был на дне рождения Вани [племянник]. Отвез подарки. Был доволен, но вообще-то все время занимался железной дорогой, которую ему подарил кто-то еще. Было много гостей — все взрослые. Физкультурник (препод.), друг Толи [Якобсона] и Виталия, подарил лыжи. Ехал с ним и Ниной Михайловной (пожилой женщиной, которая много рассказывала про Лид. Корн. и Петровых, с которыми она дружит, и про Толю Як.). Я сказал, что мы что-то недосмотрели в Виталии, сказал импульсивно, неосторожно. У нее самой так же погиб сын. Долго потом разговаривали, стоя в метро. Я опоздал к звонку Люси. Рассасывается медленней, чем хотелось бы.

С Люсей говорила Р. Г., и это очень хорошо. *Ничего хорошего — спросила: «Ну что там еще у тебя?» Мне показалось, что как-то раздраженно, будто я виновата в осложнении — я потом даже чуток плакала, а Тане не рассказала.*

13 октября. Боря Вайль не прошел таможду. Он сидел до 21 часа, потом ему сказали, что у него мало вещей, и он может пройти утром, но не назначили вовремя. Я провозжал его на аэродроме и потом в МВД — продлевать визу. Боря вернул 145 р. денег.

Я окончил оба документа.

Позвонил Уитни (14-го тоже он звонил, окончат. договорились на субб.).

Был корр. (когда он пришел, я спал) англ. радио — Эрик де Мауна, с женой, дал ему интервью с ответом на два вопроса о конституции — в его англ. переводе, я

читал по-англ. и о репрессиях против Группы Хельсинки, я расширил тему.

Звонила некая Хмельницкая, у нее с сыном отобрали визу в последний момент, она без денег, работы, мебели. Причину узнал на другой день — у нее был [неразборчиво]. 14 октября. Сегодня уехали: Боря, Люся, Дима Вайли; Валя, Таня, Петя..., Турчины; Кронид, Галя, Вика Любарские. Я заехал на Булéroва, завез Таню и Вало [Турчиных] попрощаться с Р. Г. и потом поехали на аэродром. Была вся диссид. Москва. Хорошие, одухотворенные лица, почти все плакали, много корров.

Был в ФИАНе. 3 доклада (о квазиэнергии, еще что-то, самое главное — «все об аномалиях» — на самом деле далеко не все)

На сегодня. обыске у Подрабинека [Кирилла — брата Александра] подбросили патроны.

Таню Ходорович вчера на сегодня вызвали для беседы в ГБ с угрозой привода. Она пошла. Ей сказали: «Мы делали много предупр. Вы не прекр. антисоветской деятельности. Сегодня мы заявляем: либо вы уезжаете, скатертью дорога, либо мы заводим на Вас уголовное дело.» Таня указала, что нет вызовов, они у ГБ. «Позвоните нам во вторник». Сообщил в 3 агент.

Вечером была Юла. Предл. сделать заявл. о Подраб[инехах].

Судьба Алеши решится [выгонят или нет из института], когда вернется из отпуска проректор (через неск. дней), без него не могут.

В 1.30 ночи позвонила Люся. Разговаривали минут 10 (я с Люсей, Р. Г. с ней и Таней). Рема печ[атает] книгу²⁴¹. Фрезотти говорит, что все будет в порядке. Много швов. Глаз пока красный. Внуки под опекой Юры [Меклера].
15 октября. Пол-Люсиного срока?

В 10 был Уитни, отдал ему письмо ред[актору] Нью Йорк Таймс.

Сегодня и на другой день как бешеный писал — а) для «Голоса», б) для «Гер. Трибюн», в) о Подрабинеке.

Я купался. Приезжал Дима. Я 2 часа занимался с ним математикой. Он не бездарен, но знает мало, неинтеллигентен ужасно. Попросил у меня на папиросы, дал ему 3 р.
16 октября. Утром и днем писал бумажки.

Вечером был у П. Г. и З. М. [Григоренки] — генерала и генеральши. День их одновременного рождения. Много очень гостей — друзей. Очень сердечно, хорошо. Пел один певец, все на тему отъезда, прощ[ания]. Когда начал петь Старчик, я собрался уходить. Меня отвез Марк [скульптор?] с Ел. Всеволод [Ветроградской]. Когда уходили, одна молод. женщ. сказала: «Андр. Дм., я Вас очень уважаю». Выяснилось, что она вызывает всеобщие подозрения, никто ее не знает, никто ее не приводил. Я принес на встречу свое письмо о Тереле и Подраб[инеке]. С. В. раскритиковала один абзац (справедливо, я на другой день изменил). Подошла Таня Велик[анова]]. Она спросила, была ли у меня Таня Х[одорович]. Я сказал, что

²⁴¹ «Тревога и надежда».

нет, мы только говорили по телефону. Значит, она уже решила. Я сказал, что я против того, чтобы садиться, я за отъезд. Серг. Алекс. [Желудков], присутствовавший при разговоре, спросил у Тани В[еликановой], которая шла к Тане Ход[орович], передаст ли она мое мнение. Таня В.: «Конечно, нет, как я могу, я даже свое не передаю». Я спросил: «Оно, конечно, что надо оставаться?» — «Да.» Но Таня Вел. не рассчитывает, что власти побоятся посадить Х[одорович] Т. С., она просто считает, что в положении Т. С. [Ходорович] нельзя уезжать. А если побоятся — это будет огромная победа, по ее мнению. Я долго не спал ночью, я чувствую на себе мор. ответств. за Таню Ход. Если я скажу — останься, она останется, а я должен сделать большой шум. Но это против моих правил.

17 октября. Сегодня, пока я печатал бумажки, пришли Циля и Маня. Через кого-то они связались с зам. декана, которую они охарактеризовали, как якобы очень расположенную к Алеше. Та наговорила с три короба. Не было никакого указания, Алеша сам виноват, он ведет себя вызывающе и аморально. Завел себе «девку», если бы вы ее видели и т. п.

Я позвонил этой даме. Типичная советская классная парт-дама, дура, ханжа, очень вредный тип. Она должна писать докладную в ректорат от имени деканата, некот[орые] в деканате за мягкие меры. Я, конечно, упирал на акад. успехи и индифферентность к любой общ. деят., включ. мое вним²⁴². Я также позвонил проректору, и тот назначил мне встречу в пятницу.

Вечером а) была Диса²⁴³, брала интервью; б) звонил Зине и Саше [Бобылевым], позд. с днем рожд. 18 октября. Утром был Д. Шиплер (к 10 часам по моей просьбе). Разговаривали на кухне, т. к. плотники работали в коридоре. Было нечто вроде интервью. Отдал ему письма на «Голос» и «Геральд Трибюн» и пачку для Л[юси]. Не очень обещал.

В ФИАНе доклад Ройзена о «полевой» реджевской теории (у-ие Грибова) и о солитонах фазы в одномерных кристаллах — Бугаевского²⁴⁴. Получил 400 р. зарпл.

Р. Г. провела огромную орг. работу по подготовке к завтр. малярным работам. Я купил 20 м пленки. Алеша и Арий, Антон [Шустер] и Тимчук работали, перенесли вещи в нашу с Люс. комнату и покрыли пол пленкой с приклеенной газетой. В нашей комнате я потом все переставил. Пришлось неск. раз ворочать тяж. тюки и чемоданы.

Я был у Маринки [внучки] на дне рождения. Она была очень рада мне и подаркам (17 наим., так мы с В. Ф. постарались, краски, 2 альб. для рис., бумага, альбом для фото и открыток, набор открыток, набор для склеивания, набор для сведения картинок). Играл с ней в шашки («уголки», новая для меня игра, она выиграла). Почти

²⁴² Это в скорописи написано и означает, что Андрей там, где Алеша с ним бывал не согласен, влияния на взгляды Алеши не имел.

²⁴³ Хостед Диса, шведская журналистка.

²⁴⁴ Правильно Булаевский.

любезен с Мишей [Либерманом], хотя он такой же противный. Таня тоже была рада моему приходу. Сер. Соломоновны не было, она сидит у парикмахера в связи со скорой ее свадьбой (жених — Шарвин, физик из МГУ, кажется, на курс старше моего потока).

19 октября. В доме, в комнате Р. Г. малярные работы.

Я занимался допечатыванием, где нет второго экземпляра.

От Т. Ход[орович] Юла принесла заявление, почему она эмигрирует. Мне кажется, что объяснять тут не надо.

Была Дзедзоева Зарина от П. Г. Она по делу пятидесятников Эстонии. 90—95 чел. разрешили, якобы, эмигрировать в США, но сначала они должны принести документы из Ам. консульства. Завтра к 11.30 пойдем в консульство к Гроссу.

Из Тбилиси вернулись деньги [посланные Манане]. Я ходил на 120 п/о. Написано — по адресу Гомская, 17 адресат не проживает. Получил 800 р. Отдал багдадский ковер и коврик в химчистку (вернее, в мойку).

Приехал Игорь Гессе, ночевать поехал к В. Ф.

Люся прозванивалась, слышал голос Кальв[ани]²⁴⁵, но дальше — ничего. А у В. Ф. телефон сегодня не работает. Остается Алеша.

²⁴⁵ Старший смены на телефонной станции Флоренции. Поняв, что умышленно не дают связи, как он сформулировал в своем заявлении, между супругами Сахаровыми, вышел из коммунистической партии Италии.

Совсем поздно прозвонилась Люся. Говорил с ней, с Мотей, неск. слов с Валерием [Чалидзе]²⁴⁶. У Р. Г. начинался приступ, и она лежала на кухне. У Люси глаз норм. цвета. Завтра поедет к Фрезотти. Фрезотти запросил прод[ление] 2 мес., пока нет ответа. Я получил какую-то премию общ[ества] борьбы с диффамацией²⁴⁷. Нужен ответ. Рема занят с Римским чтением [слушаниями]. Мотя сказал: «Дидя Адя. Когда ты приедешь к нам во Флоренцию? Ты ведь знаешь, что мы во Флоренции. Мы все — баба Леля, мама Таня, папа Рема, Анечка — целуем тебя, бабу Руфу, дядю Алешу, тетю Олю, всех».

20 октября. Сегодня 7 лет нашей встречи с Люсинькой. Это оказалось главным нашим событием за эти годы.

У Р. Г. — тяжелый приступ.

К 11.30 с Дзобоевой ездил к консулу Клифф. Гроссу. Обещал выяснить, просил данные всех 95 пятидесятников, и, может быть, тогда написать общий документ от консула. Завтра Дзоб. должна позвонить.

Позвонила Маша [Сахарова]. Ей звонили — телефон дал Юра [Сахаров] — из Фрунз. психдиспансера (Фира Львовна — зав. дисп., Ольга Абрамовна — ВТЭК). Юра после бессонной ночи с галлюцинациями, ужас, что я убит

²⁴⁶ В. Чалидзе прилетал во Флоренцию для встречи с Ефремом и Таней Янкевичами и со мной.

²⁴⁷ Антидиффамационная лига (США). Премия — желая бронзовая доска — в настоящее время висит в Архиве Сахарова в Москве.

и т. п. пришел к ним, и они его задержали. В. Ф. и я поехали туда, мне дали конверт с направлением в больн. им. Ганушкина. Юра согласился, и мы на такси отвезли его в приемный покой. Через 2 часа его положили в 8-е отделение (2-е по мягкости).

Вечером были Бор[ис] Герм[анович] (на меня обиделся Владимов и его жена), Белла [Коваль], Нина Ант. [Строкатая] *просила написать письмо Караванскому и адм[инистратции лагеря]*²⁴⁸.

21 октября. Алеша ушел в 8 утра.

Утром освободил ванну, и там начали малярные работы, а в комнате Р. Г. к 7-и часам окончили. В. Ф. дала девочкам 20 р.

Поехал к проректору к 16 ч., т. к. вчера по инициативе Игоря [Гессе] решили, что Алеша должен не держать свои дела в тайне от однокурсников, и, возм., некоторые из них придут к 16 ч. Я предупредил об этом изм[енении] срока секретаря проректора Паштанка, но и его не было на месте, и я пошел к ректору. (Ребят не было, у них назначили комс. собрание). Ректор — хитрая бестия, изворотливый, видимо, напуганный моим обществом. Я сказал, я — отчим студента мат. фак-та Алеши Семенова, озабочен тем, что Алеше угрож. увольн. Сказал, что он отличник (показал зачетку), сказал, что Алеша много заним. с отст[ающими], что это — лучшая для буд. педагога общ. работа, что его

²⁴⁸ Караванский отбывал наказание в лагере особого режима в Сосновке (Мордовия).

очень ценят его ребята. Сказал, что к Алеше отнеслись несправедливо по воен. делу (эпизод с военруком: почему не комс[омолец] — некорр[ектный] вопрос — не комс. не будет офицером, расск. про курвиметр). Я сказал, что рассм. это все как метод давл. на меня, что я в этом убежден и не буду это держать в тайне. Он очень болезн. на это реагировал, говорил, что это шантаж. Я говорил, что я не имею цели оказыв. на него давление, но хотел его информ. Он заявил: ваше изложение субъективно, если он как-либо нарушил дисциплину в лагере, он будет уволен, отчислен.

* Приехала Кира [лечащий врач], хотела госпитализировать Р. Г. «Есть указание». А мы не обращались.

* Алешу вызвала для беседы та же дама, что приезжала в Жуковку, (гов[орила] с Р. Г.).

▮ *Визит врача, которого не вызывали, с намерением госпитализировать маму (Р. Г. Боннэр) так же, как визит дамы из деканата (откуда она могла знать, что бабушка их студента находится в Жуковке?), определенно демонстрируют, что вся история с отчислением Алексея из института была затеяна КГБ.* ▮

* Приходил Нюхарев с карт[иной] Глазунова²⁴⁹. Нюхарев Слава, подвып. сантехник 366-88-21.

22 октября. Вместе с В. Ф. ездил на свид. к Юре [Сахарову]. В. Ф. сделала передачу Юре. Впустили только меня одного. В большой комнате много длинных скамеек, на них

²⁴⁹ Кажется, хотел подарить, но Андрей отказался.

сидят поочер. посетители и очень возб[ужденные] больные, все что-то рассказывают. Юра очень напуган, считает, что, быть может, ближ. ночь — последняя в его жизни. Слышит голоса. Целует меня, прощаясь, как на смерть.

Я вымыл пол, вынес 8 мешков и 2 таза мусора и стал носить вещи в комнату Р. Г., чтобы иметь возм. разобраться со своими вещами. Но тут увидела Р. Г. и устроила мне страшный скандал, что мое мытье — не мытье и что у нее свой план всех действий. В конечном счете, ничего менять не пришлось из того, что я успел, но настроение у меня испортилось...

Вечером прозв[онилась] Люся. Я ее очень огорчил и взволновал нашими делами с Алешей. Совет ее, который она дала, сомнит. Рассказал ей про попытку госпитализ. Р. Г., о встрече женщ[ины] (Л. И.) с Алешей [см. 21 окт.]. 23 октября. Воскресенье. В первую половину дня Алеша, Оля, Леня (Литинский) осуществили перенос вещей из нашей комнаты в комнату Р. Г. У Р. Г. очень хорошо (я — там, она — на кухне).

Вечером была Шура Ф[инкельштейн]. Передала заявл. мужа²⁵⁰ о допросе по делу П. [Пяткуса].

Был Мейман с заявл. об искажениях, допущенных «Нем. волной». Я написал дополнение, мысль которого подсказана им.

Бела [Коваль] помогла Р. Г. с разборкой посуды.

²⁵⁰ Эйтан Финкельштейн, член Литовской Хельсинкской группы, многолетний отказник по секретности.

В четверг Люся была у Фр[еззотти]. Он доволен. 11-го послала письмо с выпиской из мед. дела [от] Фрезотти. В конс[ультстве] сказали, что не получили. 21-го опустили в п./я. Она знает, кто Злотник.

▮ Андрей записал неточно. Я сказала, что предполагаю, кто сочинял по заданию КГБ этот персонаж. Но доказательств у меня не было. Как нет их и сегодня, в 2004 году. Однако в книге «*The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archives and the Secret History of the KGB*», Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin (Basic Books, New York, 1999) фигурирует этот эпизод и подробно рассказывается, как КГБ изготавливает подобные фальшивки и сколько за них платят. Даже приводятся суммы. За сочинение «Фальшивого Злотника», который посылал шантажирующие письма мне и рассылал клеветнические письма сотням адресатов — политикам, ученым и общественным деятелям разных стран — заплатили совсем немного — всего \$500. Спустя годы (в 1982, 1983 г.г.) сочинения этого несуществующего персонажа будут использованы историком Н. Н. Яковлевым в книге «ЦРУ против СССР». Андрей подробно пишет об этом в дневнике 1983 года. Реально существовавший Моисей Злотник, скончавшийся в конце 60-х годов, был двоюродным братом моей подруги Регины Этингер. В моем архиве хранится ее записка, из которой следует, что у Моисея Злотника вообще не было племянни-

ков. В записке перечислены все члены семьи Злотников, двоюродные сестры и братья Регины и их дети — все дочери, т. е. — племянницы. ▮

Вышла «Тревога» и книга Ремы («1 год»)²⁵¹. Я должен написать телегр. Антидиффамац. общ. [Лиге]²⁵². Говорили с Аней. Люся рассказала, что Мотя поставил (и зажег) свечку за всех, кто остался в Москве.

Поручения: лекарство для Жени Райской будет у сестры Толи [Левшина]. Ших. должен послать срез Лиды [Финкельштейн]²⁵³.

Совсем ночью звонила Наташа из Ленинграда.
24 октября. Я купил еще пленку — 15 м — итого 55.

Милиц. оштрафовал меня на 1 р. (за переход в непол. месте)

Я отправил письмо Караванскому. (Заказное с зак. уведомл.), письмо в ВААП и открытку Люсе.

²⁵¹ Статья — Андрей Сахаров «Тревога и надежда» и книга с тем же названием «Тревога и надежда», сост. Ефрем Янкелевич.

²⁵² Премия Антидиффамационной Лиги вручалась по доверенности в Нью-Йорке 20 ноября 1977 года.

²⁵³ У близкой подруги нашей семьи Л. Финкельштейн была обнаружена и прооперирована злокачественная опухоль. После операции врачи рекомендовали новое швейцарское лекарство, которое в открытую продажу еще не поступало. Чтобы приобрести его в швейцарской клинике, где оно проходило испытание, я должна была представить гистологический срез.

Сане Слепаку дали разрешение (еще 17-го). 27-го — билет. А Леня [Слепак] ушел со 2-го курса, т. к. там военное дело — он не хочет, как гр. Израиля — и получил повестку в военкомат.

Каминской дали разрешение.

Марку Поп[овскому] дали разрешение (я встретил его на почтамте). Он считает, что Володе [Тольцу] необх. ехать в Таллин (туда приез. из ФРГ).

Пришел Ших., принес письмо от Никитенковых²⁵⁴. Звонил кто-то от Славы [Нюхарева] по делу Глазунова, я сказал, пусть он сам (Глазунов).

25 октября. Утром в 8.00 пришла Фаня. Вчера в 20.00 она приехала в Новогиреево²⁵⁵ и обнаружила в доме полный разгром. Замок свернут и дверь открыта. Ее вещи разбросаны по полу и затоптаны. Мешки с одеждой вспороты, связки книг развязаны. Я сообщил в 4 агентства («ANSA», «Рейтер», «Асс[ошиэйтид пресс], «DPA»).

Перед ФИАНОм заехал к Татьяне Серг [Ходорович]. У нее муки с каждым из 4-х детей. Напр., жена сына — дочь пенсионера, бывшего замминистра, у которого над кро-

²⁵⁴ Никитенковы — муж и жена несколько лет назад пытались пройти в американское посольство. Они были задержаны и госпитализированы (не помню, оба или только муж) в психиатр. больницу. Все последующие годы добились разрешения на эмиграцию.

²⁵⁵ Фаня Голомбик была прописана в Воскресенске, но фактически в это время жила в моей квартире в Новогирееве.

вацию портрет Сталина. Но отн[осительно] своего личного решения она тверда.

В ФИАНе — применение «октав» для решения (нах. точных решений) ур. Янга—Миллса и доклад ученика Меймана — Соловьева — о эвклид. методе в теории поля и коротко-действ. в некот. нелокальных теориях.

Утром и вечером звонил Люсе (оба телефона «не отвечают»). Прозвонилась Лия [Вайнштейн], по просьбе Люси, ей расск. про обыск.

У Р. Г. начинается приступ, она убираала квартиру. 26 октября. Закончен ремонт комнат и оклейка коридора. Вечером пришли (2) Рубцовы, Ших, Алеша и Оля и осуществили перенос вещей. В. Ф. помыла пленку и застелила полы. Я расставлял книги и чуть не задохнулся. Алеша и Оля сердятся, что я устроил завал на Люс. шкафу, но я не знаю, как иначе. Завтра — кухня и ванная.

Вечером позвонила Люся. Она говорила с Алешей и со мной. Люся говорила с консулом (все тот же дубовый Пахомов). Тот заявил, что ответ будет в понед. или во вторник (31 и 1). Люся: «Но мне ведь уже пора билеты брать, 4-го конч. виза, не можете ли дать ответ в пятницу». «Нет, не можем. И вообще, почему Вы заявили, что мы не получили письма? Мы его получили 15/Х» (речь шла о том, что консульство заявило, что оно не получало, что письмо было отпр. в посольство). Люся, судя по голосу, очень возбуждена и взволнована (конечно, всем сразу — Алешей, обыском, продлением). Таня вернулась из Венеции, судя по Люс. интонации — в восторге.

Р. Г. в начин. приступе.

Оказ., на меня смерт. обижена жена Владимирова и он сам (Бор[ис] Гер[манович] [рассказал]).

■ Истоки этой истории не знаю. Я в это время была в Италии. У меня с Наташей (женой Владимирова) всегда были хорошие и даже доверительные отношения. От нее я узнала, как Владимирова шантажировал КГБ. Владимиров был однажды в гостях у одной аккредитованной в Москве шведской журналистки. Выпил больше нормы и оказался у нее в постели. Через несколько дней его пригласили в КГБ на беседу и показали пленку, в которой был заснят этот вечер. После просмотра фильма предложили сотрудничество, предупредив, что при отказе покажут эту пленку его жене. Владимиров отказался, сказав уж лучше он сам ей все расскажет. И рассказал. Наташа плакала, рассказывая мне эту грустную историю, и говорила, что набьет этой даме морду, а с Владимиром разведется. Не знаю, как было с мордой, но с мужем после бурной ссоры Наташа помирилась. И мне кажется, что и Наташа и Георгий оба хорошо вышли из этой истории. Так же думал Андрей, которому я рассказала ее, когда мир в семье Владимовых уже был восстановлен. ■

27 октября. Утром позв. Зин. Мих. [Григоренко]. Ф. Серебров отправлен в Явас до кассации. Потом о том же звонил Сквирский.

Евг. Рябчиков — хахаль Любиной свекрови — напрашивается, чтобы Арина [Гинзбург] была его секретарем (звонил уже 2 нед. назад).

Был у Л. К. Ч. в гостях. (к 18-30). Там же был В. Корнилов. Я рассказал о наших делах. Л. К. писала свою книгу на 35 л. и ничего не слыш. по радио. Она хотела писать ответ Соловьеву и Клепиковой²⁵⁶. Оказыв., они смерт. обижены на меня и Люсю. Соловьев хотел встретиться со мной перед отъездом. Отрекомендовался (?) [зачеркнуто] «Критик Соловьев». Я спросил Люсю, знает ли она такого. Люся сказала, что нет. Может быть, это было не по телефону, а в присутствии кого-то из Аэропорта. А я сказал, что не могу встретиться, что-то вроде «уезжаете и хорошо». Потом Клепикова бегала по всему писат. дому и кричала — Сахарова нет, это русский миф.

Звонила Люся. Ей после крика продлили [визу] до 19 ноября. Ура!

Какие-то статьи в АПН обо мне, Вики [Вейскопф] и «?» спрашивают, не надо ли хлопнуть дверь²⁵⁷.

Получил криво написанное Люсино письмо от 22 сент., она пишет, что Ф[реззотти] и Б[анани] довольны, а у нее смутное чувство, что не все в порядке.

Опять письмо из «США» со страшными очками²⁵⁸.

²⁵⁶ см. 5 октября.

²⁵⁷ Выйти из АН СССР, где Вейскопф был иностранным членом, в связи с давлением на Сахарова.

²⁵⁸ Очередное письмо с угрозами.

28 октября. Сегодня Алеша пошел к проректору Паштанку Конст. Васильевичу. Тот спокойным голосом сообщил ему, что Алеша отчислен по докладной воен. кафедры «за несдачу госуд. экзаменов по военн. делу и моральн. облик, не соответств. требованиям, предъявляемым к сов. педагогу» — последнее выявилось в том, что Алеша, якобы, сказал, что военн. кафедра ему нужна «лишь для получения диплома». Попытки дальн. выяснения кончились тем, что п-р Алеше показал на дверь. Мне не удалось позвонить в Италию — тел. домика и Нины не отвечают. Я попросил девушку позвонить не через автомат, а через телефонную станцию Флоренции. Через некоторое время она смущенным голосом мне сообщила, что теперь уже не отвечает Милан.

Купил белила и немного красок в тюбиках.

В ФИАНе продолж. доклада Тютинина о треугольной аномалии.

29 октября. К 10 вызвал такси. Р. Г. поехала к Алеше, а я, как было условлено — к П. Г. Состоялось обсуждение того, что Мейман будет возглавл. Хельс. группу²⁵⁹. Я фактич. написал письмо о лагерн. режиме и сильно изменил главный документ завтр. пресс-конф. — призыв к амнистии политзаключ. Их тут же напечатала Таня ~~Громова~~ Осипова, которую П. Г. предлагает в члены [группы] Хельсинки.

Потом поехал на Верн[адского]. Обсуждали с Р. Г., Толей, Людой, Олей план действий на понед. и др. дни.

²⁵⁹ В связи с отъездом Григоренко в США.

Решено, что именно я поеду в пон[еделник] к проректору (а не Толя, как он предлагал). Это по иниц. Р. Г. Алеша, провожая Р. Г., сказал, что он никогда не думал, что может быть так плохо, так муторно на душе. Я утром написал Р. Г. записку, что я подд[ерживаю] идею Игоря [Гессе] уехать в Ленинград. После ул. Вернадского я поехал в Сокольники. Юра не такой испуганный, спит ночью и съедает передачи В. Ф. Он много и спутанно говорил о осмотрах врачей.

Еще новости. Одна женщина позвонила П. Г. и по просьбе Мустафы [Джемилаева] заявила, что против него возб. новое уголовное дело и он находится в следств. изоляторе.

Статья АПН — Щаранский вин. в измене.

30 октября. Воскресенье. День п/з. Пресс-конф. на квартире у Иры Валитовой — жены Ю. Орлова (Профсоюзн. 102, к. 7, кв. 1).

П. Г. сообщил о подгот. накануне документах и о деле Мустафы. Я по посл. тоже выступил. Обратнo ехал с П. Г. и супругами Владимовыми. Альбр[ехт] и Владимов напомнили, что мы не включили обр[ащение] о смертной казни. Досадно!

Вечером писал новый вариант письма к римским слушаниям.

Р. Г. и Белла [Коваль] под ее руководством разбирали вещи.

31 октября. Был у Паштанка. Угрозой, что заберу с собой докладную, получил возможн. ее списать.

В приказ
За грубые наруш. учебной дисц. и неуспеваемость
28/Х-77 Паштанк

Ректору МГПИ им. В.И. Ленина
проф. Кашутину

При этом представляю на Ваше рассм. материал на ст.
3 курса САИ. В период проведения учебного сбора в войсках
1977 г. Сем. А. И. системат. нарушал воинскую дисц.: 4 раза
уходил из лагеря в самов. отлучку, за что отбывал
наказание — 5 суток ареста с содерж. на гауптвахте.
На выпускном экзамене по военной подготовке получил н. у.
[неудовлетворительную] оценку. При повторной сдаче
экзамена 30 сент. 1977 г. вновь получил н. у. оценку.
Студ. Сем. А. И. к присв. воинского звания «Лейт. запаса»
по недисциплине и неуспеваемости не представляется.
Учитывая заявление самого Семенова А. И. о том, что ему
лишь бы получить диплом об окончании ВУЗа, считаем,
что по своим моральным и деловым качествам Семенов
не достоин быть педагогом и студентом ВУЗа.

28 окт. 1977

Нач. военн. кафедры
полк. /Иванов/

Ложь — 4 самоволки, а двойка натянутая. Но самое
удивительное — дата. Ведь «дело» об Алеше крутилось
давно, а «исходный» документ появился только 28/Х.

Пришел Эмиль, предложил свою помощь двух сортов.
Все (Р. Г., Эмиль, Толя, Люда) меня уговаривают срочно,
не дожидаясь вызова, пойти в ОБИР, дескать это выявит

отношение властей к отъезду, все почему-то уверены, что Алешу хотят выставить, как Таню, чтобы «некому было нам помогать». Я думаю, что дело хуже, и лучше идти в ОВИР сразу во всеоружии²⁶⁰.

Ночью я печатал заявл. ректору (когда мне никто не мешал). Я написал: «В случае, если Сем. будет искл., он будет вынужден эмигрировать с женой и дочерью из СССР». Надо бы написать: «в создающемся положении». 1 ноября. Вторник. Утром, еще до 10 ч., отвез 1 экз. в секретариат ректора, один — в секр. проректора.

Купил много сосисок.

Заказал грузовую в академии.

Семинар в ФИАН — докл. Калашникова (о конф. по калибр. полям) и Воронова (забыл тему).

Вечером прозвонилась Люся. У нее проблема — срок 19 на неск. дней мал, закажет билет на 23 и поставит консульство перед этим фактом. Главная часть разговора — об Алеше. Люся одобряет мой способ действий.

Аня ходит со всеми в ресторанчик и заказывает «Тат-ралини»²⁶¹...(я точно не помню). Все время вспоминает дидю Адю.

Струве²⁶² написал Люсе письмо. У него плохое положение, он просит меня написать в поддержку.

²⁶⁰ В данном случае правы оказались «все», а не Андрей.

²⁶¹ Тортеллини.

²⁶² Директор русскоязычного издательства «УМСА Press» (Париж).

2 ноября. Сегодня день перевозки вещей из Новогирева, разных работ и т. д. Пока Р. Г. не было, я помыл окна и стекла двери. А вообще Алеша меня подавляет активностью, я кое-что делаю, лишь когда его нет. Принес ковры, получил заказ. Много работали Рубцов и его тесть. А также очень много Алеша, Оля, еще Володя [Рубцов].

Новостей об Алешином исключении нет.

Вечером были Соня [Ивич-Богатырева] и ее муж Юра, забрали кресло.

Был Саша [Лавут]. Забрал многое. Он объяснил мне, что адрес Мананы был неправильным (надо Гали...).

3 ноября. Сегодня разборка книг и др. работы по дому. Алеша повесил проигрыватель, ковры и т. п. Мы с Олей получили продукты на Р. Г. по повестке²⁶³.

Звонила Наташа [Гессе], я ей забыл позвонить после Люсиного звонка. Она говорила с Ремой. Ребята скоро едут в Рим. Вызовы высланы²⁶⁴.

Звонил друг Серебренникова (которого я знал под псевдонимом Бренников). После его визита к нам (в апреле) его преследовала милиция. Вчера двое штатских ворвались к нему на работу (он вахтер) и профессионально избили его, чуть не проломив череп.

Был Давид Ш[иплер], принес все, что я ему дал. Проя [вившее себя] начальство говорит — нельзя. Д[авид] проявил

²⁶³ Предпраздничный заказ для старых большевиков.

²⁶⁴ Наталья Гессе просила меня организовать вызов ее сыну Игорю Гессе и его семье.

большую активность и имел немалые неприятности. Он говорил с К. [Консул] и Т. [Советник]. Я хочу говорить с ними же²⁶⁵.

4 ноября. Разговор с Люсей. Рассказал последнее об А[леше].

Я был не слишком понятлив после пресс-конф. у П. Г. (о татарских делах, против обыкновения деловая, и присутствие плачущих, но толковых татарок произвело впечатление на корр-ов) поехал к Е. Л. [?]. От того узнал, что Люся будет звонить сегодня (на самом деле подразумевалось — 5-го). Дома ждало письмо от Шуры [Финкельштейн] с тем же известием. Француженка предложила меня подвезти, но, когда вышли на улицу, оказалось, что ее «жигули» выведены из строя (повреждено электропитание).

Писал короткий текст для Биенале и благодарность для антидифф. Лиги (на другой день наговорил их на пленку). Люся сказала, что будет звонить для записи вечером, я недоумевал, но спешил. Я подписал заявление группы Хельсинки о татарах.

Мейман будет замещать П. Г., который очень ослабел. Ему нужна операция.

5 ноября. Сегодня утром был Сережа Р[апетти].

■ *Сережа Рапетти приезжал в Москву на пару дней, он работал в Христианском Миланском из-*

²⁶⁵ Андрея очень волновали постоянные сложности с его перепиской и то, что его общественные документы часто терялись.

дательстве. Итальянец. Меня переводил в Милане, еще где-то. По нашей просьбе (то ли моей, то ли Реминой) он летал в Москву, чтобы взять от Андрея Обращение по поводу Римских Слушаний, которые должны были начаться в конце ноября. И я Андрюю по телефону сказала: «Андрюшенька, ты, пожалуйста, завтра будь дома». А он говорит: «Ты будешь звонить?». Я ему пытаюсь объяснить, что, да, буду звонить, и одновременно, что, да, не буду звонить. А он не понимает. Все-таки дома он был, и Сережа пришел один раз и второй раз и взял все, что надо, и привез все, что надо, но при этом он, наверно, не сам вез, а кому-то передал, потому что его обыскали лично, и на таможне ему сказали, после того как обыскали: «Еще раз приедешь — голову проломим». ▮

Очень хороший мальчик. Угостили его кофе. Это об его визите так хитроумно извещала Люся. Я проводил его с тяжелой сумкой до такси, пошел искать газету с амнистией, но безуспешно (так же, как Алеша).

По рассказу корр-ов составил заявление, но, к большому сожалению, не отразил в нем всей ограниченности амнистии для обычных з/к (я потом дополнил текст, но уже было поздно).

Алеша и Оля уехали в Л-д, я купил им билеты на сидячий № 14 (отх. в 17 часов), со скидкой билет 4 р., а сам поехал к Юре (он опять несколько хуже), а потом на Матвеевскую, где накануне договорился встретиться с Ири-

ной [Сахаровой]. Посидели, поговорили. У Вани [Рекубратского] — температура, он лежит в Катиной (бывшей тети-Таниной) комнате. Полистирольный клей (сам. реактивн.) от игрушки, которую я ему вез, по дороге вылился.

Вечером прозванивалась Люся. Я один раз успел крикнуть: «Ребята уехали к отцу, а Сережа гуляет по Москве». В след. раз Люся крикнула: «Умница». Я горжусь! 6 ноября. Сегодня завел будильник на 18.00 (позвонил еще раньше) и вместе с Юлой поехал в Шереметьево. Очень тепло мы все прощались с Таней [Ходорович], она удивительный человек.

Невестка (у которой отец держит усатый портрет²⁶⁶ над кроватью), пошла в ОВИР сдавать визу, там ей сказали, что вы делаете, разбиваете семью, и визу не взяли. Вроде она хочет ехать погода. На аэродром не пошла, бережет нервы.

Каминская плакала. Марк Поповский держался бодро.

У меня не было денег, взял займы 20 р. у Юлы на транспорт. Сразу после аэродрома поехал к Юре (ему сегодня 52 г.), потом зашел к В. Ф., слушал у нее английские пластинки. Она хотела подарить, я говорю — оставьте, когда будете уезжать. Она показала «фиг».

Р. Г. ездила к Вере [Алихановой], я пока что-то успел сделать по дому.

Пришли Некипеловы. У них плохо. Самих после резкого письма с отказом от гражданства не выпускают по

²⁶⁶ «Усатый портрет» — фотография Сталина.

израильскому приглашению, а сын в армии. Он отказался идти в охр[анные] войска, попал в штрафной стройбат, где защищает права товарищей от диких притеснений начальства. Это ему грозит большими неприятностями. Большой контраст с Женей Левичем, который был в том же (по-видимому) месте. Я думаю об Алеше.

7 ноября. Утром ходил за хлебом, творогом, маслом, сыром. Поразительное впечатление — город как будто вымер, не слышно ни музыки, ни машин.

Печатал много на копелевской «Олимпии», скоро они ее заберут, сейчас они странствуют с транспортабельной «Колибри» [Люсиной].

Мылся, кое-что подстирнул. Пришел Саша Подрабинек, принес № 3 и № 4²⁶⁷ и рассказал о Рождестве, может, я вместе с Сашей съезжу в Калугу.

Был (накануне) Мейман, он хочет выступить по Алешиному делу, я дал ему все необходимые данные. Ребята приехали, были у нас. Разговор Алеши с Ваней [отцом] был почти спокойный. Ваня обещал дать все необходимое для отъезда, хотя и сомневается в том, не по заслугам ли Алеша получил свою двойку. Дал Алеше 80 р., просил писать и, верх примирения, просил Люсю выслать ему очки (60 мм + 3 д).

■ *Отец Тани и Алеши (Иван Васильевич Семенов) крайне негативно отнесся к вынужденному отъезду Тани и Ефрема, что чуть не поставило*

²⁶⁷ Бюлетени группы по психиатрическим репрессиям.

их отношения на грань ссоры, но так же вынужденный отъезд Алеши воспринял уже по-другому. Позже отношения полностью выровнялись, и приезд Тани с детьми в Ленинград для Ивана и его новой семьи был большой радостью. ▮

8 ноября. Н[иколаус]²⁶⁸ был утром. Забрал все, кроме б. № 3 и № 4. Решили, что пошлет из Г[ермании] прямо Нине. Он выедет в четв., ост. пойдет в пятницу.

Каждый вечер (8 — до 2.30 ночи) пытается прозвониться Люся. Я слышу только что-нибудь вроде «Андрюшенька». То же повторилось 9-го (я успел крикнуть: «Алешу исключили». 9-го было Люсино заявление по радио.

9-го отправил деньги Манане [Гамсахурдиа] и маме Мераба (Гальская 19).

9 ноября. Утром проснулся очень рано.

Сегодня я позвонил в Уч. часть. Девушка сказала, что, кажется, приказ подписан. Я позвонил в канцелярию, но там другая девушка сказала, что таких дел у нее миллион, и она не может искать. Я опять позвонил в уч. часть, попросил первую девушку позвонить в канцелярию и затем, сначала от первой, потом от второй девушки, узнал, что 4/ХI проректор подписал приказ об отчислении с 28/Х «за нарушение учебной дисциплин. и неуспеваемость» со ссылкой на докл. военной кафедры.

Поехал к Мейману. Тот написал свой документ. У Меймана был приступ, он, корчась от болей, после длитель-

²⁶⁸ Преде Николаус, немецкий журналист.

ных попыток добрался до телефона на 8 этаже. Мейман живет один и без телефона. Я напечатал 4 кипы бумаг для завтр. пресс-конференции.

Приехал П. Г. и З. М. Им дают разрешение на поездку втроем в Штаты с Аликом на 6 мес. (для операции П. Г.). Приезжали советоваться.

Позвонила Наташа [Гессе], разъединили, я ей позвонил после разъединения и все рассказал.

Вечером меня посетили два испанца. Взяли у меня интервью (на нем. языке) о пробл. прав человека и еврокоммунизме.

Был Томас Кент, интервью о политике Картера. Коротко рассказал об Алеше, просил быть завтра и привести «шведок».

10 ноября. Сегодня — пресс-конференция.

Пришло 6 корр-ов (один из ЮПИ не говорит по-русски, ему кое-как переводили).

Было. 1) Мое заявл. на пр.-конф. 2) Докл[адная] военн. кафедры. 3) Мое заявл. ректору. 4) Алешино письмо министру. 5) Заявление Меймана и Григоренко. Задавалось довольно много вопросов по сущ. дела. Были Алеша и Оля, Алеша со своей крист. правдивостью хорошо отвечал.

Обедали у нас Мейман, П. Г. (уже с красным паспортом в кармане, срок 1 декабря, в ОВИРе интересовались, сообщено ли известн. журналистам), Оля, Алеша. На акад. машине отвез П. Г. и Меймана, Алешу до фотографии у Ник. ворот.

Вечером с В. Ф. и Р. Г. слушали радио и ничего не слышали.

У Антона [Шустера] сотрясение мозга.

11 ноября. Утром приехала Наташа [Гессе].

Семинар в ФИАНе. Продолж. доклада Тютинина «Все об аномалиях». До семинара зашел Боря Альт [шулер] — со своим письмом «О мор. кодексе отношений в процессе разрядки» — отдал потом вечером Пайперу.

После семинара заехал к П. Г., у них была пресс-конф. Я сказал неск. слов, что нам всем будет очень не хватать П. Г. и З. М., что я обращаюсь ко всем друзьям в СССР и за рубежом уважать их твердое желание вернуться после окончания лечения и не делать ничего, что бы этому могло помешать. Не ставить их в трудное положение. Отвозил меня Баранов, он крепко поговорил со своим депутатом (Щекутьевой, Любина учит[ельница]).

Звонил Гросс [амер. консул], его беспокоит, что я ответил Мини и получил ли я письмо. Я объяснил и расск. свой ответ про бронтозавра. (?)

Звонила Манана. Она в отчаянии и хочет 14-го (в понед.) покончить самоубийством вместе с сыном, бросившись под машину. Написала Шеварнадзе, Предсовмина, КГБ. Отговаривал, сообщил Кенту.

12 ноября. Ездил к Юре. Отвез В. Ф. камин. Юра опять несколько спокойней.

Наташа опять пыталась позвонить Люсе, опять номера не отвечают.

Мы с Р. Г. повесили шторы в нашей комнате.

Были Люба с Сашей, дал им до конца года 200 р. на Диму.

С Наташей говорили до 2.30.

Инцидент с Кириллом Подрабинеком (брат Александра). 27/X он должен был, как всегда, дежурить у переезда (80 км от Москвы), но заболел. К его сменщику пришли двое и, когда сменщик отвернулся, то ударили его по голове. 7 часов без сознания.

Инцидент с Наташей [Гессе]. Когда она вышла из подъезда, чтобы попробовать позвонить Люсе, тип, стоявший у дверей, забежал во второй подъезд, оттуда выскочил еще один тип и забежал во двор и, когда Наташа прошла ворота, ей вслед по тротуару выскочила машина (красные Жигули), она еле успела отскочить. Машина завернула на ул. Обуха и на полной скорости умчалась.

Должен был придти Гольцов (?), но раздумал.

13 ноября. Воскресенье. Утром в 8.00 звонил Петров из Солигорска. Его сына лишили общежития и стипендии на геологическом фак. Минск. Университета. Сам 4 мес. не работает. Предлагал приехать для помощи.

Потом был Шибанов²⁶⁹ со своей (уже другой) ученицей. У него видение — что я его духовный ученик и дол-

²⁶⁹ Шибанов, баптист, очень навязчивый человек, что-то постоянно проповедующий, всегда с молодыми девицами, которых представлял как «ученицы».

жен обратиться к 3,5 млрд людей с программой жить в любви. Принес молитвенник и 2 иконы.

Были Таня [Сахарова] и Марина [внучка], принесли ключи.

Р. Г. и Наташа ездили на Вернадского, узнали о ночном звонке Вани [Семенова] к Люде: «стоять крепко, чтобы Алеша не уезжал и восстанавливался, в крайнем случае, пускай послужит»²⁷⁰. Люда сказала, что она свои резервы исчерпала, и пусть Ваня как член КПСС ходит в Министерство. (Ваня замял этот разговор.)

14 ноября. Утром ездил в Пахру на сессию ОЯФ*)²⁷¹. Обрато подвез ВВВ [неизв.].

Позвонил консулу Нидерландов, просил позв., когда появится «что-нибудь» для меня (я не сказал «вызовы»).

Помыл стекла у секретера, пол в ванной и саму ванну.

*) 14 и 15 утром просыпаюсь в 5, размышляю о науке (главным образом). С вечера обдумываю, что преподнести Пономареву²⁷², и беседую с Наташей о том, о сем.

15 ноября. Сегодня — Юбил. сессия АН СССР.

Я сел во 2-ой ряд, и во время смертельно скучного доклада Б. Н. Пономарева написал в 3-х экземплярах письмо А. П. А[лександрову] и Б. Н. П[ономареву]. Но, ког-

²⁷⁰ Здесь явно что-то напутано, видимо, Людой. Иван не возражал против отъезда Алеши.

²⁷¹ ОЯФ — отделение ядерной физики.

²⁷² Академик Борис Пономарев, зав. отд. ЦК КПСС и деп. ВС СССР.

да я в конце доклада Пономарева поднялся, чтобы положить перед ним 2 листка, меня блокировали гебисты — плотной стенкой, как перед залом суда, и оттеснили в угол, откуда я не был виден президиуму. Братья академики стыдливо опустили глаза и через несколько минут, не глядя в мою сторону, вышли. В фойе тоже никто ко мне не подходил, кроме гротескной, шутовской фигуры Скрябина. Я отдал ему 2 экз. для передачи академикам. Маркову я сказал, что Стоун передал мне желание некоторых членов Пагуошского комитета видеть меня членом. Я выражаю согласие, считая, что в силу своих знаний и авторитета буду полезен.

Сообщил об инциденте Кенту и Кетлину.

Был в ФИАНе.

Вечером Р. Г. рассказала, что ей во время нашей с Наташей поездки на Юрину квартиру (к сожалению, у нас не хватило ключей, которые куда-то спрятала Оля), одна женщина на лестнице, якобы, сказала, что Алешу пытались избить.

16 ноября. Инцидент с Алешей со слов Оли подтвердила Фаня, она же сначала подтвердила, что слышала разговор на лестнице. Сегодня (16) приехал сначала Алеша, потом Оля, Алеша категорически отрицает. Версия Наташи — все выдумала Оля, чтобы не пускать Алешу. Фаня по секр. сказала Руфь Григ. и, чтобы не подводить Фаню, Р. Г. выдумала про лестницу.

Были с Наташей на квартире Юры. Вынесли 5 ведер чего-то нестерпимо вонючего и открыли фортки.

Были на даче. Там Таня [Сахарова], по-видимому, с мол. человеком. Отвезли туда неск. ящиков с книгами.

Дома меня ждал Анджело Резатта от парл. группы радик[альной] партии, защ[ищающей] права человека в Италии. Пришел с проблемой Параджанова. Арест. в 1974 г. и осужден на 4 года за гомосексуализм. Я отказался участв., но на всякий случай, дал итал. телефон Люси.

17 ноября. Мы с Наташей считали, что инц. с Алешей — плод больной фантазии Фани, так же, как обыск. Но, поговорив с Фаней, пришли к выводу, что дело обстоит иначе. Оля дней 10—15 назад придумала весь инц. в разговоре с Фаней, затем испугалась и взяла с нее слово молчания. Затем Фаня не выдержала. Р. Г. придумала разговор на лестнице. Все вернулось к Оле. Оля об этих слухах сказала Люде. Люда в страшной обиде на Р. Г. и Фаню. В общем, надо вносить ясность.

Был Мейман, жаловался на трудности общения с дисс[идентами].

Назначенную на завтра пресс-конф. [я] просил перенести — она очень не подготовлена, и меня ставят перед свершившимися фактами, перед заявлениями, с кот. я не знаком (на другой день Т. О[сипова] принесла о Мише [неизв.]).

Мы с Наташей поднимались в лифте с гебистом²⁷³. Он был очень грустный, сказал: «Каждому свое, у каждо-

²⁷³ Человек, живший в нашем доме, этажом выше нас.

го свое». И — «если бы вы знали, через что я прошел». Я пожелал ему не унывать, вылезая на 7 эт.

18 ноября. С утра ездил с Р. Г. в Новогиреево. Забрали там занавески, полку и Фанины вещи. Видел разрезанную простыню (подтверждение реальности обыска).

Потом я был у П. Г., обсуждали вопрос письма о Жемилеве, видел Раю Руденко, она рассказала о свидании с мужем (½ часа). К нему ежедневно ходят сыновья от первого брака, уговаривают отречься от Хельс. Группы. Дала документ (на другой день отдал корр. «Файн. Таймс»). Видел ужасное, грустное письмо от Дж[емилева] с припиской от солагерника, что Д[жемилев] 22[-го] переведен в изолятор и начал голодовку. Изолятор, говорят ему, — страшный, скоро умрешь.

Опустил 3 письма в п/я Григоренко²⁷⁴ (Вене, Гале В. [?], подруге мамы — чьей?) — ошибка, когда оглянулся, увидел машину с гебистами.

Получил продукты, поехал к консулу Н[идерландов], забыл, где Калашный пер., водитель вышел и ходил полчаса. Я вышел на минутку, потом сел в машину, там сидел гебист. Он рванул меня через перекресток. Вернулся — машины нет.

19 ноября. С 11 до 5, я с 12 до 3.30, Люба и Саша убрали Юрину квартиру. Потом я поехал к Юре. Я очень простужен.

²⁷⁴ Почтовый ящик около дома Григоренко.

20 ноября. Воскр. Писал письмо Белгр. Совещанию.

Поехал к Мейману. Слушали с ним радио (В. Некрасов). Мейман рассказал о Садате. Обсудили письмо. Решили делать гибридный вариант. (Я должен). Поговорили о математике.

Вечером опять писал до 2.30 мин. ночи (я вообще сейчас сплю не более 5-6 часов, иногда 3,5).

21 ноября. Ездили в консульство Нидерландов с Наташей. Ак[адемический] вод[итель] дал понять, что он раньше работал в ГБ, будучи шофером атташе.

Вызовов нет. Консул ждал в пятницу на улице 1,5 часа, сказал, что не замерз. Смешной, нахохленный, очень доброжелательный. Говорили по-немецки. Обещал позвонить, когда будут вызовы.

Был в Метрополе. Ал-Италия только в понедельник.

Регине звонила Люся, приедет в среду. Ура!

Маша [Подъяпольская] советовалась, Т.О[сипова] предлагает ей объявить адрес ее квартиры для Хельсинских нужд.

Подрабинек был по делу Рождествова. Суд в среду в Калуге. Сказал в АР [Агентство «Рейтер»]. Они еще не отослали письмо Мини.

Пошел к Мейману.

22 ноября. Не выходил из дома. Не ездил на семинар. Целый день — до 3 ч. ночи — писал и печатал Обр[ащение] для Белграда.

Был Мейман, его в пятницу вызывают в ГБ.

Обращение вышло на 5 стр.

Пришла телеграмма от нач. лагеря, где Джемилев. Здоров, трудоустроен.

23 ноября. Утром с Алешей убирались по дому. Кончил обращение.

В 16.15 с Наташей, Алешей и Олей поехали встречать Люсю. Видели ее в таможне со спины.

Таня, провожая с Ремой и детьми ее в Риме, очень плакала. Мотя пролез за кордон, со злостью сказал: «Я же просил тебя вместе с нами хоть ненадолго поехать в английскую страну».

Я приехала — на кухне мама, Фаня, Маша [Подъяпольская], Слепак (Маша), В. Ф. В нашей комнате Ме́йман со Слепаком обсуждают документ к Белграду — меня втянули прочесть и подписывать сразу после чая. Была Таня Великанова.

Говорили — Мама, я, Наталья и Андрей — до 4-х утра.

Алеша и Оля ушли даже необласканные — демократы в это время заставили обсуждать.

24 ноября. Амнистия в Югославии.

Прозвонилась на одну фразу Нина [Харкевич].

У мамы два вызова, пришли почтой. У Алеши ни одного.

Обсуждали письмо в АФТ—КПП²⁷⁵.

Не печатали, никого не было, но телефон без конца.

²⁷⁵ Конгресс профсоюзов США, его президент Джордж Мини.

Андрей проводил Наташу с Мейманом, продолж. там обсуждение.

Пр.-конф. на понедельник. Тут глупости Вали Турчина с Эмн[ести] — Владимов²⁷⁶ и какая-то беззотв. с Таней Осиповой у П. Г.

Т. О[сипова] сказала — по свед. из США — сколько-то сенаторов хотели менять Орлова, Гинзбурга и Щафанского, но СССР отказался в грубой форме.

Была у Кати [внучки]. Алеша грустный. Оля больна.

В 24 час. мое интервью «Голосу Америки». Андрей им очень доволен.

Пока Люся ездила к Кате, писал I вариант для Мини. 25 ноября. Телеграмма Тито передана сыну [корреспондента] «Борба», Сету Майдану — «АП», Крису Кетлину — «Рейтер», «ANSA», «Франс-пресс», Николаусу.

Президенту Югославии Иосипу Броз Тито

Приветствуем амнистию политических заключенных в Югославии, насколько нам известно, первую в истории стран социалистического лагеря, надеемся,

²⁷⁶ Турчин, который был председателем московской секции Эмнести, когда эмигрировал, по-домашнему, на словах передал свою должность Владимову — без выборов. Кто-то из членов секции высказал свое недовольство этим, что в свою очередь вызвало обиду Владимова.

что этот гуманный и мудрый шаг Югославского правительства послужит примером для правительств других стран. Всемирная политическая амнистия узников совести оздоровит политический климат во всем мире и будет способствовать сохранению мира на нашей планете.

С уважением

Елена Боннэр-Сахарова (Алиханова),
Андрей Сахаров

25 ноября 1977 г.

Этот документ я подписала двойной фамилией Боннэр-Алиханова. Я хорошо помнила, как Тито часто приходил к нам в гости, и они с папой часами сражались за шахматной доской. И мне хотелось таким образом напомнить ему о папе. Никакой реакции (от Тито) на нашу телеграмму не было. «Свобода» и «Голос Америки» текст зачитали, но западная пресса ее, кажется, не заметила. Ездили к Тольцу. Я рассказала о свидании с фрау Леман и фирмой Инторг²⁷⁷. Андрей дописывал к АФТ—КПП Звонил Копелев. Хвалил за интервью²⁷⁸.

²⁷⁷ Фрау Леман, которая совершила наезд на Тольца, и фирма, где она служит — ответчики по делу Тольца.

²⁷⁸ Перед отъездом из Флоренции я дала большое интервью «Голосу Америки», в котором впервые употребила термин «Идеология защиты прав человека».

Читаю дневник. Мне многое непонятно — уже оторвалась. Теперь склеиваемся снова.

В «Новом времени» снова ругают Андрея (к слушанию).²⁷⁹

Слушание открылось. Кажется хорошо.

Ездили к Тольцу.

26 ноября. С самого утра до 6 вечера Андр. передывал к АФТ—КПП.

Звонила Белка [Коваль] — Эдику [Кузнецову] решили свидание со мной.

Я ездила с Верой и Алешей в таможеню, багаж не пришел еще.

Не поехал на уборку Юриной квартиры: писал 2-й вариант для Мини.

Был у Юры, сестра сказала, что Ефим Аронович [лечащий врач] разрешил разговаривать в кабинете зав. отделением. Все время Юра рассказывал о своих болезнях.

27 ноября. Документ сделан. Печатали с утра.

Был Слава из Л-да [И.П. Лапин].

Была Юлка. Караванскому и Строкатоу пришел вызов.

Вечером были на Вернадского — день рожд. Люды. Катя очень милая. Играли все в «Полярюид».

Говорили об Алешке. Все очень неясно, и ни у кого нет четких представлений.

²⁷⁹ Сахаровские слушания по правам человека в Риме.

Вечером печатали текст вступит. выступл. и обр. к Тито, которое очень долго искали с большим криком. Потом Люся до 4 ч. ночи читала дневник.

■ Меня поразило, как трудно жилось всем моим, особенно Андрею, без меня, и как путано это отразилось в дневнике. Тогда же поняла (с тревогой), что без меня у Андрея теряются не только бумаги или очки, не только не хватает времени для сна, но теряется и чувство возможности благополучия не только в мире, но (что важней) в самом себе. И удивительно как-то все плохо совпало без меня. И самоубийство Виталия, и плохое состояние Юры, и исключение из института Алешки. Да еще и этот ремонт в доме. ■

28 ноября. Консулу передали Обр[ащение] для Мини. Была пр.-конф у Наума Нат. [Меймана]. Белгр. документ. Была всякая ругань по поводу демонстр[ации]. Были у консула — документы Эду [Клайну] об Алешке. Были в ОВИРе — заявление о поездке не взяли, как не частное. Слушание прошло, кажется, хорошо. П. Г. сказал о двух группах — Сквирский, Альбрехт. Вот ужас-то.

Ругань — это после того, как П. Г. написал для обсуждения письмо в Моссовет — не мешать демонстр. 10 дек. Он считает, что традиция демонстрации — дорого достигнутое завоевание, что ее идея — память жертв террора.

Я сказал, и почти все меня поддержали, что хорошо, что можно тихо покончить с этой «традицией», а что быть

инициатором демонстрации в новый день я не хочу, что это опасно для людей [неразборчиво]. Коррам я сказал просто, что 5-го не пойду.

Радио из всего Белградского обр. поддерживает критику крупных Западных держав. *Что я и говорила — реферат им не нужен.*

29 ноября. Андрей был в ФИАНе.

Пришла невестка Наричицы — не того, что сидит, а другого сына — психиатра. Говорит, что хочет ее муж нам помогать (в чем неясно). Я ее погнала.

Вечером Маша [Подъяпольская], В. Ф. и Володя Рубцов. Ездили прощаться с Григоренками. Сплошная муть. У Андрея с П. Г. был разговор вдвоем. Андрей послал телегр. Юре Меклеру²⁸⁰.

П. Г. опять говорил о демонстрации. Он считает, что она необходима молодежи и всем, кто не может словом сам выразить свои чувства, что это достижение, которого добились ценой жертв, и нельзя его отдавать. Он считает, что жертвы неизбежны в дем. движении, просил меня не высказываться, не мешать. Я отказался, сказал, что я считаю демонстр. ненужной, жертвы, которые она повлечет, — лишними и немалыми, и сказал, что я не могу дать ему никаких обещаний.

30 ноября. Уехал П. Г., оставив заявл. в Моссовет, которое подписали 15 человек.

²⁸⁰ О вызове Алеше.

Утром позвонил Комс, я поехал в посольство и получил частное приглашение²⁸¹ — телеграмму Мини (потом оно пришло и домой). Потом я поехал к Зотову [в ОВИР], тот дал мне множество анкет, требовал, чтобы было 6 фото, разрешение от жены, завизированное в домоуправл. Характеристика с места работы.

Вечером я ездил в Новогиреево, и Татьяна Леонидовна подписала мне 2 варианта разрешения²⁸². Она была больна, я час гулял, пока она спала.

Днем я получил деньги в Управлении Внешних сношений АН, узнал, что они звонили Басову²⁸³ о моей характеристике. Я позвонил Басову, тот поручил Никольскому²⁸⁴.

Вечером по радио слушали заявление П. Г., что советская власть проявила к нему гуманность.

1 декабря. Люся была у Копелевых — у Левы идея, чтобы я поговорил с Леонтовичем, и тот устроит Алешу в Инст[итут] а[томной] энергии научн. сотрудником на броню (и секретность, добавила Люся, покрутив пальцем около лба).

На таможне Люся забрала себе трофей — бумажку, как при появлении «получательницы» вызывать специалистов по шмону и из какой-то службы ОКПП.

²⁸¹ Приглашение принять участие в Конгрессе Американских профсоюзов.

²⁸² Квартира в Новогиреево принадлежала мне, я была там прописана и все формальные документы должна была получать там.

²⁸³ Академик, директор ФИАНа.

²⁸⁴ Заместитель директора ФИАНа.

Я в это время печатал одним пальцем 8 страниц х 2 анкет, потом поехал на почту, отправил 3 заказных письма. Еще до этого звонил Никольский, сказал, что целый день шли согласования моей характеристики, что он звонил Зотову и что Президиум АН СССР вынес решение мне характеристики не давать, т. к. я имел отношение к секретным работам. Я рассказал всю эпопею коррам 3-х агентств, уже в 12 ночи она была на радио.

Люся приехала с вещами поздно, т. к. у нее было недоразумение с акад. шофером — тот уехал²⁸⁵.

Был Мейман, ел чай с медом, обсуждали разные вопросы, в том числе о демонстрации, о дилемме Подрабиника. Показали ему выступление на [текст для Конгресса АФТ—КПП].

2 декабря. Ездил в ФИАН, простыл, да еще зуб болит (точнее, десна). Доклад об алгебраической технике получения всех экстантонов [надо инстантонов] (Манин и евр. парень, который докладывал). Мало что понял, но впечатляет.

Вечером и днем писал и обсуждал с Люсей 200 слов для «Ньюс-Вик», получилось почти 300 — цельнотянуто из Люсиного интервью.

Все эти дни мы и Таня с Ремой пытаемся созвониться. Это уже пытка, что будет, когда они уедут в Штаты.

²⁸⁵ Пока я выполняла все формальности по получению багажа, водителю какой-то сотрудник таможни (КГБ) передал якобы мою просьбу не ждать меня.

Рема говорил с Зорей (назвал дату выезда 8 дек.),
Таня — с Юлой.

Звонил Мейман, его на понедельник вызывают [на
допрос], он отказался.

3 декабря. Утром приехал Игорь [Гессе]. Паника Ната-
ши была напрасной²⁸⁶.

Печатали с Люсей для «Ньюс-Вик».

Ездил к Юре, он не хочет 2-ой группы [инвалидности],
чтобы сохранить возможность «научной работы».

В метро встретил Зорю. Оказывается, Рема ей назвал
не только дату выезда²⁸⁷ (8 дек.), но и сказал, что ме-
роприятие прошло хорошо, что он трудится над оформ-
лением и постарается выслать²⁸⁸.

Вечером в гостях Юра Ших. с Алей.

Р. Г. поехала к Юле в надежде услышать детей, но им
не дали.

Люся звонила в гост. «Виктория», якобы, номер 305
не отвечает, а с портье нельзя говорить, т. к. он не имеет
права по их правилам.

Люся звонила в «АНСА» — Риччи, тот, вроде, все понял
по-итальянски, но потом его, по-видимому намеренно,
сбил переводчик. Когда я позвонил ему, он сказал, что
Риччи молодой и ничего не понял по-русски. Опять ГБ?

²⁸⁶ Н. Гессе волновалась, что ее сын И. Гессе долго не
получает вызов.

²⁸⁷ Дата вылета из Италии в США.

²⁸⁸ Документы Римских слушаний.

4 декабря. Воскресенье. Утром, пока мы были в постели, молодой рассыльный принес письмо из MIT²⁸⁹ с пригл. Алеше и межд. телеграмму. Я расписался в книге (кажется, за телеграмму из Стокгольма) и на карточке письма. У меня не работала ручка, Люся что-то говорила, посыльный стоял за дверью, я заторопился и в рез[ультате] за-был взять телеграмму.

Днем Люба, Саша и я работали в Юриной комнате — до 18 часов.

Вечером Люся, Р. Г. и я писали письмо [детям].

5 декабря. День чудес.

Утром — у Клиффорда Г[росса]. Сообщил, что Меклер выслал общий вызов, который будет в голл. пос. через 2-3 недели. Что Визнер²⁹⁰ сообщает о гарантиях для Алеши (оконч. ученья и пост. град.).

■ Все это оказалось болтовней. Когда Алеша прилетел в США, в MIT (Массачусетский Технологический Институт) ему сказали, что он опоздал к зачислению. Потом устроили ему собеседование почему-то с двумя учеными — стажерами из СССР (кого в те годы, кроме сотрудничавших с КГБ, посылали на стажировку в США?) и отказали в приеме. ■

Смит задал вопрос, что госдепарт. должен делать с текстом моего выступл. Я удивился, сказал — срочно передать Мини и рук[оводству] съезда для оглашения на съез-

²⁸⁹ Массачусетский Технологический Институт.

²⁹⁰ Джером Визнер, физик, Президент MIT.

де с правом публикации в прессе. Я очень хочу широкой и полной публикации. Смит все это записал.

Через неск. часов Алеша получил вызовы в двух экз. Представитель Мини говорил со мной по телефону. Я повторил то же, что Смиуту. На вопрос, чем помочь в отн. выезда, сказал: используя влияние АФТ—КПП, через госдепартамент и через прессу²⁹¹. Спросили, где я хочу побывать (ответ: Бостон, Принстон, Стенфорд), с кем встретиться из ученых (ответ: Фешбах, Вейскопф, Дрелл, Лоу).

В 5 часов был Фред Коллман, я отдал ему заявление в «N. Wick»²⁹².

В 6 часов были Подрабинек, Борисов, Таня Осипова. А. Подр. принес свое заявление-ответ с отказом подд. шантажу. Завтра пресс-конф.

■ КГБ хотел, чтобы братья Подрабинек эмигрировали. Саша Подрабинек этого категорически не хотел. Так как Андрей и я всегда считали (и в этом случае тоже), что лучше уезжать, чем садиться, то Саша стал относиться к нам резко негативно. Кажется, это отношение ко мне он сохранил до сих пор (пишу в 2004 году). ■

Был Дима. Получил купл[енные] Люсей в Италии подарки. Немного поговорил с ним о ТФКП [теории функций комплексного переменного].

²⁹¹ Речь шла тогда о краткосрочной поездке в США для участия в Конгрессе Производственных Профсоюзов.

²⁹² «Newsweek».

Вечером послали телеграмму Юре [Меклеру] и были долго в гостях у Лидии Корнеевны. В это время Р. Г. не соединили с комнатой в гост[инице].

В 3 часа ночи Люся говорила с Таней, неск. слов я — 3-ье чудо. Таня и Рема были на прощ. вечере у Лии [Вайнштейн], а дети одни спали в номере. Рема и Таня похудели на Хиринге [Слушаниях], все довольны, кроме самых требовательных — Ремы и Марио[Корти]²⁹³. 8-го в 11 дня итал. [времени] за ними приедет машина.

Аня часто говорит: «Баба Леля вчера скоро приедет». 6 декабря. Утром пресс-конференция.

Заявл. Алекс. [Подрабинека] — вчерашнее, но в конце оговорка, что, если Кирилл будет вынужден его попросить, он, возможно, переменит свое решение. Было также заявл. Пинхоса Абрамовича Подрабинека, тоже против заложничества.

Таня Великанова сказала неск. слов на эту тему.

Была перепалка о демонстрации. *Я каюсь, что в ней участвовала.*

В ФИАНе доклад Полякова о хромодинамике. Источник предст. 3 дает беск. энергию, а предст. 8 — конечную энергию.

Вечером у нас были Настя, Маша [Подъяпольские], В. Ф. и Мейман.

²⁹³ Марио Корти был председателем Оргкомитета Слушаний в Риме.

Рассказ Меймана о Якове Борис. [Зельдовиче.] в п-ке — «Излечите его (Меймана) от хитрости и глупости», — громко сказал Я. Б. д-ру Эстеркину.

Заявление о демонстр. подписали 15 чел. в числе: «банда» Сквирского, Григоренко, Т. Осипова, Ира Орлова, Арина Гинзбург. Полный бедлам в диссидентстве.

7 декабря. Сегодня у Люси был разговор с Алешей²⁹⁴ об их отношениях с Олей.

8 декабря. Сегодня дети должны были перелететь через Атл. океан. В 7 по римскому они пост[упят] в расп. ХИАС (автобус), в 13 по римск. вылет, в 16 по нью-йоркск. — приземление.

Сегодня Алеша вновь пришел к Люсе. Он сказал, что сегодня он все скажет Оле. Я ездил на Вернадского, дежурил 3,5—4 часа на лестнице. 0,5 часа был у Толи и Люды, которым Люся все сказала, боясь за Олю и Алешу.

В 10 часов Алеша пошел звонить маме, увидел меня и позвал наверх поужинать. Оля, опухшая, бледная и спокойная. Она накормила меня яичницей и дала передачу для Люси, Р. Г. (пирожное, [неразборчиво], хлеб).

Алеша провожал меня до такси и сказал, что он говорил с Олей. Алеша более спокойный, чем вчера и утром

²⁹⁴ Алеша сказал мне, что он уходит от Оли.

во время разговора с Люсей. Поцеловал меня у такси, улыбнулся.

Утром я ходил в пасп. стол с заявл. Р. Г. (просьба прописать меня и Люсю на Чкалова). Майор Ромашкин просил меня зайти завтра в 10 ч. к начальнику.

9 декабря. У Галицкого (нач. 70 о/м я получил форм[альный] отказ (ссылка на правила прописки в гор. Москве) и совет — обратиться в центр. пасп. бюро — Ленинградский просп., 16.

Был Алеша, не в таком безумном сост. Оля едет, хочет ехать с ним. Вечером она пошла на беседу с отцом за разрешением. (Люся сказала — Солдат!).

В ФИАНе доклад Ефимова, который дал оценку сверху и снизу энергии вакуума и матричных элементов в теории ϕ^4 , исходя из корректной записи континуального интеграла — для конечного объема, эвклидовой формулировки, нелокального обрезания (?) пропагатора (корня из него).

Ничего не знаем, долетели ли дети. Люся звонила в контору Валерия [Чалидзе], женщина там ничего не знает, обещала позвонить Е. Kline.

По радио и по телетайпу о детях ничего нет. В сообщ. о съезде КПП—АФТ — речь Мини, но ничего о моем выступлении.

Григоренко сделали операцию.

Звонил Саша Л[авут]. М. Джемилев в Ташкенте имел свидание.

Была Зарина, у просвитера З допроса в неделю, шантаж и угрозы.

10 декабря. В три ночи говорила с Эдом [Клайном], в половине пятого с Таней и Ремой. Они в Бостоне у М. Фриман.

Алеша позвонил и позвал к себе. Толя [отец Оли] ехать не разрешает.

Были домашние аресты²⁹⁵ — 20 чел. Заявление Андрея [о задержанных на демонстрации].

У детей все очень смутно. Оля говорила с отцом — не разрешает. Я долго говорила с Олей, пока Алеша ходил к Анат. Львовичу. В Оле меня напугало: «я никогда ни в чем не каюсь», говорит — «мы оба были несчастливы». Алеше сказала, что жалко, что он сказал ей не весной — у нее тогда, по ее словам, был роман — не знаю поза или правда. Но очень ее жалко.

Алешке [Анат. Львович] тоже сказал нечто вроде — пойдешь послужи три года, а мы пока ей найдем что-либо получше.

Ехала домой с Алешкой — разговор в такси — два дня Оля была хорошей, а сейчас вроде как снова. Что — не сказал.

11 декабря. Воскрес. До 6 — работы на Усиевича [убирали дико запущенную квартиру Юры перед его выпиской из больницы]. Принес в сумке фотоальбомы Софиано

²⁹⁵ Людей, о которых КГБ могло предположить, что они примут участие в демонстрации у памятника Пушкину, до вечера не выпускали из дома.

(бабушки и мамы), в том числе мамину карточку, она в белом платье, ей 15—16 лет, и дедушка с бабушкой на даче. Тот же Бетховен, что у мамы, Руфь Григорьевны. Много старых писем (папе от Тани, от мамы, о Груне и др.)

■ *Старые письма времен начала XX века и I-ой Мировой войны от Татьяны Ивановны Якушкиной (ур. Сахаровой), старшей сестры Дмитрия Ивановича и того же времени от его мамы. В них Мария Петровна упоминает о Груне (первая любовь и, кажется, невеста Д. И., фамилии ее не знаю). По рассказам двоюродной сестры Андрея Екатерины Ивановны, ее очень любила Мария Петровна. Может, это было одной из причин того, что отношения с Екатериной Алексеевной (мамой Андрея) не сложились и оставались холодными на протяжении всей жизни Марии Петровны.* ■

В 21 разговаривали с Таней и Ремой. Они у Марг. Freeman, в Нью-Йорке их встретил Клайн, предложил на выбор — или в гост., или в Бостон. Таня выбрала последнее, и Kline их отвез на другой аэродром, в сам[олете] дети плакали, потом заснули, и их вынесли на руках. Рядом стоял Тувин. В Бостоне снег. С Ремой также говорили о пропавшем моем выступлении (частично содерж. этой информ. еще относится к предыд. разговору).

12 декабря. Утром в 7 разбудил сумасш. Бобков, потом Зарина.

Заказал в Метрополе билеты на троих на вечер 15-го²⁹⁶, оплатил Кетчерскую квартиру до февр. вкл.

Информация — Петю Винса 8-го сняли с поезда, избили, дали 15 суток, не дают теплой одежды, объявил голодовку. Обыски у Руденко Р. и у Лукьяненко (Чернигов). (Записала Р. Г.)

Проводил Алешу в Л. (13 ч. 47) [В Ленинград].

Вечером в гостях у Копелевых.

Ночью — разговор об Алеше и Оле.

Пришло письмо от Стуса о судьбе и обст[оятельствах] смерти монаха М. В. Ершова (40 лет по лагерям).

13 декабря. Передал в Асс. Пресс (Кенту), Рейтер (Крису), ДПА (Николаусу) информацию о Винсе и о Джемилеве.

В ФИАНе. Доклад Киржница о тритоне (проблема 3-х тел в приближении слабой связи с мелкой глубокой ямой, описываемой краевым условием). Доклад о прим. хромодинамики к проблемам физ. выс. энергий.

Дома были по случаю вторника — Маша [Подъяпольская], В. Ф., Айхенвальды (Юра принес своего Остужева²⁹⁷), Твердохлебовы.

За продуктами ездили вместе с Люсей.

Пришла телеграмма из лагеря от начальника Сатаева: общего свидания с Кузнецовым администрация не может предоставить²⁹⁸.

²⁹⁶ Жел.дор. билеты для поездки на свидание с Э. Кузнецовым.

²⁹⁷ Книга Ю. Айхенвальда «Остужев».

²⁹⁸ Но, так как за две недели до этого пришло разрешение мне на свидание, мы решили ехать.

14 декабря. Сидел дома, только раз вышел в парикмахерскую.

Р. Г. получила пенсию и запл[атила] за квартиру.

Утром был Корчак с женой. Объяснял, почему он отошел от Хельс. группы. У него был допрос о Гинзбурге.

15 декабря. Вечером перед отъездом на вокзал во время ужина включил Алеша «Свободу». И первое, что сказал диктор — умер Галич. Мы все четверо как остолбенели. Этого не может быть, ошибка какая-то. Но сразу голос Володи Максимова. Да. Да, этот ужас — правда, и что-то непонятное об обстоятельствах гибели. Несчастный случай? Убийство?

Вспомнилось сразу, что мама Саши в канун Нового 1977 г., кажется, 30 дек. пришла с этой ужасной запиской, которую ей подсунули в почтовый ящик²⁹⁹.

И с этой ужасной и невозможно-невероятной новостью нам пора на поезд — ехать! 15 декабря (четверг).

Утром визит корр. «Стампа» Цепелли. Обычные вопросы — аресты, эмиграция дисс[иденто]в не означает ли,

²⁹⁹ Мама А. Галича нашла в своем почтовом ящике записку, в которой была одна фраза: «Принято решение убить вашего сына Александра». Мы тогда ее успокаивали как могли.

что движ. за права человека разгромлено. Отвечали вдвоем. 1) Не надо преувел. колич. фактор. 2) Движение — не партия, да и само слово движ. не очень удачно. 3) Межд. события показывают победу идеологии прав чел. (Картер, Хартия, Польша, Европа, амнистия в Югославии, присужд. Ноб. премии Эмнисти). 4) Един[ство] движ[ения] за права человека в СССР и стр[анах] Вост. [Европы] сформировалось.

Вечером звонил Любе, но попал на Диму. У него, кажется, плохо с ТФКП³⁰⁰.

В 24.10 поездом «Узбекистан» выехали в Потьму³⁰¹.
16 декабря (пятница).

Втроем приехали в Сосновку³⁰² (7.30 — на Потьме, около 9.30 — в Сосновке). Прапорщица Галя принесла устный отказ на поданные нами 3 заявления на длительное или краткосрочное свидание с Эдиком.

■ *После отмены смертного приговора я в 1971 году сделала еще две или три передачи Эдику в ленинградскую тюрьму, где его задерживали, так как он проходил свидетелем по следующему ленин-*

³⁰⁰ Теория функций комплексного переменного.

³⁰¹ Потьма — железнодорожная станция, от которой идет местная ж.д. ветка по Дубровлагу.

³⁰² Сосновка — поселок, в котором находятся два лагеря: 7 лагпункт — уголовный лагерь строгого режима и лагерь особого режима (без номера).

градскому процессу. Этот второй процесс мы называли «околосо самолетным», и мне вновь выпало его «информационное обеспечение» (так это называл Буковский, но сам он к этому времени уже был арестован). Тогда Андрей уже жил в нашем доме, и он пишет об этом в «Воспоминаниях») Весной 1971 года Эдика отправили в лагерь особого режима в Мордовию. Мне удалось, благодаря старым медицинским связям, устроить его мать в хороший (что в СССР было редко) дом для престарелых, где она была вполне благополучна. Я несколько раз была на свидании у Кузнецова в лагере. Всегда ездила с кем-нибудь — дважды с Виктором Хаустовым, один раз с Бэлой, один раз с евреем-отказником Виктором Яхотом, один раз с моим зятем Ефремом Янкелевичем. Все годы Кузнецова в лагере с весны 1971 я писала ему письма (и у меня сохранились более 50 его лагерных писем), посылала посылки и бандероли, пока было можно — книги, и вела в связи с разными конфликтными ситуациями переписку с администрацией лагеря. В 1977 г. я собиралась ехать с сыном. Свидание было разрешено, потом пришла телеграмма, что разрешение отменяется. Тогда я решила взять с собой еще и Андрея, со слабой надеждой, что его присутствие поможет в получении свидания. Но свидания (как будет видно из последующих записей) не дали. ■

Пошли в штаб к и/о нач. колонии майору Сергушину. Он сказал, что длител. свидание положено по закону только близким родств., а краткосрочное — может быть предоставлено не родственникам лишь в случае, если администрация сочтет это целесообразным.

В 18 часов послал телеграмму нач. лагеря в Явас³⁰³ и копию в ГУИТУ (Малая Бронная, Москва). Просил отменить необоснованное решение.

Ходили гулять по поселку. Со всех сторон — серые заборы зон, колючая проволока, вышки, над зонами рядами горят многочисленные желтоватые огни, кое-где — прожектора.

Очень тихо, поселок утопает в снегу, лишь иногда слышен лай служебных собак.

Вечером к нам в номер зашли два офицера МВД, нач[альники] отрядов в 7-ой зоне (видимо, из любопытства). Они спрашивали о цели нашей поездки. Принесли ИТК, и оттуда мы списали номера и тексты статей (26 и 65), которые нарушил своим решением Сергушин. Оба офицера — полупьяные, говорили, как трудна их работа. Жутковатые рассказы, особенно у более «мелкого» по комплекции, видимо, трусливого и жестокого из-за трусости. Суть одного его рассказа: заключ. 52 лет отказывается от работы, ссылаясь на радикулит (работа — разгрузка угля на улице). Он, сам фельдшер по образо-

³⁰³ Явас — поселок, в котором находится Управление Дубровлага (в просторечии мордовские лагеря).

ванию, направляет з/к к врачу. Тот пишет — пояснично-крестцовый радикулит, работать может. Тем не менее, з/к не работает. Совет отряда (состоящий из привил. з/к) требует, якобы, его наказания, и нач. отряда пишет докладную нач. колонии о помещении больного радикулитом з/к в ШИЗО. З/к плачет, нач. отряда проводит с ним «воспитательную работу» — говорит о том, что нельзя есть даром народный хлеб. Рассказы другого нач. отряда не столь саморазоблачающие (он также немного «осаживает» своего партнера). Один из его рассказов — молодой з/к проиграл в карты 1200 р. От лагерных осведомителей об этом узнает начальник. З/к просит спрятать его в ШИЗО на полгода, но нач. добивается отсрочки платежа ценой каких-то льгот кредиторам, а з/к работает за троих. Другой — он добивается 2 ч. свидания для женщины, у которой перед свиданием обнаружили деньги для передачи з/к.

Данные об амнистии в 7 зоне (7-ой лагпункт — самый большой в Сосновке), сообщ[енные] этими офицерами. Всего з/к 1500 чел. (по другим данным — 1800). Под амнистию подпадает 200 чел, но лишь 160 из них рекомендует администрация. (Через неск. дней расконвоированные рассказали нам, что комиссия из Москвы из числа 30 з/к, рекомендованных администрацией, в 1-ый день работы комиссии — утвердила лишь 9 человек, остальные 21 человек отправлены обратно в зону. Т. е. окончательно — лишь 3,5% общего числа заключенных!) Освобождение по амнистии произойдет лишь в феврале!

Алеша упрекал меня и Люсю за недостаточно решительный тон разговора с офицерами.

17 декабря (суббота).

Мы провели эту ночь (и все следующие) в комнате № 13 общежития учреждения ЖХ-385. Это душная и холодная комната (отопление не работает, форточки не раскрываются). Вид из окна — на производственную зону 7 лагпункта — серый забор, желтоватые фонари, колючая проволока, вышки. Вечером 17—20 в Сосновке несколько часов не было электроэнергии. В темноте взлетали осветительные ракеты, спустили собак, и они громко лаяли. Дежурная общежития закрыла на ключ входную дверь. В час ночи с отдаленной зоны донеслись какие-то крики.

Утром 17-го я пошел к Сергушину с заявлением, но в штабе никто не работал. А в это время пришел лейтенант и сообщил, что мои телеграммы получены, и действия Сергушина признаны правильными.

Поздно вечером удалось поговорить с Руфь Григорьевной, сообщить о наших делах и планах, попросить ее связаться с Слепаком или Мейманом для передачи коррам — что нам не дали свидания, что нарушены ст. ИТК 26 и 65 и, что нам не дали возможности сделать передачу, т. к. Залмансоны уже прислали посылку. Смотрели кино «Зовите меня Роберт».

18 декабря. Воскресенье.

В магазине не было сахара и масла. Мы пошли в столовую, надеясь купить там кусочки, даваемые к чаю. За

столиком сидел некто в дубленке, который спросил нас, в чем дело. Мы объяснили, и он тут же по телефону позвонил в магазин. «Почему не обслужили клиента? Немедленно обслужите». Этот некто (с красным лицом, слегка пьяный), видимо, был директор. Мы получили все желаемое.

Смотрели кино «Преждевременный человек».

19 декабря. Понедельник. Прогулка 2 часа в лес — зоны Мордовии, вышки, завод. Федор Ионович — мордвин в бывшем лесничестве. Колхоза нет. Неск. домов, постр. самими жителями, живут одни старики, в каждом доме корова, 1 телка или теленок, 1—2 овцы, огород, у некоторых фруктовый садик. Хлеб покупают в Пионерском³⁰⁴. Два сына погибли на войне, один сын и дочь уехали в город, 45 р. пенсии. Рука изур. на войне, догнал, предложил выпить мордовской браги.

В коридоре — разговор с мастером, ранее принесшим нам «Огонек», с дет[ективным] рассказом об инакомысл. Сначала он спросил, не знаю ли я такую деревушку... (назв. города, где расположен объект). Я сказал, что не знаю. В дальн. выяснилось, что он меня «где-то» видел. Потом у него был конфликт с начальством (с Кириленко, когда тот был секр. обкома в Перми или Челябинске — (проверить!) Сейчас он мастер на телевизионном заводе в Горьком, сюда приезжает регулярно по делам произв. корпусов для телевизоров. 600—800 рабочих

³⁰⁴ Железнодорожная станция и поселок, соседний с Сосновкой.

в 7-ой зоне делают окраску корпусов полиэфирным лаком, причем делают меньше и много хуже, чем 200 старух-глухонемых из инвалидной артели в Горьком. На другой день мастер принес хрустальные подвески — образец работы из отряда Эдика.

■ *Андрей путает. Подвески Алеша то ли выменял на сигареты у охранника, с которым тайно общался в уборной, то ли получил от него в подарок. Заключение полифовали их без защитных приспособлений и глотали стеклянную пыль. На этой работе у многих развивались хронические заболевания органов дыхания. Теперь эти подвески в числе других экспонатов, отражающих лагерный быт, переданы мной в Музей Сахарова.* ■

20 декабря. Поездка в Явас.

Разговор в вагоне со стариком, у которого в Москве погиб сын.

В Явасе нас принял зам. нач. Дубровлага полк. Сучков — худой, подвижный, почти инт[еллигент] по виду (нач. не было). Я подал письм[енное] заявление: 16-го мы приехали. Отказано в свидании без указания причин. Люся записана в деле и многократно приезжала. Ст. 26 разрешает краткоср. свидание другим лицам, кроме родственников. Прошу дать указание о решении вопроса в соотв. с законом. Сучков приводил аргументы в пользу решения администрации, но не давал прямого отказа, сказал, что ответ будет завтра. В пром[товарном] магазине Яваса купили радиоприемник ВЭФ.

■ Сделать эту покупку оказалось непросто. Вначале нам сказали, что приемников нет. Потом Алеша, предварительно выслав нас из магазина «погулять», довольно долго беседовал с барышней-продавщицей. И в результате вышел из магазина с приемником. Типичная история для периода всеобщего дефицита, когда товар в магазине имеется только по блату или (редко) из симпатии, как в данном случае. ■

Слышали сообщение Зоры Сафир, со ссылкой на Меймана, о том, что нам отказано в свидании, мы ждем «до получения объяснения», передача якобы разрешена, напоминание о том, кто такой Кузнецов.

10 тыс. п/з в Индонезии освобождено.

Вечером 19-го смотрели двухсерийный детектив «Мертвый сезон» — о славных советских разведчиках. После кино в «Ленинской комнате» шепотом разговор [зачеркнуто имя]. Это бывший надзиратель 6-го отряда, погорел из-за уголовника — зека Теплякова (?), чуть не сняли погоны, чуть не попал в тюрьму, пропала его мечта о политшколе. Сейчас в 7 зоне. Он говорит, что начальство (КГБ, все решающее на особом режиме) не хочет контакта Эдика с Люсей. Сказал, что Алика Мурженко 19-го утром увезли в Барашево³⁰⁵, в больницу.

³⁰⁵ В поселке Барашево (конечный пункт лагерной железнодорожной ветки) находится больница Дубровлага.

[Из письма в США детям и внукам]

Дорогие Мотинька и Аничка! Мы сейчас живем не в Москве. Место, где мы сейчас, называется Сосновка. Кругом тут лес, а на снежных дорогах, по которым мы тут бродили, нам несколько раз встречались лошади, запряженные в сани. Чаще всего сани нагружены дровами, а однажды мы видели на санях лук и картошку, и хоть это были не очень-то хорошие лук и картошка, но мы порадовались, что их везут туда, где сейчас находится Эдик — это дядя Эдик, мой друг, навестить которого мы приехали в это невеселое место, так как он не может отсюда уехать. Однажды ночью тут было совсем темно, потому что сломалась электростанция. Тогда пускали ракеты, это было красиво, но очень сильно лаяли собаки, так что было страшно. И вообще было так тревожно, что я не пустила на улицу моего большого сына Алешу. Но было у нас тут и одно радостное событие. Рабочие чинили дом, где мы живем. Они разобрали пол и в щель, когда они уходили обедать, залезли две кошки. Они — рабочие — не знали этого. Пришли после обеда и снова прибили все доски. А кошки уже поняли, что им не вылезти и очень мяукали. Рабочие были не очень добрые, они не захотели снова ломать и чинить пол. Но когда они ушли, твой дядя Алеша взял их молоток, гвозди и другие инструменты.

Мы закрыли дверь нашей комнаты, чтобы другие недобрые люди ничего не увидели. Алеша разобрал пол, но кошки не знали, что мы добрые и боялись выходить. Тогда дидя Адя и я взяли колбасу, чтобы их приманить, а Алеша стал их вытаскивать и вытащил. И хотя одна кошка Алешу поцарапала, мы были очень рады. Больше мы пока никого не спасли, но мы будем стараться. А ты, Мотинька, учись скорей читать и писать, и мы будем писать друг другу письма. Твоя подружка Машенька шлет тебе привет, и дидя Адя, и баба Руфа, и дядя Алеша, и все все наши друзья. А я крепко целую Аничку и тебя. Твоя баба Леля.

20 декабря 1977.

Дорогие мои, родные! <...> За полчаса до отъезда из дома мы узнали о смерти Саши Галича, и так и живем под убийственным впечатлением этой утраты, а только что по радио услышали, что смерть — ее причина — такая нелепая, неожиданно невероятно трагическая. Ничего, ничего подобного я не ожидала, когда прощалась с ним в Риме. Потом в Москве передавала дочери Нюши зонтик и эту последнюю фотографию в холле гостиницы — там такой галичевский Галич с чуть вздернутой головой, актерской и человеческой обаятельностью. Такой он,

что поверить ну никак невозможно. И бедная Нюшка, бедная его мама. <...> Ах Саша. Саша. Глупость невероятная и такой конец. А мы все время говорим Галичем. То «провокола колючая», то «Басана-то Басана», то еще что-нибудь. Как невозможно представить нашу речь без него, так невозможно представить, постичь что его уже нет...

21 декабря. *Переезд в новую комнату. Я заболел. Беседа с подполковником [Кирилловым. Три наши просьбы. Зачеркнуто.] Алекс. Моисеев. Кривовым, который явно специально приехал из Яваса (но пытался это скрыть).*

Он со ссылкой на высшее руководство Яваса подтвердил правильность отказа в свидании, т. к. комментарий к ст. 26 требует воспитательного эффекта от свидания с иными лицами.

Был вежлив, предупредителен, спрашивал, не беспокоят ли нас пьяные, хулиганы, плохое питание. Мы сформулировали три просьбы. 1) Аргументиров[ать], почему Люся не может ездить. 2) Вопрос о Белле [Коваль] — может ли она приехать. 3) Вопрос о передаче.

22 декабря, четверг. Сегодня утром в нашу комнату № 5 пришел нач. участка 6 капитан Некрасов. Сообщил, что руководство приняло решение — свидание Люсе не давать, вопрос о Коваль решить по получении заявления от нее, и что Эдик сам отказался от передачи (аргумент, что есть посылка от Залмансона, не фигурировал).

Мы попросили сходить к Эдику, попросить его принять передачу и решить немедленно вопрос о Белле. Сказали, что наши интересы совпадают с интересами администрации — чтобы не было голодовки и волнения в зоне. Через полчаса Некрасов вернулся и сказал, что Эдик заявил: «Раз не разрешают свидания, я не возьму передачу». Некрасов не отрицал и не подтверждал, что у Эдика голодовка.

Мы послали телеграмму Руфь Григорьевне — вызвали Бэллу и просили передать об отказе Эдика от передачи.

Мы получили телеграмму от Руфь Григорьевны. Рема подтвердил исполнение всего ему сообщенного.

Смотрели «Бумбараш» (I серия).

[Зачеркнуто имя] сообщил, что по достоверным сведениям нам дадут свидание в пятницу или в понедельник.

Записка, пер[еданная] в туалете³⁰⁶.

«Э. держит голодовку. Он не знает, кто приехал на свидание. Только точно все сказать не могу. У нас говорится не полностью. Я сам все узнаю из разговоров командиров роты и батальона. Вас подслушивают работники КГБ. Разговоры со мной не вести никакие. Только через ксивы³⁰⁷. Остерегайтесь всех приезжих. Реже (а вообще не надо) заводите с кем-либо разговоры. АД и все!

³⁰⁶ Эту записку получил Алеша, который завел дружбу с одним из офицеров охраны, живущим в этом же бараке, где, как в гостинице, останавливаются все приезжающие на свидания к заключенным.

³⁰⁷ Ксива на лагерном сленге — записка.

Обо мне. Если что нужно точно узнать о работе и о том, что делается — напишите. Встреча с А[лешей] в туалете. Извините, но другого места нет. За вами всюду глаза и уши. Все с/у [ссученные] [неразборчиво].

Свидание будет завтра (23.12.77) или с пн. (26.12.77). Это гарантия. Сколько бы они негнули, но победа за вами.» 23 декабря. Пятница. Приехали двое, которых послали то ли Маша [Подъяпольская], то ли Р. Г. В Москве очень беспокоятся о нас. Телеграмму о том, что Белле надо выезжать, посланную 22-го в 14 часов, в Москве получили только 23-го в 20 часов.

Смотрели «Бумбараш», II серия.

24 декабря, суббота. Утром приехала Бэлла³⁰⁸ и с ней Иосиф Руткович (из Киева, отказник, сопровождал Любу Мурженко в Саранск. Встретил Бэлла в Потьме).

В Саранске Алику [Мурженко] дали свидание с Любой, он снял свою голодовку. Иосиф поехал в Москву за продуктами для Алика.

Прапорщица Галя, я и Белла пошли в штаб. Вскоре туда пришел Сергушин с Некрасовым и еще одним офицером. Он сказал, что «читает газеты, слушает радио и использует свое право решать, свидание с какими не родственниками будет способствовать воспитанию».

Мы послали телеграмму Эдику (но он получит ее только в понедельник, когда на почту за корреспонденцией зайдет цензор).

³⁰⁸ Правильно Бэла.

Текст. Настоятельно просим тебя немедленно прекратить голодовку, которая только затрудняет решение вопроса о свидании. Предоставь нам заботы о свидании. Целуем. Люся, Белла, Андрей, Алеша.

Я также написал записку Сергушину и просил его, ввиду срочности, если он сочтет это возможным, передать этот текст Э. как можно скорее.

25 декабря, воскр.

26 декабря. Понед. Утром я с Бэллой поехали в Явас. Был сильн. мороз.

Нач. Упр. лагерем и Сучкова не было, разговаривали с зам. нач. подполк. Мишутиным. Мишутин сказал, что решение нач. колонии правильное. На свидание, если нет родственников, могут приезжать директор предприятия, секретарь парторганизации, передовые рабочие.

По приезде в Сосновку послали еще одну телеграмму Эдику.

«Дорогой Эдик, мы ждем разрешения одиннадцать дней нам отказано по причине права администрации решать при отсутствии близких родственников кто может положительно повлиять на заключенного Мы к такому не относимся Сразу возвращении Москву попросим Иосифа Давидовича [Залмансона]³⁰⁹ запросить администрацию Еще раз настойчиво просим тебя прекратить голодовку, чтобы она не помешала разрешению на сви-

³⁰⁹ Отец жены Э. Кузнецова Сильвы Залмансон.

дание и в решении других вопросов Ждем от тебя январского письма Поздравляем с Новым годом Белла Люся»

Вечером выехали обратно на станцию Сосновка.

В поезде на Потьмуехали с демобилизованными солдатами войск МВД, уже пьяными, сплошь узбеки. Пели песни, одна похабная о начальнике и его жене. В зале ожидания вокзала в Потьме один из солдат сбросил шинель и остался в гражданской одежде; на просьбы товарищей, опасавшихся гауптвахты, он говорил — я, может, два года ждал этого момента, ты не был ментом, я был.

Вокзал холодный, масса народа, сутками стоят плотной очередью, с руганью, у кассы. Поезда проходят полные. Сели по инв. книжке Люси и моей героинке вместе с Иосифом [Рутковичем], который возвращался со свидания из Саранска (передали Алику [Мурженко] целую гору продуктов) и думал поехать к нам, как было договорено. 27 декабря, вторник. В Москве — сумасшедший дом.

У Хайло³¹⁰ по суду отбирают детей — он вместе с нами вошел в дом, когда мы приехали. Люба М[урженко] уже ждала нас.

³¹⁰ Баптист, отец 16! детей, в течение нескольких лет добивался разрешения на выезд из СССР. Его и его жену лишали родительских прав на основании того, что они воспитывают детей в религиозном духе. Глеб Якунин и я приложили много усилий, чтобы не допустить этого. Мы наняли для него адвоката Резникову Елену Анисимовну, а Андрей несколько раз выступал в его защиту.

Я поехал в ФИАН на семинар. Воронов рассказывал о работе Грибова — для полей Я. М. [Янга—Милса] возможна кулоновская калибровка, т. к. условие $\operatorname{div} A_i = 0$ не определяет однозначно потенциалов — что тесно связано с экстантонами [надо инстантонами].

Юра выписывается³¹¹ — это потребует больших хлопот.

Очень плохо с Петей Винсом — оказывается (окончательно это стало известно 30-го), его не кормят из-за сломанного носа, ему за отказ от работы дали второй срок.

Звонил в амер. пос[ольство] Принглу³¹² о Хайло.

Вместе с Люсей ездили покупать Юре пальто и костюм, купили с огромными трудностями, объехав много магазинов.

28 декабря, среда. Последний день разборки у Юры. Я назначил Любе приехать к 16 ч., но не учел, что у нас нет ключей (они, потом выяснилось, у Юры). Потеряли массу времени зря. К 21 ч. приехала Люся. Вместе с ней и Сашей [Верным] кое-как разборку закончили к часу ночи.

29 декабря, четверг. Кирилл Подр[абинек] арестован. Договорился о встрече с Ал. Подр[абинеком] завтра.

Ездил к Медновой из-за флюса. Потом получил деньги и оплатил счет за электричество на Чкалова до 29/XII. Потом с Люсей ездили за заказом праздничным Р. Г.³¹³, и я один — за заказом на Ленинский проспект, затем за

³¹¹ Брат Сахарова Георгий Дмитриевич (Юра) выписывался из больницы.

³¹² Один из советников посольства США.

Юрой. Он одел почти все старое (кроме пальто и шапки), горько упрекает меня за самоуправство с разборкой его комнаты. Конечно, шалфей, ромашку, сгущ. молоко с сахаром я выбросил зря, но все в целом было необходимо. Юра в очень подавленном состоянии. Ходить боится.

30 декабря, пятница. Утро. Мы с Люсей составили телеграмму Брежневу, а также краткую информ. по другим вопросам (Хайло, Иванов в Лен[инграде], Петр Винс) передали по телефону Кенту (Асс. Пресс), в Рейтер и 31 — Уитни. Пока (1 янв.) никакой реакции по радио.

Ездил в поликлинику. Рентген. Консультация врачей. Хирург сняла мост. Меднова вскрыла каналы.

Отправлял телеграммы с Кировского почтамта: Тане, Томар, Раисе Лазар., Мальве, Андр. Тверд[охлебову], Сереже [Ковалеву] (к сожалению, написал Всесвятское вместо Купчино)³¹⁴, Антонюку.

Дома меня ждали. Алекс. Подрабинек, его отец, Ира Каплун, Таня Великанова, Мейман. Трудный, мучительный разговор с Александром [Подрабинеком]. Ему в созд. положении необходимо заявить, что он уезжает (так го-

³¹³ Маме как старой большевичке полагалось питаться в специальной столовой на улице Кирова, и там же выдавались праздничные заказы. В столовую «питаться» мама никогда не ходила, но праздничные заказы мы всегда покупали.

³¹⁴ Названия поселков, в которых находятся Пермские лагеря № 35 и 36.

ворили я и Мейман). Алекс. говорил, что Кирилл его не просит, мы ему возражали, что Кир. имеет право сам решать свою судьбу, что такая постановка неправомочна, что он с самого начала, и особенно словами на пресс-конференц., поставил Кирилла в ложное положение, что вся ответственность сейчас лежит на нем. 31-го Александр позвонил мне и сказал, что он принял компромиссное решение (что не вполне мне ясно) и позвонил в КГБ, но там не работают до 2 янв.

31 декабря (суббота). Утром — беседа с Уитни, надеемся на статью о нашей поездке в Сосновку и о всей проблеме самолетчиков в целом, как они связаны воедино в телеграмме.

Потом — покупали игрушки на елку, Люся и Р. Г. хлопотали с пирогами и салатом.

В 6 пришли Алеша, Оля и Катя, и к 7-и мы пошли в театр Маяковского на «Старомодную комедию». Оказалось, что это сентиментальная пьеса Арбузова, но играли Тенин и Сухаревская, играли хорошо, Люся и я получили удовольствие (отчасти на фоне воспоминаний и от обстановки), Оля и Алеша — не очень остались довольны.

Пришли домой — Катя уже спала. Хорошо встретили Нов. Год (и вкусно).

Катя проснулась, не засыпала, в ½ 6-го Алеша и Оля уехали с ней домой. Катя очень весело сказала Р. Г. и Люсе: «Ребята, ну пока!»

ГОД 1978

[Тетрадь № 2.

Записи 1 января — 31 декабря]

1 января 1978 г. Воскресенье. Звонила Таня из Брайтона. Они встречали.*)

Заполнял дневник за посл. неделю минувшего года.

Звонил Райским¹, Маше и Кате [Сахаровым], Альтшулеру, но последнему не дозвонился. Звонила И. Каплун — есть ордер на арест К. Подрабинека. Наша телеграмма не попала на радио, но вообще — главная тема при подведении итогов года — права человека.

*) Новый год с Лидой Ф[инкельштейн], Н. Корж [авиным]² с женой.

¹ Райский Соломон Менделевич, д-р, физик, его жена Наталия Александровна — племянница Леонида Исааковича Мандельштама. Они оба с юности были дружны с И. Е. Таммом (и его семьей), который считал себя учеником Леонида Исааковича. Андрей с большим уважением относился к Соломону Менделевичу и его жене. Это было как бы продолжением отношений с Учителем (Игорем Евгениевичем) после его ухода из жизни.

² Наум Коржавин, поэт, и его жена Люба эмигрировали в 1973 году. Живут в Бостоне.

Дети с Саней³ [сын Лиды] больше дерутся. У них скоро медосмотр общий⁴.

2 января. Понедельник.

Звонил Саша Подр[абинек], потом его отец (полный рассказ от отца). Саша позвонил Орлову из КГБ. Попро-

сил свидания с братом. Орл[ов] спросил, а как вы решили с отъездом. Саша ответил, что он даст ответ после свидания. Орлов — позвоните через час. Через час Орлов сказал, что следователь возражает против свидания. Саша — в этом случае я не поеду.

Я сказал Саше, что в создавшемся положении он обязан ехать (повторил в еще более резкой форме, что говорилось 30 дек.).

Ездил лечить зуб и в кн. магазин.

Вечером у нас с Люсей опять выход в свет — Копелевы купили билеты на 4-х на кинокомедию «Служеб-

³ Саша Абрамович, сын Лиды Финкельштейн (старше Матвея на год), в связи с тяжелой болезнью Лиды, которая жила в Питсбурге, некоторое время (около года) жил в семье Тани. После смерти Лиды его забрал отец Игорь Абрамович.

⁴ Медосмотр в связи с зачислением детей (впервые в США) в школу.

ный роман». А. Фрейндлих и Мягков хорошо играли, вообще смешно.

3 января. Послал телеграмму о Винсе⁵.

Вечером опять длинное обсуждение, что должен делать Саша Подр. (но без него, были Пинхос Абр. [Подрабинек]⁶, Ира Каплун, В. Ф., Маша [Подъяпольская], Юла).

Сняли мост (Дорофеева расверлила зуб, до этого [неразб.] сняла мост).

4 января. С Люсей разбирали бумаги. 5-го это продолжалось. Люся печатала и сочиняла комментарии к моим документам за сент.—декабрь.

Люся вместе с Бэлой [Коваль] писали документ для зам. министра МВД Богданова, из которого следует, что она не чужая Эдику. 5-го этот документ Бэла отдала в ГУИТУ для получения свидания с Эдиком.

5 января. Продолжение работ 5-го.

6 января. Были с Люсей в Матвеевской⁷.

⁵ Телеграмма о Петре Винсе, который объявил голодовку после административного осуждения и был повторно осужден еще на 15 суток (сохранился черновик телеграммы).

⁶ Подрабинек Пинхос Абрамович — отец братьев Подрабинеков.

⁷ День рождения Е. А. Сахаровой (Олигер), любимой тети А. Сахарова, скончавшейся в 1974 году. Она была любимой невесткой М. П. Сахаровой. Во время предсмертной болезни Марии Петровны ухаживали за ней отец Андрей — Дмитрий Иванович — и Евгения Александровна.

Иванов [Альберт Иванович]⁸ сказал Иде, что дело Куз[нецова] уже пересматр., но не нашли оснований для пересмотра. «Вот, если бы он подал на помилование». 7 января. Освобожден П. Винс⁹, украинец амер. проис., выпущен за рубеж, осв[обождены] Клебанов, Параджанов¹⁰.

У нас были: 1) Саша Лавут и Гемма из Вильнюса, рассказавшая о преслед. католиков в Молдавии.

2) Сыновья Тихого, приехавшие со свидания, предложили Р. Руденко просить о высылке мужа. То же собираются сыновья Тихого. Сведения о планах в лагере¹¹.

3) Мейман, который рассказал о конт. интегрировании.

Это просто запись формулы для ф-ии Грина, в которой для малых Δt использ. приibl. выражение для $K(\Delta t)$

$$K(T) = \int_{i=n-1} dx_i k(\Delta_0) \dots \dots \dots k(\Delta_n)$$

Саша Подрабинек решил на отъезд, завтра он вместе с Пинхос Абр. должен поехать к Белову и предъ[явить] усл. о совм. выезде с Кириллом.

⁸ Иванов Альберт Иванович — заведующий административным отделом ЦК КПСС.

⁹ Однофамилец Петра Винса.

¹⁰ Параджанов Сергей, известный кинорежиссер, был осужден за гомосексуализм.

¹¹ В связи с ужесточением лагерного режима намечалась голодовка заключенных.

8 января. Воскресенье. Сегодня вечером 20.20 разговаривали с Таней, Ремой, Мотей (13 минут). След. р-р 22-го. У них удобная кв. из 4 к[омнат], садик около дома, где гуляют дети, +3°C, но всюду снег. Во вторник Рема сдает на права по карточкам на англ. языке. В понед. — общий медосмотр. Дж[уиш] Ф.¹² платит 250 д/мес. за кв., а за газ и элект. — они сами. Люся спросила Мотю, как он живет. Мотя ответил: «Но ведь мы так далеко». Это прозвучало очень неожиданно, горько и по-взрослому. На вопрос, мирно ли он живет с Анечкой, Мотя ответил, что «не очень». Питание отличное, аппетит детей средний. Рема и Таня интересовались, что я собираюсь делать с приглашением в Принстон. Вейскопф, Дрелл, Визнер считают, что, если я подам по ученой линии заявл. в ОВИР, им будет много легче нажимать¹³. Я не считаю возможным подряд наталкиваться на неизбежный отказ по соображениям секретности (я считаю мою поездку за рубеж исключенной в ближ. 10 лет)¹⁴.

¹² Еврейская благотворительная организация, помогающая новым эмигрантам.

¹³ Это показывает, насколько американские коллеги Андрея, несмотря на их искреннюю заинтересованность в его судьбе, не понимали положения Андрея и наши советские реалии.

¹⁴ Оказался прав. Первая поездка в США была в ноябре 1988 г.

Днем 7 звонила Таня Матон, а днем 8-го — Сильва [Залмансон]¹⁵. Вечером 9-го Володя Максимов. Сильве и Володе Люся продиктовала телеграмму Брежневу об Эдике. Сильва звонила вместе с какой-то изр. корреспонденткой. Она ничего не знает о нашей поездке¹⁶, о публ. в Геральд Трибюн. В конце Сильва попросила меня к телефону и рассыпалась в благодарностях.

9 января. Понедельник.

Звонила Евд. Алексеевна о том, что у Димы не сданы зачеты и он не допущен к экз. Куратор, с которой я разговаривал, сказала, что Дима не сдал 5 зачетов. Люба сказала, что Дима целыми днями лежит, читает худ. литературу. Дима утверждает, что он не сдал один «необходимый» зачет — электричество. Все это очень грустно.

Ездили с Алешей и Олей в Гагаринский ОВИР. Инспектор не принял телеграмму от Вани — требовал письма. (Матерьяльных претензий не имею, выезд не одобряю). Я звонил Зотову в МВД, разъяснил ему характер затруднения, он записал фамилию и имя Алеши и попро-

¹⁵ Жена Э. Кузнецова Сильва Залмансон, одна из одиннадцати участников ленинградского «процесса самолетчиков» 1970 года, была досрочно освобождена летом 1974 года и получила разрешение на эмиграцию. Перед выездом из СССР удалось добиться для нее первого за четыре года личного свидания с Кузнецовым, находившимся в лагере строгого режима. В Израиле родила в 1975 году дочь.

¹⁶ О поездке в лагерь в Мордовию в конце 1977 года.

сил позвонить через 15 минут. Через 15 мин. он сказал, что все в порядке и товарищи на местах в курсе дела. Через 5 минут Алеше предложили завтра утром сдать документы в ГорОВИР Баймасовой.

Иванов не подходил весь день к телефону на звонки Иды Нудель, таким образом, по делу Эдик-Бэла ничего не известно¹⁷.

Вечером были корр. голландского (церковного) телевидения и переводчица, видимо, тоже корреспондентка. Хорошие ребята, но их план телеинтервью со мной для детей Голл[андии] о моей жизни сейчас и раньше я отверг как неудачный.

10 января. Вторник.

Семинар в ФИАН. Собельман докл. (по вращ. опт. плоск. поляриз. на 10^{-7} радиана), что не обнаруж. нейтр. взаим. электрон — нуклон с нар. четности (а в нейтр. эксп. оно есть).

Киржниц докладывал о работе Герштейна, о ТДМ-катализе и о работе Рухало [правильно — Рекало]¹⁸ об образовании кварк-ядра.

Вечером у нас были В. Ф., Борис Герм. и Сара Юльевна, Мейман.

¹⁷ Попытка добиться разрешения на свидание с Э. Кузнецовым для Б. Коваль (при первом осуждении Кузнецова она была записана в его дело как невеста), так как свидание со мной в декабре 1977 не разрешили.

¹⁸ Украинский физик М. П. Рекало.

11 января. Люся сочиняла и печатала док. для Хельс. группы (Один о Винсе — только печатала, другой о Хайло и пятидесятниках из Находки, которых не пустили поехать по приглашению посольства с гарантией МИД СССР — утром я звонил по этому делу консулу [— сочиняла].) Имел еще один разговор с Сашей Подрабинеком. Он сказал, что уважает меня, но свой вопрос будет решать сам вместе с Кириллом (я опять пытался доказывать, что Кирилл ничего не может решать и просить — и психологически, и физически).

12 января. Четверг. Иванов дал отказ¹⁹.

В 11 часов утра пришла толпа корр-ов (Боб Эванс, Шиплер, Пайпер, из Би-Би-Си). У них в руках — открытое письмо Соловьева и письмо Максимова Соловьеву, где он отказывается от печатания произведений Соловьева в Континенте, ссылаясь на «вето» Е. Боннэр²⁰, действующей по полномочию А. Сахарова²¹. Соловьев говорит, что я совершил нравственное самоубийство, и много других жалких, язвительных и гневных слов по моему адресу.

Что это (письмо М[аксимова]) — неосторожный шаг Володи или фальшивка КГБ? Реакция Соловьева меня не удивляет.

¹⁹ Свидание с Кузнецовым не разрешили.

²⁰ Никогда этого не было.

²¹ Никогда никаких «вето» на чьи-либо публикации ни от имени Андрея, ни от себя не накладывала.

Была Ида Нудель. Составили гласную телегр. Эдику [Кузнецову], Иванову (для сведения), послали бандероль с соками и кубиками²² и деньги на подписку²³.

Купил продукты для Юры, был в поликлинике (электрофорез) и у Юры. Юра в ужасном состоянии. Весь согнувшийся, еле ходит.

В поликли. видел Диму. Вчера сдал зачет по электричеству, 18 экз. по ТФКП.

Вечером по телефону говорил с Л. В. Альтшулером (он не получил моего письма о смерти Марии Порфирьевны [жены Л. В. Альтшулера Марии Парфеньевны]), разговор с С. В. Каллистратовой (о Саше [Подрабинеке] и моем отношении).

Было засед. Хельс. группы — много разг. о Саше [Подрабинеке] и два небольших документа.

13 января. Алеша и Оля (инсп. сказал в четверг) получили разрешение через 2 дня после подачи, да еще без метрики, свид. о браке. Им было предложено в понедельник получить визы и выехать до 25 янв. Конечно, необходимо продлевать, но все же, каковы темпы.

■ *Скорость получения разрешения на эмиграцию подтверждает, что исключение Алеши из института было спровоцировано ГБ с целью подтолкнуть его к этому решению. А КГБ, как я думаю,*

²² В лагерь посылали бульонные кубики.

²³ Заключение в лагерях имели право выписывать себе газеты и журналы.

стремилось оставить нас без его повседневной помощи. Ошеломленный Алеша, когда это ему по телефону сообщила дама из ОБИРа, сказал ей: «Вы с ума сошли, что я Солженицын, что ли?» С той же целью было в 1977 г. возбуждено уголовное дело против Т. Семеново́й и Т. Фе́йгин и прекращено сразу же после подачи ими заявления на эмиграцию. █

Звонила Таня В[еликанова], пятидесятникам вернули документы.

У нас был Володя Корнилов с женой, слушали еще раз пленку. Мы все более приходим к выводу, что письмо Максимова — фальшивка, сказал об этом Шиплеру. *Андрей сделал мне подарок на новый год — badusan.*

Похоже, что наши международные вольности по телефону кончились. Звонила Таня Матон — разъединили, звонила Нэн из Лондона — тоже разъединили. Думаю, что обе звонили в связи с Эдиком.

Люси́на версия (одна из ее версий) объяснения — Алеша на виду, «на витрине», поэтому с ним демонстрируют благопри́ятство́вание (хотя раньше и не исключали армии). Я очень боялся этого. Другая ее версия — психологическое давление на нее, чтобы она стала невозвращенкой.

14 января. С Люсей совершили новогоднюю прогулку. Смотрели квартиру на Колпачном²⁴. Отправили письма-

²⁴ Поиск очередного варианта обмена.

телеграммы Тане с Ремой и Меклеру (об Алеше, Юре [Меклеру], кроме того, про Эдика). В маг. на Кировской купили «Таблицы спектр. линий» (Райский и др.). 16-го отправили Тане для Меклера вместе с 2-мя книгами Зельд. и Нов. (1) Вселенная; 2) Звезды), из которых вырезал автографы²⁵. Вечером у нас был Мейман. Письмо Тане и письмо Меклеру.

[Письмо без даты Татьяне и Ефрему Янкелевичам.]

[Датируется по ссылке Сахарова на получение Алексеем 13 января разрешения на эмиграцию.]

Дорогие Таня и Рема!

Как всегда, внезапная оказия, и я пишу с должной торопливостью. Вчера — потрясающее по скорости разрешение Алеше — через 2 дня после подачи документов, и мы с Люсей и Руфь Григорьевной ошеломлены — так же, как полгода назад, опять переживаем близкую разлуку, радуемся, что не произошло худшего — армии (мы считали, что лучше лагерь за отказ служить, чем армия!); мы также ломаем себе голову, какова же генеральная линия властей в отношении нашей семьи, и не понимаем логики их поведения (а может, ее и нет); верней всего — это просто вынужденная с их стороны

²⁵ Книжки с автографами на таможне к пересылке не разрешали, а купить новые Андрей не смог. Где автографы, не знаю (не сохранились?).

демонстрация лояльности к нам в получившем гласность деле Алеши (одна из версий Люси). Сегодня послали телеграмму вам о разрешении Алеше, а также Юре Мекл[еру] в Изр[аиль] о том же, и о том, что Иванов окончательно отказал в свидании с Эдиком Бэле, и что поэтому Эдик продолжает голодовку. Телеграмма Юре, как мы надеемся, будет понятна ему.

Я очень скучаю о вас четверых, особенно об Анечке и Мотиньке. О Люсе и говорить нечего — лишь непрерывные дела не дают отдаться полностью этому. Разговор с Мотинькой, о котором пишет Люся, потряс нас обоих.

В «Известиях» в первые дни года статья — «Неудача очередной провокации» — достается ушат помоев Визенталю, Марио [Корти] за книгу о «29»²⁶ и др.; написано: «по случайному совпадению в первые дни сборища была забастовка рабочих Дворца Конгрессов» — вот уж на воре шапка горит. Но вообще публикация такой статьи через месяц после Хиринага²⁷ — свидетельство важной его роли и удачи. И я вновь и вновь думаю, как удачно и много ты, Рема, поработал для него, какое важное дело сделал.

²⁶ М. Корти сказал 4 ноября 2004, что это очередная ложь газеты «Известия» — никакой книги не было.

²⁷ «Хиринг» — от английского слова «hearing», слушание.

■ *Статья в «Известиях» о Сахаровских слушаниях, прошедших в Риме. Позже в СССР был создан и неоднократно демонстрировался по ТВ якобы документальный фильм о ЦРУ, куда был вмонтирован эпизод со Слушаний и одновременно звучал текст, в котором я обвинялась в соучастии в уничтожении евреев Львовского гетто.* ■

Я хочу написать о покупке дома. По-моему, это целесообразное для нашей и на расстоянии единой семьи дело. Сумма 40 тыс. не должна нас пугать — ведь такие деньги у нас есть, и их вложение в недвижимость не только обратимое, но даже (из-за непрерывной инфляции) экономически целесообразное дело. Так что, Таня, пускай в ход свою доверенность. Желаю всем вам здоровья и всяческих успехов (от получения водит. прав до еще гораздо более трудных дел), детям — солнца, зимы, радости, дружбы. Целую всех. Со старым Новым годом.

[14/1-78]

А. Д., дидя Адя.

15 января. Воскресенье. Купил продукты Юре. На машине довез Люсю до Лидии Корнеевны, а сам поехал к Юре. Юра спит в кресле в пальто. Уже 2 недели кровать не тронута. Стол завален остатками продуктов. У Юры раздулась вдвое левая нога, он не может на нее наступить. Он весь скрюченный, голова опущена на грудь, взгляд безумный.

Потом вернулся к Л. К., где Люся к этому времени уже дала прослушать запись Максимов—Соловьев. После чая слушали и перезаписали на свой магнитофон Анну Ахматову (разговаривает с Наровчатовым и другими гостями о ее работе об обст[оятельствах] гибели Пушкина, в беседе удивительно отражается личность А. А. — ее ум, ирония, субъективность, страстность, вообще — незаурядность), потом — чтение ею стихов — производит глубочайшее впечатление величия, трагичности, неожиданности и силы каждой строчки.

Когда приехали домой, Руфь Григорьевна сказала нам, что она разговаривала с Таней и Ремой, и записала:

1. Яд. энергия²⁸ опубликована в Мوند и Экспрессо. Белгр. документ — не опубликован.²⁹

2. Звонил Максимов и сказал, что редакция дезавуирует свое предыдущее письмо, взяв на себя ответственность за отклонение сочинений Соловьева и Клепиковой. Значит, это «предыд.» письмо все же реальность. Эх, Володя, Володя!

3. Ребята (младшие) продолжают болеть. Голос у Тани грустный. Они купили машину. Они очень рады сообщению об Алеше и попытаются организовать оттуда прямую визу в США, помимо Италии и Вены. Хорошо бы.

²⁸ Статья «Ядерная энергетика и свобода Запада».

²⁹ Документ Московской Хельсинкской группы.

16 января. Понедельник. Сегодня с утра поехали с Алешей в ОБИР. Зотов сиял улыбками, вспоминал Чехова. Сначала разрешили продление визы до 1 февр., потом до 5-го, окончательно — до 10-го. Верней всего, Алеша и Оля не уложатся, и я сказал ему об этом. Но он был непреклонен, хотя не наст. на получении визы. Послал 3 книги в Брайтон (Тане) для Ю. М[еклера], цена авиабанд. 11 р. 80 к.

Купил 10 рулончиков Т.Б. [туалетной бумаги] (ранее — 1 марта 77 г. 30 рул. и потом еще 12 рул.).

3-ий день электрофореза.

Юра один пошел к психиатру в психдиспансер. Наверно, диссимилирует.

17 января. Вторник.

В ФИАН доклад Б. Л. Воронова — перенормируемость теории Я[нга]—М[иллса] «во втором смысле (1. «По индексу расх. диагр.». 2. Калибр. инвариантная. 3. Мультипликативная) и доклад Р. Каллош о квант. супергравитации — выяснилась необх. членов в эфф. Лагр. содерж. с⁴.

Разговор с Фрадк[иным] и Фейнб[ергом].

Вечером был Шиханович с Алей, обсуждали вопрос о публ. книги Год борьбы, Тревоги и Надежды³⁰, О смерт. казни, Яд. энергетике.

Была Вера Федоровна (после болезни) и Маша [Подъяпольская], а также Слепак. Принес картину двух

³⁰ Книга Андрей Сахаров «Тревога и надежда». Составитель и редактор Ефрем Янкевич. Его же комментарий.

худ. о Потье. Картина называется «Вывод закл. рано утром на работу»³¹. Предназначена для Эдика, пока повешена у нас.

Очень неприятно. Раввин, который отнес наши письма Тане и Максиму (очень личные), передал их по телефону открытым текстом.

18 января. Сегодня в Париже было заседание Пен-клуба об Эдике, туда попали наши телеграммы, об этом говорил Голос Америки, но из авторов телеграммы привел лишь меня, не упомянув Люсю³².

Голос Америки зачитал опубликованное в Континенте мое письмо в Нью-Йорк Таймс по поводу искажений 4/X-77. Это отлично!

По свед. радио в Париже собрали неск. сот поздравительных открыток Толе Щаранскому, мы тоже послали ему телеграмму!

Ездил, купил Лекции Фейнмана и Ферми для Алеши (а также чемодан).

Алеша рассказал свой разговор с деканом Мишиным. Декан неск. дней назад просил Алешу зайти. Вчера Алеша зашел к нему и пробыл около получаса. Декан выражал свое сожаление Алешиным решением уезжать. Говорил, что происход. с Алешей неприятности не более чем

³¹ «Это зеков на работу утром ранним гонят».

³² Почти всегда, если документ подписан группой лиц и Сахаровым, то журналисты упоминали только его фамилию.

случайности, ошибки отдельных людей, и что он уверен, что Алеша сможет продолжить учение после армии. Он рассказал, что говорил с зав. военной кафедрой полковником Ивановым еще в августе, и тот сказал, что, конечно, мы опять поставим Семенову двойку (!), но не будем писать докладной об его отчислении. Очевидно, в дальнейшем поступили новые указания КГБ, и вопрос об отчислении Алеши был решен. Декан также сказал, что он сам двадцать дней был в оккупации, и его, «естественно», не принимали в аспирантуру, но потом справедливость была восстановлена. Алеша сказал, что он уже фактически уезжает, что он не верит в возможность для него закончить образование и работать здесь, что ему надоели «случайности», которые таковыми не являются, начиная с судьбы бабушки (он упомянул историю Таниного отчисления из Университета, историю своего поступления в МГУ в 1973 г.). Несколько днями раньше Алеша получал справку на военной кафедре, и чин сказал ему: «Какой Семенов, Семенов давно уже в армии, мы еще 9 ноября послали документы в военкомат». Т. е. был период, когда было решено (опять же в КГБ) направить Алешу в армию. В закл. беседы декан сказал, что он по-прежнему уважает Алешу.

Люся сказала, что у Герцена в «Былом и думах» ссылка — G. W. F. Hegels Leben. Розенкранц, Berlin 1844 (о смертной казни).

Сегодня не состоялась беседа с Таней. Телефонистка с межд. тел. станции сказала, что наш телефон на межд.

звонки все время дает сигнал «занято», и ей пришлось дважды звонить нам с обычного телефона.

Дима сегодня не держал экзамена по ТФКП (то ли его не допустили, то ли он не готов). Договорился, что в субботу он зайдет для беседы со мной в 11 часов.

Юра вчера не выходил из дома. Свое круглосуточное сидение он аргументирует тем, что «что-то» из головы должно оттекать к ногам (!!!) Послать его к врачам или уговорить на визит к нему — невозможно.

19 января. Четверг.

У нас в гостях Рая и Лева К [опелевы]. Сочинение Левы «Взбесившаяся моська»³³ — крайне неудачное, в худших традициях журнальных перебранок. Я выразил желание придержать публикацию. Рая и Лева рассказали, что в отсутствие Левы к Рае пришел некий профессор, просивший не называть его фамилии, и рассказал, что он отказался поехать за рубеж, а вместо этого послал Суслову меморандум, дескать, в стране существует «идеологическое двоевластие — офиц. пресса и Сахаров и иже с ним. «Только приедешь, еще не выпьешь кофе, а уже вопросы о правах человека». Этого проф. якобы принял Пономарев и некто в сером, отрекомендовавшийся как предст. КГБ. Пономарев сказал: «Вы подняли серьезный вопрос, мы давно думаем о его кардинальном решении и скоро решим. Большинство дис-

³³ Ответ на статью Владимира Максимова «Носороги».

сидентов будет иметь перед собой три выхода (один, или два, или три из трех.) — 1) на Запад. 2) Прекратить деятельность. Один из вариантов — переменить место жительства подальше от контактов (ссылка?). 3) Ответ по всей строгости закона». Вопрос профессора — но знают ли они об этих вариантах. Некто в сером: «Да! Они знают!» — и он добавил — единственный, с кем мы не будем ничего делать, это Сахаров, он задохнется, оставшись в полной изоляции».

Была Зарина [Дзедзоева]. Я отказался — пока — нести вызовы пятидесятников из Находки в консу[льство] (их 27 штук)³⁴.

20 января. пятн. Все эти дни продолжается мука с телефоном. Телефонистка из Нью-Йорка, откуда дозванивается Сильва [Залмансон], с раздражением кричит — не бросайте трубку. То же — со звонками Меклера.

Хайло не успел расск. о результатах суда. Зато Васильев из Вильн[юса] расск., что его выселили из квартиры (пятидесятник), Никлус³⁵ три дня был на допросе в Риге по делу Пяткуса, его родителям некто угрожал кинжалом, в газете статья о нем.

В ФИАНе — доклад Каллош о том, что преобр. супергравит. не образуют группы, зависящей от конечного

³⁴ Нести в консульство США для продления срока действия вызовов.

³⁵ Март Никлус, ученый-орнитолог, эстонский правозащитник.

числа параметров — функций x . И доклад Тютиня о распаде решений u -я Янга—Миллса.

Запломбировал зуб (после электрофореза).

21 января. Субб.

Был на Щукинской³⁶. Занимался с Димой электродинамикой. Знания его очень нечеткие. Когда будет сдавать экз. — не ясно.

Сообщ. об аресте Г. Гольдштейна (впоследствии он был отпущен).

22 января. Воскр.

Вечером мы с Люсей были на Вернадск³⁷. Вернулись в сильном шоке от безволия Алеши, торжества и уверенности Оли, враждебности Толи и Люды [Левшиных].

23 января. Понед.

Приехал Андрей Т[вердохлебов]³⁸. Р. Г., Люся, я ездили в Лианозово, видели Андрея, похудевшего, усталого после двух бессонных ночей. У него был отпуск (он работал в ссылке кочегаром) на 2 месяца, за это время, наверно, что-то прояснится в его судьбе и планах.

Впоследствии стало известно, что 23-го Эдик [Кузнецов] прекратил голодовку. От него после этого пришло письмо.

³⁶ Щукинский проезд д. 1 — квартира Сахарова, где жили дочь Люба с семьей и сын Дима.

³⁷ На проспекте Вернадского жили Алеша и Оля Левшина с маленькой Катей.

³⁸ Из ссылки, которую отбывал в поселке Нюрбачан (Якутия).

Вечером разговаривал с Таней, Мотей. У Тани голос более бодрый. Они во время страшного бурана сидели дома, смотрели его по телевизору. Покупают машину. Таня едет в Вашингтон на 5летн. юбилей ассоциации содействия демократическому большинству, нужно мое выступл. — ½ стр. Из звонка Тани на другой день стало ясно, что Асс. присудила премию Хельс. группе.

Мотя говорит — приезжай, баба Леля, к нам, мы живем третьего этажа, у нас есть телевизор.

24 января. Вторник. Звонила Люба, что Дима накануне полдвенадцатого ночи сказал: «к сожалению, я должен уйти». И ушел из дома, лишь утром Люба обнаружила его на даче. Он почти не занимался подготовкой к экзаменам все эти дни. Люба говорила с куратором, та назвала возможные сроки экзаменов. 25-го нужно быть ему в Университете. Но он не был. О чем он думает? Мне страшно за него.

У Юры продолжают отекать ноги, носки и брюки мокнут от лимфы. Деньги (55 р.) он, видимо, потерял.

В ФИАН я опоздал по причине отставания Лешиних часов. А. Комар докладывал о многолептонных событиях, из которых следует существование $L_0 \approx 2$ Гэв и $L_{\pm} \approx 7,5$ Гэв.

Боря Альтшулер считает, что Саша Подрабинек, быть может, и не прав в своей линии поведения, но мы все должны бороться с ГБ³⁹.

³⁹ Многие из наших друзей-диссидентов не одобряли установку Андрея на то, что лучше уезжать, чем садиться.

У нас были в гостях Маша [Подъяпольская] и В. Ф. Мы с Люсей печатали документы для Вашингтона.

Глеб Якунин должен послать телеграмму Хайло, чтобы узнать результат суда (телеграмма от самого Хайло длинная, но не содержит ответа на этот самый важный вопрос).

25 января. Весь день дежурил у Алеши и Оли, надеясь поговорить с Таней. Безуспешно.

Звонил Г. Гольдштейн. Его не арестовали, а задержали и сегодня отпустили.

Рхиладзе⁴⁰ еще не вернулся с допроса, у него дома обыск.

У нас были В. Ф., Арина [Гинзбург], Леня и Инна [Литинские].

Получили подарок от А. Лионас — две ложечки.

Звонил опять М. Никлус, но без новой информации.

26 января. Четверг.

Стало известно об аресте Рхиладзе.

Пришла телеграмма от Хайло, из которой неясно, было ли решение суда.

27 января. Пятница. Ездил в посольство, говорил с Комсом и Принглом. Письмо для детей Комс взял только поскольку в нем, как я сказал, есть об издательских делах. Он на будущее вынудил меня не передавать чисто личных писем. Я сообщил об аресте Рхиладзе и Лукьяненко.

⁴⁰ Здесь и далее правильно Рцхиладзе. Гольдштейн, Рцхиладзе — члены Грузинской Хельсинкской группы.

Главное — К[омс] взял материал для Таниного выступления в Вашингтоне.

Также был разговор с Принглом о Хайло и о пятидесятниках из Находки. Вечером Люся, Алеша, я уехали в Ленинград.

28 января. Суббота. Мы на Пушкинской⁴¹!

Разговоры, обмен новостями (печальными). Игорь [Гессе] сказал Вере [жене] (частично импульсивно), что не любит ее и детей. Она не едет, Наташа убита, Вера держится очень достойно. (Игорь написал, что со Смородинской Эстер знаком по переписке)⁴². Трудности у Мирры [Кацнельсон] и у Зои Моисеевны [Задунайской] с Шурой Л[юбарской] (изд. дела).

Субб., воск. — Алеша ходит к тете и др. родственникам. Отношение Вани [отца] к его отъезду — прямая противоположность тому, что было с Таней⁴³.

29 января. вечер — проводы на Пушкинской.

Передали по телефону заявление в Париж о Гинзбурге и Щаранском.

⁴¹ Квартира в Ленинграде на Пушкинской ул., где вместе жили Н. В. Гессе, Р. М. Этингер, З. М. Задунайская.

⁴² Вызов из Израиля Игорю Гессе прислала по моей просьбе близкий друг Ю. Шихановича Эстер Смородинская. Вообще было принято говорить в ОВИРе, что лицо, приславшее вызов, является родственником, степень родства не уточнялась.

⁴³ Иван был огорчен отъездом Алеши, но ссоры, как с Таней, не было.

30 января. Алеша с Люсей ходят по Ленинграду.

31 января. Приехали в Москву.

Я сплю на докладе И. С. Шапиро (интересном).

Вечером — визит двух итальянок, мое интервью.

Люба была в понедельник с Сашей у Юры [Сахарова]. Он доволен.

1-го вечером говорил с Любой, Дима не сдал ни одного экзамена.

1, 2, 3 февраля. — сессия ОЯФ [отделение ядерной физики].

Квантование супергравитации (Фрадкин, Баталин и Вилковыский, Каллош). Необходимость фикт[ивных] частиц для исключения лишних $2m$ степеней свободы, связанных со связями (с реализациями связей). Необх. вершин $4s$.

Калибр[овочная] теория. Суперсимметрия. Киральные поля. Роль нейтрино в сбрасывании оболочки сверхновыми. Точные двумерные решения Замолодчикова, кластеры, отсутствие реликтовых черных дыр. Подступы Грибова к проблеме удержания. Открыта новая нейтр[альная] част. $M_0 \rightarrow \mu + 1 + \gamma$.

Разговор с Бат [алиным] об Алеше. Баталин сказал, что он возлагал большие надежды на совместную работу с Алешей по квантованию систем со связями и континуальному интегрированию, но 1,5 года назад их контакты неожиданно прервались по «внешним обстоятельствам», и он очень жалел об этом, т. к. Алеша хорошо вошел в курс дела, хотя и не смог начать творческую работу. Я сказал, что этими внешними обстоятельствами были

семейные. Баталин сказал, что он не хотел до моих слов об этом говорить, но он понимал, что у Алеши очень трудные семейные обстоятельства и что он на опыте собственной жизни знает, как трудно это бывает и как затрудняет научную работу, особенно ее начало.

Подошел М[ейман], сказал, что от Славы Глузмана пришло отчаянное письмо⁴⁴.

Говорил с Грибовым, Шапиро и др.

3 февраля. Пятн.

С Мейманом ездил на докл. Грибова (не существует не нейтр. глюонное поле, оно «оседает» в потенц. яме своих вакуумных флюкт., точная формула рассм. грин. ф-ию нейтр. поля) Кобзарева («bag»).

Был в больнице № 67, говорил с леч. врачом и Юрой. Диму вызывают к зам. дек[ана], а он на даче.

Р. Г. и Алеша были на Вернадского. Оля сказала, что «м. б. 3 года армии или лагеря сделают тебя человеком». Она дала «перечень» Алешиных недостатков. Алеша очень убит. Я сказал коррам, что Алеша получил разрешение и что он едет один.

03662 → [зачеркнуто] 03632 — [зачеркнуто]⁴⁵

4 февраля.

Утром был на докладе Пономарева (μ — катализ дает выход 100 в смеси ДТ), Никольского (изучение металлов

⁴⁴ Глузман Слава (наст. имя Семен) в это время был в лагере.

⁴⁵ Что означают эти цифры, объяснить не могу.

по спин релаксации μ_+), Кириллова-Угрюмова (*предс. ВАК*) (μ -атомы). Е. Л. [Фейнберг] сказал, что, конечно, Долгошеин очень хор. эксп[ериментатор], но особенно достойно удивления, что министр может так связно и толково рассказывать.

Был Дима, вызванный с помощью Марины Тамм [внучка И. Е. Тамма] с дачи. Длинный разговор сначала у меня с ним, потом втроем с Люсей, что у него должен быть перелом в отн. к труду, к нам. Говорили, что не обяз. высшее обр[азование], что важно другое. Дали ему 11 р.

Была совсем вечером (11 ч.) Наташа Федорова, слегка пьяная, с Машей [Слепак], она хлопчет о переводе Ю. Федорова, у которого хронич. нефрит (по ее словам), в Ленингр. больницу.

Киржниц сказал, что он знал Люсю Боннэр в 1941 г., когда она была у него пионервожатой⁴⁶ в Кыштыме.

5 февраля. Был на Юриной квартире, выключил пробку. Дима не смог открыть замок. Виктор [сосед Юры Сахарова] сказал, что Юру очень жалко, хотя он и много плохого им сделал. *Знает из радио об осложнениях с детьми.*

Ждали Копелевых, но у Раи насморк, и Меймана, но у него продолжает болеть нога.

Вечером звонил Марк Ефимовичу [врач-психиатр]. Он выражал беспокойство Димиными делами. Ему позвонил Андрей [приятель Димы] и передал Димины сло-

⁴⁶ Медсестрой.

ва, что 1 шанс на 1000 остаться в Университете. М. Е. говорил, что исключение — кошмар, и намекал, что нужно как-то вмешаться. Я сказал, что больше всего меня волновала Димина нечестн. перед самим собой и другими.

Днем был В. Слепак. Комитет «35» (созданный по случаю Р. Палатник⁴⁷) сообщает, что защита Эдика [Кузнецова] и К^о как угонщиков самолета наталкивается на стену, никто не хочет связыв[аться] на Западе с таким скомпрометир. делом, и что нужен упор на то, что было лишь намерение.

Были немцы — Анатолий, который сегодня в 20 ч. вылетает в ФРГ, и Петр Петрович Бергман, весной вышел из Тюменского лагеря, опять получил отказ под предлогом, что сыновья женились на эстонках, а уезжать по соед. семей должны чистые немцы.

Семья Бергмана впервые подала на эмиграцию в 1926 г. (51 год в отказе). Отец погиб после ареста (арест — 37 г., смерть — 1954, реаб. — 1964). Обв. — падеж скота — но ни одна корова в колхозе на самом деле не погибла и не болела.

6 февраля. Понедельник. К 10.15 мы с Алешей поехали в ОВИР, прошли к Зотову (Константину Ивановичу, а точнее Касьяну Григорьевичу). Зотов был очень радушен,

⁴⁷ Рейза (Раиса) Палатник, еврейская активистка, осужденная в Одессе за самиздат (о ней писала Л. Чуковская в одной из своих статей). Комитет был создан в ее защиту.

и, казалось, совсем не слушал наших объяснений, что Оля не едет, что Алеша с Олей разошлись, что Оля не даст ему никаких справок. Зотов заметил, между прочим: «Баба с возу, возу легче». Очень скоро Зотов сказал: «Что ж, идите получайте визу, сейчас это самое срочное». Мы должны были, как раньше условились с Люсей и Руфь Григорьевной, сначала оформить нот[ариальную] доверенность на меня. Через полчаса вошли в ОВИР, а через неск. минут по радио вызвали Семенова и нас вернули к Зотову. Тот сказал, что он хотел быстро отправить Алешу, но ввиду сложного дела позвонил в Министерство ВД. Он просит нас позвонить ему в четверг, нет, лучше зайти, т. к. возможны нюансы.

Днем позвонил Дима и сказал, что ему разрешено сдавать экзамены до 20 февраля.

Вечером у нас был Мейман. Я писал проект письма Ноб. Комитету (добавить к Хельсинкской группе ИГ и ХТС)⁴⁸.

В 11.30 пришла Юла, вся внутренне дрожащая. Андрея [Твердохлебова] забрали в милицию. Он пришел к ней после своего визита на Лен. шоссе, где выяснял вопрос о прописке (ранее С. Вас. разъяснила ему, что надо прописываться за пред[елами] запр. зоны). Через 10 минут пришел милиционер и двое понятых, сначала они

⁴⁸ Андрей выдвигал на Нобелевскую премию Мира Хельсинкскую группу, Инициативную группу по защите прав человека и Хронику Текущих Событий — фактически весь правозащитный конгломерат СССР того времени.

хотели увезти в милицию Юлу, чтобы сделать ей «предупреждение о незаконном проживании человека с судимостью». Вышел Андрей, их обоих повезли в милицию, и после ряда нелепых разговоров Андрея задержали и завтра будут судить на площ. Прямикова 5.

7 февраля. → 51632⁴⁹

Юла, С[ара] Ю[льевна], я присутствовали на суде. Андрея судили 4-ым. Каждый раз судья долго читал про себя протокол, потом задавал анкетные вопросы и вопрос «Что же у вас произошло?». Первый сказал — я стоял в очереди за пивом, подошли какие-то люди и стали лезть без очереди, я обругал их матом. «Вы были пьяны?» — «Нет». Судья долго пишет, потом объявляет: осужден в соответствии с указом на 10 дней». Второй, рабочий, как и все первые трое, сказал «а ничего не произошло, сосед давно грозил меня засадить». Протокол написан со слов зятя соседа. Приговор — 15 суток. У третьего за кварт. драку из-за оплаты по счетчику приговор 2 мес. принуд. работ.

Так же незаконно, без какого-либо обсуждения и права на защиту рассм. дело Андрея.

Вопрос — вы оказывали сопротивление при задержании? Нет, я пошел добровольно, когда милиционер сказал, что я задержан, я сказал «в таком случае я тем более пойду». Приговор — 10 суток в соответствии с Указом об ответственности за покушение на жизнь и досто-

⁴⁹ Что означает эта цифра, объяснить не могу, но предполагаю какую-то игру с цифрами.

инство раб. милиции. Я сообщил о приговоре в Асс. Пресс, Рейтер, DPA.

В ФИАНе — доклад Захарова — феноменологическая теория, исходящая из хромодинамики и дисперсионных соотношений для описания резонансов в области

$$2m_\pi \ll \sqrt{t} \ll 1,5M_N$$

с привлечением гипотезы

$$\langle 0 | F_{ik}^a F_{ik}^a | 0 \rangle = \mu_1^4$$

$$\langle 0 | \Psi_\mu^b \bar{\Psi}_\mu^b | 0 \rangle = \mu_2^3$$

(Конечная величина этих вакуумных ожиданий, как Я⁵⁰ считаю, не следует из хромодинамики, инвариантной отн. масштабного преобразования, а спонтанное нарушение масшт. преобразования приведет к появлению «масштабных» голдстоунов, которые не наблюдаются в природе).

Вечером я позвонил Тане [Сахаровой] и поздравил ее с 33-летием.

У нас были Маша [Подъяпольская], Вика, Вера [Алихановы], Мейман. Я писал, а Люся печатала проект письма Ноб. Комитету.

8 февраля. Среда. Утром была И. Нудель, расск. о Макаренко (с его костяным планом⁵¹).

⁵⁰ В рукописи Андрея «Я» прописная. Думаю, что этим он подчеркнул, что он так думает, а другие — не так.

⁵¹ Одеться в полосатый костюм заключенного особого лагеря и везти в эмиграцию мешок костей з/к, выкопав их на лагерном кладбище.

Люся писала почти весь день документ Х. Г. о рабочем профсоюзе. Основная его идея — что нез[ависимый] профсоюз имеет право на существование (привод. цитата из кодекса), что Х. Г. по своей сущности не ставит себе целью сотрудничество с теми или иными ассоциациями, но выступает против нарушений их прав, отраженных в междун. правовых документах, если деятельность этих ассоциаций носит законный характер.

Я попросил Таню [Великанову] приехать для обсуждения проблем письма в Ноб. Комитет. Также с ней обсуждали документ Люси.

К вечеру все документы были готовы и напечатаны.

В 1 час ночи мы выяснили по зел. книге N. P. P.⁵², что предельный срок представления на Ноб. премию — 1 февраля.

Я написал краткое и энергичное сопроводительное письмо для Тима Грeve (3 часа ночи).

9 февраля, четверг.

Утром я и Алеша поехали к Зотову. Он сказал, что для выдачи визы необходим документ от Оли об отсутствии у нее материальных претензий и что он не может вмешиваться в отношения супругов, а также не хочет сам нести мат. ответственность. Я спросил, можем ли мы, я и Люся, дать мат. гарантии, он ответил отрицательно. Виза не аннулирована и будет продлена. Я спросил, может ли Люся подать свои документы на поездку в Италию прямо в Го-

⁵² Нобелевские Премии Мира — Nobel Peace Prize.

рОВИР (я сослался на состояние глаза). Он ответил согласием, и между прочим («не для пресс-конференций») сказал, что скоро плата за поездку уменьшится до 200 р.

Днем мы с Алешей ездили в суд Гагаринского района (Ростовск. пер., д. 21) и решили встретиться там вечером на приеме у судьи (18 ч.). Судья сказала, что нет возможности определить заранее сумму алиментов, и только по взаимному согласию это возможно, и что это не дело суда. На реплику, что Оля не дает никаких документов, судья сказала — и правильно делает, что не дает. Алеша спросил меня на улице, не надо ли сразу подавать заявление о разводе, я ответил, что посоветуемся еще раз с мамой и бабушкой. Один день ничего уже не изменит в этом длинном деле.

Днем у Люси была пресс-конф. на квартире Иры [Орловой]. Юра Гольфанд сделал заявление о Юре Орлове. Люся зачитала первые абзацы моего письма в Ноб. Комитет, содержащее поддержку выдвижения членов ХГ на Ноб. премию Мира, но не упомянула о дополнении, опасаясь, что из-за просрочки срока представления публичность может помешать Ноб. комитету использовать это дополнение (6 человек — Ковалев, Великанова, Горбаневская, Лавут, Ходорович, Якобсон).

Люся также зачитала документ о независимом профсоюзе, С. В. — о проблеме адвокатов — в связи с делом Щаранского, Орлова (у Иры на допросе в понед. повторилось то же — якобы письмо от Юры с просьбой взять советского адвоката, но без подписи, она отказалась)⁵³.

В 12 часов я был в Норвежском посольстве, отдал оба документа. Оказывается, Тим Грeve уже не в комитете⁵⁴. О Лионас я не спросил.

Вечером стало известно от Люды [Левшиной], что на имя Алеши пришла повестка в военкомат и что Оля решила дать документ об отсутств. мат. претензий.

10 февраля. Я ездил с утра на Ленингр. проспект в бюро переводов, но оказ., они работают только с 15 до 17. В 15 отдал вызов Нины [Харкевич], звонить во вторник.

Был в психдиспансере, получил рецепты для Юры, потом в аптеке № 5 (угол Горького и Медведева) — лекарства, отвез все в больницу, видел Юру, он очень грустный (оставил ему еду, но забыл дать деньги).

Алеша получил бумагу от Оли (как сказала Люся обеспокоенной Наташе, звонившей из Лен[инграда] — «поворот на 180°»).

11 февраля. Суббота.

Был Дима. Он собирается на след. неделе сдавать мат. анализ, знания неполные, лишь, если повезет, проскочит.

Субботу и воскр. я сижу дома, похоже, у меня грипп.

⁵³ Орлову на Западе наняли британского адвоката, но он просил также пригласить московского. Щаранскому следствие предложило казенного адвоката, имеющего специальный допуск.

⁵⁴ Ошибка Сахарова. Тим Грeve никогда не был членом Нобелевского комитета Стортинга. Он был директором Нобелевского института в Осло.

12 февраля. Был Петр Петрович Бергман (немец из Эстонии), привез краткое описание судьбы семьи. 26 год — первый отказ. 29 год — отец и дед первый раз арестованы. 37 год отец арестован и не вернулся. 74 г. — арестован и осужден на 3 года сам П.П. Бергман. 77 год — вновь отказ, т. к. сыновья женились на эстонках.

Сел писать письмо Г. Шмидту⁵⁵.

→ 55332

13 февраля. Понедельник. С бумагой от Оли Алеша и я поехали к Зотову. Но тот не удовлетворился бумагой и потребовал от Баймасовой принять документы по всем канонам. Конкретно понадобились: справка из института об отсутствии мат. задолженности — но институт не дает такой справки, считая, что т. к. Алеша уже отчислен, и уже это является доказательством, что к нему нет мат. претензий; справка из ЖСК о том же и столь же нелогичная, т. к. Оля остается; приписное свидетельство и свид. о браке.

В институте Алеше вновь не дали справки.

Я ездил в пос[ольство] Нидерландов из-за вежливости, получил пришедший на посольство общий вызов — Р. Г., Алеше и Оле.

Мы с Люсей ездили на Сиреневый бульвар — покупали подарки.

⁵⁵ Шмидт Гельмут, федеральный канцлер ФРГ(1974—1982).

Я ездил на Арбат, купил там не очень удачную шка- тулку за 25 р. и блюдо в подарок Люсе. Я считаю, что за мной еще долг.

Дима сегодня ничего не сдавал, мне очень все это не нравится.

Звонила И. Нудель, якобы, по передаче Стокгольма, СССР согласился на обмен Толи Щаранского и «некоторых отказников». Люся выясняла через корров, сведения менее определенные, но вроде что-то в этом роде имело место.*)

К 12 февр. Был Глеб Якунин, расск. о суде над Хайло. Резникова уговорила Владимира послать детей в школу, в суде не ждали ее приезда, и она сильно нарушила планы властей. Суд отложен, но Резникова надеется, что он вообще не состоится.

*) Якобы в Берлине неск. месяцев идут переговоры, инициатор — Копенг. комитет Сах[аровских] слушаний. Сов. правит. согласилось включить Щ[аранского], но после суда.

14 февраля. Вторник. Арину [Гинзбург] и Иру [Орлову] на четверг вызывают в ГБ.

Сведения об обмене со всех сторон. Называют 3 фамилии (Г.О.Щ.) [Гинзбург, Орлов, Щаранский]. Говорят об инициативе Израиля, об участии в переговорах адвоката Фогеля.

На семинаре — продолжение доклада Зах[арова].

Вечером, когда я прилег, подошла Люся и сказала: «Ты никому не скажешь? У меня спазм». Я не расслышал

этих слов и стал расск. какие-то глупости о себе. Она легла, потом рассказала о боли в области затылка с ощущением, что что-то там сжимается.

15 февраля. Среда. День рождения Люси (1923¹⁵/_{II}1978). Телеграмма от Юры Меклера, от Тани, Ремы, Моти, Анички и от др. Все было чин-чином, было человек 25. Вечером прозвонилась Таня. Первые же слова — почему вы не сказали, что Алеша не живет с Олей, я как дура туда стала звонить. Таня рассказала, что во время бурана в Бостоне и окр[естностях] погибло 70 человек. Но когда они приехали от Лумельских из Эн Арбора, стихия уже угомонилась, Рема откопал машину, и они спокойно доехали домой. Дети очень скучают о нас, думать об этом невыносимо грустно. Люся в разговоре подчеркнула, что «Тревоги» не должно быть в англ. издании «Года»⁵⁶. Ремин доклад в Эн Арборе прошел хорошо.

У нас были Мейман, Копелевы (2), Твердохлебовы (4), В. Ф., Л. и Г. [Лена Воробьева и Гера Риле], Вера и Вика [Алихановы], Нудель, Рубцов, Фаня [Реньш], нас четверо, Слепаки (2), Маша и Настя [Подъяпольские], Шихановичи (3).

⁵⁶ «Тревога и надежда. Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова», составитель Е. Янкелевич, из-во «Хроника», Нью-Йорк, 1978. Статья с аналогичным названием была написана для сборника Нобелевского комитета, и копирайт принадлежал ему.

16 февраля. Четверг. Вечером напечатали два документа — письмо Вальтеру Шеелю и Гельмуту Шмидту о семье Бергманов и личное письмо Щелокову о семье Мамута Асана. Первое письмо Люся слегка подкорректировала, а второе очень быстро написала сама.

В 2 часа я поехал к Юре — хотел застать старшую сестру, чтобы получить ключи, но она заболела. К Юре тоже не попал. Получил бандероли — возврат на Перовской, 32, подписал у Татьяны Леонидовны, что не возражаю против поездки Люси в Италию, но забыли, что нужна еще [справка], что она живет на Кетчерской и пенсионер.

Арине [Гинзбург] в ГБ отдали ряд бумажек, взятых на обысках (150 штук), ее личные сертификаты (которые она уже отдала обменять). Спросили, есть ли у нее адвокат. Она сказала, что у Гинзбурга два адвоката — в США и Резникова. Следователь записал обоих, обещал на днях связаться с Резниковой.

Андрей Т[вердохлебов] вышел, ему разрешили пребывание в Москве 3 дня.

П. Винса, когда он, по-видимому, шел к консулу, задержали, а, быть может, арестовали (статья о тунеядстве).

[Февраль. Письмо Татьяне и Ефрему Янкелевичам]
Дорогие Таня и Рема!

Плохая связь с вами становится бедствием, тем бóльшая радость телефонные разговоры. Во время предпол. разговора особенно растрогал нас с Люсей Мотя с его «приезжай» и разными соблазнами.

Я на всякий случай повторяю из последнего письма (тем более, что поступают новые свидетельства), каким успехом пользовался Хириг, которому Рема отдал столько крови. Я повторяю также, что я писал насчет покупки дома — в интересах нашей растянувшейся на 2 континента семьи, наверно, правильной всего сейчас купить дом, благо деньги у нас есть, а если возникнет желание или необходимость уехать из Бостона — через несколько лет ничего не стоит продать.

Рема, я понял, что Франтишек [Яноух] не слишком удачно действует с публикацией «Ядерной энергетики». Я по простоте думал, что он сможет это сделать профессионально и с политическим и личным беспристрастием. Люся сказала, что она дала тебе в момент отъезда из Италии все необх. полномочия, но, конечно, до этого кое-что было напутано, а ты, быть может, не вполне ее понял. Особенно важны два момента: Широкие публикации в Германии (ФРГ), где лежит эпицентр антиядерных баталий; публикации на самом распространенном — английском языке, как в научно-общественной, так и в широкой прессе. Я думаю, что вопрос этот длительного значения и исправить положение никогда не поздно. Если не поздно, включи в английское издание книги «Год Сахарова»: 1) «О смертной казни» 2) «Ядерн. энергетика», «Обращение к парламентам 4/Х».

Целую всех вас, особенно Мотиньку и Анечку, о которых очень скучаю. На днях Люся рассказала, как Аня героически вступилась за брата, когда того повалил Симоне⁵⁷, и, умело действуя лопаткой, обратила обидчика в бегство. Вообще, мне кажется, что она вовсе не беззащитное создание, а «девица с характером». Стараюсь представить, какие они сегодня. Целую А. (дидя Адя).

17 февраля. Пятница. Получил Люсино приглашение от Нины [Харкевич] в переводе на русск. язык (4 р. 62 к.)

Был в Нем. посольстве. Отдал там документы о П. Бергмане. Консул был очень любезен. Переводчик встретил меня на улице, далеко от посольства, за углом, т. к. милиция отогнала нас со стоянки. Консул сказал, что в целом в деле эмиграции большой прогресс, но такие дела, как у Бергмана (которого они хорошо знают), портят его.

Письмо Щелокову⁵⁸ отправил как заказное с зак. уведомлением о вручении.

Вечером был Стефан Маринов. Он еще больше жулик и нахал, чем сумасшедший. Он, кроме аферы с предисловием к своей книге (которую он рассчитывал продать — 5000 экз. за 20 долл. штука), еще сделал меня

⁵⁷ Симоне — внук М. В. Олсуфьевой. (О ней см. «До Дневников»).

⁵⁸ Министр внутренних дел. К нему мы обычно обращались в попытке получить прописку в Крыму семьям крымских татар.

председателем научной конференции — все на том основании, что я не дал официального отказа. Люся ругает меня, что я был слишком вежлив, но это не совсем так⁵⁹. 18 февраля. Алеша отправил книжную бандероль за 49 р. Тане в Брайтон.

Днем был Дима. Алеша слегка поговорил с ним об обобщенных функциях, я — о физике (распр[остранение] плоской электромагнитной волны и т. п.). После обеда послушали вместе пластинки, он ушел, я дал ему 10 р., сказав, что я не буду давать ему более опр. суммы, а еще часть буду давать Любе.

Утром были — Ибрагимов из Алма-Аты, которого летом уволили с работы и исключили из партии за выступление на парт. собр. против осуждения Солж[еницына] и меня. Был также Боженко (врач-стоматолог из Люберец). Квартирные проблемы якобы в связи с желанием уехать из СССР.

19 февраля. Воскресенье.

Вечером были Лидия Корнеевна и Мейман. Мейман был также утром, мы оба писали о Винсе, вечером мы с Люсей печатали окончат. вариант.

⁵⁹ Длинная история околонуучного душевнобольного жулика из Болгарии, опубликовавшего собственное предисловие к своей книге за подписью Сахарова. В связи с этим А. Сахаров писал опровержение, опубликованное в журнале «Nature». О подлогах Маринова в этом же журнале писала Вера Риччи.

Люся кончила перепечатывать «О смертной казни»⁶⁰. С Л. К. и Мейм[аном] играли в «Поляроид»⁶¹.

Винс арестован 15 февр., обвинение — ст. 214-II УК УССР. (Тунеядство). Непонятно, почему часть II.

В 3 часа ночи прозвонилась Таня. Она очень волнуется за нас, особенно об Алеше. У них Юра Меклер. Говорит — дети чудесные, еще лучше, чем во Флоренции, квартира отличная. Приехал в США с мамой, и это несколько расстраивает Люсину надежду⁶²...

Разговаривали с Мотинькой, сегодня он, вроде, спокойней, рассказывал, что они играли в войну с Анечкой на кровати, что было очень весело. Анечка иногда плакала (вообще, не во время этой игры, как я понял), и он ее утешал. Люся сказала ему, что скоро к ним придет дядя Алеша. Мотя просит прислать санки, а Таня для него — колготки (видимо, она экономит деньги на дорогих колготках, не покупая их). Рема, по-видимому, не приступил еще к английским занятиям вплотную, и это вызывает Танины нарекания.

20 февраля. Понедельник.

Втроем поехали в ОВИР. Зотов некоторое время ломал комедию, якобы звонил зам. декана, чтобы разъяснить ей,

⁶⁰ Статья А. Сахарова.

⁶¹ Есть несколько фотографий этого вечера.

⁶² Несерьезное примечание — у меня было намерение сосватать этого упорного холостяка, но я считала, что это му мешает постоянное присутствие его мамы.

какие справки нужны для Алеши. Затем (Люся считает, что, когда она дала понять, что намерена подать заявление о поездке) смилостивился. Алеша получил у Баймасовой свою визу. Сначала ее срок был 28/II, потом мы с Люсей получили билет на 1/III, 7 утра, в Италию — этому предшествовал визит в Итал. посольство — и после обеда мы с Люсей заехали в ОВИР, продлили Алешину визу до 1/III. Люся подала свои документы, анкеты вместе с переводом вызова от Нины и справкой от меня. Не удалось получить обратно 100 рублей — у Алеши уже нет паспорта, мою доверенность от него жаль отдавать, и очень подпирают сроки. (Эти 100 руб. — разница между стоимостью визы до 15/II и после 15/II, а Алеша заплатил 13/II).

Вечером у меня были корры:

Бекхеррн из DPA и Кетлин из Рейтер (в тот момент, когда пишу, пришел только первый) [зачеркнуто в дневнике], отдал письма — обращения о Бергмане и о Петре Винсе, расск. об Алеше.

21 февраля. Вторник.

Сам звонил в Рейтер, после этого приехал Крис Кетлин. Рассказали им об Алеше и отдали бумаги про Винса и Бергмана.

О Винсе и Алеше рассказал АНСА — сами позвонили.

Алеша, получив обратно визу и обменяв валюту в банке, пришел к нам с Лизой [Алексеевой]⁶³. Вместе

⁶³ Я впервые увидела Лизу. Но позже выяснилось, что Андрей и Ефрем с ней уже были знакомы.

с ними Люся и я поехали в Детск. Мир [и] за книгами на Вавилова.

Потом я пошел в ФИАН (докладывал парень из группы Зацепина, очень дельно, наши многоученые мужи не все поняли, я тоже, кроме того, я полдоклада нагло проспал).

Алеша и Лиза уже без машины съездили за санками. Я заказал гр. авто.

Вечером приходила Зарина Дзедобоева с Горелкиным⁶⁴, и я решил завтра сходить с ними в амер. и австр. пос[ольства]. Люся ругала меня (при Алеше), что я делаю глупости, не свое дело. Она отчасти права, но мне трудно провести грань между «своими» и «не своими» делами, и кажется опасным проводить ее слишком определенно. Алеша возражал маме.

Я считала, что невозможно ни психологически, ни физически и не надо было делать многое из того, что делал Андрей. Возникало некое иждивенчество, потому что к Андрею (а иногда и ко мне) обращались за помощью даже в таких делах, как покупка жел. дорожных билетов. Говорилось: «Вы можете без очереди». Действительно — он герой Соц. Труда, я инвалид Отечественной Войны. И отказаться вроде неудобно. А что мы старше всех вокруг (и больней) как-то отходило на второй план. Но главное, что мне казалось не-

⁶⁴ Один из группы пятидесятников, добивающихся разрешения на эмиграцию.

верным в поведении Андрея, было не это. Он часто брал на себя ответственность за решения, которые человек должен принимать сам. Соглашался на это, вместо того, чтобы сказать — решай сам. А потом еще мучился этим. Так было с вопросом эмигрировать или рисковать, оставаясь в СССР, с Татьяной Ходорович и с Кронидом Любарским. И так было с Александром Подрабинком. Не должен был Андрей (а за ним, считалось, что и я) ломать его, даже исходя из заботы о судьбе Кирилла Подрабинка. ■

Были также Маша с Настей [Подъяпольские] и Вера Федоровна.

22 февраля. Среда.

Люся и Алеша с утра поехали в таможню и блестяще сделали все дела.

■ Действительно, никаких проблем со сдачей багажа не было, но в США Алеша получил только малую его часть. Были украдены почти вся одежда и большинство книг. Так как тафа, в которой были отправлены вещи, при этом была целой, то подавать рекламацию было некому. В 1977 году у Тани и Ефрема также был инцидент с багажом, но не с тем, который отправлялся малой скоростью, а с чемоданами, которые летели в Италию вместе с ними. Чемоданы внешне оказались целыми. Но у Ефрема в фотоаппарате объектив был поцарапан наждачной бумагой. А Танины

вещи были залиты красной краской, похожей на кровь. Химчистка эту краску удалить не смогла. Такая своеобразная угроза. Было очень неприятно, даже тревожно. ■

Я ездил с Зариной в амер. посольство. С нами говорил Картер (негр, помощник консула). Зарина отдала на продление визы пятидесятников, я отдал письмо на имя Картера (другого, президента!), подписанное 7000 пятидесятников. Завтра Люся отдаст это письмо коррам.

В перерыв между заездами читал фантастику.

Во второй половине дня с Горелкиным был в австралийском посольстве. Они уже обращались в Сов. Мин. по делу Горелкина. Переводчик беседовал с консулом, Джон Джи лично это делал — он помощник консула. Консул обещал сделать дальн. шаги, в общем, я считаю, что мой визит с Горелкиным имел психологическое значение (а без меня он бы вообще не мог попасть в посольство, и назревало недоразумение, якобы консул назвал его человеком, занимавшимся провокациями — по телефону с его другом.)

Я позвонил Любе. Она ничего не знала о том, сдал ли что Дима. Но когда подошел Дима, он сказал, что сдал 2 математики. (На какую отметку — неважно. При его знаниях это в лучшем случае чудо. Люся думает, что его умышленно вытаскивают.)

23 февраля. Четверг.

Утром Люся говорила с Ниной [Харкевич] после 3 дней тел. штучек. Таня уже звонила ей, и Алешу встретят.

Я ездил к Юре⁶⁵, с трудом меня пустили к нему на несколько минут. Он очень грустный, томится, мерзнет, хочет домой. Ноги его не гноятся, но красные и облупленные с омертвевшей кожей. Его хотят переводить в б. Ганушкина.

С Котельн. высотного дома послал телеграмму в «маленький [неразборчиво]» Чуна — с выражением беспокойства за Сережу Некипелова⁶⁶.

Сегодня большая радость — пришло первое письмо от Тани с Ремой, написано 18/1, послано (штамп) 23/1 — шло месяц. Первая ласточка связи. В письме — план квартиры и толковый рассказ Тани.

К вторнику. В 4 часа ночи (по Брайтон[скому] времени, а у нас 12 дня) Люсе удалось прозвониться к Тане. Таня была очень сонной, но все об Алешином приезде поняла и тут же позвонила в Италию.

P.S. Что из фантастики произвело на меня впечатление: «Подводное натяжение» — о цивилизации, порожденной погибающими космонавтами в каком-то болоте — из их клеток возникли водяные клопы, род военачальников вел войну с коловратками, род мудрецов разрабатывал технологию и науку, и как, наконец, они вы-

⁶⁵ Юра находился в обычной больнице, но намечался его перевод в психиатрическую больницу (им.Ганнушкина).

⁶⁶ Сын Виктора Некипелова от первого брака служил в армии, и у него был конфликт с начальством, так как он заступился за одного из своих сослуживцев.

ходят на сушу, где между «ним» и «ею» — любовь, заложенная генетически. И рассказ Лема — «Маски» — о роботе женщине-скорпионе, в которого создатели (королевские оружейники — кибернетики) заложили инстинкт любви и убийства возлюбленного, опасного для короля мудреца. Любовь побеждает смерть (не надо вспоминать только «эта штука посильней, чем Фауст Гёте»⁶⁷) через смерть. Рассказ Лема — тема для Тарковского.

24 февраля. Пятн.

Был у Юры, взял ключи. Доктор сказал, что ноги ему подлечили (я видел, что краснота и подобная панцирю кожа остались, но нет гноя), а психическое сост. без изменения. Хочет переводить его в Ганнушкина.

Утром был звонок от женщины из Ворошиловграда, у которой сыну предъявл. обвинение по 190¹, и суд сегодня по психиатр. варианту. Ранее Люся посоветовала ей взять Немеринскую в качестве адвоката, но это не получилось — посланные 16 февр. по телеграфу деньги не дошли. Она в растерянности. Новый ее звонок — на другой день (25/II). Сына присудили к спецпсихбольнице. Я посоветовал ей все же попытаться взять Немеринскую на касационное заявление, но, кажется, это не получается.

25 февраля. Суббота.

Утром радость — телеграмма от Мальвы Ланда. «Мне сообщили, что днями амнистия. Я не обращалась ни с ка-

⁶⁷ Высказывание И. Сталина о поэме М. Горького «Девушка и смерть».

кими заявлениями. Душой рвусь к вам». Телегр. получила Арина[Гинзбург] и позвонила к нам.

Добиваюсь весь день Шиплера для передачи ему Хельсинкского документа о пенсиях. Этот важный документ, так же, как хороший документ об инвалидах сделала Софья Вас. (У Некипелова получилось нечто пухлое). Если бы еще были документы о других социолог. вопросах (здравоохранение, образование, пьянство, преступность, судебная система, места заключения, условия труда, уровень жизни).

Странный (анонимный, к сожалению) документ о таджиках-горцах. Люся напечатала от моего имени врезку, чтобы послать его в «Континент»⁶⁸. Все эти документы Люся привезла в пятницу — у них было собрание Группы. Люся составила и напечатала также очень важное письмо для друзей за рубежом (для Алексеевой, Буковского, Гри[горенко] и других). Идея письма — не навязывайте нам линии деят[ельности], прояснения некоторых орг. вопросов, будьте там поосторожней [и не забывайте — зачеркнуто].

Я ходил на Котельн[ическую] наб. за продуктами к Алешиным проводам (завтра). 25-го у Ларисы Виленкиной были курсовые провода, после них А[леша] остался в Новогирееве.

⁶⁸ Не помню, был ли он напечатан в «Континенте». Врезкой Андрей называл свое представление журналу данного материала.

24-го и частично сегодня писали письма в Брайтон. 26 февраля, воскресенье. Проводы Алеши.

Днем был Крейг Уитни из Нью-Йорк Таймс. Принес Соловьева и Клепикову и публик[ацию] моего письма (ругательного, об искажениях). Взял документ о пенсиях. К сожалению, сказал, что еще в начале января Гросс отказался взять письмо в Брайтон.

Придется самому нести новое письмо и скандалить.

Опять был Боженко, отсидел 2 сут. в кат[алажке].

С 5 были: Литинские (2), потом Рубцовы (3), Нойэр [Розоноэр] с женой, Мейман, Слепаки, Шихановичи, Гастев. С 6 до 7 Алеша был у Баталина, это было не слишком изящно. У Меймана с Гастевым был спор, следует ли Алеше обращаться к Вильямсу⁶⁹.

У Меймана находят тромб. Нужен «Венерутон» Zypia (Швейцария).

27 февраля. Понедельник. Ездил в поликлинику (у Яковлевой взял рецепт и на Ферсмана взял лекарство для Меймана). Был у Шарова, договорился в четверг рентген, в пятницу к нему.

Пришла Бэла [Коваль]. У нее на работе был визитер из КГБ. После вежливого введения он взорвался и начал угрожать: Вам место не в таком хорошем институте, а в Мордовии, где все ваши друзья. Спрашивал про Иду [Нудель], знакома ли с ней Бэла (она не знакома).

⁶⁹ Николай Вильямс, московский математик, муж Людмилы Алексеевой, эмигрировавший в США.

28 февраля. Вторник.

Начались последние сутки пребывания Алеши в Москве. Ночь он провел в Новогирееве, потом с 2 до 8 был на Вернадского, туда ехал до ФИАНа со мной на машине убитый, бледный, подавленный до посл[едней] степени. Таким же он был и ночью.

Люда [Левшина] устроила ему сцену, назвала его подлецом, разбившим судьбу Кати и Оли. Оля, в общем, говорила то же самое, от всей ее рисовки ничего не осталось, убита и несчастна и не скрывает этого. Люда сказала, что Люся и Р. Г. стремились к разрыву с самого начала. Катя сказала: «Папа пришел, мама и папа — помириться!».

Утром я ездил на сессию отделения. М. А. Марков дал мне папку с материалом Пагуоша, чтобы я ознакомился с ними и высказал мнение. Фактически это не материалы заседаний, а «Манифест» Эйншт[ейна] и Рассела, статья самого М. А. [Маркова] и тексты советских предложений о полном разоружении. (М. А. сказал, что они лежат в основе советских предложений).

Е. Л. [Фейнберг] сказал, что Пагуош имеет часто весьма двусмысленный, маскирующий характер (отвлекающий). Я думаю, что он прав, но тем не менее Пагуош имеет в себе какую-то рациональную основу, восходящую к его создателям. Тут положение такое же, как и со всеми другими аспектами разрядки — есть большие опасности, много демагогии и прямой лжи и тем не менее, есть и возможности. Я думаю попытаться выразить это в более завершенной форме в спец. статье.

Я (за два приема) купил пластинки для детей и для подарков, купил чемодан для Алеши.

В 14 часов был в ФИАНе на гражд. панихиде по Артему Исааковичу Алиханяну (1908—1978 гг.). Он умер от рака (как сказал Коля Пейко, после года отчаянной борьбы за жизнь и мучений). Жена А. И. не присутствовала, он развелся с ней год назад. Тело А. И. будет отвезено для похорон в Армению.

Алеша по одному прощался с Лизой, со мной, мамой и бабушкой. Алеша говорил со мной очень взволнованно, он сказал дрож[ащим] голосом: «как тяжело уезжать». Он сказал также, что мама и я не должны считать себя в чем-либо виноватыми в его судьбе, что от меня он видел только хорошее и что он меня очень любит. Я тоже сказал, что я его очень люблю. Алеша просил нас найти в себе силы не поддаваться унынию, не сжигать себя, дать себе отдых, мне найти в себе силы для научной работы. Он сказал, что очень будет волноваться за нас, и с этим ничего нельзя поделать.

Я просил его не волноваться за нас. КГБ хочет задуть нас морально одиночеством, мы с мамой справимся с этим, но именно для этого важно, чтобы Таня, Рема, он сумели начать новую жизнь — учиться, работать, дружить. Я сказал, что надеюсь, что он сможет заниматься матем. и физикой — там.

1 марта. В 4 часа ночи мы впятером поехали в Шереметьево, шестой был Юра Шиханович. Алеша взял с собой тюльпанчик и положил его к подножию памятника Пуш-

кину. Это было очень значительно, как прощание с истинной родиной.

Таможня сначала не хотела смотреть Алешины вещи, таможенник сказал мне — вы не могли не знать, что уезжающие на пост[оянное] жительство должны приезжать за сутки, вы не первый раз в Шереметьеве, полгода назад уезжал ваш зять Янкелевич. Я возражал ему, назвал себя, и вопрос решился (по второй причине).

Алеша был спокоен и слегка презрителен при осмотре. Таможня сначала не пропустила все личные фотографии. Люся подняла крик, назвала ГБ-шника «падла» и сунула Алеше пачку фотографий. Алеша тоже уперся и настоял на своем, хотя ему угрожали, что он не поедет, и устроили личный обыск (сообщил Алеша из Рима).

Около 9 вечера Алеша смог к нам прозвониться. Он — в пансионе, уже посмотрел район Рима, помылся, разобрал вещи. Он явно рад своей стойкости с фото. Разговаривал с Таней.

Игорю Гессе разрешили выезд. Он поедет с Верой. Отлично!

Лиза была с нами на аэродроме, на Кропоткинской слезла, чтобы идти на урок (это не только педпрактика, но и работа для заработка). При прощании Люся поцеловала Лизу.

Люся накануне рекомендовала коррам спросить у Апраксина⁷⁰, кто назначенный адвокат Щаранского. Сегодня стало известно, что это никому не известный адвокат Сильва Абрамовна Дубровская.

У нас был Леня Щаранский и В. Ф. Она совершенно убита очередным отказом. Зотов разыграл перед ней целый спектакль, изображая сочувствие и непричастность.

Ко мне приходила мать Львова из Челябинска. Это бывший уголовник, который познакомился с Львом Убожко и стал писать резкие письма. По показаниям одного свидетеля был суд, Убожко поместили в спецпсихбольницу в Ташкенте. Львов также присужден к спецпсихбольнице.

Суд над Кириллом Подрабинеком состоится 14 марта. Из заявления Кирилла от 28 дек. ясно, что он не хотел приносить себя в жертву, но также не хотел унижаться.

Вечером Люся сказала: «Все так грустно, мы остались одни, и все же у меня ощущение огромного освобождения. Я никогда не препятствовала тебе делать то, что ты считал необходимым, не препятствовала сделать заявление о метро — но сознавала при этом, что все это ставит под удар детей. Сегодня этого уже нет, и я чувствую освобождение от кошмара».

2 марта. Четверг. Поехал на рентген, потом к Юре. Провозился с ним до 5 часов, устал и изнервничался. Он все же забыл снять с себя казенную рубашку. Башмаки пропитаны гноем.

3 марта. Утром был в поликлинике. Шаров снял мост, а Лид. Алекс. Дор[офеева] запломбировала зуб.

⁷⁰ В то время Апраксин был председателем московской коллегии адвокатов.

Потом с Люсей поехали отправлять бандероли в Брайтон (3 пачки), пытались купить книги, но безрезультатно. Люся, пользуясь инвалидной книжкой, купила «Кустодиевские» марки и конверты (была страшная давка).

К 5 часам поехали в американское посольство. Комса нет, он будет 29-го, и с нами разговаривал Хьюз, Прингл и переводчица — американка. Хьюз — помощник Комса или равный ему по рангу, держался официально-нагло, Прингл поддакивал ему, хотя чувствовал явное неудобство. Я начал разговор с того, что нам известно, что более месяца назад через посольство были отправлены нам 3 письма, очень важные для нас, делового содержания. Прингл сказал, что они никаких писем для нас не получали. Я положил на стол наше письмо, сказал, что в нем важные документы общественного характера и личное письмо, что мы посылаем его в адрес нашей дочери и зятя, т. к. это наиболее целесообразно с деловой точки зрения. Хьюз заявил, что согласно решению Госдепартамента и категорического указания посла письма личного характера не могут быть отправлены дипломатической почтой. Я и Люся ссылались на общественный характер писем, на невозможность иными способами решать проблему связи, бывшую главным предметом моего письма Картеру. Я сказал, что я рассматриваю сам факт ответа мне президента, как косвенное обещание благоприятного решения единственного вопроса, о котором я просил для обеспечения своей общественной деятельности. Хьюз был непробиваем. Он сказал, что если бы я был не я, то со мной

даже и разговаривать бы не стали. Хьюз также сказал, что если он хочет здесь работать, то должен соблюдать закон (или что-то в этом роде сказал).

В общем, мы уехали с полным отказом. Единственное, что обещал Хьюз, это послать телеграмму в госдепартамент с запросом, я сомневаюсь, что он корректно сформулирует вопрос. В дальнейшем я собираюсь написать запрос Бжезинскому.

Вечером у нас был Мейман. Говорили о капитуляции Запада в Белграде. Мейман возражал против составленного Люсей по поручению Группы письма Люде [Алексеевой], Володе Б[уковскому], Григоренко, Чалидзе и еще двум-трем друзьям на Западе. В этом письме наряду с оргмоментами были дезавуирующие замечания о Клебанове. Мейман считает, что суть не в личности Клебанова, а в огромной важности вопросов прав рабочих, во всеобщем интересе к этим вопросам и в том, что Клебанов и его товарищи уже стали жертвой репрессий. Мейман считает, что в этой обстановке письмо, которое может быть неправильно понято или попасть не в те руки — опасно. Решили письмо не посылать (но оно, быть может, уже ушло).

4 марта. Писал проект выступления о Щаранском для Володи [Слепака], но тот позвонил, что «игрушка» (т. е. н. а. [?]) сломалась⁷¹.

⁷¹ Видимо, ожидалась, но сорвалась оказия для отправки почты.

Писал для Дисы⁷².

1. Был Слава Бахмин, принес известие (б. м. ложное) об Указе отн. П. Г. [Григоренко]⁷³. Отдал ему о Львове и Волобуеве.

2. Был Ваня Гудков с просьбой автора какой-то теории ознакомиться с ней.

3. Была Бейлина с разговором о проблеме адвоката для Толи [Щаранского], мы считаем, что надо оставить все как есть. Принесла могоновид для Люси.

4. Была Ида Нудель. Принесла документ о предстоящем суде над Г. Гольдштейном (обвинение в тунеядстве).

5. Была Юла.

Поздно вечером дозвонился Алеша, он Люсю слышал, а она его почти нет. Все же стало понятно, что он живет в пансионе «Антик» (т. е. 13·10³лр в сутки), что Рим ему нравится. Люся объяснила ему, кто такой Поповский, и что вызов Лене К[опелевой] должна пр[ислать] Майя [Копелева], и т. п.

Бахмин сказал, что Клебанова⁷⁴ смотрел «свой» психиатр и пришел к неутешительному выводу. К[лебанов] придумал историю, как его не дали арестовать рабочие.

⁷² Интервью для шведской газеты.

⁷³ О лишении гражданства. К нашему большому огорчению, сообщение это оказалось не ложным.

⁷⁴ Клебанов, организатор Свободного профсоюза, был помещен в психиатр. больницу.

5 марта. Воскресенье. С утра звонил Коротич из Моск. Патриархии, просил выступить в его защиту. Его преследуют на улице, кашляют в ухо, требуют уехать из Москвы. Он или психич[еский], или провокатор (верней первое), или (что мало вер[оятно]) крайне наивный, но нахальный человек.

Писал для Дисы, кончил уже поздно вечером, печатали с Люсей уже ночью.

Ходили пешком в гости к Мейману.

Вечером у нас были в гостях на блинах В. Ф., Маша с Настей, Мейман.

6 марта. Понедельник.

Была Диса. Потомездилк Шарову, а Люся — Лид. Алекс. Дорофеевой и к Олейниковой⁷⁵. Ей надо быть у О[лейниковой] в понедельник утром, а мне — в четверг утром же.

Вечером у нас был Дима, дал ему 10 р., Саша Лавут с документами от Наташи Г[орбаневской], внесли ряд изменений, но лучше бы все же просто публикацию в К[онтиненте] опубликованных на Западе документов.

Был также Ваня Гудков, принес исп. статью о [неразборчиво].

7 марта. Был в ФИАНе. Открыт новый мезон массой 30 Гэв (пары μ_+ + μ_-) предположительно это аналог ψ , но с более тяжелым кварком из третьего дублета (так же, как ψ с массой 9 Гэв.)

⁷⁵ Врачи поликлиники АН СССР.

Итак:

$\begin{pmatrix} p' \\ h \end{pmatrix} \begin{pmatrix} c \\ S \end{pmatrix} \begin{pmatrix} t \\ b \end{pmatrix}$ — истинность)
— прелесть)

[зачеркнуты формулы]

Доклад Чернавского:

Клеточный цикл и переход R(rest) ↔ P (делящаяся фаза) определяются кинетикой мембранных клеточных часов — кинетикой реакций; фосфолипиды, активные радикалы, катализаторы, (окисление) ФЛ, ингибиторы этой реакции. Предполагается, что в обычных клетках имеет место гистерезис, что делает систему управляемой, а в раковых — нет, причина гистерезиса — каркас из глюколипидных цепей.

-200 Был лесник, принес тюльпаны⁷⁶.
+200

→ 08532

Звонила Кира, секретарша Макдональда, [английского] адвоката Ю. Орлова. Она, не называя себя, спросила у Люси: «Я разговаривала с неким Шальманом...». Тут разговор был прерван.

Перед этим был звонок из ЮПИ — правда ли, что суд над Орловым на след. неделе. Но единственное, что мы

⁷⁶ В течение ряда лет неизвестный человек (фамилию ни разу не назвал, говорил, что он лесник) приносил мне каждую весну колоссальный букет роскошных (явно из теплиц) тюльпанов.

знаем с дикого Запада — что сделали два прокола Вере Лашковой (они не балуют нас информацией, если нет непосредственной) нужды в моих выступл[ениях]).

8 марта. Уже несколько дней Люся по нескольку раз в сутки заказывает Рим, Флоренцию и Брайтон — все безрезульт[атно].

Печатали о Гр. Гольдштейне, но Ида Нудель не пришла (возможно, ее задержали на демонстрации евр[ейских] жен[щин]).

С Люсей немного гуляли (и простыли при этом). Зашли к Юле [Закс], там ничего нового, с Андрея [Твердохлебова] все требуют план дома⁷⁷. Потом поехали к Копелевым. Отдали для перевода ЯЭ [«Ядерная энергетика и свобода Запада»]. Лева расск. о том, что христ[иане], близкие к Шаф[аревичу], рассм[атривают] Калининский проспект как осуществление плана сионских мудрецов.

Л. [Копелев] дал Гнедина (без последних 4 х глав, проблема, как их напечатать в К[онтиненте] или где либо)⁷⁸. *Текст о Щаранском датирован 8/III.*

9 марта. Получил 590 р. Из них 330 р. (или неск. больше) на оплату дачи и тел[ефонных] расходов. Книги, яб-локи. 127 р. 90 к. за зубы. Был на кладбище⁷⁹.

⁷⁷ В связи с покупкой дома в городе Петушки.

⁷⁸ Рукопись Евгения Гнедина «Выход из лабиринта». Сахаров писал к ней предисловие (ноябрь 78).

⁷⁹ 8 марта — день смерти Клавдии Алексеевны Вихиревой.

Без меня звонили из ЮПИ, просили реакцию на Белград⁸⁰. Я написал текст, продиктовал.

Люся была на почтамте, говорила с Лией [Вайнштейн]. Алешка уже во Флоренции у Маши [Олсуфьевой]. Лия говорит, что он немного отошел, отоспался и оббежал весь Рим. Я немного успокоилась. Спросила о Марио [Корти], Сереже [Рапетти], она ничего не знает. О Хиринге [Слушания] говорит хорошо. Узнает, а я позвоню ей на сл. неделе. У Алеши беседа с консулом примерно через две недели.

■ Из попытки Андрея получить у американцев Алеше прямую визу в США (так же как раньше для Тани и Ефрема) ничего не вышло. Ничего не вышло и в Госдепе в Вашингтоне у Ефрема. И Алеша провел в Италии два с половиной месяца. А когда пришел в МИТ, ему устроили собеседование со стажерами из СССР (КГБ?), а потом сказали, что он опоздал к зачислению ■

Пришла телеграмма от командира части из пос. Чунский. Солдат Некипелов здоров, службу несет исправно, ком[андир] просит меня не беспокоиться. [см. 23 февраля]

Телеграмма от Стуса: «Старательно оприходовали остатки. Третий день неллицеприятные беседы о Левке [Лукьяненко] жду продолжения. Василь Стус.»⁸¹

⁸⁰ В Белграде закончилась очередная встреча послов, представляющих страны Хельсинкского Акта.

⁸¹ У Стуса в ссылке был обыск и допрос.

Телеграмма от Мальвы: Поздр. Эжена [?]и его друзей. Ничего не понимаю.

Стусу послали телеграмму в пос. Матросский, почта, до востребования.

10 марта. Вера Федоровна — в больнице.

Утром у нас была Люба Мурженко. Ей не дали свидания, т. к. Алик 25 февр. не вышел на работу.

Был верующий из Полтавы. Его из собств. дома переселили в комнату 6 м², дом снесли, на очередь получ[е-ния] кв[артир]ы не ставят.

Был Николаус, отдали ему про Гр. Гольдштейна, Щаранского и вчерашний текст про Белград.

Позвонил Юра Шиханович. В номере «Ведомостей Верх. Совета СССР» от 23/II, пришел сегодня, напечатан Указ от 13/II «О лишении гражданства СССР Григоренко П.Г.». За систематические действия, наносящие ущерб престижу, ..., на осн. Закона о гражданстве...

Позорный, вероломный акт. Я об этом заявил Сету, Франс пресс, Рейтеру.

Вечером пришли Маша [Подъяпольская] и Лена Щен⁸². У Веры Федоровны инфаркт, по-видимому, не обширный. Она в б-це № 52 (где Д. [Долгопоск]).⁸³

В. Ф. подготовила письмо (очень эмоцион.) с отказом от ордена, адресовала Брежневу.

⁸² Жена Марка Дейча (фамилию не помню).

⁸³ Долгопоск, профессор-кардиолог, брат покойного мужа В. Ф.

Передача Г. А. [«Голоса Америки»] по моему заявлению о Белграде (названному беседой) — очень неточная, ослабляющая мой текст.

11 марта. От В. Ф. известия, что t° — норм. Нет ухудшений кардиогра[аммы]. Ее настроение очень нервное.

У нас были гости: Костя [друг Игоря Алиханова], Вера, Вика, подготовили все, чтобы дом был в порядке.

Вечером был Юра [Сахаров].

5-й день попыток позвонить во Флоренцию и Брайтон. Много раз говорили со старшей телефонисткой. Один обман сменяет другой. Когда я и Люся снимали трубку, слышали голос Тани и она наш голос (1 слово).

12 марта. Утром 12-го ст[аршая] телефонистка сказала, что более 2-х дней заказы не продлеваются. «До сих пор вам делали любезность. Мы не виноваты, что ваши телефоны не отвечают».

Пришла Н. [фамилия зачеркнута — Наташа Хасина], рассказала об убийстве детей в Израиле. Я написал обр[ащение] к Мировой общ[ественности]. В 18.00 вышли перед домом «Дружбы народов». Всего было человек 30. Мы на метро приехали втроем (Люся, Мейман и я). Евреи развернули плакат: «Позор убийцам детей». Пьяные молодчики стали его рвать. Мы кричали хором «Позор убийцам детей и их покровителям». Публика комментировала «отпустить бы их всех, чтобы не мучили; одели дубленки и т. п.». Милиция никого не задержала. Один милиц[ионер] пытался проверить документы, но старший его остановил. После того, как все разошлись, приехало неск. машин ГБ.

Пришел Леня Литинский. Он взволнован. Оля сказала, что у Ремы и Тани ничего не получается с работой в Штатах, и они уезжают в Израиль⁸⁴. Леня, стесняясь, рассказал об этом.

Вечером были Вика Швейцер с Мишей Николаевым. 24го они уезжают.

■ Швейцер Виктория, литератор, автор книги «Быт и бытие Марины Цветаевой», сестра одноклассника Андрея, известного кинорежиссера Михаила Швейцера. Михаил Николаев, многолетний пзк. Вика и Миша были близки с Н. Я. Мандельштам, которая неоднократно жила у них на даче в Тарусе. Я была с ними знакома задолго до встречи с Андреем. ■

13 марта. Утром — Мирко Тебальди⁸⁵, обижен, почему вчера не пригласили.

Потом Володя Слепак.

Была Маша [Подъяпольская]. Сообщила точку нахождения В. Ф. : корпус 5, II терапия, палата 58, 3 этаж.

В 15.45 позвонила женщина (подошла Люся). Она сказала: «Ваш телефон отключается. У вас задолженность за междунар. переговоры 40 рублей». Люся говорит: «У нас нет никакой задолженности. Андрей, достань квитанции». — «Я ничего не знаю. Телефон отключается». —

⁸⁴ Про работу — правда, про Израиль — ложь.

⁸⁵ М. Тебальди, итальянский корреспондент, не знал о демонстрации 12 марта.

«Скажите Вашу фамилию, откуда вы звоните». Вместо ответа — отключение. Мы поехали на Зуб[овскую] площадь, межд. телеф. узел. В справочной провели ок. 1 часа. Бригадир Покровская задержала работн., выясняла, есть ли у нас задолженность (к. 601, тел. 2466886, Цымаева). «Мы не давали команды на отключение». Сочувствуя нам и недоумевая, она дала тел. секретаря нач. тел. узла 246-02-43 (МТСМ) (Наташа). Я сказал (позволив об этом по автомату) Асс. Пресс, Рейтер, Николаусу и жене Тебальди.

ГА [«Голос Америки»] передал неточно: «Ак. Сахаров заявил, что на его кв[артире] отключен телефон. В течение посл. лет его телефон служил для связи между дисс[идентами] в СССР и находящимися за рубежом» (!???!). Во вторник я сказал об этой вредной неточности Сету Майдену. Также неточности были в сообщении о демонстрации.

14 марта. Вторник.

После долгих мучений я узнал телефон (246-85-47) зам. нач. МТСМ Мичуриной. К 3 часам (вместо семинара) мы с Люсей поехали к ней, захватив все квитанции. Отвратит. женщина ГБистского типа, то угрожала вывести, то была елейной. Она собрала много последних счетов прямо с машины. К счастью, у нас на все были квитанции. Я написал заявление с изложением дела и просьбой немедленно включить телефон на кв[артире] персонального пенсионера и расследовать, кто дал команду отключить.

Я повез Люсю к Циле Григорьевне [врач-офтальмолог поликлиники АН]. У нее сужение полей зрения в обоих глазах, не очень большое, но тенденция пугает. Я очень расстроен.

Вечером была Маша [Подъяпольская], рассказала, что Кириллу Подрабинеку суд в Электростали дал 2,5 года за незаконное хранение оружия (у него был переделанный пистолет для подводной охоты и мелкокалиб. патр[оны]).

Витю Бахмина (брата Славы [Бахмина]) задержала милиция.

Был Юра Ш[иханович] по нашей просьбе, принес Ведомости Верх. Сов. СССР с Указом о Петре Григорьевиче [Григоренко]. Люся и я написали документы о лишении гражданства Григоренко (она — от имени Группы, я от себя лично).

15 марта. Среда.

Утром пришел Юра [Шиханович]. В 9 ч. 20 м. он разговаривал с Таней. У них все в порядке, дети здоровы, Рема работает над англ. изд. «Года». Алеша каждый день пишет нам.

В 12.30 за Люсей заехал Володя Слепак, они поехали на пресс-конф.

В 16 ч. 10 м. телефон включен.

Израиль начал наступление на ливанской границе. Очень худо в душе, что ничего невозможно сказать, а ведь тоже несправедливо, что гибнут мирные жители — и тоже дети, женщины. Оба (выяснилось к вечеру) мучаемся, что так все непра-

вомерно, неравномерно получилось с заявлением Андрея, с демонстрацией. Герцен писал: «Где бы ни лилась кровь, всегда льются слезы».

Андрей и мама ездили в больницу к В. Ф. Она лучше, но у нее инфильтрат на руке, говорит, что, вроде, решила уезжать.

Я ездила в домоуправление.

Заказывали Таню и Алешу — телефоны не отвечали.

У Андрея был швейцарец с переводом Ядерной энергетики.

Возился с порядком слов и другими деталями (важными) около 2-х часов (в ядерной энергии).

Сообщения о израильских действиях в Ливане ужасают. Я в воскресенье не вспомнил, что за налетом палестинцев всегда следовали контрмеры (странное, непростительное эмоциональное ослепление). У Люси — тоже. Она думала, что я замечаю ее заторможенность. Мне надо было либо не ходить и не писать вовсе, либо добавить призыв к Израилю отказаться от действий, при которых могут пострадать мирные жители, и одновременно к ООН об исключении ООП из ООН, точнее о лишении ее набл[юдательного] статуса.

16 марта. Утром звонил Алешка. Он 17⁸⁶ беседовал с консулом, был в Венеции, Сиене, говорит,

⁸⁶ Правильно: 15.

что ему у Маши [Олсуфьевой] хорошо, а Флоренция нравится.

Андрей ездил на ученый совет. Баталин⁸⁷ еще не написал диссерт[ацию].

Вечером был англичанин с женой и Ме́йман. Говорили о чем-то очень серьезном. Я послала ребятам Элиота и малышам книжки.

Во втором часу прозвонились Таня и Ремка — говорили очень хорошо, но маленькие, видимо, спали.

Был в ФИАНе на Уч. Совете Отдела.

17 марта. Утром была Ида [Нудель] по поводу гадкой статьи Тодта⁸⁸.

Был Володя Рубцов.

К нам все время кто-то пытается прозвониться и ничего не выходит.

Гуляем как-то тепло и хорошо (не только от погоды).

Послали ребятам альбом Ленинград, I том мат. энцик[лопедии] и детишкам альбом «Сказки».

Вечером была Таня Велик[анова].

По радио выступление Ростроп[овича] и его жены. Когда она не поет, то голос вульгарный, и оба не умеют толком говорить по-русски. Чего стоит — «Мы обожаем свой народ». Это «обо-

⁸⁷ Баталин Игорь, физик, теоретик ФИАН.

⁸⁸ Статья в «Лос-Анджелес Таймс».

жаем», в нем чего только нет, а вот единности с народом и не ночевало. Была телеграмма А. И. С. [Солженицына] — я не очень понимаю, как такому знатоку языка, как Л. Корн. [Чуковская] может нравиться этот язык и стиль. «Как русский писатель ответственно заявляю», — тут ведь «ответственно» и «заявляю» не лучше «обожаю» у Ростроп[овича].

Приехала Мальва Ланда.

Палестинцы передают, что от бомбежек погибло 300 человек гражданского населения. Тут еще надо бы проверить, нет ли преувеличений. Только кто это сделает?

18 марта. Суббота. Были вечером у Л. К. Прошлись пешком до ее дома. Пахнет весной, небо весеннее, купили для Л. К. цветы (какие-то синие и багульник). Л. К. ничего не говорила о телеграмме классика⁸⁹, а у нас не было жестокого желания напоминать ей. Л. К. рассказывала о Ивинской (как она присваивала себе переводы для Нади А. (?) в лагерь)⁹⁰. Звонил «писатель» из Киева, у Л. К. от него малограмотная записка, хочет переслать свои произведения на Запад. Завтра дам ему от ворот поворот.

⁸⁹ Не помню, какая телеграмма.

⁹⁰ Л. Чуковская неоднократно говорила о непорядочном поведении в лагере Ивинской. Это была, по-моему, у нее «больная тема».

Днем писал для Збигнева [Бжезинского]⁹¹.

Главный психологический фон — горящие дома, убитые женщины и дети, 300 тыс. беженцев в Южном Ливане.

Субботу, воскр. и понедельник продолжались попытки позвонить Алеше и Тане.

В понед., после кино Люся ездила к Вике [Швейцер] — тот же ответ, что телефон не отвечает. Люся пришла очень огорченная.

19 марта. Воскресенье.

У нас в обед были Мейман (его в понед. вызывают в ОВИР, он перенес эту встречу на вторник). Ида Н[удель] со Стеллой (женой Иос. Дав. [Залмансона]). Стелла принесла известие: звонила Сильва [Залмансон], сказала — «мальчиков обменивают⁹²! — 18 чел.». Остается только гадать, верить или нет, и всех или некоторых и т. п.

Была Мальва — в честь ее приезда салат⁹³, чокнулись бокалами.

⁹¹ Личное письмо с просьбой помочь со связью и на предстоящем совещании в Белграде говорить о всех арестованных членах Хельсинкских групп. Андрея очень волновало, что Запад проявлял беспокойство фактически только о трех (Гинзбург, Орлов, Щаранский).

⁹² Очередная «утка» об освобождении осужденных по самолетному и околосоветному ленинградским процессам 1970 и 1971 годов. Однако через год с небольшим это все-таки произошло.

⁹³ Мальва Ланда по амнистии была досрочно освобождена из ссылки.

20 марта. Ездили с Люсей за пенсией, на Ферсмана в «Березку», затем в кино — сосватал Лева [Копелев] в ИОНХ [Институт Органической и Неорганической химии] (Лен. просп. 31) — просмотр фильма Иоселиани «Пастораль». Лева сказал, что фильм гениальный. По нашему мнению — милый, даже хороший фильм об обыкновенной жизни груз. села, скорее, менее яркий, чем другие фильмы Отара, но Лева — человек восторженный. Встретили там Нат. Столярову, бывшую секретаршу Эренбурга. Не очень приятное впечатление⁹⁴. Люся вспомнила о ее странном приезде во Флоренцию, она хотела «предупредить» Люсю не выступать на трибунале⁹⁵. Пospорили (о теме отъезда, о Белле Ахм[адулиной] и т. п.), утром Н. С. уехала, не попрощавшись. Тане и даже Юре М[еклеру], которому она помогала⁹⁶, она не понравилась.

Был суд над Гольдштейном Гр. — с огромными нарушениями — 1 год.

21 марта. Приходил Леня Щаранский. Он рассказывал о хитростях следователя Володина. В разговоре с мамой Толя настаивал на том, чтобы они взяли адвоката. Пос-

⁹⁴ Андрей встретился с ней впервые.

⁹⁵ «Сахаровские слушания» часто называли «Трибунал». В это время Марио Корти и Ефрем подготавливали Вторые Сахаровские слушания (Римские).

⁹⁶ Через Эренбурга предпринимались какие-то шаги для возвращения Ю. Меклера к научной работе после его освобождения из заключения.

ле препирательств показали записку Толи, но закрыв там кусок (дек. 77). Толя отказ[ался] от назначенного адвоката и доверяет только маме и Наташе [жене]. Мама потреб., чтобы она могла передать записку Толе и получить от него ответ. Следовательно потребовал исключить упоминание о Наташе и о том, что отец Толи вышел из больницы. Очевидно, тут какая-то игра, шантаж. Она согласилась на эти исключения. Записка от Толи показывает его твердость, которую они, очевидно, хотят сломить.

Идут переговоры с Аксельбанком⁹⁷.

Проект С. В. — колл[ективная] общ[ественная] защита (С. В., Аксельбанк, иностр. адвокат, Альбер, я). Люся сказала, что Альбер — это плохо. Предложила варианты — без иностр. адвоката, без Альбера.

Был в ФИАНе. После семинара ко мне подошел рыжий В. Ф[айнберг]. «Ребята волнуются по поводу односторонней вашей позиции, вы были на демонстрации, а ведь сейчас в Ливане тоже гибнут дети и женщины. Что я могу им сказать?». Я ответил, что я осуждаю жестокости войны, но не считаю себя вправе выступать против Израиля — у него исключительно трудное, безвыходное положение, нет выбора, кроме борьбы с ООП. На демонстрации 12/III главным для меня было ответственность советских руководителей за поддержку ООП.

⁹⁷ Адвокат, не путать с его однофамильцем — корреспондентом «Ньюсуик».

Был в поликлинике. Промыли уши, Белла [Рабкина — врач поликлиники АН] дала рецепты, якобы хуже кардиограмма.

У Меймана в ОВИРе был пустой разговор. Но Зотов (актерствуя как всегда) сказал, что будет перед министерством ходатайствовать о выезде («но вы знаете, что мы можем разрешать выезд только в Израиль»).

У Юры Шихановича отключили телефон.

Был Юра [Сахаров]. Дали ему 40 р. до 31/III (10 — на дачу).

22 марта. Получил повестку в прокуратуру к Нестерову — на завтра, 16 часов. Принесла девушка с разносной книгой. На другие часы вызваны Чернобыльский и Кремень⁹⁸.

Был Андрей [Твердохлебов] и Шиплер — у них был разговор типа интервью о ссылке и положении Андрея сейчас.

Был Дима, дали ему 10 р.

Были Рубцов и Таня [Постникова], написали телеграмму для нашей Тани. Таня [Постникова] рисовала⁹⁹.

Люся говорила с Алешей (он дозвонился после очень многих попыток). В Париж он не едет, переезжает к Нине [Харкевич]. Разговор был выключен, когда Люся стала

⁹⁸ Допросы в связи с участием в демонстрации 12 марта.

⁹⁹ Художник Таня Постникова, жена Володи Рубцова. Портрет мамы ее работы, который она рисовала в подарок Тане, висит у меня в Бостоне.

говорить об Игоре [Гессе], что ему Нина должна дать денег¹⁰⁰.

23 марта. Утром прозвонилась Таня. Они там волнуются о моем вызове в прокуратуру. Детей постригли. Рема через неделю пойдет на работу. Таня довольна, как он стал говорить по-английски. В Брайтоне тепло, 15°, хотя кое-где еще снег. Дети здоровы.

Была Лиза [Алексеева]. Люся долго говорила с ней, в частности и об аб. В пятницу она занимается с Ших[ановичем]. К Виленкиным звонил Алеша.

В 16 Люся и я поехали в прокуратуру. Сначала мы въехали мимо милиц[ионера] в главный двор. Порученец спросил водителя — привез гостей? — и торжественно повел нас по застланной ковром лестнице. Мы смекнули, что нас не за тех принимают. Дальнейшее описано на листке¹⁰¹. Сообщил коррам (Сету в Асс. Пресс, Бреннеру из Рейтерс, АФР, ЮПИ).

Вечером ездили к Вике Швейцер. Миша [Николаев] на таможене, завтра они улетают. Вика и Миша уезжают спокойно, без надрыва.

Пока мы были у Вики, Р. Г. разговаривала с Таней.

Вике (точней, находившейся у нее Марине [Басмановой]) звонил Бродский Иосиф Александрович. Я его по-

¹⁰⁰ У Нины Харкевич была доверенность на распоряжение нашим банковским счетом.

¹⁰¹ Листа в дневнике нет.

просил позвонить Тане, чтобы они там не волновались о вызове в прокуратуру.

■ *Это очень смешно. Андрей совершенно не среагировал на имя и фамилию Бродского. Разговор этот состоялся, когда я уже оттуда ушла, куда-то спешила. Такое отсутствие реакции на в общем-то знакомое имя (а иногда и конкретного человека) очень типично для Андрея. Означает — думал о другом, в данном случае — о разговоре с детьми.* ■

24 марта. Был корр. Пари Матча, интересовался телефонными делами. Сделал несколько снимков, часть из них специально, чтобы послать Тане по случаю ее дня рождения.

8502 ← ¹⁰²

Вечером был адвокат с Уолл Стрита Шелл с помощником, а также С. В. , Слепак, Мейман. Люся сделала пирог с 28 свечами в честь Т[ани].

Шелл расск. о своих беседах с Арбатовым, Апраксиным, каким-то замом Малярова и кем-то из Мин. Юстиции. Он говорил (подчеркивая, что он частное лицо, но с очень большим знанием людей бизнеса, правит. сфер, науки, юстиции), что разрядка застопорится, если не будут собл. права человека. Конкретно он говорил о Щаранском, Орлове, каж[ется], Гинзбурге. Говорил о тунеладстве — зам. прок[урора] СССР сказал, что у нас никого в посл[едние] годы не преследовали по этому закону. Шелл напомнил о Гольдштейне, но те отозвались незна-

¹⁰² Опять непонятная цифра.

нием. Апраксин и зам. Малярова якобы ничего не слышали об Орлове. Они заявили, что Шелл может присутствовать на процессе Щаранского. Шелл собирается.

Днем я был в ам[ериканском] пос[ольстве], Кейс нагло повторил старую концепцию, сославшись на ответ Госдеп[артамента], но показать служ. переписку отказался. Он однако сказал, что я могу посылать сенаторам и конгрессменам запеч[атанные] конверты.

Вечером (1 ч. 30) мы уехали в Ленинград.

Вернулись лишь 6/IV утром.

25-го я заболел (сильный грипп, верней всего, ставила Наташа [Гессе] банки, ампициллин, т-ра более 38,5), а через 5 дней — очень сильно — Р. Г. (т-ра 36,6, неск. дней очень плохое самочувствие и слабость). Мы очень волновались, вызывали неотложку — ради лекарств. Энергичная девица нас отругала, что первый день давали эритромицин, потом прекратили).

25-го ходили с Люсей за билетами, какой-то дурак подложил чемодан ей под ноги, она упала, похоже, что то «перетряслось» у нее в голове, в шее, в животе — сильнейшие боли (пишу это 8-го, все эти дни она очень плохо выглядела и плохо себя чувствовала).

Игорь с Верой и детьми улетели 29-го утром. Более недели их не брал никакой фонд, волнений по этому поводу было больше¹⁰³ головы. В Джойнте Игоря спроси-

¹⁰³ Вообще-то говорят не «больше головы», а «выше головы».

ли, в каком духе будете воспитывать детей — в еврейском или русском. Он ответил со свойственной ему лаконичностью «в русском» (имея в виду, вероятно, что он не иудаист и что хочет сохранить детям русский язык и литературу). Вопрос Джойнт не вполне корректен с учетом специфики эмигрантов из СССР. Джойнт не рекомендовал Игоря в ХИАС¹⁰⁴, Толст[овский] Фонд, беженский фонд тоже его не взяли.

После звонка Тани председателю амер. ведомства иммиграции, б. м., звонка Тани Матон, что-то прояснилось.

Люся говорила с почты с Алешей (Лиза еще не сдавала).

5-го прозвонилась Таня. Ужасное известие — у Горлова пропал сын. Пошел в МТИ и не вернулся. Велосипед его на стоянке. Самоубийство? КГБ? Никто не знает.

Таня хочет покупать дом, в расчете на приезд Алеши, и для решения проблемы лета. Мы не знаем, разумно ли это, но им видней.

■ Андрей рекомендовал покупку дома в письме от 14 февраля. Сомнения относятся конкретно к тому дому, который они решили покупать, а также к тому, решит ли это проблему лета для маленьких. У нас были московские представления, что на лето, как ни сложно, надо снимать дачу. И мы не понимали, что представляет Ньютон,

¹⁰⁴ ХИАС — еврейская организация, помогающая эмигрантам.

где они покупали дом, — город или дачное место. Реально, купили удачно с помощью Мули (Маргариты Ивановны Фриман). ▮

Рему пока не берут на работу¹⁰⁵. Мы не вполне понимаем ситуацию. Я хочу написать ему, что пост градуэйт — разумный выход из положения.

По приезде мы обнаружили, что холодильник выключен, мясо и рыба протухли, поток вонючей жидкости — протекли. Люся третий день наводит порядок с огромными усилиями. Это КГБ! (Выключено в двух местах, явно умышленно. Перед отъездом мы проверяли).

6-го с утра до вечера непрерывные звонки.

Один из них — от мамы Николая Сорокина из Ворошиловграда. Еще до кассации его перевели в Днепропетровскую спецпсихбольницу, что противозаконно, но вся страна — противозаконная. На консилиуме ему дали упражнение — быстро отвечать, давая ассоциации: дом — крыша, фрукт — яблоко и т. п. Это якобы проверка психического состояния. Его спросили — Сахаров? Он ответил — человек. Видимо, надо было — отщепенец.

Другие звонки от психбольных или от безнадежно желающих уехать. Пришла очередная пачка писем — от не-

¹⁰⁵ Заверения о работе для Ефрема, так же, как и обещание Алешу зачислить студентом в МИТ, которые А. Сахаров получил от Визнера и Вейскопфа еще до их отъезда из СССР, оказались проформой.

справедливо осужденных (по их утверждениям) и ругательные — за то, что поддерживаю преступников сионистов.

6-го получил деньги (430 р.).

Все разошлось кроме 40 р.

Юре дал 40 рублей, 58 р. заплатил за его квартиру. Диме дал 10 р., на другой день, встретив его в поликлинике, еще 5 р. Люся послала Оле [Левшиной] 50 р., написав письмо на переводе. Оплатил некоторые телеф. разговоры и телеграммы. Послали с почты бандероль Тане с детскими книжками (5 р.). Много денег — около 20 р. я потратил на продукты, около 40 р. — за заказ, включая 2 «Вечерних звона» [коробки конфет]. Сделали покупку в 1000 мелочей, в том числе 5 м коврика (2 р. 39 к. метр). 7 р. ушло водителям за 2 дня (3 ездки). Около 200 р. за разные квартирные и телефонно-телеграфные дела (Люся заплатила).

Еще надо Жоре¹⁰⁶ 60 р. за прошлое. За газ — не менее 100 р. Любе — 60 р. за апрель.

И вновь — телефон, квартира и т. п. Ужас. Смотрел таблицу 3% займа, но ничего не выиграли.

8-го звонил Христофоров. Получил 3 года после письма в ООН, что его преследуют. Не прописывают в Кал. области. Хочет уехать. В ам. пос[ольстве] ему втирают очки.

Звонил юрист безработный Кувакин. Отказывается от гражданства, но ему говорят — уезжайте. Не дают

¹⁰⁶ Смотритель в дачном поселке АН Жуковка.

никакой работы. Таня Осипова поддержала его демонстрацию. Интересно, как он узнал наш телефон — еще в декабре. Он пытался связаться с Владимовым, ему позвонил некто (из КГБ?), назвавшийся Владимовым, и дал наш телефон. А Владимову позвонил тот же некто, назвавшись К[увакиным], и обругал его.

Нина Х[аркевич] позвонила Наташе [Гессе] и передала, что «у Алеши с домом все в порядке»¹⁰⁷. Из разговора с Алешей выяснилось, что это дом Тани.

Шерман (имя) + Laura (жена) Freid Teichman.

Tufts Univ Medfurd Mass. 02155 Dept of Political Science
617 277 6985 Тафтс.

8 апреля. Люся написала письмо детям, а 9[-го] я написал Реме.

В обед у нас был Мейман, а в 20.35 мы втроем были в «России» на кинокомедии «Мимино». Средне, но иногда смешно. Послали поздр. телеграмму Шиху — у него завтра день рождения.

9 апреля. Была мама Ник. Сорокина, дали ей [зачеркнуто] 052. Сорокин, 24 л. несколько лет не работает (хр. нефрит), писал 33 тетради антисоветских материалов,

¹⁰⁷ Мы были несколько ошарашены. Это звучало как еще один дом. Алеша жил вместе с семьей Тани по приезде Лизы и после рождения Саши, а до этого какое-то время на кампусе. И с первых дней пребывания в США работал. Позже они снимали квартиру, а в 1986 г., когда оба уже работали, купили дом в Вествуде.

встречался с Основом, с 74 года по психушкам, был побег, — измучили уколами сульфазина при наличии нефрита. Видимо, диагноз шизофрения имеет основания. В Москве ему рек[омендовали] больн[ицу] обыч[ного] типа.

Были Сережа и Ирина [французы русского происхождения], расск. о швейцарских происках КГБ против фонда. О Кувакине как новом лидере раб. профсоюза.

Вечером мы с Люсей зашли к Юле [Закс], рассчитывая увидеть Андрея [Твердохлебова], застали там всю честную компанию. Посоветовали (Люся) пока послать дет[альный] отчет Н. Д. [Солженицыной] и только по их просьбе проводить пресс-конференцию¹⁰⁸.

Звонила Л. К. — она болела (гипертония и серд. аритмия), 27 марта в детск. библиотеке был большой пожар.

Послали телеграмму Лева К[опелеву]: «Здоровье, силу и доброжелательность хранить вечно. От себя и от детей Руфь и Люся и Андрей».

10 апреля. Звонил Исая Гольдштейн. 6-го была кассация у Гриши в Верх. Суде Грузии. Суд даже не удалялся на совещание, игнорировал заявление Исая. Приговор в силе. 8-го Григория направили по этапу в Арх[ангельскую] область (нарушение — при таком сроке надо оставить в респ[ублике]). Сооб[щили] Рейтер и Асс. Пресс. У Мананы [Гамсахурдиа] и мамы Коставы было свиде-

¹⁰⁸ В связи с давлением на распорядителей Фонда Солженицына.

ние (хотя следствие не закончили). Звиад похудел (держал голодовку), с него сняли обвин[ение] в передаче шпионск. свед[ений] — ост[алась] только 70-ая [статья], ожидают суда в июле, т. к. до этого времени Джанелидзе — подписка о невыезде.

В Ленинграде на 15 лет осужден некто Леонид Лубман — 64 статья, шпионаж, антисов. агит. и проп., советы, как лучше вести антисов. проп. иностр. радиостанциям. — Сообщ[ение] ТАСС на англ. языке. Люся говорила с корр., сказала, что мы его не знаем.

Был Гольфанд, предстоят научные симпозиумы¹⁰⁹.

Была Зарина, завтра надо в пос[ольство].

Я звонил Принглу, он просил позв[онить] среду и четв. 11 апреля. Утром с Зариной был в посольстве. Зарина получила от Прингла большую пачку вызовов пятидесятников, а я записочку с фамилией Waxman.

На семинаре в ФИАНе, посв. памяти И. Е. [Тамма] — доклад Астона Антоновича Комара о 15 достижениях эксп. и неск. теорет. за посл. годы и доклад Озерного — почему может не быть черных дыр (из-за момента $\gg m r_g$). Минут 20 говорил Е. Л. [Фейнберг]. Боря Альт[шулер] рассказал, что поезд Брежнева шел через пустые от людей города.

¹⁰⁹ Симпозиумы, которые проводили еврей-ученые, лишившиеся работы в связи с подачей заявлений на эмиграцию. Они проходили на квартире кого-либо из участников.

Была Маша с Настей [Подъяпольские] и Федей [Бабицким, сыном Т. Великановой]. Федя жестами «шаманил» над Руфь Григорьевной.

Звонили из UPI [Американское пресс-агентство] о визите в посольство.

12 апреля. Вечером с Люсей (она приделась на 5+) были у Тамма. Гинзбург (циничный, все понимающий, умно разговорчивый) и милейший Е. Л. [Фейнберг] были душой общества. (Е. Л. назвал себя «идиот с посторонними ассоциациями»). Разговор, в числе прочего, шел о выдвижении на Нобелевскую премию. Капица, которому очень хочется, сказал, что «Ноб. премии дают только евреям». Абрикосов просил Халатн[икова] похлопотать о нем. Гинзб[ург] выступал за Тамма, Франка в дополн. к Черенкову и за Ландау в дополн. к Капице (Капица не единств. автор открытия сверхтекучести).

Eric Rayman,

Paul, Weiss, Rifkin, Wharton and Garrison, 345 Park Avenue, New York NY 10022, (212)644 8269.

Robert B Mc Kay

Aspen Inst for Humanist Studies, 36 West, 44 th Street, New York NY 10036.

Были у нас два американца, послали конфеты и книжки [детям].

Были у Таммов.

13 апреля. К Вере Федоровне ездил с Алей [Шиханович]. Она ходит и не очень собирается уезжать. Когда

пришла Надежда Федоровна [сестра В. Ф.], она прекратила все разговоры¹¹⁰. Вера Фед. получила письмо от ребят от 20/III. Мотя сам ест, одевается и раздевается, пишет буквы и слова, начинает читать. Аня тоже умненькая, хотя пишет в штанишки.

Люся с 6 до 12 была на Хельс. группе.

Хельс. группа.

День рожд. В. Ф.

Гарри [Лоу Беер (английский психиатр)] симпатичный, совсем не наивный, умный. Беседа с главн. врачом Кащенко — циником, лжецом и трусом — произвела на него сильное впечатление (вспоминал Орвелла), говорил, что 2 дня в СССР изменили его мироощущение. Я говорил ему, что их борьба в нашу подд[ержку] очень важна. Что жестокость, произвол, репрессии — межд[ународная] зараза. Что надо остерегаться говорить о помещении здоровых людей в психбольницу.

Встреча с Лейкиной (пробывшей 3 года в Казанской СПб [спецпсихбольнице] по делу о вывозе скрипки). Лейкину предупреж. по телефону, чтобы она ни с кем не встречалась.

14 апреля. Приговор Гаяускасу Б.¹¹¹ — 10+5 (прокурор просил 7+5), судья Радзинас.

¹¹⁰ Вера Федоровна скрывала от сестры свои хлопоты о поездке за границу для встречи с дочерью.

¹¹¹ Гаяускас Балис, пзк, литовец. Позже мы предпринимали усилия, и ему разрешили оформить брак в лагере.

На еврейском семинаре (просп. Вернадского, 99, кв. 128) долго ждали француза-математика. Обсуждали наглый ответ Прохорова Европейскому Физическому обществу по вопросу о семинарах по коллективным явлениям в октябре и капитуляцию общества (которое включило в анкету участника своих семинаров и съездов пункт (вопрос): гарантирует ли государство страны, где будет происходить съезд (семинар), ваш свободный въезд).

Француз делал доклад «Иудаизм и наука». Иудейская, талмудистская традиция, по его мнению, — научная, противостоящая идеологии, вере, догматизму. Я бы сказал, скорей — преднаучная, создающая наряду с другими философско-этическими системами прошлого предпосылки для науки. Конечно, отличие от православия с его застывшим характером — разительное. Я впервые узнал, что такое талмудизм с его логической изоциренностью и схоластичностью.

Лоу Беер приехал не в 7, как вчера сказала Маша [Подъяпольская]. Был перерыв — мы с ним ездили на вокзал¹¹², где у него была Юл[а Закс], Шу[стер], С. Ю. [Твердохлебова].

Был евр. семинар, Гаффи Лоу Беер.

Была у Оли в б-це. Оля¹¹³ уже неделю в больнице и ей все хуже — остеомиелит и пневмония. Вчера

¹¹² Неточная запись. Не вокзал, а гостиница около площади трех вокзалов.

¹¹³ Ольга Густавовна Олеша-Суок.

второй раз была у нее, очень она слабенькая, но пытается шутить.

Обыски у Твердох[лебова] — дела Фонда (?), роль Андреевского [Твердохлебова] упряма.

15 апреля. Катя [Сахарова] приехала только в 13 ч. Говорил с Ириной, В[асилием] Романовичем и другими. Похоронили 2 урны (тети Тани и Виталия)¹¹⁴. После этого был на Матвеевской. Домой приехал к 7 часам.

Вечером по телефону имели длинный (ок. 20 мин.) разговор с детьми. Рема поступил на работу по спец. компьютер сайенс. О Post grad они пока говорят — не надо. Смотрели 20 домов, выбранный — 21-ый. Говорили с детьми — одно слово от Анечки, а с Мотей — вполне как следует. Он говорит: У нас тут еще весна. Он умеет писать буквы. «Привет бабе Руфе и бабе Леле».

Был Саша [Верный]. Диму вызывают в деканат повесткой «по вопр. отчисления». *Дали Саше 60 руб.*

Вчера был обыск у Твердохл[ебова].

Сейчас позвонила Наташа Пастернак¹¹⁵, Оля умерла.

¹¹⁴ На Немецком кладбище, там, где похоронены бабушка и отец Андрея, было захоронение урн Татьяны Ивановны Сахаровой и Виталия Рекубратского.

¹¹⁵ Пастернак Наталья, жена Леонида, младшего сына Бориса Пастернака. Леня и Наташа после смерти Бориса Леонидовича жили в его квартире в Лаврушинском переулке на одной лестничной площадке с Лидией Густавовной Багрицкой-Суок и Ольгой Густавовной Олешей-Суок.

Был [Андрей] на захоронении урны. События в Тбилиси.

Разговор с детьми.

16 апреля.

David Satter, The Financial Times, London.

Dan Fisher, Los Angeles Times, Los Angeles.

Я говорил, что хотя у Вэнса конкр. важн. дело — разоружение, но твердость и принц. последовательность — важней всего, и что, приняв программу прав человека, надо на советский шантаж (в том числе на аресты и осужд[ения] членов ХГ [Хельсинкских групп]) отвечать последовательной защитой прав человека — это усилит поз. Зап[ада] и прагматически целесообразно.

Прозвонились Таня с Ремой. Издатель просит у Андрея статью. Сын Горловых погиб, а как и что, не сказали. У Тани голос грустный. Она получила много моих писем, отправила нам пленку с голосами детей.

Вики хочет посылать мне вызов визит проф. в MIT. Я не сумел решительно отказаться от этой бесполезной затеи.
17 апреля.

Пресс-конф. у Арины [Гинзбург]. Был Андрей, а я не поехала — во-первых, муторно, во-вторых, не захотела. После пр.-конф. были в посольстве.

На пресс-конф. я отдал Арине, чтобы она зачитала, обращение об осуждении Гаяускаса и аресте Шелкова (сост[авленные] накануне и напеч[атанные] Люсей). Тема пресс-конф. — положение фонда¹¹⁶, обыск у Юлы

[Закс], С. Ю. [Твердохлебовой] и Шуры [Шустера]. Я не хотел, чтобы председателем был Андрей [Твердохлебов], но Андрей и Арина, ссылаясь друг на друга, устроили именно так. Андрей произнес псевдоюридическую речь о фонде (что фонд — не юрид. лицо, что он функционирует через подарочные действия отд. лиц и т. п.). Все это было, на мой взгляд, ни к чему, даже провоцирующим выступл[ением] и безумно скучно. Корры из всей пресск. донесли до радио дело Снегирева. Когда я уходил, Оксана Як[овлевна Мешко] показала мне подготовленный ею материал о Снег[иреве] — что ему ГБ устроило паралич искусств. кормлением, что он подписал не тот документ, который был опубликован. Я не сказал ей четко, что возражаю против этого заявления — она меня могла понять в обратном смысле.

С Люсей поехали в посольство. В посольстве Комс зачитал в переводе ответ З. Б. [Збигнева Бжезинского] — хороший по обоим пунктам (Б. Д. и Пр. Св.)¹¹⁷.

Был Дима, когда меня не было. Я была у Симы [Серафима Густавовна Шкловская — сестра Ольги Густавовны Олеси-Суок].

Он хочет уйти с физфака, переходить на биологию или медицину и, главное, уезжать из СССР. Диме я сказал, что боюсь (не хочу) пускать его одного — он слишком ненадежный, не научился работать и учиться, пьет, не име-

¹¹⁶ Фонд Солженицына.

¹¹⁷ О Белградском совещании и проблеме связи.

ет базы знаний и умений. Он еще хочет вернуться к этому вопросу.

Диме я сказал также, что если идти в армию, то лучше сейчас, а не осенью. Дима же хочет сделать попытку поступления в вуз.

18 апреля. *Утром были две девушки из Бостона. Я отвезла их в синагогу, а потом поехала на похороны. Вечером были они, Мейман, Ида, Шурочка [Финкельштейн]. Получился бал (после похорон, но это для меня) с цимесом, который все хвалили.*

Похоронили Олю. Надпись на венке «Олеши-Судок» меня чуть не убила. Людей мало — все старушки.

19 апреля.

Ночью с 12 час и до 3 Алешка пытался прозвониться. Была Лиза [Алексеева], она ничего не сдала.

На другой день с ней я говорил о формуле Симпсона, методе числ. интегрирования диф. ур-ий и т. п. Знает она все отрывочно.

Я пытался 19/IV и 20/IV начать писать заказанное послесловие¹¹⁸, но безрезультатно, ничего не идет на ум, т. е. на бумагу. Это меня бесит.

Мой план:

1) Важн. события после отраженн[ого] в сб[орнике] периода.

2) Что я делал и думал после оконч. сборника.

¹¹⁸ Послесловие к сборнику «Alarm and Hope» — («Тревога и надежда», составитель Е. Янкелевич).

0) Что главное в сборнике с моей точки зрения, и чего там нет.

Главное — документальность, отражающая какую-то сторону жизни и борьбы за права чел. Зап[адные] публ[икации] часто бывают неточны в важных деталях, акцентах. При сложности нашей жизни это часто приводит к неж[елательным] последствиям и недог[оворенности]. Гласность — наше един[ственное] оружие.

3) Что мы ждем от Запада после Белграда. (Стойкости, последовательности, принципиальности. Не ждать легких успехов.)

С машины воры сняли диски и окантовку крыльев — огромный убыток.

20 апреля. Я просидела три часа на почте и дозвонилась до Ли. Потом была на Новодевичьем¹¹⁹. Вечером была Лиза, и прозвонился Алешка, спрашивал об Эдике [Кузнецове], Голе [Щафанском], Алике [Гинзбурге] — какая-то конференция в Париже. Он едет в Верону. Послала письма ему и Тане. Ругаюсь с Андреем, что не хочет регулярно писать дневник. Я очень хандрю.

¹¹⁹ Там похоронены Эдуард Багрицкий, Лидия Густавовна Багрицкая-Суок, Юрий Олеша, Ольга Густавовна Олеша-Суок и Ольга Владиславовна Олеша. Там же поставлен памятник Всеволоду Багрицкому — родился 19 апреля 1922 г., погиб 26 февраля 1942 г. на Волховском фронте у деревни Мясной Бор.

[Из моего письма детям 20 апреля 1978 г.]

«Были какие-то трудные дни. Пятницу провела в больнице у Ольги Густавовны — она уже почти весь день без сознания и умерла в ночь на субботу. Суббота и воскресенье были какие-то маятвые. В понедельник были всякие дела невеликие, так как все заботы о похоронах взял литфонд. Сима больна (но на похороны ее привезли), была у Симы, а во вторник Олю хоронили. Литфонд отличился как только мог. На ленте венка от московских литераторов было написано «Олеш-Судок». Я, как увидела этот венок, так чуть у тела не устроила скандал, но все же терпение взяло верх — «и» я смыла, а «д» вырезала, и получилась лента со швом и надписью «Олеш-Суок». Так вот и кончилась Оля, ее жизнь, блеск, который в ней сохранился почти до самого конца, еще когда Алешка ходил с ней прощаться, она была ОНА. На кладбище, верней в крематории, людей было мало, все какие-то старые, и я, почти как сто лет тому назад, вроде как самая маленькая. И для меня с Олиной смертью кончился какой-то значительный пласт моей жизни, почти вся моя сознательная жизнь с присутствием Севки, Лиды, Игоря, Оли, всей этой семьи, где все получилось наоборот — и младшие остались навсегда молодыми, потому что ушли совсем до срока. Вчера был Севкин день

рождения. Я убиралась на том кладбище, вспоминала, как Лида говорила мне: «От меня все должно перейти к тебе». Что все? Перешла вся память! И как всегда вспоминала, как я шла к Севке 19 апреля 1937 года, а он пролетел на своем полуночном велосипеде перекресток тогдашней узкой Тверской и проезда Художественного в сторону Герцена, и как-то навсегда врезался в память полумальчик, полупарень, летящий куда-то неизвестно куда, на, тогда казавшейся бешеной, скорости...».

Был на ученом совете. Докладывали Чибисов и Тютин (его докт. диссертацию мне надо изучить) и много молодежи, которой я не знаю.

Юре дали 40 руб.

Была мама Толи Щафанского и немцы из Молдавии.

Один немец — Вагнер Владимир Иванович [описка, правильно Иван Иванович] арестован за тунеядство при 32 г. стажа.

21 апреля. У меня с 6 утра болело сердце и не прошло после 3 н-г [нитроглицерин] (или 4).

Часов в 11 Люся делала мне горчичник. День отдыха (Time out по терм. Меймана).

Пропал Андрей [Твердохлебов] — утром пошел к Бородину и не дошел. Лишь на другой день — 22-го С. Ю. обнаружила его в 145 о/м. (Арест за бродяжничество?).

Люся дала псих. анализ основы поведения Андрея — полной внутр[енней] пустоты, нет семьи, нет сил для научной работы — почему бы не сесть на 1 годик. *Ничего не нашел в православной вере.*

Люся и Р. Г. весь день по Лизиним делам (ездили к тете Роне).

Приходили Мальва и Т. Осипова, они устроили пресс-конф. (крайне не вовремя — в... день визита Вэнса, были только шведки), вдобавок забыли обсудить документ о Джемилеве.

Алик Шапиро¹²⁰ оперировал З.М. [Задунайскую].
22 апреля. Суббота.

Володя Ф[айнберг] сказал, что в день субботника по реш[ению] дирекции академики и чл. корр. должны сидеть дома и заниматься научн. работой.

А у меня идея — возможно, очень глупая, что образование «струны» связано с взаимодействием вида $|E_i|\varphi_i^2$

E_i — электроподобное поле SU_3

φ_i — поле типа Хипса, т. е. $\langle \varphi_i \rangle \neq 0$

В струне — фазовый переход к $\langle \varphi_i \rangle = 0$

Вечером мы с Люсей ездили к С. Ю. и Б. Г. [Твердохлебова и Закс] (Абрамцевская 3, кв. 239). Там сначала была уйма народу (Арина, Владимов с женой, Нат. Федорова). Когда они разошлись, С. Ю. рассказала всю историю, подтверждающую Люсину раскладку. Андрей сам пошел в от-

¹²⁰ Мой сокурсник и друг по 1-му Лен. Мед. ин-ту, врач-окулист. Эмигрировал в Израиль.

деление [милиции], и там его задержали, т. к. у него не было прописки и 3 предупреждения. С. Ю., зайдя в о/м, случайно увидела его в дежурке. С ней беседовал лейтенант, поначалу очень вежливо, она расск. историю хлопот Андрея о прописке (Андрей отказывался отвечать на вопросы). Потом она пошла за ответом (от 20/IV) на последнее ходатайство. Когда она вернулась, обстановка переменялась. Возникли две фигуры в штатском. Лейт. сказал, нервничая — уже поздно, дело передано в прокуратуру. Два вопроса обратили на себя внимание С. Ю. 1) Он здоров (психич.)? 2) Не хочет ли он уезжать? На первый вопрос С. Ю. ответила с негодованием — Да. На второй она сказала, что не говорила с сыном об этом (опасаясь неупр. реакции находящегося рядом Андрея). Андрея перевели в КПЗ до понедельника.

Анализируя поступки и судьбу Андрея, мы с Люсей (независимо) обратились мысленно к истокам — к его преклонению перед Валерием [Чалидзе], перед его методом юридического и логического крючкотворства при безупречной пронциательности, и к последующему глубокому разочарованию, которое нанесло ему глубочайший удар. Отсюда — все эти затеи (группа 73, Альбрехт и т. п.), все выкрутасы логики и жизни, приведшие его в 145 о/м. 23 апреля. Сегодня — год, как умерла тетя Таня, я забыл и поехал к Любе. Без меня звонила Маша [Сахарова], что приезжать не надо, что у Сережи восп. легких.

У Любы с Сашей я провел около 2 ч., говорили о Диме. Согласны, что никаких заграниц, только варианты: 1) Ар-

мия, лучше еще весной 2) Подготовка в институт, с репетиторами под строжайшим контролем 3) Работать, потом армия.

Люба в понед. упала животом, поплакала, но вроде, все обошлось. 3 раза через левое плечо.

Заходила Юла, мы, вроде, уговорили ее подать документы на выезд немедленно¹²¹.

24 апреля. Был валторнист Петрашов Иван Федорович, 1936 г/р — бывший узник Равенсбрука. В 1958 г. на собрании Лен. консерватории высказался за многопарт. систему. В 1959 арестован по обвинению в попытке убийства люб[овника] жены (выбросил шинель на лестницу). 8 лет закл., затем цепь бедствий. Сейчас живет с сыном 8[-ми] лет. Пошел к Т. Осиповой.

Была Агапова. Она с матерью и дочерью не могла сесть на поезд, идущий в Приозерск, т. к. 31 марта возвращались школьники. Посоветовали, чтобы муж вернулся с повинной (срок может быть меньше 10 лет в условиях большого внимания).

■ Несколько авантюрная история. Муж Агаповой, моряк-невозвращенец, решил тайно вывезти семью из СССР. Он договорился с летчиком частного самолета, что тот вывезет их через грани-

¹²¹ Опять Андрей лез не в свое дело, да еще пишет “Мы”. Но он считал, что если Юла (сестра Твердохлебова) и ее мать подадут заявление о выезде, то это же сделает и Твердохлебов.

цу между СССР и Финляндией. До этого Агапова приходила к нам за советом, как ей получить визу на выезд. Мы могли рекомендовать только обычный путь, т. е. выезд по израильскому вызову, хотя семьи невозвращенцев почти никогда советские власти не выпускали. Характерна в этом случае долгая и трудная борьба шахматиста Корчного (тоже невозвращенец) за выезд его семьи. Об авантюрной затее Агаповых мы ничего не знали, как и не знаем, прилетал ли реально за ней этот самолет. ■

Были Мейман и Слепак.

Вечером был разговор с Таней. У сына Горлова — самоубийство. Рема приступает к работе. Визу А[леше] не выписывают в Италии, а в США все в порядке. Игорь [Гессе] переезжает во Флоренцию.

С машины сняли колеса. Я сделал заявление в 70 о/м.

Вечером позвонил Б. Г. [Закс]. Сара Юль. еще не вернулась. Мы пошли к Юле, но там узнали, что Андрей [Твердохлебов] отпущен. Ему дано указание быстро прописаться за пред. Моск. области.

25 апреля. У Лизы — пока нельзя.

Я сообщаю ДПА, Рейтер, Асс. Пресс:

а) про Андрея [Твердохлебова]

б) в субб. кончается чтение дела у Алика [Гинзбурга].
Ему разрешили передать библию.

в) В понед. окончено чтение дела у Ю. Орлова. Шальман и Ю. Орлов заявили несколько ходатайств. Они не-

зависимо друг от друга заявили, в частности, ходатайство о прекращении дела за отсутствием состава преступления. Сегодня об этом по радио сообщений не было. (Были!)

Звонил Картеру [американский консул в Москве] об Алеше. Он обещал поторопить консульство США в Италии выпиской визы.

Разговаривал — на улице — с работниками ГБ(?) и раб. милиции о машине. Сказал, что собираемся ее продать.

Володя Ритус в ФИАНе докладывал свою работу о радиационных поправках к Лагр[анжевой] функции электрона в сильном электромагнитном поле (методом собствен[ного] времени в переменных η, ϵ (поля в системе, где $\vec{E} \parallel \vec{H}$) есть член $\Delta t \sim -|E|$), $(-|\eta|)$). Я сказал, что член подобного рода открывает возможность решения проблемы удержания (см. мою запись от 20 числа, на которую я не сослался).

Был также доклад Игоря Тютина о фазовых переходах в калибр. поле по работе Т'Хуфта.

26 апреля. Ездил взвешивать золото. Нужно допл. 107 р.¹²²

Вечером с Люсей ездил к С. В., она рассказала, что Ира [Орлова] не встречается с ней, посылает Диму [сын Ю. Орлова], что неск. дней назад Дима в 11.30 ночи позвонил Шальману и передал, что Ира ему не доверяет

¹²² Золото для протезирования.

и отказывается от услуг. Встречаясь сегодня с Ш[альманом] в конс., Ира повторила свой отказ. Ранее Шальман по просьбе Иры передал Юре [Орлову], что она отказывается, Юра выразил свое недоумение, сказал, что адвокат ему будет необходим и в записке просил Иру уладить недоразумение. Ш[альман] просил об одном — чтобы Ира подтвердила, что именно ей он сказал о своем ходатайстве. Он сообщил ей также, что следствие отклонило все 40 ходатайств. Ира ответила отказом. С. В. просила нас способствовать решению вопроса. Я обещал позвонить Юре Гольфанду.

Был Дима, мой сын. Часа два говорил с ним, кричали. Он ничего нам толком не сказал, не обещал. В Унив. не ходил. Если он хочет поступать на биофак, то на 2 мес. найдем ему репетиторов (за счет его 6 тыс.), и они будут ежедневно с ним заниматься в моем присутствии. Дима сказал, что подумает. Работать явно не хочет, хочет ли всерьез учиться — тоже вряд ли. Дима — его будущее, настоящее, его лживость, слабость, беспринципность — ужасны. О том, чтобы пустить его за рубеж, как он вдруг загорелся (сам или с чьей то помощью), — не может быть и речи.

■ Андрей после нашей женитьбы положил по 6000 рублей на сберкнижки каждому из своих детей. В сумме 18000 была половина всех его сбережений после того, как он передал государству в 1969 году 139000. Тогда 6000 были очень серьезные деньги. К примеру, моя кооперативная квартира из двух

комнат стоила около 5000 руб., первый взнос за нее был 1900 руб. Тане Сахаровой, которая к этому времени была замужем и которой была куплена отцом трехкомнатная квартира в академическом кооперативе, книжка была отдана сразу. Любе он отдал книжку после ее замужества, а до окончания ею института давал ей на нее и Диму 250 рублей в месяц. Когда она начала работать, давал на Диму 150 рублей. Книжку Димы хранил у себя, считая, что отдаст, когда Дима закончит образование. Фактически он не учился и постоянно обманывал отца. Андрей решил, что пусть Дима из своих (положенных отцом) сбережений оплачивает репетиторов, и это будет некоей воспитательной мерой. Однако учиться лучше Дима не стал, работать тоже не стремился, и эта сберкнижка была одной из причин многолетней протянувшейся до смерти Андрея ссоры. Я отдала эту сберкнижку Диме через несколько дней после смерти Андрея, но во избежание каких-либо недоразумений в будущем в присутствии двух свидетелей. ■

После С. В. мы с Люсей возвращались домой пешком. И несмотря на весь ужас нашей жизни — это было радостью свободы, близости.

27 апреля. Был Юра Гольфанд.

Длинный трудный бестолковый разговор, в котором Юра пытался защищать Иру [Орлову] и обвинять (словес-

но) Шальмана. Но так и осталось непонятным, чем он плох, а Ира выявилась как взбалмошная, эгоцентричная, болезненно самолюбивая, не учитывающая ни жизненных интересов адвоката, ни смелости его поведения и важности публикации (никто из нас не мог и подумать об ее предательстве), не слушающая советов друзей, не уважающая никого, кроме себя. Мы сказали, что без ее подтверждения я вынужден дезавуировать свое сообщение от вторника. Юра обещал передать.

Вечером (после поездки с Люсей за заказом, где мы встретились с Мишей Левиным, и за книгами) мы поехали на Группу. [Позже]. Я читал рукопись Лидии Корнеевны, разговаривал с Лизой [Алексеевой] о теор. Вейерштрасса, пытался продолжать писать послесловие.

Прозвонился Алеша. Он уезжает из Италии в Штаты 9-го. Лиза получила от Алеши 15 писем, в одном из них он расс[казал], как потерял сумку.

■ Алеша забыл сумку, где были все документы и какое-то количество денег, в будке телефона-автомата на вокзале в Риме. Спohватившись, вернулся к будке, но сумки не нашел и сразу обратился в полицию. И был поражен, почему в полиции поднялся страшный переполох. Через час-полтора сумку его нашли, документы были целы, он был страшно рад, хотя денег не оказалось. И тут выяснилось, что переполох был не из-за сумки, а потому что именно в это время и в этом районе Рима был похищен Альдо Моро. ■

Книга Л. К.¹²³ — сильная публицистика в жанре рассказа о фактических событиях. Удар по гориллам из СП¹²⁴, по беззаконию и дикости нашей жизни, дань Л. К. чувству долга и привязанностей. Есть ряд мелких замечаний. Но главное: есть элемент мифологизации АИ [Солженицына] (но ему это не помешает, в жилу) и меня (совсем не по адресу). Я не добровольный жрец идеи, а просто человек с необычной судьбой. Я против всяческих самосожжений (и себя, и других, в том числе близких людей). Я не разделяю религиозного ужаса перед отъездами и жажду тихой, обычной жизни. Книга немного превзошла требуемую жанром компактность, есть повторы.

Вечером, слушая церк. пасх. музыку по радио, Люся сказала — иудаизм не религия в том смысле, как христианство и марксизм, обещающие бессмертие или вечный коммунизм — всеобщее счастье, ради них готовые к кострам для еретиков и к крестовым войнам.

Иудаизм — основанная на соц[иальном] опыте и разговоре с богом морально-этическая и философская система. Это — мало и очень много (моя формулировка), и вся трактовка проблем бытия — его тягот, обязанностей, жизни и смерти — почти материалистична, трагично-прекрасна, жестока и трезва. (Это говорит Люся, я с этой характ. иудаизма согласен).

¹²³ Лидия Чуковская «Процесс исключения».

¹²⁴ Союз писателей.

Для меня все религии равноправны, я не близок ни к одной из них. Для меня Бог — не управляющий миром, не творец мира или его законов, а гарант смысла бытия — смысла вопреки видимому бессмыслию. Диалог с Богом — молитва — главное во всех религиях, в прямом смысле для меня, по-видимому, невозможен. В личное бессмертие я не верю, хотя, конечно, вполне возможно 100 лет превратить в 100 000 или 100 000 000 лет. Но в кратком мгновении жизни и общения отражается бесконечность!

29 апреля. Страстная суббота, с 12 ночи — Пасха.

Вечером по дороге к Л. К., зашли в церковь (Усп[е]нья), что на Лютиковой горе). Там меня узнал, неизвестно как, священник отец Владимир. Я очень смутился. Священник сказал Люсе, что у них общие знакомые во Флор[енции] — Нина. Он подарил три краш. яичка, освящ.

Разговор с Л. К. о ее книге был спокойным. Я сказал, что думаю, в том числе, что, оставаясь, всегда берешь на себя долю отв[етственности] за действия режима. Люша [Елена Цезаревна Чуковская] рассказала ряд черточек о быте Солж[еницына], как он отсылал обратно подарки, чтобы никто не мог «формировать» его быт, о крайнем, почти лицемерном, самоограничении в быту и т. п. У Л. К. вышла на Западе книга стихов. Мы подарили Л. К. два яйца, окрашенных по ген[иальной] идее Люси (до кипячения в лук. шелухе на яйца наклеиваются полоски и кусочки лейкопластыря; Люся делала свое яйцо

первой — для Л. К., я поздней — для Люши; т. к. мое было красивей, то мы с Люсей обменялись авторством — договорились так сказать Л. К.).

30 апреля. 1 день Пасхи.

Позвонил Любе. Дима на даче. Люба, как и я, обеспокоена, что он один, но считает, что без его отъездов от нее жизнь превр. в ад. В общем — плохо.

У нас были Литинские, Б. Г. [Закс], Сара Юль[евна], Лева К[опелев]. Пасхальный праздник удался¹²⁵. Лева рассказывал о событиях в Абхазии.

Звонил Мейман, но я его не пригласил по недоумию. Ездил к нему на наб. Горь[кого], но безрезультатно.

Звонил Юра Гастев. Шальману звонила секретарша Макдон[альда — иностр. адвоката Ю. Орлова], он ей подтвердил сообщение о своем ходатайстве. С Шальм[аном] говорил Дима [сын Орлова], и передал ему мои слова, что, если Ира [Орлова] не подтвердит своей роли, я де-зав[уирую] сообщение. Ирина глупость [зачеркнуто: переходящая в подлость] превосходит все пределы, действия ее крайне неизящны (недоп. стиль). А Юра Гольфанд тоже не гений.

1 мая. Гуляли с Люсей. Очень хорошо.

¹²⁵ Это, так же, как и заход в церковь, никакого отношения к религиозности не имеет. В доме моей бабушки, например, отмечались две Пасхи, соответственно, готовились и еврейские, и православные пасхальные блюда, и обычно бывали гости.

Имел длинный разговор с Володей Рит[усом]¹²⁶ по телефону о его и моих идеях. Не все ясно.

2 мая. Весь день занимался, пытаюсь методом Фока—Швингера получить член $\text{ф}\phi|\epsilon|$. Безуспешно. На другой день (3/V) долго — 3 часа говорил с Володей. Выяснил, что эффект его $\alpha_x E_x$, что меня мало интересует.

3 мая. Вечером звонил Лева [Копелев] Просит вмешаться в дело защиты Г. Бёлля, которого травят за его выступления о террористах.

■ У Бёлля вышла книга «Потерянная честь Катарины Блюм». Он прислал ее Андрею с автографом, но ее украли на одном из негласных обысков. По-русски я ее не видела и соответственно — не читала. Андрей прочел по-немецки. Книга ему показалась слабой, идеологически путаной и «несимпатичной». Поэтому на просьбу Копелева Андрей не ответил. ■

Звонила Арина [Гинзбург]. Резниковой и Алику [Гинзбургу] сказал следователь, что им разрешено читать дело до 3/VI. Во-первых, на это не требуется разрешения. Во-вторых, они не просили. Что это все значит? Сообщили коррам.

Яуженеск. дней читал два тома Памяти¹²⁷. (Поповского «Дело Вавилова» — страшное свид. эпохи и журналистское

¹²⁶ Ритус Владимир, д-р, физик, теоретдел ФИАНа.

¹²⁷ Самиздатский альманах, который редактировала Лариса Богороз с несколькими друзьями.

чудо, Короленко — такое всепонимание и предвидение. Большевики уже стали жестокими чиновниками и «снабженцами», и уже было лицемерие, и фанатизм еще был, и такая же лживая пресса. Очень интересен Янов, Губерт в Стране Чудес, Даля [Гринкявичуте], Пименов и мн. др.).

■ С литовским врачом Дале́й Гринкявичуте я случайно познакомилась и стремительно подружилась в Вильнюсе в мае 1968 года. Узнав историю ее жизни, уговорила писать воспоминания. Через несколько лет она привезла мне в Москву рукопись, а я передала ее редколлегии «Памяти». Теперь книга Дали широко известна в Литве. А сама она вскоре после того, как поручила мне рукопись, умерла от рака. ■

Сегодня и вчера читала Люся, под сильн. впечатлением. Люся спросила меня, не искажает ли она своим влиянием мою линию жизни и поведения по сравнению с моей сущностью. Я с уверенностью сказал — нет.

Сегодня поставил мосты на пост. цемент.

Сегодня был Юра (дали ему 40 р.) (а в кассе получил 440 р., из них заплатил за тел. разговоры руб[лей] 30).

Люся говорила с Алешей. Он был очень грустный. Люся сказала, что Лиза нас полюбила, Алеша в конце разговора приободрился. С Ниной [Харкевич] у него взаимопон[имание], она «хорошая». Он — «тоже». 4-го Люся звонила Оле [Левшиной]. Та была холодной льда. Никакого письма у нее нет. В том, чтобы увидеть Катю, нет необходимости. Все нормально.

4 мая. Вечером звонили немцы из Молдавии. Ив. Ив. Вагнеру (1926 г/р, рабочий, 32 года стажа) приговор 1 год за тунеядство. Сообщил Николаусу, так же как составленное мной обращение к Брежневу, Шеелю, Шмидту. Большую часть дня писал новый вариант «Послесловия».

Ездили с Люсей за заказом. Она хочет купить мне пальто, лучше сшитое, чем в 1975 г. в АН.

5 мая. Ездил (11.30) в посольство ФРГ. Меня встречал секр. пос[ольства] (или пом. консула) и переводчица. Отдал документ. Секр[етарь] передал мне письмо посла г-на Вика от 25/IV с благодарностью за подд[ержку] эмигр. немцев. Также отвез тот же документ в Кремлевскую экспедицию, под башней на бульваре, сказал, что прошу переслать письмо в Бонн, что я уже передал его в нем. посольство.

Была Вера [Алиханова] с маш[инным] делом.

4-го утром звонил Любе. У нее пока все без признаков¹²⁸, голос бодрый. Дима не объявлялся.

5-го у нас была Лиза. Экзамен она сдает в среду (10-го). Пришли также Циля [Дмитриева] с Маней [Разумовской].

Звонил «военн. пис. Токарев».

Звонил некто из Владивостока. Он написал (разумное) письмо о Григоренко. С ним разг. Люся.

Был Саша Лавут.

6 мая. Был рабочий день. Я сидел, писал послесловие. Люся печатала.

¹²⁸ Люба в мае ждала ребенка.

7 мая. Сидел, писал. Люся тоскует. Люся напечатала мне 2 стр. послесловия, потом печатал я сам.

8 мая. Мы с Люсей ездили на ул. Горького в Елисейский. Потом я спал и печатал, а Люся с 7 до 12 провела на межд. телефоне, пытаюсь позвонить Лии [Вайнштейн]. Но ее телеф[онистки] ей отвечали, что телефон не отвечает. А в это время я разговаривал с Алешей.

9 мая. Убили Моро. Его труп, связанный, с 4-мя ранами, был найден в автомашине. Это ужасно, пятно на веке.

Сегодня Алеша должен перелететь океан.

Говорил с Любой. Она завтра пойдет к врачу.

Вечером у нас были В. Ф., Маша [Подъяпольская] и Слава Лапин. Он прописал Люсе лекарства, которые надо принимать 3—4 недели¹²⁹.

10-го вечером позвонили Таня и Алеша из Нью-Йорка. Немного у нас отлегло от сердца. Алеша будет иметь беседу с професс[ором], 20-го пойдет на англ. курсы. Таня, Рема, дети поедут до 21-го к морю.

10 мая. Лиза экзамен завалила. Люба не легла в больн. Дима на даче.

Кончил Послесловие.

У нас вечером были в гостях Мейман, Миша Л[евин] со своей женой Наташей. Миша много рассказывал, у них с Люсей обнаружили еще общие друзья в довоенном

¹²⁹ Лапин Изяслав Петрович, профессор-фармаколог, мой сокурсник по 1-му Ленинградскому Мед. ин-ту, друг со студенческих лет.

прошлом. Миша рассказал о «философском» семинаре в МИАНе, на который были приглашены Шевцов (рассказывавший о том, какие трудности он переживал в своей «литерат.» деят.: «У нас нет Солженицынского фонда») и Чуев¹³⁰. Оба читали сталинистские отрывки из своих произведений. Понтрягин сказал: «Да, даже один физик и математик в надежде получить от сионистов Ноб. премию пляшут под их дудку» (Боголюбов).

9-го пыталась прозвониться Кира (секретарша Макдональда). Там предстоит митинг в защиту Юры Орлова. Они недовольны, что Шальман не сообщает подробностей об обвинении и хотят говорить об этом.

11 мая. У нас была Юла [Закс]. По нашей просьбе она поехала к Ире [Орловой]. Ира позвонила мне вечером 11-го. Она сказала, что по словам Юры [Орлова], переданным Шальманом, суд будет назначен в самые ближайшие дни. Я сказал, что она должна об этом сообщить ин. коррам и восп[ользоваться] этим, чтобы рассеять накопившиеся недоразумения, — сказать, как важно было ходатайство Шальмана, что ходатайства были отклонены, что сообщение о ходат. было сделано с ее слов. Ира сказала, что Шальман не считал уместным обнародовать информацию о суде, пока неизвестна дата. Я сказал, что и та информация, о которой она сказала, кажется мне

¹³⁰ Иван Шевцов, Феликс Чуев — писатели, близкие к кругу журнала национал-патриотической направленности «Молодая гвардия».

важной. Ира говорит, что Шальман просил не делать того шага, о котором я говорил Юре [Гольфанду]. Я говорю: «Конечно, но вы должны не ставить Шальмана в ложное положение». Ира говорит, что она все время говорила Кире и Макдон[альду], что у Шальмана сложное положение, что он боится потерять работу. Я говорю, что вы должны подчеркнуть в этих разговорах, что доверяете Шальману, что он сделал очень нетривиальный шаг, подвиг и что многое ему видней, что и кому говорить. Ира сказала что-то невразумительное — я им сказала только, что он не сообщает мне подробности обвинения. В закл. она сказала, что позвонит коррам.

P.S. Ира сказала, что не все ход [атайства] были отклонены.

По Люсиному совету написал неск. слов об убийстве Моро в Послесловии: «Все мы соединены одной целью, в этом наша судьба и наша надежда».

Написал «День Глузмана».

Все это вместе с письмом об адвентистах от 16/IV Люся повезла на пресс-конф. к Мейману.

12 мая. Утром стало известно, что суд над Юрой Орловым — 15-го в Люблине¹³¹ в 10 ч.

Вечером по радио передавали пресс-конф. Макдональда, наполовину посвященную обливанию Шальмана. Он — назначенный властями адвокат, не сообщил

¹³¹ Украинный район Москвы и железнодорожная станция.

об отказе на свое ходатайство, не сообщает подробностей обвинения и т. п. В ход[у] аргумент недостаток улик. Софья Вас. хочет ехать беседовать с Ирой.

Днем приезжала Наташа — жена Владимирова — выяснять отношения в самом третьеклассном стиле. Ей 40 лет, с бантиком, под девочку и такая же инфантильная.

Был Тольц с Эммой, Юра Ших. Тольц едет в Таллин¹³².

Был инвалид II-ой группы Моцарь из Молдавии, добивается права выступить в ООН с критикой Вальдхайма. Манья величия.

Потерял ручку от Иды [Нудель].

У меня пропали лезвия (неск. пачек).

Неизвестно, где Дима. Люба дала ему 20 к., он сказал, что едет к нам, но, видимо, на даче.

13 мая. Лиза не сдала Фортран. Была у нас.

Читал Люсино письмо детям. Очень жесткое, но правдивое. Видимо, иначе нельзя, хотя страшно подумать, как Алеша будет читать это за неск. тысяч километров¹³³.

Получили письма от Тани от 20/III и фото, доставившие нам большую радость. Люся не узнала Аню, спроси-

¹³² В Таллине практиковал какой-то известный ортопед, и Эмма Ботвинник везла Тольца к нему на консультацию после тяжелой травмы, полученной Володей при аварии на него.

¹³³ Совсем не помню, чем я была так недовольна, предполагаю что-либо, связанное с его разводом. Но я всегда (в отличие от Андрея) со своими детьми предпочитала жесткий разговор, если была серьезная причина.

ла, что это за мальчик, так похожий на Мотю. Дети очень изменились, особенно Аня, и похорошели, Мотя стал более спокойным. Много сведений об их питании и распорядке дня.

15-го суд над Звиадом [Гамсахурдиа] и Мерабом [Коставой]. Сообщили коррам.

У нас были Франс Пресс и Николаус и получили копии заявления от Иры [Орловой], которые С. В. с большим трудом согласовала (вырвала) у нее.

Ира говорит: «Почему все жалеют Шальмана, а не Ю. Ф. [Орлова]? Почему А. Д. [Сахаров] не сделает обращения к ученым перед судом? И вообще — я не буду участвовать «в этой игре». С. В. пригрозила ей собственным заявлением.

Анонимный звонок (КГБ). 15-го в 10 часов. Вы меня поняли? Да. Адвокат получил на Лубянке тезисы и текст выступления. Кто это говорит? Неважно. Меня совершенно не интересует, что вы говорите.

Уговаривал Любу лечь в больницу хотя бы в понедельник.

14 мая. Воскр.

Весь этот день мы с Люсей в поте лица готовили «пакет»¹³⁴ (до 2 ч. ночи). Сделали сокр. вариант Предисловия¹³⁵ для публ. в период. печати. Люся (это ее идея) на-

¹³⁴ Деловая почта в США для предстоящей оказии.

¹³⁵ Не предисловие, а послесловие к сборнику «Alarm and Hope».

писала письмо Ашпелю¹³⁶. Также она написала ряд благодарств и деловых писем¹³⁷. Я тоже написал письмо Вики [Вейскопфу], Детям, Сиднею [Дреллу]. Люся сказала женщине-грузинке, что я не поеду в Тбилиси¹³⁸, т. к. болен.

Люсиная идея — Единый Комитет защиты всех чл. Х.Г. на базе персональных — мне очень по душе¹³⁹.

Сегодня арестован Саша Подрабинек.

15 мая. В 8 ч. зазвонил будильник.

Заехав за Мейманом, поехали в Люблино. Мейман показал в машине письмо Турчина (от 15/III, день ареста Щаранского), в котором требует от американских ученых бойкота в защиту Орлова. Я поспорил с Мейманом, считая, что нельзя выделять «капитана». В зал пустили Иру и двух сыновей. А нас не пустили в здание суда (сначала стояли в загончике, а потом на др. день, и вовсе на

¹³⁶ Ашбель Грин, редактор издательства «Альфред Кнопф».

¹³⁷ Так как Андрей их только подписывал (а потела над ними я), то потом он часто, когда его благодарили за письмо, не помнил и не понимал, о чем речь, и выглядел слегка растерянным.

¹³⁸ В Тбилиси в эти дни ожидалась суды над членами грузинской Хельсинкской группы.

¹³⁹ На Западе писали об Орлове, Щаранском, реже о Гинзбурге и почти не упоминали других арестованных членов Хельсинкских групп. Поэтому я считала, что Единый комитет защиты привлечет к ним внимание и при этом не ослабит защиту тех, кто более известен. Однако моя идея не была осуществлена. Было очень много разногласий.

улице). Юра ведет себя молодцом. (Связь с миром через Ш[альмана], и его советы очень важны). У сыновей отобрали магнитофоны. Мальву после суда задержали на улице.

Мы с Люсей к 16 часам поехали в Домодедово, купили билеты, чтобы ехать в Тбилиси.

■ По телефону передали иностранным корреспондентам следующий текст: «Считаю важным, чтобы внимание мировой общественности было привлечено ко всем арестованным и уже осужденным членам Хельсинкских групп. Сегодня в Москве судят проф. Юрия Орлова — инициатора Хельсинкского движения в СССР. Одновременно в Тбилиси должен начаться суд над Звиадом Гамсахурдиа и Мерабом Коставаой. В Москве много аккредитованных корреспондентов, и здесь суд не может пройти без гласности. Поэтому я принял решение вылететь в Тбилиси» (текст этот написан моей рукой (Е. Боннэр) в конце Дневника). ■

От корров узнали про заявление ТАСС¹⁴⁰ о суде над Гамсахурдиа и Костава. Якобы оба признали себя виновными. Гамсахурдиа якобы раскаялся, осуждал НТС и признал, что получал от Белоусовича клеветнические материалы. Я стал звонить в Тбилиси, и мы опоздали (на 3 мин.)

¹⁴⁰ Ожидая отправки самолета, я слушала по портативному приемнику западное радио и услышала сообщение корреспондентов и заявление ТАСС.

на самолет (рейс, предыдущий [тому], на который купили билеты).

Начались (у меня) ужасные сомнения — ехать, не ехать. С одной стороны, не хотел попасть на новый вариант Якира, с другой — Костава, видимо, был тверд, и откуда пошел обычай верить ТАСС? Сдав билеты, я начал сильно раскаиваться.

Приехали часов в 10. Позвонил на Щукинский, Саша в 7 часов увез Любу в Инст. Акушерства (Еланского, 2). Я говорил с Димой. Он сказал, что склоняется к мысли поступать в мединститут, найдет себе учителей-репетиторов, но заниматься у нас категорически отказывается — это его унижает — Ел. Георгиевна что-то говорила себе под нос, он просит отдать ему сберкнижку, а то, что я предлагаю — что буду сам платить учителям — кат. нет; 60 р. на еду — подачка, я сказал, что я хочу, чтобы он не голодал, что мы не хотим его унижить, а хотим правдой его спасти, он должен понимать, кто ему хочет добра (я и Люся), он должен работать или учиться, заслужить доверие. Он сказал, что часто бывал голоден (больше, чем наоборот). Я — «Сберкнижку он не получит и пусть принимает мое предложение, или нам не о чем разговаривать».

Обыски у Т. Велик[ановой], у Т. Осиповой, у Леонарда Терн[овского], накануне у Гривниной и у Бахмина. 16 мая. Вторник. Сегодня Люба в 10.20 родила малыша 52 см, вес 3 200. Об этом позвонила Евд. Алекс., когда мы уже совсем собрались уезжать. Я, Люся, Руфь Григорьевна очень рады.

Послали телеграмму Любе и другую — Манане [Гамсахурдиа].

На суде дочь и зять Терновского подарили нам с Люсей по букету цветов (1 роза + нарциссы). Все поздравляют.

Не пускают даже в загончик¹⁴¹.

Разговор с Савельевым из рабочего профсоюза, геолог. Гримм сказал, что он из ГБ, Люся отругала Гримма.

Перед судом обыскали сыновей и жену Юры. После суда (была только Люся, я был в ФИАНе) произошла потасовка, когда Ира пыталась рассказать инкоррам и диссидентам суть суда, ГБ и милиция толкали, пытались отыскать магнитофоны, оторвали рукав у Слепака.

Вечером много звонков от грузин (ГБ?). Упрекали меня, что я подонок, что не еду спасать Гамс[ахурдиа] и Коставу, которых я вовлек. Тот же мотив, что я «провокаатор» в переданном мне заявлении ТАСС. Из этого заявл. видно, что за нами следили на аэродроме. Грузин называл меня (косвенно ссылаясь на мнение товарищей) подонком, подлецом, говорил, что я предал Звиада (а что Костава такой же дурак, продолжает мне верить). Что я ездил в Грузию есть шашлыки.

Звонила также грузинка, давала честное слово, что все, что в сообщении ТАСС, — ложь.

17 мая. Среда.

Почти целый день толклись у суда. Говорили с коррами. (Два интервью на тему — не повредила ли позиция

¹⁴¹ Маленький садик перед входом в суд.

Картера — ВВС и австралийцу — попутно проводил идеи Послесловия). Ждали приговор, но в 7 часов, после прознесения Юрой последнего слова (а до этого — защит. речи) его увезли, мы дружно кричали — Юра, молодец. Ура! В это время с сиреной поехали милицейские машины. Выла Ира. Ее обыскали, как и мальчиков, утром, потом она не выходила из здания, но вечером ее насильно две бабы раздели догола в присутствии трех мужиков, которые не отворачивались. Прокурор просил 7+5.

Поехали на Кутузовскую.¹⁴² Там Ира и мальчики устроили маленькую пресс-конференцию. Дима [сын Ю. Орлова] очень медленно, с трудом произнося слово за словом (что очень раздражало корров), но толково рассказал суть. Юрина позиция: «прокурор произнес политическую речь, поэтому я тоже считаю себя вправе. Речь прокурора была наполнена идеологической нетерпимостью (его фамилия, кстати, Емельянов А. С.). Я стою на почве идеологической терпимости как залога развития мировой культуры и международного доверия, межд. безопасности. Я признаю, что совершал те действия, которые мне ставит в вину обвинение, я считаю свои документы правдивыми и точными». Попытка Юры не только прочитать, но даже дать полное название документов пресекалась судьей.

Позднее стало известно, что, когда Юра поблагодарил Шальмана и был объявлен перерыв, после которого Юра

¹⁴² Там жили многие корреспонденты. На моей памяти такой разговор в квартире иностранца был впервые.

сам произносил речь, адвоката Шальмана силой выволокли из зала суда и заперли в какой-то комнатухе. Шальман стал стучать в дверь, затем он заметил телефон и позвонил в коллегиию. Только после этого его освободили.

Вечером позвонил Алеша. Он не прошел рекомендательное собеседование в МИТ¹⁴³ (с тремя профессорами, двое из них говорят по-русски — стажеры из Москвы). Они с самого начала были настроены предубедительно, ссылаясь на то, что Алеша приехал слишком поздно, экзаменовали с пристрастием (1 вопр. — гомологическая топология, чего у нас, кажется, не знают студенты 5 курса мехмата МГУ и, уж подавно, проф.). Они и мы совершенно убиты. Люся пеняет на меня, что я не снабдил Алешу рекомендациями. Но я не имел возможности получить настоящие, а что-либо «эрзац» казалось мне лишним, т. к. он едет «к друзьям», которые сами и с полным основанием могут дать рекомендации. Но я ошибся. Рему тоже пока кормят обещаниями. В целом получается тревожная картина — формальное, или хуже, отношение к ребятам. Визнер сказал, что его приглашения имели чисто формальный характер¹⁴⁴.

¹⁴³ МИТ — Массачусетский Технологический Институт.

¹⁴⁴ Как позже стало ясно, отказ в зачислении Алексея и трудности в трудоустройстве Ефрема были результатом влияния на администрацию МИТ российских ученых (возможно, резидентов), проходящих там стажировку по программе научных обменов.

18 мая. День приговора.

Поехали с Люсей на академич. машине. Я сразу подошел к заслону, стал громко пререкаться с милицией и пытался пройти на приговор. Потом отошел, говорил с Комсом и коррами. В этот момент у меня за спиной возник шум. Я обернулся и увидел возникшую потасовку. Успел ударить по щеке (еле дотянувшись кончиками пальцев) дружинника, которого перед этим ударила Люся (он стал, как потом выяснилось, выворачивать ей руки, когда Зарина пыталась передать цветы). В одну машину втолкнули Коротича и Леонтьева, пытавшихся помочь нам с Люсей, в другую — Елену Арманд (внучатую племянницу Инессы¹⁴⁵), в третью — нас с Люсей. Люсе прищемили ногу дверцей, и она, обернувшись, сильно ударила по щеке нач. 103 о/м Косырева (потом он с уважением спросил, училась ли она этому искусству¹⁴⁶). Дружинник (громилла из ГБ) профессионально ударил Люсю по шее. На другой день у нее было плохо с глазами. Дня три сильно болела голова, шея. Нас всех 5-х отвезли в 103 о/м (по дороге нас видели корры). Меня и Люсю продержали до звонка генерала около 4 часов, была (по отдельности) беседа с прокурором Ушковым (Люблинский район). Очень уважи-

¹⁴⁵ Инесса Арманд — возлюбленная В. И. Ленина.

¹⁴⁶ Вообще-то, немного училась. Мой брат Игорь был не только профессиональным моряком, но и почти профессиональным боксером. И немного тренировал меня, считая, что это полезно для самозащиты.

тельная. Я объяснил мотивы своего поступка, требовал освобождения трех задержанных (об этом же я писал заявление судье). Люся поговорила с прокурором «как солдат с солдатом и бывший член партии с членом партии». Арманд присудили к 20 р. штрафа, мальчиков к 15 суток. Очень тягостное чувство, сели они за нас. Встретили людей, идущих с приговора: 7+5! Это неправдоподобно, чудовищно. Что с нами всеми будет? Ребята опять дружно приветствовали Юру, как они рассказали.

Срочно поехали к Мейману, опасаясь, что он «нарубит дров». Там уже был Поликанов с женой. Мейман написал проект обращения Группы, очень сырой и легкомысленный. В конце было написано: «не пора ли от слов перейти к делу — к бойкоту всех научных и культ. связей»? Мы с Люсей считаем, что не наше дело призывать к бойкоту.

Люся написала новый текст (Док. № 49). Присоединились — я, Поликанов. Была пресс-конф., на которой Уитни, Дисе, Алану [?], [Пьеру] Легалу отдали текст с запасом для остальных [подписей].

19 мая. Приговор Звиаду и Мерабу. Прокурор просил по 4+3, дали по 3+2. Сестра Исая Гольдштейна говорила накануне с Мананой. Манана сказала, что Звиад и Мераб признали свою вину перед законом, но считают себя правыми в нравственном смысле. Я передал это коррам с благожелательными комментариями. Манана говорила, что Рхиладзе дает показания. Вечером по телевидению показывали выступление З. Гамсахурдиа —

очень покаянное, если это не монтаж. Звиад, в частности, говорил о Белоусовиче¹⁴⁷.

20 мая. Весь день писали (потом Люся переделала) письмо Вейскопфу (с передачей Дреллу и Фешбаху) — с горькими упреками. Обсуждал с Мейманом его письмо Каждану.

■ Каждан — математик, эмигрировавший из Москвы. Мейман считал, что пасынку Сахарова охотно помогут коллеги (евреи-эмигранты). И он (Мейман) был страшно огорчен безрезультатностью своих попыток. Никто и никогда из них ничем (даже советом) ни Ефрему, ни Алеше не помог. В Брандайс Алеша пришел, действительно, как пишет Андрей, «с улицы» и был принят, возможно, именно потому, что там никто не знал о его близости с Сахаровым. Смешная деталь. В Брандайсе еще два года не знали, что Алеша имеет какое-то отношение к Сахарову. Узнали случайно, когда на кафедре был какой-то спор о ядерной энергетике и Алеша защищал точку зрения Андрея. ■

Вечером 21-го позвонили ребята. Подтвердилось то, что мы в ночь на 19-ое урывками слышали от Лиды Ф[инкельштейн]. Алеша, придя «с улицы» в Брандайс университети, прошел рек[омендательное] собеседование! Все же письмо Вики решил отослать.

17 амер. не приехали в Москву¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Белоусович — сотрудник посольства США.

¹⁴⁸ См. 23 мая 1978 г.

21 мая. Приехала Наташа [Гессе] (на 2 дня), (на мой д. р.) — мне 57 л.

Поехали к Копелевым. Лева перевел письмо Вейскопфу. Ездили все вчетвером на «Джюльетту с дүхами». Неприятный сложный фильм, но Мазина — чудесная актриса, и поэтому фильм смотреть надо.

22 мая. Утром делали приписки к письмам. У Ремы могло создаться накануне впечатление, что мы против отказа американцев от семинаров. Но мы только сами не можем выступить с такими призывами. Мы — за контакты ведь! Но мы приветствуем борьбу за права человека!

Ездили в 3 посольства, отвезли док. № 49.

■ *Передавать документы Хельсинкской Группы непосредственно в посольства стран Хельсинкского Акта (это придавало им некую видимость официальности) была моя идея, возникшая после ареста Щафанского и Орлова. Но за идею пришлось «платить» — ездить в посольства, что было не очень приятно. Только Андрей и я с ним могли пройти в посольства. И все последующие годы это делали мы. Вначале ездили вдвоем или Андрей один. А после его высылки в Горький это делала я. Меня обычно возил в посольства Эмиль Шинберг. И ожидал меня под взглядами нескольких сотрудников КГБ в штатском.* ■

Прингл в восторге, что решилась (!?) проблема нашей связи¹⁴⁹. К нему, м[ежду] п[рочим], приходила гражданка, заявившая, что она хочет работать на ЦРУ.

Немцы — сама вежливость. Был пом. посла.
Англичане трусили.

Бандиты из Радио сказали, что Сахаров (в другом вар.+ Боннэр) отвез свое заявление.

23 мая. Вторник. Первый день конференции по калибровочным полям:

Американцев и других Западных ученых нет (один индеец из США только, есть из Вост. Евр.). Перед началом семинара я написал: «Благодарность тем, кто своим отсутствием сегодня поддерживает справедливость». (Сначала в пустом зале я написал примерно то же немало иными словами, эта запись была кем-то стерта, входя в зал вместе со всеми, я написал приведенный текст). Когда я прошел на свое место, я увидел, как двое мужчин быстро уносят из зала доску. Но надпись все видели, по залу прошел шепот.

Г[рибов]¹⁵⁰ [фамилия тщательно зачеркнута] перед заседанием — с огорчением в научном плане и с одобрением — сообщил мне об отсутствии американцев.

Я слушал все доклады первого дня. Конечно, конкретные методы авторов трудно понять в такой обстановке, но ясен общий уровень, достигнутый на сегодня.

1. Разрешены принцип. проблемы квантования систем со связями (Методы Попова—Фаддеева и Фрадк-

¹⁴⁹ Заслуга З. Бжезинского и конгрессмена Данте Фаселла.

¹⁵⁰ Грибов Владимир, физик, академик.

на я знал, метод мл. Мигдала — исключение потенциала, переход к формулировке только через F_{jk} — был для меня новым).

2. Великое достижение асимпт. свободы не доведено еще до осуществления полностью непротиворечивой теории — лагранжевой с пост. константами.

3. Грибов говорил очень туманно о проблеме удержания.

4. Интересен был доклад вышеупомянутого Мохапатра «Спонтанно-нарушенная право-левая симметрия». В этой теории массы $W_{\text{прав}}$ и $W_{\text{лев}}$ не равны из-за взаим. с хиггс-бозоном.

5. Оживление вызвали доклады Кузьмина—Окуня (Зельдовича) о возможном несохранении электр. заряда.

Долго беседовал с Окунем, Грибовым о своих научных делах.

Когда пришел домой, встретил гостей — Леонарда [Терновского], Машу, Настю (точней, они подошли постепенно).

Глузмана везут на этап, он объявил сухую голодовку. 24 мая. Второй день конф. (был только первую половину). Вечером писал дневник.

Ире [Орловой] до сих пор не дали свидания.

Неск. предыд. дней большие волнения о Сереже Ш[ибачеве]¹⁵¹. Его в четверг (18) насильно увезли из боль-

¹⁵¹ Молодой человек, который до армии жил в семье Алика и Арины Гинзбургов.

ницы (после двух пункций совсем недавно, а поступил с гипертонией после сотрясения мозга) в Калугу в военкомат. Он чуть не умер от этой дороги. Сейчас его опять увезли по скорой в другую больницу, состояние средней тяжести.

Люся купила цв. телевизор¹⁵²!

25 мая. Четверг. Третий (и посл.) день конф. Доклады о суперсимметрии (Березин¹⁵³ с мат. точки зрения, сотр. Огиевецкого¹⁵⁴ с более близкой к физике).

Купил леотиронин для Люси.

И. Шапиро довез меня до метро. Он и Е. Л. [Фейнберг] сказали, что Брандайс — университет хороший, добротный старый Университет (и не такой левый и снобистский, как МИТ, думается мне).

Вечером с Люсей ездили к Любе. Люсе понравился мальчик — энергичный, хорошо сосет. Имени у него нет. Е[вдокия] А[лексеевна] возражает против всех имен, которые нрав. Любе. Вообще она «удивит.» женщина. Уже вздыхает, что 6 дней стирала, что мальчик — на ее голову и т. п. Люба ее как бы не замечает. В этот первый день Люба была контактна с Люсей, прислушивалась к ее со-

¹⁵² Все предыдущие годы мы жили с небольшим телевизором «Рекорд», который был куплен в начале 60-х с какого-то моего гонора.

¹⁵³ Березин В. А., физик-теоретик, профессор МГУ.

¹⁵⁴ Огиевецкий В. И., профессор, физик-теоретик, ОИЯИ (Дубна).

ветам, даже была откровенна в рассказе о том, как она волновалась все время беременности. После некот. сопр[отивления] приняла от нас 300 р. на ½ года.

Был большой и тяжелый разговор с Димой. Он продолжает говорить, что хочет в Мединститут. Якобы у него 3 мая была драка, ему пробили грудь, а он ударил в пах (я не сказал, к сожалению, что это подонский метод драки). Он опять говорил о сберкнижке. (Как бы в шутку сказал, что может ее украсть — в ответ на мои слова, что он получит ее либо после моей смерти, либо когда станет человеком). О Любе говорил презрительно. Под нашим общим нажимом согласился придти к нам в субботу. Мы договорились с Ингой [Бройдо] [?]р., но в субботу он не явился (сказал, что в 12 ч. он «занят», потом сказал, что постарается придти, а если не сможет, то позвонит. Сейчас вечер воскресенья, о нем ни слуху, ни духу).

26 мая. Пятница. Люся уже неск. дней больна. Всю ночь она мучается кашлем с тяжелым удушьем в обл. гортани. В субботу, воскр. были тяжелые приступы на улице, в троллейбусе и т. п. У нас вечером была девушка из Эмнисти, пока я отмечался в очереди на собр. соч. Л.Н. Толстого (№ 383 подписка). Она принесла известие от Тани Турчиной, что у детей все в полном порядке, что Алешу приняли в МИТ, а Рема работает. Все это, конечно, из вторых рук, т. к. сама Таня не удосужилась связаться с детьми. Все это более чем не по-дружески. Люся сказала все, что она думает по этому поводу. Утром был Ко-

стя [моряк, друг Игоря Алиханова], летит с командой пасс. круиза в Гавану. Я его не узнал!

27 мая. Суббота. Утром в 7 ч. я опять «отмечался». Люся днем подписалась (в спец. очереди как ИОВ). Безрезультатно ждали Диму весь день, очень неудобно перед И. Г. [Бройдо] и Шихом¹⁵⁵. Ездили с Люсей к Любе и Саше (Люба чуть чуть менее открыта, слегка с фанабериями). Подарили ей Спока и носочки, подарок мне от Инги. Мальчик хорошо сосет и спит на балконе.

Мылся.

Глузман, вроде, в Перми и снял голодовку. Так сказали Иде Н[удель] в ГУИТУ, но контролем будет — разрешат ли отцу Семена [Глузмана] поехать к нему на свидание (срок 3 июня).

28 мая. Воскресенье. Гостей не было. Ходили с Люсей в высотный дом за продуктами. Она очень больна (те же приступы). По телевизору смотрели юбилей (200 л[ет]) Ла Скала, видели, как Маша [Олсуфьева] переводит беседу нашего музыковеда с главным дирижером Ла Скала. Впервые человеческая передача, накануне смотрели жутковатую передачу празднования дня пограничника (плоский юмор, безвкусица, рассказы о «подвигах», герой дня — собака, ползущая на брюхе, сам Карацуна).

¹⁵⁵ Я договорилась с И. Г. Бройдо о репетиторстве по биологии и Андрей с Ю. А. Шихановичем — по математике для подготовки к экзаменам в Мед.институт и с Ароновым (по рекомендации Юлы Закс) о репетиторстве по химии.

Звонила личная секретарша Анат. Кузнецова¹⁵⁶. Просила о встрече, совете и помощи. Я отказал. Она после его отъезда назвала своего сына (от него?) Анатолием. Ее хотели лишить род[ительских] прав. Потом судили за содержание притона. Хочет уезжать. Фамилия Орлова-Ц...т (забыл).

29 мая. Понед. Ездили с Люсей купать малыша. Он был серьезен при купании, не кричал. Дима 1-ый раз был на занятиях у Инги Гр. 5 р. урок, 5 р. дал ему.

30 мая. Вторник. Был в ФИАНе — рассказ Воронова о конференции. Топологические инв. «решений» киральных уравнений (по Фаддееву). Добавляя к уравнениям члены 4-го пор-ка, Фаддеев «разводит» топологически разл. решения.

Вечером звонил Саша [Верный]. У Любы темп. 38, жесткая грудь. Неотложка приняла вызов. Люся дала ряд советов.

31 мая. У Любы норм. т-ра. Малыш активно сосет, рассасывал затвердения, т. е. с маститом, вроде, пронесло. Они зарегистрировали мальчика под именем Гриша. Мне и Люсе не очень (пока?) нравится. Кажется, это выбор папы, а Люба хотела Степана. Что ж, выбор имени — право родителей.

¹⁵⁶ Анатолий Кузнецов, писатель, невозвращенец, в 60-х годах была широко известна его книга «Продолжение легенды».

Вычисление взаим $A\phi^2$ в линейном по полю пределе дает нуль.

Сегодня Дима занимался второй раз с И. Г. За урок 10 р., дал ему 5 р.

Принесли повестки Люсе и мне в 103 о/м «по вопросу Вашего задержания 18 мая с/г.»

30-го у Арины и Л. И. [Гинзбург] в 17 часов отключили телефоны. В этот же день Д. Леонтьев пошел досиживать свои 15 суток.

Хорошая новость — Андрея Т[вердохлебова], наконец, прописали (дали разрешение) в доме Бородина¹⁵⁷.

С Люсей 31-го ездили за книгами, потом на почту — послали 2 бандероли. Вечером звонили ребята из своего Ньютона (54 Maplewood, что означает кленовый лес). Запись получилась дефектная, и мы смеялись, слушая убыстренный Люсин голос. Ребята говорят, что у них все в порядке. Но в письме, которое Таня послала Эдику¹⁵⁸, видна ее грусть от слова «никогда».

31-го Дима занимался 2 ч. с И. Г., получил в руки 5 р.

31-го также приезжал 2-ой секретарь посольства Норвегии Одд Гуннар Скагестада. Адрес пос[ольства] Норвегии: ул. Воровского 7, тел 290-38-72? 290-38-74.

1 июня. Дима на даче (увы).

¹⁵⁷ Дом в городе Петушки.

¹⁵⁸ Ошибка — письмо не Эдику, а Эйтану Финкельштейну.

Были вечером Юра Ш[иханович] и Аля, читали длинное письмо Бори Вайля. Боря, к сожалению, с головой погрузился в Европ. политику. Он пишет, что в Дании знают из наших дисс. 4 имени: Солж[еницын] (слишком реакционен), Сах[аров] (тоже сторонник бурж. демократии), Буковский и главный, кто «открыл глаза», — марксист Плющ. Фактически только Эмнисти, по-моему, подходящая орг. для диссидентов, и то — более или менее. Быт старой эмиграции, ее язык, черточки жизни Дании — благополучной с нашей точки зрения, но на самом деле, наверно, тоже с проблемами — это у Бори интересно.

Заехали с Люсей в 16.30 к Любе и Саше, посмотрели Гришу, я отобрал книги — для себя и для Алеши, потом заехали к Принглу. Он жаловался на трудные времена (к нему приходила какая-то женщина, предлагала свои услуги для ЦРУ — сумасшедшая, или верней провокатор; сегодня (2) узнали об обнаружении в амер. посольстве целого цеха подслушивающей аппаратуры).

Вечером узнали — Слепак устроил демонстр. на балконе, его забрали, перед этим толкали шестами. Люся поехала на ул. Горького. Дверь взломана, сидит в передней майор, комнаты запечатаны, соседка перепугана. Люся сходила в 108 о/м (на Б. Бронной), узнала, что зад[ержаны] или арест[ованы] Маша и Володя. «Ленька [младший сын Слепаков] на даче, заходила только Оляка — дев. Лени»¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Слова соседки.

2 июня. К 12 поехали в 103 о/м (слегка опоздали из-за затора). Нас сначала провели к следователю, где по отдельности показали протокол обвинения: Оказывали злостное неповиновение сотр. милиции и членам ДНД в их законном требовании освободить проход к зданию суда.

Я написал на протоколе, что причина инцидента — наруш. закона Лубенцовой¹⁶⁰ и дружинниками, что друж[инники] — по моему предполож. сотр. КГБ — применяли физич. насилие, в частн., к моей жене.

Нас с Люсей повезли на воронке в суд (тот же, где судили Юру Орл[ова], Буковского, Краснова-Левитина). В воронке нас сопровождали 4 милиционера. При посадке, высадке, при подъеме по лестнице, в суде нас непрерывно, с нескольких точек, фотографировали КГБисты. Судил судья Титов, в зале кроме нас было 18 человек (КГБ, милиция, раб. суда). Т. к. суд был «по Указу», то ни прокурора, ни адвоката не было. Меня приговорили к штрафу 50 р., Люсю — к 40 р. Судили нас по очереди. Каждого спрашивал судья биографические данные; Люсю забыл спросить семейное положение, она напомнила ему об этом и процитировала все мои титулы, включая Лаур. Нобелевской Премии Мира. Я после зачтения протокола повторил свой тезис об отв[етственности] за инцидент судьи и дружинников и о незаконном характере их требований. То же говорила Люся. Люся

¹⁶⁰ Судья.

держалась с царственным достоинством. Она, в частности, рассказала, что после того, как дружинник в кепочке заломил ей руки, она вывернулась и ударила его по щеке, а также, когда ей прищемили ногу, ударила Косырева (нач. 103 о/м). Она прибавила, что Косырева она ударила зря*), а дружинника — за дело. Судья сказал — не наговаривайте на себя. Свидетелем у нас обоих выступал один человек в форме милиционера, мы не видели его раньше. Он врал, что ему приказали. После суда нам выдали постановления суда. В Люсином пост. этот свидетель назван Арешков, в моем — Сережкин Б. А.

*) Присутствовавшие милиционеры одобрили эти ее слова.

Формула: Судья [фамилия неразборчиво] Установил:

18 мая 1978 г. Сахаров А. Д. оказал злостное неповин.

сотрудникам милиции и членам ДНД; отказывался освободить проход к зданию суда, несмотря на неоднократные треб. сотр. милиции, грубо обращался к работникам милиции. Указанные обстоятельства Сахаров А. Д. отрицает, однако, они полностью подтв. всеми материалами и показаниями свид. СЕРЕЖКИНА Б. А.

На основ. Указа През. Верх. Сов. СССР от 15/II 1962 г.

«Об усилении отв. за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народ. дружинников» постановил: Сах А. Д. подвергнуть штрафу 50 р.

Постановление обжалованию не подлежит и приводится в исполнение немедленно.

У Люси в пост. нет упоминания о дружинниках, сказано, что она «Указанные обстоятельства не отрицает», сумма 40 р.

За 15 минут до нашего приезда домой позвонил некто (из КГБ). Он спросил: Ваши хулиганы вернулись? Р. Г. ответила — в нашей семье нет хулиганов. Тот сказал — они и не приедут, они получили по заслугам — осуждены на 3 года каждый.

Вечером у нас были Юла с Юрием Ефимовичем Ароновым — будущим Диминым учителем по химии. Были Людмила Ильинична и Маша [Подъяпольская] — они беспокоились за нас. Лиза — ее не допускают к гос. экзаменам, не зачли практику, т. к. она сдала ее с опозданием. Это дело рук Березкиной — садистки или исполн. указания (первое верней). Я звонил Березкиной, она говорила со мной подло, с намеками. Что Лиза была в такой больнице, о которой не хочет говорить, с истеричностью. Лиза завтра подает заявление об отчислении (идея Люси, что это заставит Березкину саму принимать решения).

Звонил Зотову — будет в понедельник.

Звонил в ЦК о Стусе — ответ в среду. По этому вопросу утром телеграмма от Черновола.

Дима занимался с Ингой 2 ч., она сказала, что у него появл. биол. мышление (!?). Получил от меня 3 р. 3 июня. Лиза вернулась ни с чем — Березкиной нет на месте.

Люся в Ленинграде — звонила ок. 12 часов.

Пришла Маша [Слепак] с братом. Ее отпустили ночью с подпиской о невыезде. Володе и ей предъявлено обвинение по ст. 206 ч. II (от 1 года до 5) — злостное хулиганство. Неужели его (или обоих) осудят? Слепаки проводили манифестацию с 16.30 до 17.00. 2 плакатика — отпустите нас в Израиль к сыну. Визу — сыну. Поливали кипятком с верхнего балкона, у Володи ожоги на верхн. части головы и на лице. И. Нудель тоже получила ст. 206 II.

Была В. Ф. , поехала к Маше [Слепак].

Была Таня Великанова, забрала то, о чем гов. Л[авут] и 2 номера.

Дима 2 часа занимался с Ю. Е. А[роновым]. Потом Ю. Е. звонил, он говорил с Димой по душам, считает его с головой, но крайне запущенным, считает, что если не будет вмешательства, то у Димы хорошие шансы поступить; но он убеждал Диму не менять профессии — лучше всего попытаться окончить физфак и хоть на самом скромном амплуа работать.

Маша [Франк-Каменецкая (?)] говорила о желании Марка Ефим[овича] помочь Диме. Я сказал, что предпочитаю обойтись без контактов.

В передаче ГА [«Голоса Америки»] о Слепаках, со ссылкой на меня, нет упоминания об ожоге и кипятке.

На семинар в Дубну не приехали амер. физики (Чемберлен, Лаур. Ноб. премии, Маламуд Чартон и др., вместе с предыдущими — 43 чел.). Они написали письмо Александру [президенту АН СССР] об Орлове.

4 июня. Воскр. Прилетела утром Люся¹⁶¹. Пригл[ашение на встречу выпускников Мединститута] ей не послала Рая Павлова, оправдывалась, что у них все коллегиально. Многие активно проявляли поддержку Люсе. Алик [Шапиро] смотрел ей глаза, сказал, что больше ничего сделать было нельзя. Ваня [Семенов] спросил, почему Алеша развелся с Олей. Люся сказала, что он и ей ничего не сказал заранее, только сказал «что разлюбил». Много рассказов о том, как катится под гору медицина. У Алика нет санитарок, и после операций он сам с другим врачом моет операционную. В Оттовском ин-те не убирают за роже-ницами и т. п. Мумжи катали ее на своей новой машине по городу (белые ночи), затем отвезли на аэродром.

Звонили Таня и Алеша из Ньютона (ост[альные] спят). Они волнуются за нас, а у них «все хорошо». Купили качели и др. предметы детск. городка, дети очень рады, рядом две девочки, ходят к ним. Алеша много занимается, каждый день ходит в библиотеку МИТ. Аня носит с собой газету, где я с милиционером, и улыбается на нее. Алеша зачислен в ВU [Брандайс. Университет] со стип[ендией].

Мейман сдал билет¹⁶². Говорит: такое делается! Вечером был у нас, завтра придет точно.

Звонила Ида, у нее отобрали на обыске записку, где она пишет о плане вывесить в окнах плакаты.

¹⁶¹ Я летала в Ленинград на встречу с сокурсниками в связи с 25-летием окончания ин-та.

¹⁶² Мейман собирался поехать в Крым.

5 июня. Позвонила Ида, сказала, что есть статья Виктора Луи в «Наша родина», что 5 (т. е. сегодня) Щаранского обменяют¹⁶³.

6.30 об этом же звонил Леня Щ[аранский].

Был Мейман, при нем приходил корр. из Швеции Lars Persson, без него еще один Jan Behre. Первому переведил Мейман, интересовало положение с правами человека в связи с визитом королевской четы. Я говорил о Сереже [Ковалеве] как биологе, о том, как важно еще раз сказать о связи разрядки с правами человека и политической амнистией, о Хельс. группах и Орлове. Король будет присутствовать на симпозиуме биохимиков. Самое важное сказала Люся — если король не сможет говорить о правах человека, то лучше бы не приезжал. Второй говорил по-русски. Он брал у Паточки интервью перед его смертью. Это дало мне повод сказать о Харт[ии]-77. Король поедет в Ташкент, я рассказал о Шелкове, Люся дала фотографии¹⁶⁴. Я написал записку королю. «Сергей Ковалев, биолог, автор 64 ценных работ, осужден на 7 лет лагеря и 3 г. ссылки за участие в издании Хроники Тек. Событий и помощь ХЛКЦ¹⁶⁵. Один из самых

¹⁶³ Очередная обменная «утка».

¹⁶⁴ У меня во множестве были фотографии многих заключенных. Я специально заказывала много копий и давала их всем иностранным корреспондентам, которые собирались о них писать.

¹⁶⁵ Хроника Литовской Католической Церкви.

выдающихся участн. борьбы за права чел.; он один из самых чистых и самоотв. людей из тех, кого я знаю. Я прошу вас публично осудить осуждение Серг. Ков., Вашего коллеги» (записано через сутки по памяти). Этот корр. очень нам понравился.

Был Юра, Люся дала ему 20 р. Был Дима, после 2 часов занятий с Ингой. Он принес 3 фотокарточки (моего прапрадеда, моего деда И. Н. Сахарова и его двоюродной сестры, по мужу Никольской¹⁶⁶) якобы от «Оли», жены Марка Захаровича [возможно, ошибка — Марка Ефимовича]. Люся забрала у Димы карточки фактически насильно. Он не хотел нам их оставлять, а только показать. Дима изобразил крайнюю обиду и возмущение, вел себя нахально, нагло. Устроил «сидячую забастовку», не хотел уходить из дома, пока мы ему не отдадим карточек. Р. Г. встала с постели его уговаривать. Наконец, во втором часу я его вытолкал за дверь, дав ему 5 р. на дорогу. Мы с Люсей очень огорчены этим инцидентом.

6 июня. Утром звонок Лени Щ[аранского] (см. выше).

В ФИАНе — доклад Окуня о несохр. электрич. заряда и доклад Гольданского о химических реакциях при абс. нуле температуры. (Нулевые колебания. Деформация

¹⁶⁶ Андрей почти не знал своих родственников, кроме поколения его отца и матери, и поэтому у него в «Воспоминаниях», а также в Дневнике много неверного. Параскева Никольская (ур. Сахарова) — тетя Ивана Николаевича (деда Сахарова), а не его двоюродная сестра.

потен. кривой ядер при электр. возбуждении. Безизлучательные переходы при резонансе. Цепная реакция запускается ультрафиолетом). [Зачеркнуто] Б[зачеркнуто] А. [Боря Альтшулер] — говорили о письме в Красный крест и о документе независ. Финляндии (этот документ по его словам несколько криклив, хотя и интересен).

Были с Люсей в поликлинике (но там не было глазников). Кардиограмма у меня неск. лучше. Разговор с Любой по телефону. Она по вечерам начала прикорм (кажется, что зря).

Вечером у нас В. Ф., Маша, Мальва. П. Г. [?] сказал, что наш штраф — подготовка, проба сил к психушке для меня.

Звонок из Ньютона от Тани. Они не уехали за Лидой, т. к. она больна. Там тепло, дети целые дни на улице, босиком. Алеша очень много занимается. Они слышали, что сегодня суд над Аликом [Гинзбургом] и поэтому позвонили.

Мальва расск. высказывания Зиновьева в книге «Светлое будущее» о диссидентах — они некомпетентные и не склонные к компромиссу люди. Это несправедливо. Разве ХТС некомпетентна?

5-го я говорил с деканом матмеха МГПИ Василием Ивановичем Мишиным о студ. того же курса, где учился Алеша, Лизе Алексеевой. Я сказал, что у нее были тяж. переживания после отъезда Алеши, взывал к его чуткости, говорил о садизме Березкиной, намекал на незаинтересованность КГБ новыми скандалами вокруг Алеши.

От Черновола пришла телеграмма, что Стус¹⁶⁷ вылетел в Донецк, с благодарностью за поддержку.

Резникова заключила договор¹⁶⁸. Следователь сказал ей, что она, по-видимому, устала и что вполне может уехать на месяц отдохнуть¹⁶⁹.

Звонил Новосельцев¹⁷⁰ (5/VI), Люся его по моему знаку отшила.

8 июня. Среда. Вечером звонок Димы из автомата. «Твердым» голосом он говорит, что не хочет «унижений» и подачек, будет работать и готовиться в инст. без репетиторов. Я ему сказал, что рад его словам, что он хочет работать (давно пора), но, что сейчас, если он серьезно думает о поступлении в м[ед]. институт, это несвоевременно. Я напомнил ему, что он должен дать мне доверенность на получение денег с книжки для репетиторов и на жизнь (это сразу снимает всю его позу), (а он сказал — Дай мне книжку и верни фото). Инга Григ. сказала, что он ей заявил, что будет работать на мясокомбинате. На другой день, посылая 30 р. («прожить до получ-

¹⁶⁷ У Стуса тяжело заболел отец, и после многих и трудных переговоров Андрея с А. Ивановым (адм.отдел ЦК КПСС) ему разрешили поездку из ссылки (по кодексу это разрешается, но редко выполняется).

¹⁶⁸ Договор с Ариной Гинзбург на защиту ее мужа.

¹⁶⁹ Это означает, что суд у А. Гинзбурга будет не раньше чем через месяц.

¹⁷⁰ Новосельцев (считается диссидентом), здоров или нет — не знаю, но вел себя провокационно.

ки»), я написал также, что мясокомбинат — плохо в ряде отношений: тут я против и что, если он серьезно думает о мединституте, он должен идти в санитары.

Лизу уволили¹⁷¹. Садизм, бесчеловечность Березкиной, Мишина — неопишуты.

9 июня. Утром анализы, поехал с Евг. Алекс. [? возможно, академический водитель] в поликлинику натошак. Потом — овощн. магазин, после еды — госбанк Люблинского района, заплатил 40 р. за Люсю¹⁷², получил бланки заявлений на обмен жилплощади, получил финские сани (23 р. за хранение), сдал в ЛАФОКУ [фотолабораторию АН] (М. Харитоньевский, теперь ул. Грибоедова, д. 4) фото на репродуцирование, перевел деньги (30 р.) Диме.

По радио (ВВС) сказали, что шведский король получил телеграммы от Лаур. премии Мира А. С. о биологе Сергее Ковалеве, нах. в лагере в Перми, и от супругов Кац и «передал их министру иностр. дел».

Солж[еницын] получил звание докт. Гарвардского Университета, выступил с речью. Картера речь — хорошая.

Вечером ездил в Новогиреево отдать заявления об обмене, но неудачно — там собрание, было не до меня.

¹⁷¹ Лизу исключили из института накануне государственных экзаменов.

¹⁷² Я очень сердилась на Андрея за это. Я не хотела платить этот штраф, считала — если им надо, то пусть вычитают из пенсии.

Видел на вокзале Пинхос Абр. [Подрабинек]. Кирилл [Подрабинек] в Тюмени. Он спросил на почте, почему ему задерживают письма. Ответ — приходит некто, предъявляет книжку. П. А. П[одрабинек] собирается к Кириллу.

9/VI — пятн., 10/VI — субб., 11/VI — Воскресенье, 12/VI — Понедельник — С Люсей на даче. Люся в поте лица совершает огромную работу по уборке, меня к ней не допускает, да я и не могу ей эфф. помогать, я немного читаю подаренную Борей Альтшулером книгу «Квантовая теория калибров. полей» (статьи Коулмена, Бернштейна, Аберса и Ли). Дима на даче. Он устроил ужасный, разрушительный, страшно грязный разгром. Разломано кресло-диван, разбиты стекла — в Томаровом книжном шкафу, в окне, выходящем на веранду, три дверных, в том числе на веранде, пропали многие книги, пластинки, часы. (Их и книгу Литинских «Симфония разума» «прихватили» Миша и Таня, я ей звонил об этом, она очень обиделась, а чего бы ей стоило самой раньше позвонить, на самом деле они с Мишей уже считали эти вещи своими — на глазах у Марины, которая прекрасно знает, что это часы Руфь Григорьевны.) Пропали кастрюли, ложки, подушки, многие тамиздат. книги — много всего. Разрушительные силы, возникающие в Диме на даче (и саморазрушительные) — видны наглядно. Даже при нас Дима почти не занимается подготовкой к экзаменам (не более 2-х часов в день) — спит до часу, читает романы. Отношение к Люсе у него уважительное, он по ее указаниям кое-что мыл и чистил — с большей охотой, чем занимался.

Мы с ним имели много резких и откровенных разговоров, и если он хоть на 1% честен с нами и с самим собой — он должен понимать, что мы с Люсей хотим ему добра, хотя и не доверяем — не имеем права доверять. В понедельник Дима неожиданно привел Марка Ефимовича. Я не могу сказать, чтобы он вызвал у меня доверие. Но о Диме он говорил правду (за исключением некоторой непонятной переоценки Димы — и он не мог объяснить, чем Дима его к себе привлек и заинтересовал — кроме сострадания). Он сказал, что у Димы детдомовский комплекс — недоразвитость, отсутствие собственного «багажа», чувство неполноценности, гипертрофированного самолюбия и «ершистости» в соединении со слабоволием, истинной или ложной обидой и озлобленностью. Он говорил, что Диме абсолютно противопоказана жизнь вне семьи, что вне семьи он погибнет, и обращался к Люсе, что она одна может поддержать Диму. Люся сказала, и я подтвердил, что сейчас, когда Диме 21 год, когда у него за плечами годы безделья, снобизма, обмана и злости, а мы — больные, почти без физических сил, совсем не по академически материальном положении, погруженные в сотни дел, не можем сделать больше, чем мы делаем. Она напомнила попытки (ее), относящиеся к 72 году, — жить вместе с Димой, что я тогда не сумел этого реализовать. А что сейчас уже поздно, и надо иначе. Люба опять делает ошибку, не разделяясь с Димой.

Вечером 12-го я взял у Димы ключ от дачи, но потом Дима взял его со стола и унес с собой. Для меня после

стольких разговоров это было ужасно. Я поехал за Димой на дачу, но там Димы, к счастью, не было. На другой день Дима зашел к нам перед возобновившимися уроками у Инги Григорьевны. Мы с Люсей отобрали у него ключ. 13 июня. Утром с дачи поехал делать повторный анализ РОЭ. В пятницу Белла Лазаревна [врач поликлиники АН] позвонила Руфь Григорьевне, а та сообщила Люсе и напугала ее, что у меня РОЭ — 58, т. е. очень высокое, и лейкоцитоз (к счастью, гемоглобин — норма, но до понедельника Люся не знала этого и волновалась об онкологии). РОЭ оказалось много ближе к норме — 20, и у Люси отлегло от сердца. Вечером перед приходом гостей Люся ставила мне горчичник — в третий раз за 2 недели — возможно, сердце заболело у меня после фиановской лестницы. В ФИАНе Володя Файнберг рассказывал о суммировании рядов теории возмущений (я почти все время мучительно боролся со сном — это пытка!), затем было очень интересное сообщение смуглого парня (из ?) о экспериментальной ситуации с проверкой коэффициентов в четырехфермионном нейтральном взаимодействии $(\nu\nu)(qq)_R$, $(\nu\nu)(qq)_L$, и т. д., всего 6 или еще больше коэффициентов. Согласие (сейчас) лучше всего с простой моделью Салама—Вейнберга (при $\sin^2 v_w = 0,25$). Единственная «тучка» это, возможно, отсутствие нарушения четности (если это подтвердится) в $(ee)(NN)$, т. е. в атомной физике.

Вечером у нас в гостях Маша [Подъяпольская] и Лидия Корнеевна. Лидия Корнеевна говорила, как ужас-

но, что мы ввязались в драку у суда, и мне было стыдно, хотя я и не ввязывался в драку, но я неосторожно спровоцировал людей сгрудиться у входа в «загончик», когда пререкался с милиционерами и слегка давил на них, делал вид, что пытаюсь пройти. Лидия Корнеевна привела чьи то слова, что, видя такую расправу, надо или стрелять или самосжигаться (это наверно Финочка?). В общем, ясно, что, если я не хочу обострения, жертв, самосожжений и стрельбы (а я действительно НЕ ХОЧУ), то я у здания суда действовал плохо, в лучшем случае неосторожно (неважно, играло ли тут роль мое подавленное состояние после разговора с Алешей — вечером 17-го — что его не приняли в МИТ — я не имею права быть не в форме, неосторожным и т. п. — как хирург или учитель).

9-го вечером — в окно к нам с Люсей доносились трели соловьев, было очень тепло. Эту греческую букву [σ] я уже 4 раза не писал в апреле и 3 в мае.

14 июня. Среда.

15 июня. Четверг.

Позвонила Арина, сообщила, что Резникова звонила в Калугу, ей сказали, что ничего неизвестно о дне суда. Но когда она спросила, может ли она быть свободна на неделю — ответ: «ни в коем случае». Ей сказали позвонить в пятницу.

Машу Слепак с открытой язвой увезли в больницу. Сопровождали ее Вера Федоровна, Наташа Федорова и белая машина КГБ.

Ида получила обвин. заключение и переписала свид. показания. Она принесла копию своих телеграмм, объясняющих, почему она повесила желтую звезду — «символ страданий и унижений еврейки и символ ее гордости и надежды».

16 июня. С Люсей поехали на дачу. По дороге сделали ряд покупок, в том числе овощи, телефон и плафоны.

17 июня. Приехали Володя [Рубцов] и Леня Литинский с Инной, они сделали гору дел по уборке. Володя сделал люстру, Леня помыл террасу.

18 июня. Очень много сделала Люся, кое-что я. Вечером бегом бежали на поезд, у меня стало плохо с сердцем.

17-го позвонил Дима, сказал, что он болен, что Люба обеспокоена его контактами с Гришей, что в доме холодно и т. п. Я сказал, что мы скоро уезжаем и что я против, чтобы он один был на даче. Оказалось, что он не предупредил Ингу Григ., и она потеряла полдня, встала в 7 утра, все подготовила для этого и след. занятий.

Вечером 18-го мы приехали в Москву — Лиза рассказала о своем разговоре с родителями и сестрой накануне (сестра вызвала ее телеграммой). Родные ее в ужасе. Мишин сказал отцу о моем звонке и соврал при этом, что решение об отчислении было принято лишь после этого; он также соврал, что Алешу не выгнали, он сам хотел уехать. Лиза сказала родителям, что она тоже хочет уехать за рубеж, это вызвало особенно бурную реакцию (слезы, гнев и ужас). В ночь на 17-е мне не спалось, думал о Лизиных делах.

16-го заезжали с Р. Г. к Циле [Дмитриевой] на день рождения. Большой стол-парад. Р. Г. ругала Лизу, какая она неряха, и что очки ей нужно только сертификаты и т. д.

В ночь на 17-е странный сон. Я иду по брусчатым улицам какого-то провинциального города. Идет молодая женщина с детской коляской, которую она тащит с трудом. Я беру у нее коляску, и она охотно мне ее отдает.

19 июня. Весь день проливной дождь. На академ. машине поехали сначала к Вере [Алихановой], потом на кладбище¹⁷³, потом опять к Вере. Дома Люся сделала мне горчичники, и я долго спал и лежал в кровати. Лиза пошла под дождь, взяв с собой апельсины и еще кое-что. Грустно (ночью у меня серд. приступ). Люся печатает, чтобы отослать.

Вопрос: Возможна ли теория с ненарушенной суперсимметрией, в которой наблюдаемые частицы являются суперсинглетами [?], составными частицами бозон+спинор или 2 бозона + 2 спинора и т. п.? В такой теории автоматически было бы соблюдено равенство нулю космологической постоянной.

20 июня. Вторник. В ночь на вторник у меня сильные боли в обл. сердца. Трудно перевернуться, встать, лечь. Нитроглицерин не снимает. Заснул на спине.

¹⁷³ 19 июня — день смерти моего брата Игоря Алиханова.

К 12.30 поехали с Люсей в амер. пос[ольство] с пакетом о деле Ю. О[рлова] (7 приложений к Хельс. документу), с материалами о деле Иды и Володи [Слепака]. Был разговор на общ. темы — что надо Западу, что у нас за страна (скр[ытый] фашизм).

В ФИАНе Е. Л. [Фейнберг] перенес семинар на 1-ый этаж, чтобы я мог в нем участвовать. Володя Файнберг рассказывал о суммировании асимптотических (последовательность сила — уверенность) рядов теории возмущений. После доклада принимал мой нитроглицерин. Фрадкин рассказывал о своей поездке в США, о научных направлениях и школах — от Бостона до Стенфорда. Целенаправленная дисциплинированная работа множества теоретиков (Конфайтмент в разных вариантах, единые модели — калибровочные и суперсимметричные, супергравитация, решетчатые модели, экстраполяция по d и т. п.). По сравнению с ними — мы провинция.

На улице около столовой мы с Люсей повстречали Вит. Лазаревича [Гинзбурга]. Он рассказал о трудностях подготовки воспоминаний о Иг. Евг. [Тамме] — надо исключить все упоминания о Сахарове и кое-что еще (отн[ошение] И. Е. к антисемитизму, мне, напр., сейчас вспомнилось). Вит. Лаз. посетовал на трудности, на усталость, и вдруг сказал — вам легче¹⁷⁴ — это прозвучало так искренне, как неожиданное признание. Мы с Люсей сказали —

¹⁷⁴ По моим воспоминаниям, Гинзбург сказал: «Вы счастливые».

да, нам легче (мы вне компромиссов, вне зависимости от государства — это подразумевалось), мы свободны.

Вечером были Маша и В. Ф., потом пришел врач Александр Викторович Недоступ, осмотрел очень тщательно меня.

21 июня. Среда. Сегодня лежу в кровати, как велели врачи. Люся поехала на суд над Идой и на суд над Володей [Слепаком].

Ида молодец. Отказалась идти в зал без друзей. Впустили на первый этаж, потом Иду насильно увели вверх (по постановлению о приводе), а друзей и корров повытаскивали с применением насилия. В перерыв Ида высунулась в окно, крикнула, что все ее ходатайства о вызове свидетелей отклонены, что демонстр. от 4/VI выделена в отд. дело. У Иды очень сильное, эмоциональное последнее слово. Она сказала, что ее судят не за демонстр. в ее комнате 1/VI, а за 7 лет борьбы за права ее и других людей, за эти годы она распрямилась как человек и как еврейка, воспоминание об этих годах будет согревать ее, как бы ни сложилась ее жизнь, и судьи не могут взять реванш за эти победы.

Володя оказался без адвоката. (Маша импульсивно отказалась). Он был очень мрачен. Подробности суда неизвестны. Володе дали 5 лет ссылки. Иде — 4 года.

Был у меня Боря А[льтшулер] с проектом письма председателю МОК¹⁷⁵ (письмо разумное). Принес фото,

¹⁷⁵ Международный Олимпийский Комитет.

в том числе с надписью на тротуаре «евреи — в гробы», около молятся Розенштейн [?] и др. Вот бы опубликовать в иностр. газетах. Но они боятся быть слишком резкими.

Говорил по телефону с Любой. У Гриши вес 3900, Люба норм. кормит. Дима в Москве. Сказал Любе, как я недоволен Димой, который фактически сорвал занятия с репетиторами под предлогом своего недомогания. Говорил о необходимости Диме иметь отдельное жилье, работать, самому отвечать за свою жизнь. Люба сказала, что Дима не может жить один — он вроде Юры [Сахарова]. Люба упрекала меня, зачем я упрекнул Таню [Сахарову] и Мишу за то, что они взяли часы и книгу Литинских, что это «недоразумение», что я вымещал на Тане и Мише за Диму, который действительно растаскал много книг и устроил разгром. Но в конце Люба обещала подумать.

Были Лернер и Леня Щ[аранский], я (менее удачно) и Люся (более удачно) наговорили перед объективом киноаппарата по 2—2,5 минуты о Толе [Щаранском], Володе [Слепаке], Иде.

22 июня. Четверг. Я в кровати. Люся ездила на почту, получила еще один возврат папирос из Италии и отправила в США книжн. бандероль — Классические группы Вейля, справочники по функц. анализу, теория функций Гурвица и др. Ездила на рынок. Выписала доверенность Вере [Алихановой]. Отвезла Р. Г. к Циле. Готовила парадн. ужин.

Вечером (с 7 часов) у нас в гостях были Катя и Ирина — мои сестры. Говорили о трудных детях — Диме, Любе, Тане, о трудностях отношений с ними. Они согласны, что Дима должен жить отдельно от Любы. Говорили о Ване, Сереже [Рекубратских], о наших детях и внуках в США.

Розалинда Картер, выступая в клубе печати, возражала Солженицыну¹⁷⁶ — «наш народ не погряз в бездуховности, он проявляет активность в самых разных областях культуры и труда, он работает для лучшего будущего своей страны, он помогает развив. странам. 35 млрд долларов — добровольные пожертвования — разве это значит погрязть в материализме».

23 июня. Пятница. Я в кровати. Звонили ребята из Ньютона, напуганные сообщением от Тани Матон о моей болезни (а ей сказала Арина Г[инзбург]). Рема, по словам Тани, приходит сияющий с работы. Большая беда с Лидой [Финкельштейн] — у нее или вторичная опухоль (в этом случае возможно опер. вмеш.), либо метастазы. Ее увезли в Питтсбург для операции, Саня [сын Лиды] остался на попечении Тани, ей помогает Алеша.

Вечером у нас в гостях был Юра (мой брат) и Андрюша Т[вердохлебов]. С Андреем я говорил о науке, на любительском уровне, доступном нам обоим.

Звонил Дима. Он ссылался, что очень плохо себя чувствовал, в оправдание ничегонеделания целую неделю.

¹⁷⁶ После т. н. Гарвардской речи Солженицына.

Обещал позвонить Юрию Ефимовичу и Инге Григорьевне и после этого мне. Но не позвонил.

Днем был Боря А[льтшулер]. Составили окончание письма в МОК, Люся напечатала его, оно пойдет как Хельсинкский документ, с присоединением моим и некоторых других.

24 июня. Суббота. Я в кровати. Ночью опять побаливало сердце, я принял нитроглицерин. Были Поликановы, Люся просила «самого» написать по документу о положении ученых, который инкриминируется Юре О[рлову], а я вел светскую беседу с его женой о детективах и т. п. Потом Люся поехала на почту — послать поздравительные телеграммы Реме и Боре [Янкелевичу], у них завтра день рожд., и на рынок.

23 была также Винс, жена Георгия и мать Пети. На карьере, где работает Петя, страшные избиения заключенных, бьют шлангом и т. п. Петя объявил голодовку. Посоветовали поездку адвоката к Пете — предлог: составление надзорной жалобы.

24-го по радио передали, что семья Бухарина требует реабилитации, статья в Унита.

25 июня. Воскресенье. День рождения Ремы, Бори, Насти Подъяп[ольской] (ее поздравила Руфь Григ.).

Люся с большим нажимом уговорила меня писать фрагменты о семье, прошлом, эпизодах моей биографии (я сопротивлялся, чувствуя, как мало у меня сил, и имея отвращение к самокопанию и самообнажению, но, конечно, я понимаю важность того, что требует Люся. Пос-

ле ее почти истерического нажима, это было вызвано моей ист. реакцией, я согласился, как 1,5 года назад на этот дневник). Сегодня писал о тете Тусе¹⁷⁷.

Потом читал и переводил детектив «End of Chapter». В 6 часов пришли Шихановичи и Рубцов, Люся к этому времени за 2 часа*) приготовила парадный ужин — курицу в фольге, салат, ватрушку.

Люся много печатала для Х[ельсинкской] Гр[уппы].

Сегодня, как и вчера, я не звонил Любе и Диме.

*) Она сказала сама про себя: «Я потрясающая хозяйка».

26 июня. Сегодня Люся ездила на акад. машине за книгами и продуктами. Водитель рассказал о смерти М. В. Келдыша. Он жил совсем один на даче в Жуковке. Все члены его семьи не живут с ним. За ним приехала машина, т. к. он не подавал о себе знать. Дверь дома была раскрыта, они хотели уже уходить, как заметили свет в гараже. М. В. сидел в машине с вклю-

¹⁷⁷ Начало работы над книгой «Воспоминания». Я несколько удивилась, что первые записи были не о родителях, а о ней. Андрей объяснил, что мама считала ее очень деловой, способной и самой успешной в семье. И такой ее воспринимал Андрей. И держалась тетя Туся соответственно. Когда ее арестовали, для мамы и бабушки это был тяжелый удар. И ее освобождение через два года было воспринято семьей как проявление справедливости. Но я еще вернусь к биографии тети Туси (Т. А. Софиано) в примечаниях к 1985 году.

ченным радиоприемником, в закрытом гараже, уже холодный.

Я вспоминаю моменты его противоречивой, в чем-то славной, в чем-то позорной жизни, окончившейся мучительной агонией — жизни, отражающей советскую действительность. В 1953 г. Келдыш, Лаврентьев, Давиденко и я провели 6 дней вместе в вагоне на пути на испытания. Келдыш был деловит, умен, с чувством собственного достоинства, с остротой оценок, в нем чувствовалась сила и возможности, блеск. Говорят, что я тоже понравился ему, и он не изменил высокого мнения обо мне даже тогда, когда мы оказались в диаметрально противоположных лагерях. Даже, когда он подписывал письмо 1973 г.

Сегодня я писал «в папку»¹⁷⁸ историю написания трактата¹⁷⁹.

Был Кевин Руэн, с другим корром из Англии, я для них на завтра написал интервью. Люся, с хорошими добавлениями, напечатала.

27 июня. Вторник. С утра — Кевин Руэн и другой англичанин — интервью для BBC.

За неск. минут до них пришел Константин Алексеев — отец Лизы. Он пришел с заранее сформулированным тре-

¹⁷⁸ В «папку» — означает будущую книгу «Воспоминания».

¹⁷⁹ Андрей часто называл «Размышления» то Трактом, то Меморандумом.

бованием, чтобы мы потребовали от Лизы от его и своего имени — прекратить общение с нами. Мы с Люсей, ест., не могли принять этого, хотя Р. Г. дала такое обещание. Он требовал этого ради Лизы и ее ребенка. Допытывался в страшном волнении, где Лиза, дала ли Люся ей деньги и т. п. Он сказал, что полчаса не решался войти, угрожал гласностью, пойти в академию и т. п. Сказал, что боится, что Лиза позднее не сможет стать матерью. Мне было очень стыдно слушать его — мы не смогли уговорить Лизу раньше сказать родителям. Люся не смогла ее уговорить отказаться от намерения, Р. Г. не очень старалась, хотя теперь говорит, что старалась. В общем, тошно и, кажется, это еще совсем не вечер.

У Лизы все окончено.

Полдня писал для папки о папе.

Была (без Люси) Таня Великанова, я имел глупость взять материалы для почты, чтобы посоветоваться с Люсей о возможности. Поставил Люсю в ложное положение, очень жалею об этом, при сомнении надо сразу отказываться.

Таня Вел. показала письма Тани Ход[орович], Петра Григ. и оставила для ознакомления письмо (кажется, Люды Алекс[еевой]) о том, что их ввели в заблуждение с Шальманом, что обидели Макдональда тем, что в Хельсинкском документе нет благодарности ему (а об остальном содержании этого документа — ни слова) и, главное, что адвокат здесь мешает защите там. Тут все перевернуто. Люся написала ей письмо, «объяснив», зачем

нужен адвокат здесь (для контакта с человеком, иначе получается, как на суде Слепака).

28 июня. Суд над И. Бегуном. Мы с Люсей не пошли (я еще на больн. положении). Бегун держал 46 дней голодовку, на суд привели в наручниках, он почти падал без чувств, отказывался от участия в суде. Жена, а потом один друг, прошедший в зал, вышли в знак протеста, и мы фактически ничего не знали, даже приговор. Суд был около нас на Серебр. наб. КГБ вело себя нагло, как никогда. У корров прокололи по шине, и они уехали, тем более, что в это же время — предъявление обвин. заключения Уитни и Пайперу — иск моск. телевидения, «они написали клевету, что телепередача с выступлением Звиада якобы была фальшивкой КГБ». Мальву опять схватили, когда она с суда шла к нам. Из машины она хотела крикнуть, ее ударил водитель по лицу. В 70 о/м, куда ее отвезли, ей записали 3-ье нарушение паспорт. режима, хотя она менее 3 дней в Москве, но ходит по судам антисоветчиков. Была Таня Велик., Люся взяла Сборник, ост[альное] отдали ей. У Тани дела со связью много лучше, чем у нас. Поехали с Люсей к Картеру¹⁸⁰. Там сидят уже 3-ьи сутки 7 пятидесятников, среди них Ващенко (брат пресвитера). Одного из них — 17 лет — схватили у входа, избили, они требуют возвр. его. Разговор наш с ними был трудным. Мы предлагали им связь с коррами, говорили о бессмысленности сидения, отказа от гражданства (женщина, жена или сестра

¹⁸⁰ Консул, однофамилец Президента.

Ващенко, за отказ отсидела уже 3 раза по году) — они очень обижались и замыкались.

29 июня. Весь день безуспешно звонил Шутову (МВД) и Зотову (ОВИР).

Позвонил Оливер Уайтс из Рейтера, он был в амер. посольстве, говорил с пятидесятниками. Они сказали ему, что мы накануне уговаривали их прервать сидение в посольстве. Я разъяснил, какова наша позиция, и просил написать статью. Переехали на дачу. В Москве с вещами помогли Рубцов и Леня [Литинский], на даче — шофер. Дима в Москве, говорил с ним уже 30/VI.

Ждем Пушкинских числа 6-го.

■ *Наталья Гессе, Регина Этингер и Зоя Моисеевна Задунайская собирались провести это лето у нас на даче. Один раз они уже жили на даче летом 1973 года. Это был первый за многие годы выезд за город тяжело больной сердечницы Регины. Мы никогда не занимали второй этаж дачи, где были три комнаты детей Андрея, хотя Люба после смерти Клавдии Алексеевны никогда там не жила. Таня Семенова до рождения детей на даче не жила. Но после рождения Матвея и затем Ани и до отъезда Тани с семьей мы не могли пригласить наших ленинградских друзей за неимением места. Теперь место появилось. Однако в это лето они не приехали, т. к. Регина плохо себя чувствовала. Но они провели в Жуковке лето 1979 года — наше последнее лето там. ■*

Бегундали 3 года ссылки — что противозаконно по этой статье. Боря [Альтшулер] думает, что подгадывают в связи с Олимпиадой. Из суда Бегуна вынесли на носилках.

30 июня. Спокойно жили на даче. Я писал «в папку» и читал англ. детектив.

1 июля. Днем ходили с Люсей в магазин, перед этим поспорили с Люсей из-за моего упрямства — я не хотел идти с сумкой-каталкой, боясь что мы опоздаем, и потому, что она мне не очень удобна, а Люся нервничала, хотела сразу купить много, и чтобы у меня не было инфаркта, и хотела сразу найти недост. винты.

Вечером приехал Дима, я его немного поэкз. по биологии. На другой день он почти не занимался, гонял по поселку.

2 июля. Андрей Томашевский¹⁸¹ говорил, что Диме нельзя верить ни в одном слове. Вечером, вместо того чтобы заниматься физикой, в 20 часов ушел якобы на поезд, но поезд только в 20.42. У нас вечером была Маша [Подъяпольская].

1-го по Голосу [Америки] передавали отрывки из моего Послесловия и статьи Данте Фасселла, опубликованных в Уолл Стрит Джорнел. Статья Ф. очень серьезная, хорошая.

3 июля. С утра пыталась прозвониться Таня, безуспешно.

По радио узнали о самосожжении крымск. татарина Мусы Мамута, 46 лет, отца 3-х детей. Он отбыл 2 года за наруш. пасп[ортного] режима.

¹⁸¹ Приятель Димы, племянник М. Ростроповича.

В 17.30 поехали в Москву втроем, по дороге заезжали к Любе, она выносила Гришуню, он смешно и бодро вертит головкой, проявляя любопытство. Очень хороший мальчик.

Дима отдал часы, но это оказался будильник, а не часы в дер. оправе, т. е. Таня права на 50%, а Дима — врун на 150%.

Вечером к Инге прозвонилась Таня, а мы спустились туда. Завтра к 3 часам, как она сказала, к нам придут гости, и надо также, чтобы был Дима Орлов. Я позвонил по телефону, чтобы были Дима и Ира [Орлова] (во избежание обиды — оба).

4 июля. Ездили с Люсей за заказом и кое-куда по дороге, покупая для гостей.

В 3 пришел Дима [Орлов], рассказал, что им обещали свидание после кассации, гости не пришли, вышла ошибка, они пришли только в 9 вечера.

Это Джоан Баэз (знаменитая певица, Таня написала в записке «та самая»). У них в Новогирееве была ее пластинка), Грейс Кеннан, дочь бывшего посла в СССР, и журналист по имени Джон. Грейс исполняла роль переводчицы. Она привезла письма от детей, пленку с рассказом Алеши об Италии и США, а также о Солженицыне. Там же он говорит, что хотел бы сохранения ребенка от Лизы и ее быстрого приезда, это независимо. Он не писал Лизе об сохр., не считал возможным давить на нее на расстоянии и с запозданием понял мамино письмо, лишь после многих перечитываний. Алеша очень реши-

тельно настаивает, чтобы мы помогли Лизе приехать к нему. Он вновь пошел на курсы А. Я. [английского языка]. В этой же пленке рассказ Тани и неск. слов Лиды [Финкельштейн].

Привезли гости нам также много фото и подарки для Гриши.

Джоан дважды сидела в тюрьме¹⁸² «за Вьетнам», очень «левая» и очень хорошая честная женщина. Она из Эмнисти Интернешнл, это она звонила мне в 1973 г. и пела песни по телефону. Она думает, что Америка очень неоднородная страна — и по мат. уровню, и по мор. уровню, слишком вооружающаяся, ответственная за многие беды в совр. мире — в Чили, например, вообще в Латинск. Америке, во Вьетнаме, в Африке. Она сторонница того, чтобы США сделали первый шаг в разоружении.

Я отстаивал свою точку зрения, что главная опасность миру — раковая опухоль тоталитаризма, возможная советская агрессия¹⁸³, что неустойчивое равновесие сил — наименьшее зло, что активная борьба за мир в этих условиях — борьба за открытость тот[алитарного] общ[ества] и за права человека во всем мире. Потом, после

¹⁸² По нашим советским понятиям слово «сидела» не совсем подходит, потому что срок у Джоан исчислялся не годами, а двумя или тремя днями.

¹⁸³ Агрессия (вторжение советской армии в Афганистан) произошла через полтора года.

ужина и беседы, Джоан пела те же песни, что в 1973 г. (она также пела Окуджаву — «Возьмемся за руки...» и «Когда земля еще вертится»¹⁸⁴).

5 июля. Среда. Я писал, Люся напечатала о Мусе Мамуте.

6 июля. Четверг. Я поехал в ам. посольство, от 7 пятидесятников узнал подр. их дела и написал Обращение к Вальдхайму и Брежневу. Вечером отдал его вместе с док. о Мамуте, который в этот день прозвучал на пресс-конф. Обр[ащение] о пятидесятниках продиктовал по телефону в три агентства — Сету, Оливеру Уайтсу, Пьеру [Легалу].

7 июля. Стало известно, что в понедельник след. суды: 1) Алик [Гинзбург], 2) Щаранский, 3) Кассационный Слепака, 4) Маши [Слепак] (последние два — от Борисова). Щаранский — от Лени [Щаранского] — Сообщ. ТАСС.

Приехала Лиза, показала письмо Алеши.

Был по просьбе Арины на вокзале, но не смог купить обратный билет из Горького, чтобы можно было привезти их детей — почему в этом возникла необходимость, она и сама не знает.

Приехали на дачу. Сейчас в доме 7 человек — мы трое¹⁸⁵, Циля, Маня, Лиза, Дима.

8 июля. Субб. Пишу в папку.

9 июля. Воскр. Переехали в Москву.

¹⁸⁴ «Пока Земля еще вертится».

¹⁸⁵ Андрей, мама и я.

Разговор с Димой, что ему надо на сор. [откр.?] Олимпиады¹⁸⁶. Он напуган, но что-то недоговаривает. Потом (10) он сказал Любе, что взял справку в военн. столе МГУ и послал ее по почте в военкомат.

Звонили в Калугу, но там в гостинице не было мест¹⁸⁷. 10 июля. Понед. Я поехал с поезд. 7.15 в Калугу, а Люся осталась на связи и ходила на Толин суд.

Алику обвин. — Хран. и распротр. Архипелага и пласт-[инки] Солж[еницына] Прусск. ночи, Sach. [Сахаров] говорит, Континента, Вестников, кн. Конквиста, Хельс. документов. Упом[инается] Фонд [помощи политзакл.], но не вошел в форм[улировку] обвин. Упомин[аются] 5 экз. Хроники. В ходе процесса — упор на клевету о личной жизни — женщины, бутылки и т. п. Снимок бутылки был не Аликов, гл. свид[етель] — уголовник с 4 судимостями Градобоев.

Суд над Толей рядом с нами. Гл. обвинение — статья Тодта «Советы раскрывают свои секреты» (не Толина статья). У Толи нашли списки отказников и связали с главн. идеей Тодта¹⁸⁸ (дурацкой), что факт отказа раскрывает факт секретности учреждения.

¹⁸⁶ Просил отца достать ему два билета на открытие Олимпиады, которая будет через два года. Андрей сказал, что у него нет такой возможности.

¹⁸⁷ Там был назначен суд над Александром Гинзбургом.

¹⁸⁸ Американский корреспондент, который (когда Щаранскому предъявили обвинение в шпионаже) в одной из своих статей, предположил, что список отказников с указанием их прошлого места работы есть факт шпионажа.

Вечером стало ясно, что во вторник суд над Аликом не закончится, и я с Владимовыми уехал на машине в Москву к Люсе.

Вечером из Вильнюса сообщили о первом дне суда над Викторасом [Пяткусом]. Он отказался участвовать, в зал привели силой. В этот день часть, где находился солдат Чивилис, не прислала его на суд (вероятно, по его просьбе, ему было стыдно лжесвидетельствовать — Чивилис единственный, кто дал показания о гомосексуализме).

Вообще — это стало известно только на следующий день — у Пяткуса 4 статьи, в переводе на [кодекс] РСФСР 70, 72 (за Комитет Литвы, Латвии, Эстонии), статья о гомосекс., статья о вовлечении несовершеннолетних в пьянство.

Утром пыталась прозвониться Таня. Это послужило одной из причин, почему Люся осталась в Москве.
11 июля. Вторник, второй день судов.

С утра я был около Толиного суда. Обстановка там такая — все переулки с двух сторон перекрыты, милиции и КГБ около 200 человек, друзей человек 50. Мать не пускают в здание суда — формальная причина — что она вызвана свидетелем на суд. Она отказалась, но ее тем не менее не пустили в суд даже на приговор!

Я сказал несколько слов перед микрофонами и телекамерами — о Толе, о том, что совершенно очевидна беспочвенность утв[ерждений], что он имел какое-либо отн[ошение] к шпионск. деят., что его процесс имеет це-

люю дезорг[анизовать] движение за эмиграцию, возб[удить] антисемитские настроения — что это вариант дела Дрейфуса.

Я сказал также и повторял всю неделю — что сейчас осуществляется провокация, это видно по вызыв[ающе-му] цинизму власти, цели ее не ясны, но ответом должна быть твердость и посл[едовательность] в защите всех сост. частей разрядки, что приоритет принадле. переговорам о разоружении.

В этот второй день суда Арина выкрикнула «это ложь» Градобоеву — уголовнику с 4-мя судимостями, опорочивавшему Алика, всех дисс., опор. ее — что она угрожала его убить (на самом деле она сказала «Аркадий, отольются тебе слезы моих детей, бог накажет»). Арину вывели и до конца процесса, включая приговор, ее уже не было в зале суда.

Вечером мы получили письмо «от Злотника»¹⁸⁹, якобы из Парижа, с прекрасн. маркой и расстроившей Люсю сплетней.

На суде Алика утверждалось, что он не работал. 12 июля. Третий день судов. Мы с Люсей вдвоем были в Калуге, и туда, и обратно нас отвез Георг. Ник. Владимов¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Все тот же вымышленный КГБ Семен Злотник (см. год 1977, комментарий 23 октября).

¹⁹⁰ Какие-то недоразумения в отношениях с Владимовым и его женой, возникшие у Андрея во время моего пребывания в Италии, давно были забыты. И отношения с Георгием Николаевичем и его женой Наташей до самого их отъезда из СССР были очень теплыми.

Узнали подробности, которые частично описал выше, — в номере Арины и Людм. Ильин. в гост[инице] «Калуга». Там же была Е. А. [Резникова]

Прокурор попросил 8+3. Алику стало очень плохо, ему сделали укол, но и после этого давление у него было 150/90, если слова врача верны. Оказывается, еще давно у него было давление 230/120, т. е. крайне большое, и с тех пор его удавалось как-то снижать. Все это очень тревожно.

Завтра у Алика тяжелый день. Но главное, как он перенесет лагерь особ. реж[има].

P.S. Я сфотографирован коррами вместе с Ариной у здания суда, дети видели по телевид.

13 июля. Четвертый день судов.

Позвонил Леонард [Терновский], что Алик произнес свое последнее слово и что суд удалился на совещание. Мы с Люсей к 4 часам (под ливневым дождем) доехали в Калугу. Через полчаса приехали Владимовы. Ранее мы договорились ехать вместе, но в посл. момент, нервничая, разделились.

Стояли в сквере напротив суда. Арина написала заявление, чтобы ее пустили, но ответа не было. По мере того, как приближался момент объявления приговора, усиливались провокации, антисемитские выкрики. «Таких, как Гинзбург, надо вешать», «Гитлер недоработал» и т. п. Были ужасные женщины — кривляющиеся, хорошо информированные о том, что в зале суда. Женщины кричали, что Арина «плохо ведет себя в зале». И еще хуже, что были две

молодые девушки, хорошо одетые — одна из них кричала, что Гинзб. надо расстрелять, другая — совсем девочка — радостно потираларуки в ожидании потасовки. Люся показывала свою пенсионку на антисем. реплики, на мой взгляд явному КГБисту, но она думает, что это великий русский народ — одно не исключает другое.

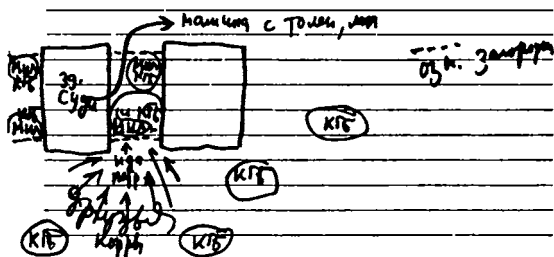
Когда стал известен приговор — 8 лет особого режима — ужасный! — мы стали по одной стороне дороги, толпа — по другой, кривляющаяся, деланно хохочущая. Нас усиленно обманывали, мы кричали нескольким машинам (нам показывали, что в них бутылки). Но все же потом выяснилось, что мы кричали «Алик! Алик!» и когда надо, мы забросали машину цветами, он видел это краешком, заснято на телевидении. В этих цветах что-то было! Толпа провожала нас с улюлюканьем. Опасаясь за ребят, я решил ехать поездом. Люся, я и еще человек 20 заняли 4 купе. В поезде слушали ГА [«Голос Америки»]. Прокурор потребовал 3 года тюрьмы, 12 лет лагеря для Толи. Приговор Пяткусу — 10 лет лагеря особого режима, 5 лет ссылки. 14 июля. Арине и Людм. Ил. дали вместе 1 час свид[ания].

Приговор Толе. Мы с Люсей пошли на Серебр[яническую] наб.¹⁹¹. Иде Петровне¹⁹² даже во время чтения приговора (как потом выяснилось) продолжали говорить, что, когда надо, по распоряжению судьбы ее позовут. Выехала

¹⁹¹ Там, в помещении суда Пролетарского района, проходило выездное заседание Мосгорсуда.

¹⁹² Ида Петровна Мильгром, мать А. Щаранского.

машина, все закричали «Толя! Толя!» — машина на большой скорости уехала в противоположную сторону.

Ида Петровна заплакала, закричала «Как вам не стыдно». Я закричал «Фашисты, садисты», стал ее утешать. Вышел Лёня¹⁹³, срывающимся от слез голосом прочитал послед-

нее слово Толи — огромной эмоц. силы! У всех слезы. Пошел дождь. Запели нац. гимн Израиля. Люся была вся в слезах. У меня тоже на глазах слезы.

Повели Иду Петровну к нам, потом она уехала на такси.

Пришел Мейман, Софья Вас. , Таня Осипова, Мальва. Договорились о пресс-конф. 15-го, начали писать док[ументы]. Писали до 1 часа ночи.

На другой день очень было напряженное время с печатанием и писанием, усугубилось ложной паникой, поднятой В. Л.¹⁹⁴

¹⁹³ Щаранский Леонид, младший брат Анатолия (Натана).

¹⁹⁴ Возможно, В. Л. Гинзбург сообщил о каких-то слухах в ФИАНе или в Академии, связанных с последовавшим через два дня вызовом к Ученому Секретарю АН СССР.

15 июля. В 17 часов пресс-конф. в комнате Р. Г. Началась с заявл. о вступлении в Хельс. Группу Поликанова (это было единств., что на другой день попало на радио). Затем большой документ группы, затем мое Обращение к Ген. сек. ООН, Межд. Амн., всем орг[анизациям] и людям, защ. права человека (в нем была идея о приоритете разоружения, и почему нельзя иначе).

Затем рассказы 1) Арины, она очень ярко все рассказала, превзошла самое себя 2) Лени 3) Тани Велик. о Пяткусе (она только утром приехала из Вильнюса), потом общ. об условиях¹⁹⁵ Иды [Нудель] и Володи Слел[ака].

16 июля. Воскр. Ходил на рынок и в магазин, потом, взяв с собой Меймана, переехали на дачу.

Дима завтра забирает докум¹⁹⁶.

Смотрели фильм (исп.) о замораживании, очень средний, даже неприятный, но «проблемный».

17 июля. Ходили втроем на откос.

Писал папку.

Люся печатала «Обращение» от 15/VII.

Завтра кассация у Орлова и суд над Лукьяненко.

18 июля. Ездили с Люсей на кассацию. Пустили только Иру, Сашу, Диму [Орловых]. Саша предлагал мне место, но «дружинник» сказал: «Вы же понимаете».

¹⁹⁵ Очевидно, описка, надо: «о приговорах».

¹⁹⁶ Дима забрал документы из Университета, откуда был исключен за академическую неуспеваемость, и собирался подать в Медицинский институт.

Оставили приговор в силе. Юрина касс. жалоба очень убедительна.

На завтра к 9.30 — вызов к Скрябину¹⁹⁷.

19 июля. Беседа со Скрябиным и Фокиным. Потом, записав беседу¹⁹⁸, хотел посетить Прингла, но в консульстве — пожар, телефон тоже не работает. Потеряв 1,5 часа, поехали на дачу. Там Мальва, вечером пришли Копелевы. Вечером — оконч. вариант записи.

20 июля. Писал в папку.

У Раи [Орловой-Копелевой] в воскресенье 60-летие.

21 июля. Лукьяненко дали 10+5! Тихий — голодовка.

22 июля. По радио — Телеграмма Сахарову от Комитета Рабочей Обороны¹⁹⁹ по поводу приговоров. 23[-го] я писал ответ. 24 передавал коррам.

23 июля. Послал вечером телеграмму Рае: Поздравляем с круглой Вавилонской датой. Руфь, Люся, Андрей.

Были в кино «Кузен и Кузина», франц., весело и бес-
содержательно. Мальчик: «Я хочу быть кроликом, я хочу
быть как все». Девочка: «Я хочу кого-нибудь убить, тща-
тельно планировать убийство, это интересней, чем хо-
дить на работу. Наше общество плохое, оно слишком
материально». Девочка 17 лет: «Я вчера занималась лю-
бовью с одним мальчиком, и это мне понравилось». Дед

¹⁹⁷ Ученый секретарь Президиума АН СССР.

¹⁹⁸ Андрей сказал: «беседа была воспитательная, но строгим тоном». Запись, к сожалению, не сохранилась.

¹⁹⁹ Польский комитет KOS-KOR.

целует ее в головку. Мужчина 40 лет: «У меня, когда я начинал, была одна прачечная, теперь 4. Я не согласен с теми, кто ругает наше общество».

24 июля. Одеваюсь и сажусь (за машинку),

Раздеваюсь и ложусь (с Андрюшей).

Это значит, это значит,

что на что-нибудь гожусь.

Умер Моисей Аронович Менделевич, отец Иосифа (осуж. на 13 лет), тесть Хноха (осуж. на 12 лет) — «втрывал» Мэри [Хнох].

Иосиф Менделевич и Арье Хнох — участники ленинградского «самолетного» дела. Мэри — дочь М. А. Менделевича, младшая сестра Иосифа Менделевича, жена Хноха. Она не привлекалась к суду, т. к. не знала о плане захвата самолета. Несмотря на то, что я была «круто» завязана с самолетным делом, увидела я большинство его участников впервые в суде. Была дружна до суда только с Э. Кузнецовым и Ю. Федоровым. Но за годы, что «самолетчики» провели в лагере, близко познакомилась с некоторыми из их родных. С Моисеем Ароновичем у меня установились дружеские отношения, и я познакомила его с моими «Пушкинскими» друзьями. Приезжая в Ленинград, он останавливался у них. А мне говорил, что, приведя его на Пушкинскую, я подарила ему сразу трех дам и три дружбы. Был он человек острый и остроумный. Необычайно интересно рассказывал

о жизни в «буржуазной Латвии», где он был крупным профсоюзным деятелем, и как менялось общество после «добровольного» присоединения. Очень было грустно, что он умер, не дожив до освобождения сына. ■

Звонил Лернер²⁰⁰.

ЛОМАЛИ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ «КОЛИБРИ»²⁰¹.

25 июля. Вторник. Ездили за продуктами, подарком Любе (купили шубку Грише), за книгами. Встретили в книжном Евг. Львовича [Фейнберга]. Разговор о бойкоте. Я сказал, что бойкот имеет большое восп. значение для Запада, и мы надеемся на то, что какое-то воздействие вместе с другими методами оказывает и у нас.

Вечером у нас В. Ф. и Мальва.

Убили Брискина²⁰², отца Ани. Он 14 лет сидел, в том числе с Солженицыным. Похоже, что его убили обычные бандиты с целью грабежа, но остается тень сомнения. Он поехал с премией в кармане и корзиной продуктов к себе на станцию Турист. Был избит неизвестными. Через день жена обнаружила его в больнице умирающим. На другой день умер.

²⁰⁰ Д-р Лернер, математик, еврейский отказник и активист.

²⁰¹ «Колибри» — моя портативная пишущая машинка. Мы ее чистили и сами припаивали дужку и одну букву.

²⁰² Мы (Андрей и я) лично его не знали. Это соседелец по шарашке Копелева и Солженицына.

26 июля. Суд над Машей Слепак. Поехала только Люся. Обычная обстановка. Дали 3 года заключения. УСЛОВНО.

Я сидел, читал Герцена. Поехали на дачу. Там Р. Г. — Маня.

27, 28, 29, 30, 31 — сидели на даче, 30 были Копелевы, 29 — Маша [Подъяпольская] и В. Ф. , писал в папку. Мы с Люсей все же, несмотря ни на что, чуть-чуть отдыхаем духовно и физически. Это — отпускает нервное напряжение.

В. Ф. отдала свой орден, показала Люсе свое письмо по этому поводу. Звонила Ида Петровна²⁰³. Толя прислал письмо, просит ему писать. Он пишет: «А. Д. и Е. Г. очень грустно одним, но в нынешней ситуации это большое счастье». Мы уверены, что Толя видел в матер. дела что-то о Реме и радуется, что Рема далеко.

Я вспомнил. Во время суда над Толей радио передало (о первом дне суда): К линии милиционеров и дружинников приближается Елена Боннэр. Они переговариваются, вон идет Боннэр и, видимо, опасаются, что она идет их бить. Но она останавливается, раскрывает сумочку, достает из нее сигарету и закуривает.

Сегодня, 31/VII позвонил Дима и сказал, что он подал документы, но еще не знает, когда 1-ый экзамен (узнает 3-его). Можно подозревать, что он думает итти «путями несправедливыми» — путями блат Марка. Я звонил также Маше [Подъяпольской], подошла Катя, подруга Насти, и сказала, что у Насти не приняли документов во

²⁰³ Мать Анатолия Щаранского.

2-ой Мединститут, т. к. она не успела получить академическую справку.

1 августа. У нас в гостях — Маша [Подъяпольская]. Оказывается, у Насти была справка, но не по форме.

Сегодня была передача Сов. радио, о которой на другой день рассказала Лиза. Жуков [обозреватель ТАСС] говорил о шпионах — Щаранском и Филатове, и о Сахарове, который их пытается защищать. Эту передачу смотрел К. Алексеев²⁰⁴. Он требовал, чтобы Лиза не ходила к нам, сказал, что никогда не даст ей разрешения на выезд. Сестра бросила в Лизу энциклопедией.

2 августа. Люся купила себе туфельки в Березке, а я ничего не купил (Люся сердилась).

Вечером у нас большое скопление людей: Лидия Корнеевна, Дима (дал ему 20 р.), Поликановы — Сергей и Шура, Мальва, Шихановичи — Юра и Аля. Совсем поздно был французский адвокат, который предст. Франц. католич. Комитет борьбы за права человека (сам он социалист, а не католик, много говорил о трудностях жизни во Франции).

Лидия Корнеевна привезла пластинку с записями писателей и поэтов. Поликанов и Мальва приехали как члены Хельс. группы. Было решено ничего не писать по случаю 3-ьей годовщины [Хельсинкского] Акта и (предварительно) по поводу статьи в Правде, содержащей нападки на группу.

²⁰⁴ Отец Лизы.

За чаем возник разговор. Люся рассказала об интервью Кронида Любарского Немецкой Волне. Кронид, отвечая на вопрос, возможны ли обмены, сказал: нет, они советской власти ни к чему. И далее — репрессии преследуют исключительно внутренние цели. Никакие действия Запада ничего не изменят в действиях Советских властей. Люся высказала возмущение (и я ее поддержал) этими размагничивающими высказываниями Кронида, неверными и вредными. Люся сказала, что высказываниями наших эмигрантов движет личный интерес, заставляющий их подыгрывать каким-то партиям на Западе, стремиться к ложной оригинальности и т. п. — хотя этот интерес явно не сознается, но влияет на их поведение.

Юра Ших., заступаясь за Кронида и за эмигрантов вообще, сказал, что у каждого бывают неверные, неудачные высказывания. И добавил, что Люся, когда вместе со мной окажется на Западе, тоже, вероятно не будет безупречна (возможно, он сказал не «когда», а «если»). Люся сказала, что Юра поддерживает КГБ, которое непрерывно подкидывает мысль, что Сахаров скоро уедет сам или его вышлют. Но что Сахарова никогда не выпустят и не вышлют. Мальва горячо поддержала Люсю. Ших. был явно смущен. Я сказал, что слишком многое должно измениться в этой стране, чтобы я оказался за рубежом. Люся сказала, что все отказы по секретности окажутся под ударом, если отпустить Сахарова.

На другой день Люся назвала мое поведение предательским, что я ее оставил якобы одну на один с Шихановичем. Но мое положение (секретность) на самом деле не разрешало мне сказать много больше, чем я сказал. Что я «отец», это ведь все и так знают. Что я сам думаю, что меня не отпустят, я предпочитаю вслух не акцентировать — ведь эти мои высказывания имеют обратное воздействие на ситуацию.

Французу я написал, что сейчас вновь тяжелые времена (перечислил много фамилий — члены Хельс. групп, Ковалев, Огурцов, Марченко, самолетчики), но сейчас велико внимание к этим нарушениям, что Защита прав человека стала общемировой идеологией, что в этом надежда. Я высказался о важности обменов (без фамилий). Я написал, что Олимпиада — Олимп. комитет и все участники должны добиваться того, чтобы в Моск. Олимпиаде не были нарушены олимпийские принципы, чтобы были освобождены узники совести.

3 августа. Вечером дозвонился, узнал, что у Димы завтра экзамен по химии. Я с 7 часов не спал, думал о возможной роли Димы в МГУ и в Мединст. Вспомнил о двух письмах, одно из них — от каких-то советских студентов, с чем-то вроде политпрограммы без подписи. Дима не назвал, кто его ему передал. Я не помню, что было дальше. Другое письмо — от какого-то иностранца. Мысли мои были самыми мрачными. Я не знаю, чего хотеть.

Утром:

Говорил с Любой о Диме и о Грише — тот, вроде, поправляется.

Зотову не дозвонился.

Вчера я дозвонился секретарше Шутова. Та говорила с Шутовым, и тот сказал, что я должен записаться к нему в Моссовет. Сегодня я звонил к тому человеку, фамилию и телефон которого мне дала секретарша. Тот сказал, что по телефону не записывает. Люся напечатала заявление, которое подпишет Р. Г. (я составил текст)²⁰⁵.

4 августа. Сегодня Р. Г., Лиза и я поехали на машине в Москву. Руфь Григорьевна и Лиза — на перегов. пункт разговаривать с Алешей, новостей в общем нет, Таню не будить²⁰⁶. А я — к Полобневу с целью записаться на прием к Шутову И. М.

Полобнев Алексей Давидович — нач. Приемной Моссовета, именно к нему меня направила секретарша Шутова.

Полобнев вним. прочитал подписанное Р. Г. заявление и сказал: я думаю, что от Вас ждут, что Вы отдадите пай в фонд государства, напр. на детские учреждения, именно так я это понимаю, рассуждая попросту. Я сказал, что, если в этом дело (но мне никто до сих пор этого не говорил), мы можем сделать это.

²⁰⁵ Это все относится к попыткам через Академию объединить наши две квартиры (мамину на Чкалова и мою в Новогирееве) и прописать туда Андрея.

²⁰⁶ Таня спала. Они попросили Алешу ее не будить.

▮ Я была возмущена таким ответом Андрея. Квартира была куплена мной, когда мы даже не были знакомы, и он, на мой взгляд, не имел права так отвечать на это предложение, не спросив меня. И вообще должен был сказать этому типу, что квартира не его, тем паче его там кооператив отказался прописать. Я член этого кооператива, кооператив — горвоенкомата, а я — офицер, инва-лид ВОВ. В общем, Андрею досталось. ▮

Поговорив еще со мной (я настаивал на записи на прием к Шутову)), Полобнев сказал, мне надо посоветоваться, и ушел куда-то с моими бумагами (там было заявление Р. Г., наш отказ от коопер. квартиры в Новогирееве, заяв[ление] Р. Г. в 70 о/м с просьбой прописать Л[юсю] и меня к ней и отказ нач. 70 о/м «на основании Положения о прописке и выписке в г. Москве»).

Полобнев явился минут через 15, несколько смущенный. Он сказал: «Я не могу записать Вас к Шутову, это не дело МВД, ведь Вы прописаны в Москве²⁰⁷. Ваше дело не может быть решено Исполкомом Моссовета, поскольку Вы не стоите на очереди и не нуждаетесь в жилплощади. Я посоветовался, и мне сказали "Мы знаем о просьбе Сахарова, он должен обратиться к Александрову"». Я несколько удивленно спросил: «Почему моя теща должна

²⁰⁷ Андрей все эти годы был прописан в квартире на Щукинском, где жили Люба с семьей и Дима, хотя с сентября 1971 года жил у нас.

обращаться к През. АН СССР?». — «Но ведь Вы тоже заинтер. в этом деле, чисто жилищном» — «С кем Вы советовались?» — «Этого я не могу Вам сказать». — «А к кому должен обращаться Александров?» — «Он знает к кому». Я сказал, что все дела, касающиеся меня, решаются в КГБ. «Ну, если Вы знаете это, то о чем же говорить».

Без меня звонил Дима. Он сдал на 4 химию. Очень сомнительно, чтобы честно.

5—6 августа. На даче.

Дима приехал и ушел к Кикоиным и вместе с ними поехал на пожар. Над их квартирой жил А. И. Базь (Альберт [правильно — Альфред] Базь. Вместе с Переломовым и Я. Б. автор книги о [неразборчиво] теории рассеяния²⁰⁸, приходил ко мне со своими экспериментами об интерференционных эффектах со слабыми фотополем, якобы противоречащими кв. мех.). Базь заснул с папироской, возник пожар, родные не смогли его вытащить, в 7 часов веч. пожарные вытащили его, а в 12 он умер в больнице. Большие разрушения. Базь, по словам Димы, был пьющий человек. Жаль его, конечно, очень.

Дима на пожаре видел Давиденко с женой.

В клубе с Люсей смотрели фильм «Семейная ссора» с Цыбульским, фильм пошловатый, но девушка (девочка) — хороша, даже трогательна.

²⁰⁸ А. И. Базь, Я. Б. Зельдович и А. М. Переломов. «Рассеяние, реакции и распады в нерелятивистской квантовой механике».

7 августа. Поехали в Москву (т. к. Алеша сказал Р. Г., что кто-то из нас всю неделю должен быть в Москве — придут оттуда²⁰⁹).

Люся послала меня в кино «Звезда» на «Семейный портрет в интерьере»²¹⁰. Фильм, при некоторых перекосах (в левую сторону) — интересный, характеризует подонскую почву, на которой может вырасти что угодно — правый терроризм, левый терроризм — последний с бóльшей вероятностью (в фильме есть слова — вся интеллигенция изображает из себя, что она — левая). Герой (Конрад) — участвовал в 68 г. в студ. волнениях, теперь он «дорого оплачиваемая проститутка». В конце он произносит обличительную речь, его убивают. Хорош профессор, он — воплощение уходящих из жизни ценностей. (Я думаю, что не уходящих, а вечно погибающих и все же вечных).

■ Андрей не случайно обратил внимание на реплику «дорого оплачиваемая проститутка». А я сегодня (пишу в 2004 году) по ассоциации с этой записью думаю о современной европейской политической элите. Тогда многие из них были активистами студенческих волнений. Теперь их

²⁰⁹ То есть — кто-то приедет из США.

²¹⁰ Я видела этот фильм раньше, и он показался мне интересным и значительным, что-то добавляющим к моим представлениям о левой западной интеллигенции. Поэтому я «послала» Андрея на этот фильм.

прошлая левизна отражается в том, что Израиль в Европе считается главным врагом мира, и европейский антиамериканизм тоже в какой-то мере исходит из тех же юношеских воззрений. |

В ящике — Меморандум № 2²¹¹ — с разоблачениями оторвавшихся от масс п/з «руководства диссидентов» семейных кланов, матриархата во главе с вздорной Еленой Боннэр — и с угрозами.

Люся дала мне 100 р.

«75 ей отдал»²¹².

8 августа. Вторник.

Получая заказ, встретили жену Шафаревича. Она спросила, почему вы берете так много колбасы²¹³ и консервов, ведь ваши все уехали. Люся объяснила, что семья уменьш[илась], но колич. зеков — нет. Люся часто говорит, что это — единственное несомненно полезное дело из всех, что мы делаем.

Вечером масса народа.

1. 3 англ. журналиста, принесших журналы и книги об охране среды.

²¹¹ Эти гнусные Меморандумы рассылал Новосельцев, о котором я писала выше.

²¹² Когда я давала деньги на оплату телефонов, квартиры, дачи, подписок и т.д., то Андрей считал квитанции отдачей денег мне назад.

²¹³ Речь идет о твердокопченной колбасе, которая шла в посылки пзк.

2. Лева с Раей [Копелевы], принесли письмо от Светличного, где он пишет о тяжелом мор[альном] статусе Сережи [Ковалева] (не понимая его до конца, он пишет, что Сережа недост. принимает участие в лагерных начинаниях).

■ В самый первый период пребывания Сергея в лагере до нас дошел такой рассказ о нем. Лагерным врачом ему было назначено диетическое питание (белый хлеб, вместо черного). Сергей отказался, сказав, что хочет получать то же, что и все его сокамерники. Но их отношение к этому жесту было отрицательным. Кто-то сказал Сергею: «А вы фраер, господин Ковалев». С этого инцидента возникли сложности во взаимоотношениях Сергея с некоторыми из зк. Что в этом рассказе правда или преувеличение — не знаю. ■

3. Мальва, Маша [Подъяпольская], Вера Федоровна.

4. Лидия Корнеевна, кот. принесла пласт. с записями русск. писателей.

Все это трудно совм. люди, со своими проблемами и делами.

9 августа. Говорил по телефону с В. А. Котельниковым²¹⁴ (проблема прописки).

Приехал франц. журналист — дал 9 вопросов «Интервью для Монд» в связи с 10-летием 21 авг.

²¹⁴ Академик Котельников, в то время был вице-президентом АН СССР.

Вечером у нас были норвежцы — физики с 3 вопросами от Франт. [Яноуха]:

Kristoffer Gjøtterud [Кристоффер Йоттеруд], Hosleivein 52, 1340 Bekkestia Norway — занимается теор. объясн. [неразборчиво].

Gisle Midttun, Kirkeveien 90-c, Oslo 3 Norway.

Хорошие ребята. Вопросы Франтишека — 1) просьба выделить часть денег за книгу (какую?) на чешских детей 2) Написать о правах человека.

Была Таня Великанова.

10 августа. Дима писал письм. раб. по физ.

Отдал секретарше Кот[ельникова] письмо о наших проп[исочных] делах. Повторение письма Р. Г. + наше заверение, что нам ничего больше не нужно, кроме прописки. Сказала, что отдаст шефу.

Звонил Зотову²¹⁵, он сказал, что ответ будет через 3 недели. Сообщил об этом коррам (немцы, Рейтер, AP, VP, итальянцам не дозвонился). ГА сообщил — жене Сахарова чинят препятствия.

Вечером была Люся Бойцова с Бернштейном [правильно Бирштейн] (с биологич. конгресса). Договорились, что в дни конгресса будет пресс-конференция.

Полдня писал для Монд.

11 августа. Всю ночь дренькал телефон — до 7.40 утра. А в 7.20 позвонил некто и спросил — «девушка, почему Вы не спите?».

²¹⁵ Начальник московского ОВИРа.

Я поехал с Лизой на дачу, там Дима, Р. Г. и Маня, с полка упала штукатурка, Р. Г. и Маня ее убрали.

Люся осталась в Москве — ждет звонка.

Герман Хацфельд. Граф — немец, бывший у нас, потом у Левы [Копелева].

12 августа. Люся приехала — все безрезультатно] — связи не было.

15 августа. Отдали статью для Мوند. Корр. фр. радио обещал до 21-го ее опубликовать.

13 и 14 августа. На даче писал в папку.

Читал (уже более недели) Берберову — «Курсив мой» — 600 страниц воспоминаний о трудной, богатой событиями, работой, встречами с вошедшими в русскую литературу людьми. Нина Берберова — очень «современная» по мироощущениям космополитичная — любит Францию, Швецию, особенно — США, хотя глубоко тоскует о своей первой родине — России, о Ленинграде, знает и советскую поэзию и прозу, оптимистична, деятельна, доброжелательна (но не без выбора), внутренне свободна, талантлива — в общем, близка нам с Люсей. Кончил читать утром 20-го. (В близости Люся не уверена²¹⁶!).

16 августа. Суд над Подрабинекон в Электростали. 5 лет ссылки.

²¹⁶ Последняя фраза была добавлена Андреем когда я прочла эту запись и сказала, что Берберова мне интересна, но совсем не близка.

Были с Люсей в ам. консульстве. Там все так же сидят пятидесятники и Овсебян. Сказали о пред. кассации. На улице встретили Уитни — у него был смущенный вид — знает кошка, чье мясо съела²¹⁷.

17 августа. Сола (смешная беременная девушка, говорит только по-англ.) привезла письмо от Алеши для Л[изы] (там — неразумное торопливое желание немедленной посылки вызова Лизе) и пленку (очень важную для нас!). Там — Таня с очень ясным и очень теплым рассказом. У нее сны — встреча с мамой, она очень плачет во сне, но наяву жизнь идет своим чередом. Алеша. Разговор по телефону Тани с Ремой, Таня передает деловые замечания и вопросы Ремы. И дети! Мотя: Баба Леля, я теперь полюбил всех людей и зверей, даже гоночного гепарда. Рассказывал об их с Сашенькой двухэтажной кровати. Аня твердила «Дидя Адя, дидя Адя», «Я хочу пойти на площадку». Таня спрашивает — с кем. «С Анечкой». То есть она хочет пойти со мной, но знает, что это невозможно, и оберегает себя от травмы. Наговорили на другой день пленку (Р. Г., Лиза, Люся — она очень хорошо, я — косноязычно). Хорошее фото Тани и Ремы в Бост. газете.

18 августа. День рождения Руфь Григ.

Утром поездом 8.20 поехал на кассацию А. Гинзбурга. В зал — верней, в коридор 2-го этажа пустили только

²¹⁷ В его статье были какие-то неточности, даже искажения.

Людм. Ильин. и девушку, ее сопр. (Арина на свидании в Калуге, 1,5 часа, у Алика гипертония, выпадают зубы). Все оставили без изменения.

Купил для Р. Г. электросапог (идея Люси) и цветы за углом метро на Белорусском.

Было человек 25. Р. Г. — 78 лет. Люся испекла сладкий пирог с черникой с надписью — Ровесница века.

19 августа. Были с Люсей на старом франц. фильме — Любовь женщины. Фильм не экстра, но хороший.

В этот день в «Монд» опубликована моя статья в форме интервью. Неб[ольшие] сокращения.

20—21 августа. Писал в папку. Дима — 5 по биол., что удивит[ельно].

22 августа. Поехали с Люсей в Москву.

Ходил в ГАИ на Подкопаевский получить право на экстерн²¹⁸. Отослали на просп. Мира, 15, к. 23, Бессонов (если бы я не был Сахаров, все было бы в порядке). Вечером обычное скопление народа. Габриэл²¹⁹ принес Монд. Был Николаус, прощался, плакал. Была Таня Осипова, Мальва — обсудили Хельсинкские документы с Люсей. Мальва согласна, что нельзя подымать специально вопроса об обмене Юры [Орлова] (в дополнение к Толе

²¹⁸ По моему настоянию Андрей вновь начал заниматься с инструктором и получил права на вождение автомобиля.

²¹⁹ Габриэл Меретик, иностранный корреспондент (Франция?).

[Щаранскому] и Алику [Гинзбургу]), как этого требуют Люда А[лексеева] и Валя Т[урчин].

Юре [Сахарову] дали 40 р.

23 августа. Я ездил за деньгами — из 308 осталось на руках только 73!

Секр. Котельникова отказалась подать шефу письмо для ГАИ (я до этого утром ездил к Бессонову, ему нужна бумажка).

Был в ЛАФОКИ²²⁰ — получил фото.

Был в бюро рем. пишмашинки и на 120 почте (Федоров, Никлус).

Купил яблок и 7 роз для Люси — завтра у нас торжественный день семилетия (2557 д[ней]).

Люся говорила с Т. Великановой — та недовольна, что я не ограничиваюсь правами человека и лезу в политику (разоружение, нейтр. бомба). Таня вообще стала шибко православной и приобрела с этим крен нетерпимости. В данном случае она не понимает, что борьба за права человека приобрела резонанс межд. характера именно из за ее связи с межд. безопасн., и тут есть моя заслуга.

Письмо от Тетенева — погром[ное]²²¹.

²²⁰ Фотолаборатория.

²²¹ Тетенов, жил где-то в провинции, недалеко от Москвы (город забыла). Настойчиво просил меня помочь получить вызов из Израйля, хотя был русским. Ссылался на невероятные трудности жизни. Вызов ему я сделала. Уехал в Америку. Там стал (а верней, всегда был) антисемитом и сотрудничал в какой-то погромной газете.

Интервью (май 78 г.) Шафаревича — в духе русской партии.

Таня принесла статью Тростникова — тот же бред о русской нац. идее и даже о нац. душе (?!).

22/ VIII Ших читал письмо Кронида — восторг от соц-[иальной] системы на Западе и вообще от Запада. Был Леня Литинский, принес подарок для детей — рисов[альную] машину.

Был Слава Лапин.

Был Эйтан Финкельштейн.

24 августа. Смотрели польск. фильм «Сложность чувств».

Наш день семилетия!

Был парадный обед.

Звонил какой-то инкогнито, говорил, что я не выступаю за права человека, за Ю. Орлова, что нужна организация в рамках конституции. Я отказался встречаться.

Люся весь день с утра и до вечера — очень красивая, очень значительная.

25 августа. Были Копелевы. Лева принес свое письмо — ответ на книгу о Солженицыне (АПН, Ржезач). Провожали их до обрыва.

Вспоминали с Люсей, как мы пешком ходили к Андрею [Твердохлебову] в 1976 году — как один из самых счастливых дней (а в данном случае — ночей) нашей жизни.

Звонила Люба (разг. с Р. Г., потом со мной). Просила взять Малыша на 1 мес. Я отказал²²².

26 августа. Ходили с Люсей в Грецию²²³. (Дима до этого бесцельно соврал, что там ничего нет). Еле донес покупки.

Пришел Марк Е[фимович], сказал, что Дима принят на педиатр. фак. Говорил, что нельзя допускать пропусков и пробелов.

Дима уехал к Ландсбергам — там какой-то карнавал — с двумя бут. вина, попросил у Люси.

27/VIII, 28/VIII — Дима не появлялся.

29/VIII приехал, на даче была только Маня²²⁴, привел 2-х парней. Кто-то спал в нашей комнате. Пришлось менять белье.

30/VIII Д. вел себя смирно.

31/VIII Д. звонил на Чкалова, что ему нужны деньги. Но не хочет давать общей доверенности. Я ему сделал замечание за постель, повесил трубку.

29 августа. У нас были В. Ф. — она оформляет документы²²⁵, Мейман с идеями, Владимов с женой. Была также Эмма Ботвинник. Идеи Меймана: написать от

²²² Малыш — Дими́на и Лю́бина собака. Отказал, потому что и он, и я все время в разъездах, а Р. Г. гулять с собакой не в силах, и после лагеря присутствие собаки в доме ей психологически тяжело. Однако пока не уехали Таня и Ефрем, собака большую часть времени была с ними в Жуковке.

²²³ Магазин для сотрудников дач Совмина. Советская присказка тех лет: «В Греции все есть».

²²⁴ У нас гостила Мария Ефимовна Разумовская — мамина товарка по карагандинскому лагерю.

²²⁵ После многих лет безрезультатных попыток получить разрешение на поездку в гости Вера Федоровна решила эмигрировать в Израиль к дочери.

Хельс. Гр. о Филатове²²⁶. О бойкоте Олимпиады. Еще о чем-то.

Были двое из Ильинки²²⁷, рассказали, как их не выпускают из [колхоза]. С ними был Чернобыльский. Договорились о пресс.-конф. 21/IX.

Р. Г. заболела, она очень перегрузилась, была на кладб. 27, до этого была у Ивичей, мы уже успели звонить в ГАИ и очень переволновались. Но 31/VIII все вместе поехали на дачу. Я уже несколько дней занимаюсь «Правилами движения», хочу сдавать.

30 августа. Прозвонилась в 11 ч. Таня. У них было 4 часа ночи, все, кроме нее, спали. У них все в порядке. Таня сдала на права. Числа 10-го дети пойдут в свой садик. Лида скоро уедет в Питсбург на химию. Юра М[еклер] так и не приехал.

28-го к Р. Г. приходили немцы с благодар. за Вагнера²²⁸, принесли виноград и цветы, с него сняли судимость и уговаривают пост[упить] на работу.

Были также от Романюков с подарками. Кто-то также, как и мы, получил гнусность от Тетенева.

²²⁶ Филатов — сотрудник советского посольства в одной из африканских стран, обвиненный в шпионаже. Документа о нем не писали.

²²⁷ Деревня, в которой все жители исповедовали иудаизм и добивались разрешения на эмиграцию в Израиль.

²²⁸ Немец, которого удалось защитить (редкий случай) от обвинения в тунеядстве. Вскоре получил разрешение на эмиграцию в ФРГ.

1/IX. Сегодня — день рождения Ани!

Дима приехал за деньгами. Я имел с ним строгий разговор, написал ему на листке свой адрес, потребовал общую доверенность (он долго крутил, я сказал, что если он мне не доверяет, то мне нечего с ним иметь дело) — сказал, что 1 испыт. год буду в месяц давать ему 100 р. (с тем, чтобы 50 р. он отдавал Любе), и, если он будет учиться и не будет хамить, врать, околачиваться на даче, устраивая там черт знает что, не будет бездельничать и т. п., я в следующий год буду помогать ему не с книжки.

Дима, как всегда был очень уклончив. Во вторник должен быть у нас — увидим! Ему еще нужны халаты. Люся отдала ему рубашки²²⁹, он был в восторге, а потом ему выдала за вранье, что якобы куртку ему прислала Галина Вишн[евская]²³⁰ (он оправдывался, что майку).

Звонила секр. Котельникова — 28/VIII — Антонина Васильевна Зайцева. Бумага в Моссовет за подписью Котельникова отослана. Я звонил ей 1/IX, уточнял, куда послали, спросил о письме для ГАИ. А.В. сказала, что будет ждать Скрябина²³¹, который приедет 6-го.

²²⁹ На радостях, что он поступил в мединститут (хотя в душе мало верила, что он будет учиться), я купила ему две новые рубашки.

²³⁰ Куртку, о которой шла речь, Диме из Италии привезла я.

²³¹ Академик Скрябин, Ученый секретарь Президиума АН СССР.

Днем 1-го мы с Люсей ходили к мосту и в Ильинское. Было очень хорошо, мы с Люсей были счастливы общением друг друга, солнцем, воздухом, рекой, мы даже минут 15 загорали на дамбе, до леса я шел босиком. Потом был парадный обед с яблочным пирогом, в который Люся поставила 3 свечи²³². Мне была предоставлена честь задуть их, и я справился с этим отлично. Был мусс из малины Лизиного сбора.

2/IX. Приезжал Эйтан, он просил напомнить Поликанову об его просьбе, ругал Картера за то, что тот сначала напрепался об отказе в поставке нефтяного оборудования, а затем уступил давлению Хаммера и ему подобных и подарил СССР целый завод, заодно обхамил Бжезинского. СССР сначала был напуган, а теперь торжествует (СССР — в данном контексте — мозговой трест Политбюро, и кто персонально неизвестно, тайна мадридского двора). В общем, Эйтан назвал Картера дураком. Сам Эйтан в очень большом миноре. Я утащил Люсю в кино в клубе. Эйтан остался пить чай, потом уехал. Фильм «Венсан, Жак, Поль и другие» с Ив Монтаном — грустный фильм о старости, усталости, трудности и сложности жизни в урбанизированном мире — три героя — когда-то участники Маки, любят друг друга, помогают. В общем, фильм хороший.

Читал Phys. Rev. Lett. (я привез их целую кучу из Дома Ученых, где заплатил 120 р. за запоздалый заказ). Я обнаружил 3—4 интересные статьи.

²³² 1 сентября — день рождения Ани Янкевич.

1. Об эквивалентности нелинейной суперсимметрии Акулова—Волкова и линейной (обычной) суперсимметрии бозон↔фермион.

2. Об Абелевой схеме конфаймента с учетом спагеттиобразного вакуума конденсата монополей.

3. Статья о возникновении барионной асимметрии Вселенной из CP-неинвариантности и барионного несохранения в теории Джорджи—Глешоу (SU5) + схема Вейнберга²³³ объяснения CP-неинвариант. комплексными пропагаторами тяжелых Хиггс-бозонов \hat{H} (24) (масса 1016 эв).

Увидев эту работу, я очень расстроился тем, что забыта моя инициатива 66 г[ода], где нестабильность бариона была постулирована впервые для дробно зар. кварков. Название той моей работы — «Нарушение CP-инвариантности и барионная асимметрия Вселенной». На другой день я увидел, что работа конкретно (вычислительно) — ошибочная, а идея ее — ценная, но целиком уже была у меня. Ладно, проживем — увидим, но в целом это большой урок для меня (психологический урок). Я понял, что должен заниматься наукой.

■ Секретность и закрытость в годы объекта, а главное — полное отсутствие в тот период непосредственных контактов с зарубежными коллегами приводили к тому, что открытые работы Андрея

²³³ Глешоу Шелдон, физик, Нобелевский лауреат, США; Вейнберг Стивен, физик, Нобелевский лауреат, США.

были на Западе практически неизвестны. А советские коллеги, звавшие о них, не прилагали усилий к их популяризации. Это почти всеобщая установка научного сообщества по поговорке «себя не похвалишь — сидишь как оплеванный». Андрея она очень огорчала. Данную идею он высказал на 12 лет раньше. ■

3/IX. С утра я поехал на электричке на семинар у Браиловских (еврейский научный семинар), Вернадского 99 корп. 1 кв 128. Заехал на такси за икрой на ул. Чкалова.

Из 15 иностранцев, которые высказали желание приехать на семинар, прибыли лишь 2 (лишь к концу еще 2 мальчика). Советские ученые их напугали, оказали чудовищное давление, запугивали физической расправой и огромными (якобы) неприятностями для советских организаторов семинара. Особенно отличались Р. Сагдеев, В. П. Силин (из ФИАН). Советские ученые говорили, что Орлов и Щаранский не ученые, а политики, и говорить о них на научном симпозиуме не надо. А необоснованных отказов в праве на эмиграцию в институтах всех присутствующих не было. Эли Яблонович (из Гарварда) — один из двух, которые осмелились приехать — сделал заявление об Орлове, Щаранском, об антисемитизме в СССР.

На семинаре Юра Гольфанд делал доклад о квантовой логике Юры Орлова. Все вежливо слушали, мы с Мейманом успели обменяться язвительными репликами. Потом один американец (из Энн Арбор) сделал доклад о лазерном обжати (у них достигнута плотность горячего

1 г/см³). Я спросил, делают ли американцы опыты с мишенью, помещенной в оболочку. Эли сказал, что в открытой литературе ему ничего подобного не известно.

Эли сделал доклад о химических лазерах, очень толковый. Я отдал ему икру для детей, записку взять он побоялся, просил при этом взять три мал. баночки себе.

Браиловский рассказал, что в Женеве на Европейск. Физич. Обществе С. Капица (Сов. представитель) угрожал выходом СССР из общества и ругал всех участников еврейского семинара. (Я уже писал, ЕФО²³⁴ опубликовало решение о проведении междуна. семинара по конд. системам под его спонсорством). Интересно, что С. Капица не был утвержден на свой пост отделением Общей Физики и все же оказался на этом посту.

4 /IX. Звонила американка из Бостона, завтра, наверно, придет. Утром я ходил к Нат. Вас. [жене И. Е. Тамма], сидел у нее около часа. Оказывается Наташа [дочь Таммов] умерла еще в конце прошлого года. Нат. Вас. очень грустная, больная (хотя не хочет об этом говорить).

Ходил с Люсей в магазин, говорили о Картере и всех наших делах.

У Лизы второй рабочий день, вроде все в порядке²³⁵.

²³⁴ Европейское Физическое Общество.

²³⁵ Мы очень боялись, что Лизу, живущую в нашем доме, не примут на работу. Она поступила в Вычислительный центр Московского транспортного управления и проработала там оператором до отъезда.

Я усиленно занимаюсь Правилами Дор. Дв[ижения].
5/IX. Вторник.

Звонил в ОВИР. Секретарша нач. ОВИР г. Москвы сказала, что ЗОТОВ (обещавший ответ 10/VIII не ранее, чем через 3 недели) в отпуске. Она попросила позвонить через 2 недели. Мы с Люсей написали письмо нач. ОВИР, где указали, что отсутствие ответа 19/IX будем рассматривать как фактически необоснованный отказ. Я отдал это письмо Баймасовой, она уговаривала обойтись без письма.

Семинара в ФИАНе не было. Е. Л. [Фейнберг] еще в отпуске. Я забрал гору писем²³⁶ и оформил отпуск на 90 дней.

Вечером было много народа: Эйтан, Пинхос. Абр., Софья Вас., Терновский, Мальва, Мейман, Вера Федоровна, Лиза. Эйтан написал, что в связи со смертью отца Володе Слепаку разрешили на пару дней приехать в Москву. На другой день Люся была у Слепаков. Он работает в колхозе, чинил молотилку. Вечером 6-го Володя и Маша вылетают к месту ссылки. Пинхос Абр. оставил письмо о Кирилле, он 3 мес. из 4-х провел в ШИЗО «за отказ от работы и за призыв других не работать», лагерным судом переведен в тюрьму до конца срока. Эйтан рассчитывал увидеть Поликанова — он просил оформить его секретарем, но тот не приехал, на другой день выясни-

²³⁶ Многие сотни писем Андрею от незнакомых людей приходили на адрес ФИАНа.

лось, что Поликанов не мог приехать. В. Ф. не имела справок о смерти мужа и других родственников, и у нее не приняли документов в ОВИР. Она добывает справки, но в ГорОВИР (где, возможно, они не нужны) итти не хочет, говорит, ей некуда торопиться.

Мейман хотел, чтобы [Моск. Хельс.] группа выступила по вопросу еврейской дискриминации при приеме в МГУ на мехмат (из 6 евреев из мат. школы принят 1, из 20 русских — все, евреям создали отд. группу). Леонтович звонил ректору МГУ Логунову, просил, чтобы сына Миши Левина (его зятя) экзаменовали как русского, его приняли. Мы с трудом отговорили Меймана от этой затеи — фамилий мальчиков назвать было нельзя, чтобы им не повредить. Мейман хотел писать о бойкоте, тоже отговорили. С. В. в ужасе от письма Люды [Алексеевой] — от духа холодного и беспринципного политиканства, который присутствует в этом письме — не только речь о Люде, а о многих эмигрантах и всей обстановке.

Дал Юре 40 р. Дима звонил, что не успел получить доверенность (точней, он сказал, что «замотался»). Приедет на дачу за халатом²³⁷.

6 / IX. Помылся, поехал на дачу. (Люся потом, после Слепаков). Маня на той же машине уехала в Москву.

7 / IX. В гостях Ирина [Сахарова], Литинский, Мусик [Кананов].

²³⁷ Все, как полагается начинающему студенту-медику: я приготовила Диме два медицинских халата.

12/IX. Позвонили из Академии по вопр. прописки. Потом я звонил в МВД, надо собрать документы. Я ездил в Новогиреево.

13/IX. Диса с ред. своей газеты «Дагенс Нюхетер». Per Wästberg, писатель, предс. Пенклуба.

Говорили о Кандыбе (о том, что в местной газете большая статья о нем, а это большая угроза). 5/IX Люба Мурженко отдала мне перевод этой статьи, но либо я ее потерял, либо Люба забрала ее обратно, Люся два дня искала ее, очень измучилась.

Получил в ГАИ Москвы (пр. Мира 19, Беспалов Андр. Никол., зам. нач. ГАИ) разрешение сдавать экзамен на Варш. шоссе (срок до 2 мес.). Люся может получить напр. на сдачу без школы в Собесе.

Корр. оборвали телефон по поводу разрешения Поликанову на поездку на 1 год в Копенгаген с семьей (так сказал Крис Кетлин). Выяснилось, что Поликанов подавал заявление еще весной. Накануне Люся говорила с П. по телефону. Наше мнение — никакой Поликанов не диссидент, он начал и кончил своими личными делами, хорошо, что у него все устроилось, в работе Хельс. группы он не успел принять участия, даже одного документа написать не успел. Преувеличенный шум (сейчас и в момент его вступления в группу) отвлекает, нелеп и вреден.

Еще я многим расск. о встрече в ночь на 10/IX с Эдвардом Кеннеди — АНСА, ЮПИ, Асс. пресс, Кетлин (ему Люся), Бекхеррну. По приглашению Э. Кеннеди, передан-

ному через Лернера, мы с Люсей приехали на электричке с дачи на кв. Лернера. Там собрались: Лернер с женой, Мейман, Альперт, Эйтан Финкельштейн, Кац, Елистратов, Столяр (переводил неважно, по-моему, сказать Мейману).

Сенатор приехал 1.30²³⁸ с двумя помощниками — Гауровиц, его дед — сапожник из Минска, отец родился в Штатах, он сам медик; второго не помню.

Лернер произнес вступительную речь. Он сказал, как важно в человеческом, гуманитарном плане, и для перелома в процессе эмиграции, спасти таких людей, как Слепаки, Нудель, Бегун, Джессика Кац²³⁹, Финкельштейн.

Кеннеди выразил заинт. в проблеме прав человека, сказал, что говорил с Бжезинским об этом в этот день днем, но что сенсаций нет.

Я поддержал Лернера о Слепаках, Нудель, Бегуне, Финк[ельштейне]. Сказал о немцах, религиозниках, о важности помочь тем, кто находится в амер. посольстве (7-ми пятидесятникам и армянке с детьми), о кр. татарах, о самосожжении Мусы Мамута, который сказал перед смертью — ктонибудь должен был это сделать.

²³⁸ Из-за плотной программы Э. Кеннеди (не конспирация!) встреча проходила глубокой ночью.

²³⁹ Девочка грудного возраста, страдавшая какой-то сложной (со слов родителей) болезнью пищеварительного тракта.

Кеннеди спросил, как ему голосовать по СОЛТ²⁴⁰, какова взаимосвязь разоружения и прав человека.

Я отвечал первым. Я сказал, что в историч. плане эти проблемы взаимосвязаны, но что в дипломатическом плане их следует разделить. Голосовать за соглашение по СОЛТ следует исходя из того, способствует ли проект согл-ия межд. безоп., безоп. США, разоружению, реальн. огр. гонки вооружений.

Э. Кеннеди произвел впечатление холодного честолюбивого*) человека, использующего пробл. прав человека в целях своей политики. Хотел бы ошибиться!

*) Он хочет показать, что ничем не хуже брата?

В сообщении о его пресс-конф. говорится, что разр. на выезд получают 18 чел., в том числе Левич и Кац.

Доп. к 12/IX. Доклад Астона Антоновича К[омара] по Рочестеру в Японии²⁴¹. Признано, что лучшая схема СР-нарушений принадл. 2 японцам (1973 год). Это — смешивание в 3 кварковых дублетах (6 арок). З угла Каббибо, одна неустрашимая комплексная фаза.

Фрадкин сказал, что Геллман разработал схему типа SU5, в которой единственной причиной нарушения барионного заряда является трехглюонная вершина

²⁴⁰ СОЛТ — договор по ограничению стратегических вооружений (Strategic Arms Limitation Treaty).

²⁴¹ Рочестерская (физическая) конференция 1978 г. была в Японии.

14 / IX. Вечером были французы, приех. из Франции (из Фр. радио и телевидения и католического журнала). По радио до этого передавали мое интервью из «Матен», якобы я возражаю против бойкота Олимпиады. Я написал Заявление о Московской Олимпиаде. Также дал устное интервью, в основном, вокруг религиозных вопросов (верующий ли я, что может сделать новый Папа, роль религии и православия в СССР и т. п.). Заявление об Олимпиаде они обещали передать на Голос Америки и на Немецкую волну. Фотографировали. Я был в Инговой кофте²⁴² наизнанку.

15 / IX. Вечером звонил на Щукинский, говорил с Сашей. Димы, которого я хотел предупредить, что нас не будет на даче, не было дома. Я просил Сашу передать это Диме. Гриша здоров, но вес его (в 4 мес.) целых 7 кг!

Были с Люсей в Иллюзионе на «Анне Карениной» с Вивьен Ли в главной роли. Это — фильм-мелодрама на тему, близкую к Толстому.

Звонил М. Е. [Марк Ефимович] (на дачу еще), что якобы Дима собирается работать и просит найти ему дежурства. Я сказал, что это Димино дело. Сберкнижку Дима еще не оформил.

16 / IX. Купили с Люсей [железнодорожные] билеты, гуляли.

²⁴² Я заказала у нашей соседки Инги, которая подрабатывала вязанием к заработку учительницы, Андрею вязаную кофту, получившую название «Ингина кофта».

17/IX. Воскр.

В 17.15 какой-то не назвавший себя по фамилии человек сказал Люсе по телефону следующее (он не давал себя перебить и в конце, не отвечая на вопросы Люси, повесил трубку): «Я представитель Всесоюзного Межидеологического Объединения (ВМИО). Мы предупреждали вас. Если вы не прекратите Вашей деятельности, деятельности пресловутого Общественного Фонда, мы примем меры, вплоть до террористических актов». В августе многие (Арина, Юлка, мы, еще кто-то) получили письмо, положенное в ящик — «Меморандум 57-и» (без подписи). Был Мем. I и Мем. II, мы видели только этот последний. В Мем. II утверждалось, что Сахаров и Григоренко и знаменитые Московские дисс. перестали вести борьбу за права человека и заняты только своими личными делами. Ультиматум: До 1 сент. Сахарову публично признать, что он занят лишь своими матер. делами. Фонд передать ВМИО для непоср. руководства им бывшими п/з.

Японцы о СР. Kobayashi, Maskawa Prog Th. Phys, 49,652 (1973).

Я был 14/IX у секретаря паспортн. отдела МВД Москвы (Ленингр. просп. 16, Федышенко). Обещали, что ответ из Моссовета будет переслан Котельникову в течение месяца.

15/IX мы вечером гуляли с Люсей. Зашли к Твердохлебовым. Видели там только Антона, который сшил себе чудесную куртку.

18 / IX. Мы узнали, что Сквирский передавал со слов Новосельцева Арине угрозы убить ее, двух ее детей — Саню и Алешу — и Сахарова. Я передал (о детях, без фамилии) коррам утром 19-го. Послал телеграмму — поздр. с днем рождения Софье Васильевне (ей 71 год), год назад погиб Виталий.

Всюночь прозванивался, как стало потом ясно, Франтишек, а мы думали, что Таня. Таня прозвонилась утром 19-го. У Алеши нога уже зажила, есть и новый велосипед²⁴³. Аня была в садике, хорошо там играла, ей очень понравилось. Мнение Р. Г., что у Тани и Ефрема нет дружбы с Лумельскими, — неправильно.

20-го уехали поездом в вагоне СВ в Сухуми. 22 утром были там.

В дороге неск. успокоились. Решали задачи из 8 номеров «За рулем».

Нас не поместили в гост. «Тбилиси», а перевели заказ в «Абхазию», там 2-й этаж без лифта, но очень комфортабельно. Люся по утрам ходит на пляж, а я занимаюсь «правилами дор. движения» и своей наукой — статьей «Барионная асимметрия Вселенной». Потом идем обедать (мы полюбили задворки р-на Кавказ, ели там Скоблянку и чудное кофе «по-восточному»), потом Люся еще раз купается, потом идем в кино. Люся купалась все дни кроме одного, когда был шторм.

²⁴³ До этого было известие, что Алешу (он ездил в ун-т на велосипеде) сбила машина, у него повреждена нога.

25 на пляже повстречали Копелевых — Леву и Раю — и много с ними общались, в кино ходили вместе. Последние 3 дня приехал Веня Якобашвили, мы были очень довольны (он чудесный человек). Я 3 дня упражнялся в вождении. В ночь накануне отъезда появился Толя Марченко (он был с какой-то девицей, а Лариса [Богораз] — тоже приехавш. в Сухуми — была с детьми). Толя хорошо выглядит, весел, мы отговаривали его ехать за документами в Чуну. Человек, который отказался свидетельствовать против него (что он спекулирует золотом, что он участвовал в групповом изнасиловании), получил срок. Но Толя все еще не хочет уезжать²⁴⁴.

23 у Люси внезапно возник ярко-красный фон во всем поле глаза, оперированного в прошлом году. Может, повлияло Солнце, может, резкие движения при купании, а может, это просто эволюция событий, которая была неизбежна. Ясно, что нужно торопиться к Фрезотти. Уже в Москве (3-ьего окт.) Циля Григорьевна не нашла кровоизлияния, она думает, что это — давление. Но до конца это не ясно. Да и давление в опер[ированном] глазе почему?

В кино мы были на след. фильмах (постараюсь вспомнить).

²⁴⁴ Речь шла об эмиграции. Андрей уговаривал Толю, считая, что в СССР жить нормально ему не дадут. Я в этот раз в разговор на эту тему не вмешивалась, но раньше всегда говорила Андрею, что он не должен вмешиваться в этот сугубо личный для каждого вопрос.

1. Странная женщина (Советский, Габрилович и Райзман, хороший фильм).

2. Все началось с прогулки (Югославский, скучнейший, я спал и заставил высидеть остальных).

3. Ошибка лейтенанта Слейда (ФРГ, вестерн).

4. Великолепный (смотрели с Мотей в Сочи, прекрасная пародия на детектив).

5. Жандарм женится (комедия с Луи де Фюнесом, очень смешной). В конце фильма трюк с монахиней, которая едет без колеса и хохочет.

6. Портниха женится (чешский фильм, очень милый и откровенный).

7. Частный детектив (очень хороший французский дет. фильм, погибает мальчик, тюремная мафия, герой выслеживает «ястреба»).

8. Трактир на Пятницкой — сов. детектив, смотреть можно.

9. 10. Не помню.

По приезду в Москву.

Во вторник были в поликлинике, потом я в ФИАНе, ничего особенного.

В среду у нас были шведы с Браиловским с финансовой просьбой от Франтишека — из 2000 долл. за «Ядерную энергию» я 500 подарил чехам. Но разъяснил неудобство этих поборов²⁴⁵.

²⁴⁵ Это далеко не в первый раз.

Был у нас Гнедин, принес мемуары, нужен отзыв (во вторник).

Вера Федоровна подала документы, хотя пока не все.

У Меймана большая неприятность — Александров пошел на попятную и даже чем-то озлоблен, говорит, что Мейман считал изделие своими руками, его нельзя отпускать. Опять отсрочка, а ему уже так плохо.

Один из шведов должен был пойти на другой день к Маркову Г.²⁴⁶ (союз пис.), говорить о Кузнецове²⁴⁷, Люся тоже рассказала ему о Шумуке. Результат, верней ход беседы нам неизвестен. В четверг и пятницу я ходил в библиотеку, делал задачи по журн. «За рулем».

Звонил секр. Котельникова Ант. Вас. Зайцевой, но о наших делах ничего не известно. В ОВИР пока не обращался, жду объявления премии²⁴⁸, считая, что они ждут того же. Но волнует меня это очень.

Были большие волнения с Димой, его вызывали еще до нас в военкомат, он увиливал, Любе звонили, что будут устраивать привод. В ночь с 4-го на 5-ое он ноче-

²⁴⁶ Георгий Марков, председатель правления Союза Писателей СССР.

²⁴⁷ После того, как на Западе был опубликован «Лагерный дневник» Эдуарда Кузнецова, его судьбой стали интересоваться европейские литераторы.

²⁴⁸ Речь идет об объявлении лауреатов Нобелевской премии Мира. В феврале Сахаров номинировал на нее Хельсинкскую группу, Инициативную группу и Хронику текущих событий.

вал у нас, до этого обращался к Марку Ефимовичу. У М. Е., который звонил мне, связи в горвоенкомате. Диме не полагалось второй отсрочки, ему грозил призыв в армию и потеря мединститута. Утром Дима не поехал со мной в военкомат, [поехал] лишь после звонка Марка. Он получает (известие от 6 окт.) отсрочку по болезни («астеническое состояние»), он состоит на учете (то ли это было уже 2 года, то ли Марк сейчас ему это устроил). Мы вместе с ним ездили 5 окт. в райвоенкомат, говорили с пом. военкома майором Кравец. Я сказал, что я очень озабочен, что Дима потерял три года на Физич. Фак., не справился с этим, и что очень важно, чтобы он остался в мединституте. Диму назначили на 6-ое на медкомисс. (о рез. см. выше). В нот. контору он так и не пошел.

6 октября. День рождения Кати [Семеновой], но мы не имеем с ними контакта.

Утром был Ю. Гастев, привет от жены Мераба Коставы. Она математик, очень дост. женщина, развелась до ареста с Мерабом, но во время его находд. в заключении вновь с ним возобн. брак. Ее выдвигали деканом, но узнав о том, чья она жена, сыграли назад. Мераб на суде держался очень стойко. Сейчас он уже в Пермском лагере № 35, виделся там с Сережей [Ковалевым] до его помещения в ПКТ.

Юра был схвачен на вокзале, его продержали ночь в КПЗ вместе с уголовничками, затем ему было предъявлено обвинение в туеядстве. Но у него еще не кончил-

ся срок договора. К вечеру его отпустили, после согласований на неизвестном ему уровне. Обвинение, вроде, снято.

Вечером у нас был Войнович, принес письмо от Френдли. Рассказывал о писательских нравах. Иванько оказался сотрудником ГБ, об этом рассказал один из перебежчиков²⁴⁹.

7 октября. День конституции²⁵⁰, но я об этом забыл и прогулялся до библиотеки. Вечером звонили какие-то молодые люди и интересовались, не буду ли я на демонстрации. Днем звонила домработница Надя²⁵¹, волновалась, не уехал ли я. За рубеж(?!).

Вечером Люся поехала на собр. Группы, днем убирала дом.

Я весь день занимался «Бар. асимм.», но не все вычислил конкретно. Хотелось бы вычислить знак эффекта.

8 октября. Воскресенье. Неожиданно утром пришел рабочий подм[осковного] совхоза Леутин, 2 года назад погиб его сын 7 лет, он считает, что другой мальчик 8 лет столкнул его в воду по приказу взрослых, мстящих ему,

²⁴⁹ См. книгу Владимира Войновича «Иванькиада».

²⁵⁰ Нерабочий день.

²⁵¹ Какое-то короткое время (две или три недели), когда в 1975 г. я была в Италии, а у Тани только что родился второй ребенок (Аня), эта женщина ходила в дом для уборки. Но от нее пришлось отказаться, как сказала мне мама, из-за чрезмерного любопытства к делам Андрея и Ремы. Я ее никогда не видела.

Леутину, за критику. Я сказал, что ничем не могу ему помочь, что верней всего это просто несч. случай.

Звонил приехавший из Красноярска поляк Гкожельский (боюсь, что я перепугал фамилию). В 1947 его с родителями вывезли из Литвы. Он 5 лет безработный, уволен за критику (он шофер). Хочет встреч с инкоррами, с членами Хельс. группы. Я сказал, что не занимаюсь орг. деят.

Вечером были с Леной Литинским в кино. Фильм «Прощу слова». Об идейном предгорсовета — женщине, бывш. маст. спорта по стрельбе. Мечта ее построить мост. Фильм мрачный, но интересный. Начинается фильм с гибели ее сына.

10—14 октября. Масса всякой дряни.

Владимову пришло письмо от Павлова. Он обвиняет меня в сделке с Эдв. Кеннеди, в сляктяйстве по поводу 18 евреев, пишет в самом отв[ратительном] тоне «дошеньку не пустили»²⁵² и т. п., задает риторич. вопрос, почему и Запад, и АДС твердят только об евреях, кто же будет спасать Россию, самого же себя сравнивает с Фейхт[вангером], в конце же просит передать привет А. Д., Е. Г. и «Руфи».

Раиса Бор. Лерт и Владимов получили «Откр. письмо» Роя Медведева (вариант Влад. содержит ряд дополнительных более острых абзацев). Хотя формально письмо — ответ Егидесу на его критику, но центр его — по-

²⁵² Речь о какой-то еврейской разделенной семье.

учения, упреки в безответственности, тщеславии и т. п., и прямая клевета — обвинения в злоупотреблениях в адрес А. Гинзбурга. Р. Медведев пишет в частности: «Конечно, Гинзбург имел право купить себе квартиру и дачу на средства Фонда (???), но зачем было устраивать банкеты с участием уголовников». Рой поучает искусству конспирации, революц. тактики — вообще трудно сказать, чего в его письме больше — подонства или глупости, граничащей с психозом. Кажется, он себя оконч[ательно] разоблачил.

Т. Осипова получила новый меморандум — предельно подлый и гнусный по форме. Центр удара — против Люси и отчасти Арины.

Приехал Веня. Он опять дал мне возм. потренироваться (12 по переулочкам, а 14/Х мы все вчетвером ездили на дачу и обратно. Веня чудесный).

12/Х ездил на Матв[еевскую] — на день рожд. Вани. Сережа²⁵³ ходит в ясельн. группу.

12/Х мы с Люсей поехали на Колпачный. Милиц[ионер] пропустил к Зотову. Отдали Зот. телеграмму Фрезотти, сказали о срочности. Я сказал, что, быть может, «в министерстве, как вы говорите», связывают поездку моей жены с Ноб. премией Хельс. Группе — так тут никакой связи нет. Зотов проявил осведомленность. Зотов просил позвонить ему в понед. или во вторник.

²⁵³ Ваня и Сережа — сыновья Марии Сахаровой и Виталия Рекубратского.

15 октября. Люся уехала в Ленинград²⁵⁴.

Приходил некто Исаев, вероятно, душевнобольной, ссылается на знак. с Ших., его «отравляют», просит организовать экспертизу отравленных вещей.

Был мол. человек по рекомендации Шапоренко Дм. Александровича (5 лет в Черняховске, гл. обв. на процессе Якира и Красина, 2-х час. речь, расстрел, заменили на спец?. Очень хорошо меня знает) [на полях «?». Я сказал, что не знаю никакого Шапоренко и что весь этот рассказ смахивает на бред. Извинился, ушел, взяв папиросы и спички.

15 и 16 [октября] работал над статьей. наброски отзыва о Мемуарах Гнедина²⁵⁵ и письма Реме.

Много звонков. Иванов из Казахстана (Караганды?). Вибрационная болезнь. Только приехав, узнал, что Клебанов, с которым он имел дело, в психушке. Не знает, где Поплавский. И. член раб. пр[офсоюза].

Звонила иностр., просила телефон Кац (мне сказала Ида Петр.: 168-63-20).

Звонил Георгий из Сухуми, у него изобретение отн. звукового удара.

²⁵⁴ Я часто ездила в Ленинград не только повидаться с пушкинскими. Но в попытке оттуда поговорить с детьми и несколько раз для встречи с адвокатами самолетчиков. Все адвокаты в том деле (кроме Ария) были ленинградцы.

²⁵⁵ Предисловие к книге Евгения Гнедина «Выход из лабиринта» датировано 29 ноября 1978 г. Chalidze publ. New York, 1982.

Еще кто-то звонил.

Была Ида Петровна. У нее опасения, что обсуждения [осуждения?] Медведева [Роя] компрометируют группу. Получила сразу 2 письма от Толи [Щаранского]. Ни от кого, кроме нее и одного письма от Наташи, Толя не получает (а ему много пишут — Леня, друзья, Наташа кажд. день).

Вечером звонил Ю. Гримм, передал поздравление²⁵⁶ Григоренков.

13/Х. Я в ФИАНе делал доклад «Бар. асимметрия Вс.», было много гостей (Зельд[ович], Окунь, Комар и др). К сожалению, у меня еще не все было в порядке в оценках. Эффект по Иошимуре $\sim q^{-1/2}$. Я утверждал $q^{+1/2}$, а надо — не зависит!!! (понял это 21/Х!).

Люся приехала из Ленинграда утром во вторник, очень измученная — ехала на 54 месте (откидное [опис-ка, надо — верхнее] боковое).

В ФИАНе доклад Полякова о динамике струн, используется аналог метода Онзагера в теории двумерной решетки Изинга (линеаризация с помощью введения фермионных полей!)

В пятницу была пресс-конф. Хельс. группы. Дружно осудили Медведева и других, но все же не обошлось без инцидентов (Мальва прервала С. В., и та обиделась, так

²⁵⁶ Не помню в связи с чем «поздравление». Никаких праздников вроде не было.

же, как на Меймана). До конф. были попытки (Рой?) ее сорвать.

Новосельцев звонил, разговаривал с Люсей. «Сквирский арестован, надо заступиться». — «Я не хочу с Вами разговаривать». — «Вы не милосердны» (может, какое-то другое, близкое по смыслу слово, я забыл, Вы не великодушны? или еще что-то в этом смысле). — «Да, я не...». Люся повесила трубку.

21/X. Таня Осипова принесла письмо, адресованное «Е. Г.», фактически Хельс. Группе, на ту же тему — выступить в защиту Сквирского, который сам выступил в свое время против террористических угроз Новосельцева, делал отчаянные шаги с целью спасти свое доброе имя от недоброжелателей (проводится аналогия с первой посадкой Гинзбурга).

18/X я был на дне рождения Марины. Люсина покупка — кофта — очень хороша. Жвачка и платочек (якобы от Моти, Марина не сомневалась) — тоже. Была Таня, Миша, Сер. Сол. с мужем.

21/X приходила Люба за деньгами на Димино питание. Люся дала 100 р. на счет сентябрь — октябрь. Я за эти два месяца дал Диме 70 р. (20+20+20+10). Дима пропустил неделю занятий, был простужен. В нот. контору все еще не ходил и новый паспорт не получил.

Утром во вторник 17/X я звонил Зотову [в ОВИР]. Тот сказал: Ничем не могу вас обрадовать. Я, грешным делом, надеялся. Видимо, сказалась отсрочка решения о Ноб. премии. Я 20/X после неск. дней попыток дозво-

ниться Сидорову (или Иванову, мне сказали, что он еще работает), дозвонился Шумилину (зам. министра МВД). Тот сказал, что вам будет ответ через неделю. Я позвонил также секр-е Котельникова. — Ант. Вас. Зайцевой, попросил ее, чтобы кто-либо из начальства позвонил в Моссовет. Она обещала.

Люся испортила холодильник, 20/Х мы с ней и Лизой ездили в Новогиреево, привезли холодильник оттуда (ремонт стоящего на кухне при нашей службе быта дело хлопотливое и долгое — неск. недель)²⁵⁷.

Дети звонили 19/Х, были очень огорчены Зотовым, почти ничего не рассказали (кроме того, что Лида [Финкельштейн] собирается на Филиппины к народным знахарям).

Известие от Игоря [Гессе] из США. Ему пред[ложили] оклад 17 тыс. в год, Вере — 11, он отказался (вот пижон). 23 октября. Я весь день занимался привезенными Верой [Алихановой] билетами²⁵⁸ (но нет 39-го) и статьей. Ходили втроем (с Лизой) в Иллюзион — «Три шага в бреду» — 3 киноновеллы по Эдгару По. Одна — о коне, с Фонда, много красотостей. Другая — о патологической зависти, садизме, соперничестве — лучше предыдущей. Одна — Феллини, о разочаровании и бреде. Дьявол — девочка играет мячом и смотрит-смеется одним глазом. Есть сатирический, социальный подтекст, есть профес-

²⁵⁷ Этот холодильник отдали Литинским, и он у них живет, кажется, до сегодняшнего дня.

²⁵⁸ Билеты к экзамену на право вождения автомобиля.

сиональные проблемы киноискусства. Эффектные кадры — свет фар.

Вечером я обидел Люсю, сам того не желая. Она вышла покурить в коридор, я заснул и проснулся с ощущением дыма, стал возиться у окна. Тут пришла Люся, спросила, что я делаю. Я несправедливо [?] сказал, ты опять курила, пока я спал. Она обиделась, заплакала. Она в тяжелой депрессии и тоске, кроме того, болит зуб, глаза, голова. Я виноват, конечно. [Три строчки зачеркнуты]. Сравнивая себя с Люсей, я чувствую, что я очень плохой.

Во вторник и в среду Люся не поехала в поликлинику. (Во вторник из-за депрессии, в среду из-за группы).

Во вторник у нас была Маша с Настей [Подъяпольские], Маша в основном поправилась после своей болезни. Проводы Поликанову она устраивала наполовину за свои деньги. Поликановы устроили скандал Арине, что та сводила Сережу [Шибеева] с их Катей. Бред! Сережа уже в армии (ограниченная годность, стройбат).

В ФИАНе 24-го доклад Захарова по работе Каллана, Гросса, ..., о том, что вне [неразборчиво] фаза с нарушенной симм.

$$\langle 0 | G_{ik}^a G_{ik}^a | 0 \rangle \neq 0. \quad \varepsilon < 0, \quad p = |\varepsilon| > 0$$

Под влиянием поля кварков (считающихся покоящимися) экстантоны [надо инстантоны] (достаточно большие?) подавляются, это следует из нелинейной задачи экстантона [надо инстантона], поправка в действие (тип. решение классич. уравнений) выражается поверхн. интегралом.

Пришло письмо от Абанькина²⁵⁹ с фото, письмо от уволенного за критику инвалида и др.

Письмо от какого-то Павлова с просьбой выступить в защиту Бекетова В. А. Но я ничего не знаю и ничего не могу.

Между тем — видимо, получают разр[ешения] из списка Эдварда [Кеннеди] — Кац, Левич, еще 2 фамилии. Это хорошо!

[27 октября — 11 ноября.] С 27/X по 11/XI пишу по памяти.

27/X ездил (акад. водитель-арм.) сдавать на права на Варшавское шоссе. Правила дор. движения «по телевизору» сдал, но вождение завалил. Начиная с 29-го занимался с Леонид. Викт. (водитель, которого рекомендовали Ивановы) — последний раз 4-го ездили вечером вместе с Люсей. Она тоже водила.

6-го ноября сел аккумуля., лишь 11-го я смог вновь поставить его (34 р.+2+10), но главная беда — я на аккумуля. станции облил свою лучшую вещь — синюю нейлоновую теплую куртку — кислотой. Люся очень сердится, я сам очень расстроен.

Я окончил, и 6, 7 и 8-го Люся перепечатала статью для журнала в США. Но 10-го не удалось ее отправить — у американцев какой-то праздник.

Попытки позвонить Зотову перед праздниками были неудачны.

²⁵⁹ Абанькин бывший пзк, недавно освободившийся из лагеря.

Числа 2-го я звонил секретарше Котельникова Ант. Вас. Зайцевой. Из Моссовета нет ничего нового. Зайцева [сказала], что после праздников мы на них насядем.

10-го утром я дозвонился Зотову в ОВИР. Алекс. Григ. сказал, что ему ничего неизвестно. Я сказал ему, что 3 недели назад (20-го октября) я звонил Шумилину, и тот обещал ответ через неделю. Зотову об этом, по его словам, ничего не сообщали. Я сказал Зотову, что по приезде сенаторов они, вероятно, будут иметь встречу со мной, и я буду вынужден сообщить, что Люсе не дадут ответа с 20/II — просил передать руководству.

Через час я позвонил Шумилину, сказал, что вынужден вновь позвонить ему, что 20/X он обещал, что ОВИР даст ответ в течение недели, но ответа до сих пор нет (что дело о поездке моей жены в Италию — в принципе решенное на высш. уровне в 1975 г., сейчас речь идет о поездке к леч. врачу — решается 8,5 месяцев!). Шумилин сказал, что не следует звонить ему сразу после праздников, что он очень занят. Я спросил, когда мне позвонить. Он начал говорить «Позвоните ...», потом прервал сам себя: «Вам позвонит начальник ОВИРа Зотов» (очевидно, — я так думаю — К. И. Зотов). Я сказал: «Спасибо». Не знаю, что об этом думать. 5/XI у нас был Юра, получил очередные 40 р. В этот же день был Дима, он едет в Л[енинград], к сож., с приятелем не из мед. ин-та.

26/X позвонила Люба, сказала о смерти Юрия Ароновича Зысина.

■ Зысин Юрий Аронович, сотрудник Андрея на объекте (Арзамас-16) — ныне город Саров. Ирина — его жена. У них были в какой-то период жизни на объекте сложности в семейной жизни, в которых был замешан Зельдович. И даже была драка (характерные особенности жизни в закрытом сообществе типа объекта или военного гарнизона). Андрей много рассказывал об этом, но подробностей уже не помню. Помню, что в ссоре Зысина и Зельдовича Андрей был на стороне первого. Впечатление складывалось (у меня) от рассказов Андрея, что многое в атмосфере и стиле тамошних отношений ему было и чуждо, и зачастую неприятно. ■

Вечером я поехал к ним (в этот день у нас был Дима, ходили с ним в нот. контору на ул. Чкалова, но безрезультатно, т. к. у него просрочен паспорт). Дома была Ирина, девочки — Ирина мл. и Наташа, Ярик, потом пришел Виктор Давиденко с женой Еленой Григорьевной.

Юра [Зысин] погиб 25/Х, Феоктистов проводил его до машины после семинара в ФИАНе по лазерам, в машине Юре стало плохо, не успев принять лекарство (он почему-то принимал сустак, а не нитроглицерин), он умер. Водитель отвез его в 1-ую градскую больницу.

Юра, по словам Ирины, был очень неудовлетворен жизнью — своими достижениями в науке и технике, карьерой, положением на объекте, отношением с Забабахиным — которого он презирал, своим уходом с 1-го

объекта в 1961 году (а обратно Харитон его не взял), своими детьми, своей женой (это со слов Ирины). Он рисовал как художник-любитель, много картин висят по стенам. Среди них — серия на тему «Одиночество» (человек на ветру под качающимся фонарем). «Салют победы» (еврей-солдат, слепой, грудь в орденах, закуривает на ощупь, а за стеной — многоцветный салют), много видов Новой Земли, «Дом Сахарова» (с моим силуэтом, по словам объектовских шоферов, этот дом предназначался мне в 1968 г., теперь этот дом — гостиница).

28/Х были похороны. В клубе Курчатова стоял гроб, была смена почетных караулов (я был в одном из них с совсем вообще мне неизвестными людьми), траурная музыка. На кладбище я ехал с Ириной (в автобусе, но не в том, где гроб). Ирина опять говорила о Юре, что он был очень болен, что она его не уберегла (Юра родился 5/1 1917 по нов. стилю). Она говорила, что дважды совершила предательство по отношению к Андрюше (ее сын до Зысина) — когда ушла к Юре, и когда Юра отослал Андр. к бабушке уже с объекта (год 1955-ый??). Она сказала также, что я упустил Митю [Диму]. Она когда-то сама плохо отзывалась о Мите, но дети — Ярик, Наташа, Ирина — горой встали в его защиту. Она говорит, ты умный (я в этом сомневаюсь), придумай что-либо, чтобы он стал человеком, а не шалопаем.

Еще Ирина говорила, что Юру [Сахарова] надо было женить, но что мама была против, потому что она была недовольна моим браком и боялась того же для Юры.

Много раз Ирина повторяла, что самыми лучшими годами были годы 1 объекта, когда мы дружили, были вместе, что на 2 объекте они были одиноки, что она с ужасом вспоминает об этом ужасном доме на 2 объекте. На кладбище выступали Литвинов (ужасно постаревший), Цырков, Харитон (он вспоминал, между прочим, о идеях Зысина о лин. ускорителях, что была создана комиссия и что она разбиралась по причине новизны так долго, что американцы опередили нас. Я со слов Юрия Арон[овича] помню, что было несколько иначе. Комиссия под предс. Вас. Вас. Владимирского забраквала проект Зысина).

С Ю. А. много связано в моей жизни. Для меня и Клавы это тоже было какое-то человеческое общение в нечеловеческом мире объекта. Юрий много рассказывал о своей жизни. Конечно, он был человек «с комплексами», трудный для себя и иногда для окружающих. Юра говорил о войне, о довоенных годах, о раскулачивании — со слов своих военных товарищей — он был артиллерист. Он очень хотел проявить себя во всех своих возможностях — даже в литературе — писал повести и роман, которые не нравились даже его жене. Давиденко сказал, что Зысин видел Люсю на Укр[аинском] фронте. Теперь это проверить уже невозможно.

Все эти дни я переделывал свою работу о «Бар. асимм.», изменил ее почти до неузнаваемости. Боюсь

выпускать ее из рук, пока она не придет в свое стационарное состояние, и боюсь опоздать с публикацией. Если я не смогу сделать теорию без расходимостей (т. е. с постоянным, не зависящим от параметра обрезания лагр.), то эта работа будет главной моей чисто научной работой. Впрочем, я тоже думал о многих других работах, пока они не обесценились в моих глазах.

От Павловского Саши²⁶⁰ я узнал, что Роберт Людаев пережил тяжелый инфаркт в прошлом году, сейчас ему очень трудно. Роберт очень хороший.

Руфь Григорьевна, Люся и Лиза с большой энергией делают маскарадные костюмы для детей — Аня — Шахм. королеве со шлейфом, двое мальчиков²⁶¹ — тоже короли — несут ей шлейф.

12 ноября. Воскресенье. Люся спала до 12 ч. дня. Днем мы гуляли до ГУМа, но он оказался выходной. Накупили яблок и помидоров, вернулись на такси. Вроде, сон Люсе разгуляли.

²⁶⁰ После смерти Андрея, а потом и Павловского, я, пытаюсь разобраться в родственниках Андрея, в ходе работы над книгой «Вольные заметки», раскопала данные о том, что Андрей и Павловский дальние родственники. Но ни тот, ни другой не знали об этом.

²⁶¹ Как я уже писала, сын Лиды Финкельштейн жил тогда в семье Тани и Ефрема.

13 ноября. В первой половине дня ездили с Люсей в амер. конс. (встретил Картер), отдали статью, но я забыл вызовы пятидесяти[и]ков]. Потом покупали лекарство 5-нок для Ю. Ф[едорова] (рецепт принесла Циля²⁶²), картошку.

10/XI Р. Г. и Лиза с переговорного пункта разговаривали с детьми. Р. Г. — 9 мин., Лиза — 1 мин. Дети все переболели.

11/XI. Звонил некто, назвавшийся Горгенидзе (потом сказал, что он Абдулаев). Якобы сидел 15 лет за попытку перейти²⁶³ в амер. посольство, сейчас хочет судиться с братом, завладевшим наследством матери, а главное уехать из СССР.

13/XI. Звонил некто из сельск. местности, бывший учитель, заявил, что у него есть материалы по коллективизации. Направил его к Тане Велик[ановой]. Через несколько дней он приходил «отдать дань уважения». Видит многое — дикость бюрокр. планирования, десятки тысяч тонн помидоров закапывают, т. к. некому их убирать, в госуд. продаже нет помидоров, мяса и т. п. На рынке в Пензе цена мяса 6 руб/кг. Большая часть его семьи погибла при коллективизации.

²⁶² Лекарства даже в Академии можно было купить только по рецепту. Из лагерей зк их прислать не могли. Поэтому без конца о рецептах просили знакомых врачей. Иногда это делала Цецилия Дмитриева, у которой был знакомый врач в поликлинике писателей.

²⁶³ Описка Андрея, надо — пройти.

29 ноября. Накануне послал приветс[твенную] телеграмму Гнедину.

Р. Г. и Лиза ездили на почту. Аня с удовольствием ходит в д/с. Рема доволен работой. Алеша — по своему новому адресу²⁶⁴. Лида [Финкельштейн] звонила после Филиппин²⁶⁵, сказала, что она «совершенно здорова», но приедет только в конце месяца.

Я отдал статью на перевод. Люся получила книги и продукты.

Квартира 1 ч. 20 минут была без хозяев. У нас — столь нагло впервые — были «гости». Забрали все содержимое коробки с моими последними работами, там было много заявлений, интервью и статей последнего года (включая «права человека...» и «Лабиринты эпохи», а также, к сожалению, автобиографические заметки, 62 стр. Ощущение омерзительное, там многое вообще не было предназначено для посторонних глаз, а остальное — тоже не собирался публиковать в последнее [описка —

²⁶⁴ С целью экономии времени (учеба и работа) Алеша перешел жить на университетский кампус. В университете он работал служащим вивария. Потом работал по ночам в магазине, торгующем 24 часа в сутки. В каникулы работал докером. А последний год строительным рабочим.

²⁶⁵ Друзья собрали Лиде деньги на лечение. Тогда было всеобщее увлечение филиппинской «бескровной хирургией». На мой взгляд, это была очередная околomedicalная спекуляция.

ближайшее] время. Украли также — Лизин халат, мою синюю куртку и «норвежские» синие брюки, итальянские очки для дали.

27/XI. Внезапно позвонил Овчинников. Сказал: Вам будет дан ответ по Вашему заявлению 11 декабря. Позвоните мне в 10 ч. утра.

20/XI. Я звонил Шумилину. Потом домой позвонил Овчинников (зам. нач. ОВИРа) и сказал: наберитесь терпения. В этот же день я отдал в кремлевскую экспедицию Люсино и мое письма Брежневу, где мы пишем, что не уважают его решения 1975 года²⁶⁶.

25/XI ездил с Верой [Алихановой] в Лужники. Там был Евг. Гавр.²⁶⁷. У дома нас провожал с наглой бесцеремонностью гебист, в Лужниках в опасной близости от нас проехала гебистская машина.

20 и 21 по 4—5 часов ездил с Евг. Викторовичем. [? здесь или выше описка]. Всего наездил 29 часов (145 р).

28—30/XI—1/XII. Люся болеет — восп. процесс в глазах, общая простуда, спина.

1/XII отправил работу в комиссию²⁶⁸.

²⁶⁶ Андрей считал, что я получила разрешение на поездку в Италию на лечение в 1975 году благодаря личному вмешательству Брежнева.

²⁶⁷ Евгений Гаврилович? Викторович? — преподаватель вождения автомобиля.

²⁶⁸ Кажется, до публикации все статьи проверялись — не содержат ли они секретных данных.

28/XI—1/XII. Доклады Ньювенхойзена, очень интересные, хотя понял мало. Соединение Supersymm. с $O(8)$ дает единый супер-мультиплет частиц спина: 2, $3/2$, 1, $1/2$, 0.

Нет непротиворечивой теории спина $5/2$.

Поэтому $O(8)$ — максимум.

В этой теории есть калибровочные? бозоны (векторные) с зарядом 0, $(SV_3)_c$ с зарядами $\mp 1/3, \pm 2/3$, но нет W_{\pm} . Чудеса, да и только!

Еще одна теория в 11-мерном пространстве (4+7 компактированных) дает симметрию E_7 .

Долгов²⁶⁹ передает через Андрея [Линде], что есть работа Вильчека²⁷⁰, снимающая «эффект Иошимуры²⁷¹», якобы даже в нестационарном случае.

8/XII. На пресс конференции группы. У Меймана — оглашено обращение Группы, открытое для присоединения на год. Идея и ее выполнение — Люсины. Я тоже приложил руку к первоначальному варианту. Всю неделю перед этим были большие споры. Особенно Мейману не нравился Люсин текст, но ничего положительного он не внес. Однажды мы с Люсей не спали и спорили (по мелочи) до 4 ночи. Но суть обращения никто толком не обсуждал. Мы не включили призыв об отмене смертной казни, который есть в обращении Эмнис-

²⁶⁹ Долгов, физик.

²⁷⁰ Вильчек, физик.

²⁷¹ Иошимура, физик.

ти. Правда, с тактической т[очк]и зрения, может быть, это целесообразно (многие у нас сомневаются). Мы написали — улучшить режим в спецпсихбольницах — а их не должно быть вовсе. Но все же документ ценный. К сожалению, до сих пор (17/XII) документ не был зачитан полностью по радио. Мейман до сих пор говорит, что документ ему не нравится. Андрюша Т[вердохлебов] тоже, еще не читая, сказал, что «это» его не интересует. К 10/XII было 73 подписи присоединившихся (я в том числе).

10/XII. Лиза ходила к памятнику Пушкина²⁷², была задержана одной из первых, с ней была Вера Федоровна. (Она пришла сначала к В. Ф., та просила ее не ходить, оставила с Леной Щ. [жена М. Дейча], но Лиза все же пошла). Лиза кричала — это День прав человека, ее силой затолкали в машину, отвезли в лес в районе Шереметьева, там выпустили. Пройдя до шоссе, она доехала на попутной машине (парень спросил ее, как она оказалась в лесу, и на ее объясн. сказал — такая у нас страна). Всего задержали человек 20-30, всех отпустили, некоего Сорокина побили. Его жена подала датированное этим же днем заявление о выходе из КПСС, очень четкое.

11/XII я в 10 часов позвонил Овчинникову²⁷³ (как он «просил» 2 недели назад). Он сказал, позвоните в 11.

²⁷² Ежегодная демонстрация у памятника Пушкину в защиту Конституции.

²⁷³ Один из многих начальников в ОБИРе.

В 11 сказал — позвоните еще через час. Сам позвонил в 11.45, сказал, что ответ будет в течение недели, я тут же позвонил Шумилину и Иванову в ЦК, говорил резко с первым из них.

В пятницу 15/XII я опять утром позвонил Овчинникову. Он очень вежливо, почти елейно сказал, что я его опередил, что он позвонит несколько позднее. До вечера не позвонил.

С 29/XI нет никакой связи с детьми. Таня множество раз пыталась прозвониться, но безуспешно.

11/XII и 12/XII. Р. Г. и Лиза ездили на переговорный пункт, вернулись ни с чем.

13/XII я, наконец, сдал экзамены на права. Вера [Алиханова] ездила в техстанцию (ей побили машину) и взяла меня с собой. Приехал также Евгений Гаврилович. Я чуть было не завалился, трогая с места, но потом все было нормально. 14 получил права.

12-го получил перевод статьи, исправлял его с помощью Лени Озерного и Лины [переводчица теоротдела ФИАна].

Доклад Кадышевского — интересный, если верный (Баталин сомневается). Говорил с Баталиным об Алеше.

8/XII. Позвонила Люба. С понедельника Таня у нее, ушла из дома, очень возбуждена. Я заезжал через 2 дня, у Тани бред (она изменила свою личность при помощи аутотренинга, избавилась от скованности, все делать ей очень легко, она получила музыкальные способности, хочет стать артисткой). Через неделю она вернулась домой

и была у Смудевича и Снежневского²⁷⁴, ей сделали укол. Таню, Марину ужасно жалко, беда все это ужасная, безысходная.

Миша просил заехать к Смудевичу, 15-го я ездил, но был неприятный день, поеду 18-го.

17/XII. Сегодня радио передало сообщения о нашем письме Брежневу, очень неточные. Наиболее неточен, как всегда, Голос Америки. Он сообщил: «Зап. корр. общают из Москвы, что по сообщению друзей Сахаровых в ноябре они послали письмо Брежневу с просьбой ускорить разрешение на получение визы на выезд им в Италию, где супруге Сахарова должна быть оказана медицинская помощь по поводу ее глазного заболевания». Я звонил Пьеру Легалу, он ходил в контору и выяснил, что передачи радио основаны на сообщении из Рима, которое ссылается на информацию друзей Сахаровых во Флоренции и довольно точно излагает наше заявление — т. е. то, что Сахарова [она] в 1975 г. после 10-месячной задержки, стоившей ей потери части зрения, получила разрешение на лечение в Италии, что сыграла роль вмешательство мировой общественности и Брежнева, что в 77 г. разр[ешение] было дано быстро.

²⁷⁴ Врачи-психиатры. Смудевич — лечащий врач Тани Сахаровой. Снежневский был директором института судебной психиатрии и основоположником теории вялотекущей шизофрении. С таким диагнозом помещали в психиатрические больницы некоторых диссидентов.

В сообщении ВВС сказано — друзья во Флоренции, и нет слова им, т. е. правильно передано, что ехать должна только она.

В общем, пора кончать выжидать, надо действовать.

16/XII — суббота. В 7 или 8 — заказное письмо от Козлова, якобы он познакомился с Аликом [Гинзбургом] в вагон-заке, тот дал ему мой адрес, и теперь он просит прислать ему учебники и заступиться за брата в Черняховской спецпсихбольнице. Сам Козлов, 24 лет от роду, два раза уже сидел за хулиганство, якобы активирован.

В 9 пришел латыш — старик по фамилии Лама, сидел после войны якобы за сотрудничество с немцами, что он опровергает свидетельскими показаниями. Он добивается реабилитации и выезда, прорывался в посольства, я посоветовал ему стандартную процедуру.

В 10 пришел эстонец, душевнобольной, ему не дают работать лаборантом, хочет уехать. Посоветовал то же.

Наиболее серьезное дело — Логинова. (Логинов пришел в пятницу, когда я приехал с Загородного шоссе, не застав там Смудевича. Люся и Лиза занимались английским, но я позвал Люсю участвовать в разговоре, т. к. мне необходим был ее совет). Логинов — тот рабочий-поэт, пишущий под Есенина, который приходил к нам весной. У него следующее дело. Он имеет ребенка 7 мес. от женщины, работающей на фабрике-прачечной. Она прописана по лимиту. Он не мог с ней зарегистрировать брак, так как женатого не взяли бы на работу (опасаясь требований жилья для семейных). В мае

он устроился работать слесарем в изд. «Правда», но, не успев прописаться, ввязался в опасное в наших условиях дело: он организовал и написал в цветистом стиле коллективное письмо на имя начальника банно-прачечного комбината от имени 30 семейных, проживающих в общежитии комбината (и в том числе его жены), в этом письме описывались трудности их жизни, бесчинства милиции и содержится просьба предоставить им жилье, чтобы они могли работать и воспитывать детей в подходящих условиях. Логинов и его жена — детдомовцы. Начальник ответил угрозами. Затем самого Логинова схватили на улице, затащили в милицию, угрожали переломать хребет. Через несколько дней после этого неизвестные лица напали на него на улице, избили, повредили спинной позвонок. В больнице он отказался разговаривать со следователем, это был один из тех, кто ему угрожал в о/м. Я посоветовал Логинову уволиться по собственному желанию, пока его не уволили по менее подходящей статье КЗОТ, и пытаться завербоваться на Олимпийскую стройку. А если это не удастся, уезжать из Москвы вместе с женой. В целом дело очень типичное.

Из Ленинграда звонил художник-самоучка, его арестовали в 69 г. за продажу картин иностранцам за валюту, отсидел 8 лет, сейчас его нигде не прописывают, он взял направление в Новгород, там его не прописывают, и тем более в Ленинграде, где у него жена и ребенок. Хочет уехать.

Пришел слепой с сопровождающей, у него теория универсального уравнения состояния. Научн. институт не ответил на его работу.

Пришла пожилая женщина из Сибири, принесла воспоминания об отце, знавшем еще Желябова. Брата ее столкнули под поезд метро, по ее словам — умышленно. Воспоминания, на мой взгляд, скучноватые, но как архивный материал могут быть интересны.

В день 10/XII меня по телефону поздравил с днем Прав человека учитель из Воронежа Валерий Герасимов, 32 лет. После разговора со мной на него набросились 8 человек, жестоко избили, угрожали ножом выколоть глаза. Сообщил об этом коррам, также о том, что нескольким людям угрожали неприятности в случае, если они подпишут «что-либо» (обращение от 8/XII?). Отцу Иванченко не только угрожали арестом сына, но и пообещали, если он будет сидеть смирно, дать квартиру. Об избиении Герасимова звонила его жена.

Сегодня (17/XII) позвонила Вера [Алиханова], сказала, что в ночь с пятницы на субботу скоропостижно скончалась от сердечного приступа ее старшая сестра Валя (50 лет). Валя заменила многочисленным своим сестрам и братьям рано умершую мать, в очень трудных условиях нищеты и тесноты вывела их в люди, выйти замуж не смогла, у нее 14-летняя дочь Лариса, оставшаяся сейчас сиротой, ее отец (еврей-фотограф) — семейный человек, скрывавший от жены. Я несколько раз видел Валю, она мне очень понравилась всей манерой держаться и тем, что я о ней знал.

Сегодня звонил кто-то из Ровно, якобы на Куницу²⁷⁵ было покушение со стороны находящегося под следствием за изнасилование человека, которому якобы обещали закрыть дело, если он убьет Куницу.

15[-го] у нас были американцы (после того, как мы с Люсей вернулись из американского посольства, где отдали, в частн., документы пятидесятников; да чуть не забыл, в пятницу у нас кроме всех перечисленных была также Зарина с делом пятидесятника, которому якобы несколько лет назад умышленно сделали плохую операцию по поводу глаукомы травматического происхождения. Сейчас он собирается уехать в Италию для 2-ой операции. Мы посоветовали ему инст. Гельмгольца).

Американцы. Муж, жена [Гордон] из Анн Арбор и Хофшtedтер из Стенфорда были у нас вечером 15/XII. Я не понял (не выслушал) Люсю и думал, что Хофшtedтер — Гордон, удивлялся, что не знаю такого физика, задал глупый вопрос «Теоретик Вы или экспериментатор» и «Вы работаете with Drell?» На что он ответил с усмешкой «это он со мной работает, я постарше». Хофшtedтер спрашивал, чем он может помочь, мы стали объяснять наши трудности, но тут пришел Мейман и сбил весь разговор.

■ *Хофшtedтер, известный физик, нобелевский лауреат, имя и работы которого Андрей знал. Анд-*

²⁷⁵ Забыла, кто это.

рей дремал на кухонном диванчике, когда они пришли. Он не выслушал меня толком, и возникла неудобная ситуация, которую Андрей сильно переживал и даже написал Хофштедтеру письмо с извинениями. И очень сожалел, что приход Меймана помешал ему в «физическом» разговоре с Хофштедтером. ■

16/XII Люся ездила к Софье Вас. на группу. Меймановы документы (о деле Джессики и об Олимпиаде) были забракованы. Люся подписала еврейский документ о деле Джессики.

Начиная с субботы — сильные морозы (23—25°). Люся дужкой очков застудила глаз.

Понедельник 18/XII Лиза разбудила в 7.45.

Поехал к Смулевичу. Оказывается, Таня была передо мной. Она показала ему в лучшем состоянии и, отвечая на мой вопрос, он сказал, что нет необходимости госпитализации. Смулевич спросил меня об отношениях Миши и Тани, но я ответил незнанием. Миша отказался приехать к Смулевичу, именно поэтому понадобился я. Приехав домой, звонил Овчинникову. Тот сказал, Вы несколько рано позвонили, не считите за гордость, что я Вам не позвонил. Я сказал, что мне нужен ответ в течение неск. часов, что из-за отсутствия связи наши друзья за рубежом опубликовали письмо к Брежневу. Потом я поехал в поликлинику (купил лекарство для Меймана, он заболел, накануне я ездил к нему) и интенкордин, потом купил в столовой 4 бут. боржоми, видел там жену Капи-

цы (но не узнал ее, только потом догадался по ее словам — спасибо за телеграмму). Потом в ФИАНе купил раунатин и отдал (верней оставил) печатать статью на англ. языке, заменив по совету Лины слово *net* словом *residual*.

Позвонил Долгов²⁷⁶, я поехал к нему, в Институт меня не пустили, и я вместе с ним зашел к его родителям. Вроде, в его соображениях нет ничего особенного. Я оставил ему текст работы.

Вернувшись домой, опять позвонил Овчинникову. Сказал, что ответ жду до 17 часов. Он сказал, ну зачем же так. Я сказал, что это теперь уж от меня не зависит.

Позвонила Анна Марковна [жена Ивича]. Умер Игнатий Игнатьевич [Ивич]. Он сломал ногу в кровати, его возили на гипс, потом после этих мучений он долго спал, проснулся, задал вопрос Анне Марковне, обедала ли она, и вскоре тихо умер.

В 18 часов делали пресс-конференцию, но было очень мало корров (Фред [Коллман. Ньюсуик], Кевин Клоуз из Вашингтон Пост и мол[одой] человек из ЮПИ). Я потом еще звонил в неск. адресов. Мы сделали заявление. Мы вынуждены заявить, что, если в течение двух недель моей жене не будет дано разрешение на поездку для лечения, мы с 3 янв. 1979 года начинаем голодовку протеста до выдачи разрешения.

²⁷⁶ Физик.

12/XII. Я отнес Анат. Петр. Александрову заявление по переписке, повторяющее аргументы письма Котельникову и называющее аргументацию ответа Моссовета лицемерной. А. П. сказал, я не понимаю, почему Вам не разрешают. Я сообщу ответ не ранее, чем через две недели.

16/XII была жена Зисельса²⁷⁷ (хорошее впечатление), арестованного в Черновцах. Советовалась, принесла фотографию мужа.

В этот же день утром была Дроздова по поводу Кукобаки²⁷⁸. Она сама тоже хочет уехать, боится психбольницы.

19/XII. Утром — Альтшулер Боря, пришел за фотографиями самолетчиков. Обсудили китайско-американские события. Мы с Люсей считаем, что США не должны были соглашаться на условия, предающие Тайвань, даже если это только формально — на самом деле, как исключить опасность «окончательного решения» со стороны КНР?

Потом был в ФИАНе. Вновь доклад Захарова, Вайнштейна, ... (вдруг забыл фамилию, как раз он докладывал). Успехи внушительные во всем мезонном мире (массы,

²⁷⁷ Зисельс Иосиф и Ирена Зисельс. Позже она с сыном эмигрировала в Израиль, а Иосиф, отсидев свой срок, остался в СССР. С начала перестройки — активный правозащитник. 18 ноября 1989 года был в Москве. Пришел к нам в гости и сделал несколько фотографий Андрея — последние домашние фотографии.

²⁷⁸ Политзек, рабочий.

пост. связи, параметры смешивания) — исходя из двух полуэмпирических констант $\langle 0 | G_{ik}^a G_{ik}^a | 0 \rangle$ и $\langle 0 | \Psi_\alpha \bar{\Psi}_\alpha | 0 \rangle$

Вечером у нас Маша [Подъяпольская] и В. Ф.

Е. Л. Фейнберг сказал мне по секрету, что в ФИАН пришел срочный запрос о работах Гольфанда на предмет их рассекречивания. Юре [Гольфанду] просил не говорить.

20/XII. С 11.15 — похороны Игн. Игнатьевича. Выступали 2 писателя-мужчины и Рая [Орлова]. Вспоминали время, когда он вихрем носился по коридорам Детиздата. Рая сказала об его заслуге в сохранении памяти — где были рукописи Мандельштама, спросила она его. А вот здесь, в этом ящике.

И *Игнатий Игнатьевич Ивич — детский писатель и литературовед. Дружба с ним, несмотря на разницу возрастов, для меня была духовно обогащающей и очень ценной. В молодости в годы революции и в послереволюционное время был близок с поэтом Владиславом Ходасевичем. После отъезда Ходасевича с Берберовой из России много лет опекал жену Ходасевича, оставленную им в России, помогал ей материально. В 1938 году ему на сохранение оставила архив мужа Надежда Мандельштам. Жена Ивича Анна Марковна вывезла из военной Москвы в эвакуацию свою маленькую дочь и чемодан с бумагами Мандельштама. После войны Ивичи передали архив Надежде Яковлевне. Первым мужем дочери Ивичей Сони был Константин Богатырев, поэт и переводчик Р. М. Рильке, бывший*

политический заключенный, убитый в Москве неизвестными весной 1976 года. Сын Сони и Константина — Костя — с детства дружен с моим Алешей, а с возрастом подружился и с Таней. Андрей, придя в наш дом, также стал дружен со всей семьей Ивичей. Теперь Софья Игнатьевна и Константин Богатырев (младший) живут в США. ■

Вечером я писал, а Люся печатала письмо Стоуну — как нам помочь, тому 4 пункта. Люся также написала много писем лагерникам и за границу, а я добавлял к ее подписи слово Андрей. А вчера она написала письмо Иде [Нудель], где просит ее, в частности, подумать о помиловании — (письме).

■ Я не считала (и не считаю) прошение о помиловании свидетельством раскаяния или, того больше, предательством, как полагали некоторые наши друзья. Возможно, это потому, что я глубоко не уважаю все официальные документы. И считаю годы свободы несравнимо важнее внешней (для меня) проформы. Спустя несколько лет, когда Андрей сказал, что мне надо написать прошение о помиловании, я сделала это без всяких внутренних переживаний. ■

21/XII. Утром — занятия с Линой.

После обеда ездил к [имя или фамилия зачеркнуто]. Отвез переведенные с пом. Лины Рожд[ественские] поздр[авления] Хофшtedтеру с извин[ениями] по поводу недоразумения, когда я его принял за Гордона, письмо

Джереми [Стоуну] и др. Был Гнедин. Ни Копелевы, ни он не сомневаются в Коэне [Стивене] — в его честности.

Послал две телеграммы. В бухту Тикси Нач. Госпиталя о Серее Шибее и в Сосновку о Тихом.

Вечером у нас были — сначала Маша [Подъяпольская], затем Литинские и Розоноэр Володя. Алеша 2 недели назад звонил Оле и (по ее словам, у нас вызывает сомнения) пригласил ее. Кассета с записью голоса Кати — правда, не очень высокого качества записи, Оля бегала за Катей, а Катя от нее — для пересылки Алеше.

В четверг и субботу были баптисты — впечатление унылое. Один из них — тот, за которого когда-то хлопотал Григоренко, — уходя, читал молитву, говорил о своем уповании, все это как игра. А сыну его в школе испортили глаз. А сегодня (в субботу 23-го) была жена Хайло. Сына Павла все время держат в ПКТ за жалобы. Один раз в камеру вошли офицеры, опрыскали лицо «Черемухой» (слезоточивый газ), избили дубинкой за то же самое. Мы посоветовали нанять адвоката (Немеринскую), чтобы съездил в лагерь (в Коми АССР). Но эти баптисты как будто нарочно стремятся к обострению, втравливают детей и т. п.

22/XII. Боря Альт[шулер] принес 40 бут. боржома²⁷⁹.

Я был в поликлинике: ради лекарств, купил лиотиронин.

²⁷⁹ Как и в 1975 году, мы собирались вновь объявить голодовку, если мне откажут в визе для очередной поездки в Италию в клинику Фрезотти.

Звонил в субботу 23/XII Бочков (тот, который пытался устроить мне по телефону шуточный экзамен — кто главный член семьи — ответ: малыш)²⁸⁰. Он сказал, что 11 авг. 1973 г. послал мне поздравление с исторической датой (12 авг. 1953 было испытание), потом были длинные разговоры с комплиментами вокруг да около, что он хочет, так и не сказал, т. к. я был вынужден кончить разговор, а он обиделся.

Звонил 23/XII Дима, якобы сдает зачеты (срок 15/1), конечно, он без денег, но я не заикался о доверенности (не хотел говорить об этом каждый раз).

22/XII. Всю первую половину дня писал счета за газ, телефон, электричество, квартиру (ок. 380 р.), но сдать в сберкасса не успел, она закрылась для приема денег в 17 часов.

23/XII. Много занимался английским, мылся, из дома не выходил.

24/XII. Дверца машины открылась после грелки. Надя [Рошаль]²⁸¹ дала ножной насос, и я накачал камеру. Я первый раз (вместе с Люсей) выезжал в «свет», окна как следуют не оттаяли, и я, немного растерявшись, заехал на Садовом кольце на левую сторону, потом не мог въехать в бешеный поток, в общем, растерялся. Потом было все нормально.

²⁸⁰ Неясно, кого Андрей подразумевал. Возможно, Дмину собаку по имени Малыш.

²⁸¹ Соседка по дому.

Приехали к Юле. Там Андрей [Твердохлебов] преподнес сюрприз. Он хочет объявить забастовку «в связи с объявленным снижением расценок и отсутствием продуктов в магазинах и рассчитывает на благожелательное отношение общественности». (Цитирую его заявление, он хотел, чтобы Люся сообщила его коррам). Но нам (каждому) было ясно, что все это чушь, игра. Андрей не имеет права выступать как рабочий, и вообще индивидуальное выступление такого рода (забастовка) по социальному общему вопросу — бессмыслица. Собрать данные об изменениях расценок было бы важно. Мы отказались передавать сообщения Андрея коррам, сказав, что не сможем отвечать на встречные их вопросы. Андрей [Твердохлебов] смертельно обиделся. Он не хочет признать, что его возможности общ. деятельности в этой стране исчерпаны.

В передачах Голоса [Америки] сообщили о статье Балтимор Сан о том, что Лауреат Ноб. пр. Сах. и его жена, оба(!) члены Хельс. группы, объявили, что 3 числа оба объявят голодовку, если Елене Б. не будет дана виза на продолж. лечения. Нью-Йорк Таймс напечатала ответное еврейское письмо о деле Джессики [Кац] (под которым стоит Люсина подпись). P.S. Это оказалось не то письмо или измененное до неузнаваемости.

25/XII. Вечером ездили в Гастроном, потом к Мейману.

26/XII. Вместе с Люсей заезжали за книгами, потом в редакцию ЖЭТФ²⁸², в ФИАН. Доклада о супер-симмет-

²⁸² Журнал экспериментальной и теоретической физики.

рии не было. Вместо этого был малопонятный мне доклад. Вечером, как всегда, гости.

27/XII. В 12 часов — еврейский научн. семинар (Вернадского 99, кв. 128 у Браиловских). Довольно много иностранцев (у одного отобрали на таможне все слайды). 5 иностр. не пустили, об этом был протест озабоченных ученых. Пригласил в гости Лейбовица (Президент Нью-Йорк[ской] Академии), его друга и Юру [Гольфанда].

К 7 часам поехали в мастерскую Бори Биргера вместе с Лизой. Ехали на машине, вел Я (и обратно, с 3-я пассажирами — Женей Пастернаком, его сыном Петей и кто третий, не помню, кажется, Таня Непомнящая)²⁸³. У Бори по стенам развешены картины, много новых. Замечательный групповой портрет с красным вином и Войновичем в красном, и особенно замечателен портрет Булата Ок[уджавы] — желчного, умного, одухотворенного. А также — еще несколько новых. Эти ежегодные вечера у Бори — событие в нашей с Люсей жизни. Пел Женя [Пастернак] (побледнев от волнения): «Ты не вейся, черный ворон», «Любо было, любо, любо, братцы, жить...», «Средь необъятных полей²⁸⁴ затерялося небогатое наше село». Пел удивительно, его негромкий немолодой, слегка хриловатый голос проникал до самого сердца. Пела Таня Непомнящая, тоже очень хорошо. Был среди гос-

²⁸³ Третьей была жена Е. Б. Пастернака — Елена.

²⁸⁴ Правильно: «Меж высоких хлебов...».

тей Фазиль [Искандер], очень нам понравился. Люсина ватрушка всем пришлась по вкусу.

28/XII. Был в редакции ЖЭТФ (с ред. Татьяной Кирилловой обсуждал редакц. правку статьи), потом был у Тани с Мариной. Таня лучше, ей сняли (после третьего посещения врача) все лекарства кроме лития, она не вспоминает свой бред. Марина (как и Таня) были мне очень рады. Люся послала им подарки — перчатки и помаду для Тани, Алису для Марины (эта покупка стоила нам обыска!).

▮ Однажды в октябре мама с Лизой ездили на переговорный телефонный пункт, чтобы поговорить с детьми в США. А мы с Андреем поехали вдвоем в книжный магазин Академии. Там продавалась книга Кэрролла «Алиса в стране чудес». Академиком полагался один экземпляр. Поехали вдвоем, потому что у меня были хорошие отношения с продавщицами, я им обычно дарила то тортик, то конфеты. И мы надеялись получить два экземпляра. Один для Марины и один для Матвея и Ани. Две «Алисы» мы купили, но за время, пока в квартире никого не было, у нас провели негласный обыск и украли много разных документов, личных писем и около 50 страниц рукописи — начало Воспоминаний. Это была первая такая кража. **▮**

Марина показывала сделанные ею альбомы (иллюстр. к «Малышу и Карлсону» и что-то вроде хрестоматии — с записью анекдотов, кроссвордами и т. п.).

В 18 ч. 05 мин. событие.

Позвонил Александр Григорьевич (Зотов)²⁸⁵. Сказал, что Елена Георгиевна, вы можете получить визу. Люся сказала — сейчас слишком холодно²⁸⁶, я не могу выйти из дома. Можете получить завтра.

Приехали французы. Юра и Ксения — оба прекрасно говорят по-русски. Она жила в Америке, мать русская. Он физик, она экономист, прекрасные ребята, простые, непосредственные, очень сильно сочувствующие. Хеня и Yory RYSCHENKOW, 34 Ave. de Lanmiere, 75019 Paris.

29/XII. Получили визу без каких-либо трудностей. Пошлина 171 р.

К обеду были американцы. Лейбовиц (Joel Lebowitz) и James S. Longger, проф. в Принстоне. Я еще в среду дал им телефон ребят, хорошие простые люди. Не одобряют Лайнуса [Полинга], говорят, что он и в научной сфере «слегка эксцентричен». Говорили о бойкотах и т. п. Вечером был Юра.

[Разговор-записка]

[на кухне, был Мейман и Софья Васильевна]

[по поводу бойкота западных ученых после отправки в тяжелый лагерь Юрия Орлова]

²⁸⁵ Начальник Московского ОВИРа.

²⁸⁶ В декабре 1978 года в Москве стояли невероятные морозы, каких не было кажется более 100 лет.

Я согласен с Люсей по Вопросу бойкота. Он может быть только временной и очень важной демонстрацией, но нельзя рубить намертво контакты с Западом, которые нам — диссидентам — не менее важны, чем советской власти. И, конечно, мы не можем призывать к нарушению Хельсинкских договоренностей.

30/XII. Приезжал Арий [Мизякин]. Мороз 35°. Пытались завести машину. Но из-за мороза это не удалось.

31/XII. Новый год без елки, но повесили гирлянды. Угощение было очень хорошим — индейка, пироги, салат, гостей мало. Приехал Мейман на такси, был Юра. Люся раздавала подарки (мне — коробочка с запиской «Для тебя, моя душа, я подарка не нашла, но надеюсь в новом годе одевать тебя по моде». Я подарил весы (тоже со стишками).

ГОД 1979

*[Продолжение тетради № 2.
Записи 3 января — 30 марта]*

3/1. Мейман в ужасе от статьи Авторханова в Русской мысли. «Рой Медведев — клеветник и провокатор». Русская мысль не располагала материалами группы — как всегда, их зажали Люда [Алексеева], Валя [Турчин], занятые своими проблемами — наших дисс. за рубежом все время заносит не в ту сторону — в политиканство, групповщину. Поэтому Авт[орханов] приписывает Люсе слова, которых она не говорила на группе — что действия Роя всегда на пользу ГБ. Но она говорила их раньше неоднократно по разным поводам. Мейман хотел гневного письма в Русск. мысль с опровержением ссылки на группу. Но никто его не поддержал (право Авторханова, да и не ошибается он).

Пришло письмо от Люды [Алексеевой], где излагается финансовый проект Фонда (Люда, Кронид [Любарский], Валя [Турчин], П. Г., еще кто-то). Они хотят денег, а так как дают их только на помощь людям, а они хотят также на помощь движению (и его предст[авителям]!), то возникает ложная ситуация — фактического обмана. На встрече (Лавут, Таня В[еликанова], С. В., Люся в присутствии В. Ф. — хозяйки квартиры — и моем — к слову, я привез и увез Люсю на машине) идея такого Фонда

была осуждена. Мы и наше соучастие в нем должны быть в стороне!

15/1. Сегодня утром улетела в Париж Люся¹. Ее провожали Лиза и два Юры (Ших и Гастев) и я. Ощущение, что она уезжает и на целых 90 д[ней], какое-то нереальное. Последние дни прошли в страшной суете, за исключ[ением] неск. часов «после отбоя» пообщаться было некогда. Самолет взлетел в 10.30 по Моск. времени. В 18 позвонил Коля Милетич, сообщило Фр. пресс, что она приземлилась в Париже, ее встречал Максимов. Потом она звонила Циле, уже после разговора с детьми. Поздно. В понедельник будет у Фрезотти. Таня пыталась прозвониться нам, но безуспешно. Таня звонила в Ленинград, голос ее счастливый.

Я отвез пакет Принглу², но опять забыл два вызова пятидесятников³.

Звонил М. Е. [Марк Ефимович]⁴, с его женой разговаривала зам. декана Диминого инст., у него не сданы

¹ Из Парижа во Флоренцию я ехала поездом.

² Консульство США.

³ Пятидесятники приносили нам свои просроченные вызовы с просьбой передать в консульство для продления. Сами они не могли это сделать — их в консульство не пропускали.

⁴ По словам Андрея, Марк Ефимович (я его видела только однажды) то ли действительно врач-психиатр, хорошо относящийся к Диме, то ли приставлен от КГБ.

зачеты. Договорился с Любой, что она скажет Диме о встрече завтра в 9 веч. со мной и М. Е. у них.

16/1. Началась сессия ОЯФ, происходит в МГУ. Поехал к 10 часам, держал машину до 3-х, потом в редакцию (где Евг. Мих. [Лифшиц] сказал мне много теплых слов) и за заказом. Получил 450 р. денег, и по почте пришло 240 р. Люсиной пенсии. Но накануне отдал 40 р. Юре, а вечером 50 р. Любе и 30 р. Диме. Дима должен 235 р. Юра в ужасном возбуждении, ему кажется, что его выслеживают, хотят убить (диссиденты какой-то другой группы!), а его конкурент в науке 29 марта будет защищать диссертацию по украденным Селезневым его материалам, как получить прозрачный слой окиси меди (что само по себе интересно!).

Звонила Таня Сах[арова], она опять пошла по новому кругу, опять аутотренинг и т. п., вышла на работу, но, по-видимому, наговорила там такого, что ее отослали домой. Ужасно!

Вечером ездил на Щукинскую, Марк Ефимович был уже там, говорил с Димой. У Димы сдано 2 зачета (в декабре и 5/1), потом он увидел трудность своего положения, и у него опустились руки, а также проявилась его всегдашняя особенность стараться в данную минуту с данным собеседником быть героем — и поэтому скрывать свои неудачи, врать, увиливать от контакта. В результате он всегда в убытке в долгосрочном плане. Что это такое — я не знаю, но мне кажется, М. Е. рассм. это как симптом психоастении. Сейчас Дима не сдал 7 заче-

тов из тех 9, которые он был обязан сдать к 11 января (а 15-го началась сессия!). Ему надо сдать анатомию и неорг. химию — это два самых трудных зачета, а также латинск. язык, колл. химию, физику, историю КПСС, биологию — тут у него нет трудностей (по его словам), но он в какой-то апатии и ничего не делает. Не знаю, выйдет ли он из этой ситуации, хотя бы кое-как и отложив пару зачетов, или вылетит из Института. В общем, жаль его, но — сам виноват. Чем ему помочь — не знаю. Дима намекнул Марку, что Чайковский (преп. по анатомии) мечтает получить «дипломат» (это, кажется, такой чемоданчик). Марк одернул его, но, б. м., только для меня. В общем, как всегда хочет словчить, и его положение таково, что приходится закрывать на это глаза, но он злоупотребляет этим и развращается окончательно. Будет ли он когда-нибудь мужчиной или будет неврастеником-подонком?

На сессии ОЯФ было много интересного. Доклады Арбузова — Единая теория электромагн. и слабых взаимодей., торжество схемы Вейнберга—Салама.

Доклад Захарова — торжество Хромодинамики в обл. высоких энергий —

$$R = \frac{\sigma(e^- + e^+ \rightarrow \text{адр.})}{\sigma(e^- + e^+ \rightarrow \mu^+ \mu^-)} \rightarrow \sum Q_q^2 \left(1 + \frac{g^2(S)}{4\pi^2}\right)$$

$$[g^2(S)]^{-1} \sim -11 \ln \frac{\Lambda}{S} \quad (\text{возм. тут двойка? надо } 1/2)$$

а также и в промежуточной области, где можно польз. феноменологическими средними $\langle 0|q\bar{q}|0\rangle$ и $\langle 0|F\bar{F}|\gamma\rangle$, не ясна лишь область конфайнмента.

Доклад Ансельма — Нарушение CP в калибровочных теориях. В схеме Кобаяши и Маскава

$$\varepsilon \sim \sin \nu_2 \sin \nu_3 \sin \delta \left[\ln \frac{m_t^2}{m_c^2} - 1 \right]$$

необходимо потребовать $\delta = 0,02$, что Ансельм считает неестественным. Другая проблема — нарушение T и CP в сильных взаимодействиях. Ансельм за схему Вейнберга.

Пришла телеграмма от Никлуса⁵ — ему вернули машинки и прислали разрешение на въезд в Израиль [вызов].

17 /I. Пишу дневник, начинаю толстую тетрадь, не знаю, как пойдет. Лиза спит после ночной работы, пришла Вера Федоровна.

Разобрал письма, отобрал 2 пакета для С. В. (занимался этим до 2 ночи).

18 /I. Был Мейман, рассказал, как трудно приходится Григ. Гольдштейну.⁶ Писал в тетрадь. Вечером отдал Софье Вас. 2 пакета с письмами, как она просила еще

⁵ Никлус Март, ученый-орнитолог, эстонский диссидент.

⁶ Григорий Гольдштейн, член Грузинской Хельсинкской группы, в это время отбывал наказание в лагере общего режима.

месяц назад. У нее была Таня Великанова (отдал ей Р. Мысль), Костя Баб[ицкий] (он пел, играл на гитаре) и два врача (Леонард [Терновский] и Недоступ) с женами.

19/1. Утром, еще лежа в постели, сообразил, что в моей, уже отданной в печать работе, есть крупный недосмотр. Механизм Кобаяши—Маскава не может быть эффективным, если кварки экстрем-релятивистские. Я убит. Придется вносить исправления "при корректуре" и все равно будет хило. Вновь нужны тяжелые кварки, без которых, как мне казалось, я обошелся!

Пока я еще был в постели, пришли три американских студента из Колумбийского Университета. Они интересовались общеполитическими вопросами, и я, с грехом пополам, отвечал им сначала по-немецки, а большую часть — по-английски. Их кормила щедро Р. Г. (2 парней и девушку). Они записывали меня на магн. и потом подарили его мне, хотя я отказывался. Во время их визита пришел американец — Танин адвокат [Морис Раппопорт]. Он большой чудака, но, видимо, умный. Очень боялся говорить вслух. Мне почти ни о чем не удалось его расспросить, он принимал участие в общей беседе. Книги и икру для детей взяла америк. студентка, ей ближе. Адвокат привез посылку от детей (экстра-класса магнитофон с пояснениями Ремы и др. К сожалению, джинсы мне узки и не впору). Адвокат поедет в Вену и Флоренцию.

К 16 часам поехал в МГУ на сессию. Там были доклады Кузьмина, Игнатьева и др. с доказательством отсутствия барионного заряда в стационарном состоянии.

$$\langle B \rangle = \text{Sp}(\hat{\rho}\hat{B}) = \text{Sp}(\Theta\hat{\rho}\hat{B}\Theta^{-1}) = -\text{Sp}(\hat{\rho}\hat{B}) = 0$$

при μ (хим. потенциал)=0

и доклад Долгова, который считает, что в теориях сущ. типа (SU_5) эффект $\langle B \rangle$ чрезвычайно мал.

После докладов присутствовавший на сессии Я. Б. [Зельдович] отвел меня в сторону и предложил пройтись с ним по коридору. Он очень озабочен подъемом «русской партии», не тем, что она русофильская, а тем, что она юдофобская (речь в основном шла о математическом мире, где недавно даже подвергли «проработке» Колмогорова, который, будучи русским, не захотел примкнуть к русской партии). Зельдович хотел, чтобы я выступил либо в общем плане (я напомнил о своем ответе на «Письмо вождям»), либо конкретно на мат. отделении (я сказал, что это мне несподручно, я слишком далек от этого отделения).

Я поехал домой на метро, на станции «Парк культуры» дважды совершил круг с подъемом на лестницу, заболело сердце, мазался⁷, а дома меня ждала неприятность. К Р. Г. без меня приходил Юра [Сахаров], совершенно в безумном состоянии. Потом он пришел еще раз при

⁷ Андрей применял мазь с нитроглицерином, обычно это помогало.

мне. Через несколько минут убежал, я ловил его в лифте, но он ускользнул. Затем он пришел и остался на ночь. Он боится, что его и меня убьют, он непрерывно слышит голоса, верит, что обладает телепатическими способностями и т. п. Запрещает говорить вслух и даже писать на бумажке, говорит, что я его погубил.

Звонил Диме и Любе, Дима все еще не сдал ни одного зачета, в понедельник пойдет к проректору. Я никак не дозвонюсь Серафиме Соломоновне⁸ насчет Тани. Ее состояние меня очень беспокоит.

В общем, у меня всю эту неделю четыре больших требующих действий заботы — Дима, Юра, Таня, моя работа.

Сегодня день рождения Сережи⁹ (Машиного), но я не смог поехать. Может, поеду 25-го.

Все еще не могу связаться с Александровым о прописке.

По радио сообщили, что коммунисты во Флоренции организуют начинающийся сегодня семинар (в «Литературке» тоже писали о нем, но упоминали только Кракси). Передавали, что приедут известные диссиденты: Плющ, Амальрик, Жорес Медведев, Синявский. Куда угодил Люся? Действительно, было бы лучше уехать ей на 10 дней поздней, хотя ее аргументы были несостоя-

⁸ Серафима Соломоновна (фамилию не знаю), свекровь Тани Сахаровой.

⁹ Младший сын двоюродной сестры Андрея М. И. Сахаровой.

тельными. Но в Париже она заявила, что приехала только для лечения.

▮ *Мое письмо из Флоренции. «... Сегодня вечером еду в Сиену. Очень сержусь, что десять дней отпущенного срока пропали, но что поделаешь, если у Фреззотти был какой-то конгресс. Я — старая ведьма, как в воду смотрела, что мне надо попозже выезжать. Да еще во Флоренции это самое мероприятие,* которым столько грозил Кольци,** а я их всех (и наших, и местных) видеть не хочу, хотя местным очень много обязана в этой поездке...»*

**Конгресс в защиту прав человека, организованный мэрией Флоренции (коммунистическо-социалистической).*

***Кольци — зам мэра Флоренции. Коммунист. ▮*
20 /1. Ромашевский Збигнев¹⁰, тел. 22-29-25 Варшава.

Тел. Яцек Куронь¹¹ 39-39-64, там всегда кто-то должен быть.

Ром[ашевский] сначала зашел, когда дома была одна Р. Г., потом пришел в 10 ч. вечера. Он член Комитета Защиты рабочих. После событий в Рандоме¹² ездил после работы туда, ходил по домам рабочих, собирал сведения о событиях. Диссиденты, подобные ему, встречались рабочи-

¹⁰ Ромашевский Збигнев, польский диссидент, позже сенатор.

¹¹ Яцек Куронь, польский диссидент и политик.

¹² Правильно — Радом.

ми восторженно. «Наконец-то мы им (т. е. властям) покажем». Рабочие были очень близки к взрыву, к терр. актам. В Гдыне погибло более 400 человек, в Рандоме неск. десятков. Очень многие были до смерти избиты милицией. Расследование одного из таких убийств милицией кончилось трагически для двух лиц. Проститутка, которая видела, как милиция избивала рабочего, и рассказала (написала?) об этом жене погибшего, была обвинена вместе с одним мужчиной в убийстве этого погибшего (срок 4 года), лжесвидетель на следствии после разговора с членом Комитета на суде отказался от всех своих показаний, это не изменило приговора, но сам он через 2 недели погиб при таинственных обстоятельствах. В Польше очень много таинственных убийств, и Ром. интересовался, что происходит у нас. Я мало мог ему сказать. Но я забежал в конец разговора, происходивший за чашкой чая.

До чая. Збигнев Ром[ашевский] хотел бы иметь (от меня и др. дисс.) интервью или статью об СССР для «Критики», в идеале — целый номер, посвященный СССР. «Критика» издается офсетным способом, так же, как другие журналы и книги польского Самиздата. Ее тираж 1500 экз. За год Комитет собрал внутри страны для помощи рабочим 3,5 млн. злотых (около 150 тыс. рублей). Отличие Польши от СССР (бóльшие возможности для оппозиции), по его мнению, связано с трудностями польской экономики; в условиях вызванной этим борьбы в верхушке никто не в силах связываться с диссидентами, опасаясь, что противоположная группа воспользуется любы-

ми неудачами. Я не уверен в его правоте, тем более, что в СССР тоже есть экономические трудности, неэффективность руководства (не меньше, чем в Польше). Он говорит, что польский рабочий класс развращен, индивидуалистичен — не меньше, чем в СССР. Тут он, возможно, прав. Сам Збигнев — физик, специалист по физике твердого тела. Работал в ФИАНе у Вер...(?) [фамилия неразборчиво] в 60-х годах, до 1964 года. Я позвонил Тане Вел[икановой], чтобы она пришла завтра в 11 встретиться со Збигневом, но не дозвонился.

Юра опять у нас. Он пишет мне, что я его погубил своими громкими разговорами с ним, что сегодня его убьют, хочет ночевать на кресле рядом со мной. Я должен соглашаться работать над нейтр[онной] бомбой, позвонить немедленно об этом кому-то. Вчера ночью Юра не давал мне спать до 5 утра.

Сегодня ездили с Арием¹³ на ст. техобслуживания и на дачу. Я допустил один раз опасный занос машины. ТО-2 [техосмотр] машина прошла! (стоит 33 р.). В покрышке запасного колеса обнаружили ввинченный шуруп. 21 / I. Ночью Юра спал или бодрствовал рядом со мной на кресле. Много ходил по дому, тушил и зажигал свет, не давал спать Р. Г. и мне. Он в ужасе от своих «голосов». Умолял меня молчать.

¹³ Мизякин Арий, друг Ефрема, помогал Андрею с машиной.

Утром позвонил Миша [Либерман] и сказал, что Таня в ужасном состоянии (он говорил с Руфь Григ.). Я поехал туда¹⁴. (Таня [Великанова] и Саша [Лавут] говорили со Збигневом без меня, они от нас поехали разговаривать в какое-то другое место).

Еще на лестнице я услышал крики в Таниной квартире. Таня кричала Сер. Соломоновне — убийца, эта сволочь убивает животных ради липовых диссертаций. Она шизофреничка, и раз она убийца, она никогда не выздоровеет. Таня при мне сильно ударила Сер. Соломоновну по лицу. Меня очень обрадованно встретила Марина. Таня обняла меня, сказала — ты добрый человек, у тебя нет поля. Потом ее ярость — в основном против Миши и Сер. Соломоновны — обратилась против меня (к счастью, пока я сидел на кухне с Таней, Сер. Соломоновна увела Марину). Таня набросилась на меня, разбила мне губу, стала бросать разные предметы в меня и на пол, разбила очень много посуды — весь пол был в обломках. Таня также ушибла мне ногу. Миша дал мне телефоны кабинета деж. психиатра. Я позвонил туда, вызвал скорую, назвав себя. Потом мы с Таней пошли за лекарством (валерианкой), все свои лекарства она выбросила. Аптека была закрыта, но мы погуляли, Таня была очень мила и разговорчива. Ругала ругательски Мишу.

¹⁴ Поехал к Тане Сахаровой, так что основной деловой разговор с польскими коллегами был без Андрея.

Когда мы пришли, я спросил Таню, надо ли снять ботинки. Она сказала — нет, это только эта сволочь (Миша) накричала на меня, когда умерла мама, и я прошла в дом в грязных ботинках. Таня налила себе чай, потом ушла в другую комнату, включила западную музыку и стала там делать какие-то ритмические движения или танцевать, кажется, полураздетая. Меня она туда не пустила, сказала, чтобы я слушал музыку через дверь. Так продолжалось часа 1,5.

Потом приехала скорая (женщина-врач и два санитаря). Таня сказала: «Ну, незваные гости, проходите на кухню». Я говорю: «Не незваные, я вызвал доктора, потому что ты мне говорила, что погибаешь и тебя надо спасать». Таня: «Ты — предатель, ты погубил маму своим непониманием, всю ее жизнь. Я лучше знаю, чем все эти недоучки профессора, что мне делать. Садитесь, пусть каждый говорит по очереди, а потом скажу я». Доктор прошла со мной в другую комнату и стала оформлять госпитализацию в б-у Кащенко, а Таня стала поить санитаров чаем и угощать конфетами, присланными Р. Г. для Марины. Кое-как удалось уговорить Таню поехать в больницу. Таня взяла с собой в больницу пудру, заявив — я женщина, а не тряпка!

Когда Таня уехала, Миша сказал, что хочет обсудить со мной, что делать с Мариной. Ее, по его мнению, надо изолировать от Тани. Таня довела Марину до невроза, не дает ей учиться. Я сказал, что сейчас не время обсуждать этот вопрос, в будущем надо найти какое-то ком-

промиссное решение. (На самом деле я хотел выгадать время, я не знаю, что делать).

После обеда я прилег отдохнуть, а пока я спал, Юра ушел из дома. Хотя его присутствие очень тяжело, я очень волнуюсь за него.

Пришла телеграмма — ответ на телеграмму (послана Исаем [Гольдштейном]) нач[альнику] лагеря, где Гриша Гольд[штейн] — «Зачитана капитану Сидоренко, доставки п/я нет».

Приходил Юра Белов¹⁵, он живет в Рославле, там очень плохо, многочасовые очереди за хлебом, он простудился, ему не дали бюлл[етень] и уволили за прогул. Он пришел прощаться, собирается уехать (вызова из Израиля нет, а из Швеции [неразб.] недействительный). 22/1. Звонил Смулевич¹⁶, просил приехать завтра полвторого. Других изв[естий] нет.

Звонила Люся Циле. Проф. Фр[еззотти] нашел, что глаза лучше, чем она опасалась, в четверг она ложится, неизвестно, нужна ли операция. Такой способ связи очень неэффективен, но другого нет.

Звонил Нат. Леонидовне, но Александров будет лишь через неделю.

Звонил в Фр[унзенский] психдиспансер, рассказал о Юре, просил не говорить ему о моем звонке.

¹⁵ Белов Юрий позже выехал из СССР по израильскому вызову.

¹⁶ Врач-психиатр Тани Сахаровой.

Позвонил Юра, он был у Разлейцева¹⁷, туда же заходила Фира Львовна (главн. врач). Ему сделали укол и велели приходить завтра в дневной стационар к 9 ч. утра (!).

Был в гостях Веня [Якобашвили]. Он сломал ребро. Сидел несколько часов, слушал пленку с записью детей, потом за ним приехали зять с Мариной [дочь Вени].

Был Баранов с женой (вполне ему пара, въедливая, малосимпатичная). Он принес два документа, подписанные — Правозащитное движение СССР, 5 янв. 1979 г. Один документ адресован мне, просьба согласиться выдвинуть мою кандидатуру в Верх. Сов. СССР. Другой — в Центр. Изб. Комиссию с просьбой зарегистрировать мою кандид[атуру], выдвинутую правозащитным движением. Я отказался участвовать в этом предприятии. Я сказал, что не занимаюсь политикой вообще, а пытаюсь стать депутатом — это политика. Это несерьезная политика — неизвестно, на каком собрании и кто меня выдвигал. (Барановы утверждали, что какие-то люди из провинции, Юра Гримм и еще кто-то, вероятно, он сам и его жена). Я сказал, что все это пустая игра, которая, однако, кому-либо может стоить психушки. Баранов говорил, что надо дать людям возможность осуществить их конституционное право. Я сказал, что данная затея к этому не имеет отношения.

¹⁷ Врач психдиспансера.

Звонила [бывшая] секретарша [Анолотия] Кузнецова¹⁸ (уже полпервого ночи). Жаловалась на обыск, статью в газете, на арест сегодня приехавших к ней иностранцев. Просила защиты. Я сказал, что иностранцев (они из какого-то общества «Сердце Кришны», куда она собирается вступать), наверно, скоро выпустят, и они ее смогут «защищать», а я ничем не могу ей помочь.

23 / I. Был у Смулевича, он упрекал, что так поздно сообщили ему о Тане. (Я после звонка Тани хотел получить подтверждение у Сер[афимы] Соломоновны, не желая звонить Тане. Сер. Соломоновна живет у своего мужа, чего я не знал). Лишь в пятницу мне позвонил Миша вечером. А среда и четверг были мной упущены. Таня в возбужденном состоянии. Ей сделали укол. Она в «неспокойном» отделении.

В ФИАНе пытался узнать, можно ли внести корр. в статью, но не было секретарши (Светы, тел. 2-03).

Научные сообщения — Фролова о спинорных «волосах» и особенно Васильева — о конформной инвариантности О.Т.О. [Общая Теория Относительности] (рассуждение основано на замене: $L^E(g_{ik}) \rightarrow Lc(g_{ik}\Phi^2)$) — были интересными. Рената [Каллош]¹⁹ так негодовала, что

¹⁸ Писатель-невозвращенец, одно время был популярен, много печатался в журнале «Юность».

¹⁹ Каллош Рената — д-р, физик, сотрудник теоротдела ФИАНА. В настоящее время работает в Стенфорде.

Е. Л. [Фейнберг] потом выражал опасение, как бы у нее не пропало молоко.

Я имел подробный разговор с Е. Л. о Диме, об его поведении: уклончивости, вранье ради минутного впечатления, неумении работать и жертвовать какими-либо удовольствиями, встречами ради абсолютно необходимых дел, неработоспособности, точнее неспособности к любым волевым усилиям. Я сказал, что во время госпитализации 2 года назад был поставлен диагноз психоастения. Я не уверен в его правильности в обе стороны. Я вижу трудности дифференцировки от неправильностей воспитания, среды, соблазнов «легкой жизни», моральных изъянов личности. Евгений Львович сказал, что он понимает все эти трудности, но умный психиатр при не очень длительном общении (но и не в один день) может все это учесть. Реальная опасность заключается в том, чтобы лишить больного медикаментозной и социальной помощи, которая могла бы его спасти, но также и в том, чтобы не дать здоровому балбесу изображать из себя больного. Он советовал связаться с доктором Гальпериной.

Юра сегодня был в дневном стационаре. Звонил сначала Р. Г., потом мне (каждому 2 раза). Не знаю, надолго ли его хватит туда ходить, уговаривали его выполнять требования режима, заниматься «рукоделием» и т. п. — ради его отдыха.

Разговаривал с Любой, рассказал ей о визите к Смуглевичу, о Диминых делах она ничего не знает — ходил ли он к проректору и т. п.

Вечером у нас были — Вера Федоровна и Гнедин Евг. Александрович. Он спрашивал, может ли он дать [Стивену] Козну — приезжающему в СССР — мой отзыв. Я, конечно, ответил да. Гнедин подписал Обращение²⁰.

24 /I. В 12 были две корреспондентки, брали у меня «неполитическое» интервью — о жизни, трудностях и т. п. Не уверен, не получилось бы глупостей. Это были:

Ebba Sävborg (News of Sweden).

Nikki Finke (Ass. Press).

Во время их визита позвонила татарка. И я говорил о татарских делах. Татарка: Акосманова Зулиха, 1940; сын — Юнусов Решат, 1963. Муж — Юнусов Ебазар, 1933, арестован. Их вывезли в степь и бросили полуодетыми 29/XII-78. Приехали в октябре, купили за 8000 дом, муж электросварщик и шофер, жена лаборантка, хотели работать в колхозе на любой работе.

Без денег и теплой одежды она с сыном приехала ко мне. Она и муж — сироты, муж — детдомовец. В Узбекистане ей и сестрам в детстве помог врач Ильин (русск.), он спас их, купив им телку, и т. п. Сейчас он уже умер.

Сейчас у них отобрали все, даже корову.

| *Это очень типичная для крымских татар история. Акосманова и Юнусов детьми во время на-*

²⁰ Обращение — документ Моск. Хельс. группы № 69, открытый для подписей.

сильственной депортации крымских татар были вывезены из Крыма в Казахстан. Там они выросли, поженились, работали. В октябре переехали в Крым. Купили дом. А в декабре их оттуда силой выкинули. Дом разграбили. Никаких законных оснований для этого не было. Единственная причина — они татары. ■

Пришел Коля Милетич²¹, он потом еще раз пришел, записал рассказ Акосмановой. Коля взял мою статью «Права ...»²², чтобы написать о ней корреспонденцию. Другой экз. я дал (временно) Гнедину.

Я ездил за книгами, потом в ФИАН, оставил Свете (секретарше) поправки к английскому тексту (мой ужасный перевод!), она до сих пор не отослала в Главлит и оправдывалась в этом.

Потом поехал в б-у Кащенко. Подождав полчаса, передал Тане передачку (два яблока, три апельсина, немного печенья, два пирожка, я боялся посылать гору). Вышла санитарка, сказала, что Таня очень меня благодарит, тронута, но ответить на мою записку не может, ей трудно писать. Жалко ее ужасно.

Вечером я купался, читал купленные книги.

²¹ Милетич Николай, французский корреспондент, очень помогал в проблеме диссидентской гласности.

²² Статья «Движение за права человека в СССР и Восточной Европе: цели, значение, трудности».

25 /1. Утром звонил Марк Ефим[ович]. Дима все еще не сходил к проректору. Разговаривал с Димой. Он в унынии. Но все же обещает к проректору сходить.

Были (в разное время) Нат. Хасина и Наум Натанович [Мейман]. Глузману после ½ года в ПКТ 35 лагеря (15 июня — 15 декабря) не дали свидания с отцом. 25 дек. перевели в 37 лагерь и там (по-видимому) опять посадили в ПКТ до конца срока (минимум свиданий, посылок, ограничили переписку и т. п.).

Звонил Иванову²³ — о Глузмানে, о Тихом, об Акосмановой. Обещал выяснить.

Обыск у Р. Б. Лерт (4 часа, она была одна с двусторонним восп. легких). Забрали 4 мешка документов, машинку, рюкзак Мальвы [Ланда] с документами. Книги Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама — тамиздат. Я позвонил коррам (Фр. пресс, ЮПИ, Рейтер). Потом выяснилось, что обыски были также у Гримма, Абрамкина, Сорокиных, Сокирко (последнего возили на допрос в прокуратуру). В целом удар по «Поискам»²⁴. Коррам должна была об этом рассказать Татьяна Мих. [Великанова].

Был в Матвеевской (из гостей были Леля [Сахарова Елизавета Сергеевна] и сыновья Виталия [Рекубратско-

²³ Альберт Иванович Иванов — зав. административным отделом ЦК КПСС.

²⁴ «Поиски» — толстый самиздатский журнал. Все перечисленные входили в его редколлегия.

го], и Федя [?]). Меня очень огорчило, как плохо говорит Сережа [Рекубратский] — только ударные слоги. Сережа не отходил от меня, был трогательно ласков.

Ночью Алеша говорил с Лизой (на ее работе). Звонила Цилия²⁵. Люся ложится в воскресенье. Жалеет меня с моими больными.

26 / I. Занятия с Линой [преподавательница английского языка] (сначала я, потом Лиза).

О Диме нет сведений. Только к вечеру позвонила Люба, думает, что он не ходил к проректору.

ГАИ в субботу не проводит техосмотра (узнал по телефону). Леня и Инна [Литинские] пригласили нас с Лизой на фильм Уэллса «Гражданин Кейн», потом были у нас в гостях. (Кейн — судьба человека, который хотел всем навязать свое понимание вещей).

Звонил Юле²⁶. Подошел Антон. Она пошла за визой, срок до 6 февраля! (наверно, продлят). О том, что будет разрешение, они узнали накануне. Это большое событие. Р. Г. в срочном порядке вышивает платье Тане [Янкевич].

Я попросил Инну [Каганову], если она знает, с кем проконсультировать Сережу [Рекубратского].

²⁵ Домой из Италии в этот раз я почти никогда не могла дозвониться, но иногда удавалось поговорить с Ленинградом, иногда дозванивалась до Цили и Мани.

²⁶ Закс Юлия (сестра А. Твердохлебова) с сыновьями и ее родители эмигрировали в США.

Юрин ВТЭК отложен до 9 февраля по его просьбе — он не хочет брать справки об инвалидности с 1972 года.

У Маши [Литинской] неск. дней опять температура (небольш. типа 37,3).

В кино разговаривали с Андреем [Малишевским]. Он сказал, что Надя [Лумельская] 27/1 ждет ребенка. На мой вопрос о детях [Тане, Алеше] он сказал, что он слышал, что Алеша звонил Оле. Я постарался (Лиза стояла рядом) замять эту скользкую тему.

27/1. Звонил Вадим, рабочий-монтажник (высотник). Интересуется моими работами, спрашивает, есть ли такой клуб, где можно войти в наши взгляды. Я сказал, что такой избы-читальни у нас не имеется и что я лично не занимаюсь распространением своих работ. Он жаловался, что он и его друзья ночами сидят у радиоприемников, чтобы узнать о Сахарове и его друзьях хоть что-нибудь. Он очень хотел бы со мной встретиться. Я сказал, что это невозможно. Я старый и больной, но это не главное. Я не занимаюсь политикой и пропагандой. СССР — не Польша, создание связи с рабочим движением обойдется кому-нибудь очень дорого, и бесполезно, моя линия поведения — только информация. Только выступления за права человека — гражданские и политические, социальные, в основном, остаются вне поля зрения. Вадим говорил, что вряд ли правильно отказываться от политики пропаганды, связи с друзьями, наши руководители глухи, и так десятилетия положение будет только ухудшаться. Я повторил, что отказ от политики — моя принципиальная политика.

Звонил Федоров²⁷, его обыскали при выходе от Егидеса, который якобы очень сочувствует его теоретическим и философским идеям (метадиалектики и т. п.). Ранее Федоров писал, что он разошелся по теоретическим вопросам со своим другом Ледбергом [?] (копия письма последнего). У Федорова из камеры хранения забрали его главную рукопись (после посещения Егидеса).

Я послал телеграмму Эдику²⁸.

Пришла телеграмма: Интересующий вас [Григорий] Гольдштейн жив и здоров = Зам. нач. учреждения Карзов.

Полдня писал в черную тетрадь²⁹.

Звонила Лидия Корнеевна.

Звонили из ЮПИ. По поводу заявления Польского Комитета о поездке Зб. Ромашевского с целью установления связи с советскими инакомыслящими. Я сказал о своем отношении к польским друзьям и их борьбе, о том, что Зб. Ромашевский действительно был у меня в гостях, что, видимо, лично мы друг другу понравились, что мы смогли поговорить и о наших взглядах. Что положение в Польше во многом похоже на наше, но есть и отличия.

²⁷ Федоров, неофициальный писатель (графоман?), часто приходил к нам с различными жалобами.

²⁸ У меня на стене висел список заключенных с указанием их дней рождения. Я всегда посылала поздравления, а в мое отсутствие это делал Андрей. У Э. Кузнецова день рождения 29 января.

²⁹ Вариант начальных глав «Воспоминаний».

Голос Америки (Зора [Сафир]) передал, что Дом Свободы получил из СССР и передал для всех заинтересованных текст Обращения 8 дек. Зора зачитала почти полностью текст обращения, подписи членов Хельс. группы и присоед. лиц 1-го дня.

DW [«Немецкая Волна»] передало, что Польский Комитет заявил об установлении контактов с инакомыслящими в СССР. Член Комитета Зб. Ромашевский посетил Сахарова и «его сотрудников» (накладка!).

Голос также передал об обыске у 6 сотрудников «Поисков», не назвав их.

28 / I. Позвонила Т. Осипова, сказала, что завтра в Ташкенте в Облсуде возобновляется суд над Шелковым и 4-мя другими адвентистами (подельники Шелкова — Лепшин (зять), Спалинь (судья «шутил»: сразу видно, что что-то спалил), Маслов, Софья Фурлет). Суд начался 15 янв. и был отложен по просьбе Шелкова. Я сказал, что для меня не ясен вопрос, поеду ли я вообще. Сегодня не поеду во всяком случае, суд может быть отложен еще раз. Я передал Бекхеррну³⁰, ЮПИ, Рейтер.

Я не пошел к Марине [внучке], сославшись на насморк, чихание и кашель (что преувеличено).

Я писал в черную папку, пытался переводить из «The Science».

Пришла (в 19.30) Юла, дал ей телефоны, правда, она их забыла в растерянных чувствах. Она рассказала, что

³⁰ Немецкий корреспондент.

родным Степана Затикяна³¹ сказали 26/1, что состоялся суд и он приговорен к смертной казни. Вместе с ним, кажется, судили Степаняна и еще кого-то. Обвинение — террористическая деятельность, якобы у Курского вокзала нашли склад оружия, и, в частности, причастность к взрыву в московском метро в янв. 1977 г.³² Точно известно, что Затикян не был в Москве в это время (есть свидетели). По этому делу допрашивали Шагена Арутюняна. Сведения от Елены Сиротенко. Родные Затикяна боятся с ней общаться, возможно, что мы больше ничего не будем знать. Затикян С., 1946 г. рождения, двое детей, жена — сестра Айрикияна. Арестован в 1967 г., будучи на 5 курсе. Осужден на 5 лет (ст. 70) (надо в 1968 на 4)³³. Я пытался звонить коррам, но по причине позднего времени неудачно. Позвоню завтра. По просьбе Раи К[опелевой-Орловой] я съездил к ним на метро. Лева в постели, Рая передала ксерокопии заседаний в Женеве по правам человека, книгу АН СССР со статьей Аргуни (терминология!) и «О стране и мире» — еще один экземпляр.

³¹ Спустя год после взрыва в московском метро стало известно, что по этому делу обвиняются трое армян — Степан Затикян, Степанян и Багдасарян. До этого мы не знали ни об аресте(?), ни о ходе следствия, ни о суде. Все происходило в обстановке абсолютной секретности.

³² См. Дневник 1977 г. 8 января — взрыв в вагоне московского метро.

³³ Исправление — год осуждения и срок — внесено, видимо, позже.

Звонила около 6 часов Циля. Известия: что «ей» сейчас не нужна операция. Что «она» сегодня ложится в больницу. В совокупности эти два сообщения образуют нечто вроде пароля. Еще — «что Венеция хороший город». «Она» спрашивала, как Гриша, и Циля не сразу поняла, о ком речь. 29/1. Юра опять в страшном возбуждении. Около 1,5 часов писал мне на «Magic slate», что я должен серьезно отнестись к телепатическим голосам и спасти его от той жестокой мучительной казни, которая ему угрожает от рук КГБ или диссидентов. Приговор уже вынесен, я, как брат, не имею права медлить. Ни одного слова вслух, это погубит нас обоих немедленно.

Димы нет дома уже 2 дня.

С утра и до вечера я непрерывно говорил с коррами по телефону о деле Затикяна. Приходил Кевин [Клоуз]. От своего «стукача» (он его не называл) он получил сведения, что был под Москвой выездной процесс Верх. суда СССР над группой армян и евреев, обвиняемых в терроре. Начало проц. 15 янв., а 28/1 ожидалось официальное заявление.

Был Саша Л[авуг], принес конверт с письмом Алеши всем нам — я дал его Р. Г. и Лизе, рассч., что Р. Г. не будет читать Лизину часть, но напрасно (она на тех же листках). Письмо Ремы нам (в осн. мне) и кусочек о порядке дня. Письмо от 26/Х — а Алеша говорит, что пойдет быстро. И где письмо от Тани?

Только что звонила итальянка, ломаным языком спрашивала о Затикяне. Разъединили.

Вечером писал черновики двух писем Брежневу. Сейчас уже 2.30 (как все эти дни с отъезда Люси я не укладываюсь быстрее из-за массы дел, голова разламывается). Сейчас однако буду укладываться. Утром вставать трудно!

■ Меня не оставляет мысль, что разрешение мне на поездку не случайно почти совпало с этим судом. Аналитики из КГБ прекрасно понимали, какими внутренне трудными для Андрея будут переживания, связанные с этим делом, и решили в надежде на какие-либо тактические ошибки Андрея, что отсутствие меня как амортизатора будет им полезно. ■

Я думаю, что Люсинька уже ТАМ³⁴. И это — грандиозно, волнует мысль о ее встрече, как бы тоже и моей, с детьми. Целую ее и их мысленно. А Р. Г. не догадывается, и я чувствую себя обманщиком.

■ Мы с Андреем решили, что я из Италии слепаю к детям в США, но даже маме об этом не говорили. Я, действительно, полетела туда, но несколько позже, после пребывания в больнице. Мне американцы сделали визу на отдельной бумаге. И в США я, кроме семьи и самых ближайших друзей, ни с кем не общалась. По телефону ни с кем (даже с Андреем) не говорила, писем не писала. А КГБ явно следил за моими действиями. Но они молчали так же, как и я. Я из желания

³⁴ Слово ТАМ означало — в Ньютоне у детей.

спокойно побыть с детьми. Они, видимо, в надежде, что я стану невозвращенкой. █

30/1. Ночь. 3 часа (фактически уже 31 число). Час назад позвонил Кевин, сказал, что Затикиан, Степанян, Багдасарян уже расстреляны. Ужасно. Я сказал, что

В Верховном суде Союза ССР

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела в открытом заседании уголовное дело по обвинению особо опасного рецидивиста Затикиана С. С. и двух его сообщников в совершении в январе 1977 года в вагоне Московского метрополитена взрыва, повлекшего за собой человеческие жертвы. В ходе судебного разбирательства вина подсудимых полностью доказана показаниями свидетелей, заключениями экспертов и другими материалами дела. Затикиан и его сообщники приговорены к исключительной мере наказания — смертной казни. Приговор приведен в исполнение.

считаю обвинение сфальсифицированным и в знак протеста объявляю голодовку на 1 сутки. Он пытался меня отговорить не делать этого, ведь мы ничего не знаем.

Сообщение ТАСС: «Верховный Суд СССР — Комиссия по особо важным делам в открытом судебном заседании рассмотрела дело С. С. Затикиана, Степаняна, Багдасаряна (Затикиан — особо опасный рецидивист)». Сроки, когда был суд (Дата), не указаны. «Показаниями свидетелей (нет фамилий) и экспертов установлена вина подсудимых в совершении взрыва в Моск. метро в янв. 1977 г., повлекшем за собой человеческие жертвы. Затикиан, Багдасарян, Степанян приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение». (Конец цитаты).

До этого я окончил печатать на машинке письма Брежневу — о Затикиане, Багдасаряне, Степаняне и о крымских татарах.

Завтра с утра отвезу оба в экспедицию (первое письмо с припиской).

завтра, 24.
24.

● ТЕЛЕФОНЫ:

Искренне
21 января 79г.

Был в ФИАНе. Е. Л. говорил со мной о выборах в АН (два член-коррских места + одно для объектовских). Е. Л. хочет И. Шапиро, Никольского + Павловского (а не Романова). Я с ним согласился, подчеркнув, что за Никольского буду голосовать «по доверию».

Интересное сообщение по литературе о «цветопроводности» в ядре. Туманно, но интересно. Якобы также обнаружены на ниобиевых сверхпроводящих шариках электрические заряды $\pm 1/3$. Поживем — увидим. Скорей, какая-то ошибка. Или (0,1%) великое открытие.

Вечером у нас были Маша [Подъяпольская], Вера Федор., Таня Осипова и Ваня [Ковалев] — переписали листы Обр[ращения], точней, подписи.

После ФИАНа заезжал в Новогиреево по просьбе бухгалтера, он 1 час 20 мин. занимался пересчетами, т. к. я заплатил за ноябрь и декабрь по образцу сентября, а надо было по октябрю (я сделал, как мне сказала Люся). Приехал домой в 9-ом часу.

А может, дело с расстрелом — блеф? Вряд ли. Скорей всего, они не хотят повторения истории с Эдиком и Дымшицем³⁵, поэтому так поторопились. Я практически убеж-

³⁵ В ленинградском деле «самолетчиков» было два смертных приговора — Дымшицу и Кузнецову. Но гласность и очень сильный протест на Западе повлияли на решение кассационного суда, и высшая мера была заменена на максимальный тогда срок заключения — 15 лет. Подробнее см. «До Дневников».

ден, что дело сфальсифицировано. 100%, конечно, в моем убежд[ении] нет.

Звонил Дима. Не хочет говорить, как его дела, по телефону. Завтра зайдет в 7 часов. Уверен, что плохо.

У Лерт³⁶ и других изъяли весь тираж 5-го номера «Поисков».

Днем звонила некая Ромодановская, сказала, что ее преследуют в лице детей, т. к. она борется за приоритет в изобретениях. Сын — в Барашеве, работает врачом³⁷, кончает свой срок, сделал много для п/з, в том числе для Кузнецова, она видела нас в Потье в прошлом году. Сына обвинили в торговле наркотиками. Он нейрохирург. Дочь сейчас тоже хотят обвинить в угол. преступлении. Я попросил ее написать на ФИАН, я не понял, что она хочет, кроме встречи со мной.

31/1. Сообщил с утра в неск. агентств об объявленной мною голодовке — радио не передало. Это зря!

В 11 часов поехал сдавать письма. Днем и ночью перепечатал их еще — итог: о Затикяне — 2 закладки, а о татарах — 3 закладки!

Был у Тани. Купил ей кое-какую передачку, для этого вылез на углу Обуха, но она почти ничего не взяла (хотя за сигареты была очень благодарна и поела при мне апельсины — не зная, что я держу голодовку, я ей не стал

³⁶ Лерт Раиса Борисовна, редактор самиздатского журнала «Поиски».

³⁷ В поселке Барашево находится больница Дубровлага.

об этом говорить). Она пишет, что все осознала, что ей очень горько и что она практически здорова с переходом в депрессию. Мое впечатление соответствует этим ее словам. Спокойная, грустная, ни о ком не говорит со злобой, к моему приходу относится с большой радостью, говорит, что очень скучает о Маринке.

Вечером приезжали Мейман, Мальва (с обоими были разговоры о приговоре и о завтрашней пресс-конференции).

Был Дима. Говорил, что к нему явно переменялось отношение (чье?), что теперь он только слегка оступился, и сразу его жестоко наказывают. У него декан забрал зачетку (обманом?) — дней 10 тому назад, и он ничего не может делать. К проректору он считал в такой ситуации итти бесполезно, готов пойти со мной, чтобы я убедился в правоте его слов. Договорились, что он зайдет в пятницу к 2, и мы сразу поедем в институт.

Дима сказал — весной я поставил его перед жестокой дилеммой — институт или армия. Сейчас — когда в октябре кончится срок отсрочки, которую дают на год, он будет призван в армию, где бы он ни учился или работал. Я не уверен, что он точно описывает ситуацию, но кто его знает. Дима то и дело отвлекается в сторону, это выглядит как какое-то бегство от жестокой реальности. Он вновь говорит, что здесь ему ничего не светит, кроме армии, что ему необходимо за границу. Я сказал, что я — против, что, если когда-нибудь (что маловероятно) поеду я, то возьму его с собой, но одного его не считаю воз-

можным пустить — он такой неустойчивый, что делать ему там одному нечего. Дима говорит, что, если он не уедет, он неминуемо окажется в армии, т. е. — как большинство сейчас — на советско-китайской границе, и что я своим несогласием ставлю его в очень трудное положение, что он женится в 2—3 дня — буду ли я в этом случае иметь к нему финансовые претензии. Я сказал, что подумаю, что против его отъезда.

Сейчас, если вылетит из Инст., должен идти в техникум или работать, а отсрочку ему или продлят, или не продлят, и это ни от чего не зависит. Дима говорил, что покатился по наклонной плоскости в 1964³⁸ году, когда мы его не отдали в школу и он почувствовал слабость, что все свои последующие годы он не имел никакой опеки над собой, по существу ему очень нужны были в школьные годы репетиторы с первых классов, чтобы направить его, а у него их никогда не было. И вообще он с первых школьных лет и до конца был предоставлен самому себе, был очень одинок, что закаляют физические и умственные трудности, а у него были только психологические, которые не закаляют, а разрушают. Что он не винит своих родителей, понимая, как трудна была их жизнь, но что поэтому он такой. В общем, ему нужен шанс — в виде визы. Он не уверен, что получится лучше, чем с Институтом, он в том, что произошло, не полностью виноват. Но без визы

³⁸ Диме исполнилось 7 лет в августе 1963, и он должен был идти в школу, но отдали его на год позже — в 1964 г.

никакого шанса нет. Еще в середине разговора я дал ему 30 р. (таким образом, его долг теперь 265 р.).

Минут 20 со мной говорил некто (фамилия вылетела из головы, явный гебист). (Вспомнил — Несиферов). Упрекал за выступл. в защиту Айриkyяна (?) и особенно многословно по поводу взрыва. Говорил, есть ли у вас внуки (тут я его назвал бандитом и повесил трубку), позвонил еще раз. Якобы был в суде, назвался инженером одного из Инст. АН СССР. Начало суда назвал 16 янв., что сходится с другими сведениями. Все для него не имеет значения, когда совершено такое ужасное преступление — он назвал 40 жертв — и был ли Затикуян в Москве, и какие могли бы быть у преступников мотивы. Вот Вас пока советская власть жалеет, оберегает, а Вы посылаете молодых людей на преступления, на смерть, в лагеря. Как Вы можете смотреть людям в глаза. И т. п.

Сейчас два ночи. Кончаю голодовку, иду на кухню. Мой вес 77 кг. Р. Г. приготовила облепиху.

1 / II. Утром — занятия с Линой. Заплатил за 2 занятия 30 р.

Во время занятий — два звонка с издевательскими вопросами и восклицаниями. Говорит Иван Макарович. Вы меня знаете. Поздравляю с вступлением в террористы. Что это Вы слюни распустили? Ведь сами столкнули человека под поезд. (Я говорю — ясно, что смерть Брунова — ваших рук дело). А супруга расправилась с соперницей. (Я — ого, какой знающий — бандит и подлец.) Он — о Гессе плакал, поплачь о террористах. Как это Вы исхитряетесь столько лет выходить сухими из воды — подели-

тесью опытом. (Я говорю — ты 20 миллионов убил и до сих пор сухим из воды выходишь — что с тобой делиться.)

Это второй звонок, первый был как-то психологически сильнее, я не помню точных слов, потому что одновременно шел урок.

Ровно в 2 часа я на Профсоюзной³⁹. Там тьма народа. Мейман говорит: Вам выступить первому — дело о расстреле самое животрепещущее. Таня Осипова сует мне в руки листок, который она, видимо, забыла мне показать два дня перед этим. Я наспех читаю, она говорит, что это пишет Э. Арутюнян⁴⁰. С чьих слов — очевидно, адвокатов. Много совершенно лишней мути. Главное — Багдасарян и Степанян сознались в совершении акта (какого не написано). Затикян — нет, все отрицает. Таня [Великанова] успела еще сказать — он отказался писать помилование и строго запретил родным. Я додумался вечером, что фамилии Багдасаряна и Степаняна не названы в газете и [сообщении] ТАСС, т. к. им обещали жизнь за признание, и они не расстреляны.

Я выступил — сказав, что в этом деле много неясностей, мало фактов и очень много слухов, что я практически уверен в том, что Затикян невиновен и стал жертвой

³⁹ Возможно, пресс-конференция была у Тани Великановой, которая жила на Профсоюзной улице.

⁴⁰ Арутюнян Эдуард, армянский диссидент. Не путать с Арутюняном Эдуардом, мужем моей двоюродной сестры Зори Львовны Боннер.

ошибки или сознательной фальсификации, я имею также сильные сомнения в виновности двух других. Я зачитал свое письмо Брежневу (где говорится об алиби Затикиана) с припиской, что я и после расстрела прошу о новом расследовании. Было также заявление Хельс. группы на ту же тему.

Потом я зачитал свое письмо Брежневу о татарах, сказал, что я рассчитываю на реальный диалог с властями, что проблема крымских татар будет источником беспокойства для властей и страданий тысяч людей до ее кардинального решения в соответствии с правом народа. Я сказал, что вчера 60 татар было насильно увезено из приемной ЦК в неизвестном направлении. Я раздал текст этого заявления 7 присутствовавшим коррам.

Затем была информация М. Ланда о подписях под обращением. Я опять выступил, сказав о его принципиальном значении как программном и объединяющем документе. Я упрекнул прессу, что он был очень неполно и неточно освещен в декабре, и призвал исправить это сегодня.

Затем была информация Арины (о том, что от Алика [Гинзбурга] уже 2 месяца нет писем), от кого-то (не Иры [Орловой], она плохо себя чувствует, сидела тут же) о Юре [Орлове], кажется, говорили Мейман и Ида Петровна [Мильгром] (она говорила долго — о суде, об отсутствии писем и запрещении свидания. Ее слушали внимательно. Присутствовавшая на пресс-конф. еврейская активистка сфотографировала меня рядом с ней).

Затем был рассказ Р. Лерт об обысках по журналу «Поиски». Лерт говорила медленно, чувствовалось, что она больна. Конец ее заявления должен был зачитать Абрамкин — она совсем плохо себя почувствовала. После первых фраз Мейман прервал его, попросил не читать всего подряд, дать резюме. Лерт была очень огорчена.

Были заявления группы о Глузмানে. О новых арестах. Потом два сообщения — Арины и Юлы — о делах фонда.

Вечером у нас была Мальва, проставила номера в документах группы. Она при мне звонила Сиротенко. Я попросил трубку и попросил ее подготовить письменные свидетельства, подтверждающие присутствие Степана [Затикяна] в Ереване в момент взрыва. Она ответила — как же это можно сделать, ведь никто не знает, когда был этот взрыв. Я чуть не упал. Я говорю, как вы не помните — 8 января 1977 г. У меня есть запись от Юлы (тут я дал маху), что в этот момент он был в Ереване. (Я хотел спасти дело перед ГБ, чтобы они не поняли, что у меня нет доказательств). Я очень зол на Юлу, которая действительно мне написала все это на бумажке 28/1, и я ее трижды переспрашивал, надежно ли это утверждение. На нем я построил свое письмо и заявления. Сейчас, если выяснится, что это не так, так как Юла и Сиротенко не понимали друг друга, только чудо может спасти от большой беды. Как люди не понимают, что информация для меня не может быть неточной, что любая неточность тут наносит огромный вред всем.

А в этом случае дело вообще идет о борьбе с КГБ не на жизнь, а на смерть.

Ведь ясно, что вопрос об «алиби» — главный вопрос в защите, и если я делаю неверный ход, то гублю все дело, давая легкую тему для опровержения.

Последние ужасные дни я особенно страдаю, что нет рядом Люси. Я думаю, что она ТАМ⁴¹. Что она (и ребята) знают о происходящем здесь?

Вчера и сегодня звонил Квачевский [Лев]⁴² — разговор разъединяли.

По ВВС из всей пресс-конференции упомянули, что «Сахаров в письме Брежневу заявил, что он располагает доказательствами алиби расстрелянного националиста». 2/II. В ночь на 2-ое я не мог заснуть до 4-х, принял снотворное. Утром еле встал. Я пытался позвонить Александру⁴³ (советник Брежнева) с нашего квартирного телефона. Пошел к Юле (ее не было, там была С. Ю., которая отправляла пианино). Не смог дозвониться, пошел

⁴¹ Мы понимали, что тайной от КГБ это не будет, но формально они об этом вроде как не знали. Однако свою осведомленность продемонстрировали телефонным звонком Андрею, возможно, полагая, что он об этом не знает. Но Андрей ошибается в сроках, я еще была в клинике в Сиене, а к детям вылетела 13 февраля (см. также запись 29 января).

⁴² Бывший узник совести брат Джеммы Квачевской эмигрировал, в это время жил в Австрии, звонил из Вены.

⁴³ А. М. Александров-Агентов.

к Милице Генриховне Нейгауз⁴⁴ — с тем же результатом, зато узнал кое-что о Кате [Семеновой] и Оле [Левшиной]. Оля в обиде на Ел. Георг., что та форсировала отъезд Алеши и был якобы большой скандал. Я сказал, что Оля не права, объяснил ситуацию с отъездом и разводом, который был неожиданностью для нас.

Катя болела ветрянкой, Люда [Левшина — бабушка Кати] сидела у ее постели. У Люды туб[еркулез] почки. Оля сейчас сдает экзамены, Катя ходит в д/с.

Мила [Милица Нейгауз] подарила фотографию 3 девочек (снята 6 окт.).

Пробовал звонить Смирнову⁴⁵, он в отпуске. В понедельник будет его заместитель Гусев.

Днем я помылся. Пришли Мальва и Володя Тольц. Мальва рассказала со слов Лены Сиротенко, что Зати-кян действительно все время был в Ереване, поэтому Лена не поняла смысла моего вопроса. Мальва казнит себя за то, что не обнародовала в свое время поступившие от армян записи — это могло бы, как она думает, сорвать процесс. Она, конечно, ошибается.

Вдруг постучали в дверь. Вошли двое. У них был подчеркнут грустный вид («похоронный»). Я спросил — у вас какое-то горе, пройдите в комнату. Двое отказались, сказали — наше горе уже утихло, но вы объясните, почему вы

⁴⁴ Милица Генриховна Нейгауз, дочь знаменитого пианиста Генриха Нейгауза.

⁴⁵ Смирнов Лев Николаевич, Председатель Верховного суда СССР.

защищаете убийц наших родственников. Я спросил — вы были на суде? Да (они переглянулись) — частично, на втором дне суда, кажется (тут подошли Мальва, Володя, Лиза и Р. Г.). Постепенно обстановка накалялась, хотя я пытался спокойно спрашивать, что им известно о существе дела, они обвиняли меня, Мальву в распространении «ложной информации». Но вот что они сказали — Затикиан — бандит, он был организатором преступления, он дал двум другим взрывчатку и провода. Они не отрицали, что Затикиана не было в Москве. Что они не родственники, а из ГБ, все ясней выявлялось по всей манере поведения, все более наглой, крикливой, по нарастающей грубости. Они угрожали мне, что придут другие родственники и меня изобьют, и будут в этом правы (кстати, этим же они объясняли, почему не было в суде родственников подсудимых — их бы разорвали!). Они начали размахивать кулаками, совать их мне в лицо, кричать грубо и вызывающе. Лиза стала между мной и одним из «родственников», и он пнул ее в живот, вроде слегка, на самом деле сильно и болезненно — профессионально. С трудом их оттеснили, они с угрозами ушли.

В 2 часа должен был быть Дима — мы должны были идти к проректору, я хотел просить о снисхождении. Боюсь, что он уехал в Ленинград⁴⁶ — жениться на девуш-

⁴⁶ Предположение, основанное только на том, что в конце октября — начале ноября, как раз в те дни, когда должен был сдавать первый зачет по анатомии, Дима, никому не сказав, уехал в Ленинград.

ке, с которой уедет за границу. Он, так я думал, трепался об этом, я сказал, что не дам разрешение. Он спросил — а материальных претензий у тебя ко мне нет? Я сказал (не уверен, точно ли так) — подумаю, но

{2} Эти страницы → пока пропусти сначала {1}⁴⁷

3/11. Весь день писал письмо.

Дважды звонили корры (Франс Пресс и Рейтер), спрашивали о вчерашнем визите. Я рассказал им, подчеркнув, что «гости» признали, что Затикян не был в Москве. Я также сказал, что Затикян не признал себя виновным и отказался писать пр[ошение] о помил. В передаче VA [Голос Америки] правильно рассказано о визите (угрозы, обвинения). Сказано также, что в четверг Сахаров заявил на пресс-конференции, что обвинение против трех армян было подтасовано. Этого слова я не говорил. Я был крайне осторожен в выражениях. Но это лучше, чем когда говорят, что защ[ищаю] обвин[яемых] в терроре.

4/11. Утром пришли рабочие-армяне. Они узнали суть разговора родных Степаняна с адвокатом Исааком Исагуловым. Тот сказал: «Мы, адвокаты, должны были поднять руки. Слишком велики были улики. Степанян показал, что он был чем-то недоволен и дал Затикяну вовлечь себя.

⁴⁷ Андрей всегда просил меня читать его дневник, и это указание для меня.

Затикян изготовил электроаппаратуру и «утку» (?)*. Эта аппаратура изъята на Курском вокзале, которую они хотели взорвать, и изъята на обыске у Затикяна.

*) «Гусятницу», как потом выяснилось.

{3} Эти страницы → пока пропусти сначала {1}

Затикян работал рабочим на заводе Армэлектроза-вод. Экспертиза показала, что аппаратура сделана на этом заводе.

По сведениям от Сиротенко, у Затикяна ничего не нашли при обыске. Надо проверить. Вечером пришла Таня Осипова с кучей бумажек.

5/II. Весь день пытался «поговорить» с Гусевым, каждый раз запуская магн. — безуспешно.

Ездил в посольство. Отдал пакет — свое письмо на 8 стр. и 16 документов. Принял Смит, новый сотрудник, только что приехавший с Ямайки («там много бедных людей, но манго растет доступно для всех»), — все очень интересовались делом Затикяна, Багдасаряна, Степаняна.

Звонил Виктор Иванович, рабочий. У них на стройке (общежитие вблизи метро Спортивная) — забастовка, тема — техника безопасности. Спрашивал, надо ли поднимать соседей. Я сказал, что я никому не даю советов. На его вопрос сказал, что если хочет зайти — это можно, но вряд ли это полезно для их дела.

Звонили последние дни анонимные доброжелатели (2 звонка). Один из них выражал сожаление излишне

пессимистич. тоном последнего интервью — не пойму, какого. О том же говорил Мейман и в посольстве.

{1}

ехать ты должен только, если когда-нибудь поеду я — а без себя я тебя не пускаю (я повторил запись этого разговора).

У Любы беда — большой прорыв кипятка в верхнем этаже, обрушился потолок в Диминой комнате и частично в других, в коридоре, в ванной, в уборной, все залито кипятком на антресолях, пострадали книги и вещи. Они живут у Евдокии Алексеевны, должен на той неделе начаться ремонт.

Фамилию наши «гости» назвали Соколовы, а адрес — отказались. Я говорю — иностр. корров я вам пришлю, вы им все расскажете о процессе, всю неложную информ. Они начали «хохотать» точь-в-точь как на суде Алика [Гинзбурга] публика. Я спросил — а откуда вы мой адрес узнали — они говорят — его все знают, по радио каждый день передают, татары на Курском вокзале сказали.

Сегодня ночью Алеша говорил с Лизой. Я понял, что ты еще не ТАМ, а Лиза — что ты собираешься ТУДА (спросила об этом меня в письменной форме, но плохо, что Алеша говорил столь прозрачно).

{4} оконч. 5/II/

Кажется, это с кем-то из старых корров приехал знаменитый журналист Асс. Пресс и записывал мои ответы в блокнот в переводе Виктора [Столяра]⁴⁸. Я говорил то же, что всегда, но нетерпеливый человек может это принять за пессимизм. Виктор подтвердил мое впечатление, что я проводил все основные свои принципы, но не обещал скорой демократизации СССР.

Ходил к Юле, надеясь поговорить с Люсей. А ей туда не удалось прозвониться, зато она поговорила с Руфь Григорьевной. Пойдет на консультацию в четверг. Р. Г. показалось, что Люся чем-то раздражена⁴⁹. Люся особенно интересовалась Таней, Димой, Юрой. Мейман говорил на др. день, что в это время передавали мое интервью, где я якобы сказал, что США не должны вести борьбу за права человека, пока не будет заключено соглашение СОЛТ. Это так в двойном переводе звучит, что проблема разоружения имеет приоритет. Т. к. я это говорю в каждом интервью, то не знаю, какое интервью передавали. Мерзавцы!

⁴⁸ Виктор Столяр, многолетний отказник, часто переводил на еврейских семинарах и при встречах с западными политиками. Андрей считал, что он переводит неточно, и отметил это в записи о встрече с Э. Кеннеди (см. выше).

⁴⁹ Я была не раздражена, но очень волновалась за Андрея в связи с невыносимой его психологической перегрузкой (семейные дела — Таня, Юра, Дима — и, конечно, трагическая «армянская история»).

6 / II. Опять много раз пытался позвонить Гусеву — каждый раз это напряжение нервов, и каждый раз его нет.

Дозвонился Альб. Ив. Иванову, я даже записал разговор (хотя тихий голос Иванова слышен плохо, все же разобрать можно). О Глузмани он пока не знает, помещен ли он в ПКТ. Узнавать должны родственники. Тихий на месте, здоров, детали должны выяснять родственники. Длинный разговор о татарах, но не конкретно об Акосмановой. Не отрицал существования пост[ановления] СМ № 700⁵⁰, говорил, что нет никакой дискриминации. Я просил его о публикации в местной печати офиц. Заявлений против дискриминации.

Сегодня вечером слушал изложение статьи (опубл. в Нью-Йорк Т[аймс]) «Права человека в СССР и Вост. Европе». Сказано, что я выступаю против бойкотов, потому что сов. власть не может уступать давлению — т. е. моя позиция оказывается тождественной Медведевской [Роя]. Еще раз — мерзавцы. Сказано, что я одобряю политику Картера в проблеме СОЛТ — отделение ее от прав человека. Все остальное опущено! P.S. В кратком ночном изложении все было хорошо.

В ФИАНе доклады (обзорные) Баталина о работе Зингера, в которой методами гомологической топологии доказана неоднозначность выбора «сечения» в калибр.

⁵⁰ Постановление Совета Министров об ограничении прописки в курортной зоне (Крым).

теориях с комп. группой. (Эх, плохо я все это понимаю).
Докл. Воронова — о работе Теразавы⁵¹ —

$$L = L_{\text{дир}} + (f_1 J_1^2 + f_2 J_2^2 + f_3 J_3^2 + f_4 J_4^2 + f_5 R^2)$$

(первичны кварки и лептоны), J_1 и др. — разл. токи теор.
и о работе, в которой теория гравитации трактуется как
калибровочная с Лагранжианом

$$\sim \sqrt{\text{Sp}\left[R\tilde{R} - \frac{1}{4} \text{Sp}R\tilde{R}\right]^2}$$

↑ вроде

На группе Де'Ситтера (это сущ.)

Что делать с дурацким Голосом Америки? Компрометирует меня ужасно.

Вечером у нас в гостях Маша С[лепак], расс[казала] о жизни их в Бурятии — очень изолированной, но в общем спокойной, хотя и трудной.

В почт. ящике — 3-ье анонимное письмо «марксистов» на 11 страницах — не бессмысленное, но и не увлекательное.

Звонил Револьт [Пименов]. Он проездом. На той неделе зайдет.

Звонил некто Павлов. Он услышал по радио о группе «Выборы 79» (кстати, сегодня опять передали о ней по

⁵¹ Теразава Хидецуми, физик, Япония, Токио. Активно участвовал в защите Сахарова.

всей радиосети, им отказали в регистрации — Медведев должен был конкурировать с Бессмертной, а Агапова⁵² — с кем-то в Совете Нац.!). Павлов Евг. Семенович (или Геннадиевич) хотел, чтобы выдвинули лично его. Аргументации он не привел. Лег спать 2.30.

7/II. В 8-00 меня разбудил некто. Он обнаружил, что портрет Косыгина в газете «Известия» в 1954 году изображает другого человека, чем портреты современные. Если я сообщу об этом инкоррам, это будет сенсация.

Я уже не мог заснуть.

Пытался в 10.15 звонить Гусеву, но он опять уехал на совещание. Позвоню завтра ровно в 10.00

Прошла $\frac{1}{4}$ Люсиного отсутствия. Еще три раза столько надо прожить.

Опять звонил Лобов со своей великой социальной теорией. Я пытался заниматься английским, дело шло плохо. Перед моим уходом к Тане⁵³ дозвонился Дима. Он извинился, что не пришел в пятницу — он поехал с кем-то в поездку по Моск. области, и машина сломалась. Я сказал, что сейчас ему должно быть не до увеселительных поездок. Он вылетает из института, мне очень жаль, я сказал ему, что с самого начала было ясно, какая воля и самоограничение, подчинение всего учению, какие

⁵² После неудачной попытки перелететь границу между СССР и Финляндией на самолете, нанятом ее мужем-невозвращенцем, Агапова стала активной «правозащитницей».

⁵³ Таня Сахарова была в больнице.

огромные усилия от него потребуются, он только затруднил дополнительно тем, что не дал мне доверенности — это дурацкое упрямство и недоверчивость; он не должен был ездить в Ленинград. Сейчас он должен работать или учиться в техникуме. Итти в армию, если не получит освобождения по сост. здоровья — чего я не исключаю. Это единственное дост[ойное] решение. Он сказал, что у него другой план. Я сказал, что ничего не сделаю в отн. этого его плана — никакого документа он от меня не получит. Я убежден, что 2 года в армии он вынести может, но попасть в другой мир, ничего не имея за душой, — будет гибель. (Я очень убит Диминой судьбой, я считаю, что он не вполне здоров — Руфь Григ. это ощущает и говорит, что Дима до мозга костей испорченный сынок привилегированной семьи — но на самом деле он действительно был брошенный с 8 лет ребенок. Большая мама, убитый горем отец, потом вообще никого около него. Но главное — что он не вполне здоров.)

Был у Тани.⁵⁴ Она почти в порядке. В пятн. ее отпустят на 2 дня домой.

Пока я спал, Мальва принесла и оставила записку о Вас. Вас. Овсиенко — сегодня над ним суд. Чистая фальсификация — якобы сопротивление милиции. Овсиенко раньше 4 года сидел в Мордовии по 62 [статье] УК УССР (70-ая). Когда к нему приехала в гости Окс. Мешко и Орлова (сестра Бабича), их всех троих отвезли в милицию,

⁵⁴ Андрей почти ежедневно навещал Таню.

там обыскали. Задним числом милиционеры дали показания, что было сопротивление. Ранее он якобы отдал стихи Стуса сотр. КГБ, приехавшему к нему вместе с Гейко, приняв этого сотрудника за «своего».

Был Ших. У мамы Лиды [Финкельштейн] отключили телефон, якобы Алеша передавал про мою статью, а потом через кого-то предупреждал о звонке Люси. Странно.

■ Чистая провокация КГБ. Никто из нас никогда не звонил маме Лиды. Но КГБ несомненно знал, что Лида близка с детьми и что ее сын, в связи с ее тяжелой болезнью, живет у Тани. Мы знаем, что Лида в разговоре с мамой сказала ей что-то о том, что мои дети озабочены нашими делами. Реально это выключение телефона у пожилой одинокой женщины демонстрирует только то, как широко в СССР органы безопасности применяли прослушивание частных разговоров. ■

8/11. Сегодня последний день Юлы в Москве. Завтра она уезжает. Я был у них, простился, отдал [фото]карточку Кати [для Алеши].*)

*) Я просил Юлу передать Люсе, чтобы она временно отключилась от наших дел.

Позвонила женщина из Ташкента. М. Джемилева арестовали за нарушение правил о надзоре. Он принял решение уезжать, но сделал это вызывающим способом — отослал паспорт и сообщил коррам. 29 дек. у него кончался срок надзора, он явился на аэродром, чтобы ехать

в Крым. Его задержали, продлили надзор и записали нарушение. (3-ья запись). Сообщил коррам.

Был Меретик с товарищем, интересовался проблемой выборов, упоминанием о Сталине в календаре, делом Затикиана. Пока он был, позвонили из ЮПИ о статье в газете «Известия»⁵⁵. Я сказал, что КГБ заинтересовано в этом деле. В этих условиях только гласное разбирательство может быть убедительным. Надеюсь, что приговор еще не приведен в исполнение, я продолжаю просить о приостановке и независимо об открытом разбирательстве. То же я говорил другим агентствам, упоминая о принципиальной возможности самоговора под давлением КГБ и фальсификации улики. Проводят беседы по учреждениям и заводам, где говорят, что Затикиан и сообщники повешены (а не расстреляны), что они убежденные враги русского народа.

9/II. Утром — попытка звонка Смирнову и Гусеву. Занятия с Линой. Родственница ли она Козну?

Поехал за Таней и вместе с ней — на субботу и воскресенье ее отпустили — к ней домой, играл с Мариной. Таня в своей (примерно) норме, внешне, конечно.

Был Сергей Алексеевич [Желудков], Копелевы, Кома с женой. Кома подарил интересную книгу. Подписал заявление, написанное Левоу, об обысках и преследовании «Поисков».

⁵⁵ Неделей раньше (см. запись 31 января) было краткое сообщение, а 7 февраля большая статья.

Была какая-то женщина-педиатр, которую много лет преследуют якобы за то, что она написала акт о гибели ребенка по вине врачей. Производит впечатление не вполне sane. Еле смог ее уговорить, что это не мое дело.

Звонил Виктор Иванович. Рабочий. Говорил о забастовке на строительстве общежития (артистов цирка) около метро Спортивная (вопросы техники безопасности). Жаждет встречи.

Первый разговор с Люсей. Она прозвонилась за несколько минут до моего приезда от Тани, говорила с Руфь Григорьевной. Войдя, я взял трубку. Она сказала, какое счастье, что слышу твой голос. Я чувствую то же. Я просил ее жить, как бы отвлекшись от нас, полней воспринять встречу с детьми — (это большое событие, — когда еще это станет возможным). Ее глаза, по ее словам — как после операции 75 года, есть уже новые очки, и это важно, различает цвета, все лучше, чем она опасалась. Я написал 75-ого и стал мучительно думать, а может, она сказала 77-ого? Вроде нет, 75-ого. Люся все главное знает о нас, и мои беды семейные, и большую трагедию казни. Вечером Люся еще раз пыталась прозвониться. Голос ее был днем взволнованным, родным, сильным. 10/11. В первой половине — поездка в Жуковку (выезд 12 — обратно 16 ч.) Руфь Григ., Лиза, я, Арий. В квартиру Р. Г. вызвала посидеть Веру Федоровну. В ту сторону машину вел я (вполне прилично, один раз было экстр. торможение, я не растерялся — некто выехал справа на

гл. дорогу с наруш. правил), обратно Арий. На даче был Дима. К проректору идти не хочет. Что он сейчас на даче, когда в квартире потоп, еще туда-сюда. Он пытался какие-то байки заливать Арию.

Отдал 100 р. Жоре⁵⁶ (окт. — февр., 5 мес.). Еще надо март-апрель.

Звонила Наташа [Гессе]. У нее совсем плохо с суставами. Уговаривал их летом приехать к нам на дачу. Звонила Таня Мих. [Великанова]. Овсиенко дали 3 года строгого режима. Сообщил об этом коррам в 3 агентства — с формулировкой — фактически за общение с п/з (Стус) и членами Хельс. Группы.

Послал телеграмму ком[андиру] части (Таймвелыр Якутской, Булунского р-на ВЧ 16519 «Беспокоюсь состоянием здоровья Сергея Шibaева. Знал его тяжелые диагнозы. Убедительно прошу ответить по адресу...».

Из Еревана звонила некая Марианна, с ней говорила Лиза. Она сказала, у них все готово⁵⁷, никто не может выехать, пусть приедет кто-нибудь из Москвы.

Лева вчера рассказывал историю. Белла Ахмадулина, Аксенов и еще кто-то из писателей ехали на пароходе.

⁵⁶ Смотритель дач в поселке АН Жуковка.

⁵⁷ Группа людей в Ереване собирала материалы по делу Затикяна и др. Они опрашивали родственников, знакомых и сослуживцев осужденных, пытаясь выяснить, есть ли у них алиби.

Капитан, считая их знатными пассажирами, познакомил их с ген.-лейт. ГБ, и тот, якобы сильно выпив, хвастался, что именно он открыл, кто взорвал Московское метро. Вы думали евреи — нет, армяне! Белла (в подпитии) сказала: «А я думала, что это вы» (лето 1978 г.). Но ведь, если верна официальная версия, то армяне сами себя разоблачили попыткой взрыва на Курском вокзале. Лиза рассказывает распространяемую версию, что некий вор украл их чемоданы и обнаружил в ней взрывчатку.

11/II. Воскресенье. Сидел весь день дома. Занимался английским. Прочитал речь Капицы на юбилее Эйншт. в ФРГ, которую он мне прислал.

«Вопр. философии», публикуя речь, предваряют оговоркой: «Данное выст., рассч. на восприятие ученых Западных стран», т. е. на экспорт. Капица по существу признает крах марксизма (по форме говоря обратное), присоединяется к теории конвергенции и подчеркивает роль свободы как основного фактора духовной культуры и при этом непрерывно ругает западное общество и хвалит социалистическое.

Только что (12 ночи с минутами) звонила Люся, говорила со мной (долго) и с Р. Г. и с Лизой. Она опять хорошо видит (т. е. относительно — как после опер. 75 г.) ходила в Галереи. Радость говорить с ней. Зубы она не лечила, якобы «выздоровели». У ребят все хорошо. Только что она говорила с Алешей и Ремой. Интересуется Димой Орловым. Просила на адрес Маши [Олсуфьевой] выслать 2 словаря Италос→Русск. и на адрес Нины [Харкевич] рецепты на очки

и детские книги. Сказали друг другу покойной ночи. В клинику Фрезотти ляжет в конце марта — начале апреля⁵⁸.

Днем был Слава Бахмин. Посетил⁵⁹ Сенник и Рхиладзе (сожалеющего, что плохо выдержал трудности допросов и заключения) и Сашу Подр[аби́нека] (тот рассказал, что 80% уголовников подвергаются в период следствия зверским избиениям). Слава привез письмо Размика Маркосяна, где он пишет, что С. С. Затикян никогда не высказывал склонностей к террористическим актам и никогда ни у кого не вызывал сомнения в отношении моральной и психической полноценности. Затикян не мог быть причастен к такой бессмысленной акции (это копия письма в прокуратуру РСФСР, я привел выдержки). Датировано 4/V-78.

Письмо Бахмину (женским? или детским почерком)⁶⁰.

23.1.1979

Уважаемый В. Бахмин. Прошу Вас сообщить академику Сахарову о том, что в ближайшее время на него состоится покушение террористической организацией «союз межпрофесс. Союзов». Я прошу Вас поторопиться. К сож., я не могу обратиться непосредственно к Сахарову. Ваш друг.

⁵⁸ В эту поездку я лежала в госпитале дважды (оба без операции). В первый раз — обследование, новые лекарства, новые рецепты на очки. Через месяц все повторили, кроме новых очков.

⁵⁹ Бахмин ездил навещать нескольких ссыльных.

⁶⁰ Очередная угроза лично Сахарову.

Вечером была Лидия Корнеевна. Р. Г. приготовила пироги и печенье.

Люся не имела никакого отношения к звонку Лидиной маме (якобы какая-то женщина позвонила Лидиной маме и предупредила, что завтра в 11 будет звонить Люся. Телефон выключен на 3 мес.). Это — провокация⁶¹.

12/II. Утром хотел поехать в больницу к Коленко⁶², но он перешел в поликли., работает четные вечера, я потерял даром 1,5 часа (ходил в «Москву»). Коленко будет делать мне массаж, назначил пока 5-нок (4x2 др. ежедневно).

Вечером был рабочий-монтажник (22 г.), Виктор Ив. Пискунов(?). Он сказал, что смысл его жизни последние 6 лет — встретиться со мной, вместе делать полезное дело. Эта мысль владела им в посл. классе школы, в армии, ради этого он приехал в Москву по набору, стал рабочим-монтажником, живет в общежитии в Ясенево. Он много слушает радио, прослушал все три части Гулага по ночам, прослушал Разм. о прогрессе и О стране и мире. Все, что передает радио, — знает и помнит. Сегодня у него была небольшая драка с товарищами, которые соваляли ему в нос статью в Известиях.

Я сказал, что он, видимо, хороший парень, что почитать я ему ничего не дам, что «полезное дело» я делаю

⁶¹ Я не была знакома с мамой Лиды Финкельштейн, никогда не звонила ей, находясь в СССР, и, тем паче, из заграницы.

⁶² Коленко, врач-уролог.

потому, что так сложилась моя судьба, что я с ужасом смотрю на всякое вовлечение, что «литературу» я никому не даю. Он спросил о Хельс. группе. Я сказал, что она работает и что трудности ее не в том, что в ней мало членов. В конце концов мы простились, я сказал ему, что он может звонить еще и иногда приходить.

По радио передавали рассказ бывшего нач. милиции Будапешта. Имре Надя и его зама повесили во дворе тюрьмы 15 июня 1958 г. При казни присутствовал Кадар. Его под руки поддерживали Министр МВД СССР Серов и Шумилин — наш общий знакомый⁶³.

Звонил Саша Ворона(?) из Керчи. Просил помочь Будко Анатолию Александровичу (сидел в Черняховске вместе с Петром Григорьевичем [Григоренко] за попытку вплавь добраться в Турцию в 1968 г. (1928 г/р), вышел неск. лет назад. У него красная волчанка, стенокардия, язва, погибает. Нужен строфантин и преднизолон. Адрес Алушта 70 (инд. 334270), Кр. обл. ул. Снежковой д. 26 кв. 22, тел. 3-56-41.

Сообщает также, что Баранов Николай Иванович (сидит с 68 г. за то, что остановил шведского посла и попросил убежища) переведен из Казани в Орел.

На другой день он звонил вновь, уточняя просьбы и диагноз, и просил связаться с Никитенковым для консультации о Будко.

⁶³ Шумилин в это время был начальником ОВИРа.

13 / II. Утром позвонил Марк [Ефимович]. Я говорил с ним о Диме. Он считает, что Дима болен (пром[ежуточное] состояние типа психоастении), хочет заочно посоветоваться с Ив. Кузьмичем (я думаю, что это тот, очень не понравившийся мне профессор, у которого Дима лежал 2 года назад). Марк, как всегда, предоставляет мне сказать окончательное слово, вообще он мне не нравится, хотя он вроде бы разумно заботится о Диме. Плохо, все плохо. Я говорю, что Диме нужно, возможно, помочь лекарствами, но не дать ему уйти в болезнь, уйти окончательно от жизни и ее трудных задач — это было бы плохой ему услугой.

Приходили Уитни с женой, принесли уже полностью задублированное письмо Ефрема от 26/X-78. Я упрекнул Уитни, что он не выполнил мою просьбу с Гамс[ахурдиа], он спросил — а разве Шиплер вам не показал мою статью, потом сказал, что у него не было времени — в общем, вилял. Он спрашивал меня о деле Зат[икяна], я отвечал по возможности просто и однозначно.

В ФИАНе Е. Л. сказал, что Райский спрашивал его, зачем я ввязался в это дело — кто-то, бывший на суде(?), привел ему доказательства виновности армянских националистов. Я сказал, что дело для меня трудное, но я не могу быть убежденным в вине подсудимых и не могу молчать об этом.

Вечером у нас были Маша, Вера Фед., Гнедин, высказавший ряд мыслей о моей статье «Права человека...». Главное, подчеркнуть личностный аспект.

В ФИАНе — инт. сообщение Вологодского о методе сильной связи в теории φ^4 (по литературе).

14/II. Были Пименов и Мейман, неск. часов говорили о Затикяне.

Я сказал, что есть три версии.

1. Затикян виновен. КГБ боится разжечь страсти и дать пример террора.

2. Затикян невиновен. Взрыв произошел по случайности или не раскрыт. КГБ использует взрыв для борьбы с армянскими националистами, но главная цель — закрыть дело.

3. Затикян невиновен. Взрыв произведен экстремистами из КГБ с целью спровоцировать обострение ситуации и подавить диссидентов.

Каждая из версий встречается с трудностями. Первая версия не согласуется с тем (немногим), что известно об арм. националистах, о допросах, о давлении на подсудимых и заключенных, с крайней закрытостью суда, с нервозностью КГБ, с провокациями против меня и т. д. Но все эти трудности не исключают первой версии полностью.

При наличии сомнений я не мог не выступить.

Писал в большую тетрадь и читал Аларм и Хоуп [«Тревога и надежда» (англ.)].

Ходил с Лизой и Леней [Литинским] в кино — очень хороший фильм Феллини «Мошенничество».

Забыл позвонить Лине, что завтра занятия отменяются. Не послал телеграммы Люсе. Пожалуй, завтра пошлю «туда».

Юра второй день болен, у него 38,1.

15/II. День рождения Люси.

Урок отменил.

Утром поехал в редакцию ЖЭТФ, сделал 2 добавления в корректуру (снижающие значимость работы — опять нужны тяжелые кварки). Эти добавления давно были готовы. Исправил опечатки — сидел там 1 час. Потом был на массаже.

Послал телеграмму Люсе и ребятам — ТУДА! Я думаю, что теперь-то она там (7 подписей).

Ездил после обеда к Юре⁶⁴ — отвез хлеб, творог, курицу, бульон и др. Ввернул ему лампочку (год без света).

Руфь Григорьевна, Лиза, Маша [Подъяпольская] целый день готовили угощение. Было 10 человек — нас трое, Маша, Бор. Герм., Мейман, Мальва, Настя, Юра и Аля [Шихановичи]. Маме Лиды звонили от Белопольских (?)⁶⁵.

Два раза слышали Танин голос⁶⁶ — один раз я (она сказала в ответ на мое — поздравляем — «Андрей Дмитриевич»). Один раз Лиза (она сказала — Лизонька).

16/II. Утром принесли телеграммы — поздр. от Хейфеца и от Стуса⁶⁷, который начал политическую голодовку, протестуя против осуждения Василя Овсиенко. Еще не сообщил коррам.

⁶⁴ Все года нашей жизни мне приходилось довольно часто, когда Юра плохо себя чувствовал, готовить ему обед, который Андрей отвозил. Без меня это делала мама.

⁶⁵ К нам этот звонок не имеет никакого отношения.

⁶⁶ Таня звонила из США, когда я уже была у них.

С 7 часов лежал, взвешивал версии. Против офиц. версии две группы фактов — личные свидетельства о Затикиане, культ. и гуманном человеке, и его позиции (но все могло измениться — вспомним эволюцию всех терр. групп) и неуверенность действий ГБ (но тут тоже есть объяснение — боязнь самого слова — политический террор в СССР — ведь пример заразителен!).

Была Мальва с Леной Сиротенко. Лена убеждена, что Затикиан не мог иметь отношения к террору — он поссорился с Паруйром из-за своего охлаждения к политике, ушел в семейную жизнь и хотел уехать. Я просил со временем выяснить мнения родных об этом деле — соблюдая весь такт, узнать, было ли алиби у Багдасаряна и Степаняна, уединялись ли они с Затикианом и т. д.

Ездил за Таней в [больницу] Кащенко к 2-м часам, потом ездил [к] С. М. Р[айскому]. Тот дал конверт. Рассказал (строго конфиденциально, сослаться нельзя): со слов начальника лаборатории ГИРЕДМЕТА, его старого друга.

Институту была поручена экспертиза металлических предметов, найденных при взрыве 8 января в метро (погибло 7 человек, из них 6 детей), на ул. 25 Октября (погиб молодой мужчина, его бер. жена имела выкидыш),

⁶⁷ Стус Василь, пзк. Я переслала Ефрему рукопись его стихов. Книга вышла в США в украинском издательстве «Сучасність», редактором которого (или издателем?) тогда был Роман Купчинский. Хейфец Михаил, пзк. Я опекала его жену Раю и двух девочек.

и в магазине (жертв не было). Эксперт был на всех заседаниях суда (2-ая половина января).

Рассказ со слов эксперта (не начальника, который только передаточное звено, текст рассказа без моей правки).

В августе 1977 г. на Курском вокзале проводилась милицией обычная очередная проверка документов. Никто заметил, что его соседи забыли сумку, он отнес ее в милицию, там обнаружили «гусятницу» (форму, в которой жарят гуся), наполненную взрывчаткой, часовой механизм, детонатор. Там же была майка с надписью на армянском языке, часть олимпийского спортивного комплекта. На все поезда дальнего следования, отправлявшиеся с Курского вокзала, были направлены оперативные группы. Одна из таких групп догнала самолетом поезд Москва—Ереван. В вагоне на нижней полке сидел молодой человек без майки, рядом с ним женщина. Агент спросил молодого человека — вы один? Тот ответил — да, конечно. Тогда женщина, смеясь, сказала — он шутит, у него приятель спит на третьей полке. Арестовали обоих — слесаря и сварщика из Еревана. Было ясно, что у них есть сообщник. После долгого заперательства они назвали его фамилию. Они показали, что сообщник снабдил их взрывной техникой и научил ею пользоваться. Испытания проводились в ущелье недалеко от Еревана, где они указали точное место, найдены были следы взрывов, на обыске было найдено 10 «гусятниц». Экспертиза установила тождественность металла гусятниц с остатками взрывов 8 января. На суде председатель прерывал все попытки обвиняемых объяснить

мотивы их поступков, говоря, что их судят не за поступки⁶⁸, а по подозрению в убийстве, и если оно будет доказано, то их приговорят за это, а не за их убеждения, которые суд не интересуют. Вместе с тем — на суде в качестве свидетеля выступал некто, заявивший, что он секретарь Армянской Национальной партии, возможно, это был провокатор из КГБ. Фамилия неизвестна. Обвиняемые просили, чтобы на суде присутствовали их родственники. Суд отверг эти просьбы на том основании, что при присутствии в зале родных погибших возможны эксцессы, обстановка в зале суда может стать неуправляемой.

Двое исполнителей заявили во время суда, что они отказываются от данных в ходе предварительного следствия показаний, которые касаются не их действий, т. е., очевидно, того третьего обвиняемого, которого они называли организатором. Третий отрицал свою вину.

С. М. [Райский] говорил, что я должен был в своих заявлениях сильнее и настойчивей подчеркивать, что террод не имеет оправдания.

Сейчас в этом отнош. радиопередачи иностр. радио ужасны. С. М. считает, что сдержанность властей объясняется желанием не раздувать страсти, и в подтверждение привел эпизод в кинотеатре Ереван, где на днях во время сеанса встал некто и воскликнул: «Долой Брежнева, да здравствует свободная Армения». (Я боюсь, что это ГБ).

Сиротенко получила письмо (опущено в ящик):

⁶⁸ Описка — надо мотивы.

«Слушай, сучка. Это письмо считай как наше предупреждение. От тебя погибли наши ребята. Это ожидает и Паруйра. Чтобы это не было и за погибших армянских борцов мы тебе отомстим. ... спасти твою жалобную жизнь — убирайся в свой Израиль. Даем тебе срок до нашего праздника 24 апреля... жить не будешь».

Дал Диме (он был у нас вечером) 25 р., так что его долг составляет 290 р.

17/II. Как-то по-глупому провел день — не учил английский, не писал в черн. тетрадь — депрессия (уж не говорю, что не думал о ЕТКПСОР (единая теория квантовых полей свободная от расходимостей — буквы эти, естественно, шутка).

Написал серию вопросов для эксперта, затем пришла Мальва, ахая, прочла вышеприведенный текст и дополнила серию. Но главное мы уже знаем. 1) Мы теперь почти уверены, что Затилян не участник взрыва. 2) Что по крайней мере в этом пункте КГБ пошло на фальсификацию. 3) Что Багдасарян и Степанян не захотели совершить предательство, когда они поняли, что от их показаний зависит жизнь Затиляна. Возможно, они еще надеялись, что, меняя свои показания лишь частично, они сохранят себе жизнь. Может, они еще живы. Тогда я не должен публиковать полученные данные. Или наоборот должен. Проклятая головоломка.

Почему рядом нет Люси, единственного человека, с которым я могу говорить, как с самим собой.

Пробовал накачать шину — безрезультатно, возможно, ее проткнули.

Смотрели с Р. Г. какой-то телеспектакль с Вертинской в главной роли, на этот раз она играла хорошо (по румынской пьесе).

Р. Г. Эмиль сегодня вырвал 2 зуба, оставив на будущее третий. Вроде, обошлось спокойно.

18/II. Лиза пришла с ночной смены. Алеша ей сказал полукоткрытым текстом, что Люся уже у них (очевидно, еще с 15-го, вряд ли она не приехала на день рождения). Алеша сказал, что все счастливы. Еще бы. Уже в первый день Люся поняла, я уверен, внутреннюю суть (душу!) их жизни, все ли у них хорошо — то, что нельзя понять на расстоянии, и даже, если бы они приехали к ней в Италию (они были бы гостями, а не дома). Лиза написала об этом Р. Г. (у которой в это время начался приступ, продолжавшийся два дня). Таким образом, мы теперь трое — обладатели жгучей тайны.

Какими Люся их всех нашла после более чем года жизни на расстоянии (а мы их не видели уже 1,5 года). В общем — события потрясающие!

Днем писал в черную тетрадь. Вечером я переписал (в улучшенной редакции и компоновке) вопросы для С. М. [Райского].

19/II. Утром обзвонил корров о голодовке Стуса и угрозах Сиротенко и мне. К сожалению, не знал точного названия «СМОТ»⁶⁹, парафразы которого в письме Бахмину⁷⁰.

⁶⁹ Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся.

⁷⁰ См. 11 февраля 1979 г.

Поехал после мытья в поликлинику к Коленко. Массаж, как и первые разы, очень болезненный, особенно слева. Купил лекарства на 15 рублей.

Заехал к Р[айскому]. Его жена поила меня морсом. Он, слушая мои рассказы, высказал мысль, что власти хотят моего отъезда. Вряд ли. Попросил водителя акад. машины попробовать накачать шины. Он обнаружил проколы трехгольным инструментом «Δ» — как год назад в радиаторе.

Звонил Ших. У него известия от Крониды [Любарского] — Дети приехали в Италию и «вместе поехали на юг Италии». Поэтому Кронид не мог дозвониться Люсе в ее день рожд. Ших несколько удивлялся, как это Таня звонила из США. Я сказал, что, вероятно, из Италии. Марафет с большой буквы!

20/II. «Рассудок обычно работает в темноте. Бессознательное — акушерка мысли.» И. Кант, приводится в книге, купленной мною в ФИАНе. Там и еще есть в этом роде.

С Борей [Альтшулером] в ФИАНе обсудил поправки к статье — он за 60 рублей в месяц работает внештатным редактором ЖЭТФ — «кое-что для внутреннего эмигранта» — сказал он.

В гостях у нас — Маша [Подъяпольская], которая много и хорошо рассказывала о нефти, ее загадках и своем «свадебном» путешествии с Гришей в 1953 году — им было негде тогда жить, и они работали в одной геопартии, а потом проехали по всей стране, и как они ссорились, «притираясь» друг к другу (до этого Гриша жил с другой женщиной, сильно непохожей на Машу). Была В. Ф. —

она купила лекарства для человека из Алушты⁷¹, Маша пошлет их знакомому в «Никитс[ком ботаническом] саду».

Во мне все внутренне напряжено, не могу понять, в чем суть этого состояния. Мысли разбегаются.

Лиза принесла три письма — ругательные, с угрозами, без штампов 120 о/м.⁷² Еще три таких письма пришли 21/II.

21/II. Я отправил словари Маше [Олсуфьевой]⁷³, а также хотел купить на Кирова книжки-раскладушки — я ищу их целую неделю. Но их там тоже нет, пока подожду отправлять, что уже есть. Лиза проявляет большие кулинарные способности по признанию Р. Г.

Продолжаю читать «Herzog-a».

Смотрели с Р. Г. телефильм о морях. Там суть — мать получает известие о гибели сына и скрывает от своей невестки, которая должна рожать. Мало подходяще.

Вчера в ФИАНе. Сообщ. о работах Неемана (Израиль). Одна из них «примит. модель частиц»:

есть фундаментальный дублет левых альфонов (фермионов) и синглеты правых альфонов, а также Два типа бетионов-бозонов. Прибавление одного из них (с заря-

⁷¹ См. 12 февраля 1979 г.

⁷² Надо о/с (отделение связи), но это ошибка с подтекстом — нам слишком часто приходилось иметь дело с отделением милиции.

⁷³ См. 11 февраля 1979 г.

дом $+2/3$ превращает лептоны в кварки, прибавление нейтрального бетиона меняет квантовое число серийности, которое принимает значение 0, 1, 2, 3,... и т. д., с заметным увеличением массы.

$$1 \rightarrow \mu \rightarrow \tau \dots$$

$$p \rightarrow c \rightarrow t$$

Во второй работе — новая теория вместо Салама—Вейнберга, найдено $V_w=30^\circ$

22 / II. Звонил Лобов — автор социологической теории, старик-пенсионер. Приехал в Москву, я, не зная что с ним делать, предложил ему оставить рукопись, но не обсуждать ее сейчас. Он не согласился, будет ее еще перерабатывать.

Был на массаже и в ФИАНе, Света [секретарь теоротдела] опять запуталась с моими поправками, получил почту — в ней 4 ругательных письма (итого 10, не считая Бахмина). Некто пишет Александрову, что боготворил меня 20 лет (?!), теперь разочарован. Некая Бродская предлагает расстрелять Иуду, который отправил своих детей в Америку, а жену в Италию и убивает чужих детей в Москве. Она же пишет, что я не выступаю против антисемитизма.

Был Мейман, принес письмо об увольнении Юры Ярым-Агаева, я готов подписать его с ним для Science (вдвое сокращенном виде и чисто информационном, т. е., выбросив призыв к бойкоту).

Была немка — Ира Марсал из Казахстана, Алма-Атинская обл. г. Каскелян ул. Челюскинская 58. Ее, одну из большой семьи, с 1966 г. не отпускают в ФРГ. Их семью (ей было 10 лет) немцы вывезли в Германию из Одессы

в 1943 г. В 1946 г. англичане отдали их всех насильно советским представителям, их (кроме брата) вывезли в Котлас, где они жили без паспортов и права выезда до 1958 г. В ФРГ, в числе прочих, отец — Кейзер, мать умерла в ФРГ (все, кроме нее, выехали к брату в 1973 г.). Ей отказывают, не называя причины. Секретности нет. В прошлом была у Овчинникова. Сегодня была в посольстве ФРГ. Немцы на днях опять организовали демонстрацию.

У Р. Г. начинается приступ.

23/II. Днем звонила Маша [Подъяпольская], что задержали (грубо увезли в о/м) Феликса Сереброва, его хотят привлечь за тунеядство (он работает по каким-то церковным делам). Вечером его отпустили.

Занимались с Линой. Заплатил 30 р. Я прочел целую лекцию о науке в фашист. Германии — в оправдание, почему я забыл немецкий язык. С Линой после Люсиного отъезда было только 4 занятия!

Ездил за Таней, потом сидел с Мариной. Таня вполне в своем обычном состоянии, легкая депрессия, ей дают от нее лекарства, продолжая стеллазин.

Марина (с Мишиной помощью и с советами какой-то большой девочки) испекла яблочный пирог с клюквой к маминому приезду, съедобный.

Играли с Мариной в крестики-нолики, выигравший писал свои инициалы и расшифровку их.

Напр., ММ — Мокрая мышка.

ММЛ — Морская медуза липкая.

АДС — Африканский дикий слон.

И Марина очень смешно рисовала эту расшифровку (слона, медузу и т. п.) Это я придумал, а Марине очень понравилось.

Пришел к 6 вечера В. Рубцов. У Алеши [сын В. Рубцова] температура. Володя, как и все, озабочен мировыми событиями. Он говорит, что у войн есть мистическая неотвратимость, и Камбоджу, Вьетнам, Китай, (СССР?), (США?) он рассматривает как этапы. Он говорит, что в такие моменты история становится особенно иррациональной (Иран).

На докладах в учреждениях говорят, что около суда над Затикином толпилось 30 чел. диссидентов, в их числе Сахаров.

Звонил Лева [Копелев]. Он озабочен кампанией вокруг меня и хочет (вместе с Лидой [Чуковской]) что-то писать.

Я проверил не подряд 220 слов из словаря наиболее употребительных слов. Не знаю 33, т. е. 15%. Слишком много.

Звонил Арий. У него есть вулканизатор, но треугольную дыру он не уверен, что сумеет заделать.

По случаю дня СА [Советской Армии] и, помня, как Люся 7 лет назад купила «тюльпанчик», купил мимозу, подарил Р. Г.

24/II. Р. Г. болеет. Это второй приступ в эту неделю (2 дня перерыва). Ночью давал ей по ее просьбе мазь и боржоми, она принимала нитроглицерин. Лиза очень беспокоится, звонила с работы⁷⁴.

У нас была Мальва — переписывала док. Евр[опейской] комиссии прав человека, Маша [Подъяпольская] (хлопотала около Р. Г.) и В. Ф.

Был Ханн и корр-ка Рейтера, хотят интервью. Я попытаюсь, уже пробовал. Сегодня я много занимался английским. 25 /II. Сегодня печатал интервью для Бизнес Уик (Питер Ханн).

У Р. Г. большие волнения, ночью по ней пробежала мышь, она страшно закричала. Сегодня Володя Тольц принес кошку. Но нужно держать закрытыми форточки. Бедное животное все время мяукает.

26 /II. Вечером отдал интервью, поделив его на две части — 4 пункта в Бизнес Уик, 5-ый в анкету какой-то хорошей газеты, забыл какой.

Был на массаже и получил у Ц. Г. [Циля Григорьевна — врач-окулист] рецепты⁷⁵ — она очень интересовалась Люсиными делами. Был Мейман, который подготовил письмо о Юре Я.-А. [Ярым-Агаеве]. Задача Меймана: от тетраэдра отрезаны 4 маленьких тетраэдрика (со стороны 4-х углов). По крайней мере один из них меньше $1/8$ большого по объему. Я решил:

$$V_1 \cdot V_2 \cdot V_3 \cdot V_4 \leq \left(\frac{V_0}{8}\right)^4$$

⁷⁴ После исключения из института Лиза летом 1978 года поступила на работу в Вычислительный центр Мос. Транс. Управления на должность оператора. Работа была трехсменная, и она часто работала ночью.

⁷⁵ Я заказывала в Италии очки для всех членов семьи и еще для многих друзей и заключенных — очки в лагеря посылать разрешалось.

27 / II. Утром приехала Наташа [Гессе]. Не удалось попасть к Принглу, он почему-то не мог выйти. Перенес на завтра. Отвез Наташу на Кутузовский, там у нее дела во Внешпосылторге. Забронировал билет. Когда выходил из дома, в дверях столкнулся с Лизиным папой. Он стал кричать на меня и Р. Г., что Лиза живет у нас, что это ему доподлинно известно, что Р. Г. ему обещала и обманула его, что это непорядочно с ее стороны, что мы (я в особенности) толкнули Лизу на аборт в Ленинграде и скрыли от него, что она поехала на аборт. Он надеялся, что мы порядочные люди и остановим Лизу после его приезда, а мы наоборот «заметали следы». Р. Г. говорила, что она отговаривала Лизу (к сожалению, я этого не помню). Но главная тема все же была, что Лиза живет в доме, где она не может ничему хорошему научиться, что я предатель, враг всего в нашей стране, изменник, защитник убийц детей и сам убийца, что из Лизы я хочу сделать такую же, но он этого не допустит, что мы не должны допускать, чтобы Лиза жила в доме. Все это на оглушительном крике, в самом агрессивном тоне.

Я говорил, что Лиза и Алеша любят друг друга, что он должен отпустить Лизу к нему, что иначе он губит ее жизнь, что она взрослый человек и имеет право сама определять свою судьбу, и он должен уважать ее мнения, даже если они расходятся с его. Он кричал, что не допустит пока жив, чтобы его дочь стала шпионкой, что я возил ее к себе на дачу и т. п. Все это ужасно. Но я думаю, что был прав, говоря серьезно и без умолчаний. Р. Г. со мной не согласна, при этом, по-моему, она гово-

рит об «уровне» отца в тоне, очень неприятном для Лизы, которая и без этого совершенно убита (так же, как Р. Г.). Лизы, к счастью, не было во время крика (она отвозила кошку, т. к. разложили яд, что само по себе мне неприятно, но Р. Г. безумно волнуется мышами).

Купил на завтра билет в Ташкент. Наташа хочет ехать со мной. Вечером у нас были В. Ф., Маша, Таня В., Саша Л[авут], 2 сестры Мустафы [Джемилева].

С помощью акад. водителя отремонтированы колеса — обошлось в 10 р.

28/II. Получил деньги, книги, был на массаже. Вечером уехал в Ташкент. В. Ф. меня провожала. Деляра [сестра Джемилева] не смогла улететь. Наташа [Гессе] поехала к Наташе К[олчинской].

1/III. На аэродроме меня встречали Асан [Джемилев], Решат [Джемилев], Руслан Халилов (один из активистов крымско-татарского движения, экономист, очень привлекательный и непосредственный человек с несколько детской открытой улыбкой). Меня положили спать на 2 часа «в комнате Мустафы». Хотя я почти не спал в самолете, а накануне спал только 3 часа, я засыпал только урывками.

К 10 пошли в суд. Секретарша сказала, «когда привезут обвиняемого, начнем».

Судья Петров, красивый и, говорят, справедливый, еще не старый человек, то и дело куда-то надолго отлучался. К другому судье приехала машина с подсудимыми, но Мустафу так и не привезли. У Мустафы есть назначенный адвокат — узбек — по странной случайности такой

же калека-хромой, как назначенный адвокат-горбун на процессе Марченко, представлявшего собой полную аналогию дела Мустафы — те же фальсифицированные обвинения в нарушении надзора, такая же голодовка.

Татары увезли меня (если не силой, то обманом) обедать в ресторан (шурпа и чай по-узбекски), затем опять в суд, где ничего не происходило, и человек 30 собравшихся стали расходиться.

Меня опять отвели отдохнуть,*) а затем опять повели на встречу с активистами, которая состоялась на квартире Руслана.

*) Я тут допустил бестактность. Меня пригласил остаться у него Руслан, а я сказал, что поеду к Асану, с которым я уже договорился, и что у него такие хорошие дети, так весело шумят, что чувствуешь себя как дома. Руслан помрачнел, а вечером рассказал, что несколько лет назад у него утонула 10-летняя дочка (по небрежности воспитателей, оставивших детей на пляже, где около берега была вырыта яма). У Руслана сын Тимур — 1,5 года, общий баловень. Дочь была ген. шахматисткой, всех обыгрывала взрослых. Был «парадный» ужин с нац. блюдами, подавала жена Руслана и другие женщины, которые на равных вполне правах принимали участие в беседе. Всего было более 20 человек. Страстно говорили об их национальном деле, спорили, нужно ли выходить на межд. арену, как сохранить нацию, что конкретно делать. Руслан говорил, что должна в основе демокр. общ. движения быть новая идеология — не только такая общая, как права человека,

но и конкретно-экономическая. Я сказал, что большей конкретизации, чем смешанная экономика, сочетающая государственное планирование со свободой частной инициативы и частного потребления, не должно быть, и что в основе всего все же лежат права человека.

Между отдельными течениями в крымско-татарском движении спор о необходимости, масштабах и способе выхода на международную арену. Их интересует, в частности, целесообразно ли создание крымско-татарской хельсинкской группы. Все эти споры — продолжение диспутов 60-х годов о целесообразности контактов с инакомыслящими (еще тогда некоторые крымские татары опасались, что диссиденты только «используют» движение кр[ымских] татар). Горячую речь против изоляционизма произнес Исзет [?] (он мне очень понравился). Я сказал, что я никогда не даю советов, но что международно-правовые документы (Декл., Пакты, Акт, ст. 7 разд. I) предусм. свободный выбор места проживания, что широкая гласность — необх. сост. часть любого демократического движения и что она не противоречит основному методу кр.-тат. движения — петициям.

Спать мне постелили на диване в комнате Мустафы. 2/III. Ходили с утра (к 10 по местному) в суд вместе с Асаном, судья «объяснил» нам, что не хватило конвоиров привезти Мустафу. Суд будет, по его словам, 11—12 марта (т. е. Швейский [адвокат] не сможет участвовать. Но Саша [Лавуг], с которым я говорил по телефо-

ну, старается переключиться на Шальмана). Потом я ходил гулять по городу в сопровождении Исзета. Он опять говорил о крымск.-тат. делах. Заходили на рынок, где он и еще один кр. татарин купили подарки для нас и С. В. (изюм и т. п.).

Утром слышал по радио обращение американских ученых. Татары собираются включить в изб. бюллетени слова «Мустафа Джемилев. В тюрьме».

В 5.30 по местному татары повезли меня на аэродром. Они купили билет за свои деньги! Я ничего не мог поделать.

В московском такси слышал грозное заяв. Сов. правит. (о Вьетнаме и Лаосе).

Колесо у машины вновь спущено — досадно до крайности.

3/III. Сижу дома. Читаю Беллоу⁷⁶, о мировых проблемах Хандлера (все же он молодец!) и «Мировую динамику».

Компромисс должен быть:

а) Эффективным, т. е. не должно быть возможным такое изменение, при котором выгадывали бы все участники.

б) Устойчивым, т. е. ни один из нарушителей соглашения не должен получать выгоды от этого нарушения.

Вывод «Мировой динамики» (предварительный!):

— выход на стабильный уровень (квазистабильная траектория в пределах гомеостаза) произойдет через

⁷⁶ Сола Беллоу («Герцог») Андрей читал как упражнение в английском языке.

коллапс (гибель) $\frac{3}{4}$ населения от голода и разрухи, если не осуществить общемирового регулирования — прир[оста] нас[еления], уровня потр[ебления], защ[иты] среды обит[ания]. Срок коллапса — с логарифмической точностью в середине XXI века.

Был Мейман с письмом о Юре Я.-А. — на англ. языке. Окончательный вариант принесет в понедельник. Я, предварительно, согласился подписать письмо — ответ американским ученым.

Проводил Наташу [Гессе] [в Ленинград] на скорый № 6 (23.40).

4/III. Сегодня целый день дома — пишу в черную тетрадь, занимаюсь английским.

Днем позвонила Женя Райская⁷⁷. Неск. часов перед этим умер Соломон Менделевич [Райский]. Он пришел в обеденный перерыв с работы, почувствовал себя плохо, позвали Борю Монгайта⁷⁸, Соломон Менделевич был уже без сознания, все усилия Бори произвести реанимацию (выражение Жени) были безрезультатны. Эмболия (закупорка?). Соломона Менделевича увезли из дома (на вскрытие?). Женя говорила с каким-то надрывным спокойствием. Я также недавно говорил с С. М., слышал его размеренный голос с рассудительными успокаивающими

⁷⁷ Райская Евгения, дочь Соломона Менделевича и Натальи Александровны Райских.

⁷⁸ Монгайт Борис, врач, сын известного историка. Монгайты жили в одном доме с Райскими.

интонациями, перед глазами его доброжелательная манера, юмор, предельная корректность, точность, предупредительность и деликатность. С. М. — одновременно очень умный и даже не просто добрый, а сознательно справедливый человек. Жизнь их с Нат. Алекс. была не легкой (умерло двое новорожденных, с Женей им не просто), но очень насыщенная делом. Я позвонил Валентине Джозефовне [жена Е. Л. Фейнберга] (Е. Л. в Узком) и В. Ф., та через кого-то известила Шурочку⁷⁹ [Финкельштейн]. Нат. Александровна в шоковом сост., к ней должен был прийти брат Михаил Ис. (двоюр?), их большой друг. Очень грустно, все время думаю о них, С. М. и Н. А. и Михаила Исаковича⁸⁰ хорошо знал папа, так узок мир.

У нас был Рубцов, повесил полку. Конечно, и я мог бы, но я не знаю, где что, спросить у Р. Г. не могу, а Рубцову она сама все показала, хотя у нее опять начинается приступ. Р. Г. весь день ворчала на отсутствующую Лизу (за пассивность, несобранность, непонимание человек. отн[ошений], безделье и т. п.) Цитировала Наташу [Гессе], что «Люся хочет повесить Алеше груз». Но кто, кроме самого человека, может знать, что ему груз, а что — нет?

Позвонила из Ленинграда Наташа. Ей сегодня утром в поезде стало так плохо, что она не могла пошевелить

⁷⁹ Финкельштейн Александра, жена Эйтана Финкельштейна, кажется их родственница(?).

⁸⁰ Райские и Михаил Исаакович Мандельштам, а также И. Е. Тамм были дружны с юности.

ни рукой, ни ногой, ни шеей. Страшные боли. Ее встречала Инга⁸¹, одела в вагоне и, взяв в одну руку сумки, а другой подхватив ее, кое-как доставила домой. Сейчас ей полегчало.

Алеша у Володи Р[убцова] поправился.

5/III. Утром мылся, ездил на массаж, купил еще оротата калия. К 4 поехал на «ЧАЙ»⁸². Ю. Б. [Харитон] выступал только за Романова, т. к. он неправильно понял слова Александра говорить только о тех, кто не включен в список экспертной комиссии. Я выступал в конце, после 15—20 ораторов (в том числе Евг. Львовича). Я выступал за А. И. Павловского, по-моему, очень красноречиво (Ю. Б. сказал, большое спасибо. Я воспользовался случаем и ввернул о Меймане — я специально для этого подошел к Ю. Б. — я сказал то же, что было написано в письме Стоуну. Ю. Б. сказал, что идет работа в этом деле, что это не просто, старания прилагаются не только по делу Меймана, но и других, оказавшихся в этом положении. Я спросил о Гольфанде. Ю. Б. не ответил. Он сказал, что я должен знать, что он прилагает усилия. Я думаю, он говорит правду)⁸³.

Перед «Чаем» ко мне подошла секр. Алекс[androva] и сказала, что есть решение по моему делу (у Чихмахчева

⁸¹ Внучка Зои Моисеевны Задунайской.

⁸² Чай у Президента АН СССР — по обычаю устраивается перед очередными выборами в Академию.

⁸³ Разговор о снятии секретности с работ Меймана и Гольфанда.

[описка — правильно Чахмахчев]). Секр. Чих. сказала, что положительное решение у Милевского (жилищный отдел).

Кроме Павловского, я выступал за Шапиро И.С. и Полякова (боюсь, что Е. Л. в этом мной недоволен, он сам выступал за Шапиро, Киржница, Никольского, а о Полякове в беседе со мной сказал — еще молодой, может подождать).

Вечером пришел Дима. Дал ему 20 р. (Долг составляет 310 р.), покормил и попоил чаем. Он собирается лечь на обследование в Ганнушкина к «Ив. Кузьмичу». Он сказал, что если он пойдет в армию, он верней всего попадет в стройбат (огр[аниченно] годен). Я опять подчеркнул, что он обязан начать работать, отвечать за свои поступки. Он спросил, субсидирую ли я его занятия в автошколе (для армии). Я сказал, что нет⁸⁴, тем более, что если он идет в армию, то предпочтительно не тянуть с этим.

Пришли Копелевы, я подписал подарок ([неразб.] на «1 год»⁸⁵) Фазилю [Искандеру] по их просьбе, экз[емпляр] принесли они.

Был Мейман, я подписал письмо в Сайенс и оставил у себя черновик письма группе SOS [Sakharov, Orlov, Scharansky]⁸⁶.

⁸⁴ Почему Андрей был против получения Димой водительских прав? Мне кажется, что интуитивно он (Андрей) подозревал в Диме бóльшую безответственность, чем когда-либо говорил или даже признавался самому себе.

⁸⁵ Книга «Тревога и надежда».

6/III. Сегодня — похороны Соломона Менделевича. Без речей и в академическом морге, и в (новом) крематории. Обрато я ехал в акад. машине с Нат. Александровой и Женей. Они много вспоминали и о И. Е. [Тамме], и о С. М. — какой он был справедливый, твердый, принципиальный человек. Как он помогал людям. Я хотел зайти к ним, потом мне по каким-то [репликам] Нат. Алекс. показалось, что они хотят только самых близких. Кажется, со слов В. Ф., которой звонила Шурочка [Финкельштейн], я ошибся, они ждали меня.

В ФИАНе был доклад Полякова — «о струнах» в теории Янга—Миллса. Не все понял, немного опоздал.

Сегодня бандитский суд над Мустафой. Только в 12 известили родных, что нужен Асан в качестве свидетеля. Мустафа отказался участвовать. Защитника не было. Раньше Швейский известил судью, что он может быть 6-го и 7-го. Судья заявил, что суд будет 10—11. Вчера была телеграмма от Шальмана, с которым заключен договор. Шальман выражал согласие прибыть на суд и запрашивал судью о сроке Мустафы. Казенного адвоката, прокурора и присутств. на суде не было — только судья, два заседателя и свидетели-милиционеры. За пару часов вынесли приговор — 4 года ссылки. Судья пошел к Мустафе в комнату для подслед-

⁸⁶ «S.O.S.» — организация калифорнийских ученых (в основном Беркли, но также КалТех и Стенфорд), активно выступавшая в защиту своих советских коллег.

ственных и громко зачитал приговор, его слышали татары через дверь. Звонил об этом Решат. Я сообщил об этом коррам ЮПИ и АФП, Саша [Лавут] — в Рейтер и завтра — ВВС.

Вечером у нас были Борис Герм., Маша и В. Ф., которая принесла мне в подарок перчатки взамен утерянных.

В 10 часов позвонила С. В. и просила приехать. У нее была Люся Бойцова, Саша [Лавут], Леонард [Терновский]. Оказывается, Резникову пытались подвергнуть обыску⁸⁷ (и уже просмотрели все ее книги и бумаги) в лаг. № 36, куда она приехала по просьбе Сережи [Ковалева] для составления надзорной жалобы. Она отказалась отдать на обыск сумочку, где ничего не было, и ее не допустили к Сереже, приехала ни с чем. Завтра об этом «сообщении жены» [Люси Бойцовой], расскажу коррам.

7 / III. Звонил ЮПИ и Рейтеру о Резниковой.

Китай сообщил об отводе войск (но проблема остается, и я не жалею о своем интервью)⁸⁸.

Ездил на массаж, получил письмо Александрову.

Пришел Эмиль, его вербуют то ли за границу, то ли на объект с повышением или секретностью. Он хочет уезжать, оставил свои данные, которые я перешлю Люсе с Копелевской оказией.

⁸⁷ Обыск адвоката — это тогда было чересчур даже для советской юстиции, но теперь (2004) стало почти обычным.

⁸⁸ Пограничный спор между Китаем и СССР в районе границы по реке Уссури.

Отослал 100 р. Оле [Левшиной]⁸⁹, целый час проверял 3% заем по 6 таблицам, вроде ничего нет. Заходил на стоянку⁹⁰, узнавал о возможностях. Письмо Александру (копию) получил у Милевского (жилотдел), зашел к секр. Чихмачева [описка — правильно Чахмахчев], я хочу получить нашу форму № 15 и т. п. Не знаю телефона, как позвонить в ЖК.

Писал письмо Люсе и ребятам для Копелевской оказии. 8/III. Утром стал мыть машину (уж очень она страшная стала). Подошел слесарь Виктор из ЖЭКа, предложил свои услуги (он в прошлом автомеханик, как он говорит). Он нашел, что колесо спущено из-за плохого вентиля, накачал шину. Потом он очень хорошо помыл машину водой из бойлерной. Я дал ему 5 р. потом он пришел к нам и занимался сантехникой.

Ездил на кладбище (на метро, Р. Г. не пустила одного на машине). Сегодня 10 лет со дня смерти Клары. Это очень странное чувство — я как бы живу в двух жизнях. Вечером ездил к Любе. Р. Г. сделала ей подарок из татарских даров. Гришу я уже не видел, он ложится в 8.*) Сидели, пили чай с Сашей, потом пришли Маша [Франк-Каменецкая] и Наташа Зысина. Люба очень озабочена Димой и Таней, их будущим.

⁸⁹ С момента отъезда Алеши мы давали Оле 50 руб. в месяц как «алименты» на Катю.

⁹⁰ Поставить машину на платную стоянку в надежде, что это будет защитой от постоянных травм, наносимых ей КГБ.

*) Ходил, правда, смотреть спящего и слышал рассказы о его активности (тройник пытается воткнуть в розетку).
9/III. Нарисовал картинки детям. Вместе с Лизой поехали к Копелевым. Это моя первая поездка без Люси и Ария. Вроде бы все нормально, только проехал поворот на ул. Горького, пришлось разворачиваться, проехав Смоленскую площ., и потом ехать по Брестской. У Копелевых провели много времени, потом еще пришел Фазиль, подарил Люсе и мне «Сандро из Чегема» в изд. Ардис.

В 18 часов были Бекхеррн⁹¹ с товарищем, милая беседа (обо всем) на немецком языке. Во время беседы пришел Виктор (рабочий-строитель, см. выше) и рассказал об окончании их забастовки (длительн. 4 дня). Начальство устроило ограждения, но сейчас их бьют рублем (заработок вместо 1 р. 20 к. в час стал много меньше 90 к., т. к. устраивают постоянные простои). Он сказал, между прочим, что в бригадах комм[унистического] труда заработок за ту же работу на 60 к. больше, т. ч. получается около 300 р. в месяц.

Без имен и мест я по просьбе Виктора рассказал об этом немцам. Виктор утверждает, что забастовки в 1—2 дня при расчете за работу — обычное явление, их обычно улаживают местными силами.

Вечером (с 10 до полпервого) ездил к Мейману по вопросу письма о комитете SOS (Sakh., Orlov, Sharanskiy). Буду писать сам (завтра, послезавтра).

⁹¹ Бекхеррн, немецкий корреспондент.

10/III. Весь день писал письмо «Дорогие коллеги»⁹², вечером ездил с ним к Мейману.

Много плохих новостей.

1. В 8⁰⁰ звонил Б. Перчаткин из Находки. 12/III суд над Орликом Александром за отказ служить в армии. Неск. дней назад (6/III?) группу из 5 детей со старшей девушкой забрали в милицию, когда они ходили к одной старушке помочь ей и попеть дух[овные] песни. Дети моложе 12 очень напуганы. Их допрашивали неск. часов.

2. Звонила Таня В[еликанова], Деляра⁹³ объявила трехдневную голодовку, протестуя против приговора брату. Много обысков (10 или больше) было 6/III. Бердник, возможно, арестован. Был обыск у Раи Руденко, интер[есовались] на допросе, откуда у нее стихи мужа. Гебисты провоцируют его ревность и, кажется, удачно. Рая боится, что его убьют. Приезжала 8/III голодная к нам. Нарича принес (вчера) письмо о новом аресте Петра [его сына] (он сломал дверь своего дома, чтобы войти внутрь после того, как от него ушла ночью жена). Обыски у мужа Н. Светличной, у Оксаны Мешко, у Малинковича, у Сечко отца и сына и Стрельца отца и сына. (Последние две пары в Иваново-Франковске). Самый главный обыск у Сергея Дедюлина (учитель химии сред-

⁹² Обращение к западному научному сообществу в защиту их осужденных советских коллег.

⁹³ Сестра Мустафы Джемилева.

ней школы, 28 лет), у него взяли гигантский архив. Вслед за ним 4 обыска в Москве на Аэропорте⁹⁴, в том числе у машинистки Копелева.

Михаил [имя вставлено] Мельник (под Киевом), ему 38 лет, историк, поэт, после обыска покончил жизнь самоубийством. Кажется, его зовут Валерий Михаил.

З. В. Ф. сообщила о непр[иятностях] Эйтана [Финкельштейна]. Его и Шур. [Финкельштейн] вызывают в милицию. 11 / III. Ездил с Р. Г. к Циле Григ. [окулист], (а также я к Коленко на массаж).

Отправил с Кировского почтамта письмо Нине [Харкевич] с вложенными рецептами на очки З. М. [Задунайской], Р. Г. и мне. В письме написал о стихах Нины.

Завтра суд над адвентистами. Я очень жалею, что не могу поехать (может, на приговор?).

Звонил Нат. Алекс. [Райской], нужно к ней заехать, у нее нет вопросника⁹⁵.

Смотрели по телевидению спектакль «Средство Макропулуса».

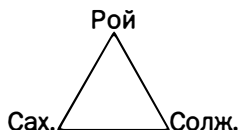
Маша [Подъяпольская] пришла после суда над Сережей Ермолаевым и Игорем Поляковым (19 и 25 лет). Их (случайно) задержали в вагоне метро крупные гебисты, когда они ругали С. В. [Советскую власть]. Поэтому (?) суд

⁹⁴ У станции метро «Аэропорт» большой жилищный комплекс Союза писателей СССР.

⁹⁵ Андрей подготовил «вопросник» для С. М. Райского по делу Затикиана и др.

был закрытым. Их направили на психиатрическую экспертизу (амбулаторную, т. е. в тюрьме). Звонил коррам об этом деле и о вчерашних новостях, включая Мельника.

Левич дал соглашательское интервью, а Шиплер опубликовал в Нью-Йорк Таймс статью, восхваляющую Р. Медведева. В частности, в ней (после описания его аккуратности и т. п.) говорится, что его исследования отличаются исключительной многосторонностью, документальной аргументированностью и точностью (объективностью), и именно поэтому власти не преследуют Р. Медведева в отличие от А. Сахарова, который, как следует из контекста, часто неточен и занимает более крайние позиции. Рой — одна из вершин диссидентского треугольника.

Рой — умеренный, конструктивный, его деят. осн. на научных исследованиях и всегда точна. Скромна и т. п.

Солж. Стремится к клерикально-монарх. авторитарному строю. Реакционен и часто допуск. умысл. преувеличения. Здесь я даже смягчил общий тон пренебрежения.

Сах. Эклектик, поверхностен, легко поддается влияниям. Часто неточен, склонен к преувеличениям и необъективности. Стор[онник] демокр. Западного типа.

(Этой характеристики нет у Шиплера, она как бы подразумевается по контрасту с тем, что написано о Рое.)

Шиплер — фрукт, и притом ядовитый.

Днем заходила Мальва, это она рассказала о статье Шиплера.

12/III. Сегодня — начало суда над Шелковым и другими адвентистами. Арестован Бердник.

С утра я поехал в Троицк (по Каширскому шоссе)⁹⁶, где в здании Института ядерных проблем⁹⁷ началась сессия Отделения ядерной физики. Тавхелидзе — вновь директор (был двухгодичный перерыв после одной ночи, проведенной им у какой-то немки из ФРГ). Марков и другие «старшие» хотят его провести в член-корры, а Грибов, Окунь, Фейнберг Е. Л. рвут и мечут. Пока Алико [Тавхелидзе] делает хозяйственные чудеса. Один из его помощников съездил на Амур и бригаду, забивавшую там сваи, увез на постройку «мезонной фабрики» (ускорителя, в котором сталкиваются ионы H^+ и H^- , образуя 100 импульсов мезонов в секунду по 10^9 каждый; такой мощный источник мезонов открывает новые возможности исследования редких процессов — типа $\mu^- \rightarrow e^- + \gamma$ и т. п. и различных исследований в обл. физики твердого тела и т. п. Впрочем, у американцев есть м. ф. [мезонная фабрика] уже 6 лет, и они ничего с ней не сделали: как час-

⁹⁶ Правильно — Калужское шоссе.

⁹⁷ Правильно — Институт ядерных исследований.

то мы повторяем зады, и очень дорогостоящие в данном случае).

Предвыборные страсти кипят. Грибов — за Сумбаева имел со мной большую беседу.

Я был у Натальи Александровны [Райской]. Она записала с моих слов краткий вопросник взамен уничтоженного. Она дала рецепт для Жени [Райской]⁹⁸.

Я купил на завтра билет в Ташкент (заказал его, а потом ездил за ним, сначала на akad. машине, а потом на такси).

Вечером был Мейман с обсуждением «письма коллегам».

13/III. Утром к 9⁰⁰ ездил на массаж.

Весь день — выборы в Отделении (с коротким перерывом — я стоя пообедал и съездил за заказом). М. А. Марков умоляет избрать Алико, угрожает уходом с поста akad.-секретаря. Я несколько раз голосовал за Тавхелидзе, но в самом последнем, решающем голосовании, когда надо было избрать трех из четырех (список: Павловский, Тавхелидзе, Сумбаев, Герштейн; до этого был избран И. С. Шапиро), я голосовал за П., Г., С., послушавшись многозначительного шепота Евгения Львовича. Евгений Львович сказал, что он заключил беспринцип-

⁹⁸ Я в Италии покупала лекарства для Жени Райской, как и для многих других наших знакомых. Вообще главные мои расходы за границей были лекарства и очки (то и другое очень дорого) для друзей, для знакомых и незнакомых людей, в том числе для пзк.

ный договор с группировкой ЛФТИ (Грибов) и ТЭФ⁹⁹ (Окунь) о Сумбаеве с тем, чтобы они потом голосовали за «наших». О Тавхелидзе же он умолял «не голосовать», т. к. Алико «страшный человек», «человек из системы» (Боголюбовской). Я уверен, что в следующий раз Алико придет, и я буду за него голосовать.

Герштейн не прошел. Е. Л. чувствует себя ужасно, он выступил (будучи спровоцированным на это Прокошкиным, чересчур хвалившим Сему Г[ерштейна]) с разоблачением роли Герштейна и Зельдовича в качестве предшественников «алгебры токов». Вышло это очень неловко и нетактично.

Итак, избраны Шапиро, Павловский, Сумбаев — одно место пропало.

Еще не дожидаясь результатов, я уехал домой (было 8 ч. 15 мин.), побросал вещи в сумку и стоя выпил чая из блюдечка, и уехал в Ташкент. Р. Г. несколько лучше. Ночью будет Маша [Подъяпольская] (а Лиза ушла на работу). На аэродром меня провожал Сережа Ходорович.

Перед самым отъездом — странный звонок.

Дама, хорошо говорящая по-русски, говорит: «Я видела Ваших детей, у них все в порядке». Я говорю — заходите к нам в любое время. Она как-то странно усмехнулась и продолжала: «Елена Георгиевна у них в Штатах.

⁹⁹ ЛФТИ и ТЭФ — Ленинградский физико-технический ин-т и Московский ин-т теоретической и экспериментальной физики.

Алеша с ее приездом совсем распустился. Он передает всем привет». Я говорю: «Спасибо».

Что это — туристка из СССР или проверка ГБ?¹⁰⁰
14/III. Рано утром, после почти бессонной ночи, я в Ташкенте. На такси доехал до городского суда. Походил по этажам (до этого около 1,5 часов гулял по городу вблизи суда, уже пахнет весной, журчит зеленовато-белесая вода в канале). С 3-ьего этажа меня послали на 2-ой. Там я узнал, что дела в горсуде нет. Поехал в облсуд. Очень маленький домик. Две пожилые женщины, которых не пускают внутрь милиционер и гебисты. Вскоре вышли на перерыв родственники обвиняемых, обрадовались мне (женщины тоже признали меня, угощали лепешками и толково рассказывали о деле; уже потом, в разных разговорах, меня поразило, как адвентисты «по-семейному» вспоминают разные эпизоды из Библии, как будто это было с их родными; главное в адвентистах — моральный максимализм — не убий, например, понимается без всяких оговорок, поэтому нельзя давать присягу, что служит главным поводом для их преследований — то же: не клеветщи, не укради, не пей, не кури, о собл. субботы и т. п. Очень заботятся о гигиене. Ждут скорого второго пришествия).

Суть дела ст. 170¹ (экв. 190¹), в частности издательская деятельность, обращение к Белградской конференции, обр. в конституционную комиссию. Но у Спалиня —

¹⁰⁰ Несомненно, это КГБ давал знать, что им известно о моей поездке в США.

20 лет скрывался от призыва. Шелков заявил, что если их будут называть «сектой», он откажется от участия в суде. Судья согласился пользоваться термином «Община адвентистов» (или что-то в этом роде). Допрос Шелкова перенесен на завтра. Я не жалею, что приехал. Это большая поддержка для адвентистов и облегчает мне отношения с прессой. ГБ очень обеспокоено. Ко мне подошли около суда 3 «родственника погибших в метро». Один из них, могучий мужчина восточного вида (азербайджанец? армянин?) вел себя очень агрессивно, кричал, что я защищаю убийц, что я сам убийца и негодяй, что мне нечего делать в Ташкенте и что, если я не уеду сегодня же, он не ручается за себя, он найдет меня даже под землей, где угодно, что в Ташкенте очень много родственников погибших и т. д. и т. п. — все это криком с вращением желто-белых глаз с черной радужкой и угрожающей жестикуляцией.

А на аэродроме за мной по пятам ходили два гебиста и упрекали в защите убийц. Оба — из Москвы, я их видел у судов; я их спросил, что они тут делают — они отвечали, что в командировке; в конце концов я сказал, что, занимаясь подобными делами, они зря носят значки с изображением Дзержинского (я чуть-чуть слищемерил).

У суда я познакомился с православным священником отцом Михаилом. Он очень интересный, глубоко стремящийся приносить пользу человек, хорошо говорит о своей пастве, о ее вере «от сердца». Он дружил с отцом Адельгеймом. К суду, уже вечером, он вторично пришел с дет-

ской коляской, в которой сидел его сын. О. Михаил с большим пиететом относился ко мне. Он недавно служил в армии, в отличие от адвентистов, приносил присягу.

В 7 часов я простился с хозяевами, поймал попутного частника и уехал на аэродром. В Москве я тоже доехал до дома на частнике — некто провожал жену, а обратно довез меня до дома за 5 р. Весь день я питался самолетными завтраками (туда и обратно), яблоком из того же завтрака и лепешкой.

Р. Г. на ногах. Таня Осипова принесла бумаги, я их не в силах сегодня прочитать.

15/III. Остался месяц!!!¹⁰¹

Сегодня на общем собрании кворумные дела. Из общего числа академиков (226) в голосовании принимают участие (212). 2/3 — составляет 142 голоса.

При голосовании директоров я воздержался, когда голосовали А. Н. Тихонова¹⁰², и голосовал против Мигулина (это бывший начальник [Юрия] Орлова).

С голосованием Мигулина вышла небольшая неловкость. Я испугался, что это авиаконструктор, и сказал, что ошибся, а потом еще раз поправился, что не ошибся. Вызвал смех. Голосование было открытым. Трапезников

¹⁰¹ Это отсчет времени до моего возвращения из Италии.

¹⁰² Андрей тогда рассказал мне, что в свое время он поддержал (или выдвинул?) его кандидатуру на Гос. премию, а потом сожалел об этом.

получил на выборах в академики (в член-корры он попал 2 года назад с 4-ой или 5-ой попытки) 137 голосов, т. е. не добрал 5 голосов.

Последним пунктом повестки были поправки к Уставу.

Пункт первый — срок полномочий Президиума установить не 4, а 5 лет.

Я голосовал «За».

Пункт второй — Изложить 1 абзац §1: «Академия СССР является высш. научн. учр. СССР, объединяющим в качестве своих членов наиболее выдающихся ученых страны — граждан СССР» (подчеркнутое добавлено).

Дополнить § Устава абзацем:

«Действ. члены и ч. к. АН СССР в случае утраты ими гражданства СССР выбывают из состава членов АН СССР».

Я попросил слова и сказал, что я предлагаю провести раздельное голосование, т. к. нет абсолютной логической связи этих двух пунктов, и я отношусь к ним по-разному. Я против. Мою позицию могут разделять и другие академики. Я против дополнения к §35, т. к. эта поправка требует механического, без обсуждения, выведения из состава АН ее членов. Это неправильно по принцип. сообр. Нужно конкретное обсуждение каждого казуса. У нас есть пункт, допускающий исключение за действия, наносящие ущерб стране. У нас есть альтернативы: перевод в иностранные члены; оставить членом в виде исключения, с учетом заслуг перед наукой; ходатайствовать об отмене решения о лишении гражданства. Механическое исключение недопустимо.

Во время моего выступления Александров вышел из зала (как бы в туалет). Возражал мне по процедурному вопросу Федосеев. Он сказал, что вывод из членов АН predetermined 1-ой статьей, и поэтому не нужно раздельное голосование; выборы же в иностранные члены — отдельный вопрос и сюда не имеет отношения.

При голосовании по процедурному вопросу почти 170 голосовали против меня, и лишь Соболев С. Л. и еще двое поддержали. При голосовании по существу я был в одиночестве. (Федосеев сначала поставил на голосование все поправки сразу, включая также порядок выборов академий союзных республик, третий пункт повестки дня; я возражал, тут он согласился — понял, что перегнул).

Еще один скандал был по делу ~~Имшенецкого~~ Ишлинского¹⁰³ ? Его ругали за статью против применения аммиачной селитры, от которой страдают тяжелой болезнью десятки тысяч людей, в особенности детей. Петровский знает и подтверждает, что множество коек занято детьми с синюшным отеком, десятки тысяч остаются инвалидами. Я стал ему аплодировать, когда он кончил, ползала поддержало меня. Вскочил Кнунянц, и стал упрекать Ишлинского, что он поддерживал Лысенко. Ишлинский заявил, что это неверно, что ни в одной из своих статей он даже не упоминает Лысенко.

¹⁰³ Ошибка Андрея: надо здесь и ниже не Ишлинский, а Имшенецкий А. А.

При голосовании Ишлинского на пост директора Александров воздержался и объяснил это упомянутой статьей, наносящей вред нашему сельскому хозяйству. Это-то и вызывает ответную реплику Ишлинского. На пост директора его утверждают. Реплика же в конце заседания. Я спросил Петрянова-Соколова, дело ли говорит Ишлинский. Он уклонился от прямого ответа, но сказал, что в Ташкенте установлен обязательный контроль арбузов на содержание селитры и часто уничтожают целые партии. Хочется спросить — а в других городах.

Еще один скандал был связан с пожаром в Даль[е-восточном] филиале АН СССР.

Вечером ко мне подошла немка с сыном. Муж отсидел 3 года (по 190¹). Их не выпускают вот уже много лет. Мужа шантажировали, что, если он покается (у него отобрали статью), его немедленно выпустят из тюрьмы. Фамилия их — Винс.

16/III. 10 месяцев Грише.

Хотел поздравить, но они выключили телефон¹⁰⁴. Ездил на массаж, 1 инъекция раверона, на пресс-конф. к Тане В[еликановой], на почту — отправил письмо с рецептом для Жени [Райской], в Новогиреево. Я зашел к предс. ЖСК Корнееву и подал от имени Е.Г. Боннэр заявление о выходе [из кооператива].

¹⁰⁴ В данном случае — не КГБ. Люба обычно рано вечером всегда выключала телефон.

Пресс-конф. отменена (будет завтра в полтретьего), я даром просидел 1,5 часа, а также долго дважды ждал Коленко. Ну, это мелочи жизни.

У Т. М. [Великановой] очень милая внучка, на 1 день моложе Гриши, уже месяц ползает — в отличие от сына глупых родителей¹⁰⁵. Вечером пришел Мейман, я подписал «Письмо коллегам» и не подписал письмо Комитету защиты евреев-заключенных. Таня Осипова оставила письмо от Лось — страшная история жизни человека, рожденного в 1929 г.

17/III. Утром к завтраку пришел Андрей Т[вердохлебов]. (Принес коробку с лампочками, наверно С. Ю. дала, чтобы был повод послать к нам). Попили чаю. Странное чувство — вроде бы с интересом слушает и задает вопросы, и все же все это чем-то напоминает беседы в больнице с тяжело больным, уже стоящим «по ту сторону черты».

К 2.30 на метро поехал к Тане В[еликановой] на пресс-конференцию. Темы — обыски и допросы, суд над Шелковым (я рассказывал о своих впечатлениях, Таня меня дополняла). Пришло письмо от адвентистов со многими подробностями, о них мы тоже говорили. Саша Л[авут] говорил о суде над Джемилевым, о его деле и о расправах в Крыму по постановлению № 700. Я сказал, что дело

¹⁰⁵ Андрей огорчился, что Люба и Саша держат Гришу в манеже и не выпускают в «свободное пространство» (его выражение), т.е. на пол.

Сергея Дедюлина затрагивает ученых всего мира, это посягательство на свободу научного исследования.

Мельник написал: «лучше, чтобы мои дети стали сиротами, чем детьми п/з». На Украине это действительно страшно, и все же...

Было заявление Группы (написанное С. В.) об угрозах мне и об ответе «Отдела права и морали» на письмо Вани Ковалева¹⁰⁶.

Звонил Дима. У него сильная ангина, лежит на даче один. Боюсь, что без денег и продуктов. Завтра позволю ему.

С Лизой ходили в кино. Билет для меня был у Володи [Розоноэра]. Фильм «Тристина» [правильно — «Тристана», реж. Л. Бунюэль], если совсем коротко, то о страшном перерождении человеческой личности, о том, как зло рождает зло и смерть. Героиню, молодую осиротевшую девушку, очень милую, старик-опекун, ловелас и жизнелюб склоняет к «сожительству». У нее роман с молодым художником, затем она заболевает, возвращается к опекуну, ампутация ноги, художник выходит в люди и исчезает, свадьба с опекуном, ненавидит его, мучает, спит отдельно, верней с глухонемым парнем-садовником, злая ведьма, не вызывает к опекуну врача, и тот умирает. Фильм великолепно снят (режиссер Б... Забыл!) В общем, Леня [Литинский] очень хорошо нас «культурно обслужи-

¹⁰⁶ Иван Ковалев написал письмо в газету "Известия" с протестом против травли академика Сахарова.

вает». Я туда пошел отдельно от Лизы, зашел по дороге в парикмахерскую, постригся, успел в кино за полчаса до Лизы. Сильно заболело сердце от переулка Обуха, попросил нитроглицерин у прохожего-моряка и не ошибся.

Леня провожал меня домой и вместе пили чай. Говорил по телефону с Л. К. Ч[уковской]. Вечером звонила Раиса Лаз. из Ленинграда. У Вани [Семенова] инфаркт. Люся и дети будут очень расстроены. Ваня лежит в больнице у Вали¹⁰⁷. Больше подробностей Инга [Бройдо] не запомнила, а к нам не дозвониться.

■ *Еще одна параллельная история. Инга Григорьевна Бройдо — наша соседка. Ее отец, Бройдо Григорий Исакович, узник сталинских лагерей, один из немногих старых большевиков, реабилитированных не посмертно. Он был ректором КУТВ (Коммунистический Университет Трудящихся Востока) и зам. наркомнац в бытность Сталина Наркомом Национальностей (т. е. зам. Сталина). Моя мама была студенткой этого университета. Мать Инги Григорьевны, писательница Степная — племянница (внучатая?) Софьи Перовской. Она опекала мою маму, живущую в общежитии Университета, когда я роди-*

¹⁰⁷ Ваня — Иван Васильевич Семенов — мой бывший муж, отец Алеши и Тани, Валя — Валентина Васильевна Рогачевская — его сестра, врач, зав. поликлиническим отделением больницы Эрисмана.

лась. Как говорили позже, я росла в пеленках и одежках старшего брата (погибшего во 2-й мировой войне) и старших сестер Инги Григорьевны. И моя мама всю последующую жизнь была дружна с родителями Инги Григорьевны. ■

Анекдот из Р. М.¹⁰⁸ «Сколько будет стоить пол-литра в 1990 г.?» Ответ: «5 юаней».

18 / III. Сегодня по телефону из Ленинграда Наташа [Гессе] подтвердила сообщение Р[аисы] Л[азаревны]. 10 марта Ваня вечером пошел на работу, стало плохо, вернулся, сделала неотложка укол и уехала, но Валя вызвала бригаду, и та диагностировала инфаркт. Валявзяла Ваню к себе [в клинику]. Инфаркт не обширный. Непосредственной угрозы нет, но нет и положит. динамики. Лежит в реанимации, там лучше.

Был Эмиль [Шинберг], делал слепок¹⁰⁹. Он уже успел уволиться (поторопился, ведь еще когда будет вызов, а потом разрешение!).

Сегодня звонил Новосельцев, требовал, чтобы я сообщил «этим Гинзбургам», что он не агент КГБ (это все по телефону, и не прерывают). Я отказался с ним разговаривать.

Сегодня я готовил пакет на вторник¹¹⁰.

¹⁰⁸ Газета «Русская мысль».

¹⁰⁹ Шинберг Эмиль протезировал зубы моей маме.

¹¹⁰ «Пакет» — письма и документы для пересылки на Запад.

Наташе [Гессе] очень было плохо. Боли в суставах, озноб, скачки температуры от 35 до 39,5, цистит.

Мы с Р. Г. и отчасти Лизой смотрели фигурное катание, а Лиза с Леней [Литинским] днем опять были в кино. 19/III. Утром — мытье, поездка в сберкассу и на процедуры. Отправил бандероль с книжками для сам[ого] мал. возраста.

Арестован Волохонский Лев Яковлевич. Со слов Маши [Подъяпольской] сообщил коррам. 20/III. Утром проверил у Маши фамилию Волохонского (волновался всю ночь, что перепутал).

Ездил к Принглу. Отдал 2 пакета. Сегодня чудный южный день. Прингл катается часто на лыжах со своими 3-я детьми (2 мальч., 1 дев.). В консульстве фото, как он играет в хоккей. Был большой разговор о всех событиях (Джемилев, Шелков, Дедюлин, Мельник, Волохонский, акции в Крыму, аресты в Майкопе).

Не удалось получить деньги в комисс. магазине — надо отдавать доверенность, а она мне нужна.

В ФИАНе — доклад Хомского о состояниях с промеж. валентностью — очень интересно, но меня смаривал мучительный сон, и я мало понимал (увы). У меня побаливает сердце — боюсь, что перестарался с утренней зарядкой.

Было два анонимных телефонных звонка с выражением сочувствия.

Ребята в ФИАНе рассказывают о докладе Свердлова в Доме Ученых, где он говорит о возможности (возрос-

шей в последние годы) войны с США (Китай и Ближний Восток — плацдармы, но не по существу важны). Другие говорят, что Янг (Лаур. Ноб. Премии) считает войну с СССР неизбежной, а он, в отличие от большинства амер. ученых, вхож в сферы большой политики.

Я сегодня купил черные чернила, т. к., возможно, Люсе будет легче читать.

21/III. У Вани инфаркт не обширный, сегодня ему разрешили садиться и спускать ноги.

Я ездил на массаж и укол.

Зашел к Лернерам, оставил записку, что не нужно фигурных шпилек¹¹¹, если их еще не сделали.

Позвонил Асан¹¹². Завтра кассация у Мустафы [Джемилева]. Опять бандитизм, неизвестно даже, успеет ли купить билет Шальман¹¹³. Приговор Мустафе дали 14-го.

Задержанные в Москве татары неизвестно где — в Узбекистане или нет.

Писал в большую тетрадь (22-го тоже).

¹¹¹ Думаю, что это небрежная запись. Лернеры жили на Ленинском проспекте, напротив редакции ЖЭТФ. Видимо, кроме Лернеров Сахаров еще заходил в редакцию журнала, где оставил записку, в которой просил убрать фигурные скобки в тексте своей статьи.

¹¹² Джемилев Асан, брат Мустафы.

¹¹³ Шальман, московский адвокат, взявший на себя защиту Мустафы Джемилева вместо находящегося в отпуске адвоката Швейского.

Хотел поехать к С. В. (подобрал кое-что), но ее нет дома (22-го тоже).

Р. Г. опять плохо. (22 чуть лучше, но все равно плохо). 22 / III. Ночью Лиза говорила с Алешей. Люся поедет в Ит. 1 / IV. Они ездили в Вашингтон. Лиза сказала Алеше о Ваниной болезни (он сначала подумал, что речь идет о бабушке). Ване на 10-ый день разрешили садиться и спускать с кровати ноги (сообщение Наташи [Гессе] вечером 21, переданное Лизой Алеше). Видимо, инфаркт не обширный.

Лизе также звонил отец, просил приехать.

Эмиль привез болты и помог их поставить (что не трудно). Виктор [слесарь из ЖЭКа] пришел позднее и тоже что-то говорил про болты, якобы он их поставил (или я его не понял). Но так как он поставил молдинг и диск, я дал ему 3 р. (цену их я, кажется, уплатил раньше).

Дима должен 330 р. (я дал ему еще 20 неск. дней назад). Сегодня он звонил из 31 отделения. Просит кефир, яблоки, сигареты. Привезу ему это в воскресенье¹¹⁴.

Таня [Сахарова] просит мирантон (или другой неаллергический аналог сульфодиметоксина). Марина опять болеет. Просит устроить их втроем на турбазу в Геленджик. Завтра попробую в ДУ [Дом ученых].

Безуспешно пытался прозвониться Левич, а сейчас пытается Лия [Вайнштейн].

¹¹⁴ Дима лег (на обследование? на лечение?) в психиатрическую больницу.

Был корр. Франс Пресс Ян Краузе в связи со скорым визитом Жискара д' Эстена. Нечто вроде интервью и фотографировал.

23/III. Утром после мытья ездил на рынок, на массаж и укол, во фрукт. магазин и ДУ (последнее безрезультатно — прием вечером).

Днем и вечером сидел, читал разные книги (от Н. Бора Данина — принесла Циля, и Белой книги — принесла Маша [Подъяпольская], до сборника РЖ, Голоса Америки [описка — журнал «Америка»], Стругацких, Мопассана, Русской Мысли и еще чего-то).

Писал в большую тетрадь (третий день пишу о нашей встрече с Люсей).

Смотрел вместе с Р. Г. пятую серию Жана Кристофа (к сожалению, не смотрел большинства остальных).

Из «Известий» от 12/III узнал, что «в восточных районах США ожидается смена дождей на снегопады».

Маша [Подъяпольская] показала письмо от своего знакомого из Крыма, посетившего Будко. Тот очень удивился посылке с лекарствами, присланными Машей (покупки В. Ф. в Ленинграде) по настоятельной просьбе Вороны. Очевидно, этот нахал просто хотел таким образом войти в контакт со мной. Узнав о том, что его обман раскрылся, вчера он звонил, извинялся.

Вчера также звонил Павлов (он уезжает без детей, сын влюбился, а дочь вообще в ссоре с отцом). Умолял о встрече. Я отказался, пожелал ему доброго пути.

Миша Войханский с бабушкой до 20 апреля уезжают¹¹⁵.

Звонил Юра Ших. Их обокрали (ценные книги и кое-какие вещи — вроде как у нас 29 ноября). Собирается заявлять в милицию.

24/III. Танин день рождения.

От Меймана узнал, что адвентисты получили по 5 [лет], включая Шелкова (только одному кому-то дали 2 условно). Ужасное преступление.

Винса дважды задерживали при попытке пройти к ам. консулу за вызовом. Увезли во вт[орой] раз за 60 км и дважды сбили с ног. (Sworc — эту фамилию не удалось передать коррам — 20 раз телефон выбивали!)

Утром сходил в высотный дом, послал телеграмму Тане. Потом с Арием [Мизякиным] ездил в Новогиреево, готовили вещи к переезду и кое-что привезли. Туда и обратно машину вел я. Приехали к 16 часам. Был роскошный обед, потом я поспал¹¹⁶.

До общего сбора гостей я звонил коррам по делу Винса. В это время Маша [Подъяпольская] ввела в комнату женщину психованно-наглого вида. Когда я кончил минут через 5 говорить, она представилась «Роксана» (ока-

¹¹⁵ Ленинградский врач-психиатр Марина Войханская эмигрировала, оставив сына со своей матерью, так как ее бывший муж — отец мальчика — не давал разрешения на его эмиграцию, и шла долгая борьба за его выезд.

¹¹⁶ Обмен двух квартир на одну большую нам так и не разрешили, и мою кооперативную мы сдали назад кооперативу.

зывается, она уже побывала на кухне, ее кто-то впустил, и она искала меня). Она сказала, что она только передатчик. И вручила мне письмо от Новосельцева. Я прочитал его и дал прочитать Мейману. Пока он читал, она пыталась говорить, что Нат. Солж[еницына] обвинила огульно Новосельцева в том, что он гебист. Я сказал, что Нов. полностью виноват во всей своей ситуации, он вел себя совершенно недопустимо. От дальнейшей дисск. мы воздержались. (Маша только что-то возмущенно крикнула). Я попросил Машу проводить Роксану.

Потом был норм[альный] день рождения, все было хорошо. Были В. Ф., Циля, Маша, Фаня, Рубцовы, Леня и Инна, Мейман, Бэла, Шихановичи (вдвоем). Потом пришла Настя [Подъяпольская], Лена Воробьева с мужем.

Днем я звонил Л. К.¹¹⁷, поздравил ее .

P.S.1. Почему-то я не очень хорошо себя чувствую. Пот и ноги подгибаются. Надеюсь, завтра «оклемаюсь». На фоне Р. Г. это все «микроны».

P.S.2. Роксана пыталась говорить, что я должен позвонить Новосельцеву, успокоить его. Я говорю, все его беды от него самого, пусть для успокоения примет валерьянки (эта фраза была вызвана наглой манерой Роксаны).

В Крыму идут суды (над теми, кто пытался противиться)¹¹⁸. Звонил Асан и «Гриша» (я забыл точно, кто он). Они

¹¹⁷ У Л. К. Чуковской 24 марта день рождения.

¹¹⁸ Выселение татар, которые возвращались в Крым из мест, куда их сослали в 1944 году.

в обиде на Шальмана, возможно, на меня. Жаль, но тут их можно понять, но не оправдать. О Грише я забыл спросить Таню [Великанову], как дурак, сказал ему, а что было делать.

25 / III. Сегодня я целый день ничего не писал — ни о Шелкове¹¹⁹, ни «интеллект. интервью» — плохо себя чувств[овал], а о Ш. не знал, что и как писать.

Утром ездил к Диме¹²⁰. Ему дают седуксен в инъекциях, какие-то таблетки, по-моему, успокаивающего действия. Он много спит. Я видел его в холле внизу. Там сидела девушка по имени Марина, я сказал, что я ее знаю, и попал пальцем в небо (или наоборот). Я ездил туда с Цилей в качестве сопровождения на машине. Часов в 6 позвонил Мейман, попросил приехать. Ему сегодня один дрожащий от страха американец (приехавший по обмену в Инст. Курчатова — лазеры) передал портмоне с письмами (они у него, видимо, были зашиты в какие-то укромные места). Писем 3 — от Алеши, от Алеши и Тани и от Алеши для Лизы. Кроме того, несколько строчек, напечатанных Мотей. Письма очень интересные — о Реминой работе и его успехах написал Алеша, а также о своей те-

¹¹⁹ В. А. Шелков, пресвитер адвентистов седьмого дня. С призывами в его защиту сразу после суда Андрей безрезультатно обращался к главам государств, подписавших Хельсинкский Акт, и к Папе Римскому. Через год Шелков умер в лагере в возрасте 84 лет.

¹²⁰ Дима находился в это время в больнице.

матике. Я очень доволен, что Таня выйдет из чисто дом. сферы — я думаю, что ей бóльшие контакты с людьми будут по душе. Но кто заменит московские? Очень много и очень интересно о детях, чувствуется их характер.

Анин рост 96 см, Мотин 109 (Аня длинноногая, Мотя — крепенький). Аня привязана к Нэнси¹²¹. Очень хорошо. Мотя грозил уйти в сарай, желал смотреть телевизор. Хуже, но, быть может, он хотел смотреть что-то конкретное. Очень приятно, что дети дружны.

К Мейману я ездил на машине, нарушив обещание не ездить одному, но не было с кем (Лиза спала, ей вечером на работу). Утром на сч[етчике] было 7707, после поездки к Диме 7726.

Лиза сегодня ездила к родителям (отец неск. дней назад звонил ей на работу). Родители ругали меня (каждый вправе убить такого предателя), говорили, что она нужна нам как домработница. Говорили, что никогда не отпустят ее за границу, где она нужна ЦРУ. Отец выгнал ее, она проплакала всю дорогу. Но зато как она просияла, получив письмо!!!

У Меймана я видел его внучку Машеньку (10 лет), очень милая девочка.

Без меня у нас был Андрей Тв[ердохлебов]. Он очень мил был с Р. Г., выпил рюмочку. После того, как он не голосовал, у него начались неприятности на работе, и это,

¹²¹ Нэнси, девочка из соседнего дома, несколько старше Ани.

по его словам, вынудило его уволиться. Что-то будет из всего этого?

Дважды звонил Коротич¹²² из Вильнюса. В первом звонке он рассказывал, как его всюду преследуют гебисты. Они якобы прижимают его, плюют ему в ухо, непрерывно угрожают. В последние месяцы его по несколько раз в день колют иглой (руки — в карманах, т. е. через брюки) — в спину, грудь, бедра и т. п. Страшная боль, начались предсказанные ими болезни. Я предложил ему завербоваться на северную стройку и порвать с патриархией. Он сказал, что это бесполезно — он раньше сотрудничал с органами, а потом отказался; органы такого не прощают.

Второй звонок — Вы должны иметь в виду, что Юрий Гримм — провокатор. Вы можете сомневаться. Я сказал, что сомневаюсь, но в обратном его словам смысле. И прервал разговор.

От Коротича надо подальше, это мне ясно.

26/III. Утром напечатал заявление от имени Р. Г. о перепрописке, но в милиции сегодня нет приема.

Виктор поправил фару. Я ему ничего не заплатил. Т. к. он сам подошел, и нельзя платить каждый раз.

Приехала с огромным рюкзаком Мальва из Еревана. Привезла гору информации. Самое главное — Степанян сказал на последнем свидании, что суда вообще не было.

¹²² Человек непонятный и, очевидно, нездоровый, мы познакомились с ним (напрасно!) около суда над Юрием Орловым.

Их привезли в пустой зал и за 10 минут объявили приговор. У Затикяна было свидание с родственниками длит. 20 мин. Сестра упала в обморок, и бóльшую часть времени ее приводили в чувство. Брат спросил Затикяна, имел ли он какое-либо отношение к преступлению. Затикян ответил — у меня нет никакой другой вины, кроме того, что я оставляю сиротами двух детей. Затикян отказывался от дачи каких-либо показаний все 15 мес. Писать помилование он считал бесполезным.

Я оставил заказ на книги и был на уколе.

Наталья Александровна [Райская] (к которой я заезжал), получила ответы на часть моих вопросов (от «эксперта», передано через его начальника, начальник вне подозрений, но боится собственной тени после того, как отсидел 17 лет).

1. Дата нач[ала] суда и приговора? Не помню.

2. Численность публики? Много.

3. Экспертизы. Их было много, в частности определялось, в состоянии ли были Степанян и Багдасарян самостоятельно собрать электросхему. Ответ. Не могли.

4. Фамилий адвокатов не знает.

5. Формулировка приговора. Высшая мера.

6. Мотивы преступления. О них говорить запрещалось.

7. Все (?) отказались от своих показаний, данных на предварительном следствии.

8. Выступал свидетелем секретарь НОП (?) (фамилия и возраст неизвестны), говорил, что сущ. НОП, что цель взрыва — привлечь внимание.

9. Затикян отказался от защитника.

10. Затикян говорил, во всем виновата Окт[ябрьская] революция, которую сделали евреи и масоны.

11. Якобы до последних недель следствие шло в Ереване и лишь потом перешло в Москву (на самом деле не так).

Итак.

Был ли суд?

Или это инсценировка?

Или «эксперт» просто по указке КГБ подбрасывает смесь ложной и истинной информации?

Когда я уже собрался уезжать в поликлинику, пришли трое:

Людмила Агапова, которая просила о денежной помощи жене А. Кузнецова.

Ч. (бывший зек), который строит диссидентскую дачу в Крыму, для чего нужны деньги.

Этим двум я отказал. Третий пришел просто поблагодарить за защиту (в 1972 г.).

Мальва легла спать на кухне.

27/III. У Евг. Львовича [Фейнберга] в Берне, на Эйнштейновской сессии, где он делал доклад, произошла отслойка сетчатки (он, я думаю, непомерно волновался). Сейчас он там в больнице, ему сделали операцию. Как это все плохо! Вчера еще Нат. Алекс. удивлялась и немного обижалась, что он не звонит. Евг. Львович должен был делать доклад и у нас в ФИАНе.

Утром я ходил в милицию и в ЖЭК-12, узнавал о том, что надо.

В ФИАНе на докладе Гуревича соснул, хотя доклад был интересным (нелинейные явления в ионосфере). Американцы готовят технический проект фотоэлектрической электростанции в стационарной точке ($h=6R$). 8 млрд. долл., 120 кв. км фотоэлементов. Мощность (электрическая на Земле, ретранслирования радиолуча $\lambda=10$ см) то ли 5 млн. квт, то ли 10!

После доклада ко мне подошел Володя Файнберг. Лизин папа «беседовал» с Постниковым¹²³, секр. парт-организации ФИАНа. Я предатель и гублю его дочь, заставляю ее уехать в США, я ее стараюсь сделать антисоветчицей, ее исключили, т. к. нашли у нее антисоветскую литературу, он требует, чтобы я не мог заставлять ее жить в этом доме. Он говорил, что она единственная у него дочь¹²⁴ и что он умрет сам и предпочтет, чтобы умерла она, но не стала предательницей партии и правительства.

Постников испуган и спрашивал у Володи, как нейтрализовать Лизиного папу. Володя тоже боится, что это будет большая неприятность для ФИАНа, Теоротдела и для меня. Я сказал, что главное — трагедия Лизы и Алеши, у которых уходят попусту лучшие годы, и не видно, как решить проблему; я рассказал, в чем она заключается. Володя сказал — Лиза должна пойти на хитрость,

¹²³ Здесь и ниже не Постников, а Плотников А. Ф.

¹²⁴ Это неверно. У Лизы есть родная сестра.

вернуться к родителям и постепенно уговорить их ее отпустить. Я же должен, чтобы нейтрализовать папу, обещать устроить Лизе другое место проживания — это меня, по его словам, ни к чему не обязывает. Я ответил, что и то, и другое невозможно. Лиза только потеряет свою ясную и четкую позицию и многие годы не сможет ее вернуть. Я не считаю, что имею право выгонять Лизу из дома, кроме которого у нее ничего нет. Договорились, что Постников и Володя постараются успокоить папу в том смысле, что никто не собирается делать из нее шпионку и антисоветчицу. А в частном случае Володя постарается ему объяснить, что ничего страшного нет в отъезде, что тысячи уезжают. Я сказал, что это тем более важно, что КГБ обрабатывает папу в обратном направлении.

Дома у нас были В. Ф. и Маша, смотрели все вместе Кристофа, посл. серию.

Лиза была очень расстроена визитом папы в ФИАН. 28/III. Пришла телеграмма от Романюка¹²⁵. Прибыл на место сию без денег. Якутская АССР Кобяйский район Сангарул. Спортивная 12—36. Пишите. Посылайте деньги до вост. Вас. Романюк. После семинара послал 40 р. (запл. 42.30).

Помыл окно, но т. к. не было тряпок, а бинт догадался исп[ользовать] только под конец, правая половина получилась мутной. Исправлю ближе к Люсиному приезду.

¹²⁵ У священника Романюка кончился лагерный срок, и он прибыл к месту ссылки.

Печатал письмо об адвентистах. Вечером отдал Зоре и Дитриху Мумендейлам¹²⁶, которые в восемь часов пришли просить заметку на 50 строк x 60 знаков на тему европейского парламента. Подумаю.

Был на семинаре, посвященном юбилею Эйнштейна (р. 14 марта 1979 г. [описка — 1879]).

Доклады: Маркова (0,6), Прохорова (0,7), Франка (0,7) — в скобках — коэффициент скучности.

Звонил Ших, сообщал со слов Крониды [Любарского], что дети уедут из Италии 2 апреля. Очевидно, надо понимать наоборот. Ну и запутались же мы во вранье¹²⁷.

Звонил Дима. Ему якобы будут делать инсулин, но решится это окончательно через 2 недели. Он выходил из больницы (проводил какого-то больного), купил в долг (27 р.) чудные ботинки. Просил оплатить.

Звонила Люба. Она 2 недели больна — простудилась. Просит 5-нок (у нее цистит обострился). У Гриши обнаружилась сильнейшая аллергия на вьетнамский крем, дают ему димедрол (боюсь, что тут элемент мнительности, а если нет, еще хуже).

29 / III. Утром перемыл окно. Отвез Р. Г. в ЖК-12, где она получила форму № 15 (на меня, а на Люсю — на обороте).

Поехал в поликлинику (Лиза в кач. сопровождающей, у поликли. я с ней расстался). Сделал массаж, получил рецепт на кодтерпин. Обрато поехал без Лизы. Заехал

¹²⁶ Немецкий корреспондент и его жена.

¹²⁷ Я с середины февраля до 2 апреля была в США.

на стоянку около Москвы¹²⁸. Выезжая задом, задел передним правым крылом другую машину, слегка ее поцарапал. У меня соскочил молдинг. Я было уехал, потом заела совесть, вернулся, хотел заплатить за ремонт (деньги у меня были). Но водителя не дождался за полчаса. Неприятный осадок. Ушел на семинар.

Сегодня доклады были интересней, чем накануне: Брагинского, Гинзб[урга], Зельд[овича]. После семинара ко мне подошел Илья Капчинский, которого я не видел уйму лет (он с нашего курса, знает через Софу [Шапиро] Томар [Фейгин])¹²⁹. Немного рассказали друг о друге. Тут вклинился Боря А[льтшулер], и мы как-то потеряли друг друга. Обратно я до его дома подвозил Меймана.

Я не записал в нужном месте, что 24/III Винса [Петра] задерживали и отвозили в лес, когда он собирался за вызовом к амер. консулу. Угрожали убить, два раза свалили с ног. 28/III на улице (он шел по своим делам) на него набросились те же четверо, из них один ранее отрекомендовался как работник КГБ. Избили так, что соседи принесли на руках. В больницу идти отказался, боясь, что там доконают. Ужас!

Собрался итти к С. В., но тут пришла Таня В[еликанова] за материалами. С. В. ответила лишь на 11 писем (остальные муть или устарели).

¹²⁸ Название магазина.

¹²⁹ Софа Шапиро — однокурсница А. Сахарова и подруга Томар Фейгин (мамы Ефрема).

В амер. посольство явился неизвестный с бомбой, угрожает взорвать, если не дадут визы. Я думаю, что это КГБ¹³⁰. У С. В. подписал 11 писем.

30/III. Этот неизвестный — некто Юрий Власенко из Орджоникидзе. В 1956 г. согласно звонку анонима в Асс. Пресс, обращался в это Агентство и [позже] к «группе защиты прав человека» (Хельс. группа?). Власенко взорвал себя, когда вошли ГБ-исты, умер в больнице. В Известиях лживо-негод. статья. Имя Власенко не названо. Есть имя Прингла.

С утра был у Любы, отдал лек[арства] и рецепт. Они до сих пор держат Гришу в манеже, не пускают на пол! Идиоты. Ссылаются, что он был нездоров. Гриша очень мил! Потом был в поликлинике. По дороге купил бечевки.

ГА [«Голос Америки»] передавал мое обращение об адвентистах, очень неточно. Сказано, что я выступаю за Шелкова и Лепшина только. Непонятно, почему они так врут. У меня написано, что Шелкову 84, а они передают 83 и т. д. Даже не упомянули в числе адресатов Всемирный Совет Церквей. Лучше не слушать, каждый раз расстраиваешься.

Я просил корр. ЮПИ (фам. не помню) и Асс. пресс (Сета Майдена) постараться исправить, но не очень надеюсь. Что подумали обо мне родные Маслова, Спалиня и Фурлет: в передаче сказано, что я не выступил, т. к. они осуждены на меньшие сроки (5 лет, 3 года и 2 года).

¹³⁰ Это предположение оказалось неправильным.

[мое продолжение 1979 года (после 30 марта и до 1980 года)]

■ На этом дневник 1979 года обрывается. Следующая тетрадь (№ 3) была украдена КГБ. Но жизнь продолжалась, и в ней, кроме обычной рутины (письма в защиту, интервью, пресс-конференции, обед приготовить, дом убрать, белье постирать, книгу почитать, в лесу побродить), были события, не только вторгающиеся в быт и в бытие, но и сказавшиеся на нашей дальнейшей судьбе.

Я вернулась из США в Италию 2 апреля. Провела еще 10 дней в глазной клинике в Сиене, где на этот раз обошлась без операции. И 15 апреля прилетела в Москву.

В Шереметьеве повторилась ставшая уже привычной «шутка» КГБ. У машин — нашей и приехавших встречать меня друзей и корреспондентов — опять были проколоты шины. А дома я обнаружила, что при таможенном досмотре, который я прошла на удивление быстро, из моих двух чемоданов и довольно большой сумки исчезло множество мелких вещей, то, что везла как подарок, в том числе, духи и косметика, женское нижнее белье и краски для пасхальных яиц. Все вещи явно вне политики, просто банальное таможенное воровство.

Андрей выглядел утомленным и одновременно возмущенным. У него расстроился сон, чего раньше

никогда не было. Но сновидных в мое отсутствие он не принимал. И впредь принимал крайне редко. Сказал: «для сна достаточно, чтобы ты была коленками в живот». И действительно, сон наладился. Но все же, видимо, сказалось потрясение, которое он пережил в связи с судом и смертной казнью трех армян, обострение в состоянии Юры и Тани. И то, что Дима непонятно чем попал в больницу, и его вторичное исключение из института, которое Андрей остро переживал. Ну и мое отсутствие. Через несколько дней все это разрешилось гипертоническим кризом (без меня он регулярно давление не мерил) и последующим спазмом мозговых сосудов. Ему назначили постельный режим — хотели госпитализировать, но он категорически отказался. Сказал, что еще какое-то время без меня просто не выдержит. Через несколько дней Андрей вполне пришел в себя (главное — отоспался), и врачи решили, что к началу мая он сможет перейти на обычный режим.

А 20 апреля пришло неожиданное сообщение, что помилованы и освобождены четверо рижан, осужденных по ленинградскому «самолетному» процессу, и последний из осужденных по ленинградскому же «околосамолетному». В этот же (или на следующий) день я вылетела в Ригу. И 22-го мы в пятером — Анатолий Альтман, Арье Хнох, Борис

Пэнсон, Вульф Залмансон и я — на поезде приехали в Москву. Они хотели продлить свои выездные визы, которые были им выданы в момент освобождения с указанием срока выезда до 27 апреля. А Вульф Залмансон надеялся получить до отъезда из страны разрешение на свидание с младшим братом Семеном, который за год или полтора до этого был осужден по уголовному делу.

С вокзала мы все приехали к нам на улицу Чкалова. Они по очереди принимали душ и готовились к «выходу в свет», мама их кормила. А Андрей обсуждал возможности для получения отсрочки виз. Потом за ними приехал кто-то из еврейских активистов. И больше мы их не видели. Свидания Вульфу не дали и визы им не продлили.

И тут случилось другое еще более неожиданное событие. В ночь с 27 на 28 апреля по всем «вражьи́м» голосам сообщили, что пять пзк — Марк Дымшиц, Эдуард Кузнецов, Александр Гинзбург, Валентин Мороз и пастор Георгий Винс — обменены на двух советских шпионов¹³¹, отбывавших наказание в США. Что все пять уже в другом полушарии, в Нью-Йорке.

В эту же ночь Андрей и я сделали заявление об этом. А 30 апреля он отправил письмо Л. И. Бреж-

¹³¹ Советские шпионы, бывшие сотрудники ООН Черняев и Энгер, осужденные в США на большие сроки.

неву с призывом помиловать трех оставшихся в заключении «самолетчиков», у которых были самые большие сроки заключения: Иосифа Менделевича, Юрия Федорова и Алексея Мурженко. Андрей воспринимал это как вопиющую несправедливость. Он считал, что это месть Федорову и Мурженко за то, что они — русские — затесались в еврейскую компанию. А Менделевича, по мнению Андрея, не освободили, потому что он один из всех был не просто евреем по паспорту, а глубоко верующим иудеем. Потом в их защиту Андрей писал мае, в июне и еще неоднократно. И каждый раз мы получали из различных советских инстанций стандартный ответ: «Осуждены правильно. Оснований для пересмотра дела нет». И я аккуратно в стопочку складывала эти ответы, пока при очередной краже сотрудниками КГБ наших документов они не вернулись в недра тех канцелярий, из которых были посланы.

В эти дни и особенно после освобождения Эдика, Алика и других мы были несколько в эйфории. Но Лиза в эти дни, видимо, очень остро стала ощущать безнадежность своего положения, и в наш дом чуть не пришла настоящая беда. Она выпила целую горсть снотворного. Я заметила ее неадекватное состояние и заторможенность, вызвала скорую помощь, и несколько дней Лиза провела в больнице.

Еще когда у нас в доме были освобожденные и с визами на руках четверо самолетчиков, мы с Андреем (кто больше виноват?) сделали попытку устроить? организовать? (совершенно не знаю, какой глагол тут употребить) Лизе фиктивный брак с кем-нибудь из них. И Андрей разговаривал об этом с Альтманом и Пэнсоном. И позже в отношении них написал, на мой взгляд, несправедливо слово «предательство».

Идею высказал впервые Юра Белов в отношении самого себя, что ему надо для выезда вступить в фиктивный брак с еврейкой. И советовал нам этот путь для Лизы. Он сказал: «Все так делают и иногда даже за деньги», и Андрей с ним согласился. Так это самое «все так делают» пришло к нам в дом. А что нам нельзя (собственный запрет — нельзя как все), в голову не пришло. И Окуджава в этой связи «Я Павел Первый, мне нельзя» вспомнился мне только через пару месяцев.

Наверно, становлению этой бредовой и не очень чистой идеи (мне до сих пор за нее стыдно) способствовало то, что появилось несколько молодых холостых мужчин (освобожденные самолетчики, Петя Винс, вышедший из лагеря на ссылку Слава Глузман, Андрей Твердохлебов), у которых виза на выезд практически уже лежала в кармане.

С Глузманом говорила я, и он очень искренне мне объяснил, что он связан с другой женщиной и надеется, что она приедет к нему в ссылку. И, насколько я знаю, все у него сложилось счастливо. Я ездила к нему в Тавду вместе с еврейским отказником Женей Цыплиным не в связи с идеей фиктивного брака, а чтобы облегчить выход из голодовки, которую он держал на этапе. Мы привезли соки, еду, витамины и кое-какие вещи. Помогли найти комнату и несколько обустроиться. В Тюмени нас пытались задержать и применили обычную практику — отменили автобусы. Но мы за 50 рублей (огромные деньги) доехали на большущем самосвале. А в 1991 году Председатель КГБ России Иваненко (теперь крупный нефтяной бизнесмен, а тогда Тюменский начальник обл. КГБ) признался мне, что получил большой нагоняй от московского начальства за то, что не смог меня завернуть. Позже еще раз Глузману еду и всякие вещи отвозила Лиза.

Пете Винсу Андрей изложил просьбу о фиктивной женитьбе в письме, которое ему в Киев повезла Мальва. Но ее задержали, обыскали, и письмо это фигурировало в каком-то фельетоне в газете «Неделя». Так нам дурням и надо, раз забыли, что нам нельзя.

И у Андрея (моего) был разговор с Андреем Твердохлебовым. Разговор на бумаге. Он сохранился

у меня. Несколько больших листов из блокнота. Этот разговор не просто обидел Андрея (моего), а глубоко задел, даже ранил. Твердохлебов, прекрасно понимая сложность нашей ситуации, испытывал нечто вроде удовольствия от того, что Андрей не представляет, как ее можно разрешить, растерян и просит у него помощи. И это вместе с отказом в помощи как-то льстило Твердохлебову, может, даже возвышало в собственных глазах. Резюмируя разговор, Твердохлебов написал расхожую фразу — «Это ваши собственные проблемы» и еще что-то унижительно обидное. Андрей (мой) человек необидчивый и уж совсем незлопамятный. Но этот случай для него оказался особым. Он как бы вычеркнул Твердохлебова из своей памяти и никогда больше им не интересовался. Но тогда, сразу после этого разговора, задал мне (а больше себе) риторический вопрос: «А почему их проблемы становятся моими?». Это при том, что к семье Твердохлебова, его маме Сарфе Юльевне, сестре Юлии и отчиму Борису Германовичу Заксу всегда (и тогда, и до последних дней жизни) относился с большой теплотой.

В это время не помню ссор с детьми Андрея. Кажется, все самые острые углы сгладились. Но только Андрея все больше беспокоило безделье Димы и полная неопределенность его будущего — парню 22 года и ни учебы, ни работы.

Однажды случайно на прогулке мы с Андреем встретились с Зельдовичем. Может, лес располагал к контактности, может, еще что? Разговорились. Андрей посетовал на Диму, и Яков Борисович сказал запомнившуюся мне фразу — «у него психология наследника». Никакие Андреевы сомнения о собственной виноватости, Диминой болезни (реальной или надуманной), упущенности из-за занятости отца Зельдович не признавал. Он даже спросил Андрея, знает ли он вокруг хоть одного не занятого отца, а у многих детей и всегда занятая мать.

В это лето мы больше, чем во все предыдущие годы, жили на даче, в город ездили редко — по особым случаям. Одним из таких был приезд Аннемарии и Генриха Бёллей. Это был их последний приезд в Москву. И наша последняя встреча с ними. Была она у Копелевых (куда я привезла еще теплыми любимый Генрихом мой цимес и всеми везде уважаемую мою ватрушку) как всегда теплой, но невеселой. С болью вспоминали Костю Богатырева. И у Генриха и Андрея продолжался (так никогда и не окончился!) спор о ядерной энергетике. Начался он письмом Генриха, которое Андрей получил в июне. Продолжился в застольной беседе у Копелевых в июле и закончился письмом Андрея к Генриху 28 июля. Думаю, неудовлетворенность беседой за столом заставила

Андрея в конце письма написать: «По складу характера мне гораздо легче переписываться, чем говорить». Но мне Андрей тогда сказал, что время защитит ядерную энергетику и все поставит на свои места. И хотя «время» Чернобылем сыграло против него, однако не поколебало его убежденности в ее необходимости.

А лето было хорошим. Приехали все трое наши пушкинские, так что мы вдоволь общались. Лиза ездила с дачи на свои полусуточные дежурства на работу в вычислительный центр. Однажды Люба и Саша привезли начинавшего ходить очень забавного Гришу. И почти каждый вечер бывали гости. А Андрей вдохновенно взбивал свой любимый мусс из малины собственного сбора.

И хотя в эти месяцы Андрей написал много право-защитных документов, большую часть времени он отдавал физике. Но он еще втянулся в работу над «Воспоминаниями», и она перестала казаться ему ненужной. Я печатала все это, не торопясь. И вместо ночных бдений за машинкой, мы с ним, как юные влюбленные, у которых нет крыши над головой, гуляли далеко за полночь под звездным небом. А крыша нас дождалась. Вот в одну из таких ночей, наблюдая августовский звездопад, Андрей сказал мне, что во всем мироздании у него самое любимое — это реликтовое излучение. Я это Андрюшино «самое любимое» восприняла вне его физи-

ческого смысла, как некое тепло, идущее из бесконечной Вселенной и невообразимо долгого времени, но не ко всем, а только к избранным. И Андрей избранный. А я? Он сказал на это свое обычное: «Ты это я», но свою избранность не отрицал. Лето это оказалось не только хорошим, но последним в Жуковке. Больше мы там никогда не жили.

После Горького, разыскивая Диму, Андрей два раза съездил в Жуковку. И я один раз была там уже после его смерти с Борей Альтшулером и Толей Шабаром. Хотела найти какие-то бумаги и забрать книги. Не нашла ничего, кроме нескольких книг. И такую запущенность, как... Хотела написать «на кладбище». Нет — кладбище люди убирают. Потом меня долго мучило воспоминание, как я все хотела создать там уют: абажур, занавески, самовар на столе. Такое своеобразное «Реликтовое излучение».

Через несколько лет дача была продана (1994? 1995?), но до этого я все платила и платила за нее довольно большие деньги. А недавно (2002 год) в популярной ТВ передаче «Дачники» сказали: «Боннэр продала дачу». Хотя продали ее сообща все наследники: трое детей Андрея, его брат и я. Миф о злой мачехе жив.

В сентябре мы пару недель провели в Сухуми. И вновь столкнулись с Копелевыми, которые привели к нам отдохавших там Кому Иванова и его

жену. Я имела неосторожность сказать Леве Копелеву в каком-то легком разговоре о любви (почти трепе), что у Андрея «самое любимое». И Копелевы — Ивановы уговорили Андрея прочесть им нечто вроде лекции о реликтовом излучении и о черных дырах. А Кома в свою очередь написал стихи о реликтовом излучении и познакомил со своим аспирантом и будущим президентом Абхазии Владиславом Ардзинбой. И он пригласил нас в горную деревню на свадьбу. Свадьба была большая, не меньше чем на 500 человек. Наверно, съехались люди со всего района. Под длиннющим деревянным навесом накрыт был длиннющий, блестящего дерева, еще пахнувшего смолой, стол. Жених, стоя у начала этого стола, принимал поздравления. Но невесты за столом не было. К ней в дом пускали только женщин. И была она прехорошенькая. Так что жаль — не всем показали. А по дороге на свадьбу я чуть не совершила оплошность. Попросила таксера, который вез нас с Андреем, заехать на базар, чтобы купить цветы. Но он сказал, что у абхазов дарить на свадьбу цветы нельзя — «дурная примета».

В ноябре этого года Лиза получила вызов от Тома Самойловны Фейгин и подала документы в ОВИР, т. е. мы решили, что надо идти путем, обычным для всех, стремящихся эмигрировать, а не добиваться выезда непосредственно в США.

А в Москве эта осень была разгромной. Чуть ли не ежедневно приходили сообщения о новых арестах на Украине, в Армении, в Прибалтике, в Ленинграде. В Москве были арестованы Глеб Якунин, Виктор Некипелов, Татьяна Великанова. В октябре, ноябре и декабре Андрей написал десятки писем в защиту арестованных, дал десятки интервью. У нас дома прошла большая пресс-конференция, на которой было объявлено о создании Комитета защиты Татьяны Великановой и всех вновь арестованных.

27 декабря все вещавшие на СССР западные радиостанции сообщили о вторжении советской армии в Афганистан и, кажется, о гибели Амина (а может, это сообщение было позже?). И через день было созвано чрезвычайное заседание Генеральной Ассамблеи ООН. «Свобода» передавала его в переводе на русский всю ночь. И мы втроем — мама, Андрей и я (Лиза была на работе в ночную смену) — сидели на кухне, склонившись к приемнику, и ловили каждое слово диктора. Глушилки почему-то не было. Но напряженность и внутренняя дрожь напоминали то состояние, которое было, когда 22 июня 1941 года слушали из черной тарелки на улице речь Молотова. И у меня все время как молоток в голове стучал (другого слова не знаю) вопрос: «Что, снова? Снова?».

30-го или 31-го декабря Андрей решил, что нужен серьезный разговор (интервью или статья?) об Афганистане, и договорился с Тони Остином об интервью для «Нью-Йорк Таймс» на 2 января 1980 года.

А у нас дома (как во всех домах) Новый Год. И что-то мы напекли и нажарили. И были какие-то подарочки. И свечки на елке. И мы четверо. И какие-никакие (мало, но в Новый Год всегда мало, потому что приходят обычно только «бездомные») гости. Был Мейман, Юра (брат Андриюши, он всегда с 1972 года встречал Новый Год у нас) и почему-то из Горького приехал Феликс Красавин¹³². (Вот написала и засомневалась, может, Феликс встречал с нами не 1980-ый, а 1979 год? Ведь четверть века с тех пор прошло). ■

[стихи в ночь на 1 января 1980 года]

Ты у нас и сам «поэт»,
Потому смолкает «Дед»
И, представив место Аде,
Отступает в ретираде.

Чкаловский Дед Мороз [Е. Боннэр]

¹³² Как напророчил своим приездом, что нам предстоит Горький.

Тебе подарка не купил,
Хотя о том не позабыл —
Была задача мне трудна.
Одна надежда тут видна —
Что я растяпой в этом роде
Не буду больше в новом годе!
{Замечаешь плагиат? Не один такой я хват.}¹³³

Глубокомысленное

Елка иглами шевелит,
Пустомеля что-то мелет,
Умный что-то тихо гложет,
Каждый делает, что может.

¹³³ Намек на мой стишок Андрею 31 декабря 1978 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
До Дневников	23
Год 1970	25
Год 1971	51
Год 1972	91
Год 1973	163
Год 1974	213
Год 1975	251
Год 1976	317
Дневники	327
Год 1977	329
Год 1978	575
Год 1979	815

Литературно-публицистическое издание

Андрей САХАРОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Дневники. Том 1

Редакторы

Елена Холмогорова, Михаил Холмогоров

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Верстка

Елена Кот

Подписано в печать 15.05.2006. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага для ВХИ. Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,3.
Тираж 2000 экз. Заказ № 360.

«Время»

115326, Москва, ул. Пятницкая, 25.

Телефон: (495) 231 1864

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

